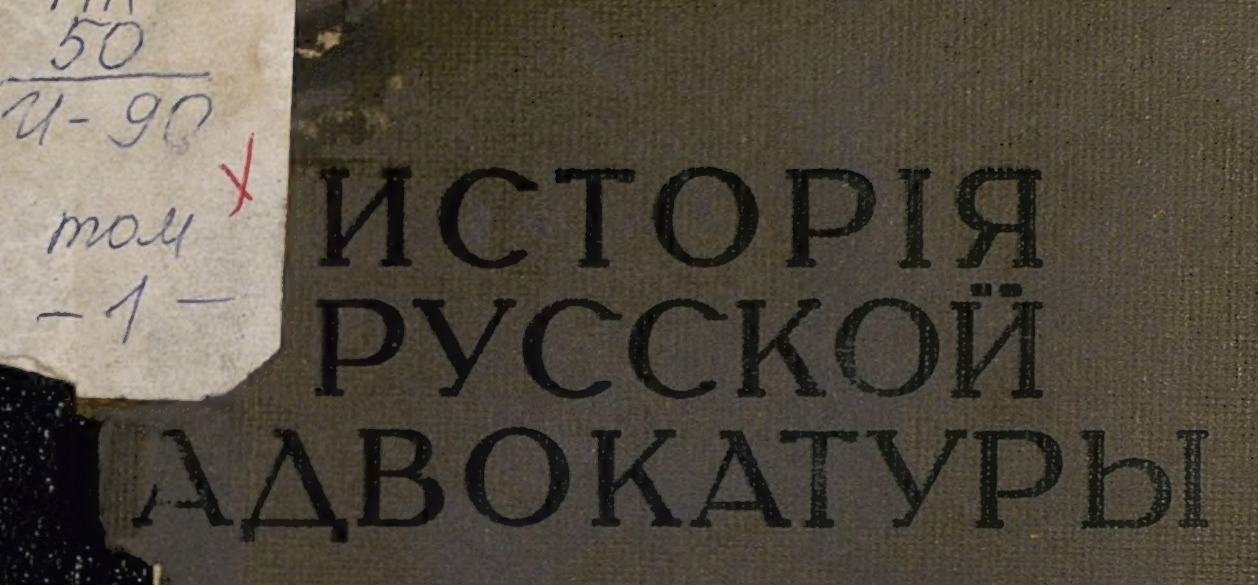

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

І. В. ГЕССЕНЪ.

АДВОКАТУРА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО.

1864 $\frac{20}{XI}$ 1914

ИЗДАНІЕ
СОВѢТОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.
МОСКВА.—1914.

Гессен

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ.

Александр Тиняк
17-го іюня 1920.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ

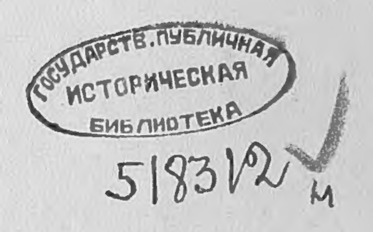
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

І. В. ГЕССЕНЪ.

АДВОКАТУРА, ОБЩЕСТВО и ГОСУДАРСТВО.

1864 20/XI 1914.

ИЗДАНІЕ
СОВѢТОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.
МОСКВА. — 1914.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

СОДЕРЖАНIЕ.

ОТЪ КОМИССІИ

ПО ИЗДАНІЮ „ИСТОРІИ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ".

Мысль объ изданіи «Исторіи русской адвокатуры» неоднократно возникала среди присяжныхъ повѣренныхъ. Составленіе свода правилъ и обычаевъ русской адвокатуры являлось неоднократнымъ требованіемъ общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ. Еще въ 1882 г. петроградскимъ Совѣтомъ была выработана программа такого свода, а къ двадцатипятилѣтію существованія адвокатуры тѣмъ же Совѣтомъ была подана мысль объ изданіи Исторіи Судебныхъ Уставовъ, какъ памятника, создавшаго адвокатуру (отчетъ петроградскаго Совѣта 1890 г., стр. 10). Однако, эта мысль не получила осуществленія.

28 октября 1911 г. членъ московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Я. И. Лисицынъ, въ виду предстоящаго пятидесятилѣтняго юбилея адвокатуры, внесъ въ Совѣтъ предложеніе учредить три преміи за лучшія изслѣдованія по исторіи русской адвокатуры и сообщить другимъ Совѣтамъ о возбужденіи этого вопроса и желательности совмѣстнаго обсужденія его.

Было, однако, признано, что въ результатѣ учрежденія преміи едва ли можно разсчитывать получить достойное юбилейное изданіе, вслѣдствіе недостаточности научныхъ силъ, неразработанности соотвѣтственнаго матеріала и почти полнаго отсутствія литературы предмета. Полагали, что путемъ учрежденія премій можно было бы получить нѣсколько

конкурирующихъ между собою небольшихъ произведеній на данную тему, что не соотвѣтствовало бы желанію осуществить въ юбилейный годъ русской адвокатуры солидное изслѣдованіе по ея исторіи.

Чтобы приступить къ практическому разрѣшенію вопроса объ изданіи «Исторіи русской адвокатуры», московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ 19 декабря 1912 года постановилъ поручить членамъ Совѣта: В. А. Капеллеру, Н. К. Муравьеву и Н. В. Тесленко вступить въ сношенія съ петроградскимъ Совѣтомъ для совмѣстнаго обсужденія предположеній, касающихся изданія исторіи.

Для исполненія этого порученія, 17-го января 1913 года члены московскаго Совѣта Н. К. Муравьевъ и Н. В. Тесленко приняли участіе въ совѣщаніи петроградскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ составѣ предсѣдателя Д. В. Стасова, товарища предсѣдателя М. В. Бернштама и членовъ Совѣта: В. В. Благовѣщенскаго, М. Б. Горенберга, М. В. Каплана, В. А. де-Плансона, В. Д. Кузьмина-Караваева, П. Н. Переверзева, Н. Н. Раевскаго, кн. Г. Д. Сидамонъ-Эристова и Г. Ф. Юнкера. Въ этомъ совѣщаніи предположеніе объ изданіи «Исторіи русской адвокатуры», встрѣтивъ полное сочувствіе, подверглось предварительной разработкѣ. Въ результатѣ совѣщаніе признало необходимымъ, чтобы московскій Совѣтъ выработалъ программу изданія и затѣмъ представилъ ее на разсмотрѣніе всѣхъ Совѣтовъ, послѣ чего можно было бы приступить къ ея осуществленію.

Для выработки программы изданія, московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ 30-го января 1913 г. образовалъ въ своемъ составѣ комиссію изъ членовъ Совѣта: В. А. Капеллера, Я. И. Лисицына, Н. К. Муравьева, Н. В. Тесленко и Г. В. Филатьева. По порученію комиссіи, Н. В. Тесленко составилъ докладъ, который былъ представленъ комиссіей московскому Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Въ этомъ докладѣ было изложено, между прочимъ, слѣдующее:

«20-го ноября 1914 года исполняется пятидесятилѣтіе со времени изданія Судебныхъ Уставовъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Это пятидесятилѣтіе является также юбилеемъ того законодательнаго акта, отъ котораго ведетъ свое на-

чало сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ Россіи. Для русской адвокатуры невозможно не принять широкаго участія въ ознаменованіи первыхъ пятидесяти лѣтъ своего существованія, имѣвшихъ въ жизни адвокатуры огромное значеніе. Помимо тѣхъ торжествъ, которыя ознаменуютъ этотъ день, возникла мысль подвести полувѣковому существованію адвокатуры итоги, являющіеся тѣмъ болѣе знаменательными, что это были первые полвѣка ея жизни, оглянуться на прошлое и уяснить тѣ задачи, которыя открываются въ будущемъ».

«Но для того, чтобы осуществить это, необходимо собрать матеріалъ, который въ большомъ количествѣ накопился въ теченіе полувѣковой жизни адвокатуры. Матеріалъ этотъ до сихъ поръ не собранъ въ литературѣ, если не считать немногихъ попытокъ, имѣвшихъ мѣсто много лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, жизнь котораго проходитъ въ разныхъ судебныхъ округахъ, постоянно нуждается въ томъ, чтобы имѣть доступъ къ опыту, накопленному жизнью различныхъ сословныхъ учрежденій. Поэтому собрать весь этотъ матеріалъ, обработать его и открыть къ нему доступъ для всѣхъ является задачей, чрезвычайно важной для сословія, не говоря о значеніи этой задачи съ точки зрѣнія общественной и научной».

«Уже давно въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ зародилась мысль связать съ днемъ пятидесятилѣтія Судебныхъ Уставовъ изданіе солиднаго труда, посвященнаго исторіи русской адвокатуры. Въ началѣ препятствіемъ къ осуществленію этой задачи являлся недостатокъ средствъ, но членъ Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, В. А. Капеллеръ, пришелъ навстрѣчу этому замыслу и, пожертвовавъ на изданіе 5000 рублей, положилъ начало его практическому осуществленію».

Переходя къ вопросу о способахъ осуществленія изданія, Комиссія въ своемъ докладѣ высказала слѣдующія соображенія.

«Все изданіе «Исторіи русской адвокатуры» едва ли можетъ быть трудомъ одного лица. Несомнѣнно, въ этомъ изданіи должна быть часть, посвященная историко-литератур-

ному изложенію общей исторіи адвокатуры, той роли, которую она играла въ русскомъ обществѣ, тѣмъ теченіямъ, которыя въ ней наблюдались, и тому положенію, которое она занимаетъ сейчасъ. Трудъ этотъ будетъ одной изъ главныхъ частей «Исторіи адвокатуры», и его надлежитъ исполнить одному лицу. Но затѣмъ, помимо того, задуманный трудъ долженъ заключать въ себѣ подробную разработку исторіи всѣхъ учрежденій адвокатуры и главнѣйшихъ вопросовъ, возникавшихъ въ ея жизни. Въ основу работы должны быть положены всякаго рода документы, хранящіеся въ архивахъ какъ Совѣтовъ, такъ и Судовъ, а также тѣхъ учрежденій, которыя, не будучи офиціально Совѣтами, исполняютъ ихъ функціи и носятъ названіе Комиссій присяжныхъ повѣренныхъ. Къ числу такихъ документовъ слѣдуетъ отнести и литературныя работы, которыя нашли себѣ мѣсто либо въ спеціальной, либо въ общей литературѣ. На основаніи всего этого долженъ быть данъ историческій очеркъ всѣхъ учрежденій и вопросовъ, имѣющихъ существенное въ жизни адвокатуры значеніе. Несомнѣнно, эти очерки могутъ принадлежать перу разныхъ лицъ, и трудъ можетъ быть коллективнымъ, тѣмъ болѣе, что по каждому изъ вопросовъ авторами могутъ явиться отдѣльныя лица, обладающія спеціальными познаніями».

«Помимо того, въ изданіе должны войти историческіе очерки Совѣтовъ и другихъ организацій присяжной адвокатуры, біографіи выдающихся адвокатовъ, воспоминанія и т. п. Въ результатѣ получится изданіе значительныхъ размѣровъ, отъ двухъ до четырехъ томовъ. Большой заслугой изданія будетъ, если удастся съ достаточной полнотой исчерпать исторію жизни адвокатуры и дать характеристику современнаго ея положенія, если изданіе будетъ удовлетворять научнымъ и литературнымъ требованіямъ и въ то же время сдѣлается драгоцѣнымъ справочникомъ для всѣхъ, кто работаетъ на пользу сословія присяжныхъ повѣренныхъ».

«Осуществленіе такого изданія возможно лишь при полномъ сочувствіи адвокатуры и при дѣятельной и энергичной поддержкѣ съ ея стороны. Составленію очерковъ по отдѣльнымъ вопросамъ должно предшествовать собираніе

матеріаловъ, которое можетъ быть осуществлено лишь при содѣйствіи Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и замѣняющихъ ихъ учрежденій. Лишь эти учрежденія могутъ извлечь изъ своихъ архивовъ всѣ матеріалы, которые затѣмъ послужатъ источникомъ для разработки ихъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Лишь при полномъ сочувствіи и желаніи содѣйствовать этому изданію со стороны адвокатуры возможенъ также и матеріальный успѣхъ предпріятія. Та сумма, которая въ настоящее время имѣется въ распоряженіи московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, достаточна только для того, чтобы начать изданіе, но большая часть средствъ должна быть дана всей адвокатурой въ видѣ подписки на изданіе».

«Несомнѣнно, задуманная работа является предпріятіемъ обширнымъ и представляющимъ трудности при своемъ осуществленіи, говоритъ докладъ Комиссіи въ своей заключительной части, но позволительно надѣяться, что настоятельная необходимость такого изданія, значительность цѣлей, положенныхъ въ его основу, а также существенная польза, которую оно принесетъ адвокатурѣ въ тотъ моментъ, когда въ жизни ея неотступно поднимаются вопросы, требующіе своего разрѣшенія,—все это заставитъ русскую адвокатуру съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ этому предпріятію и съ полнымъ единодушіемъ напрячь свои силы для его осуществленія».

Что касается программы изданія, то Комиссія московскаго Совѣта намѣтила ее въ слѣдующемъ видѣ:

1. Исторія адвокатуры въ Россіи до судебной реформы.

2. Судебная реформа въ связи съ реформами 60-хъ годовъ.

3. Адвокатура по Судебнымъ Уставамъ 1864 г. Сравненіе съ адвокатурой на Западѣ.

4. Послѣдующее законодательство объ адвокатурѣ. Проекты Муравьевской комиссіи. Проекты послѣдняго времени.

5. Введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ.

6. Первые присяжные повѣренные. Образованіе первыхъ Совѣтовъ. Общая исторія русской адвокатуры. Общій обзоръ: 1866—1870, 1870—1881. Восьмидесятые годы: 1881—1891; 1891—1905, послѣ 1905 года. Современное положеніе. Итоги.

7. Статистика роста адвокатуры. Распредѣленіе по столицамъ, губернскимъ и уѣзднымъ городамъ и мѣстечкамъ. Адвокатура по судебнымъ округамъ по мѣрѣ ихъ территоріальнаго распространенія.

8. Исторія общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ. Ихъ организація и компетенція.

9. Исторія Совѣтовъ.

10. Личные составы Совѣтовъ.

11. Организація Совѣтовъ. Комиссіи при Совѣтахъ. Правила внутренняго распорядка. Наказы. Дисциплинарная отвѣтственность членовъ Совѣтовъ.

12. Организаціонная дѣятельность Совѣтовъ. Денежныя средства и капиталы Совѣтовъ, сословные сборы, недоимки, борьба съ ними, отчетность, контроль. Канцеляріи, ихъ составы. Составленіе и изданіе отчетовъ, ихъ содержаніе. Помѣщенія Совѣтовъ. Библіотеки.

13. Судебная дѣятельность Совѣтовъ. Статистика движенія дисциплинарныхъ дѣлъ и налагаемыхъ взысканій. Порядокъ разсмотрѣнія дисциплинарныхъ дѣлъ. Подсудность по мѣсту совершенія дисциплинарнаго проступка.

14. Общій обзоръ правилъ поведенія, вытекающихъ изъ практики Совѣтовъ.

15. Вопросы, интересовавшіе сословіе присяжныхъ повѣренныхъ: адвокатская тайна, совмѣстительство, веденіе неправыхъ дѣлъ, отказъ отъ защиты и др.

16. Административная дѣятельность Совѣтовъ: пріемъ въ сословіе, назначеніе членовъ сословія для веденія дѣлъ по праву бѣдности, отчисленіе изъ сословія вслѣдствіе пребыванія въ другомъ округѣ и пр.

17. Взаимопомощь въ сословіи. Кассы взаимопомощи. Проекты пенсіонныхъ кассъ. Благотворительная помощь.

18. Учрежденія, замѣняющія Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ. Окружные Суды. Ихъ дѣятельность.

19. Адвокатура и магистратура: Мировые Судьи, Окружные Суды, Судебныя Палаты, Сенатъ, Министерство Юстиціи. Прокуратура въ ихъ отношеніяхъ къ адвокатурѣ.

20. Земскіе начальники, Уѣздные Съѣзды, Губернскія Присутствія и адвокатура.

21. Вопросъ о переполненіи адвокатуры. Комплектъ.

22. Вопросъ о таксѣ. Исторія десятипроцентныхъ отчисленій.

23. Экономическое положеніе адвокатуры прежде и теперь.

24. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Законъ. Статистика. Исторія организацій помощниковъ. Современное положеніе. Вопросъ о стажѣ и личномъ патронатѣ.

25. Присяжные стряпчіе.

26. Частная адвокатура. Нелегальная адвокатура.

27. Общеніе адвокатовъ. Клубы, съѣзды, союзъ.

28. Еврейскій вопросъ въ адвокатурѣ.

29. Женскій вопросъ въ адвокатурѣ.

30. Юридическая помощь населенію. Консультаціи. Защиты по назначенію. Земская адвокатура. Защиты по дѣламъ политическимъ, религіознымъ и имѣющимъ общественное значеніе.

31. Уголовная и гражданская адвокатура. Ея исторія. Теченія и направленія въ той и другой.

32. Участіе адвокатуры въ спеціальныхъ учрежденіяхъ: юридическія общества, союзъ криминалистовъ, патронаты, благотворительные тюремные комитеты и пр.

33. Участіе адвокатуры въ литературѣ общей и спеціальной.

34. Участіе адвокатуры въ общественной и политической жизни страны.

35. Біографіи.

36. Мемуары. Воспоминанія.

37. Библіографія.

38. Практика Судебныхъ Палатъ, Сената и другихъ учрежденій по вопросамъ, касающимся адвокатуры.

39. Снимки съ фотографій, документовъ и зданій.

Московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, заслушавъ изложенный выше докладъ комиссіи въ засѣданіи 27-го февраля 1913 г., одобрилъ его и постановилъ: сообщить

копію доклада Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбой прислать свои отзывы.

Всѣ Совѣты съ полнымъ единодушіемъ признали необходимость изданія «Исторіи русской адвокатуры», выразили готовность принять участіе въ расходахъ на изданіе и поручили предварительную разработку его плана московскому Совѣту.

Вслѣдъ затѣмъ московскій Совѣтъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся изданія, созвалъ совѣщаніе представителей Совѣтовъ и замѣняющихъ ихъ органовъ сословнаго самоуправленія. Совѣщаніе состоялось 24-го марта 1913 года въ Москвѣ. Въ немъ приняли участіе отъ московскаго Совѣта: Д. Н. Доброхотовъ, А. А. Воскобойниковъ, В. А. Капеллеръ, П. П. Кореневъ, А. Р. Ледницкій, Я. И. Лисицынъ, А. Н. Марковъ, К. П. Михновскій, Н. К. Муравьевъ, Н. В. Тесленко и Г. В. Филатьевъ; отъ петроградскаго Совѣта: М. В. Беренштамъ, Л. А. Базуновъ, М. В. Капланъ, В. А. де-Плансонъ, Н. Н. Раевскій; отъ харьковскаго Совѣта: С. А. Козловъ и Б. Г. Пушкаревъ; отъ казанскаго: Ф. А. Брокмиллеръ; отъ кіевской консультаціи: А. С. Гольденвейзеръ, Я. С. Гольденвейзеръ, И. В. Малютинъ; отъ одесскаго Совѣта: Я. Э. Либерманъ и отъ саратовскаго Б. Б. Араповъ и К. Ф. Юстусъ.

Совѣщаніе одобрило выработанную московской комиссіей программу изданія, внеся въ нее нѣкоторыя дополненія, и признало необходимымъ полное содѣйствіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и замѣняющихъ ихъ сословныхъ органовъ при собираніи на мѣстахъ матеріаловъ для изданія. Совѣщаніе признало также, что на обязанности Совѣтовъ и замѣняющихъ ихъ органовъ лежитъ участіе въ расходахъ по изданію и забота о его распространеніи, при чемъ, въ случаѣ, если отъ изданія окажется прибыль, она должна быть обращена въ фондъ для основанія всероссійской адвокатской кассы взаимопомощи.

Для осуществленія изданія, совѣщаніе постановило учредить комиссію по изданію «Исторіи русской адвокатуры», давъ ей широкія полномочія какъ въ отношеніи редакціонной работы, такъ и въ отношеніи издательской части. Ко-

миссія должна быть избрана Совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ и замѣняющими ихъ сословными учрежденіями въ количествѣ: отъ столичныхъ Совѣтовъ по пяти членовъ и отъ остальныхъ по два, при чемъ комиссіи предоставлено право кооптаціи. Мѣстомъ ея пребыванія избрана Москва, а мѣстами засѣданій Петроградъ и Москва.

Въ комиссію по изданію «Исторіи русской адвокатуры» вошли слѣдующія лица: по избранію петроградскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, М. В. Беренштамъ, М. М. Винаверъ, Н. П. Карабчевскій, В. О. Люстихъ и В. Н. Новиковъ; по избранію московскаго Совѣта, В. А. Капеллеръ, П. П. Кореневъ, Н. К. Муравьевъ, Н. В. Тесленко и Г. В. Филатьевъ; отъ казанскаго Совѣта В. Ф. Баудеръ и Ф. А. Брокмиллеръ; отъ харьковскаго А. М. Александровъ и В. В. Лашкевичъ; отъ одесскаго Г. В. Блуменфельдъ и Я. Э. Либерманъ; отъ саратовскаго А. А. Никоновъ и В. Н. Полякъ; отъ новочеркасскаго Н. В. Грековъ и отъ омскаго С. В. Александровскій и П. В. Вологодскій. Комиссія включила въ свой составъ К. К. Арсеньева и М. В. Каплана (Петроградъ) и Д. Н. Доброхотова (Москва). Предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ В. А. Капеллеръ, товарищемъ предсѣдателя В. О. Люстихъ, секретаремъ и казначеемъ П. П. Кореневъ.

Комиссія для осуществленія возложенной на нее задачи, многократно засѣдала въ Петроградѣ и Москвѣ. Комиссія прежде всего приступила къ собиранію матеріаловъ, необходимыхъ для изданія и находящихся въ архивахъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ учрежденій. Для собиранія этихъ матеріаловъ комиссіей выработана подробная программа, которая была разослана Совѣтамъ съ просьбою прислать всѣ матеріалы къ 1 октября 1913 г. Къ сожалѣнію, сложность и трудность собиранія матеріаловъ значительно замедлили доставленіе ихъ Совѣтами, что не могло не отразиться на своевременности выхода въ свѣтъ всего изданія.

Въ то же время комиссія установила распредѣленіе всего матеріала по отдѣльнымъ томамъ. Первый томъ рѣшено было посвятить общему очерку «Исторіи русской адвокатуры». Въ немъ должна быть изложена исторія возникновенія адвокатуры и ея взаимоотношеній къ обществу и пра-

вительству. Выполненіе этой работы принялъ на себя, по предложенію комиссіи, І. В. Гессенъ.

Второй томъ предполагается посвятить сословной организаціи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Третій томъ будетъ состоять изъ двухъ частей: І-ая часть будетъ носить названіе: «Жизнь и дѣятельность адвокатуры», а вторая часть посвящается исторіи другихъ видовъ адвокатуры, стоящихъ внѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Четвертый томъ распадается на двѣ части: первую предположено посвятить адвокатской этикѣ, а вторую біографіямъ и мемуарамъ. Изданіе должно быть иллюстрировано снимками съ портретовъ, зданій и документовъ.

Три послѣдніе тома предположено составить изъ статей разныхъ авторовъ, при чемъ редактированіе второго тома принялъ на себя М. Н. Гернетъ, а третьяго и четвертаго — Н. Н. Полянскій.

Война не могла не отразиться на своевременности выхода въ свѣтъ изданія, создавъ для него разнообразныя затрудненія. Въ связи съ предположеніемъ отложить торжественное празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея присяжной адвокатуры, возникла мысль отсрочить выпускъ въ свѣтъ «Исторіи адвокатуры», но, въ виду неотложной надобности въ такомъ изданіи, комиссія рѣшила приложить всѣ усилія къ тому, чтобы осуществить изданіе, по возможности, въ намѣченные сроки. Въ частности война повліяла на художественную сторону изданія, лишивъ возможности заготовить снимки съ портретовъ въ художественныхъ мастерскихъ намѣченныхъ фирмъ.

Полагая начало осуществленію задуманнаго изданія, едва ли нужно говорить о значеніи, которое должно принадлежать труду, обозрѣвающему въ исторической перспективѣ судьбы русской адвокатуры. Долголѣтній опытъ не можетъ не быть поучительнымъ, заслуги адвокатуры передъ русскимъ обществомъ не могутъ не дать чувства удовлетворенія всѣмъ тѣмъ, кто связанъ съ адвокатурою профессіональными узами и преданностью ея интересамъ, а темныя стороны въ жизни адвокатуры, ошибки и недостатки дадутъ сословію матеріалъ для критической оцѣнки, составляющей

залогъ усовершенствованія. То обстоятельство, что мысль дать «Исторію русской адвокатуры» родилась въ нѣдрахъ самой адвокатуры, и что изданіе «Исторіи» будетъ сословнымъ дѣломъ, не послужитъ, конечно, препятствіемъ къ тому, чтобы печать объективности и безпристрастія лежала на всемъ трудѣ.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ, комиссія надѣется, что сословіе, организовавшее изданіе своей исторіи, окажетъ полное содѣйствіе успѣху изданія, которое должно остаться памятникомъ нравственнаго единенія русской адвокатуры и завѣтомъ уходящихъ поколѣній грядущимъ на тяжкій, но славный трудъ во имя торжества права и справедливости.

Москва. 20 ноября 1914 г.

Адвокатура, Общество и Государство

1864 $\frac{20}{XI}$ 1914.

Въ 1873 г. А. Я. Пассоверъ учредилъ въ Одессѣ меморіалъ одесскихъ присяжныхъ повѣренныхъ для того, чтобы „сохранить письменныя удостовѣренія разныхъ случаевъ, событій и приключеній, faits et gestes, которые относятся къ нашей профессіи, ко всему сословію или къ отдѣльнымъ дѣятелямъ". Изъ этихъ мелкихъ фактовъ,—писалъ А. Я. Пассоверъ,—складывается исторія, а ни для кого уроки исторіи не могутъ имѣть столько дѣйствительнаго значенія, какъ для адвокатовъ. Ибо адвокаты всюду ищутъ закона, а гдѣ его нѣтъ, тамъ руководствуются обычаемъ, а за неимѣніемъ и его держатся, по крайней мѣрѣ, прецедентовъ. In jure vivimus!

Къ сожалѣнію, учрежденіе меморіала не принесло практическихъ послѣдствій, въ немъ оказалось только двѣ, три отрывочныхъ записи. Осталось поэтому неосуществленнымъ желаніе увѣковѣчить память о томъ, «какъ на южной окраинѣ Россіи общество, публика, судъ, присяжные и, наконецъ, сами адвокаты понимали задачи и положеніе адвокатуры, какъ присяжные повѣренные исполняли обязанности, закономъ на нихъ возложенныя, и отстаивали права, тѣмъ же закономъ имъ присвоенныя».

Одесскій случай оказался какъ нельзя болѣе типическимъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ другихъ округахъ даже учреждать меморіалъ не пытались. Но время шло, факты и дѣянія накоплялись, исторія складывалась, и чѣмъ дальше,

тѣмъ все опредѣленнѣе становилась потребность изучить эту исторію и систематизировать ее на бумагѣ. Въ 1882 году петроградская адвокатура избрала комиссію для составленія свода общихъ правилъ и обычаевъ русской присяжной адвокатуры. Но дальше выработки программы, разосланной другимъ Совѣтамъ и не встрѣтившей отклика, дѣло не подвинулось. Въ разное время возникали такія же попытки и въ другихъ Совѣтахъ, но вездѣ онѣ остались безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Единственнымъ исключеніемъ является изданный въ 1891 г. въ Москвѣ подъ редакціей А. Е. Носа „Сборникъ матеріаловъ, относящихся до сословія присяжныхъ повѣренныхъ округа московской Судебной Палаты, съ 23 апрѣля 1866 г. по 23 апрѣля 1891 г.“.

По отношенію къ петроградскому округу неудачи сословныхъ попытокъ занести исторію на скрижали вполнѣ покрываются чрезвычайно цѣннымъ трудомъ К. К. Арсеньева: „Замѣтки о русской адвокатурѣ“ (Спб., 1875 г.) и обстоятельной книгой П. В. Макалинскаго —«С.-Петербургская адвокатура» (1889 г.). Но зато для позднѣйшаго времени, равно какъ для всего огромнаго пространства Россіи, особенно же для тѣхъ мѣстностей, гдѣ сравнительно недавно введено сословное самоуправленіе или гдѣ и вовсе не введено, имѣются лишь случайные, отрывочные матеріалы. Но даже и эти отрывочные матеріалы собрать оказалось весьма труднымъ. Напечатанное мною обращеніе съ просьбой о ихъ присылкѣ тоже осталось почти безрезультатнымъ. Съ другой стороны, г. государственный секретарь „затруднился разрѣшить“ мнѣ обозрѣніе Дѣла о преобразованіи судебной части въ Имперіи, хранящагося въ архивѣ Государственнаго Совѣта, а Министерство Юстиціи тоже „затруднилось“ предоставить въ распоряженіе Совѣта нѣкоторые матеріалы по пересмотру дѣйствующихъ законовъ о присяжныхъ повѣренныхъ.

При такихъ условіяхъ составленіе возложеннаго на меня комиссіей отвѣтственнаго труда встрѣтило серьезныя осложненія, и я не могу не сознавать, что недостатокъ матеріаловъ и въ особенности его неравномѣрность съ точки зрѣнія времени и пространства затрудняетъ возможность сложить изъ faits et gestes зданіе исторіи, всѣ части котораго были бы неразрывно между собою связаны и одинаково прочны. Въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, которыя оказались въ моемъ распоряженіи и которыя я стремился использовать возможно полнѣе и объективнѣе, можно было выяснить лишь общій планъ и намѣтить остовъ будущей постройки, которая нетерпѣливо ждетъ работниковъ.

Затрудненія, испытанныя мною при исполненіи возложеннаго на меня почетнаго порученія, заставляютъ меня еще выше цѣнить содѣйствіе, оказанное мнѣ. А. С. Зарудный далъ мнѣ возможность пользоваться цѣнными матеріалами его отца, С. И. Заруднаго, а благодаря проф. В. Д. Плетневу мнѣ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми офиціальными документами. Незабываемыя бесѣды съ К. К. Арсеньевымъ ярко освѣтили мнѣ обстановку, въ которой родилась и дѣлала свои первые шаги русская адвокатура. Весьма важныя детали этой исключительной обстановки были мнѣ сообщены В. А. Капеллеромъ и В. О. Люстихомъ. Я получилъ весьма цѣнныя литературныя указанія отъ Н. О. Лернера и К. И. Чуковскаго. Цѣлая полоса исторіи адвокатуры осталась безъ всякаго письменнаго слѣда, и я могъ возстановить ее только благодаря любезности въ Петроградѣ М. В. Беренштама, В. С. Елпатьевскаго и В. Н. Новикова, а въ Москвѣ—П. Н. Малянтовича, Н. К. Муравьева и Н. В. Тесленко, подѣлившихся со мною своими воспоминаніями. Незамѣнимое содѣйствіе оказали мнѣ П. С. Тагеръ и Б. И. Элькинъ, которые чрезвычайно удачно систематизировали архивы Совѣтовъ пе-

трогорадскаго и московскаго и сдѣлали вполнѣ удобнымъ пользованіе содержащимися въ нихъ богатѣйшими залежами матеріаловъ, а кромѣ того взяли на себя неблагодарный трудъ чтенія корректуры. Кропотливую работу составленія приложеній выполняла съ исключительной тщательностью Е. А. Аносова. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить всѣмъ оказавшимъ мнѣ содѣйствіе искреннюю благодарность, а благосклоннаго читателя прошу имѣть въ виду тѣ затрудненія, которыя оказались на пути правильнаго разрѣшенія поставленной Совѣтами задачи.

Петроградъ, 1 ноября 1914 г.

I.

ДО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

1. Дореформенная адвокатура.

Когда французское учредительное собраніе, 2 сентября 1790 года, рѣшило уничтожить сословную организацію адвокатуры, выдающіеся члены сословія требовали при обсужденіи этого проекта, чтобы и самое названіе «адвокатъ» было упразднено. «Новыя корпораціи,—утверждали они,—будутъ наводнены массой лицъ, которыя, не имѣя ни малѣйшаго представленія о нашихъ принципахъ и нашей дисциплинѣ, унизятъ нашу почетную дѣятельность и лишатъ ее прежняго достоинства. Между тѣмъ, они упорно будутъ гордиться названіемъ адвокатовъ, будутъ злоупотреблять внѣшнимъ сходствомъ, захотятъ тоже составить сословіе, и публика... смѣшиваетъ этихъ адвокатовъ съ адвокатами стараго режима. Единственное средство избѣжать такого опаснаго потомства — это уничтожить немедленно званіе адвоката и сословіе, со всѣми ихъ принадлежностями, чтобы не было больше адвокатовъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перестанемъ существовать» [1]).

Столь же рѣшительно русская адвокатура отрекается отъ всякаго смѣшенія съ дореформенными ходатаями и стряпчими. «Мы,—утверждаетъ П. А. Потѣхинъ,—народились не

---

[1]) Цит. у Васьковскаго, Организація адвокатуры. Т. I, стр. 121.

изъ нихъ (т.-е. дореформенныхъ адвокатовъ), мы даже произошли не изъ пепла ихъ, мы совсѣмъ новые люди, ни исторического родства, ни послѣдовательной связи съ ними не имѣемъ, чѣмъ и можемъ гордиться» [1]). Точно такъ же и В. Д. Спасовичъ въ рѣчи своей на прощальномъ обѣдѣ въ честь К. К. Арсеньева, говоря объ упроченіи «маленькой общины» адвокатовъ, между прочимъ, замѣтилъ: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а вѣрятъ въ первичное самозарожденіе организма (spontanea generatio).. У насъ именно имѣется примѣръ такого самозарожденія. Ничего подобнаго не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo, мы не вылупились изъ скорлупы, мы безъ роду и племени» [2]).

Исторіи русской адвокатуры, такимъ образомъ, нѣтъ дѣла до того, что существовало раньше судебной реформы, ей тамъ искать нечего и незачѣмъ приподымать завѣсу безотраднаго прошлаго. Но помимо простого любопытства, которое тѣмъ острѣе, чѣмъ глубже рисуется пропасть между настоящимъ и прошлымъ, необходимо вспомнить и, хотя бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, дать себѣ отчетъ, что представляло это прошлое, и дѣйствительно ли съ появленіемъ «маленькой общины» прежній режимъ сгинулъ весь, безъ остатка, и тщательно ли были изъяты всѣ его элементы при созданіи новой организаціи.

Сдѣлать это весьма нетрудно, ибо постановленія закона отличаются по данному вопросу изумительной краткостью.

Въ сравнительномъ изложеніи главныхъ основаній судоустройства, существовавшаго во время подготовки судебной реформы, и новыхъ предположеній, Государственная Канцелярія такъ характеризуетъ дѣйствующій порядокъ, въ отношеніи организаціи судебнаго представительства: «Въ настоящее время присяжные стряпчіе находятся только при коммерческихъ судахъ (Св. Зак. т. XI, ч. 2, Уст. Торг. ст. 1278 и 1291—1296); повѣренными же по дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, могутъ быть вообще всѣ тѣ, коимъ закономъ сіе именно не воспрещено (Св. Зак. т. X, ч. 2, ст. 185); къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ: ма-

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній адвоката («Право», 1900 г., с. 2213, сл.).

[2]) Застольныя рѣчи В. Д. Спасовича, стр. 85.

лолѣтніе, духовныя особы, монахи, чиновники, состоящіе на службѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они служатъ; люди, лишенные по суду добраго имени или подвергшіеся по суду тѣлесному наказанію, и т. д. (тамъ же, ст. 195)» [1]. Кромѣ этого, существовало еще постановленіе о «запискѣ» ходатаевъ въ контору адресовъ и уплатѣ ими адреснаго сбора, какъ относящимися къ классу людей, отправляющихъ разныя должности въ частныхъ домахъ по найму и въ другихъ условіяхъ.

Указанными правилами исчерпываются заботы законодателя объ установленіи судебнаго представительства. Можно, поэтому, категорически утверждать, что никакой законодательной регламентаціи стряпчества и адвокатуры не было, и что они не существовали у насъ въ качествѣ юридическаго института. Однако, это обстоятельство нисколько не мѣшало «судохожденію» сложиться въ весьма опредѣленное соціальное явленіе, которое, несомнѣнно, играло видную роль въ общественномъ быту того времени. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ни одного выдающагося писателя, который въ своихъ произведеніяхъ не изобразилъ бы типа стряпчаго, ходатая по дѣламъ. Гоголь и Тургеневъ, Островскій и Писемскій, Щедринъ и Горбуновъ — всѣ они увѣковѣчили образъ дореформеннаго адвоката, и стоитъ лишь вспомнить о Ризположенскомъ, Могильцевѣ, юрисконсультѣ Чичикова, Онуфріи Ильичѣ изъ «Двухъ пріятелей», чтобы тотчасъ же предстала передъ глазами «приказная строка со старушечьимъ сморщеннымъ лицомъ, ястребинымъ носомъ и безпокойными глазами, совершенно истасканное существо, недавно служившее въ тепломъ мѣстечкѣ, а въ настоящее время находящееся подъ судомъ».

«Такихъ адвокатовъ,—говоритъ П. А. Потѣхинъ,—называли ябедниками, кровопійцами, чернильными душами, но самое мѣткое названіе было «крапивное сѣмя». Въ этомъ названіи сказался русскій человѣкъ, легко и мѣтко отыскивающій клички. Дѣйствительно, крапива растетъ на всякомъ мусорѣ, около заборовъ, не нуждается въ хорошей почвѣ, очень раскидиста, имѣетъ довольно хорошую зелень, но со-

[1]) Дѣло о преобразованіи суд. части, т. XVI.

прикосновеніе съ нею опасно, она такъ жжетъ, колетъ и оставляетъ такія занозы, что сравненіе подобныхъ адвокатовъ стараго времени съ крапивнымъ сѣменемъ совершенно вѣрно» [1]). Занятіе стряпчествомъ стояло на самой низкой соціальной ступени. Когда съ Чичиковымъ стряслось несчастье, онъ «опустился въ грязь и низменную жизнь. И въ ожиданіи лучшаго принужденъ былъ д а ж е заняться званіемъ повѣреннаго, званіемъ, не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою канцелярской тварью и даже своими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканіе въ переднихъ, грубости и пр., но нужда заставила рѣшиться на все».

Хотя изображеніе типа ходатая и встрѣчается почти у всѣхъ писателей того времени, изображенія эти различаются между собою лишь по степени яркости, но отнюдь не по существу. По существу, напротивъ, всѣ они поражаютъ сходствомъ между собою, и это заставляетъ думать, что изображенный типъ представляетъ черты, органически необходимыя, и что никакихъ замѣтныхъ отступленій и уклоненій быть не могло. Въ 60-хъ годахъ, когда уже подготовлялась судебная реформа и появилась юридическая литература, состояніе нашей адвокатуры привлекло къ себѣ вниманіе печати. Въ полемикѣ, возникшей между Г. К. Рѣпинскимъ[2]), стоявшимъ на указанной точкѣ зрѣнія, и А. Загибенинымъ, послѣдній заявилъ, что «мы никакъ не согласимся исключить самую возможность появленія въ этомъ сословіи (!) людей образованныхъ, честныхъ, благонадежныхъ». Но такой взглядъ доказываетъ лишь, что въ то время еще не окрѣпло сознаніе необходимости коренной реформы. Въ дѣйствительности же условія были таковы, что именно самая возможность появленія въ сословіи людей честныхъ и благонадежныхъ совершенно исключалась. Нужно же вспомнить, что представлялъ дореформенный судъ.

«При одномъ воспоминаніи о немъ,—говоритъ И. С. Аксаковъ,—волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!..

---

[1]) См. «Право», I. с.

[2]) Впослѣдствіи первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые лучшіе годы своей молодости... Онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда... Это было воистину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣмъ. Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ со своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой, и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженный этимъ натискомъ, нашъ кривосудъ поднималъ дикій вопль: «вольнодумцы, бунтовщики, революціонеры!» Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправильное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ, — и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе! Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что по милости царской онъ — сынъ барской, и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго «барскому сыну» рѣшенія. Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія — одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія прочувствовала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду сквозь путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства! Тамъ, внизу, старый крючковѣдъ-слѣдователь снуетъ фальшивую основу, по всѣмъ внѣшнимъ правиламъ закона, для будущаго судебнаго приговора; затѣмъ, въ уѣздной инстанціи, при корыстномъ участіи или при совершенномъ, не менѣе преступномъ, безучастіи выборныхъ дворянъ судей, взяточникъ секретарь стряпаетъ изъ дѣла «записку» и подсказываетъ имъ безобразную не по формѣ, а по существу резолюцію; вотъ, наконецъ, послѣ многолѣтней иногда проволочки, дѣло въ уголовной палатѣ, гдѣ ждетъ его та же участь. Но тамъ, въ этомъ дворянскомъ судѣ высшей инстанціи, сидятъ, положимъ, уже правовѣды, тоже, вѣдь, дворяне, но по на-

значенію «отъ короны». «Запиской», конечно, какъ это чинилось прежде, онъ уже руководиться не станетъ, а берется за подлинное дѣло; но тщетно читаетъ его отъ доски до доски, всматривается въ почеркъ, допрашиваетъ настойчиво бумагу, ищетъ какого-нибудь живого указанія въ живомъ человѣческомъ смыслѣ, подвергнутомъ его суду: молчитъ бумага, — бездушно-мертвенно офиціальное изложеніе показаній преступника. Надо бы его допросить, надо бы его видѣть, надо бы войти во всѣ фактическія и психическія подробности совершоннаго преступленія. Надо бы! Но старый судъ не давалъ на это ни права, ни возможности; но юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ, всѣ налицо, безукоризненныя по формѣ, — и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не остается, какъ сотворить судъ и... неправду!»

Такъ писалъ И. С. Аксаковъ въ 1884 г., когда разрослась агитація противъ новыхъ судовъ. Но и задолго до ихъ введенія, въ журналѣ Совѣта Комиссіи составленія законовъ отъ 6 февраля 1820 г., уже была отмѣчена неизбѣжность зла крапивнаго сѣмени. «По системѣ, постановленной указомъ 1723 года, Ноября 5-го, равно какъ и прежде, по уложенію главы X, тяжебныя дѣла у насъ обрабатываются и производятся не адвокатами, а почти исключительно самимъ правительствомъ. Тяжущіеся,—говоритъ журналъ,—должны токмо представить свои прошенія, документы и доказательства; послѣ чего судъ уже обязанъ по должности справками объяснить дѣло и управлять ходомъ онаго до окончательнаго рѣшенія. Защищеніе дѣла или говореніе суда остановлено— какъ безполезное и неудобное. Сроки, въ которые судъ долженъ совершить каждую часть разбирательства тяжебнаго, не опредѣлены, такъ что судъ или лучше канцелярія суда дѣйствуетъ въ семъ отношеніи совершенно произвольно, а тяжущимся не оставлено собственно никакого законнаго участія въ производствѣ дѣла. Все для нихъ покрыто величайшей тайной, и истецъ, равно какъ и отвѣтчикъ, не должны знать, въ какомъ состояніи находится ихъ дѣло. Но тайна сія не можетъ остаться непроницаемою; тяжущійся узнаетъ какимъ-нибудь образомъ то, что никто не смѣетъ от-

крыть ему явно. Онъ принимаетъ сообразно съ тѣмъ свои мѣры, представляя въ судъ новыя объясненія и доводы, кои всѣ, сколько бы ихъ ни было представлено въ судъ, будутъ приняты, и о коемъ противная сторона между тѣмъ ничего не знаетъ, если о томъ случайно не дойдетъ до ея свѣдѣнія. Часто тотъ и другой ничего лучшаго предпринять не умѣютъ, какъ безпрестанныя подавать другъ на друга жалобы и, повторивши во всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ сію роль интриги, можетъ быть неизбѣжно должны то же самое въ столицѣ повторить предъ Высшими Судами. Такова безспорно судебная наша практика, и должно признаться, что она не очень благопріятна для соблюденія правосудія. Не надлежитъ также забывать и того, что обыкновеніе и личное вліяніе измѣняютъ законъ къ лучшему или къ худшему, и что тяжущіеся принуждены безпрестанно прибѣгать къ посредству прокуроровъ, губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и даже министровъ, потому что симъ токмо могутъ поправить запутанный, темный и почти всегда произволомъ управляемый ходъ дѣла въ Гражданскихъ нашихъ Судахъ. Безъ сомнѣнія лучше бы было для безопасности и для нравственности общественной, вмѣсто сихъ кратковременныхъ умоленій, употребить врачеваніе, истребляющее самый корень зла».

Но пока «корень зла» сидѣлъ прочно, было очевидно, что честному и благонадежному ходатаю дѣлать нечего. Пытаться помочь истинѣ пробиться сквозь путы формализма было бы донкихотствомъ, и задача стряпчаго, формальное участіе котораго сводилось къ рукоприкладству и составленію бумагъ, могла заключаться только въ стремленіи запутать дѣло, затемнить его, или въ воздѣйствіи закулисными средствами на всемогущую канцелярію. Только для этого къ стряпчему и обращались, и только съ такой точки зрѣнія оцѣнивались его способности и знанія.

«Если дѣло восходило до оберъ-полицеймейстера, — пишетъ Горбуновъ въ своихъ очеркахъ изъ Московскаго захолустья, — и обращалось въ управу благочинія, то сейчасъ же переносилось обвиняемыми на консультацію къ Иверскимъ воротамъ, въ институтъ иверскихъ юристовъ, дѣль-

цовъ, изгнанныхъ изъ московскихъ палатъ, судовъ и приказовъ. Въ числѣ этихъ дѣльцовъ были всякіе секретари — и губернскіе, и коллежскіе, и проворовавшіеся повытчики, и бывшіе комиссары, и архиваріусъ, потерявшій въ пьяномъ видѣ ввѣренное ему на храненіе какое-то важное дѣло, и вѣдомые лжесвидѣтели, и честные люди, но отъ пьянства лишившіеся образа и подобія Божьяго. Собирались они въ Охотномъ ряду, въ трактирѣ, прозванномъ ими Шумла. Въ этомъ трактирѣ и вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклепы, и волокита».

Съ такими стряпчими конкурировали чиновники, которымъ, какъ выше указано, запрещалось выступать повѣренными только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они служатъ. Упомянутый уже журналъ комиссіи составленія законовъ считаетъ такую роль чиновниковъ неизбѣжной. «Что начать,—спрашиваетъ журналъ,—жителямъ провинцій, пріѣзжающимъ въ столицу по своимъ тяжебнымъ дѣламъ, или жителямъ столицы, имѣющимъ таковыя дѣла въ губерніяхъ и не знающихъ къ кому обратиться? Справедливо предубѣжденіе противъ большей части запасныхъ стряпчихъ, прибѣгнутъ они необходимо къ чиновникамъ, кои во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ большаго довѣрія, нежели такъ называемые стряпчіе, и коимъ служба и связи, доставляемыя оною, открываютъ ближайшій путь въ канцеляріяхъ, а извѣстно, что подаваемые тяжущимися прошенія и другіе акты сочиняемы или по крайней мѣрѣ пересматриваемы и поправляемы бываютъ большею частью въ самыхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, куда они поступаютъ, каковое сношеніе съ присутственнымъ мѣстомъ служитъ тяжущемуся почти единственнымъ средствомъ узнать ходъ дѣла и соблюсти формы. Человѣкъ, самый свѣдущій въ законахъ, безъ таковыхъ связей не скоро доищется желаемаго въ судѣ, а потому и большая часть чиновниковъ, коихъ жалованье недостаточно къ прокормленію ихъ семействъ, берутъ на себя хожденіе по чужимъ дѣламъ, и въ настоящемъ положеніи вещей сіе не можетъ быть иначе».

Законодательство наше не обманывало себя относительно дѣйствительнаго положенія стряпчества. Такъ, напр.,

Высочайше утвержденный 14 декабря 1797 г. докладъ Правительствующаго Сената, заключающій попытку урегулировать правозаступничество для Литовской губерніи, констатируетъ, что люди, въ судахъ по дѣламъ ходящіе, злоупотребляютъ во зло знаніе законовъ и правъ тамошнихъ, вмѣсто того, чтобы помогать тяжущимся въ полученіи, а судамъ въ отданіи справедливости, наичаще умножаютъ только ябеды, распри, ссоры и бываютъ причиной вражды и разоренія фамилій. Чтобы бороться съ этимъ явленіемъ, докладъ поднимаетъ сословный и имущественный цензъ адвокатовъ. Адвокатъ долженъ быть дворяниномъ и имѣть свои деревни въ данномъ повѣтѣ или, по меньшей мѣрѣ, въ Литовской губерніи. Но законодатель явно не вѣритъ, чтобы такое облагороженіе состава произвело замѣтное вліяніе. Поэтому указъ попрежнему считается съ возможностью измѣны своему вѣрителю, подговора начать тяжбу съ тѣмъ, чтобы онъ выигралъ ее и далъ ему нѣкоторую часть прибытка. Докладъ предусматриваетъ употребленіе безпричинныхъ ругательствъ по адресу противной стороны. Мало того, въ числѣ причинъ, влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ стряпчества, упоминается, между прочимъ, и такая: «Буде предстанетъ передъ судъ пьяный или провождая время въ пьянствѣ, пренебрежетъ тяжбу; буде изобличится въ картежной игрѣ, или въ какихъ распутствахъ» и т. п.—Вотъ какія прегрѣшенія законодатель считалъ необходимымъ предусмотрѣть, вотъ какое представленіе имѣется у него о нравственномъ образѣ лицъ, занимавшихся судохожденіемъ.

Комиссія по составленію законовъ 1820 г., о которой уже не разъ упоминалось, такъ характеризуетъ стряпчихъ: «Въ Россіи тѣ, кои носятъ имя стряпчихъ, находятся въ такомъ неуваженіи, какого большая часть изъ нихъ дѣйствительно заслуживаетъ, судя по примѣрамъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ исполняли принятыя на себя обязанности, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать самыя присутственныя мѣста. Кто можетъ съ благонадежностью ввѣрить имъ попеченіе о своихъ выгодахъ и положиться на нихъ. Случалось, что они помогали той и другой сторонѣ, затягивали и запутывали дѣла, и вмѣсто того, чтобы мирить тяжу-

щихся, по невѣжеству ли или съ умысломъ, раздражали ихъ еще болѣе и всегда почти бывали главнѣйшими виновниками ябедъ и несправедливыхъ, неясныхъ рѣшеній въ низшихъ инстанціяхъ, которыя потомъ столь трудно, а иногда и невозможно передѣлать въ высшей инстанціи».

Это положеніе, официіально констатированное, оставалось неизмѣннымъ до самаго конца дореформеннаго періода.

«У насъ нѣтъ адвокатуры въ западномъ смыслѣ этого слова,—писалъ А. В. Лохвицкій въ 1860 г. [1]).—Сводъ законовъ, давая каждому право быть повѣреннымъ, уничтожилъ существовавшій въ древней Россіи цехъ повѣренныхъ (площадныхъ подъячихъ). Но на фактѣ у насъ существуютъ эти цехи. Повѣренные, для которыхъ стряпческое занятіе составляетъ профессію, у насъ двухъ родовъ. Одни — прямые наслѣдники подъячихъ стараго времени,—они берутъ по двугривенному и штофу водки за сочиненіе просьбы, по пяти и десяти цѣлковыхъ за фальшивый паспортъ; есть у нихъ и такса за фальшивое свидѣтельство, за фальшивую подпись и проч. Этотъ типъ очень хорошо всѣмъ знакомъ — кому изъ дѣла, кому изъ литературы. Что ни дѣлало наше законодательство со временъ Петра Великаго противъ нихъ, все осталось безплоднымъ, потому что они естественное слѣдствіе закрытаго и письменнаго судопроизводства, суда по одной буквѣ закона, отсутствія всякой гласности въ судопроизводствѣ, отсутствія установленія правильной адвокатуры. Петръ Великій установилъ писать прошенія по пунктамъ, съ тою цѣлью, чтобы дѣло излагалось логически, безъ примѣси постороннихъ, не относящихся къ нему, обстоятельствъ; а подъячіе стали писать по пунктамъ все, что взбредетъ имъ въ голову, — и судъ ничего не можетъ сдѣлать: форма соблюдена. Запрещались неоднократно ябедническіе извороты, — и всетаки они продолжаются, — потому что нельзя въ законѣ опредѣлить, что такое составляетъ ябеднической изворотъ, а суду очень трудно излагать свое мнѣніе, когда нѣтъ основанія въ статьѣ свода. Запрещается употреблять неприличныя выраженія, — запрещается писать прошенія безъ при-

[1]) «Русское Слово», Февраль.

веденія доказательствъ,—а Рисположенскіе дѣлаютъ все-таки по-своему. Есть и другой родъ частныхъ повѣренныхъ — аристократическій. Это люди съ приличными манерами, хорошо одѣвающіеся, берущіе за составленіе бумагъ по нѣскольку сотъ рублей, — они бываютъ, большею частью, изъ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они презираютъ дешевыхъ подъячихъ, хотя часто обращаются къ нимъ для кое-какихъ продѣлокъ; они украшаютъ себя громкимъ именемъ адвокатовъ, — неизвѣстно по какому праву и на какомъ основаніи. Но какъ бы они ни старались выдѣлять себя, въ обществѣ мнѣніе о нихъ очень неблагопріятное. Нельзя сказать, чтобы общество было несправедливо въ этомъ случаѣ. Въ Бессарабіи, напримѣръ, одной изъ цвѣтущихъ сторонъ нашихъ адвокатовъ, есть лица, пользующіяся громкой извѣстностью, нажившія себѣ большое состояніе, и самый невинный недостатокъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они въ одно и то же время пишутъ бумаги и истцу и отвѣтчику и, конечно, съ обоихъ берутъ деньги. Каковы ихъ нравственныя понятія, — читатель можетъ найти у Гоголя въ лицѣ «юрисконсульта», написавшаго Чичикову знаменитую бумагу съ приложеніями, перевернувшую вверхъ дномъ всѣ губернскія власти. Разумѣется, есть почтенныя исключенія, но они рѣдки; и такого рода люди откровенно говорятъ, что въ своихъ занятіяхъ они часто должны бываютъ возиться въ такой грязи, прибѣгать къ такимъ средствамъ, что тяжело и совѣстно дѣлается. Духъ стараго подъячаго дѣйствуетъ и на нихъ; и они иногда прибѣгаютъ къ ябедническимъ изворотамъ, до нелѣпости ложному толкованію самыхъ неопровержимыхъ доводовъ противниковъ, мастерству впутывать въ дѣло обстоятельства, вовсе къ нему не относящіяся, пересыпаютъ все это перцемъ кабацкихъ остротъ и ругательствъ, въ ожиданіи, что неопытный противникъ бросится сгоряча на эти постороннія обстоятельства, — дѣло запутается, и тогда привольно въ мутной водѣ ловить рыбу»...[1]).

---

[1]) Къ концу дореформеннаго періода относятся и воспоминанія П. А. Потѣхина, который дѣлитъ ходатаевъ на три группы. Къ первой относятся чиновники, состоявшіе на службѣ, прежде всего, конечно, чиновники судеб-

Такое печальное состояніе «судохожденія» не могло, конечно, не обращать на себя вниманія власти и отъ времени до времени вызывало съ ея стороны рѣшительную реакцію. Въ 1819 г. служащій при военномъ министерствѣ чиновникъ 5 класса Лунинъ принесъ въ Спб. губернское правленіе жалобу на статскаго совѣтника Хвицкаго, который, служа въ Министерствѣ Гос. Имуществъ, взявъ довѣренность отъ жены Лунина и ведя противъ него дѣло, «разстраиваетъ тѣмъ семейственную связь». Жалоба эта докатилась до Прав. Сената, который и поставилъ вопросъ, могутъ ли чиновники, находящіеся при должностяхъ, имѣть въ присутственныхъ мѣстахъ хожденіе по дѣламъ частныхъ лицъ? Подбирая прецеденты, могущіе служить къ разрѣшенію этого вопроса, Прав. Сенатъ приводитъ изъ Полнаго Собранія Законовъ такой рядъ случаевъ:—

Въ указѣ 1714 года декабря 24 дня запрещается чинамъ, у дѣлъ приставленнымъ, великихъ и малыхъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ, казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядами и прочими вымыслами, какого бъ званія оныя и манира ни были, ни своимъ, ни постороннимъ лицемъ, кромѣ жалованья, такожъ отъ

ныхъ мѣстъ—секретари, столоначальники, повытчики. Мы видѣли выше, что законъ запрещалъ имъ выступать повѣренными лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они состояли на службѣ. Но и это скромное ограниченіе, по увѣренію автора воспоминаній, свободно обходилось. Вспоминая двухъ такихъ повѣренныхъ, которые между собою конкурировали, секретаря палаты и столоначальника низшаго суда, П. А. Потѣхинъ замѣчаетъ: «Достаточно было секретарю знать, что столоначальникъ ведетъ дѣло, чтобы оно провалилось въ палатѣ, и достаточно было столоначальнику узнать, что секретарь принимаетъ участіе въ дѣлѣ, чтобы оно было проиграно въ судѣ». Вторая группа профессіональныхъ адвокатовъ, занимавшихся исключительно веденіемъ судебныхъ дѣлъ, составлялась, главнымъ образомъ, изъ отставныхъ чиновниковъ, и чаще такихъ, которые вышли въ отставку «по непріятностямъ по службѣ». «Ихъ познанія были пріобрѣтены, главнымъ образомъ, на службѣ; образованіе ничтожное. Замѣчательно, что было очень много чиновниковъ по интендантству или коммиссаріатству. Эти лица иногда спеціализировались сообразно ихъ прежней службѣ, занятіямъ, отношеніямъ или особливымъ связямъ. Нѣкоторые пристраивались къ уголовнымъ дѣламъ, другіе къ гражданскимъ, третьи при консисторіяхъ, четвертые при губернскихъ правленіяхъ.

дѣлъ, почему опредѣлено или впредь опредѣлится или партикулярно позволится за нашею рукою или всего Сената подпискою. Генеральнаго Регламента въ Главѣ 3-й канцелярскимъ служителямъ съѣзжаться за часъ до судей, подъ штрафомъ на всякій разъ небытія мѣсяцъ, а за часъ недосидѣнія недѣля вычета жалованья.

Въ указѣ 1753 г. августа 24 дня генералъ-прокуроръ Сенату предлагалъ, что онъ канцеляріи Сената и подчиненныхъ конторъ секретарямъ и прочимъ канцелярскимъ служителямъ, равно обрѣтающимся при Сенатѣ офицерамъ, предписалъ, чтобъ въ исправленіи положенныхъ дѣлъ, поступали каждый по должности и въ постороннія дѣла не вступали, а особенно въ судѣ, кромѣ собственныхъ своихъ дѣлъ, за другихъ ни за кого не ходили, даннымъ приказомъ подтвердилъ, въ исполненіи чего они подписались. А какъ служащій въ Герольдмейстерской конторѣ канцеляристъ Грязновъ имѣетъ въ судномъ приказѣ собственныхъ своихъ 10 дѣлъ, а сверхъ того онъ же Грязновъ представленъ довѣреннымъ по дѣламъ князя Долгорукова съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нероновымъ, и онъ Грязновъ присланъ въ 1745 году изъ Ино-

---

И здѣсь я не могу пройти безъ воспоминанія двухъ лицъ: одного чиновника въ отставкѣ по непріятностямъ по службѣ. Это былъ круглый, толстый, совершенно лысый старичокъ, жившій на окраинѣ Петербурга, въ нижнемъ этажѣ большого дома; вся квартира его была уставлена клѣтками съ птицами. Среди птицъ былъ у него любимый скворецъ, который почти постоянно сидѣлъ на плѣшивой головѣ своего хозяина; когда кто-нибудь входилъ въ комнату, раздавался хриплый голосъ: «что надо?», и когда пришедшій отвѣчалъ,—говорилъ: «а вотъ мы сейчасъ»... говорилъ скворецъ. Онъ привыкъ повторять слова своего хозяина, который каждаго, кто къ нему входилъ, обыкновенно спрашивалъ: «что надо?» и когда пришедшій отвѣчалъ, говорилъ: «а вотъ мы сейчасъ»... и лѣзъ въ книгу законовъ, справлялся и давалъ надлежащій совѣтъ. Его совѣты были оригинальны—въ нихъ отражалось все то, что дѣлалось въ то время въ консисторіи. Какъ онъ, такъ и его ближайшіе сотрудники по консисторіи говорили, напримѣръ, что бракоразводныя дѣла интереса по содержанію не представляютъ, ибо состоятъ изъ двухъ родовъ: одни—съ нашими свидѣтелями, другія—съ вашими, такъ что ихъ и изучать нечего.

Другой типъ былъ бывшій стряпчій казенныхъ дѣлъ. Этому стряпчему приходилось присутствовать въ различныхъ мѣстахъ при торгахъ

странной коллегіи въ Герольдію для опредѣленія къ другимъ дѣламъ былъ показанъ изъ купеческаго званія, то Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: за упомянутыя канцеляриста Грязнова непристойные поступки и за ябеды,—чѣмъ онъ, возложенныя на него по должности дѣла оставляя, не исправлялъ оныхъ; и какъ Генеральному Регламенту, такъ и Указу 1752 года мая 25-го о ябедникахъ состоявшемуся, чинитъ противность, отобрать у него канцеляристскій чинъ, и учиня ему батогами наказаніе, изъ штата Герольдмейстерской конторы исключить, и отослать его, яко изъ купеческаго званія происходящаго, въ главный магистратъ.

Въ Указѣ Общаго Собранія Правительствующаго Сената 1808 января 23 объ оберъ-секретарѣ Кругловѣ, сужденномъ по Высочайшему указу за то, что во время служенія его въ 1802 году въ канцеляріи генералъ-прокурора, писалъ къ отставному маіору Евлашеву письма, означающія законопротивные поступки, а по слѣдствію открылось, что по случаю поступившаго отъ онаго Евлашева на Высочайшее имя прошенія къ тайному совѣтнику Муравьеву о усыновленіи воспитанника его, Евлашева, онъ, Евлашевъ, препоручая тому Круглову имѣть ходатайство, прислалъ ему денегъ 2000 да

на имѣнія; быть можетъ, поэтому онъ спеціализировался и велъ не безъ успѣха дѣла о неправильныхъ описяхъ и продажахъ имѣній и по взысканіямъ сохранной казны и частныхъ лицъ. Но главная его спеціальность было «отступное». Онъ зналъ, когда въ губернскомъ правленіи какое имѣніе продается, и являлся какъ на торги, такъ и на переторжки и не стѣсняясь говорилъ, что ходитъ для того, чтобы нажить то или другое «отступное»; ему съ охотой платили это «отступное», дабы онъ не возвышалъ цѣны на имѣніе и не мѣшалъ купить его подешевле...

Третья группа не поддается общему описанію,—это просто разношерстная толпа, такая смѣсь положеній, званій и состояній, что отыскать общія черты, дать общую характеристику рѣшительно невозможно... Тутъ были дворяне, прожившіеся помѣщики, разорившіеся купцы, были приказчики, которые прежде вели дѣла своихъ хозяевъ; тутъ были отставные военные, даже сидѣльцы кабаковъ и пивныхъ лавокъ; были унтеръ-офицеры, управляющіе имѣніями, домами и т. д., всѣхъ не перечислить. Но это были адвокаты—какъ я позволю себѣ назвать ихъ—штучники; они дѣлъ почти не вели, имъ рѣдко выпадало на долю такое счастье; они ограничивались составленіемъ жалобъ, написаніемъ прошеній на Высочайшее Имя, рукоприкладствомъ и т. п.». («Право», l. с.).

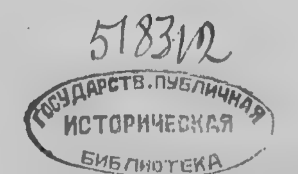
обязательство на 4000, Общее Собраніе Правительствующаго Сената, разсуждая, что Круглову неприлично и не должно было, служа въ канцеляріи генералъ-прокурора быть по дѣламъ частныхъ людей стряпчимъ или ходатаемъ и тѣмъ менѣе, такъ сказать, наниматься и принимать за такое ходатайство подарки и писать письма, которыя сему простому за дѣломъ ходатайству даютъ видъ интриги и суть весьма непристойны; а потому, основываясь на узаконеніи 1720 іюня 22, опредѣлило: означеннаго Круглова, такъ какъ онъ уже отъ должности удаленъ, и впредь къ дѣламъ не опредѣлять, яко чиновника, въ неприличномъ и званію, какое онъ носилъ, предосудительномъ поступкѣ оказавшагося. Что жъ касается до Евлашева, который подалъ Круглову поводъ къ таковой съ нимъ перепискѣ и присылалъ деньги для ходатайства по его дѣлу, то поелику и его, Евлашева, сей поступокъ есть противузаконный; для того тѣ деньги, кои даны и обѣщаны были Круглову всего 6000, взыскавъ изъ числа доставленныхъ Круглову 2000, остающіеся у него 1764 съ него Круглова, а достальныя съ Евлашева отдать въ пользу приказа Общественнаго призрѣнія, и о томъ поступкѣ ихъ, Евлашева и Круглова, опубликовать.

Въ Указѣ 1808 іюля 31, послѣдовавшемъ Правительствующаго Сената изъ 1 Департамента, по рапорту Вятскаго губернскаго правленія, испрашивавшаго разрѣшенія, можетъ ли избранный со стороны повѣренныхъ и служителей по питейному откупу въ третейскомъ судѣ засѣдатель Яренскаго уѣзднаго суда Алашевъ присутствовать въ ономъ, предписано: оному засѣдателю Алашеву, нося сіе званіе, не должно вмѣстѣ съ тѣмъ быть и повѣреннымъ по питейному откупу, съ какой бы стороны ни было, то есть: со стороны ли откупщика или со стороны служителей, при откупѣ находящихся, и тѣмъ болѣе, что онъ обязанъ будучи по засѣдательской должности упражняться безпрерывно въ дѣлахъ, съ оною сопряженныхъ, не можетъ исполнять должности повѣреннаго въ третейскомъ судѣ, по дѣламъ откупа утвержденномъ и требующемъ также безпрерывнаго упражненія въ разбирательствѣ споровъ между откупщиками, ихъ служителями и повѣренными. А дабы и въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ питейная продажа отдается на откупъ, въ подоб-

ныхъ случаяхъ поступаемо было единообразно и сила Указа 1753 года августа 24 выполнялась въ точности; то послать Указы и въ тѣ губернскія правленія.

Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, которые Прав. Сенатъ приводитъ, вопросъ о совмѣстительствѣ стряпчества съ государственной службой разрѣшался отрицательно. Тѣмъ не менѣе, онъ возникалъ снова и снова, и въ упомянутомъ случаѣ по жалобѣ Лунина, давшемъ поводъ для всѣхъ приведенныхъ прецедентовъ, Прав. Сенатъ, вновь отвѣтивъ отрицательно, «въ заключеніе не находя на всѣ описываемые случаи точныхъ ясныхъ и опредѣленныхъ постановленій, на положеніе сіе испрашиваетъ у Государя Императора Высочайшаго указа». Отсюда и возникъ законодательный вопросъ, переданный для предварительнаго разсмотрѣнія въ комиссію составленія законовъ. Комиссія широко раздвинула рамки своей задачи. Она нашла, что «надлежитъ обратиться къ источнику помянутаго зла и, ссылаясь на примѣръ иностранныхъ государствъ, а также польскихъ и остзейскихъ провинцій», приходитъ къ выводу, что это зло органическое и что для устраненія его необходимо ввести институтъ стряпчества. «Надобно послѣдовать примѣру другихъ государствъ и учредить сословіе стряпчихъ на такомъ положеніи, на какомъ они вездѣ существуютъ, съ нужными только перемѣнами по мѣстнымъ обстоятельствамъ Россіи. Мысль сія была оспариваема доселѣ двумя возраженіями; первое, что нѣтъ еще у насъ людей, способныхъ для сего рода службы; второе, что надлежало бы при семъ учрежденіи необходимо перемѣнить и судопроизводство наше въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Противъ перваго возраженія нетрудно будетъ доказать, что у насъ нѣтъ недостатка въ способныхъ для стряпчаго званія людяхъ, если только званіе сіе будетъ устроено на такомъ положеніи, что честные и свѣдущіе люди не погнушаются вступать въ оное, а особливо, когда самимъ Правительствомъ будутъ къ тому поощряемы; на второе же возраженіе отвѣчать можно, что учрежденіе стряпчихъ тѣмъ болѣе принесетъ пользы, если оно послужитъ поводомъ къ исправленію нѣкоторыхъ недостатковъ, соединенныхъ съ нашимъ судопроизводствомъ и несоотвѣтственныхъ съ уста-

новленіемъ, о коемъ говорено выше. Россія безъ сомнѣнія столько уже сдѣлала успѣховъ въ гражданственности и общественныхъ отношеніяхъ, что можетъ присвоить себѣ такое установленіе, коего польза всѣми законодателями и всѣми правительствами единогласно признана, и коего начала въ самомъ дѣлѣ существуютъ у насъ; надобно будетъ только устроить и привести сіи начала въ надлежащій составъ. Вслѣдствіе сего Комиссія долгомъ своимъ поставляетъ предложить слѣдующія по сему предмету постановленія: 1) О принятіи мѣръ для воспрепятствованія чиновникамъ заниматься стряпчествомъ. Отнынѣ запрещается всѣмъ состоящимъ въ казенной службѣ чиновникамъ принимать вѣрющія письма для хожденія по дѣламъ и выдача таковыхъ вѣрющихъ писемъ въ Присутственныхъ мѣстахъ не допускается. 2) Кто изъ служащихъ уже чиновниковъ получилъ или впредь получитъ отъ отсутствующихъ вѣрющее письмо для хожденія по дѣламъ, долженъ передать оное стряпчему, снабдивъ его потребнымъ для производства дѣла наставленіемъ отъ имени тяжущагося. 3) Изъ сего правила изъемлются вѣрющія письма чиновникамъ на пріемъ денегъ и на подписаніе купчихъ и другихъ обязательствъ вмѣсто коголибо; таковыя довѣренности чиновникъ тѣмъ болѣе принимать на себя можетъ, что они касаются до совершенія онаго только акта, который требуетъ немного времени, и коего упущеніе влечетъ за собой отвѣтственность. 4) Равномѣрно исключаются изъ сего правила дѣла ближайшихъ родственниковъ чиновника, какъ-то: отца, матери, жены или дѣтей его, по каковымъ дѣламъ онъ можетъ имѣть хожденіе въ судѣ какъ по своимъ собственнымъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы ему поставлено было въ обязанность наблюдать по таковымъ дѣламъ всѣ тѣ же обряды и правила, какія предписаны ниже сего, вообще для стряпчихъ. 5) Чиновники, кои послѣ сего запрещенія станутъ заниматься стряпчествомъ въ Судѣ и принимать на сей конецъ вѣрющія письма, подвергаются въ первый разъ денежной пенѣ; за вторичное же ослушаніе закона лишаются своихъ мѣстъ. Комиссія полагаетъ, что сіи мѣры достаточны будутъ для достиженія цѣли, которая была въ виду при прежнихъ по сему предмету узако-

неніяхъ и при заключеніи Сената. О новомъ устройствѣ для стряпчихъ, такъ какъ еще ни права, ни обязанности сего званія людей въ Россіи не опредѣлены, то необходимо нужно доставить имъ съ одной стороны потребное уваженіе, безъ коего ни одинъ честный человѣкъ не захочетъ посвятить себя званію, которое нынѣ предоставлено корыстолюбію и пронырству; съ другой же стороны надлежитъ обезпечить, сколько возможно, тяжущихся отъ опасности, дабы стряпчіе, коихъ они отнынѣ будутъ имѣть единственными повѣренными по своимъ дѣламъ, не употребляли довѣріе ихъ во зло. Поелику правительство въ разсужденіи сего изъявило уже свои намѣренія, то остается разсмотрѣть основанія, на коихъ должно быть учреждено званіе стряпчихъ, совѣтуясь съ примѣрами, представленными нынѣ Франціею, Англіею и Германіею. Заведенное въ сихъ странахъ судебное устройство, имѣетъ, можетъ быть, во многихъ другихъ отношеніяхъ свои недостатки, какихъ по счастію нѣтъ у насъ въ Россіи, но въ разсужденіи устройства стряпчихъ и способовъ защищенія могутъ они безъ сомнѣнія служить намъ примѣромъ. Одинаковыя причины производятъ одинаковыя и дѣйствія, и положеніе нашего Государства отнынѣ не препятствуетъ введенію въ ономъ такого установленія, которое повсюду имѣло благотворныя дѣйствія какъ для частныхъ людей, такъ и для правительствъ, коимъ оно во всякое время доставляло правовѣдовъ и судей отличныхъ по своимъ знаніямъ и почтенныхъ по своимъ правиламъ, каковы были д'Агессо, Блакстонъ, Буркъ, Эрскинъ, Кармеръ и многіе другіе. Вслѣдствіе сего Комиссія предполагаетъ учредить сословіе стряпчихъ на слѣдующихъ основаніяхъ: министру юстиціи собрать свѣдѣніе обо всѣхъ занимающихся нынѣ стряпчествомъ по разнымъ судебнымъ мѣстамъ такъ, какъ и о желающихъ посвятить себя сему званію. Изъ нихъ отберетъ министръ только тѣхъ, коихъ способности и поведеніе достаточно засвидѣтельствованы для включенія ихъ въ списокъ стряпчихъ, коихъ число можетъ онъ по усмотрѣнію на первый случай опредѣлить соразмѣрно съ числомъ тяжущихся, такъ какъ ему оное лучше всѣхъ извѣстно, по количеству входящихъ дѣлъ. Списокъ сей, вѣроятно, не очень будетъ

великъ сначала; сіе не мѣшаетъ потому, что стряпчіе по обязанности ихъ должны быть люди опытные и свѣдущіе въ дѣлахъ, безъ чего и съ большимъ числомъ оныхъ установленіе сіе еще менѣе принесло бы пользы. Сперва слѣдуетъ разсмотрѣть должность каждаго стряпчаго въ особенности, а потомъ обязанности, принадлежащія всему ихъ сословію совокупно. 1) Вообще каждый стряпчій долженъ пещись объ успѣхѣ дѣла, ему порученнаго, по своей совѣсти и по своему разумѣнію. 2) Онъ долженъ поступать въ точности по наставленію, какое дано ему отъ довѣрителя, испрашивать у него поясненія на каждый проектъ, недовольно ясный; и ежели за отсутствіемъ довѣрителя или по другимъ причинамъ объясненія отъ него въ надлежащее время получить не можетъ,—обязанъ самъ собою принимать мѣры, какія ему кажутся успѣшными для довѣрителя, поступая со всею осторожностью, какую всякій разсудительный человѣкъ употребилъ бы въ собственномъ своемъ дѣлѣ. 3) Стряпчій не долженъ отступать отъ установленнаго въ судопроизводствѣ порядка, наблюдая предписанные закономъ сроки для представленія доказательствъ и объясненія въ судѣ, особенно же не пропуская подачи апелляцій и прошеній, куда слѣдуетъ, о пересмотрѣ дѣла, буде объявленное ему рѣшеніе суда не удовлетворяетъ требованіямъ его довѣрителя. 4) Стряпчій долженъ стремиться объяснить дѣло членамъ Присутственнаго мѣста, раскрывая имъ всѣ обстоятельства, на коихъ утверждается справедливость защищаемой имъ стороны, безъ употребленія однако при томъ не позволенныхъ средствъ, ябедъ и проволочекъ. 5) Онъ долженъ вести вѣрный реестръ всѣмъ бумагамъ, прошедшимъ чрезъ его руки, и оставлять у себя съ каждой представляемой имъ въ судъ бумаги отпуски, а съ сообщаемыхъ ему документовъ копіи, засвидѣтельствовавъ вѣрность оныхъ; ибо сіи акты могутъ во многихъ случаяхъ служить для доказательствъ и для повѣрки. 6) Кромѣ того, священный долгъ каждаго стряпчаго есть способствовать дружелюбному примиренію тяжущихся, поколику то совмѣстно съ соблюденіемъ выгодъ защищаемой имъ стороны. Таковы суть главныя обязанности каждаго стряпчаго, и пока онъ можетъ доказать, что не нарушилъ

ихъ, останется онъ всегда чистъ отъ укоризны, чѣмъ бы ни кончилась тяжба, которая можетъ быть выиграна одною которою-нибудь стороною и оканчивается рѣшеніемъ въ послѣдней инстанціи. Опредѣляя обязанности стряпчихъ къ ихъ довѣрителямъ и къ присутственнымъ мѣстамъ, надлежитъ также опредѣлить отвѣтственность и наказанія, коимъ они подвергаются, когда отъ ихъ вины или неисправности тяжущіеся потерпятъ убытокъ. Наказанія сіи во всѣхъ земляхъ состоятъ, смотря по важности проступка и по степени умышленности онаго, въ удаленіи отъ должности на время, въ отрѣшеніи отъ оной,—въ тюремномъ заключеніи и наконецъ въ лишеніи чиновъ, кромѣ денежныхъ штрафовъ и уплаты тяжущимся всѣхъ убытковъ. Обязанности стряпчихъ къ присутственнымъ мѣстамъ состоятъ главнѣйше въ исправномъ наблюденіи предписанныхъ формъ и въ явкѣ для выслушанія дѣла въ надлежащіе сроки. Неисполненіе сихъ обязанностей влечетъ за собою денежные штрафы, которыхъ платежъ долженъ быть обезпеченъ залогомъ, вносимымъ отъ каждаго стряпчаго въ судебное мѣсто и ежегодно дополняемымъ въ случаѣ уменьшенія онаго. Во Франціи таковые залоги соразмѣряются съ числомъ присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ стряпчій ходитъ по дѣламъ. Ежели онъ производитъ практику свою только въ судѣ первой инстанціи, то вноситъ 500 франковъ залогу; если въ двухъ судахъ имѣется хожденіе, то 1000 франковъ, и такъ далѣе, такъ что стряпчіе, защищающіе дѣло въ высшей инстанціи, должны вносить до 4000 франковъ залогу. Кажется, что съ нѣкоторыми перемѣнами установленіе сіе могло бы быть введено и у насъ; однакожъ мѣра сія, клонящаяся къ удержанію стряпчихъ въ предѣлахъ обязанности ихъ относительно къ судамъ, въ коихъ они имѣютъ хожденіе, можетъ быть еще недостаточна для обезпеченія частныхъ людей отъ явнаго обмана или убытка, каковой будетъ имъ причиненъ безсовѣстнымъ стряпчимъ. На таковой конецъ надобно будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обложить общею отвѣтственностью все сословіе стряпчихъ. Поелику тяжущійся не можетъ не ввѣрять иногда для производства дѣлъ въ руки стряпчему не только денежныя суммы, но и документы, на коихъ утвер-

ждаются права и достоянія семействъ, то какой другой способъ будетъ надежнѣе для обезпеченія отсутствующаго хозяина сихъ суммъ или документовъ въ цѣлости оныхъ, какъ учинивъ всѣхъ стряпчихъ отвѣтственными другъ за друга въ извѣстныхъ случаяхъ такъ, какъ на биржѣ артельщики другъ за друга отвѣтствуютъ въ случаѣ ввѣряемыхъ имъ денежныхъ суммъ и векселей. Таковая общая отвѣтственность между стряпчими могла бы быть: 1) Въ случаѣ, ежели кто изъ нихъ не взялъ апелляціи или не объявилъ неудовольствія на рѣшенія, коими оскорблены права защищаемой имъ стороны, или не подалъ въ срокъ требуемаго судомъ по дѣлу объясненія и тому подобное. 2) Ежели не записалъ у нотаріуса или не заявилъ въ надлежащемъ судѣ какихъ-либо обязательствъ, или замедлилъ учинить слѣдовавшее съ кого-либо взысканіе, когда ему именно не было поручено отъ довѣрителя отсрочить сіе взысканіе. 3) Ежели не возвратилъ довѣрителю своему документовъ или не отдалъ ему полученныхъ на его имя суммъ, а въ случаѣ отсутствія довѣрителева или сомнѣнія какого-либо не положилъ оной суммы въ ломбардъ. Другіе случаи, кромѣ вышеисчисленныхъ, не могутъ подвергнуть стряпчихъ ни частной, ни совокупной отвѣтственности, наприм., когда укоряютъ стряпчаго, будто бы тяжба проиграна отъ его неискусства или оттого, что онъ не подвелъ какъ бы должно было всѣхъ законовъ къ дѣлу, и проч. Таковымъ укоризнамъ можетъ подпасть при всякомъ дѣлѣ который-нибудь изъ стряпчихъ, сколько бы ни приложилъ къ оному старанія, но случаи, означенные выше, доказываютъ явно криводушіе. Притомъ же судьи сами должны знать законы, а тяжущемуся собственная выгода повелѣваетъ избирать искуснаго стряпчаго преимущественно предъ неискуснымъ. Да и вышеупомянутая отвѣтственность за злоупотребленіе довѣренности можетъ существовать только на время, пока продолжается тяжба, или на опредѣленный какой-нибудь срокъ, ибо ежели напримѣръ стряпчій, отдавъ по принадлежности тяжущемуся или положивъ въ судъ на сохраненіе его деньги, которыя по тяжебному дѣлу имѣлъ въ рукахъ, получитъ ихъ потомъ опять отъ хозяина въ заемъ или для какого-нибудь распоряженія, то уже

хозяинъ сихъ денегъ долженъ взыскивать оныя не со стряпчаго и не съ сословія стряпческаго, но съ своего повѣреннаго или должника узаконеннымъ порядкомъ. А чтобы сословіе стряпчихъ, долженствующее совокупно отвѣтствовать за своихъ членовъ, имѣло возможность для сего наблюдать за ихъ поступками, надлежало бы изъ нихъ учредить (такъ, какъ во Франціи) особую управу или Совѣтъ, избираемый стряпчими между собою, подъ непосредственнымъ покровительствомъ министра юстиціи. Сей Совѣтъ могъ бы состоять изъ нѣсколькихъ членовъ и одного предсѣдателя, ежегодно избираемаго. Обязанностью Совѣта сего было бы: 1) Записывать у себя предварительно всѣ вѣрющія письма, даваемыя отъ кого-либо стряпчимъ для хожденія по дѣлу, дабы такимъ образомъ имѣть свѣдѣнія о обстоятельствахъ, въ коихъ стряпчій можетъ погрѣшить противъ своей должности. Сословіе брало свои мѣры для предупрежденія того, сколько возможно,—тѣмъ болѣе, что оно, бывъ обязано отвѣтствовать за своихъ членовъ, должно имѣть также право удалять отъ должности, сажать подъ арестъ и отдавать подъ судъ стряпчаго, который будетъ обличенъ въ злоупотребленіяхъ; и въ такомъ случаѣ дѣла, имѣющіяся въ распоряженіи таковаго стряпчаго, немедленно передавать другимъ надежнымъ стряпчимъ по усмотрѣнію помянутаго Совѣта, дабы ни въ какомъ случаѣ не причинить тяжущимся въ ходѣ ихъ дѣлъ помедленія или убытка. 2) Всякій отсутствующій, имѣя нужду въ стряпчемъ для хожденія по дѣлу, можетъ отнестись въ совѣтъ стряпчихъ съ просьбою, дабы ему были назначены двое благонадежныхъ стряпчихъ, изъ коихъ бы онъ могъ одного выбрать. 3) Совѣтъ назначаетъ вдовамъ и сиротамъ, по требованію опекуновъ ихъ, для хожденія по ихъ дѣламъ въ судѣ защитниковъ, которые не должны отказывать въ помощи своей даже такимъ, кои по бѣдности не имѣли бы чѣмъ заплатить имъ за труды, и сословіе въ такомъ случаѣ поручаетъ по должности (ex officio) одному изъ членовъ своихъ защищеніе бѣднаго истца или отвѣтчика. Сіе правило принято во всѣхъ земляхъ, и при таковыхъ защищеніяхъ молодые стряпчіе имѣютъ обыкновенно случай отличиться и пріобрѣсти довѣренность публики. Стряп-

чіе, нося таковыя обязанности, совокупно всѣмъ сословіемъ своимъ или отдѣльно каждый по себѣ, имѣютъ безъ сомнѣнія право пользоваться за то извѣстными выгодами, въ денежныхъ наградахъ или въ почестяхъ состоящими, которыя бы могли пріохотить свѣдущихъ людей вступать въ сіе званіе. Въ разсужденіи денежныхъ выгодъ надобно будетъ постановить правила, сколько платить стряпчимъ за труды. Плата сія можетъ полагаема быть соразмѣрно съ капиталомъ, составляющимъ предметъ тяжбы, напр., 5 или 10 со ста, или же соразмѣрно съ важностью и запутанностью дѣла или наконецъ по предварительному между стряпчимъ и довѣрителемъ его условію. Ни тотъ, ни другой изъ сихъ способовъ не можетъ употребленъ быть исключительно во всѣхъ случаяхъ; иногда стряпчій можетъ съ довѣрителемъ своимъ напередъ условливаться о платѣ; но есть случаи, въ коихъ плата стряпчему должна быть соразмѣряема съ большею или меньшею важностію дѣла. Какое бы изъ сихъ правилъ ни было принято, надлежитъ, чтобъ въ разсужденіи сего постановленъ былъ ясный законъ, разрѣшающій сомнѣнія, какія бы могли произойти по сему предмету. Надобно также опредѣлить здѣсь то, что называется вѣдѣніемъ стряпчихъ (competence des avocats), т.-е. случаи, въ коихъ они вообще имѣютъ исключительное право подавать и подписывать разнаго рода прошенія и требованія въ судѣ. Впрочемъ, само собой разумѣется, что тяжущимся не должно и невозможно запрещать имѣть хожденіе по дѣламъ и въ такомъ случаѣ, если захотятъ, и не употреблять стряпчихъ. Что же касается до отличій, какія могутъ быть присвоены стряпчимъ, то кажется, что сей классъ людей, посвящающій труды и способности свои столь полезной, сколько и трудной должности, содѣлавшейся во всѣхъ государствахъ практическою школою для хорошихъ судей и юрисконсультовъ, долженъ притомъ пользоваться соотвѣтственнымъ тому уваженіемъ въ публикѣ, и что на сей конецъ необходимо нужно дать имъ права по службѣ, равняющія ихъ съ другими чиновниками. А потому Комиссія полагаетъ: 1) стряпчихъ, не имѣющихъ еще никакого чину, считать въ какомъ-нибудь классѣ заурядъ, давая отличнѣйшимъ изъ нихъ титулъ

юрисконсультовъ и постановивъ, чтобъ за десятилѣтнее безпорочное продолженіе службы, засвидѣтельствованное какъ сословіемъ ихъ, такъ министромъ юстиціи, получали они непремѣнные того же классу чины, и чтобъ отъ министра юстиціи зависѣло достойнѣйшихъ между ими представлять къ повышенію и къ опредѣленію членами въ суды первой и второй инстанціи или казенными стряпчими прокурорами. Впрочемъ, 2-е, ихъ приводятъ къ присягѣ какъ всѣхъ вообще чиновниковъ. Къ сему надобно будетъ прибавить еще нѣкоторыя общія постановленія о порядкѣ сношенія стряпчихъ съ Присутственными мѣстами, о сообщеніи разныхъ дѣловыхъ бумагъ и о производствѣ дѣлъ вообще».

Таковъ этотъ замѣчательный проектъ, о которомъ, повидимому, до сихъ поръ не было извѣстно въ литературѣ. Само собой разумѣется, что онъ никакого дальнѣйшаго движенія не получилъ, но вмѣсто того сдѣлана была въ 1832 году частичная попытка ввести нѣкоторую организацію въ представительство сторонъ для коммерческихъ судовъ. Съ этой цѣлью созданъ былъ институтъ присяжныхъ стряпчихъ. Но, въ силу сказаннаго, и отъ этой реформы заранѣе уже ничего нельзя было ожидать. Не мѣняя ничего по существу, она только повторяла мѣропріятія, принятыя въ концѣ XVIII столѣтія, какъ упомянуто выше, относительно Литовской губерніи и исчерпывавшіяся усиленіемъ надзора и репрессій. И дѣйствительно, присяжные стряпчіе не внесли ни малѣйшаго измѣненія въ создавшееся положеніе, не прибавили ни одного штриха къ нарисованной выше картинѣ. Въ замѣчаніяхъ, доставленныхъ отъ членовъ Государственнаго Совѣта и изъ Министерства Юстиціи на проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, критики проекта ссылаются на институтъ присяжныхъ стряпчихъ, какъ на доказательство отъ противнаго. «Разительнымъ примѣромъ, — читаемъ мы здѣсь, — могутъ служить существующіе нынѣ при коммерческихъ судахъ присяжные стряпчіе, которые, несмотря на 20-тилѣтнее существованіе, не пріобрѣли въ публикѣ рѣшительно никакого довѣрія и ни малѣйшаго авторитета»; и это вполнѣ понятно, ибо при коммерческихъ судахъ присяжные стряпчіе играютъ ту же роль

канцелярскихъ чиновниковъ, только подъ другимъ названіемъ. «Опредѣляемые по непосредственному усмотрѣнію предсѣдателя настоящіе присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Они, вслѣдствіе существующаго порядка ихъ опредѣленія, если не хуже, то ни въ какомъ случаѣ не лучше вольнопрактикующихъ ходатаевъ» [1]).

2. Власть и адвокатура.

Будучи сами неизбѣжнымъ порожденіемъ господствовавшей тогда инквизиціонной системы процесса, ходатаи по дѣламъ, въ свою очередь, оказывали могущественное вліяніе на дальнѣйшую деморализацію правосудія. Какъ это бываетъ обыкновенно въ соціальныхъ явленіяхъ, причина безнадежно переплелась здѣсь со слѣдствіемъ, и, благодаря той выдающейся роли, которую ходатаи играли въ общественной жизни, въ нихъ готовы были даже видѣть основную причину зла. Такъ, напр., только что упомянутыя замѣчанія на проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ весьма категорически констатируютъ, что «въ обществѣ и между правительственными лицами распространено убѣжденіе, очень вѣрное и вполнѣ основательное, что одна изъ причинъ бѣдственнаго положенія нашего судопроизводства заключается въ томъ, что лица, имѣющія хожденіе по дѣламъ, большей частью люди очень сомнительной нравственности, не имѣющія по большей части никакихъ свѣдѣній,—ни юридическихъ, ни практическихъ» [2]).

Казалось бы, поэтому, что энергія законодателя должна была быть спеціально направлена на коренную реформу адвокатуры. Однако, какъ это ни странно съ перваго взгляда, но здѣсь и коренилась помѣха не только для преобразованія адвокатуры, но и для реформы правосудія вообще.

То обстоятельство, что въ отсутствіи правильно органи-

[1]) «Дѣло», т. XI, Св. Замѣч., с. 10, 61.

[2]) Ib., с. 7.

зованной адвокатуры усматривалась одна изъ причинъ безсудія, не только не способствовало разработкѣ проекта объ организаціи адвокатуры, но, напротивъ, служило вообще лишнимъ препятствіемъ къ проведенію судебнаго преобразованія, неотложность коего нисколько, однако, не оспаривалась.

Съ давнихъ поръ и неизмѣнно власть питала у насъ какое-то органическое неодолимое предубѣжденіе противъ адвокатуры. Въ преданіяхъ о посѣщеніи Петромъ Великимъ Англіи въ 1698 г. сообщается, что, «посѣтивъ Вестминстеръ-Холль (судъ), Петръ увидѣлъ тамъ «законниковъ», т.-е. адвокатовъ, въ ихъ мантіяхъ и парикахъ. Онъ спросилъ:

— Что это за народъ и что они тутъ дѣлаютъ?

— Это все законники, Ваше Величество.

— Законники! — удивился Петръ: — Къ чему они. Во всемъ моемъ царствѣ есть только два законника, и то я полагаю одного изъ нихъ повѣсить, когда вернусь домой» [1]).

Въ цитированной уже книгѣ Е. Васьковскаго приводится письмо Екатерины II, въ которомъ она высказывалась, что «адвокаты, соображаясь съ тѣмъ, когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое». «Адвокаты и прокураторы у меня не законодательствуютъ и никогда законодательствовать не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Екатерина II оказалась совершенно права, и Императоръ Николай I съ такой же увѣренностью говорилъ кн. Голицыну, отстаивавшему необходимость введенія адвокатуры: «Нѣтъ, князь, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты. Проживемъ и безъ нихъ» [2]). Какъ глубоко и безапелляціонно Императоръ былъ убѣжденъ въ ненужности у насъ адвокатуры, можно судить по слѣдующему примѣру. У Пушкина, въ его Исторіи пугачевскаго бунта, имѣется нынѣ такое примѣчаніе: «Паду-

---

[1]) Журналъ «Пчела» 1875 г., за № 38, статья Р. Авторъ этой статьи ссылается на разысканія англійскаго писателя Джона Тимбса, который пользовался современной Петру газетой «Book of the days» (издававшейся Chamterk'омъ), гдѣ и находится интересующее насъ извѣстіе.

[2]) Васьковскій, с. 320.

ровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненнымъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противу закона. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость адвокатовъ». Примѣчаніе это, свидѣтельствующее о глубокой вдумчивости и проницательности геніальнаго поэта, было вычеркнуто цензурой, во главѣ которой, какъ извѣстно, стоялъ въ данномъ случаѣ самъ Императоръ. Мысль о необходимости адвокатуры признавалась безусловно вредной и опасной, и Императоръ не упускалъ случая искоренять ее, гдѣ бы онъ съ ней ни встрѣчался.

Необходимо оговориться, что такое предубѣжденіе противъ адвокатуры отнюдь не составляетъ какой-либо національной или вообще специфической особенности. Оно встрѣчается весьма нерѣдко и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, но непремѣнно при одномъ условіи — при отсутствіи принципа законности и господствѣ произвола. Такъ, напр., учредительное собраніе во Франціи, о чемъ уже упоминалось выше, постановило уничтожить сословную организацію адвокатуры, а Наполеонъ I по поводу представленнаго ему проекта организаціи адвокатуры написалъ: «пока я буду носить шпагу, я не подпишу подобнаго декрета. Я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ всякому адвокату, который употребилъ бы его противъ правительства» [1]). Точно такъ же во времена второй реставраціи были люди, которые громко кричали, что адвокатъ, защищающій политическаго преступника, дѣлается сообщникомъ въ преступленіи [2]).

Напрасно поэтому монархи и властители въ объясненіе своего предубѣжденія противъ адвокатуры ссылаются на политическую роль, какую она играетъ и играла, особенно во Франціи. Мирабо, Марату и Робеспьеру, дѣятельность которыхъ служила для Императора Николая основаніемъ пред-

---

[1]) Васьковскій, с. 123.

[2]) Лохвицкій, Фр. адвокатура, Р. Сл., 1854 г., 7, 8.

убѣжденія противъ адвокатуры [1]), можно противупоставить знаменитыхъ защитниковъ Людовика XVI и Маріи Антуанеты, Мальсерба, де Сеза, Шово-Делагарда и др., изъ коихъ одинъ сложилъ голову на эшафотѣ, а другіе спаслись бѣгствомъ. «Пора,—такъ прямо и говорилось въ обвинительномъ актѣ,—чтобы защитникъ вдовы Капета сложилъ свою голову на томъ же эшафотѣ». Слова эти, дышащія такой непримиримой ненавистью къ адвокатурѣ, диктовалъ тотъ самый Робеспьеръ, призракъ котораго пугалъ Николая I и который столь неожиданно сошелся съ Императоромъ въ своей ненависти къ адвокатурѣ.

Такимъ образомъ — и яркій представитель абсолютизма и страстные дѣятели революціи одинаково враждебно, и притомъ по однимъ и тѣмъ же мотивамъ, относились къ адвокатурѣ. Не потому вовсе, что, какъ объясняла Екатерина II, адвокатура защищаетъ то справедливое, то несправедливое, а, напротивъ, именно потому и постольку, поскольку она неустрашимо исполняетъ свой высокій долгъ. Понятно поэтому, что чѣмъ меньше въ странѣ законности, чѣмъ безудержнѣе господствуетъ произволъ, тѣмъ враждебнѣе и нетерпимѣе должна относиться власть къ адвокатурѣ. А отсюда и политическая окраска, которою характеризуется профессія адвоката и которая подчасъ пріобрѣтаетъ весьма яркіе оттѣнки. Нужно твердо помнить: не профессія адвоката сама по себѣ, а такое или иное отношеніе къ ней власти придаетъ профессіи то болѣе, то менѣе яркій политическій оттѣнокъ, порою застилающій самое существо профессіи. Исполняя свой профессіональный долгъ, отстаивая силу закона и протестуя противъ всякихъ на него посягательствъ, адвокатъ тѣмъ самымъ выступаетъ противъ правительства, поскольку оно само насаждаетъ произволъ, и при такихъ условіяхъ государственной жизни дѣятельность адвоката неизбѣжно пріобрѣтаетъ «противоправительственный» характеръ [2]).

---

1) Изъ нихъ, однако, только Робеспьеръ былъ адвокатомъ.

2) Въ нашей литературѣ эта мысль нашла себѣ выраженіе у М. М. Винавера. «Уже одно то, что адвокатура служила въ разныя эпохи то опорою,

Едва ли поэтому нужно пояснить, что отмѣченное отношеніе къ адвокатурѣ было вполнѣ понятно и послѣдовательно, и что на пути къ коренной судебной реформѣ необходимость введенія у насъ европейской адвокатуры должна была служить самымъ серьезнымъ препятствіемъ.

Къ концу пятидесятыхъ годовъ, однако, послѣ крымскаго разгрома, мысль о судебной реформѣ окончательно созрѣла, и неотложность послѣдней пріобрѣла характеръ неумолимой наглядности. По условіямъ времени, реформа должна была совершиться въ направленіи введенія состязательнаго начала, какъ основного регулятора процесса. Тогда господствовало убѣжденіе, что «состязательный процессъ есть самый древній, самый естественный, а потому первый, или, лучше сказать, единственный способъ судопроизводства» [1]). Но «необходимое условіе введенія состязательнаго процесса, какъ неоднократно повторяется въ офиціальныхъ запискахъ, есть учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ» [2]). Слѣдовательно, организація сословія адвокатуры становилась необходимой предпосылкой неотложной реформы. Отсюда, какъ уже замѣчено выше, возникала опасность для судебной реформы вообще. Но, съ другой стороны, такъ какъ сознаніе неотложности реформы все болѣе назрѣвало въ обществѣ къ этому времени, вопросъ объ адвокатурѣ невольно сталъ сосредоточивать на себѣ общественное вниманіе. «Противъ адвокатуры, — пишетъ «Русск. Вѣстникъ», — сколько мы знаемъ, существуетъ у насъ нелѣпое предубѣжденіе» [3]). «Мы особенно остановились на адвокатурѣ, — читаемъ мы въ томъ же журналѣ за слѣдующій годъ, — потому, что воз-

---

то противовѣсомъ одной и той же политической системы, доказываетъ, что въ ней не было ничего политическаго въ истинномъ смыслѣ слова, что она руководилась своими особыми началами и что отношеніе ея къ власти и взаимное отношеніе власти къ ней зависѣло не отъ той или иной политической системы самой по себѣ, а отношенія этой системы къ защищаемому ею правовому принципу». Очерки объ адвокатурѣ, с. 6.

[1]) Такъ писалъ, напр., В. Лешковъ въ программной статьѣ Юрид. Газ., 1866 г., № 1.

[2]) Сводъ Зам., с. 3.

[3]) 1857 г., IX, кн. I.

можность и польза ея въ настоящее время наиболѣе подвергается сомнѣнію, а безъ нея реформа судопроизводства будетъ походить на домъ, выстроенный безъ фундамента» [1]). На всякіе лады и съ разныхъ сторонъ журналы старались разсѣять представленіе, будто бы адвокатура можетъ составлять принадлежность только представительнаго строя. Даже еще въ 1863 г., т.-е. послѣ обнародованія основныхъ положеній реформы, рѣшившихъ вопросъ о введеніи адвокатуры въ положительномъ смыслѣ, проф. Кистяковскій въ своей обстоятельной статьѣ объ адвокатурѣ во Франціи, Англіи и Германіи горячо опровергаетъ мнѣніе, будто введеніе адвокатовъ — «политическое право, которому могутъ покровительствовать республики и конституціонные монархи, а не государства съ инымъ образомъ правленія». «Это заблужденіе, — увѣряетъ, въ свою очередь, нѣкто Г. Д. въ «Русск. Вѣстн.»,—будто адвокаты играли значительную роль въ политическихъ смутахъ».

«Въ политическихъ переворотахъ являлись на передовыхъ мѣстахъ и воины, и адвокаты, и ученые, и духовные, и темные труженики, словомъ, все, что представляло силу и увлекалось возможностью посредствомъ нея одержать верхъ. Но всѣ эти явленія съ ихъ послѣдствіями принадлежатъ исключительно особому строю событій, истекающихъ изъ политической жизни народовъ. Несправедливо, недобросовѣстно перенести ихъ въ сферу обыкновенной текущей гражданской народной жизни, предвидѣть ихъ среди обыденныхъ взаимныхъ отношеній людей и опасаться одинаковыхъ послѣдствій отъ совершенно различныхъ явленій потому только, что дѣятели будутъ носить названія воиновъ, ученыхъ или адвокатовъ».

Забѣгая далеко впередъ, любопытно тутъ же отмѣтить, что, спустя 30 и 40 лѣтъ, когда мы пріобрѣли уже собственный опытъ, вопросъ этотъ неизмѣнно оставался все въ томъ же положеніи. Такъ, напр., не разъ уже цитированная книга Е. В. Васьковскаго появилась въ свѣтъ въ 1893 г., но авторъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ въ 1863 г. это дѣлалъ неиз-

---

[1]) 1858 г., 8 кн., 2, с. 385.

вѣстный авторъ Г. Д., увѣрялъ, что опасенія Екатерины II и Николая I были неосновательны, что не адвокаты были виновниками революціи 1789 г., и что адвокатура «институтъ не политическій, а юридическій. Она преслѣдуетъ тѣ же задачи, что и судъ: защиту права и осуществленіе закона» [1]). А еще десять лѣтъ спустя, накапунѣ перехода къ новому политическому строю, появилось Выс. утв. 8 іюня 1905 г. мнѣніе Гос. Совѣта, съ безнадежной запоздалостью доказывавшее, что и въ самодержавномъ государствѣ законъ долженъ сохранять обязательную силу. Тѣмъ самымъ этотъ офиціальный документъ констатируетъ, что до того сила закона не признавалась, и что отстаивать ее, защищать право и стремиться осуществлять законъ значило вступать въ коллизію съ властью и, слѣдовательно, придавать этой дѣятельности политическій характеръ.

Для большей ясности любопытно сопоставить отмѣченное отношеніе офиціальныхъ круговъ къ адвокатурѣ, съ тѣми перипетіями, которыя пришлось пережить суду присяжныхъ. Сопоставленіе это обнаруживаетъ изумительный съ перваго взгляда параллелизмъ. Ко времени разработки судебной реформы противъ института суда присяжныхъ существовало такое же по существу и столь же сильное предубѣжденіе, какъ и противъ адвокатуры. Какъ сообщаетъ Гр. Джаншіевъ [2]), обсужденіе Гос. Совѣтомъ въ 1857 г. проекта судебной реформы началось съ чтенія Высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещалось касаться вопросовъ о судѣ присяжныхъ и адвокатурѣ. И точно такъ же, какъ проф. Кистяковскій по отношенію къ адвокатурѣ, сенаторъ Буцковскій составлялъ записки, въ которыхъ старался доказать, что судъ присяжныхъ возможенъ и необходимъ не только при представительномъ строѣ, что онъ полезенъ и совмѣстимъ и съ самодержавнымъ режимомъ, такъ какъ это есть институтъ юридическій, а не политическій. Точно такъ же и здѣсь споръ этотъ не прекращался въ теченіе всего полувѣка дѣйствія судебныхъ уставовъ, особенно же страстно онъ разго-

---

[1]) Васьковскій, ч. I, стр. 320.

[2]) Фактъ этотъ категорически подтвержденъ мнѣ А. С. Заруднымъ со словъ отца его.

рѣлся во время работъ комиссіи Н. В. Муравьева. Точно такъ же и здѣсь на вѣскіе, безспорные доводы, что судъ присяжныхъ есть институтъ чисто юридическій, противники и враги этого института отвѣчали ссылками на безспорные факты, свидѣтельствовавшіе, что у насъ и дѣятельность суда присяжныхъ пріобрѣтаетъ противуправительственный характеръ.

3. Адвокаты и общественное мнѣніе.

Итакъ, отрицательное отношеніе дореформенныхъ властей къ адвокатурѣ вполнѣ понятно. Понятно и то, что употреблялись всяческія усилія, чтобы разсѣять господствовавшее предубѣжденіе. Приходится, однако, констатировать, что эти усилія гораздо ярче блистали добрыми намѣреніями, нежели своей содержательностью. Навстрѣчу политическому предубѣжденію противъ адвокатуры шло непониманіе ея профессіональныхъ задачъ. Роль и значеніе адвокатуры рисовались тогда весьма смутно. Такъ, напр., съ одной стороны, высказывалось мнѣніе, что «есть такія дѣла, такія лица, которыхъ защищать передъ судомъ ни одинъ порядочный адвокатъ не возьмется». А съ другой, утверждалось, что «адвокатъ не обязывается оправдывать своего кліента, а только выставлять всѣ обстоятельства, служащія къ облегченію его участи, если преступленіе его очевидно». Такіе замѣтные писатели того времени, какъ П. Ткачевъ, отмѣчая появившійся переводъ двухъ книгъ Миттермайера, доказывали, что при состязательномъ процессѣ корпорація адвокатовъ не только необходима и неизбѣжна, но и разумна. Тѣмъ не менѣе, этотъ институтъ, по убѣжденію автора, есть лишь необходимое зло, и зло, прежде всего, потому, что подъ угрозой исключенія изъ касты (все время авторъ вмѣсто сословія иронически говоритъ о кастѣ) адвокатъ долженъ будетъ вести всякое дѣло [1]).

Но самымъ характернымъ, точнѣе сказать, знаменательнымъ образцомъ можетъ служить статья П. С—ва въ «Русск.

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 2.

Вѣстникѣ» [1]). Допуская адвокатуру въ уголовномъ процессѣ, ибо тамъ «собственно нѣтъ двухъ сторонъ съ противуположными интересами», авторъ находитъ, что «наличность такой противуположности въ гражданскомъ процессѣ исключаетъ возможность допущенія здѣсь адвокатуры». Только одна изъ двухъ противоположныхъ сторонъ можетъ имѣть добросовѣстнаго адвоката. Строгая послѣдовательность требовала бы преданія уголовному суду адвоката неправой стороны, въ случаѣ потери ею тяжбы, за безнравственное и умышленное покушеніе нарушить право, принадлежащее справедливой сторонѣ. Какъ согласить такое требованіе строгой и абсолютной справедливости съ обязанностью, налагаемой самимъ государствомъ на адвокатовъ, имъ же поставленныхъ, нарушать эту справедливость въ половинѣ всѣхъ случаевъ, ввѣряемыхъ ихъ защитѣ?»

Приводя еще и другія возраженія противъ введенія адвокатуры, авторъ понимаетъ, однако, что при отсутствіи адвокатуры образуется пустое мѣсто, которое чѣмъ-нибудь должно быть заполнено. Чѣмъ можно его заполнить, авторъ не знаетъ, но онъ полагаетъ, что «народность русская еще только вступаетъ въ права свои, и мы надѣемся, что она способна сама изобрѣсти себѣ учрежденіе, основанное на ея духѣ, не заимствованное слѣпо, безусловно изъ быта другихъ народовъ и удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ окончательнаго благоустройства Россіи!»

Эта статья рѣзкостью и прямолинейностью своихъ сужденій и тогда уже, повидимому, превзошла мѣру терпимаго. Редакція снабдила ее примѣчаніемъ, въ которомъ заявляетъ о своемъ «полномъ несогласіи съ основными мыслями статьи». Сколько разъ, однако, въ дальнѣйшемъ придется намъ встрѣчаться съ этими мыслями, которыя не только не разсѣивались, но находили себѣ выраженіе даже въ оффиціальныхъ документахъ. Во всякомъ случаѣ, при своемъ появленіи статья П. С—ва произвела сильное впечатлѣніе, и редакція выразила увѣренность, что «возраженія посыплются на нее со всѣхъ сторонъ». Правда, возраженія не посыпались, но одно возраженіе статья С—ва вызвала, и

---

[1]) 1859 г., 3, кн. 2.

возраженіе настолько блестящее по формѣ и исчерпывающее по существу, что и сейчасъ къ нему ничего не оставалось бы прибавить. Возраженіе тоже было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [1]). Автору этой замѣчательной статьи казалось, по его словамъ, что споры могутъ теперь касаться лишь частностей, ибо отвергать принципіально значеніе адвокатуры значитъ просто игнорировать результаты опыта всѣхъ народовъ.

«Тѣмъ не менѣе, — говоритъ авторъ, — появляются еще у насъ отъ времени до времени противники самаго учрежденія, слышатся мнѣнія, заподозрѣвающія самую идею, которая лежитъ въ его основаніи. Поэтому нужно анализировать современный гражданскій оборотъ, а анализъ устанавливаетъ, что этому обороту соотвѣтствуетъ господствующій вездѣ состязательный процессъ, который, въ свою очередь, невозможенъ безъ организованной адвокатуры. Но не въ этомъ только смыслъ и государственное значеніе даннаго института. Только при помощи адвокатовъ судебное состязаніе можетъ достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходимы для того, чтобы судья могъ обозрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, проникнуть въ самую сущность его и составить себѣ твердое убѣжденіе: она только можетъ предохранить судью отъ односторонности взгляда, столь вредной для правильности рѣшенія... Всякое дѣло человѣческое, какъ бы ни было по началу своему разумно и духовно, можетъ превратиться въ механическій трудъ, если человѣкъ допуститъ усилиться въ себѣ равнодушію, этому естественному врагу всякой духовной жизни, а гдѣ нѣтъ духа, тамъ изсякъ источникъ жизни, форма осталась безъ содержанія, чувство долга существуетъ только по имени, и дѣло мысли и разума готово превратиться въ дѣло безсмысленной привычки. Дѣло правосудія подвержено той же опасности. Но когда передъ судомъ послышится живая рѣчь адвоката, знакомаго съ искусствомъ изложенія, когда притомъ передъ судомъ и участвующими въ немъ будутъ не затворенныя двери тайной присутственной камеры, а общество, принимающее живое участіе во всемъ, что происходитъ на судѣ, тогда

---

[1]) 1859 г., 6, 7.

процессъ получитъ видъ дѣйствительной, живой и разумной борьбы. Тогда рѣдкій судья въ состояніи будетъ остаться невнимательнымъ и равнодушнымъ. Въ такомъ только видѣ, т.-е. при участіи адвокатовъ и при открытомъ засѣданіи, судъ сдѣлается лучшею школою для образованія судей и адвокатовъ. Если судъ не есть механическое дѣло, для коего достаточно рутины, если не все равно, кто бы ни судилъ, то для праваго суда необходимо образованіе цѣлаго сословія судей, среди коего хранились бы и непремѣнное чувство судейскаго долга и твердость судебной доктрины, дающей устойчивость рѣшеніямъ, а такое сословіе не можетъ и образоваться безъ содѣйствія адвокатовъ... Борьба слабаго съ сильнымъ, бѣднаго съ богатымъ, зависящаго съ тѣмъ, отъ кого онъ по разнымъ отношеніямъ зависитъ, всегда и вездѣ была затруднительна и опасна. Въ иныхъ случаяхъ такая борьба была бы рѣшительно невозможна безъ помощи адвоката. Адвокатъ, если онъ, какъ и слѣдуетъ, находится въ положеніи независимомъ ни отъ правительственныхъ лицъ, ни отъ судей, и самъ не принадлежитъ къ офиціальному составу суда, если, надѣясь на нравственную силу дѣла, которое защищаетъ, онъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ опереться на нравственную силу цѣлой корпораціи, къ которой принадлежитъ, и на сознаніе общества, присутствующаго при борьбѣ, адвокатъ—и прибавимъ, одинъ только адвокатъ,—въ состояніи смѣло рѣшиться на состязаніе съ личнымъ интересомъ матеріальной силы и выставить противъ нея оружіе силы духовной. Передъ адвокатомъ можетъ устыдиться и грубое насиліе, хотя оно не обратило бы вниманія на робкія возраженія человѣка, котораго оно привыкло почитать ничтожнымъ и зависящимъ... Адвокатомъ можетъ быть не всякій, кто достаточно приготовленъ къ этому званію... Сословіе адвокатовъ, такъ же какъ и сословіе судей, тогда только можетъ исполнить свое назначеніе и удовлетворить своей цѣли, когда будетъ сословіемъ въ самомъ себѣ заключеннымъ, стоящимъ возлѣ судебной власти, но не зависящимъ отъ нея. Законодатель не долженъ забывать, что есть сословія, для которыхъ только честь и убѣжденія могутъ служить надежнымъ руководствомъ и основаніемъ порядка, для которыхъ

владычество матеріальной силы и безусловнаго приказа было бы гибельно. Для вступленія въ такое сословіе должны быть установлены формальныя требованія, но какъ скоро сословіе организовалось, необходимо предоставить ему свободную, независимую дѣятельность».

Статья эта, и сейчасъ поражающая яркостью, отчетливостью, а главное — высокой принципіальностью своихъ сужденій, принадлежитъ перу лица, сыгравшаго впослѣдствіи весьма замѣтную роль въ исторіи Россіи. Она написана К. П. Побѣдоносцевымъ, который служилъ тогда по Министерству Юстиціи. Онъ, однако, не былъ приглашенъ къ непосредственному участію въ работахъ по преобразованію судебной части, а лишь давалъ свои отзывы на вырабатываемые проекты [1]).

Итакъ, съ одной стороны С—въ съ его увѣренностью, что въ каждомъ процессѣ адвокатъ одного изъ тяжущихся поступаетъ безчестно; съ другой, К. Побѣдоносцевъ съ его утвержденіемъ, что безъ адвокатуры нѣтъ правосудія. Таковы эти крайнія вѣхи, опредѣляющія амплитуду колебаній во взглядахъ на роль и задачи адвокатуры. Не нужно доказывать, что амплитуда эта слишкомъ велика. Но тѣмъ важнѣе констатировать, что какъ она опредѣлилась сразу при введеніи реформы, такъ и осталась неизмѣнной до нашихъ дней. Въ этомъ не разъ придется убѣждаться при дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь же слѣдуетъ съ глубокимъ вниманіемъ остановиться на приведенной статьѣ К. Побѣдоносцева и отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ высоко поднимался уровень мысли лучшихъ представителей тогдашней бюрократіи и какими чистыми идеалами они были одушевлены.

---

[1]) По словамъ А. С. Заруднаго, у него имѣется относящееся приблизительно къ тому времени письмо К. П. Побѣдоносцева къ С. И. Зарудному. Отвѣчая на вопросъ С. И. Заруднаго, почему онъ въ замѣчаніяхъ своихъ на препровождаемые къ нему проекты проявляетъ такую страстность, К. П. Побѣдоносцевъ поясняетъ, что въ проектахъ онъ не видитъ соотвѣтствія потребностямъ страны, что въ нихъ сказывается обычное пренебреженіе бюрократіи къ истиннымъ нуждамъ народа, и что онъ, Побѣдоносцевъ, тѣмъ рѣшительнѣе противъ этого протестуетъ, чѣмъ сильнѣе опасается, что эта бюрократическая тина грозитъ и его засосать.

II.

РАЗРАБОТКА И ВВЕДЕНІЕ ПРАВИЛЪ ОБЪ АДВОКАТУРѢ.

4. Первоначальные проекты реформы.

Выше уже было упомянуто, что еще въ 1857 г. обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ внесенныхъ вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи основныхъ положеній началось съ чтенія Высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещалось касаться, между прочимъ, вопроса объ адвокатурѣ. Соотвѣтственно этому, относящіеся къ тому времени проекты всячески старались найти компромиссъ между отвращеніемъ къ адвокатурѣ и неумолимыми требованіями состязательнаго процесса. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ объяснительной запискѣ къ проекту устава гражд. судопроизводства.

«Мы уже признали необходимымъ совершенно устранить Канцелярію Судовъ низшихъ и среднихъ инстанцій отъ участія въ докладѣ, и, обозрѣвая различныя установленныя для сего правила въ законахъ иностранныхъ, замѣчали, что представленіе Суду дѣла защитниками, равно докладъ оныхъ по систематическимъ изъ дѣла выпискамъ, у насъ почти совершенно невозможно, ибо мы не имѣемъ сословія адвокатовъ, или защитниковъ; не имѣемъ даже и надежды найти, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, достаточно приготовленныхъ къ тому людей».

Но мало этого: объяснительная записка полагаетъ, что у насъ не только нѣтъ надежды имѣть адвокатовъ, но намъ не слѣдуетъ и стремиться къ этому.

«Не должно терять изъ виду, какъ можетъ быть вредно, даже опасно для государства, если основательныя юридическія свѣдѣнія будутъ болѣе распространены въ другомъ классѣ и разрядѣ людей, нежели между лицами, употребляемыми Правительствомъ, хотя, безъ сомнѣнія, желательно и нужно, чтобы всѣ эти свѣдѣнія были распространены и за предѣлами сего круга, для того, чтобы у насъ могли образоваться хорошіе повѣренные, столь необходимые къ состязанію передъ судомъ».

Эти жалкія хитросплетенія проектовъ II Отдѣленія Собственной канцеляріи встрѣчали самую уничтожающую критику. Въ имѣющемся у меня экземплярѣ «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Имперіи» содержится рукописная записка князя Д. Оболенскаго, тоже служившаго по Министерству Юстиціи, который, подвергая проектъ обстоятельному анализу, въ части, касающейся адвокатуры, не оставляетъ отъ него камня на камнѣ. «Мы поставлены, — иронически замѣчаетъ авторъ, — въ слѣдующее безвыходное положеніе: съ одной стороны, у насъ судопроизводство дурное, потому что нѣтъ адвокатовъ, а, съ другой стороны, адвокатовъ у насъ нѣтъ потому, что судопроизводство дурно». Неужели, — спрашиваетъ далѣе авторъ, — распространеніе основательныхъ юридическихъ свѣдѣній между гражданами можетъ быть вредно и опасно, когда основной законъ говоритъ, что невѣдѣніемъ закона никто не отговаривается?

«И какимъ образомъ распространеніе основательныхъ юридическихъ свѣдѣній можетъ быть признаваемо вреднымъ и опаснымъ, когда въ то же время возрождается не только желаніе, но и необходимость ихъ распространенія. Чѣмъ объяснить подобное противорѣчіе?

«Къ счастью, вопросъ о томъ, можетъ ли у насъ въ настоящее время существовать сословіе адвокатовъ, разрѣшается независимо отъ сихъ умствованій просто существующимъ фактомъ. Да, у насъ есть уже и теперь сословіе адво-

катовъ, но сословіе незаконное, вызванное къ своему существованію силою вещей и необходимостью.

«Никто въ Россіи, начиная отъ крестьянина и до члена Государственнаго Совѣта, не ходатайствуетъ въ судебныхъ мѣстахъ лично, а всегда черезъ повѣренныхъ.

«Разница между этими повѣренными и адвокатами только та, что первые, не подлежа никакому надзору и контролю, могутъ безнаказанно грабить, обманывать и продавать своихъ кліентовъ, тогда какъ вторые, состоя подъ надзоромъ и отчетностью власти, ограничены въ своемъ произволѣ.

«Трудность пріисканія честнаго и дѣльнаго повѣреннаго, конечно, неизвѣстна высшимъ правительственнымъ лицамъ, дѣлами которыхъ обыкновенно завѣдываютъ чиновники, служащіе въ ихъ вѣдомствѣ, а для частныхъ людей эта трудность равняется почти невозможности, и всякій, подписывающій довѣренность, обязательная форма которой кончается словами: «и что вы учините, о томъ спорить и прекословить не буду»,—отдаетъ себя и достояніе свое на жертву безнаказанному произволу повѣреннаго.

«Такія вопіющія беззаконія совершаются подъ охраною сихъ роковыхъ словъ.

«Общественное мнѣніе оклеймило своимъ презрѣніемъ сословіе повѣренныхъ, и до тѣхъ поръ, пока правительство не дастъ сему сословію правильной и законной организаціи, до тѣхъ поръ ни одинъ честный и уважающій себя человѣкъ не вступитъ въ него.

«Какихъ же знаменій должно ожидать, чтобы убѣдиться въ томъ, что у насъ есть люди съ достаточными юридическими познаніями для образованія сословія адвокатовъ?

«Куда же дѣваются сотни молодыхъ людей, ежегодно выпускаемыхъ изъ юридическихъ факультетовъ университетовъ и Училища Правовѣдѣнія? Большая часть изъ нихъ охотно обратилась бы къ занятіямъ адвокатовъ, ежели бы званіе это вошло въ составъ государственныхъ учрежденій и получило бы законную организацію. Въ настоящее время, когда идетъ рѣчь объ уменьшеніи чиновниковъ, въ особенности представляется крайняя необходимость дать исходъ дѣятельности молодыхъ юристовъ на другомъ поприщѣ.

Какъ же не подумать объ этомъ серьезно, не собрать свѣдѣній, а утверждать такъ положительно, что у насъ нѣтъ способныхъ юристовъ? Можетъ быть, въ первое время и будетъ въ нихъ недостатокъ (въ чемъ, впрочемъ, мы сомнѣваемся), но, вѣдь, и медиковъ для потребности Россіи мало, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было считать образованіе сословія врачей невозможнымъ и дозволять каждому, не доказавшему познаній своихъ въ медицинѣ, лѣчить, не опасаясь никакой отвѣтственности...»

Записка князя Оболенскаго любопытна не столько по своему содержанію, сколько по всему тону, свидѣтельствующему, какой горячій интересъ привлекала къ себѣ судебная реформа. Съ точки зрѣнія содержанія, гораздо важнѣе отвѣтъ на эту записку. Отвѣтъ этотъ принадлежитъ одному изъ творцовъ будущихъ судебныхъ уставовъ, ихъ доблестному рыцарю, С. И. Зарудному. Въ отвѣтѣ онъ, въ противоположность К. П. Побѣдоносцеву; выступаетъ яркимъ представителемъ офиціальнаго оппортунизма и смѣло беретъ на себя тяжелую задачу отстаивать офиціальные проекты отъ нападокъ общественнаго мнѣнія. Самая манера отвѣта настолько характерна, а личность автора настолько замѣчательна и популярна, что было бы ошибкой не привести его возраженій его подлинными словами.

«Второе средство, предлагаемое авторомъ, состоитъ въ установленіи у насъ сословія адвокатовъ. Сословіе адвокатовъ имѣетъ различный кругъ дѣйствій въ различныхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ Державахъ существуютъ адвокаты, состоящіе постоянно при судахъ. На нихъ возложена обязанность приготовлять дѣло къ слушанію, представлять постоянно предъ судомъ лицо тяжущагося и подавать отъ его имени всѣ требованія и возраженія. Посредничество ихъ между судомъ и тяжущимся обязательно для сего послѣдняго. Въ другихъ державахъ существуетъ свободное сословіе адвокатовъ, вовсе не принадлежащихъ къ составу того или другого суда. На нихъ возложена обязанность защищать права тяжущихся, словесно или публично, въ присутствіи суда и самихъ тяжущихся. Во Франціи существуютъ и тѣ и другіе адвокаты. Каковой именно видъ адвокатовъ слѣдуетъ

ввести у насъ, — этого авторъ записки, употребляющій слово адвокатъ въ обширномъ смыслѣ, не объясняетъ, и потому указанное имъ средство установленія адвокатовъ въ Россіи, и по самой неопредѣлительности своей, не имѣетъ практическаго значенія. Допуская возможность введенія у насъ адвокатовъ перваго рода, состоящихъ при судѣ, нельзя, однако же, не согласиться съ тѣмъ, что новымъ уставомъ образовать цѣлое сословіе адвокатовъ невозможно. Таковой уставъ остался бы только на бумагѣ, приведеніе его въ исполненіе могло бы имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда сословіе адвокатовъ образовалось бы въ дѣйствительности. Очевидно, что для введенія адвокатовъ необходимы предварительныя мѣры, допускающія возможность образованія сего сословія. Для сего нужно дозволить всякому, получившему образованіе въ какомъ-либо училищѣ, приписаться къ тому или другому суду, съ предоставленіемъ ему служебныхъ правъ и преимуществъ. Этою предварительною мѣрою существующіе нынѣ негласные повѣренные сдѣлаются гласными и, слѣдовательно, недобросовѣстные замѣнятся добросовѣстными, число ихъ опредѣлится, тяжущимся сдѣлается извѣстно ихъ существованіе, выборъ повѣреннаго сдѣлается менѣе затруднительнымъ, и, такимъ образомъ, образуется и самое сословіе гласныхъ повѣренныхъ, и тогда можно будетъ возложить на нихъ обязанность хожденія по дѣламъ и посредничество ихъ сдѣлать для всякаго тяжущагося обязательнымъ. Собраніе въ настоящее время свѣдѣній о числѣ повѣренныхъ не приведетъ къ полезнымъ результатамъ и не откроетъ истины, по самой простой причинѣ: повѣренные, хотя и дѣйствуютъ по дѣламъ, но негласнымъ образомъ, и потому, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, всегда окажется, что ихъ нѣтъ. Необходимо сначала обратить ихъ въ гласные повѣренные и тогда уже собирать свѣдѣнія о числѣ повѣренныхъ. Сколько мнѣ извѣстно, II Отдѣленіе уже занимается изготовленіемъ законоположенія сего рода, о введеніи у насъ присяжныхъ повѣренныхъ при судахъ, посредничество коихъ между судомъ и тяжущимися не должно быть до окончательнаго образованія сего сословія обязательно. Слѣдова-

тельно, если II Отдѣленіе не ввело въ свой проектъ установленія присяжныхъ повѣренныхъ, ни сословія свободныхъ адвокатовъ, то это обстоятельство показываетъ только, что оно смотритъ на вопросъ объ адвокатахъ съ практической точки зрѣнія и сознаетъ невозможность введенія у насъ присяжныхъ стряпчихъ однимъ уставомъ, безъ предварительной по сему предмету мѣры, которая должна способствовать образованію самаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ».

Трудно повѣрить, чтобы авторомъ этого увертливаго, оппортунистическаго разсужденія былъ С. И. Зарудный, имя котораго связано въ нашемъ представленіи съ самой замѣчательной русской реформой. Но тѣмъ цѣннѣе сейчасъ для насъ эти строки, ибо онѣ ясно освѣщаютъ тотъ безконечно длинный путь, который пришлось пройти власти, чтобы добраться, наконецъ, до судебныхъ уставовъ.

Приведенное разсужденіе С. И. Заруднаго подтверждаетъ правильность высказанной выше мысли, что необходимость введенія адвокатуры стояла дополнительнымъ препятствіемъ на пути проведенія судебной реформы. С. И. Зарудный опасался, что постановка вопроса объ адвокатурѣ грозитъ отсрочкой осуществленія какой бы то ни было реформы правосудія, и, чтобы получить что-либо, готовъ былъ удовольствоваться самымъ малымъ. Ошибка С. И. Заруднаго въ томъ, что онъ не оцѣнилъ силы тогдашняго общественнаго настроенія. Уступать пришлось гр. Блудову, который и вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости организаціи у насъ адвокатуры, и это предложеніе получило одобреніе. «На одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ моихъ, — пишетъ гр. Блудовъ въ официіальной бумагѣ, — въ которомъ упоминалось, между прочимъ, о предположеніи имѣть при судахъ официіальныхъ повѣренныхъ, коимъ тяжущіеся могли бы ввѣрять хожденіе по дѣламъ, и о томъ, что замѣна такими повѣренными, которыхъ слѣдовало бы назвать присяжными стряпчими, нынѣшнихъ частныхъ ходатаевъ была бы весьма полезной не только для тяжущихся, но и для хода правосудія и облегчила бы усовершенствованіе нашего судопроизводства гражданскаго, Государь Императоръ изволилъ собственноручно отмѣтить:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ

ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

О

Присяжныхъ Стряпчихъ.

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, о коемъ уже доведено мною до свѣдѣнія Государственнаго Совѣта, имѣю честь представить на усмотрѣніе его мои мысли и предположенія о введеніи у насъ въ производство судныхъ гражданскихъ дѣлъ новаго, такъ сказать. элемента, именно *оффиціальныхъ повѣренныхъ*, или же *Присяжныхъ Стряпчихъ*.

Вопросъ о практической пользѣ, или правильнѣе, даже о необходимости такого установленія давно рѣшенъ, по крайней мѣрѣ для людей безпристрастныхъ тщательно наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ тяжебныхъ. Нынѣ во всей Европѣ нѣтъ почти ни одного государства, въ которомъ они не были бы установлены, подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ.

Вездѣ чувствовали, вездѣ убѣдились и дѣйствительно при подробномъ разсмотрѣніи сего важнаго предмета, нельзя не притти къ убѣжденію, что безъ образованія такого сословія, благонадежныхъ, и какъ-бы освященныхъ ручательствомъ Правительства повѣрен-

«если Вы признаете мысль эту дѣйствительно полезною, то можно бы ее предложить при будущемъ обсужденіи устава о судопроизводствѣ въ Совѣтѣ» [1]).

Результатомъ этого Высочайшаго повелѣнія и былъ первый «проектъ постановленія о присяжныхъ стряпчихъ», помѣщенный въ IV томѣ Дѣла о преобразованіи судебной части. Проектъ состоитъ изъ 11 статей и, воспроизводя въ сущности положеніе о присяжныхъ стряпчихъ при коммерческихъ судахъ, ничего общаго не имѣетъ съ приведеннымъ выше проектомъ Комиссіи составленія законовъ. Существенное отличіе отъ закона 1832 г. заключается въ томъ, что въ коммерческихъ судахъ, по общему правилу, повѣренными могутъ быть только присяжные стряпчіе,—а проектъ отказывается отъ монополіи и предоставляетъ всякому, «не желающему имѣть лично хожденіе по своему тяжебному дѣлу,—либо поручить дѣло присяжному стряпчему, либо избрать для сего по собственному усмотрѣнію повѣреннаго изъ частныхъ людей». Другое важное отличіе отъ закона 1832 г. и единственное сходство съ упомянутымъ проектомъ заключалось въ томъ, что уже въ этомъ первомъ проектѣ на присяжныхъ стряпчихъ возлагалась обязанность «производить безвозмездно дѣла людей, представившихъ надлежащее свидѣтельство о бѣдности».

Но гораздо интереснѣе самого проекта объяснительная записка къ нему, которая ставитъ всѣ точки на «і» и весьма рельефно обрисовываетъ ту обстановку, въ которой создавалось у насъ сословіе адвокатовъ. Въ противоположность общественному мнѣнію, которое громко требовало, чтобы классъ адвокатовъ образовался изъ совершенно новыхъ источниковъ, объяснительная записка настойчиво желаетъ подчеркнуть, что ничего новаго проектъ не вводитъ, и заботливо поэтому дѣлаетъ указаніе, что «цѣль ихъ (т.-е. прис. стряпчихъ) установленія есть не иная, какъ лучшее устройство такого порядка, который давно уже введенъ обычаемъ, или, лучше сказать, — необходимостью, и что только по

---

[1]) Эта выписка найдена въ копіи въ бумагахъ С. И. Заруднаго и любезно сообщена намъ А. С. Зарудным.

названію это «новый», такъ сказать (!), элементъ офиціальныхъ повѣренныхъ». Задача авторовъ записки заключается не въ томъ, чтобы подкрѣпить и выяснить тѣ основанія, на коихъ сословіе адвокатуры можетъ правильно функціонировать, а чтобы оправдать такой шагъ и разсѣять страхи. Отсюда ссылка на Пруссію. Фридрихъ II рѣшилъ адвокатовъ отмѣнить, считая ихъ виновниками продолжительности гражданскихъ процессовъ и огромныхъ проистекающихъ отсюда для тяжущихся убытковъ и издержекъ. Но эти «весьма любопытные опыты Правительства Прусскаго» оказались неудачными. «Со временемъ всѣ убѣдились, что Фридрихъ II, сколь ни былъ вообще вѣренъ взглядъ его на вещи, ошибался, приписывая однимъ адвокатамъ продолжительность и запутанность гражданскихъ процессовъ, что то и другое было послѣдствіемъ не учрежденія адвокатовъ, а собственно неполноты, неясности и многосложности самыхъ правилъ о судопроизводствѣ». Далѣе записка удостовѣряетъ, что «подобные сему опыты дѣлались почти во всѣхъ государствахъ европейскихъ», и послѣ этого «вездѣ чувствовали, вездѣ убѣдились, и дѣйствительно, при подобномъ разсмотрѣніи сего важнаго предмета, нельзя не притти къ убѣжденію, что безъ образованія такого сословія благонадежныхъ и какъ бы освященныхъ ручательствомъ Правительства повѣренныхъ едва ли есть возможность привести въ надлежащее исполненіе постановленія о судопроизводствѣ гражданскомъ».

Записка естественно не подозрѣваетъ, что всѣ «опыты» зависѣли не отъ того, сколь вѣренъ былъ взглядъ Фридриха II на вещи, а явились результатомъ опредѣленной системы судоустройства, въ свою очередь отражавшей опредѣленное государственное міросозерцаніе. Но все же, хотя и очень робко, записка подходитъ къ тому вѣрному пути, на который такъ громко звалъ К. П. Побѣдоносцевъ. Однако, вступить на этотъ путь она не рѣшается и вмѣсто того увязаетъ въ тинѣ мелкихъ практическихъ соображеній. Присяжные стряпчіе необходимы, такъ какъ «безъ сего всѣ сроки должны по необходимости быть весьма продолжительны», ибо всякіе вызовы нужно посылать самимъ тяжущимся, мѣсто жительства коихъ можетъ быть и весьма отдаленно. «Сверхъ сего», въ

уставѣ должно быть «по необходимости множество мелкихъ постановленій разнаго рода, для обезпеченія правильности въ теченіи дѣлъ», ибо тяжущіеся обыкновенно незнакомы съ формальностями. А всего болѣе нужны хорошіе, съ основательными юридическими познаніями, стряпчіе для надлежащаго точнаго и полнаго поясненія дѣла, ибо иначе приходится тяжущимся дозволить подавать безконечное число бумагъ, которыя, однако, не только не разъясняютъ, но все больше запутываютъ дѣло.

Вотъ и все! Никакихъ другихъ соображеній не приводится. А если это такъ, то, очевидно, вся реформа не должна выходить изъ предѣловъ намѣченной узко практической потребности. Поэтому,—читаемъ мы далѣе въ запискѣ,—хотя и нашъ собственный опытъ, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, удостовѣряетъ насъ въ истинѣ сего (т.-е. въ необходимости адвокатуры), но «изъ того, однако же, не должно заключать, чтобы, сознавая пользу или даже и необходимость установленія присяжныхъ стряпчихъ, мы полагали имѣть ихъ въ томъ же видѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты въ другихъ земляхъ, напримѣръ, во Франціи». Конечно, нѣтъ: во Франціи, какъ всѣмъ извѣстно, адвокаты образуютъ отдѣльное сословіе, «самоуправляющееся». «При такомъ устройствѣ... адвокаты во Франціи достигли политическаго значенія, несогласнаго съ дѣйствительнымъ ихъ призваніемъ». Но въ другихъ земляхъ, напр., въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, въ Голландіи, въ Пьемонтѣ, въ Неаполѣ, въ Греціи, *нѣтъ гибельнаго дѣленія на повѣренныхъ (avoués) и адвокатовъ*. Послѣдніе исполняютъ и обязанности первыхъ; «они назначаются отъ правительства и состоятъ въ зависимости и подъ надзоромъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ исполняютъ свою должность». Такое судоустройство уже никакими опасностями не угрожаетъ. Но на всякій случай—береженаго и Богъ бережетъ—нужно принять и дальнѣйшія мѣры. Намъ «можно,—продолжаетъ записка, — и мы смѣемъ думать, даже полезно будетъ еще болѣе удалиться отъ основного учрежденія адвокатовъ во Франціи» и взять въ примѣръ (что «всего удобнѣе и легче») порядокъ, существующій

въ нашихъ судахъ коммерческихъ, при коихъ уже установлены присяжные стряпчіе, положить въ основу положеніе объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ ономъ свойство и положеніе защитниковъ или адвокатовъ почти совершенно одинаковы съ положеніемъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства». Еще характернѣе, что съ такой же прямолинейностью рѣшенъ вопросъ о наименованіи. «На основаніи той же общей мысли я полагаю, — пишетъ гр. Блудовъ, — что было бы неудобно и давать имъ наименованіе адвокатовъ или защитниковъ, какъ они называются въ Царствѣ Польскомъ, и что лучше сохранить въ семъ случаѣ названіе, къ коему всѣ привыкли, повѣреннаго или стряпчаго, только съ присовокупленіемъ словъ: присяжныхъ, какъ людей, коихъ благонадежность въ нѣкоторой мѣрѣ признается правительствомъ».

Эта объяснительная записка заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, ее нужно хорошо запомнить. Она наглядно показываетъ, какое глубокое органическое недовѣріе къ адвокатурѣ питала тогда бюрократія и съ какой опаской она приступала къ организаціи этого института. Казалось бы, что упомянутое выше Высочайшее повелѣніе, ликвидируя запрещеніе подымать вопросъ объ адвокатурѣ, предусматривало введеніе въ отправленіе правосудія элемента новаго, до того небывалаго у насъ. Иначе гр. Блудову незачѣмъ было бы испрашивать спеціальное Высочайшее повелѣніе на составленіе проекта. Но, приступивъ къ составленію проекта, гр. Блудовъ не могъ отрѣшиться отъ закоренѣлаго недовѣрія и сразу отказался отъ всякой мысли о какихъ бы то ни было новшествахъ, не забывъ и о томъ, что самое наименованіе адвокатъ не должно быть у насъ допущено.

Всѣми своими корнями записка эта глубоко уходитъ въ прошлое. И естественно поэтому, что между проектируемыми ею новыми судебными чиновниками и предложеніемъ К. П. Побѣдоносцева создать самоуправляющееся сословіе— лежитъ пропасть, черезъ которую перекинуть мостъ нельзя.

Къ сожалѣнію, однако, въ дальнѣйшемъ этотъ первый проектъ не былъ отвергнутъ. Напротивъ, именно онъ и былъ положенъ въ основаніе послѣдующаго обсужденія и, какъ

бы далеко ни отстояло окончательное положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ отъ первыхъ предположеній, оно, какъ будетъ видно ниже, преемственно развилось изъ проекта гр. Блудова.

Въ 1859 г., въ двухъ засѣданіяхъ 27 марта и 24 апрѣля, проектъ гр. Блудова подвергнутъ былъ обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскомъ и законовъ [1]). Государственный Совѣтъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ II Отдѣленія о томъ, что «наше учрежденіе повѣренныхъ должно получить направленіе, совершенно отличное отъ Франціи». Предоставленіе адвокатурѣ самоуправленія есть результатъ «односторонности» (!). «Повѣренные у насъ должны составлять не независимое сословіе, а учрежденіе, состоящее подъ надзоромъ высшей судебной власти въ Имперіи». Высказавшись съ такой категоричностью, Государственный Совѣтъ непосредственно отсюда приходитъ къ мысли объ образованіи Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. («Для сего Соединенные департаменты признали необходимымъ, чтобы... избирали изъ среды себя Совѣтъ»). Ничего общаго, конечно, этотъ Совѣтъ не имѣетъ съ своими иностранными прообразами, онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго стряпчаго или губернскаго прокурора. Его функціи сводятся къ «первоначальному разсмотрѣнію прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ», которые утверждаются въ должности судомъ, и къ назначенію повѣренныхъ для веденія дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Но учрежденіемъ Совѣта дѣлается какъ бы шагъ впередъ по пути введенія у насъ чего-то новаго, вмѣсто распространенія института присяжныхъ стряпчихъ, окончательно дискредитированнаго къ этому моменту. На тотъ же счетъ необходимости какой-нибудь, хотя бы внѣшней новизны нужно отнести замѣну наименованія присяжныхъ стряпчихъ присяжными повѣренными, что должно было усилить предположеніе о введеніи «новаго, такъ сказать (!), элемента».

Взглядъ на присяжнаго повѣреннаго, какъ на чиновника

---

[1]) «Дѣло», т. X.

судебнаго вѣдомства, и на отправленіе обязанностей адвоката, какъ на состояніе въ должности, естественно привелъ къ вопросу объ отношеніи между адвокатурой и государственной службой. Съ одной стороны, повѣренный не состоитъ на службѣ правительства и потому не можетъ пользоваться преимуществами, со службой сопряженными. Но, съ другой стороны, чтобы привлечь людей образованныхъ къ исполненію обязанностей повѣренныхъ, необходимо предоставить имъ какія-либо права. Отсюда правило — присяжные повѣренные, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права ни на пенсію, ни на производство въ чины и награды орденами, но пользуются всѣми прочими преимуществами службы. Какія, однако, эти «всѣ прочія преимущества» — неизвѣстно. Единственное преимущество, какъ указывается въ замѣчаніяхъ на проектъ, заключается въ правѣ служащаго, сдѣлавъ долгъ, не платить его, или, по крайней мѣрѣ, не разомъ уплатить его, не подвергаясь за неуплату аресту и тюремному заключенію.

«Но неужели,—спрашиваютъ замѣчанія,—слѣдуетъ распространить и на присяжнаго повѣреннаго это право, которое въ отношеніи всѣхъ прочихъ лицъ слѣдовало бы уничтожить?» Очевидно, нѣтъ,—и тѣмъ не менѣе предположеніе, высказанное проектомъ гр. Блудова о предоставленіи адвокатурѣ преимуществъ государственной службы такъ и переходило послѣдовательно изъ одного проекта въ другой вплоть до послѣдняго.

Единственный серьезный, дѣловой вопросъ, поставленный Соединенными Департаментами при обсужденіи перваго проекта, касался обязательности участія адвокатуры въ процессѣ. «Хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ» должно ли быть непремѣнно поручаемо присяжнымъ повѣреннымъ или же можетъ быть предоставлено и самимъ тяжущимся? Проектъ гр. Блудова вообще не устанавливалъ никакихъ ограниченій и не только не устанавливалъ обязательнаго участія адвокатуры въ процессѣ, но и предоставлялъ выбирать для хожденія по дѣлу наряду съ присяжными стряпчими и повѣренныхъ изъ частныхъ лицъ. Государственный Совѣтъ поставилъ этотъ «не менѣе важный вопросъ» вновь самостоя-

тельно, и вполнѣ понятно, почему онъ вынужденъ былъ такъ сдѣлать. Какъ уже извѣстно, отказавшись отъ принципіальныхъ соображеній о необходимости введенія адвокатуры, проектъ гр. Блудова мотивируетъ свое предложеніе чисто практическими соображеніями процессуальныхъ удобствъ. Повѣренные имѣютъ мѣсто жительства въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится судъ, а потому всѣ сроки могутъ быть естественно укорочены; повѣренные освѣдомлены въ законахъ, а потому нѣтъ необходимости обременять уставы массой мелкихъ формальностей. Но отсюда прямой переходъ къ обязательности участія адвокатуры въ процессѣ. Ибо если процессъ будетъ разсчитанъ на веденіе дѣлъ повѣренными и будетъ игнорировать веденіе дѣлъ самими тяжущимися, неопытными и неосвѣдомленными въ законахъ и формальностяхъ, то реформа, очевидно, приведетъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія. Поэтому, не желая вводить обязательность, Государственный Совѣтъ старается ослабить силу приведенныхъ въ объяснительной запискѣ соображеній, которыми гр. Блудовъ пытался прикрыть отсутствіе принципіальныхъ доводовъ.

Разсужденія Государственнаго Совѣта въ этой части весьма любопытны. «Защитники обязательныхъ повѣренныхъ, во-первыхъ, указываютъ на неспособность тяжущихся, которыхъ слѣдуетъ замѣнить юридически образованными лицами. Но, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, никакія условія къ принятію въ присяжные повѣренные не могутъ представить полнаго ручательства въ томъ, что повѣренные будутъ образованнѣе всѣхъ тяжущихся; напротивъ, часто самая простота и безыскусственность доводовъ тяжущихся можетъ облегчить обнаруженіе истины. Но кромѣ того нельзя не замѣтить, что вообще нѣкоторые изъ тяжущихся могутъ быть гораздо образованнѣе официальныхъ повѣренныхъ, а у насъ въ Россіи сей случай встрѣтится безъ сомнѣнія очень не рѣдко. Во-вторыхъ, указываютъ на сокращеніе времени и облегченіе судей. Сіе возраженіе опровергается тѣми же доводами. Часто искусный повѣренный, убѣжденный въ неправотѣ дѣла своего довѣрителя, нарочно будетъ запутывать своего противника разрѣшеніемъ тонкихъ софизмовъ, кото-

рые не пришли бы, можетъ быть, и въ голову его довѣрителю. Однимъ словомъ, обязательное участіе повѣреннаго основано на предположеніи, что повѣренный всегда ученѣе, умнѣе и добросовѣстнѣе тяжущихся. Но такое неправильное предположеніе весьма естественно повлечетъ за собой и вредныя его слѣдствія».

Очевидно, если бы Государственный Совѣтъ желалъ доказать практическую ненужность адвокатуры, то ему не пришлось бы искать другіе доводы, ибо, какъ уже замѣчено, они разбиваютъ именно тѣ основанія, которыя выставлены проектомъ гр. Блудова. Но практическіе доводы тѣмъ и удобны, что ихъ можно подбирать, какъ карты, масть къ масти, и въ разныхъ сочетаніяхъ употреблять даже для противоположныхъ цѣлей. Поэтому гр. Блудовъ воспользовался ими для доказательства полезности адвокатуры, Государственному же Совѣту они служатъ доказательствомъ противъ обязательности участія адвокатуры въ процессѣ.

Окончательное торжество этого испытаннаго бюрократическаго метода заключается въ томъ, что, истощивъ всѣ доказательства противъ обязательности адвокатуры, Гос. Совѣтъ кончаетъ тѣмъ, что устанавливаетъ начало адвокатской монополіи, въ отличіе отъ перваго проекта. Въ самомъ дѣлѣ, какъ уже упоминалось, проектъ гр. Блудова рѣшительно никакихъ ограниченій въ выборѣ повѣреннаго не допускаетъ, а проектъ Гос. Совѣта постановляетъ, что тяжущіеся «отнынѣ впредь могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ ихъ, въ судахъ того города, гдѣ состоятъ присяжные повѣренные, только принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ». Устанавливая адвокатскую монополію, проектъ вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на присяжныхъ повѣренныхъ и обязанность вести поручаемое ему дѣло. Объ отказѣ отъ предъявленія въ судъ требованій тяжущихся присяжный повѣренный долженъ сообщить Совѣту и, если Совѣтъ не находитъ возможнымъ поручить веденіе дѣла другому повѣренному, онъ предоставляетъ тяжущемуся избрать себѣ повѣреннаго изъ числа лицъ, не принадлежащихъ къ сословію.

Вопросъ о монополіи и обязательномъ участіи адвокату-

ры оказался самымъ боевымъ пунктомъ проекта, вызвалъ наиболѣе оживленные споры въ литературѣ и въ замѣчаніяхъ на проектъ и вообще стоялъ въ центрѣ интереса, возбужденнаго проектомъ введенія у насъ адвокатуры. Этотъ фактъ трудно было бы объяснить, если бы дѣйствительно вопросъ лежалъ въ плоскости соображеній, которыя приводилъ Гос. Совѣтъ, или если бы все зависѣло отъ взвѣшиванія сравнительныхъ преимуществъ повѣренныхъ и самихъ тяжущихся и присяжныхъ повѣренныхъ. На самомъ дѣлѣ, обнаружившееся здѣсь острое разногласіе лежало гораздо глубже и объяснялось гораздо болѣе серьезными причинами. Касаясь этого вопроса и приводя изложенныя выше соображенія, Гос. Совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: «Всякая обязательность участія лицъ офиціальныхъ нарушила бы основную задачу процесса состязательнаго, въ коемъ направленіе дѣла предоставляется взаимному дѣйствію двухъ спорящихъ сторонъ. Право вести тяжбу лично принадлежитъ къ первоначальнымъ основнымъ правамъ всякаго лица». Это бѣглое замѣчаніе напоминаетъ о томъ, что состязательный принципъ, который долженъ былъ быть положенъ въ основу процесса, содержалъ въ себѣ какое-то внутреннее противорѣчіе. Съ одной стороны, какъ принципъ чисто судопроизводственный, онъ настоятельно требовалъ введенія адвокатуры. Таково было общее мнѣніе и отсюда логическій переходъ къ насажденію французскаго образца обязательнаго участія адвокатуры. Но, съ другой стороны, состязательный принципъ не являлся у насъ какимъ-то самодовлѣющимъ, изолированнымъ началомъ. Онъ, напротивъ, находился въ полномъ соотвѣтствіи съ умственнымъ и нравственнымъ міросозерцаніемъ того времени, и интересъ къ данному вопросу является лишь отраженіемъ общаго увлеченія господствовавшими тогда ученіями. То было время безпредѣльнаго господства у насъ фейербаховской теоріи здороваго эгоизма. Н. Г. Чернышевскій, властитель думъ передового русскаго общества, сумѣлъ примирить защиту общины съ проповѣдью теоріи здороваго эгоизма, какъ основы человѣческаго общежитія. Человѣкъ, училъ Н. Г. Чернышевскій, поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему посту-

пать, руководится расчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды для полученія большей выгоды. Жертва, доказываетъ герой популярнѣйшаго романа «Что дѣлать», это — «сапоги всмятку». То, что называютъ возвышеннымъ чувствомъ, идеальными стремленіями, все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ и само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ были моментомъ наибольшаго увлеченія этой теоріей, доведенной затѣмъ Писаревымъ до геркулесовыхъ столповъ, послѣ чего и началась реакція. Но въ тотъ моментъ состязательное начало фигурировало у насъ не какъ процессуальный принципъ, а какъ одна изъ частностей общаго взгляда на соціальныя отношенія. Потому, хотя на Западѣ начало состязательности было уже провѣрено опытомъ и успѣло вызвать къ себѣ критическое отношеніе, у насъ провозглашеніе начала состязательности встрѣтило живѣйшій откликъ въ обществѣ, какъ проявленіе свободной борьбы личныхъ интересовъ, въ которую государство не въ правѣ вмѣшиваться, которую судья долженъ созерцать безпристрастно. Вотъ почему состязательное начало стало въ центрѣ реформы, оно опредѣлило точку зрѣнія, съ которой обсуждалось и оцѣнивалось значеніе судебнаго преобразованія. Отсюда же проистекало такое рѣзкое и отрицательное отношеніе къ обязательности и монополіи адвокатуры. Пусть введеніе монополіи и обязательности подсказывалось разнообразнѣйшими теоретическими и практическими соображеніями и опытомъ западноевропейскихъ государствъ, пусть этого требуетъ именно состязательный характеръ процесса, презумирующаго прочное знаніе и щепетильное соблюденіе процессуальныхъ правилъ. Не даромъ же, какъ сейчасъ было указано, тѣ доводы, которые Гос. Совѣтъ приводилъ противъ обязательности, доказываютъ и самую ненужность адвокатуры вообще. Гораздо выше цѣнилась состязательность, какъ осуществленіе свободной борьбы личныхъ интересовъ, а съ этой точки зрѣнія обязательное участіе адвокатуры или даже монополія ея рисовались какъ ограниченіе въ распоряженіи своими гра-

жданскими правами, квалифицировались какъ нарушеніе естественнаго права, какъ нравственное насиліе. Поэтому всякая попытка въ такомъ направленіи встрѣчала энергичный отпоръ и рѣшительно отвергалась, а законодатель неустанно искалъ какой-нибудь компромиссъ.

Проектъ Соединенныхъ Департаментовъ, по постановленію ихъ, подлежалъ внесенію на окончательное разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Но вмѣсто этого онъ былъ разосланъ вмѣстѣ съ разсмотрѣннымъ одновременно проектомъ устава гражданскаго судопроизводства на заключеніе членовъ Гос. Совѣта и чиновъ Министерства Юстиціи. Замѣчанія, какъ видно по описи дѣла о преобразованіи судебной части, доставлены были отъ членовъ Госуд. Совѣта и чиновъ Министерства Юстиціи. Замѣчанія доставлены были отъ членовъ Госуд. Совѣта: кн. Голицына, Княжевича, Ланского, Литке, гр. Панина, кн. Меньшикова, Муравьева, Сухозанета, Игнатьева, кн. Долгорукова, Анненкова, гр. Сумарокова, Чевкина, Танѣева. Изъ Министерства Юстиціи доставлены замѣчанія слѣдующихъ лицъ: Буцковскаго, Ровинскаго, Побѣдоносцева, с.-петербургскихъ оберъ-прокуроровъ: Любощинскаго, Матюнина, Фриша, Арсеньева, Роговича, Жизневскаго, Романовскаго, Бера, Старицкаго, кн. Оболенскаго, Богушевскаго, Кавелина, Трегубова, Малковскаго, предсѣдателя Коммерческаго Суда бар. Корфа, Слѣпцова, Языкова, Андреевскаго, Энгельмана и Шахова. Замѣчанія этихъ лицъ, тщательно сгруппированныя и систематизированныя, образовали часть III Свода замѣчаній, составляющихъ XI томъ «Дѣла».

Перечисленіе названныхъ лицъ обращаетъ на себя вниманіе потому, что оно еще разъ наглядно показываетъ, какой широкій активный интересъ обнаружился по отношенію къ судебной реформѣ. Но еще болѣе замѣчательно, что при всемъ разнообразіи въ положеніи лицъ, доставившихъ замѣчанія, всѣ эти замѣчанія направлены въ одну и ту же сторону и поражаютъ единствомъ мысли и взгляда. Соединенные Департаменты заняли своимъ проектомъ крайнюю позицію, точно такъ же, какъ крайнюю позицію въ противоположномъ направленіи заняла приведенная выше статья К. По-

бѣдоносцева, и между этими двумя позиціями и расположились полученныя замѣчанія. Всѣ слабыя стороны проекта Соединенныхъ Департаментовъ подмѣчены съ большою зоркостью и безъ всякихъ околичностей выставлены на показъ, а главное — категорически отмѣчена основная черта, что проектъ не содержитъ въ себѣ ничего новаго.

«Замѣчанія», прежде всего, констатируютъ, что, по общему убѣжденію, нынѣшніе ходатаи составляютъ одну изъ причинъ бѣдственнаго положенія судопроизводства. Разъ это такъ, если это аксіома, то, очевидно, «нужно принять мѣры, чтобы сословіе это (т.-е. адвокатура) представляло самыя вѣрныя гарантіи нравственности, знаній и честныхъ убѣжденій... Въ настоящее время уже одно названіе повѣренный производитъ нехорошее впечатлѣніе [1]). Для того, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ имѣло вѣрные залоги живучести, пріобрѣло бы всеобщее довѣріе и уваженіе, нужно, чтобы это новое сословіе было въ дѣйствительности сословіе новое». Необходимо поэтому тщательно позаботиться о составѣ повѣренныхъ и съ этою цѣлью повысить образовательный цензъ, не довольствуясь вообще высшимъ образованіемъ, а требуя окончанія курса наукъ юридическихъ. Еще строже нужно относиться къ нравственнымъ качествамъ адвоката и ни въ какомъ случаѣ не допускать въ число присяжныхъ повѣренныхъ нынѣшнихъ ходатаевъ. «Это сразу уронитъ значеніе института и надолго замедлитъ установленіе его престижа. А главное, нужно предоставить сословію самоуправленіе, иначе хорошіе люди не пойдутъ въ эту должность», и «затѣмъ отъ новаго учрежденія въ сущности произойдутъ для тяжущихся только новые расходы». Соединенные Департаменты, какъ упомянуто выше, выразили мысль, что самоуправленіе адвокатуры «не выдерживаетъ критики». Но почему именно, того не объяснено. «Замѣчанія», напротивъ, полагаютъ, что и въ наши дни это пріобрѣтаетъ особую практическую цѣнность, что надзоръ, предлагаемый проектомъ, и не осуществится, потому что «порядочный стряпчій

[1]) Казалось бы неудобнымъ, — прибавляютъ «Замѣчанія», — давать учреждаемымъ нынѣ повѣреннымъ названіе присяжныхъ, которое присвоено цѣновщикамъ и счетчикамъ.

и прокуроръ оставятъ совѣту присяжныхъ дѣйствовать съ полной независимостью и найдутъ неблаговиднымъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла». Точно такъ же, для поддержанія престижа сословія, нельзя предоставить предсѣдателю дискреціонное право налагать дисциплинарныя взысканія на повѣренныхъ. «Развѣ предсѣдатели такой законъ не могутъ употребить во зло? И какое дорожащее своимъ достоинствомъ лицо можетъ итти въ присяжные повѣренные при такомъ законѣ, допускающемъ безнаказанно всякій произволъ должностного лица, на которое и жаловаться не предоставляется».

Единственно,—и это очень характерно,—въ чемъ «Замѣчанія» сходятся съ Соединенными Департаментами, это—въ отрицаніи обязательности и монополіи адвокатуры. «Замѣчанія» идутъ гораздо дальше въ направленіи невмѣшательства государства и потому не усматриваютъ никакихъ основаній воспрещать повѣреннымъ пріобрѣтать тяжбы довѣрителей и выступать противъ близкихъ родственниковъ. Устанавливать такія ограниченія значитъ стѣснить гражданскія права лицъ, свободныхъ распоряжаться своей собственностью, что было бы противно кореннымъ гражданскимъ законамъ. Что же касается монополіи и обязательности адвокатуры, то здѣсь именно мы читаемъ, что «такое нравственное насиліе ни съ духомъ состязательнаго процесса, ни съ цѣлью учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ» не согласно. «Замѣчанія», конечно, не обошли молчаніемъ отмѣченныхъ выше кричащихъ противорѣчій въ разсужденіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ и безжалостно бьютъ въ Ахиллесову пяту, настаивая на томъ, что, «отвергнувъ доводы защитниковъ обязательности повѣренныхъ, Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ тѣмъ самымъ приходитъ къ логическому заключенію, что обязательность должна быть уничтожена во всемъ своемъ объемѣ, во всѣхъ своихъ видахъ». Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ, «правила, постановляемыя настоящимъ положеніемъ, для многихъ покажутся стѣснительными, и въ первое время, пока званіе присяжныхъ повѣренныхъ не пріобрѣтетъ всеобщаго уваженія и авторитета, многія лица, заслуживающія полнаго довѣрія, какъ по юридическому образованію и пріобрѣтенной опытности, такъ и по нрав-

ственнымъ качествамъ, единственно, чтобы не подчинить себя настоящимъ правиламъ, въ особенности же ограниченію круга своихъ дѣйствій однимъ городомъ, не согласятся принять на себя званіе присяжнаго повѣреннаго».

Эти непререкаемыя возраженія, приводимыя «Замѣчаніями», казалось, должны были бы вызвать сомнѣніе, нѣтъ ли какого-нибудь коренного недостатка въ самой постановкѣ предлагаемой организаціи адвокатуры. Вмѣсто этого Замѣчанія ограничиваются лишь предложеніемъ корректива, который былъ осуществленъ много позднѣе, при значительно измѣнившихся условіяхъ. — Присяжные повѣренные, утверждаютъ «Замѣчанія», не должны пользоваться монополіей. Напротивъ, конкуренція будетъ благотворно дѣйствовать на развитіе сословія, но конкуренція должна быть поставлена въ надлежащія рамки. «Такъ какъ допущеніе къ хожденію по дѣламъ постороннихъ повѣренныхъ безъ ограниченія могло бы повлечь за собой продолженіе существующихъ нынѣ злоупотребленій и подавить въ самомъ началѣ учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, то слѣдовало бы опредѣлить правила для лицъ, могущихъ имѣть хожденіе по дѣламъ въ судѣ, гдѣ есть присяжные повѣренные, что всякій, желающій быть частнымъ повѣреннымъ, долженъ представить суду свидѣтельство на право хожденія по дѣламъ и внести въ пользу присяжныхъ повѣренныхъ, при судѣ состоящихъ, извѣстное вознагражденіе». Какъ ниже будетъ видно, съ нѣкоторыми измѣненіями это предложеніе и было осуществлено 10 лѣтъ спустя, въ 1874 году.

Другое, содержащееся въ «Замѣчаніяхъ», предложеніе практическаго характера касается помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Здѣсь впервые употребляется и самый терминъ и даются контуры будущаго института, такъ и оставшіеся въ первоначальномъ видѣ. «Съ учрежденіемъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, у нихъ могутъ быть помощники или ученики (по практическимъ занятіямъ), которые, кончивъ курсъ юридическихъ наукъ, но нигдѣ не служивши, могутъ, тѣмъ не менѣе, имѣть весьма обширныя и основательныя свѣдѣнія и въ судебной практикѣ, посему и такихъ лицъ слѣдовало бы допускать, по занятіи ими из-

вѣстнаго числа лѣтъ у присяжнаго повѣреннаго, въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Посему слѣдовало бы дозволить поступленіе въ присяжные повѣренные лицамъ, имѣющимъ аттестатъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній въ окончаніи съ успѣхомъ курса наукъ юридическихъ или въ выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, если притомъ они служили три года по судебной части, а также лицамъ, кончившимъ курсъ юридическихъ наукъ или выдержавшимъ въ нихъ экзаменъ, если притомъ (3 или 5 лѣтъ) они занимались подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ судебной практикой».

Весьма обстоятельно «Замѣчанія» касаются вопроса о таксѣ, при чемъ комическое впечатлѣніе производитъ предложеніе опредѣлить гонораръ посуточной платой: такъ, напр., «въ дѣлахъ цѣною ниже 1000 р. плата повѣренному не можетъ превышать 2 р. въ сутки за производство дѣла въ судебныхъ мѣстахъ со дня подачи искового прошенія до окончательнаго рѣшенія дѣла, и плата сія должна прекратиться, коль скоро она достигаетъ половины всего иска».

Тутъ же впервые поставленъ былъ основной вопросъ адвокатской этики, который остался и, какъ увидимъ ниже, остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ. Соединенные Департаменты исходили, повидимому, изъ того предположенія, на которомъ стоялъ и проектъ, что повѣренный обязанъ отстаивать всякое дѣло, которое будетъ ему поручено. Отказъ отъ веденія дѣла представлялся исключеніемъ и вызываетъ вмѣшательство Совѣта. «Хотя, — разсуждали Департаменты, — повѣренный и обязанъ представлять на судѣ лицо тяжущагося, по желанію послѣдняго, но, находя его искъ явно неуважительнымъ, повѣренный можетъ отказаться отъ обязанности защищать тяжущагося, о чемъ въ то же время обязанъ донести Совѣту, который поручаетъ защиту сего тяжущагося другому повѣренному; или же предоставляетъ тяжущемуся имѣть по сему дѣлу хожденіе въ судѣ самому, или избрать въ свои повѣренные лицо, къ числу повѣренныхъ не принадлежащее. Такимъ образомъ, выходитъ, что одинъ повѣренный отъ веденія явно неуважительнаго иска въ правѣ отказаться, а другой обязанъ этотъ искъ вести, по

порученію Совѣта, который, впрочемъ, можетъ остановиться и на другомъ рѣшеніи, очевидно, въ зависимости отъ того, какъ онъ, съ своей стороны, оцѣнитъ шансы иска. Эти противорѣчія и привлекли къ себѣ вниманіе «Замѣчаній»: «Если,—читаемъ мы,—присяжный повѣренный имѣетъ право отказаться отъ дѣла, поручаемаго ему тяжущимся, то удобно ли предоставлять Совѣту повѣренныхъ право возлагать защиту на другого повѣреннаго безъ его согласія. Въ такомъ случаѣ на повѣреннаго можетъ быть возложена правительствомъ защита всѣхъ неправильныхъ исковъ: это должно быть не согласно съ убѣжденіями добросовѣстнаго повѣреннаго, и подобное принужденное ходатайство можетъ вредить его репутаціи». Поставивъ этотъ вопросъ, «Замѣчанія», хотя они и стоятъ въ общемъ на принципіальной высотѣ, не даютъ на него опредѣленнаго отвѣта, а ходятъ все вокругъ да около. Такъ, съ одной стороны, указывается на то, что право повѣреннаго отказаться отъ хожденія по дѣлу «можетъ повлечь къ большимъ злоупотребленіямъ, въ особенности, ежели судьба повѣренныхъ будетъ зависѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ предсѣдателя или членовъ губернскаго присутствія, или отъ губернатора, губернскаго предводителя и городского головы. Извѣстно, какъ сильно вліяніе сихъ лицъ въ городѣ и губерніи, и тяжущійся съ трудомъ найдетъ повѣреннаго, который захотѣлъ бы въ противность желаній сихъ сильныхъ принять на себя ходатайство по справедливому дѣлу». Съ другой стороны, указывается, что «присяжный повѣренный, какъ лицо, исполняющее свободный трудъ по добровольному соглашенію, долженъ имѣть независимое и неотъемлемое право отказаться отъ принятія къ хожденію и защитѣ всякаго дѣла, ему предложеннаго, которое онъ принять не желаетъ: правое оно или неправое, и притомъ безъ обязанности донесенія о томъ суду съ объясненіемъ или безъ объясненія побудительныхъ причинъ... Неужели можно свободнаго труженика заставлять работать противъ его желанія». Эта мысль развивается дальше и отъ обязанности вести каждое дѣло перескакиваетъ на противоположную сторону и приходитъ къ выводу, что въ дѣйствіяхъ повѣреннаго должна отражаться не только законность,

но и полная справедливость. Многіе поступки, не запрещенные закономъ вообще, могутъ считаться болѣе или менѣе предосудительными для званія повѣреннаго [1]).

Въ свою очередь, «Замѣчанія» вызвали въ этой части возраженія въ литературѣ: «Одинъ изъ критиковъ,—пишетъ Е. Бревернъ,—требуетъ для присяжныхъ повѣренныхъ безусловнаго права отказаться отъ принятія на себя веденія дѣла, исключая тотъ случай, когда эта обязанность возлагается на него по очередному списку Совѣтомъ относительно бѣднаго тяжущагося. Нельзя здѣсь не замѣтить, что повѣренные, когда они приписаны къ суду, должны непремѣнно принять на себя хожденіе по дѣлу, развѣ объявятъ письменно суду, что, по ихъ мнѣнію, дѣло несправедливое или что они дѣйствительно слишкомъ обременены дѣлами, или что противникъ тяжущагося находится съ ними въ дружбѣ, родствѣ или свойствѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ должно предоставить суду, а гдѣ есть Совѣтъ, сему послѣднему, власть принуждать повѣреннаго къ хожденію по дѣламъ подъ страхомъ наказанія». Такимъ образомъ, по самому кардинальному вопросу адвокатскаго бытія, съ самаго зарожденія сословія господствовало весьма неопредѣленное представленіе, колебавшееся между двумя противоположными точками: необходимостью оградить тяжущихся по возможности отъ отказовъ отъ веденія дѣлъ и обязанностью адвоката считаться не только съ требованіями закона, но и съ велѣніями справедливости.

Сводя къ общимъ итогамъ сдѣланныя замѣчанія, нужно признать, что, хотя они и не достигаютъ той высоты, на которой стояла статья К. П. Побѣдоносцева, и хотя они допускаютъ нѣкоторые компромиссы и отличаются неопредѣленностью по важнѣйшимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе они не оставляютъ камня на камнѣ отъ проекта Гос. Совѣта и должны были повести къ полному его отверженію и выработкѣ новаго проекта. Но этого не случилось. «Замѣчанія», послужили только основаніемъ для пересмотра Соединенными Департаментами своего проекта.

---

1) «Дѣло», Т. XV.

Обсужденію замѣчаній посвящены Журналы 5 мая и 5 іюня 1861 г. за № 45. Департаменты законовъ и гражданскій разсматривали проектъ въ усиленномъ составѣ, и журналъ, скрѣпленный уже ст.-секретаремъ С. И. Зарудными, подписанъ гр. Блудовымъ, кн. Гагаринымъ, бар. Корфомъ, Литке, Кочубеемъ, Норовымъ, бар. Врангелемъ, бар. Рокосовскимъ, Бахтинымъ и Замятнинымъ. Замѣчанія произвели свое дѣйствіе. Часть ихъ была принята не только по существу, но Соединенные Департаменты полностью усваиваютъ и мотивировку «Замѣчаній». Особенно посчастливилось фразѣ: «нужно принять мѣры, чтобы сословіе сіе представляло самыя вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій». Эта фраза такъ и переходитъ дальше изъ одной объяснительной записки въ другую. Еще болѣе характерно, что, оставляя безъ вниманія какое-либо предложеніе, Соединенные Департаменты совершенно не мотивируютъ, а просто о немъ умалчиваютъ, игнорируютъ, хотя журналъ и начинается съ заявленія, что не только общія, но и частныя замѣчанія по отдѣльнымъ статьямъ подвергнутся подробному и внимательному обсужденію.

Самое важное — это повышеніе, согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ, образовательнаго ценза для присяжныхъ повѣренныхъ, учрежденіе помощничества и упраздненіе проектированнаго губернскаго присутствія съ предоставленіемъ самостоятельности Совѣту. Но, вопреки сдѣланнымъ въ столь рѣшительной формѣ замѣчаніямъ, Совѣтъ остался подъ предсѣдательствомъ прокурора Гражданской Палаты (о стряпчемъ уже нѣтъ рѣчи, потому что Совѣтъ учреждается не въ уѣздныхъ, а только въ губернскихъ городахъ). Приняты также замѣчанія объ устраненіи денежныхъ взысканій, о введеніи въ опредѣленныя границы правъ предсѣдателя налагать взысканія, о правѣ Совѣтовъ запрещать повѣреннымъ временно отправленіе обязанностей и совершенно исключать ихъ изъ сословія. Но самые крупные вопросы—объ адвокатской монополіи и обязательности, объ обязанности веденія поручаемыхъ дѣлъ — остались безъ обсужденія, и постановка ихъ не измѣнилась существенно. Монополія сохранена въ новомъ проектѣ, но здѣсь сдѣлана весьма су-

щественная уступка въ томъ отношеніи, что установленіе монополіи поставлено въ зависимость отъ признанія достаточнымъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, а это обстоятельство констатируется въ законодательномъ порядкѣ. Начало порученія вести дѣло еще болѣе развито предоставленіемъ тяжущимся права обращаться не только къ Совѣту, но и къ прокурору съ просьбой о назначеніи повѣреннаго. Сюда же относится правило, по которому, въ случаѣ смерти или тяжкой болѣзни повѣреннаго, судъ назначаетъ тяжущемуся срокъ для избранія новаго повѣреннаго, а до истеченія этого срока его дѣло пріостанавливается. Жалкій обломокъ обязательности участія адвокатуры — правило это въ дальнѣйшей обработкѣ тоже исчезло, чтобы впослѣдствіи воскреснуть въ уставѣ гражданскаго судопроизводства.

5. Организація адвокатуры по Основнымъ Положеніямъ.

Итакъ, проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ получилъ окончательную редакцію въ 32 статьяхъ, и снова его оставалось внести въ Общее Собраніе Гос. Совѣта. Но опять этого не случилось. Именно въ этотъ моментъ произошло событіе, которое, по общепринятому мнѣнію, составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи судебной реформы. Помимо интересующаго насъ проекта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, II Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи разработало и внесло въ Гос. Совѣтъ еще тринадцать законопроектвъ: восемь по гражданскому судопроизводству, четыре по уголовному и два (включая и положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ) по судоустройству. Кромѣ того, приступлено было къ составленію проекта о нотаріальной части, о несостоятельности лицъ неторговаго званія и о посредническихъ комиссіяхъ. Съ ноября 1857 г. Гос. Совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію проектовъ и до сентября 1859 г. посвятилъ этому разсмотрѣнію 39 засѣданій. Въ октябрѣ 1859 г. проекты разновременно были напечатаны и разосланы какъ членамъ Гос. Совѣта, такъ и «опытнымъ юристамъ, замѣчанія коихъ признано было полезнымъ имѣть». Изъ полученныхъ

замѣчаній составлены были своды (объ одномъ изъ такихъ сводовъ выше и идетъ рѣчь), послѣ чего засѣданія Гос. Совѣта, посвященныя разсмотрѣнію замѣчаній, возобновились, и этому занятію было посвящено 14 засѣданій. Вотъ въ этомъ-то положеніи дѣла, когда, казалось, послѣ долгаго и упорнаго труда работы близились къ концу, «Государю Императору,—разсказываетъ объяснительная записка,—по возвращеніи изъ путешествія въ Крымъ, благоугодно было, въ октябрѣ 1861 г., Высочайше повелѣть: представить свѣдѣнія о ходѣ всѣхъ вообще работъ Государственнаго Совѣта по судопроизводству и судоустройству». «Разсмотрѣвъ представленныя вслѣдствіе сего свѣдѣнія, Его Императорское Величество, повелѣвъ принять всѣ возможныя мѣры къ скорому и правильному окончанію этого дѣла, изволилъ найти, что, прежде внесенія въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта всѣхъ положеній и уставовъ по сему предмету, было бы полезно обсудить и разрѣшить главныя основныя начала судопроизводства и судоустройства». Въ соотвѣтствіи съ этимъ и состоялось 23 октября 1861 г. Высочайшее повелѣніе, коимъ дальнѣйшее теченіе работъ пріостановлено и вмѣсто того повелѣно составить «общую записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части въ Имперіи, такъ, чтобы сія записка обнимала въ возможной полнотѣ и ясности всѣ многоразличные предметы, къ сей части принадлежащіе» [1]).

Если понимать буквально содержаніе этого повелѣнія, то оно могло бы показаться страннымъ. Казалось бы, что не было уже основаній принимать мѣры къ скорѣйшему окончанію въ тотъ моментъ, когда дѣло находилось въ такомъ положеніи, что проекты оставалось только разсмотрѣть въ общемъ собраніи. Составленіе записки объ Основныхъ Положеніяхъ во всякомъ случаѣ могло замедлить, а не ускорить ходъ дѣла. Все это, однако, лишь видимость; сущность же Высочайшаго повелѣнія заключалась въ желаніи дать новое направленіе работамъ по преобразованію судебной части.

---

[1]) «Дѣло», т. XVIII, Журналъ Гос. Сов.

Это желаніе и выразилось въ изъятіи всего дѣла изъ вѣдѣнія 2-го Отдѣленія, въ которомъ оно находилось съ 1848 г., и передачѣ его въ вѣдѣніе Государственной Канцеляріи, работавшей при участіи вызванныхъ по особому повелѣнію Его Величества юристовъ (въ томъ числѣ Плавскаго, бывшаго предсѣдателя комиссіи по судоустройству, и К. П. Побѣдоносцева, заявившаго себя въ литературѣ столь опредѣленными взглядами). Эти-то обстоятельства и даютъ поводъ говорить о рѣшительномъ поворотѣ въ работахъ по составленію судебной реформы. Вотъ, напр., въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ изображаетъ этотъ моментъ Г. Джаншіевъ въ своей «Эпохѣ великихъ реформъ» [1]).

«Событія развивались въ такомъ порядкѣ. Осенью 1861 года вернулся въ Петербургъ изъ Крыма Императоръ Александръ II, бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый, — счастливый тѣмъ особымъ и великимъ счастьемъ, которое даетъ лицамъ, располагающимъ судьбами народовъ, сознаніе исполненнаго долга и твердаго выполненія завѣщанной исторіей трудной, но благородной миссіи. Геній свободы и гуманности, несмотря на промахи управлявшаго въ отсутствіе Государя Верховнаго Совѣта, несмотря на «зигзаги» русскаго прогресса, виталъ въ то время надъ Россіей. Политическій барометръ, невзирая на безпрестанныя колебанія, частенько отъ «перемѣнно» подходилъ къ «ясно».

Рубиконъ былъ перейденъ. Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и современнаго прогресса, пала. Начала европейскаго публичнаго права и науки, проникавшія къ намъ дотолѣ контрабанднымъ путемъ (слово прогрессъ было формально запрещено еще въ 1858 г.) или въ видѣ замаскированныхъ анонимовъ (какъ, напр., «общія непреложныя начала» у гр. Блудова), получили, наконецъ, открытый доступъ и къ нашей законодательной практикѣ. Благодаря этому крупному событію, а также господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ по-

---

[1]) Изд. 8, стр. 378.

слѣдній, логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ.

Юристы 1862 г. возымѣли благородную рѣшимость сдѣлать этотъ окончательный шагъ, который инымъ казался черезчуръ рискованнымъ».

Судя по этимъ категорическимъ выраженіямъ, можно было бы предположить, что въ работахъ по преобразованію судебной части наступилъ рѣшительный переломъ, что Государственная Канцелярія проведетъ замѣтную грань между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ и оправдаетъ надежды, которыя неизбѣжно должно было вызывать Высочайшее повелѣніе. Не касаясь этого вопроса во всемъ его объемѣ и оставаясь въ рамкахъ проекта о присяжныхъ повѣренныхъ, врядъ ли можно сомнѣваться, что надежды эти ни въ малѣйшей степени не оправдались. Тотъ проектъ, въ которомъ, какъ утверждали «Замѣчанія», не было ничего новаго, тѣмъ не менѣе не былъ отброшенъ. Для составленія Основныхъ Положеній Гос. Канцелярія всецѣло воспользовалась именно этимъ проектомъ, выработаннымъ Соединенными Департаментами и, въ свою очередь, переработаннымъ изъ первоначальнаго проекта гр. Блудова.

Основныя Положенія, касающіяся организаціи присяжныхъ повѣренныхъ, обнимаютъ 16 статей (стт. 80—95) [1] и въ общемъ вполнѣ воспроизводятъ проектъ Соединенныхъ Департаментовъ. Важнѣйшія отличія заключаются въ нѣкоторыхъ редакціонныхъ исправленіяхъ, имѣющихъ, впрочемъ, весьма существенное значеніе. Такъ, въ проектѣ говорилось: въ присяжные повѣренные «опредѣляются», а Основныя Положенія болѣе правильно говорятъ: къ числу присяжныхъ повѣренныхъ могутъ «приписываться». Сохраняя предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ за прокуроромъ Судебной Палаты, Основныя Положенія дѣлаютъ робкій шагъ впередъ и упоминаютъ въ особой статьѣ о товарищѣ предсѣдателя, котораго присяжные повѣренные избираютъ изъ своей среды и который заступаетъ прокурора въ Совѣтѣ, въ

[1]) «Дѣло», т. XVI.

случаѣ его болѣзни или отсутствія. Само собой разумѣется, что постановка адвокатской монополіи не осталась безъ измѣненій. Вмѣсто издаваемой въ законодательномъ порядкѣ табели, которая должна признать то или другое количество повѣренныхъ достаточнымъ, Основныя Положенія заранѣе фиксируютъ это количество и вводятъ монополію тамъ, гдѣ есть не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ.

Важнѣйшее дополненіе, внесенное Основными Положеніями, заключается въ томъ, что впервые здѣсь упоминается о дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ. До сихъ поръ всѣ проекты говорили только о дѣлахъ гражданскихъ и соотвѣтственно съ этимъ упоминали только о тяжущихся, ничего не говоря о подсудимыхъ. Ст. 82 Основныхъ Положеній устанавливаетъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ присяжные повѣренные принимаютъ на себя защиту подсудимыхъ или по ихъ порученію или по назначенію предсѣдателя судебнаго мѣста.

Приведенными измѣненіями и добавленіями исчерпываются въ сущности всѣ новшества, предложенныя Основными Положеніями... Такимъ образомъ, наиболѣе важные, принципіальные вопросы Государственная Канцелярія обошла молчаніемъ, не включивъ ихъ вовсе въ Основныя Положенія и оставивъ ихъ открытыми. Такъ, прежде всего, Основныя Положенія, опредѣляя, согласно съ проектомъ Соединенныхъ Департаментовъ, положительныя условія для вступленія въ присяжные повѣренные, умалчиваютъ объ отрицательныхъ условіяхъ. Еще удивительнѣе, что остается невыясненной компетенція Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Это тѣмъ болѣе характерно, что Основныя Положенія упоминаютъ о дисциплинарной власти Совѣта и здѣсь, точно такъ же буквально повторяя постановленія проекта Соединенныхъ Департаментовъ, обходятъ молчаніемъ вопросъ о компетенціи Совѣта, которая по упомянутому проекту опредѣлялась только какъ первоначальное разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ. Не упоминается также, куда и какъ приносятся жалобы на постановленія Совѣта. И, наконецъ, остается открытымъ вопросъ о правѣ присяжнаго повѣреннаго отказываться отъ

поручаемаго ему дѣла и объ обязанности вести поручаемое ему по просьбѣ тяжущихся дѣло.

Очевидно, такимъ образомъ, что самое большее, на что Комиссія осмѣлилась рѣшиться, это обойти молчаніемъ и оставить открытыми наиболѣе спорные, щекотливые вопросы, предоставивъ обстоятельствамъ времени повлiять на рѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону. А все, что вошло въ Основныя Положенія, составляетъ въ существѣ своемъ воспроизведеніе содержанія того проекта, дальнѣйшее развитіе коего было только что столь рѣшительно прервано Высочайшимъ повелѣніемъ.

Государственный Совѣтъ въ департаментахъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ, въ усиленномъ составѣ ихъ, разсмотрѣлъ Основныя Положенія 28 апрѣля, 2, 5, 9, 16, 19, 23, 26 и 30 мая, 2, 6, 23, 27 и 30 іюня и 30 іюля 1862 года. Основныя Положенія о присяжныхъ повѣренныхъ не возбудили здѣсь какихъ-либо серьезныхъ сомнѣній и разногласій. Объяснительная записка въ интересующей насъ части воспроизводитъ всѣ знакомыя уже разсужденія, не исключая и фразы о необходимости принятія мѣръ, чтобы это сословіе представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій. Единственное, но весьма существенное и важное измѣненіе, внесенное Соединенными Департаментами, заключается въ устраненіи прокурора отъ предсѣдательствованія въ Совѣтѣ и замѣнѣ его выборнымъ предсѣдателемъ, причемъ столь существенное измѣненіе ничѣмъ не мотивировано.

При такой, такъ сказать, суммарности разсмотрѣнія, особенно любопытно отмѣтить, какіе же вопросы возбудили разногласіе. Ихъ всего оказалось два: 1) могутъ ли присяжные повѣренные приписываться къ окружнымъ судамъ, и 2) могутъ ли тяжущіеся въ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное количество присяжныхъ повѣренныхъ, давать довѣренности лицамъ, не принадлежащимъ къ числу сихъ послѣднихъ. Въ обоихъ случаяхъ въ меньшинствѣ былъ гр. Панинъ, — въ первомъ случаѣ одинъ, а во второмъ вдвоемъ съ П. Мухановымъ. По первому пункту гр. Панинъ настаивалъ, что приписка къ окружнымъ судамъ обезпечитъ

появленіе присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ пунктахъ. Большинство же стояло за обезпеченіе правильнаго надзора, что достигается припиской присяжныхъ повѣренныхъ при судебныхъ палатахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой порядокъ расширялъ территоріальную сферу дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, предоставляя имъ ходатайствовать во всѣхъ судахъ округа.

Интереснѣе и важнѣе представляется второе разногласіе, касающееся, какъ и можно было ожидать, монополіи. — Гр. Панинъ и Мухановъ находили невозможнымъ «стѣснять свободу дѣйствій всего народонаселенія, въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, въ пользу небольшого класса людей, получающихъ привилегію еще раньше, нежели этотъ классъ образовался, когда еще нельзя предвидѣть, принесетъ ли это новое сословіе всю ожидаемую отъ него пользу и удовлетворитъ ли оно всѣмъ законнымъ потребностямъ общества; другими словами, это значитъ предупреждать будущее, признавать за фактъ вполнѣ совершившійся. Такое увлеченіе надеждой на блестящее будущее, быть можетъ, еще весьма отдаленное, едва ли возможно вводить, особенно же, когда въ жертву ему надо принести существенные интересы всего населенія... Если присяжные повѣренные оправдаютъ вполнѣ тѣ надежды и ожиданія, подъ вліяніемъ которыхъ учреждается ихъ сословіе, то большая часть тяжущихся будетъ обращаться къ ихъ посредству безъ всякаго къ тому принужденія» [1]). Но большинство доказывало, что не въ томъ вовсе дѣло, чтобы предупреждать будущее, а въ томъ, чтобы обезпечить наступленіе желаемаго будущаго. «Никто не станетъ стѣснять себя припискою къ этому сословію и ограничивать свои права опредѣленными въ законѣ условіями, когда и безъ того онъ можетъ быть повѣреннымъ, гдѣ и когда захочетъ, не подчиняясь никакимъ условіямъ. Монополіи же здѣсь никакой нѣтъ, ибо право быть повѣреннымъ опредѣляется закономъ, и при удовлетвореніи предписаннымъ въ немъ условіямъ никому не запрещается приписываться къ сословію повѣренныхъ, всѣ же права этого сословія распро-

---

[1]) «Дѣло», т. XVI.

страняются не на ограниченное какое-либо число повѣренныхъ, а на всѣхъ, въ него записавшихся».

Несмотря, однако, на всю ясность и безспорность этихъ разсужденій, большинство сдѣлало уступку меньшинству. Соединенные Департаменты предположили фиксировать достаточное количество повѣренныхъ въ законодательномъ порядкѣ. Государственная Канцелярія сразу устанавливала опредѣленное количество, считающееся достаточнымъ. Госуд. Совѣтъ отказался отъ фиксированія, предложеннаго Государственной Канцеляріей, и вернулся къ постановленію проекта Соединенныхъ Департаментовъ, согласно коему монополія вступаетъ въ силу, когда число повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ, а достаточность устанавливается въ законодательномъ порядкѣ.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, которое разсмотрѣло Основныя Положенія по судоустройству въ одномъ засѣданіи 4 сентября 1862 г., обсужденіе института присяжныхъ повѣренныхъ прошло еще болѣе суммарно, и никакихъ новыхъ соображеній высказано не было. Изъ разногласій осталось только одно — о монополіи. Къ мнѣнію гр. Панина и Муханова присоединились Валуевъ, Княжевичъ, Милютинъ и Мѣтлинъ, а большинство составилось изъ 20 членовъ. И здѣсь точно такъ же никакихъ новыхъ доводовъ нѣтъ, воспроизводятся лишь тѣ соображенія, которыя высказаны были Соединенными Департаментами.

29 сентября 1862 г. Основныя Положенія были Высочайше утверждены, причемъ оставшееся въ Общемъ Собраніи разногласіе было разрѣшено Государемъ въ пользу большинства, и, такимъ образомъ, монополія присяжныхъ повѣренныхъ, хотя и въ отдаленной перспективѣ, снова восторжествовала. Въ окончательной редакціи Основныхъ Положеній осталось 15 статей, относящихся до адвокатуры (стт. 73—87), т.-е. на одну меньше, чѣмъ было въ редакціи Государственной Канцеляріи. Выпала статья, трактовавшая объ избраніи Совѣтомъ товарища предсѣдателя. Статья эта утратила свое значеніе, послѣ того какъ Гос. Совѣтъ замѣнилъ назначаемаго предсѣдателя Совѣта выборнымъ.

Составляя Основныя Положенія, Гос. Канцелярія обра-

тила вниманіе на то, что для правильнаго дѣйствія будущихъ уставовъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго «необходимо, чтобы ко времени введенія оныхъ уже существовали, по возможности, присяжные повѣренные». Посему, къ числу первыхъ переходныхъ мѣръ принадлежатъ тѣ, которыя могутъ содѣйствовать образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Для сего слѣдовало бы, по разсмотрѣніи Соединенными Департаментами главныхъ положеній о сихъ повѣренныхъ, приступить немедленно къ составленію полнаго о томъ проекта и представить оный на дальнѣйшее разсмотрѣніе и Высочайшее утвержденіе, не ожидая окончанія работъ по приготовленію уставовъ судопроизводства и судоустройства. Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ должно быть вслѣдъ затѣмъ обнародовано, дабы лица, желающія поступить въ это званіе, могли приписываться къ судебнымъ мѣстамъ и заблаговременно подготовляться къ исполненію своихъ обязанностей при дѣйствіи новыхъ уставовъ судопроизводства. Соединенные Департаменты единогласно (это обстоятельство подчеркнуто въ журналѣ) признали цѣлесообразность этого предложенія, находя лишь, что приступить къ составленію полнаго проекта нужно по разсмотрѣніи и Высочайшемъ утвержденіи основныхъ положеній.

Мысль эта была одобрена и Общимъ Собраніемъ Гос. Совѣта, хотя спеціально объ этомъ не упоминается въ журналѣ. Но послѣ Высочайшаго утвержденія (29 сентября 1862 г.) послѣдовало того же числа мнѣніе Гос. Совѣта, пунктъ 5-й коего гласитъ: «Какъ Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ учредить присяжныхъ повѣренныхъ прежде введенія въ дѣйствіе уставовъ судопроизводства, то означенной комиссіи (учреждаемой при Государственной Канцеляріи подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ Государственнаго Секретаря) поручить немедленно заняться обработкою полнаго проекта о сихъ повѣренныхъ и проектъ этотъ, по разсмотрѣніи онаго главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ и Министромъ Юстиціи, внести, черезъ Государственнаго Секретаря, на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ». Въ тотъ же день

мнѣніе Гос. Совѣта получило Высочайшее утвержденіе, но, какъ извѣстно, въ этой части исполнено не было. Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ не было выработано отдѣльно, вѣроятно, потому, что реформа вообще проводилась съ большой быстротой, требовавшей максимальнаго напряженія. Въ самомъ дѣлѣ, журналъ Государственнаго Совѣта по судопроизводству помѣченъ, какъ упомянуто выше, 4 сентября, и тѣмъ же числомъ помѣчена Высочайшая резолюція на этомъ журналѣ, въ коей сказано: «Вмѣняю въ обязанность Государственному Секретарю, чтобы всѣ уставы были окончательно изготовлены къ 15 марта 1863 г. для сообщенія ихъ Собственной Моей Канцеляріи и Министру Юстиціи. Главноуправляющему II-го Отдѣленія и Министру Юстиціи представить свои заключенія въ недѣльный срокъ, дабы Государственный Совѣтъ могъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію и къ обсужденію исполнительныхъ мѣръ въ теченіе марта мѣсяца будущаго года». При такой быстротѣ трудно было, конечно, поспѣть съ отдѣльной разработкой Положенія о присяжныхъ повѣренныхъ.

6. Отношеніе общественнаго мнѣнія къ Основнымъ Положеніямъ.

Несмотря, однако, на такую быстроту, Основныя Положенія повелѣно было опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, что и было сдѣлано 30-го сентября 1862 г. въ дополненіи къ № 78 «Сенатскихъ Вѣдомостей». Кромѣ того, «Положенія» были разосланы въ судебныя мѣста, университеты и т. п. съ предложеніемъ прислать свои замѣчанія не позже 1 декабря. Наши ученые, однако, отнеслись весьма равнодушно, и отзывы поступили лишь отъ профессора Ришельевскаго лицея Богдановскаго и казанскаго профессора Чебышева-Дмитріева. Но общественное мнѣніе отнеслось весьма активно къ опубликованнымъ Положеніямъ, и, несмотря на короткій срокъ — всего $1^1/_2$ мѣсяца — было представлено около 400 замѣчаній, которыя собраны въ 6-ти томахъ, и къ нимъ составленъ систематическій сводъ. Замѣчанія поступали отъ

лицъ самыхъ различныхъ положеній и даже изъ самыхъ далекихъ захолустій. Наряду съ именами Побѣдоносцева, Ровинскаго, Громницкаго, Мотовилова, Люминарскаго, ставшими впослѣдствіи извѣстными всей образованной Россіи, тутъ имѣется и курмышскій дворянскій засѣдатель Василисовъ, и пружанскій уѣздный судья Вислоуха, и пирятинскій уѣздный стряпчій Глоба, и просто помѣщикъ Тарусскаго уѣзда Дурново, и дворянинъ Батеньковъ. Замѣчанія эти представляютъ огромный интересъ для ознакомленія съ общественнымъ настроеніемъ и міросозерцаніемъ того времени. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ вопросѣ [1]). Вообще, замѣчанія имѣютъ большую цѣнность, и принципіальную, и практическую. Въ нихъ содержится много дѣльныхъ и серьезныхъ указаній, изъ которыхъ часть была принята тогда же при составленіи судебныхъ уставовъ, часть осуществлена была позже, когда практика выяснила неудобства, предвидѣнныя раньше, и, наконецъ, часть сохранила все свое значеніе и по настоящее время.

Тѣмъ болѣе характерно, что въ отношеніи института адвокатуры замѣчанія въ общемъ представляются весьма незначительными и стоятъ ниже того уровня, на которомъ находятся Основныя Положенія. Такъ, напр., коллежскій ассесоръ Акимовъ проситъ разъяснить, можетъ ли одно и то же лицо быть повѣреннымъ какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Семеновскій уѣздный стряпчій Вишневскій находитъ, что «власть, данная предсѣдательствующимъ судебныхъ мѣстъ, назначать присяжныхъ повѣренныхъ защищать подсудимыхъ, по моему мнѣнію, будетъ болѣе или менѣе въ ущербъ интересовъ присяжныхъ повѣренныхъ». «Если,—продолжалъ г. Вишневскій,—во Франціи, государствѣ образованномъ, классъ адвокатовъ, или защитниковъ подсудимыхъ, состоитъ, въ отношеніи судей и обвинителей, въ незавидномъ положеніи, если тамъ судьи заявляютъ свои претензіи на адвокатовъ за то только, что тѣ не дѣлаютъ имъ визитовъ (статья объ

---

[1]) См. І. В. Гессенъ. «Судебная реформа». Глава IV. Отношеніе общества и повременной печати къ Основнымъ Положеніямъ.

этомъ помѣщена въ «Журн. Мин. Юст.» за декабрь мѣсяцъ 1861 г.), то въ провинціальныхъ городахъ Россіи, не столь просвѣщенныхъ, какъ во Франціи, подобныя претензіи, слѣдовательно, и личныя неудовольствія будутъ встрѣчаться на каждомъ шагу и поведутъ предсѣдательствующихъ судебныхъ мѣстъ къ произволу въ отношеніи назначенія присяжныхъ повѣренныхъ».

Товарищъ предсѣдателя Архангельской Палаты гражданскаго и уголовнаго суда Абрамовичъ выражается необычайно высокимъ стилемъ: «Слѣдуетъ ли присяжнымъ повѣреннымъ присваивать права и преимущества государственной и общественной службы? Докторъ можетъ состоять въ государственной службѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, заниматься и частною практикою. Почему же повѣренный, занимаясь частными дѣлами, не можетъ пользоваться правами государственной службы? И докторъ и повѣренный равно полезны для государства и общества. И тотъ и другой излечиваютъ равносильныя болѣзни своихъ паціентовъ. Мы благодарны врачу, если онъ облегчитъ наше страданіе, спасетъ жизнь нашу изъ опасности. Но и повѣренный имѣетъ не меньше правъ на благодарность, если спасетъ отъ гибели все наше имущество, возвратитъ намъ честь — жизнь духовную, лишеніе коей дороже намъ матеріальной жизни. Въ справедливомъ вниманіи къ этой мысли и для необходимаго поощренія къ занятію столь важныхъ и общеполезныхъ обязанностей, какія лежатъ на повѣренныхъ, людьми достойными того званія, справедливо же будетъ прис. повѣреннымъ, бывшимъ нашимъ Дѣтскимъ Отрокамъ, сопротивустоявшимъ прежнимъ Мечникамъ, а нынѣ прокурорамъ, предоставить права и преимущества государственной службы и, по примѣру, въ глубокой древности существовавшему на Руси, вмѣсто платимой дѣтскимъ міромъ особой дани, тѣмъ изъ нихъ, которые обязаны будутъ нести общественныя обязанности защиты, установляемой правилами ст. 75 ч. I и ст. 60 ч. II Осн. Полож., назначить и штатное жалованье изъ суммъ общаго земскаго сбора».

По вопросу о назначеніи пособія адвокатамъ г. Абрамовичъ далеко не одинокъ. Въ томъ же смыслѣ высказываютъ-

ся весьма многіе. Присяжнымъ повѣреннымъ необходимо, сверхъ вознагражденія отъ довѣрителей, назначить отъ правительства содержаніе. Необходимо назначить жалованье отъ Короны хотя бы нѣкоторымъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ теченіе первыхъ лѣтъ давать денежное пособіе лицамъ, посвящающимъ себя званію присяжнаго повѣреннаго, особенно въ провинціи. Въ мѣстахъ, гдѣ не найдется достаточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, отъ правительства назначить жалованье. Адвокаты по уголовнымъ дѣламъ должны получить опредѣленное и безбѣдное содержаніе по опредѣленнымъ окладамъ. Другой варіируетъ предложеніе, ограничивая его назначеніемъ особыхъ защитниковъ на постоянномъ жалованьи для бѣдныхъ, и т. д.

Въ связи съ этимъ стоятъ также многочисленныя предложенія предоставить повѣреннымъ право государственной службы. Одинъ предлагаетъ пенсіонъ пожизненный изъ суммъ общаго земскаго сбора по прослуженіи безпорочно не менѣе 30 лѣтъ. Другой предлагаетъ награждать ихъ орденами. Лишь одинъ голосъ раздается за то, чтобы ни адвокаты, ни повѣренные не имѣли никакихъ ранговъ и форменныхъ одеждъ. Раздавались многочисленные голоса противъ излишней стѣснительности условій при поступленіи въ присяжные повѣренные, предлагалось ограничиться на первый разъ требованіями хорошей нравственности и честности. Было даже и такое изумительное предложеніе, чтобы присяжнаго повѣреннаго, оставившаго званіе повѣреннаго, какъ привыкшаго односторонне разсматривать дѣла, не допускать въ зданія судебныхъ мѣстъ до истеченія трехъ лѣтъ.

Съ рѣдкимъ единодушіемъ и весьма горячо общественное мнѣніе отнеслось къ вопросу о монополіи адвокатовъ. Весьма немногіе готовы были удовлетвориться тѣмъ, чтобы на первое время не стѣснять свободы тяжущихся, но vox populi, можно сказать, рѣшительно стоялъ противъ всякой монополіи вообще. Запрещать тяжущемуся ввѣрять защиту своего права тому, кому онъ признаетъ выгоднымъ, значитъ лишать его способовъ защиты. Правительство должно не навязывать адвокатовъ, а только предлагать имъ, предоставляя

каждому свободу выбора.—«Здѣсь нарушается,—пишетъ другой,—естественное право свободы; опека надъ обществомъ слишкомъ тягостна». «Совершенно необходимо, — утверждаетъ цѣлый рядъ лицъ, выражаясь даже одними и тѣми же словами,—предоставить тяжущимся право избирать повѣренныхъ по своему усмотрѣнію и изъ лицъ, не принадлежащихъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, лишь бы избранное лицо не было лишено по закону права быть повѣреннымъ», и т. д.

Какъ разъ обратное наблюдалось по вопросу о роли и задачахъ адвокатуры: полная разноголосица совпадаетъ съ элементарнымъ непониманіемъ. Одно замѣчаніе находитъ, что для утвержденія у насъ довѣрія къ новому учрежденію необходимо поставить присяжнымъ повѣреннымъ въ обязанность строгую разборчивость въ пріемѣ защиты по гражданскимъ дѣламъ, а въ другомъ замѣчаніи мы читаемъ, что присяжный повѣренный составляетъ домашній актъ, въ которомъ излагается, принимаетъ ли повѣренный на себя отвѣтственность за весь искъ или за часть. Точно такъ же и относительно уголовнаго дѣла одно замѣчаніе проситъ разъяснить, имѣютъ ли присяжные повѣренные право отказаться отъ защиты тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ преступленіе совершенно обнаружено и потому защита передъ судомъ невозможна. А другое прямо требуетъ, чтобы, если виновность подсудимаго очевидна, присяжный повѣренный долженъ былъ отказаться отъ защиты. Зато отъ адвокатовъ, которые будутъ состоять на жалованьѣ, требуется, чтобы они ни отъ какихъ дѣлъ не отказывались. «Народнымъ повѣреннымъ и платнымъ народнымъ повѣреннымъ поставить въ обязанность, чтобы они не имѣли права отказываться отъ защиты всякаго, какъ лично къ нему обращающагося, такъ и по увѣдомленіямъ судебныхъ учрежденій всѣхъ тѣхъ, кто не войдетъ почему бы то ни было въ соглашеніе о защитѣ присяжными повѣренными».

Чрезвычайно рѣзко выдѣляется на этомъ сѣренькомъ фонѣ отзывъ служившаго въ Воронежѣ уголовныхъ дѣлъ секретаря Богданова. Отзывъ этотъ весьма интересенъ и оригиналенъ какъ съ внѣшней стороны, такъ и по своему содер-

жанію, по принципіальному отношенію къ затронутымъ вопросамъ.

«Безъ сомнѣнія, Маккіавелли (Opere de Mackiavelli, vol. IV. Il Principe, pag. 32) весьма справедливо замѣчаетъ въ своемъ справедливомъ трактатѣ о принципѣ, что каждый нововводитель долженъ стараться избѣгать новыхъ названій и, перемѣняя сущность вещи или дѣла, по возможности удерживать старое наименованіе. Прекрасное правило, если только осуществляемое нововведеніе имѣло задатки въ прошедшемъ, и, наоборотъ, правило совершенно неудобоисполнимое, если данное нововведеніе противорѣчитъ всему предшествовавшему. Тогда нововводитель можетъ впасть въ другую крайность, дать новому учрежденію такое наименованіе, которое нисколько не соотвѣтствуетъ ему и, напротивъ того, въ народѣ имѣетъ совершенно другое значеніе.

Такъ, напримѣръ, въ нашей древней исторіи присяжные (jurés) назывались цѣловальниками, судья — губнымъ старостой, а секретарь — дьякомъ, а общеупотребительное наименованіе адвоката или повѣреннаго въ послѣднее время было стряпчій или ходатай по дѣламъ; подъ словомъ же повѣренный, большею частью, понимались повѣренные по откупамъ, которые, какъ и все учрежденіе откуповъ, вообще не пользовались доброю славою, и никогда народъ къ нимъ не сочувствовалъ. Отчего же законодатель не рѣшился удержать эти названія и не назвалъ присяжныхъ цѣловальниками, а далъ адвокатамъ наименованіе присяжныхъ повѣренныхъ, которое нисколько имъ не соотвѣтствуетъ? Если предположить, и не безъ основанія, что законодатель, избѣгая названія адвокатъ по какому-то предубѣжденію, пріискивалъ подходящее, равносильное ему наименованіе въ нашемъ языкѣ, то весьма естественно, что онъ найти его не могъ, потому что въ нашемъ древнемъ законодательствѣ защиты гласной не было, а было состязательное судопроизводство при губномъ старостѣ и цѣловальникахъ, по докладу губного дьяка. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что наименованіе вещи, дѣла или лица не составляетъ еще сущности его, не придаетъ ему значенія.

Такъ это должно было бы быть, но на самомъ дѣлѣ бы-

ваетъ совершенно иначе, и наименованіе какого-нибудь учрежденія, а тѣмъ болѣе лица, имѣетъ огромное вліяніе на толпу, на большинство, а это самое главное. Я думаю, что нѣтъ никакой необходимости доказывать это положеніе примѣрами изъ нашей повседневной жизни.

Или существующее производство такъ хорошо, что въ немъ ничего не нужно измѣнять, или оно такъ дурно, что требуетъ коренного преобразованія. Тутъ нѣтъ и не должно быть середины, никакія палліативныя мѣры не помогутъ, никакія среднія средства (mezzi termini) не улучшатъ настоящаго порядка.

Послѣднее пятидесятилѣтіе доказало намъ ясно, что никакое образованіе не въ состояніи ничего сдѣлать, уровень общественной нравственности постоянно понижался, и понятія о правѣ и законности сдѣлались пустыми звуками, за оградами формальностей, буквы закона, протекцій и безнаказанности судей предъ общественнымъ мнѣніемъ. Гласность и одна гласность въ состояніи возстановить у насъ понятія о законѣ и правѣ и искоренить хотя нѣсколько взяточничество и казнокрадство. Если же мы хотимъ въ самомъ дѣлѣ гласнаго судопроизводства, должны хотѣть и адвокатуры, т.-е., иными словами,—хотимъ мы цѣли, должны хотѣть и средствъ. Для истиннаго же гласнаго судопроизводства необходима корпорація адвокатовъ, людей честныхъ, получившихъ непремѣнно высшее образованіе, и, если возможно, имѣющихъ извѣстное положеніе въ обществѣ, которые были бы совершенно гарантированы отъ произвола не только администраціи, но и судей. Они одни только въ состояніи будутъ внушить обществу уваженіе къ принимаемой ими на себя такой важной и священной обязанности, какъ защита правъ и личности ближняго. Главное огражденіе общества отъ произвола судей не состоитъ только въ несмѣняемости ихъ (inamobilité) и учрежденіи присяжныхъ, въ сонмъ которыхъ можетъ вступить чуть ли не всякій грамотный человѣкъ, а въ учрежденіи корпораціи людей, совершенно свободныхъ, свѣдущихъ, извѣстныхъ обществу и, конечно, носящихъ приличное наименованіе принятой на себя обязанности.

Къ тому же, названіе адвоката присяжнымъ повѣреннымъ привело къ странному смѣшенію адвоката и ходатая по дѣламъ (avocat et avoué, Advokat und Anwalt, advocate and attorney, avvokato e patrone), обязанности коихъ совершенно различны. По смыслу, и весьма справедливому, законодательствъ, всякій адвокатъ можетъ быть ходатаемъ, но не всякій ходатай можетъ быть адвокатомъ. По смыслу же § 73, у насъ или не будетъ адвокатовъ, или не будетъ повѣренныхъ; вѣрнѣе же всего, что не будетъ адвокатовъ, а будутъ тѣ же самые стряпчіе (а всѣмъ извѣстно, каковы они!), потому что, по смыслу § 76, они всѣ могутъ записаться въ такъ называемую табель (при этомъ я считаю совершенно справедливымъ сдѣлать примѣчаніе къ § 83, что тѣ изъ настоящихъ повѣренныхъ, которые имѣютъ довѣренности по тяжебнымъ дѣламъ, если будутъ записаны въ табель адвокатовъ одной мѣстности, могутъ продолжать ходатайство по этимъ дѣламъ и въ другихъ губерніяхъ) и вмѣсто того, что они писали и теперь пишутъ, подчасъ даже и безграмотно, будутъ то же самое говорить. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно понять слова § 76: «или о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ». Гдѣ и какой будетъ экзаменъ, и какую должность кто занималъ въ судебномъ мѣстѣ — это не объяснено; а, конечно, всѣ настоящіе стряпчіе гдѣ-нибудь служили хотя писцами и, вѣроятно, по одной рутинѣ уже будутъ въ состояніи выдержать какой-нибудь юридическій экзаменъ. Равномѣрно желаніе создать какое-то новое судопроизводство, отличное отъ западныхъ европейскихъ, было причиною смѣшенія понятій о двухъ учрежденіяхъ: нотаріуса и хранителя ипотечныхъ книгъ (Conservateur des hypotèques). Я полагаю, что изъ предыдущаго можно видѣть, что я нисколько не думаю придать столь важное значеніе только одному названію адвокатовъ повѣренными въ томъ случаѣ, если бы статутъ ихъ былъ по возможности хорошъ, и наоборотъ, никакъ не думаю, чтобы несовершенство статута могло быть уравновѣшиваемо только однимъ названіемъ адвоката. Выводомъ же изъ всего сказаннаго должно быть то, что возможно совершенному ста-

туту должно соотвѣтствовать приличное названіе адвоката. Говорю адвокатъ—какъ бы сказалъ и другое какое равносильное слово, если бы нашелъ его въ нашемъ языкѣ. Если же мы представимъ себѣ присяжныхъ повѣренныхъ, въ число которыхъ, конечно, не замедлятъ вступить и всѣ настоящіе стряпчіе, а большинство ихъ составляетъ немаловажное зло въ нашемъ государствѣ,—логичное порожденіе нашего судопроизводства,—прибавимъ къ этому губернскихъ и уѣздныхъ нотаріусовъ, которые, по смыслу § 91, вѣроятно, будутъ назначаемы правительствомъ и, конечно, съ извѣстнымъ рангомъ и съ мундиромъ, должности ихъ присвоеннымъ,—будетъ недоставать только того, чтобы и присяжнымъ повѣреннымъ дали мундиры; тогда получимъ мы въ итогѣ такое судопроизводство, котораго, конечно, нигдѣ нѣтъ и которое будетъ не въ примѣръ хуже даже настоящаго нашего, по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, путевыя издержки для тяжущихся должны непремѣнно и значительно увеличиться съ уменьшеніемъ дѣла уѣздныхъ судовъ и палатъ (проектированныхъ окружныхъ и областныхъ судовъ); во-вторыхъ, издержки по судопроизводству тоже значительно увеличатся.

Введеніе у насъ гласнаго судопроизводства, безъ сомнѣнія, представитъ большія неудобства, какъ по новости самаго дѣла, такъ и по огромности территоріи нашего отечества; эти неудобства могутъ быть уравновѣшены только тѣмъ, когда представителями гласности служатъ уважаемое въ обществѣ сословіе, а не наши стряпчіе, большинство которыхъ или безграмотны, или извѣстны въ обществѣ своимъ пронырствомъ или дурными наклонностями.

Лучшій законъ тотъ, который удобоисполнимъ, а не тотъ, который кажется такимъ только въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ въ практикѣ погрѣшаетъ противъ самыхъ важныхъ основаній. Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что законодатель при изложеніи § 76 былъ руководимъ слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, либеральнымъ направленіемъ настоящаго времени и, во-вторыхъ, опасеніемъ недостатка присяжныхъ повѣренныхъ при предстоящей реформѣ. Можно безошибочно сказать, что эти соображенія совершенно не основа-

тельны. Во-первыхъ, опасаться, чтобы у насъ былъ недостатокъ въ адвокатахъ—невозможно; стоитъ только взять отчеты за послѣднія 20 лѣтъ Министерства Народнаго Просвѣщенія кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и мы получимъ такой огромный итогъ (вѣроятно, тысячъ 20), что, конечно, этого количества образованныхъ людей было бы достаточно и для большаго государства, чѣмъ Россія; во-вторыхъ, либерализмъ тогда только хорошъ, когда онъ имѣетъ законные предѣлы. Такимъ образомъ у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, всякому безразлично дозволяется быть докторомъ, если только онъ выдержитъ экзаменъ въ медицинскихъ наукахъ; допускать же въ сословіе адвокатовъ людей, бывшихъ настоящими стряпчими, безразлично, все равно, что дозволить быть докторомъ каждому фельдшеру или знахарю, хотя эти послѣдніе по одной уже рутинѣ иногда дѣлаютъ чудеса, въ которыя вѣритъ простой народъ.

Однако, я полагаю, что правительство не рѣшится на эту послѣднюю мѣру. Не руководила ли законодателя тутъ другая мысль, о которой я упомянулъ уже выше, а именно: какое-то безотчетное опасеніе учрежденія настоящей адвокатуры, вслѣдствіе чего и адвокаты названы присяжными повѣренными и адвокатура низведена съ профессіи на ремесло.

Затѣмъ, весьма естественно предположить, что наврядъ ли найдется много истинныхъ людей, а тѣмъ болѣе имѣющихъ извѣстное положеніе въ обществѣ, которые рѣшатся быть присяжными повѣренными. А мнѣ кажется, что правительству слѣдовало бы употребить всѣ старанія, чтобы привлечь къ образуемому учрежденію адвокатовъ, людей высшаго образованія, и для этого: 1) поступленіе въ число адвокатовъ сдѣлать болѣе труднымъ; 2) отстранить отъ себя опеку надъ обществомъ назначеніемъ губернскихъ и уѣздныхъ нотаріусовъ, и учрежденіе это сдѣлать свободнымъ для конкуренціи, оградивъ злоупотребленія взносомъ извѣстной суммы денегъ и ограничивъ число ихъ въ каждомъ городѣ. Исключеніемъ изъ этого правила можетъ быть только назначеніе правительствомъ нотаріусовъ въ тѣхъ городахъ и мѣст-

ностяхъ, гдѣ по бѣдности или малонаселенности не нашлось бы частныхъ лицъ, желающихъ открыть нотаріальныя конторы; 3) ни адвокаты, ни повѣренные, ни нотаріусы не должны имѣть никакихъ ранговъ и форменныхъ одеждъ (успѣшность дѣла мировыхъ учрежденій, конечно, должно отнести, между прочимъ, и къ отсутствію мундировъ и формальностей); 4) всѣ эти обязанности могутъ быть исполняемы частными лицами, смотря по степени ихъ образованія, такъ, напримѣръ, адвокатомъ можетъ быть только кончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, повѣреннымъ въ дѣлахъ— кончившій курсъ въ гимназіи и выдержавшій экзаменъ въ юридическихъ наукахъ въ университетѣ. А въ видахъ могущаго быть недостатка при предстоящей реформѣ дозволить соединить эти двѣ обязанности въ одномъ лицѣ, если только это лицо имѣетъ право быть адвокатомъ, и т. д.; 5) такъ какъ должно предположить, и не безъ вѣроятія, что эта реформа будетъ произведена не одновременно во всемъ государствѣ, и что желательно было бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это нововведеніе было принято и усвоено однообразно въ судебныхъ мѣстахъ, то, въ видахъ этого однообразія, мнѣ кажется, что къ § 79 слѣдуетъ сдѣлать такого рода примѣчаніе, что на первые три года по введеніи въ извѣстной мѣстности новаго судопроизводства, само правительство назначаетъ предсѣдателей совѣта адвокатовъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя записаны въ табели судебныхъ мѣстъ. Назначая лицъ болѣе или менѣе ему извѣстныхъ и ознакомившись уже съ гласнымъ судопроизводствомъ, правительство будетъ имѣть большую увѣренность, что данная реформа будетъ введена однообразно и получитъ приличествующую ей форму; 6) въ видахъ будущаго преобразованія учредить каѳедру состязательнаго судопроизводства въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, распространивъ эту мѣру повременно и въ университетахъ, дабы по окончаніи десятилѣтняго переходнаго періода никто не могъ получить званія адвоката, не выдержавъ предварительнаго экзамена».

Пробѣгая этотъ отзывъ, нельзя не удивиться тому, что въ шестидесятыхъ годахъ сочиненія Маккіавели проложили себѣ дорогу въ Воронежъ. Скорѣе можно было

привыкнуть къ мысли, что губернаторъ вышивалъ по тюлю, нежели, чтобы стряпчій читалъ въ оригиналѣ произведеніе знаменитаго государствовѣда и клалъ его софизмы въ основу своей оцѣнки Положеній. Но еще болѣе замѣчательно, что этотъ уголовныхъ дѣлъ стряпчій сумѣлъ такъ глубоко проникнуть въ сущность Основныхъ Положеній и найти тамъ отраженіе того недовѣрія, которое такъ открыто афишировала приведенная выше объяснительная записка гр. Блудова и которое, къ сожалѣнію, опредѣляло дальнѣйшее направленіе всѣхъ работъ.

Кромѣ критическихъ замѣчаній, поступило еще два проекта организаціи присяжныхъ повѣренныхъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ, повидимому, какое-то практическое значеніе. Онъ принадлежитъ чиновнику особыхъ порученій по Министерству Государственныхъ Имуществъ Горскому и представлялъ довольно нелѣпое искаженіе Основныхъ Положеній. Присяжные повѣренные опредѣляются по приказу министра юстиціи, состоятъ въ должности между 8 и 5 классомъ, смотря по инстанціи суда, при которой они состоятъ, получаютъ содержаніе отъ казны, иначе «для пріисканія средствъ къ жизни они по необходимости вынуждены будутъ прибѣгать къ подстрекательству сторонъ, начинать неправильныя тяжбы и ябеды и защищать въ судахъ незаконные иски». Несмотря на явныя несообразности, проектъ этотъ самимъ ли г. Горскимъ или офиціально былъ напечатанъ, потому что въ замѣчаніяхъ проф. Чебышева-Дмитріева (изъ Казани), наряду съ Основными Положеніями, говорится и о проектѣ г. Горскаго.

Проф. Чебышевъ предпосылаетъ своимъ замѣчаніямъ весьма рѣшительную критику совмѣщенія по Основнымъ Положеніемъ функцій avocat и avoué. Ссылаясь на примѣръ Германіи, авторъ говоритъ, что «въ Россіи эта опасность грозитъ адвокатамъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что едва ли гдѣ-нибудь больше развитъ взглядъ на всякую должность, какъ на средство прокормиться. Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей не будетъ никакой надежды, чтобы адвокатъ не увлекалъ своего довѣрителя тщетной надеждой на выигрышъ дѣла... Совѣтъ адвокатовъ будетъ плохой гарантіей въ этомъ, потому что въ дѣлѣ мате-

ріальныхъ выгодъ по большей части воронъ ворону глазъ не выклюнетъ»... Засимъ, какъ замѣчено уже, профессоръ подвергаетъ жестокой критикѣ проектъ Горскаго и рекомендуетъ ближе держаться Основныхъ Положеній. Но съ своей стороны онъ предлагаетъ, чтобы члены Совѣта избирались пожизненно для того, чтобы они «могли дѣйствовать независимо и самостоятельно, не имѣя нужды поблажкою къ избирателямъ заискивать ихъ благорасположеніе, чему грустные примѣры мы нерѣдко видимъ, напр., въ университетскихъ корпораціяхъ». Здѣсь можно только удивляться, какія рѣшительныя и неподходящія средства предлагаются для борьбы съ намѣчаемымъ авторомъ зломъ. Но уже совершенной оригинальностью отличается другое предложеніе. «Такъ какъ всякій (въ первое время, по крайней мѣрѣ) будетъ стремиться приписать себя къ судебнымъ палатамъ или къ окружнымъ судамъ губернскихъ городовъ, то не мѣшало бы установить, что если при судахъ губернскихъ городовъ число адвокатовъ превыситъ комплектъ, то адвокаты этого суда по жребію и съ соблюденіемъ очереди избираютъ изъ среды себя лишнихъ адвокатовъ, имена которыхъ сообщаются судебной палатѣ, и та можетъ, по своему усмотрѣнію, размѣщать ихъ по окружнымъ судамъ уѣздныхъ городовъ для временнаго отправленія ими тамъ адвокатскихъ обязанностей. Конечно, адвокаты въ этомъ случаѣ получаютъ прогоны и пользуются содержаніемъ штатныхъ повѣренныхъ своего временнаго суда, сохраняя и жалованье отъ того суда, къ которому они приписаны». Остается лишь прибавить къ этому, что, по мнѣнію самого проф. Чебышева-Дмитріева, «русскіе профессора-юристы едва ли въ состояніи подать въ этомъ дѣлѣ полновѣсный голосъ... Условія и требованія русской жизни покрыты для насъ такимъ же мракомъ неизвѣстности, какъ и дѣйствія судебныхъ мѣстъ. О Россіи мы знаемъ очень мало».

Совершенно особо стоитъ въ полномъ смыслѣ слова проникновенное замѣчаніе предсѣдателя Могилевской Уголовной Палаты Бржостовскаго. Оно не имѣетъ, правда, непосредственнаго отношенія къ адвокатурѣ, но тяжесть послѣдствій, имъ предсказанныхъ, наиболѣе чувствительно отразилась

именно на адвокатурѣ. Г. Бржостовскій единственный изъ всѣхъ обратилъ вниманіе на то, что реформируются только процессуальные законы, нормы же матеріальнаго права, устарѣлыя и несправедливыя, остаются безъ измѣненій. «Чѣмъ болѣе, — писалъ онъ, — судебныя учрежденія даютъ средствъ къ точному исполненію законовъ, чѣмъ они совершеннѣе, тѣмъ достоинства или недостатки законовъ будутъ явственнѣе, добро или зло, ими причиненное, ощутительнѣе для каждаго гражданина, а потому самые законы должны быть тѣмъ совершеннѣе. Кромѣ сего, судебныя учрежденія, какъ бы они совершенны ни были, не дадутъ еще всего того, что отъ нихъ законодатель можетъ ожидать, если люди, поставленные для приведенія посредствомъ ихъ въ дѣйствіе законовъ, не будутъ не только образованны, но и истинно благородны. Но истинно благородный человѣкъ не станетъ служить публично, открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно законамъ стѣснительнымъ. Служить имъ будутъ или неимущіе ради содержанія, или честолюбивые, чтобы занимать извѣстное положеніе въ свѣтѣ, или, наконецъ, люди, которые на судейскую должность будутъ смотрѣть какъ на переходъ ихъ къ другимъ должностямъ, болѣе согласнымъ съ ихъ совѣстью и понятіемъ о чести. Но всѣ такіе люди будутъ болѣе служить самимъ себѣ, чѣмъ обществу, чѣмъ государству. Чтобы имѣть служителей, которые общественную пользу не ставили бы ниже своей, нужно установить законы такіе, которые бы ясно доказывали, что благосостояніе народа было главной цѣлью законодательства, и которыхъ исполненіе приносило бы честь. И потому, по моему мнѣнію, вмѣстѣ съ подготовленіемъ устава судебныхъ учрежденій должны быть пересмотрѣны наши уголовные и гражданскіе законы, согласно потребностямъ времени и духу самой судебной институціи, а тѣлесное наказаніе, унижающее достоинство человѣческое, должно быть уничтожено».

Тѣлесное наказаніе, наконецъ, уничтожено. Но гражданскіе и уголовные законы такъ до сихъ поръ и дѣйствуютъ все тѣ же. Естественно поэтому, что въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ не разъ придется вспомнить объ этихъ пророческихъ словахъ. Но и здѣсь можно съ увѣренностью ска-

зать, что въ значительной мѣрѣ тѣ противорѣчія во взглядахъ на роль и значеніе адвокатуры, которыя въ предшествующемъ изложеніи пришлось уже констатировать, и та подозрительная осторожность, съ какой законодатель обходилъ этотъ основной вопросъ, въ значительной мѣрѣ объясняются безнадежнымъ противорѣчіемъ, какое существовало между закономъ и тогдашнимъ уровнемъ справедливости, ибо это противорѣчіе создавало для адвоката двойственное положеніе. Служитель и рыцарь закона, онъ могъ оказаться въ жестокой коллизіи со справедливостью. Позже, въ 70-хъ годахъ, эта тема о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости стала занимать общественное мнѣніе и усиленно разрабатывалась въ литературѣ. Но тогда голосъ Бржостовскаго прозвучалъ совершенно одиноко и не привлекъ къ себѣ ничьего вниманія. Теорія здороваго эгоизма, исходившая изъ равноправности, равносильности и свободной игры интересовъ, игнорировала эти вопросы и заботилась только о томъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ эту игру, а лишь обезпечивало выигравшему правильность платежа.

Соотвѣтственно этому, и въ обширной журнальной литературѣ, вызванной опубликованіемъ Основныхъ Положеній, вопросъ этотъ никѣмъ не поднимался. Авторы журнальныхъ статей одни ограничивались просто изложеніемъ содержанія Основныхъ Положеній. Весьма характерно, что къ числу такихъ авторовъ принадлежалъ В. Д. Спасовичъ [1]), который при всей своей образованности не нашелъ матеріала для критики. Другіе же разрабатывали уже хорошо знакомыя намъ темы. Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» [2]) П. Марковъ, впослѣдствіи первоприсутствующій въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ, рѣшительно выступилъ противъ монополіи веденія судебныхъ дѣлъ. Вотъ какъ онъ формулируетъ выводъ изъ своей статьи: «1) Тяжущіеся не могутъ быть лишены права поручать свои дѣла тому, кому они больше вѣрятъ; 2) корпоративное устройство адвокатскаго учре-

---

[1]) «Спб. Вѣд.», 1863 г., №№ 1, 2, 3.
[2]) 1863 г., февраль.

жденія само по себѣ не представляетъ ручательства въ томъ, чтобы это учрежденіе могло удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества; 3) единственнымъ практическимъ средствомъ для контролированія адвокатскихъ корпорацій и для того, чтобы ослабить силу корпораціи, когда она окажется дурно составленною, есть допущеніе, на ряду съ адвокатами, повѣренныхъ, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи; 4) такая конкуренція не можетъ помѣшать образованію при судахъ корпорацій адвокатовъ, такъ какъ установленіе ихъ имѣетъ для послѣднихъ практическую важность и не можетъ быть опасно въ томъ мѣстѣ, гдѣ корпорація пріобрѣтетъ общественное довѣріе».

Въ томъ же «Журналѣ Мин. Юст.» (1862 г., октябрь) высказываются противъ высокаго образовательнаго ценза. По крайней мѣрѣ на первое время нужно сдѣлать исключеніе для лицъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта мысль горячо была поддержана Заринымъ въ «Библіотекѣ для чтенія» (1862 г., №№ 11 и 12). Авторъ боится, что требованіе образовательнаго ценза преградитъ доступъ въ адвокатуру самоучкамъ и тѣмъ лишитъ ее, быть можетъ, самыхъ образцовыхъ дарованій. Конечно, этотъ авторъ и противъ монополіи, но онъ идетъ еще дальше и вообще возстаетъ противъ организаціи адвокатуры въ видѣ государственнаго учрежденія. Противъ образовательнаго ценза высказалась и «Сѣверная Пчела» (1862 г., № 281, статья Зайцева). Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» появилась еще статья Ф. Космачева (1863 г., іюль), въ которой авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость тщательной выработки условій, которыя могли бы поднять довѣріе къ адвокатамъ. Къ числу такихъ условій авторъ относитъ замѣну наименованія присяжныхъ повѣренныхъ защитниками—на наименованіе ихъ адвокатами авторъ уже, повидимому, вообще не разсчитываетъ. Второе условіе—принятіе всяческихъ мѣръ для устраненія всякаго сходства адвокатовъ съ чиновниками. Наконецъ, П. Александровъ возбудилъ вопросъ о допущеніи защиты къ предварительному слѣдствію, причемъ выражаетъ увѣренность («какъ намъ положительно извѣстно»), что это начало будетъ принято су-

дебными уставами. По этому вопросу возникла полемика между нимъ и Макалинскимъ, впослѣдствіи авторомъ монументальнаго труда объ адвокатурѣ [1]).

7. Разработка Основныхъ Положеній.

Составленіе проектовъ судоустройства и судопроизводства по обнародованнымъ Основнымъ Положеніямъ возложено было на Государственную Канцелярію. Но «какъ этотъ обширный трудъ не можетъ быть совершонъ одними собственными средствами Государств. Канцеляріи, то въ составѣ ея образовать для сего дѣла особую Комиссію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ Госуд. Секретаря. Комиссію эту образовать изъ чиновниковъ Госуд. Канцеляріи и другихъ лицъ, преимущественно юристовъ по избранію Госуд. Секретаря». Въ Комиссію вошли чины Госуд. Канцеляріи, Правит. Сената, второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Министерства Юстиціи, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и губернскихъ судебныхъ учрежденій, всего 30 человѣкъ. Кромѣ того, принимали участіе въ работахъ Комиссіи два сенатора—Любощинскій и Матюнинъ.

«Для успѣшнѣйшаго производства всѣхъ предварительныхъ работъ» Комиссія разбилась на три отдѣленія. Отдѣленіе судоустройства было составлено подъ предсѣдательствомъ Плавскаго (состоявшаго при Государственной Канцеляріи, замѣстителя предсѣдателя Комиссіи), изъ бар. Врангеля (Директоръ Департамента Министерства Юстиціи), Даневскаго (старшій чиновникъ Второго Отдѣленія), Есиповича (помощникъ Статсъ-Секретаря Гос. Совѣта), Желтухина (чиновникъ Гос. Канцеляріи), Крейтера (оберъ-секретарь Правит. Сената), Принтца (симбирскій губернскій прокуроръ) и Ровинскаго (московскій губернскій прокуроръ). Отдѣленіе судоустройства имѣло 47 засѣданій для обсужденія проекта, съ 16 ноября 1862 г. по 12 сентября 1863 г. При раз-

---

[1]) «Ж. М. Ю.», 63 г., декабрь.

смотрѣніи главы о присяжныхъ повѣренныхъ принималъ еще участіе членъ Комиссіи Утинъ, а въ общее собраніе Комиссіи спеціально были приглашены присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ: С.-Петербургскаго—Зефтигенъ и Лыжинъ и Московскаго—Петровъ. Общее собраніе Комиссіи имѣло 8 засѣданій—въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1863 г., т.-е. одновременно съ тѣмъ, какъ шли засѣданія Отдѣленій. Проектъ Положенія о присяжныхъ повѣренныхъ разсмотрѣнъ въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ общаго собранія—8 и 13 августа 1863 г. Въ засѣданіи 8 августа подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря присутствовало 29 членовъ: Н. А. Буцковскій, А. Ѳ. Бычковъ, А. П. Вилинбаховъ, бар. Е. Е. Врангель, В. К. Гуринъ, П. Н. Даневскій, Я. Г. Есиповичъ, М. И. Зарудный, С. И. Зарудный, Ѳ. К. Зефтигенъ, П. А. Зубовъ, К. В. Калачевъ, А. А. Книримъ, Л. Е. Ковалевскій, П. М. Крейтеръ, М. Н. Любощинскій, П. П. Лыжинъ, А. Е. Матюнинъ, Е. А. Перетцъ, А. П. Петровъ, В. М. Плавскій, М. К. Поповъ, И. Г. Принтцъ, Д. А. Ровинскій, Г. К. Рѣпинскій, В. В. Фришъ, С. Н. Шечковъ, Д. П. Шубинъ, О. Д. Эссенъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи сверхъ того участвовали еще—О. И.译Квистъ, Н. И. Розовъ, И. Д. Желтухинъ, не было А. Е. Матюнина. Правила о присяжныхъ повѣренныхъ составили главу вторую девятаго раздѣла проекта учрежденія судебныхъ установленій, причемъ въ первой редакціи проекта значится, что эта глава внесена въ Комиссію особо отъ всего проекта. Редакторомъ этой главы былъ Я. Г. Есиповичъ. Эта вторая глава обнимаетъ статьи 313—371 проекта, а объяснительная записка къ этой главѣ занимаетъ страницы 226—276 изъ общаго количества 307 страницъ. Объяснительная записка раздѣлена на три отдѣленія, и каждому отдѣленію предшествуютъ относящіяся сюда Основныя Положенія: о присяжныхъ повѣренныхъ вообще (стт. 13, 16, 17); о совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ (стт. 79, 80, 86); о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ (стт. 73, 74, 75, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87).

Центръ тяжести объяснительной записки лежитъ въ многочисленныхъ разногласіяхъ, которыя возникли въ Комиссіи. Тѣ же правила, которыя проходили единогласно, мотиви-

рованы весьма бѣгло, главнымъ образомъ, ссылкой на ихъ соотвѣтствіе Основнымъ Положеніямъ. Первое разногласіе вызвалъ вопросъ о допущеніи въ присяжные повѣренные лицъ, хотя и не служившихъ по судебному вѣдомству, но бывшихъ профессорами или преподавателями юридическихъ наукъ. Меньшинство стояло противъ допущенія, находя, что практическое знаніе процесса есть главное условіе, безъ котораго нельзя успѣшно исполнять обязанности присяжнаго повѣреннаго, между тѣмъ какъ занятія профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ бываютъ почти исключительно теоретическія. Однако, и меньшинство соглашалось на то, чтобы допущеніе разрѣшить на переходное время. Огромное же большинство (26 противъ шести) исходило изъ того соображенія, что пятилѣтній стажъ нуженъ «не для того, чтобы изучить тѣ или другія формы, тотъ или другой механизмъ процесса, а чтобы молодой человѣкъ не прямо со школьной скамьи вступалъ въ дѣйствительную жизнь самостоятельнымъ дѣятелемъ. Но относительно профессоровъ этого соображенія существовать не можетъ, а допущеніе ихъ въ адвокатуру имѣетъ цѣлью оживить и облагородить сословіе связью съ наукой и ея представителями, чтобы новый процессъ не принялъ рутиннаго направленія, но былъ постоянно освѣщенъ свѣтомъ науки: чтобы теорія и практика шли и развивались рука объ руку..., чтобы создалась, наконецъ, дѣйствительно правильная юридическая жизнь, достойная великаго государства».

Весьма характерно, что то же меньшинство въ увеличенномъ составѣ готово было вообще свести на-нѣтъ пятилѣтній стажъ и замѣнить его практическимъ экзаменомъ въ особомъ комитетѣ при судебной палатѣ. Но большинство, стоя на своей точкѣ зрѣнія, не согласилось съ такимъ предложеніемъ, полагая, что отступленіе отъ пятилѣтняго стажа можетъ быть допущено только въ видѣ временной мѣры.

Съ вопросомъ о профессорахъ юридическихъ наукъ Коммиссіи пришлось встрѣтиться вторично, и снова вопросъ вызвалъ разногласіе. Оно вспыхнуло по пункту о дозволеніи профессорамъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и присяжными повѣренными. Часть того же меньшинства высказалась противъ допу-

щенія такого совмѣстительства, такъ какъ служба профессора университета или другого высшаго учебнаго заведенія требуетъ не менѣе постоянныхъ и отчетливыхъ занятій, какъ и всякая другая служба, а можетъ быть, и болѣе. Поэтому весьма опасно въ интересахъ науки и слушателей, если они съ занятіями по должности профессора будутъ соединять и адвокатскія занятія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Большинство же доказывало, что совмѣстительство можетъ только принести пользу, ибо обогащеніе профессоровъ практическими свѣдѣніями полезно и для нихъ, и для общества, и для слушателей.

Совершенно иное меньшинство образовалось по вопросу о недопущеніи въ присяжные повѣренные лицъ, исключенныхъ изъ обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ сихъ сословій. Только четыре члена (М. Зарудный, С. Зарудный, Книримъ и Рѣпинскій) оказались пророками и настаивали на томъ, что «исключеніе изъ среды общества или дворянскаго собранія не есть еще ручательство, чтобы исключенный былъ дѣйствительно человѣкъ вредный и незаслуживающій званія присяжнаго повѣреннаго, и 2) что существующіе законы, въ коихъ опредѣляются права обществъ и собраній на исключеніе изъ среды своей членовъ, настолько широки, что пользованіе этими правилами не представляетъ достаточно гарантій для исключаемаго. Можно себѣ представить, что присяжный повѣренный возбудилъ противъ себя неудовольствіе дворянскаго общества за то, что будетъ защищать противника какого-нибудь дворянина. Но очевидно, что нѣтъ причинъ считать исключеннаго лицомъ непорядочнымъ и негоднымъ». Большинство же стояло на формальной точкѣ зрѣнія, что исключаются лица, которыхъ «явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ», а такихъ лицъ терпѣть въ сословіи нельзя. Относительно же гарантіи правильности исключенія большинство успокаивалось на томъ, что исключаются двумя третями голосовъ и притомъ по разсмотрѣніи объясненій не въ томъ собраніи, въ которомъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи, а въ слѣдующемъ. Теперь-то несомнѣнно, что правильно смотрѣло на вещи меньшинство, и если сословіе мало терпѣло отъ этого

правила, то объясненія нужно искать не въ тѣхъ мотивахъ, которые большинство приводило, а въ индиферентности сословныхъ обществъ.

Первое отдѣленіе заканчивается десяткомъ строкъ, посвященныхъ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Эти строки имѣютъ спеціальный интересъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ, что умолчаніе судебныхъ уставовъ о помощникахъ не случайно. Какъ въ 78 ст. Основныхъ Положеній,—говоритъ Комиссія,—упоминается о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, то Комиссія сочла необходимымъ въ 317 ст. проекта сказать положительно, что присяжные повѣренные могутъ имѣть помощниковъ, опредѣливъ притомъ: когда сіи послѣдніе могутъ на себя принимать хожденіе по дѣламъ, какими они въ этомъ случаѣ пользуются правами и какую несутъ отвѣтственность. Статья же эта гласитъ такъ: присяжные повѣренные могутъ имѣть помощниковъ, которые принимаютъ на себя хожденіе по дѣламъ лишь съ разрѣшенія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Во второмъ отдѣленіи, посвященномъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, имѣется одно разногласіе по вопросу о томъ, какія постановленія Совѣта могутъ быть обжалованы. Здѣсь объединились оба меньшинства, о которыхъ приходилось уже упоминать (съ одной стороны Бычковъ, Вилинбаховъ, Калачевъ, Шубинъ, съ другой—Рѣпинскій и Книримъ); это новое меньшинство полагало, что обжалованію должны подлежать всѣ постановленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, ибо выговоръ или предостереженіе, дѣлаемые Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, могутъ быть столь же чувствительны для присяжнаго повѣреннаго, какъ и всякое другое взысканіе съ него, и нѣтъ никакихъ основаній лишать присяжнаго повѣреннаго права обжаловать постановленіе Совѣта, коимъ дѣлается ему выговоръ, или предостереженіе, если онъ считаетъ постановленіе это неправильнымъ. Большинство же ссылалось на то, что запрещеніе приносить жалобы на постановленія о выговорахъ или предостереженіяхъ не есть особенность или изъятіе изъ общаго правила, а напротивъ того, есть только распространеніе на присяжныхъ повѣренныхъ общаго правила, существующаго для лицъ

всѣхъ сословій по отношенію къ приговорамъ мировыхъ судей и предполагаемаго для всѣхъ лицъ судебнаго вѣдомства по отношенію къ опредѣленіямъ, постановленнымъ въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Независимо отъ приведеннаго разногласія, въ этомъ отдѣленіи необходимо еще отмѣтить измѣненный впослѣдствіи порядокъ избранія Совѣта, проектированный Комиссіей. Возобновленіе Совѣта признано необходимымъ дѣлать ежегодно, чтобы члены Совѣта, избранные на слишкомъ продолжительное время, не сдѣлались произвольными распорядителями въ дѣлахъ сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія находила, что въ виду важности функціи Совѣта избраніе его, когда «прибудетъ для сего менѣе половины присяжныхъ повѣренныхъ—недопустимо». Комиссія считаетъ въ подобныхъ случаяхъ невозможнымъ и возобновленіе Совѣта, а потому и постановила, что общее собраніе считается несостоявшимся, если въ оное прибыло менѣе половины всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, подвѣдомыхъ Совѣту; въ такомъ случаѣ Совѣтъ закрывается. Другое важное постановленіе, впослѣдствіи измѣненное, касалось отдѣленій Совѣта, которымъ Комиссія предполагала предоставить всѣ права и обязанности Совѣта при судебныхъ палатахъ.

Наибольшее количество разногласій, какъ и можно было предположить, вызвало отдѣленіе третье, трактующее о правахъ и обязанностяхъ присяжнаго повѣреннаго. Все, что до сихъ поръ возбуждало споры, такъ и осталось предметомъ разногласія. Можетъ ли присяжный повѣренный принимать на себя словесную защиту во всей Имперіи? Этотъ, казалось бы, несущественный вопросъ поднялъ со дна всѣ покоившіяся тамъ противорѣчія. Необходимо это допустить, настаивало меньшинство, потому что при новомъ порядкѣ судопроизводства, какъ тяжущемуся, такъ и обвиняемому въ особенности важно имѣть хорошаго защитника, по крайней мѣрѣ во время словеснаго состязанія. Но хорошихъ защитниковъ трудно будетъ сыскать въ большинствѣ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Нельзя опасаться созданія монополіи въ пользу столичныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Напротивъ, если мѣстные присяжные повѣренные получатъ

исключительное право ходатайствовать въ своемъ округѣ, то именно тогда въ ихъ пользу будетъ учреждена монополія. По этому случаю вспомнили даже и о возможномъ неравенствѣ сторонъ, потому что бѣдные тяжущіеся не въ состояніи будутъ приглашать столичныхъ повѣренныхъ, но это соображеніе легко было опровергнуть ссылкой на предустановленную гармонію интересовъ. «Вознагражденіе повѣренному обыкновенно выдается, молъ, не впередъ, а по окончаніи дѣлъ; а потому и бѣдный тяжущійся, имѣющій правое дѣло, найдетъ себѣ хорошаго повѣреннаго». Большинство же опасалось, что такое дозволеніе упрочитъ положеніе «нѣсколькихъ ходатаевъ и стряпчихъ, ибо вся письменная подготовка дѣла должна будетъ остаться у нихъ». Кто бы ни былъ въ данномъ спорѣ правъ—большинство или меньшинство, нельзя во всякомъ случаѣ не удивляться тому, что всѣ эти вопросы не были опредѣленно взвѣшены, не были ликвидированы раньше, чѣмъ Комиссія приступила къ рѣшенію частностей.

Самый злободневный вопросъ адвокатской монополіи, «объ ограниченіи права тяжущихся давать довѣренности другимъ лицамъ, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ», разногласій не вызвалъ. Здѣсь передъ нами единственный случай, когда Комиссія считается съ требованіями общественнаго мнѣнія. «Противъ этого проекта (объ ограниченіи давать довѣренности другимъ лицамъ),—пишетъ Комиссія,—и въ газетахъ, и въ журналахъ, и въ замѣчаніяхъ, доставленныхъ въ Комиссію въ огромномъ количествѣ со всѣхъ концовъ Россіи отъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества, представлены столь сильныя возраженія, что Комиссія при развитіи сего правила нашла необходимымъ оградить его такими условіями, которыя, не ослабляя его, могли бы хоть сколько-нибудь удовлетворить общественное мнѣніе, такъ единогласно выразившееся противъ сего правила». Въ этихъ видахъ Комиссія и проектировала измѣнить соотвѣтствующее правило Основныхъ Положеній въ томъ смыслѣ, чтобы не табелью устанавливался комплектъ, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судебная палата удостовѣрялась въ наличности достаточнаго количества и возбуждала ходатайство объ устано-

вленіи комплекта. При такомъ отношеніи къ общественному мнѣнію неудивительно, конечно, что въ объяснительной запискѣ, какъ упомянуто выше, имѣется лишь одна единственная ссылка на замѣчанія, присланныя со всѣхъ концовъ Россіи. Но безспорно замѣчательно, что даже и въ то исключительное время, даже и при томъ условіи, что бюрократія сама желала выслушать голосъ общества,—maximum, на что общественное мнѣніе могло разсчитывать—это на то, чтобы ему была сдѣлана лишь видимость уступки. Задача, какъ мы только что видѣли, состоитъ въ томъ, чтобы хотя «сколько-нибудь» удовлетворить общественное мнѣніе, нисколько не ослабляя дѣйствія отрицаемаго имъ принципа.

Итакъ, вопросъ о монополіи разногласій не вызвалъ. Но тѣмъ болѣе характерно, что жаркій споръ возгорѣлся на частномъ вопросѣ о правѣ тяжущихся довѣрять свои тяжбы лицамъ, завѣдывающимъ ихъ дѣлами, и что снова на этой детали общаго вопроса всплыли всѣ принципіальныя соображенія. Едва ли возможно,—такъ разсуждало меньшинство изъ двѣнадцати членовъ,—заботиться въ такой степени исключительно объ интересахъ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы въ пользу ихъ нарушать самыя существенныя права тяжущихся, принуждая ихъ насильственно перенесть свое довѣріе съ лицъ, которыя уже оправдали оное, на лица, которыхъ они вовсе не знаютъ. Учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ,—отвѣчало на это большинство,—ставитъ себѣ задачей бороться съ неудовлетворительнымъ состояніемъ судебной части. На присяжныхъ повѣренныхъ возлагаются обязанности довольно обременительныя. Они выбираютъ Совѣтъ, члены котораго должны посвящать значительную долю своего времени на безвозмездное служеніе своей корпораціи. Присяжные повѣренные должны защищать, почти всегда безъ вознагражденія, обвиняемыхъ по дѣламъ уголовнымъ... И по дѣламъ гражданскимъ они должны принимать на себя защиту лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Кромѣ того, самый надзоръ со стороны Совѣта составляетъ стѣсненіе для присяжныхъ повѣренныхъ. Поэтому «безъ воспрещенія постороннимъ лицамъ заниматься ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ едва ли на-

шлось бы много охотниковъ поступить въ присяжные повѣренные, такъ какъ на это сословіе, не пользующееся никакими особыми правами, возложены довольно обременительныя обязанности». Здѣсь впервые большинство идетъ навстрѣчу основному возраженію и признаетъ, что «дѣйствительно тяжущіеся стѣсняются въ выборѣ повѣренныхъ». Но этотъ фактъ нисколько не измѣняетъ взгляда на роль и задачи адвокатуры. Стѣсненіе необходимо въ видахъ правильнаго отправленія правосудія. Выгода нѣсколькихъ частныхъ лицъ должна быть пожертвована благу всего государства и т. п. Таковы принципіальныя разсужденія, которыя занимаютъ свыше пяти страницъ. Но здѣсь они составляютъ ненужный балластъ, за которымъ совершенно исчезаетъ та частность общаго вопроса, о которой идетъ рѣчь. Если бы всѣ эти доводы были исчерпаны при разрѣшеніи общаго вопроса объ адвокатской монополіи и вопросъ этотъ былъ принципіально рѣшенъ, то ихъ не нужно было бы повторять случайно, и всѣ частности рѣшались бы сами собой.

Понятно, что и вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ отказываться отъ веденія дѣла, оставшійся въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, по тѣмъ же причинамъ вызвалъ серьезныя разногласія. Вопросъ этотъ возникъ въ связи съ проектированнымъ Комиссіей правиломъ, что каждый тяжущійся въ правѣ обращаться въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ словесной или письменной просьбой о назначеніи повѣреннаго для веденія дѣла, и Совѣтъ обязанъ эту просьбу исполнить. При такой постановкѣ дѣла вопросъ о правѣ отказываться отъ веденія дѣла пріобрѣтаетъ огромное практическое значеніе не только потому, что случаи назначенія могутъ часто возникать, но и потому, что раскроется разница между безвозмезднымъ и возмезднымъ веденіемъ дѣлъ; порученіе Совѣта можетъ касаться одинаково какъ безвозмезднаго, такъ и возмезднаго веденія дѣлъ; благодаря этому, вопросъ о правѣ отказа ставится во всей своей остротѣ. Но, тѣмъ не менѣе, Комиссія сумѣла обойти всѣ острые углы. Прежде всего, вопросъ былъ сведенъ къ тому, можетъ ли присяжный повѣренный отказываться безъ объясненія причинъ. Девять членовъ меньшинства отвѣчали на этотъ во-

просъ отрицательно, ибо «кто получаетъ привилегію на удовлетвореніе какой-либо общественной потребности, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ принять на себя и соотвѣтствующую этой потребности обязанность непремѣнно удовлетворить намѣченную потребность, ибо въ противномъ случаѣ общество было бы поставлено въ такое положеніе, что нѣкоторыя лица или корпораціи извѣстныхъ лицъ получили бы исключительное право удовлетворять одну изъ существенныхъ потребностей, такъ что никто внѣ этой корпораціи не имѣлъ бы этого права, а между тѣмъ эта привилегированная корпорація отказалась бы удовлетворять эту потребность... Медики имѣютъ исключительное право лѣчить больныхъ; вмѣстѣ съ этимъ правомъ лежитъ на нихъ и обязанность непремѣнно лѣчить тѣхъ, кто къ нимъ обращается. Соотвѣтствующее сему правило должно быть постановлено и относительно присяжныхъ повѣренныхъ: они получаютъ исключительное право вести тяжебныя дѣла, на нихъ же должна быть возложена и обязанность непремѣнно вести эти дѣла... Если предоставить присяжнымъ повѣреннымъ право отказываться отъ веденія дѣла, объявивъ только, что порученное дѣло не согласно съ его убѣжденіями, то они всегда могутъ отговориться этимъ правомъ, когда тяжущіеся не согласятся заплатить имъ сколько они запросятъ, и, слѣдовательно, веденіе дѣлъ по таксѣ сдѣлается невозможнымъ, и всѣ тяжущіеся подвергнутся величайшему вымогательству со стороны повѣренныхъ»... Поэтому меньшинство предлагало исключить изъ проекта 357 ст., по которой повѣренному предоставлялось отказаться, если онъ найдетъ препятствіе въ самомъ свойствѣ дѣла, несогласнаго съ его убѣжденіями, и сохранить лишь правило, въ силу коего отказъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ послѣ представленія Совѣту достаточныхъ для сего причинъ.

Отсюда, прежде всего, вытекаетъ, что, по мнѣнію Комиссіи, несогласіе поручаемаго дѣла съ убѣжденіями повѣреннаго не принадлежитъ къ числу достаточныхъ для отказа причинъ, что объ отказѣ по несогласію нужно упомянуть особо, безъ чего такого отказа быть не можетъ. Меньшинство настаивало на сохраненіи этого особаго упоминанія,

но большинство еще рѣшительнѣй уклонилось отъ принципіальной постановки вопроса, опровергая доводы меньшинства чисто практическими соображеніями. Проектъ, во-первыхъ, не предоставляетъ присяжнымъ повѣреннымъ исключительнаго права веденія дѣлъ гражданскихъ. Тяжущіеся сохраняютъ право вести дѣла сами и поручать веденіе ихъ весьма обширному кругу лицъ. Да и вообще монополія, въ томъ видѣ, въ какомъ она устанавливается, «должна вступить въ дѣйствіе не немедленно по учрежденіи этого сословія, а только впослѣдствіи, когда число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ». Нечего также пугаться, что возникнетъ вымогательство со стороны присяжныхъ повѣренныхъ. Если кто дорого запроситъ, то тяжущійся не только самъ можетъ вести дѣло, но всегда найдетъ другого повѣреннаго, который возьметъ плату болѣе умѣренную. Напротивъ, принятіе мнѣнія меньшинства и можетъ привести къ нарушенію правъ тяжущихся. «Совѣтъ поручаетъ какое-либо дѣло присяжному повѣренному, который считаетъ его несправедливымъ. Понятно, что защита такого повѣреннаго можетъ быть весьма неудовлетворительна, и что вслѣдствіе такой защиты дѣло можетъ быть проиграно. Между тѣмъ, дѣло было правое». Съ другой стороны, это было бы несправедливостью и по отношенію къ самому присяжному повѣренному. «Каждый присяжный повѣренный можетъ дорожить своей репутаціей, которая зависитъ отъ его знаній и честности. Знанія проявляются въ томъ, что онъ выигрываетъ поручаемыя ему дѣла, а *честность*,—*что онъ принимаетъ дѣла не только правыя съ формальной стороны, но и правыя по своему существу*. Едва ли будетъ справедливо заставлять присяжнаго повѣреннаго вести такое дѣло, которое будетъ проиграно, или которое хотя и будетъ выиграно, но вопреки справедливости, и тѣмъ вредить своей репутаціи».

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ вопросъ оказался разсмотрѣннымъ, кромѣ только основной точки зрѣнія о томъ, въ чемъ должны заключаться функціи адвокатуры на судѣ. Оттого-то и выходило, что съ одной стороны Комиссія не допускаетъ возможности отказа отъ веденія дѣла, не-

согласнаго съ убѣжденіями адвоката, безъ спеціальнаго упоминанія объ этомъ въ законѣ. А съ другой стороны Комиссія утверждаетъ, что честность выражается въ соотвѣтствіи дѣла не только велѣніямъ закона, но и требованіямъ справедливости, что, слѣдовательно, расхожденіе съ этими послѣдними требованіями безчестно для адвоката, хотя бы онъ ни на іоту отъ велѣнія закона не уклонился. А вѣдь въ присягѣ своей присяжный повѣренный обязуется въ точности и по крайнему своему разумѣнію исполнять законы Имперіи.— Если бы Комиссія стала на принципіальную точку зрѣнія, то какъ бы вопросъ рѣшенъ ни былъ, во всякомъ случаѣ всѣ эти споры не могли бы возникнуть, и сразу внесена была бы ясность и опредѣленность, отсутствіе которыхъ, какъ увидимъ ниже, всегда давало себя чувствовать весьма замѣтно.

Послѣднее разногласіе коснулось вопроса о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей или торговыми оборотами, ремеслами и промыслами. Весьма любопытно, что то меньшинство, которое высказалось противъ совмѣстительства профессуры съ адвокатурой, въ данномъ случаѣ, напротивъ, оказалось среди большинства, отстаивавшаго совмѣстительство. Меньшинство составилось изъ другихъ лицъ, но и въ данномъ случаѣ оно мотивировало свое отрицательное отношеніе чисто практическими соображеніями. «Купцу надобно отпускать или принимать товаръ, надо быть въ конторѣ, лавкѣ или на биржѣ, а повѣренному необходимо въ то же самое время итти въ судъ. Очевидно, что онъ долженъ пренебречь исполненіемъ одной изъ своихъ обязанностей, и, конечно, купецъ пренебрежетъ исполненіемъ обязанностей присяжнаго повѣреннаго». Столь рѣшительное «конечно» явно наталкиваетъ на поднятіе вопроса о принципіальной совмѣстимости занятія торговлей съ занятіемъ адвокатурой, о разницѣ пріемовъ, навыковъ, при глубокомъ несходствѣ цѣлей, но все это осталось далеко въ сторонѣ. Еще болѣе обращаютъ на себя вниманіе разсужденія большинства. Оно желаетъ сойти съ процессуальной точки зрѣнія и посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія справедливости и высшихъ интересовъ государственныхъ. А для этого Комиссія ссылается на законъ 1-го января 1863 г. о пошлинахъ за право торговли,

предоставившій лицамъ всѣхъ сословій и всѣмъ безъ изъятія лицамъ, состоящимъ на службѣ государственной или по выборамъ, безпрепятственно получать свидѣтельства купеческія и промысловыя. Отсюда Комиссія заключаетъ, что «при существованіи сего столь положительно и категорически выраженнаго въ нашемъ законодательствѣ начала, всякія стѣсненія или ограниченія нынѣ какихъ-либо лицъ въ занятіяхъ ихъ промышленностью были бы крайне несправедливы». Если за-границей существуютъ подобныя запрещенія, то для насъ это не образецъ, потому что «состояніе нашей торговли требуетъ не ограниченія, не уменьшенія числа лицъ, могущихъ посвятить ей свою дѣятельность, а напротивъ, всевозможнаго расширенія и поощренія подобныхъ дѣятелей». Большинство даже увѣрено, что если бы во Франціи, Англіи или Италіи пришлось почему-либо издавать новые законы объ адвокатурѣ, то законодатели сихъ странъ, воспитанные на теоріяхъ первоклассныхъ политико-экономовъ, едва ли рѣшились бы вотировать подобное запрещеніе. Что же касается предпочтенія одного занятія другому, то большинство этого не опасается, потому что такой присяжный повѣренный самъ себя накажетъ. «Ему никто не станетъ поручать никакихъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, и, слѣдовательно, онъ съ избыткомъ будетъ наказанъ за небрежное исполненіе своихъ обязанностей».

Объяснительная записка заканчивается вопросомъ объ адресномъ сборѣ. Какъ извѣстно, этимъ сборомъ были обложены, между прочимъ, отставные чиновники, занимающіеся стряпчествомъ. Комиссія нашла, что «этотъ сборъ установленъ именно съ отставныхъ чиновниковъ, занимающихся стряпчествомъ, что учреждаемые нынѣ присяжные повѣренные ни въ чемъ не могутъ быть сравниваемы съ этимъ классомъ людей, и что присяжные стряпчіе при коммерческихъ судахъ, несмотря на существованіе этого сбора, не подвергаются ему, безъ всякой оговорки объ этомъ въ законѣ, вслѣдствіе чего и въ отношеніи присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ надобности въ особомъ упоминаніи». Интересно тутъ же отмѣтить, что, тѣмъ не менѣе, полиція требовала отъ присяжныхъ повѣренныхъ взятія адреснаго билета. Поэтому спб.

Совѣтъ въ 1867 году обратился [1]) къ спб. оберъ-полицеймейстеру съ ходатайствомъ не допускать подобныхъ требованій, и отъ 3 октября 1867 г., за подписью генералъ-лейтенанта Трепова, было получено отношеніе, въ которомъ говорилось, что, соглашаясь съ доводами Совѣта и не находя съ своей стороны никакого основанія къ требованію отъ г. г. присяжныхъ повѣренныхъ адресныхъ билетовъ, онъ сдѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе по полиціи.

8. Замѣчанія министра юстиціи и другихъ представителей власти.

Проектъ комиссіи и объяснительная записка къ нему не были опубликованы, но были разосланы въ Министерство Юстиціи, во 2-е Отдѣленіе и сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ на заключеніе. Наиболѣе важныя и дѣловыя замѣчанія поступили отъ министра юстиціи. Онъ указалъ, во-первыхъ, на несправедливость закрытія Совѣта въ случаѣ, если годичное общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ не состоится за неприбытіемъ надлежащаго количества. Сборъ, если не всѣхъ, то большей части присяжныхъ повѣренныхъ въ одно и то же время въ томъ городѣ, гдѣ будетъ назначено общее собраніе ихъ, можетъ представлять для присяжныхъ повѣренныхъ затрудненія. Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда большинство этихъ лицъ, оставаясь довольными дѣятельностью выбраннаго ими Совѣта, будетъ являться на общее собраніе только для того, чтобы возобновлять прежній выборъ, прибытіе въ общее собраніе представится для большинства какъ бы исполненіемъ одной формальности. Поэтому министръ предлагаетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ выборы не производились, а члены Совѣта сохраняли свое званіе до слѣдующаго общаго собранія. Далѣе — онъ протестуетъ противъ учрежденія самостоятельныхъ отдѣленій Совѣта, такъ какъ это было бы несогласно съ Основными

[1]) Отмѣтимъ еще, что это обращеніе Совѣта К. К. Арсеньевъ именуетъ ходатайствомъ, а самъ оберъ-полицеймейстеръ — отношеніемъ (К. Арсеньевъ. Замѣтки о русской адвокатурѣ, стр. 185).

Положеніями и возбудило бы много практическихъ затрудненій. Поэтому необходимо постановить, что отдѣленія должны быть подчинены Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, и они будутъ не самостоятельными учрежденіями, а посредствующими между присяжными повѣренными и Совѣтами при судебныхъ палатахъ въ случаѣ отдаленности ихъ отъ окружныхъ судовъ. Практически весьма важное замѣчаніе сдѣлано относительно исключенія изъ сословія. Такое исключеніе должно влечь за собою лишеніе права поступать въ число присяжныхъ повѣренныхъ какого бы то ни было судебнаго округа. Далѣе, по проекту, до открытія Совѣта функціи его предполагалось возложить на судебныя палаты; министръ юстиціи предложилъ замѣнить палаты окружными судами.

Чрезвычайно важное измѣненіе проектировано было министромъ юстиціи по отношенію къ порядку пріема въ присяжные повѣренные. Стт. 314 и 315 проекта исчерпывали перечисленіе препятствій, дающихъ Совѣту право отказывать въ пріемѣ. Министръ юстиціи находитъ, что «практическимъ послѣдствіемъ этого правила можетъ быть, что Совѣтъ будетъ обязанъ принимать въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, неблагонадежность коихъ общеизвѣстна, а между тѣмъ они удовлетворяютъ всѣмъ формальнымъ условіямъ. Во избѣжаніе сего необходимо предоставить въ этомъ отношеніи Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право отказывать лицамъ, которыя, по нравственнымъ своимъ качествамъ, не могутъ быть приняты въ число присяжныхъ повѣренныхъ». Предоставленіе этого права Совѣту необходимо въ виду тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя возлагаются на повѣренныхъ, и было бы «согласно съ цѣлью возвысить значеніе этого новаго учрежденія». Напомнивъ засимъ, что такое право предоставляется на первое время при введеніи въ дѣйствіе учрежденія адвокатуры судебнымъ палатамъ, и что поэтому нельзя не предоставить его и Совѣтамъ, министръ юстиціи продолжаетъ: «Подобное право тѣмъ безопаснѣе можетъ быть предоставлено Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, что лицо, получившее отказъ, можетъ принести на постановленіе Совѣта жалобу судебной палатѣ, и, такимъ обра-

зомъ, устранится даже сомнѣніе въ возможности произвольныхъ со стороны Совѣтовъ отказовъ. При семъ нельзя не замѣтить, что въ случаѣ отказа въ пріемѣ, основаннаго на соображеніяхъ о неблагонадежности лица, конечно, неудобно требовать отъ Совѣта, чтобы были объяснены причины отказа; но, въ случаѣ принесенія жалобы на постановленіе Совѣта, онъ обязанъ объяснить судебной палатѣ причины, по которымъ имъ отказано было лицу, желавшему поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ». Далѣе, министръ юстиціи рѣшительно поддерживаетъ мнѣніе меньшинства Коммиссіи въ вопросахъ объ обжалованіи постановленій Совѣта (всѣ постановленія подлежатъ обжалованію) и предоставленіи адвокатамъ принимать на себя словесную защиту и внѣ мѣста приписки. «Съ установленіемъ для повѣренныхъ права словесной защиты и внѣ судебной области все сословіе повѣренныхъ объединится общими интересами, и при развитіи между ними конкуренціи можно смѣло надѣяться, что выработается, наконецъ, и у насъ сословіе повѣренныхъ, которому и правительство, и общество могутъ безъ всякихъ опасностей довѣрить веденіе дѣла». Щекотливаго вопроса о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ отказываться отъ веденія дѣлъ министръ юстиціи совсѣмъ не касается потому, что онъ просто предлагаетъ исключить правило объ обращеніи тяжущихся къ Совѣту съ просьбой о назначеніи повѣреннаго. «При этомъ порядкѣ слѣдуетъ предвидѣть значительную потерю времени въ ущербъ тяжущимся, въ особенности же, когда угрожаетъ пропущеніе сроковъ... Означенныя затрудненія усложняются вопросомъ о вознагражденіи повѣреннаго... Если предположить, что тяжущійся обязанъ въ самомъ прошеніи объяснить свои условія, на которыя повѣренный въ правѣ не изъявить своего согласія и предъявить свои, то это, естественно, только можетъ дать поводъ къ очень утомительной перепискѣ». Что же касается вопроса о комплектѣ, то министръ полагаетъ необходимымъ возстановить правило Основныхъ Положеній, какъ болѣе ясное и опредѣленное.

Едва ли не больше всего соображеній посвящено вопросу о положеніи присяжныхъ повѣренныхъ по отношенію

къ государственной службѣ. Министръ юстиціи считаетъ весьма полезнымъ, что карьера присяжнаго повѣреннаго не будетъ представляться чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, безъ всякаго исхода и возможности перейти на государственную службу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень заботится, чтобы присяжные повѣренные въ отношеніи производства въ чины не были поставлены въ привилегированное положеніе, и потому предлагаетъ соотвѣтствующія статьи о нихъ наново передѣлать. Надо припомнить, что этотъ вопросъ поставленъ былъ уже въ первомъ блудовскомъ проектѣ и что каждый слѣдующій проектъ по-своему это правило измѣнялъ.

Несомнѣнно, однако, самое важное измѣненіе, предложенное министромъ юстиціи, касалось помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ Основныхъ Положеніяхъ они упоминались, какъ извѣстно, лишь мимоходомъ, и министръ юстиціи полагаетъ, что это упоминаніе подлежитъ дальнѣйшему развитію въ настоящемъ уставѣ, который долженъ опредѣлить условія и порядокъ поступленія въ сословіе, права, обязанности и подчиненность лицъ, къ нему принадлежащихъ. Такъ какъ помощники подготовляются къ званію присяжнаго повѣреннаго, то условія поступленія должны быть, очевидно, тѣ же, за исключеніемъ требованія достиженія 25-тилѣтняго возраста и судебной практики. Но засимъ, продолжаетъ министръ, для достиженія указанной цѣли—пріобрѣтенія помощникомъ присяжнаго повѣреннаго опытности, необходимо: съ одной стороны,—дать ему къ тому возможность, дозволяя ему, кромѣ занятій адвокатскихъ, подготовительныхъ, такъ сказать, кабинетныхъ, участвовать въ словесныхъ преніяхъ и другихъ судебныхъ дѣйствіяхъ; съ другой стороны—возложить на Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ обязанность дѣйствительно наблюдать за помощниками повѣренныхъ и руководить ими. Вслѣдствіе сего желательно, чтобы Совѣтъ, прежде чѣмъ удостоить помощника присяжнаго повѣреннаго званія присяжнаго повѣреннаго, получалъ отчетъ о занятіяхъ его въ теченіе 5-тилѣтняго срока. Необходимо также, для огражденія интересовъ лицъ, которыя пожелали бы поручить свои дѣла помощникамъ

присяжныхъ повѣренныхъ, и для исполненія требованія, выраженнаго въ 76 ст. Осн. Пол., чтобы дѣйствіями помощника руководилъ присяжный повѣренный и наблюдалъ за своимъ помощникомъ, чтобы на немъ лежала нѣкоторая нравственная отвѣтственность за своихъ помощниковъ. Поэтому министръ юстиціи предлагаетъ составить для помощниковъ рядъ правилъ и изъ нихъ образовать особое IV Отдѣленіе. Отдѣленіе это, по предположенію министра, должно было гласить такъ: Ст. 1. Каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть помощниковъ, опредѣленіе которыхъ, по его представленію, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Ст. 2. Помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть опредѣлены лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или выдержавшія экзаменъ въ сихъ наукахъ, если притомъ не подходятъ подъ 2-й и слѣдующій пунктъ 315 ст. (опредѣляющій, какія лица не могутъ быть присяжными повѣренными). Ст. 3. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимаются дѣлами по порученію и подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ. Ст. 4. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ право хожденія по дѣламъ наравнѣ со всѣми посторонними лицами на правахъ, изложенныхъ въ стт. 349 и 350 (т.-е. сравниваются съ присяжными повѣренными и родителями или имѣющими общую тяжбу и т. д.). Ст. 5. Въ случаѣ порученія помощникамъ присяжнаго повѣреннаго тяжущимся дѣла въ такой мѣстности, гдѣ исключительное право хожденія по дѣламъ принадлежитъ присяжнымъ повѣреннымъ, присяжный повѣренный, при которомъ помощникъ состоитъ, имѣетъ право ходатайствовать въ Совѣтѣ о дозволеніи помощнику вести поручаемое ему дѣло. Ст. 6. Въ дѣлахъ уголовныхъ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ быть поручаема предсѣдателемъ судебныхъ мѣстъ защита подсудимыхъ. Ст. 7. По веденію дѣлъ, принятыхъ съ разрѣшенія Совѣта или по порученію судебнаго мѣста, помощники присяжныхъ повѣренныхъ пользуются всѣми правами и несутъ всѣ обязанности присяжныхъ повѣренныхъ, подлежа за нарушеніе сихъ обязанностей установленной для присяжныхъ повѣрен-

ныхъ отвѣтственности. Ст. 8. Присяжные повѣренные обязаны представлять Совѣту отчетъ о занятіяхъ своихъ помощниковъ.

Мы привели полностью проектъ правилъ о помощникахъ именно потому, что, какъ извѣстно, въ судебныхъ уставахъ отъ нихъ ничего не осталось. Мы сейчасъ увидимъ, почему это такъ случилось. Но ясно уже, что мимолетное упоминаніе о помощникахъ, вызвавшее столько затрудненій отсутствіемъ регламентаціи, отнюдь не случайно, что проектъ правилъ существовалъ, если и далеко не въ совершенномъ видѣ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно разработанномъ. Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ этому вопросу, необходимо еще остановиться на замѣчаніяхъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, поступившихъ опять въ весьма значительномъ количествѣ. Въ нихъ, впрочемъ, ничего существеннаго нѣтъ. Сенаторъ А. М. Безобразовъ рекомендуетъ изъ осторожности «начально оное (т.-е. учрежденіе адвокатуры) испытать только въ двухъ столицахъ, а потомъ постепенно вводить тамъ въ исполненіе, откуда получится удостовѣреніе, что для составленія такого учрежденія существуетъ возможность». Сенаторъ инженеръ-генералъ Рербергъ предусмотрительно предлагаетъ оговорить категорически, что не могутъ быть присяжными повѣренными лица женскаго пола. Сенаторъ Веймарнъ безпокоится, чтобы не обременить казначейства пенсіями присяжнымъ повѣреннымъ. «Не признавая присяжнаго повѣреннаго въ дѣйствительной службѣ, нельзя допустить неумѣстное пожалованіе имъ служебныхъ правъ Совѣту съ утвержденіемъ судовъ». Что касается другихъ министровъ, то они обошли учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ полнымъ молчаніемъ. Лишь оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, чтобы предполагаемое разрѣшеніе профессорамъ и преподавателямъ юридическихъ наукъ быть присяжными повѣренными не распространялось на священнослужителей, преподающихъ церковное законовѣдѣніе, и чтобы измѣнить форму присяги для присяжныхъ повѣренныхъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ замѣчаніе оберъ-прокурора Н. П. Семенова, съ перваго взгляда представляю-

щееся даже просто курьезнымъ, но въ дѣйствительности наводящее на весьма серьезныя размышленія. Оберъ-прокуроръ останавливается на вопросѣ о формулѣ присяги прис. повѣренныхъ и думаетъ, что она должна быть измѣнена. Слова: хранить вѣрность Его Императорскому Величеству— представляются оберъ-прокурору совершенно лишними, потому что присяжными повѣренными могутъ быть иностранцы, и еще потому, что служба присяжныхъ повѣренныхъ есть частная. «Никто не можетъ утверждать, чтобы они служили государству или даже (!) обществу, когда въ гражданскомъ производствѣ на нихъ возлагается обязанность въ половинѣ всѣхъ процессовъ защищать интересы неправой стороны. Цѣль государства и общества въ правильномъ учрежденіи судебныхъ властей, одно достиженіе абсолютной справедливости и истины. Адвокатамъ суждено уже по свойству ихъ обязанностей въ нѣкоторой степени сбивать ее съ толку. Въ этомъ случаѣ заблуждаться не должно». На этомъ оберъ-прокуроръ не останавливается. Онъ дѣлаетъ еще одинъ рѣшительный шагъ впередъ и усматриваетъ противорѣчіе въ словахъ присяги: исполнить въ точности и по крайнему разумѣнію законы Имперіи. «Если,—говоритъ оберъ-прокуроръ,—по крайнему разумѣнію, то это уже значитъ, что не въ точности. Крайнее разумѣніе есть понятіе совершенно эластическое и субъективное, тогда какъ точность—совершенно опредѣленное и только отъ ясности редакціи закона зависящее... Наконецъ, присяжному повѣренному исполнять честно (въ истинномъ значеніи этого слова) обязанности принимаемаго имъ званія, т.-е. охранять интересы правды и закона или, по крайней мѣрѣ, никогда завѣдомо ихъ не нарушать нѣтъ никакой возможности. При такомъ исполненіи обязанностей сторонамъ пришлось бы во всѣхъ гражданскихъ процессахъ одной половинѣ тяжущихся, которая принадлежитъ не къ правой сторонѣ, всегда отказывать въ защитѣ, ибо эта защита основывается не на правѣ и силѣ закона, а на особомъ искусствѣ адвокатовъ и умѣньи ихъ обращаться съ закономъ, чтобы онъ могъ служить двумъ противнымъ сторонамъ, но чѣмъ они искуснѣе, опытнѣе и болѣе освоились съ недостатками законодательства,

тѣмъ менѣе имъ шансовъ заблуждаться въ истинной справедливости защищаемой ими стороны. Это заблужденіе простительно и естественно въ тяжущихся... но не въ адвокатахъ. Въ основаніе института повѣренныхъ, если признавать ихъ дѣятельность, какъ службу правительству или обществу, неизбѣжно должна войти ложь. Адвокатъ можетъ быть только добросовѣстенъ, т.-е. не вводить въ обманъ тяжущагося, подавая ему, напримѣръ, надежду, когда процессъ его уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выигранъ, и законная справедливость противной стороны совершенно очевидна, а если онъ принялъ уже на себя защиту тяжущагося, то оставаться ему вѣрнымъ, т.-е. служить по мѣрѣ силъ и способностей, до послѣдней возможности. Поэтому, чтобы не вводить присяжныхъ повѣренныхъ въ легкое (!) клятвопреступленіе, слѣдовало бы слово честно исключить вовсе изъ формы присяги».

Читая эти рѣшительныя сужденія, лишній разъ можно убѣдиться, какія тяжелыя послѣдствія имѣло уклоненіе отъ принципіальной постановки вопросовъ. Приведенныя сужденія напоминаютъ что-то весьма знакомое. Подобныя разсужденія мы уже читали раньше и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ замѣчаніяхъ на Основныя Положенія. Да и сама Комиссія, какъ только что было отмѣчено, противопоставляетъ честности законность. Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, игнорированіе недоразумѣній не только не устраняло ихъ, но, напротивъ, значеніе ихъ все болѣе обострялось. Теперь эти сужденія въ еще болѣе рѣзкой формѣ повторяетъ оберъ-прокуроръ, членъ судебной организаціи, завтрашній осуществитель судебныхъ уставовъ. Ему бы, очевидно, слѣдовало сдѣлать еще шагъ впередъ и, не ограничиваясь тѣмъ, чтобы изъ присяги выбросить слово «честно», поставить болѣе широко вопросъ, можетъ ли государство вводить институты, въ основѣ дѣятельности коихъ лежитъ нечестность. Другіе, какъ мы видѣли, ставили и этотъ вопросъ и рѣшали его въ томъ смыслѣ, что адвокатура, къ сожалѣнію, неизбѣжное зло [1]). Во всякомъ случаѣ, ясно, что такія изуми-

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 2. П. Ткачевъ. Быть или не быть адвокатурѣ.

тельныя мнѣнія, какъ голосъ оберъ-прокурора Семенова, при всей ихъ рѣзкости и угловатости, не были кричащимъ диссонансомъ, а отвѣчали довольно распространенному воззрѣнію. И все же, несмотря на столь рѣзкія возраженія, этотъ вопросъ не былъ официально поставленъ, и въ законодательныхъ сужденіяхъ нѣтъ на него никакого отвѣта.

9. Проектъ положенія объ адвокатурѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Замѣчанія, поступившія на проектъ Комиссіи, не были ею обсуждены; въ виду спѣшнаго движенія реформы, они поступили непосредственно въ Госуд. Совѣтъ. Соединенные Департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ разсмотрѣли проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ въ четырехъ засѣданіяхъ: 17, 20, 24 и 27 іюня 1864 г. [1]). Журналъ засѣданій (№ 48) занимаетъ 60 страницъ, изъ нихъ глава II раздѣла VII—о присяжныхъ повѣренныхъ, изложена на 8 страницахъ. Понятно, что при такомъ суммарномъ обсужденіи здѣсь нельзя искать новыхъ сужденій и серьезныхъ возраженій на разсужденія Комиссіи. Въ Соединенныхъ Департаментахъ осталось лишь одно разногласіе—по вопросу о дозволеніи профессорамъ юридическихъ наукъ быть присяжными повѣренными. Меньшинство (Литке и Норовъ) стояло за утвердительное рѣшеніе, находя, что «соединеніе этихъ двухъ званій въ одномъ лицѣ, удовлетворяющемъ условіямъ, предписаннымъ для полученія какъ того, такъ и другого званія, не только не можетъ быть вредно, но принесетъ величайшую пользу, ибо это будетъ самое естественное соединеніе теоріи съ практикой. Но большинство (кн. Гагаринъ, Бахтинъ, Мухановъ и Замятнинъ), стоя на точкѣ зрѣнія меньшинства Комиссіи, высказалось противъ дозволенія совмѣстить званія профессора и адвоката. Къ прежнимъ доводамъ здѣсь (это единственный случай) прибавлено новое вѣское соображеніе. Соединенные Департаменты находили, что по проекту

[1]) «Дѣло», т. 56.

въ число присяжныхъ повѣренныхъ не допускаются вообще лица, состоящія на службѣ, очевидно, потому, что отъ нихъ, какъ подчиненныхъ, по роду ихъ службы, различнымъ начальникамъ и несущихъ разныя обязанности, нельзя ожидать ни той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго, ни той свободы располагать своимъ временемъ, безъ которой невозможно исполнять многочисленныя обязанности, соединенныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.

Не повезло профессорамъ юридическихъ наукъ и въ другомъ случаѣ. Государственный Совѣтъ отвергнулъ постановленіе Комиссіи объ уничтоженіи для профессоровъ пятилѣтняго стажа. «Эти лица, какъ не обладающія практическими свѣдѣніями въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, не удовлетворяютъ одному изъ условій, требуемыхъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ, а потому и не могутъ быть допускаемы въ сословіе сихъ повѣренныхъ». Мнѣніе меньшинства возобладало еще въ вопросѣ о томъ, въ правѣ ли тяжущіеся поручать веденіе дѣлъ лицамъ, завѣдующимъ ихъ дѣлами. Нетрудно догадаться, что Гос. Совѣтъ въ соотвѣтствіи съ общимъ постановленіемъ сталъ на сторону «свободы избранія, ибо лишеніе тяжущихся этого права было бы для нихъ въ высшей степени стѣснительно и не соотвѣтствовало бы цѣлямъ учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ».

Всѣ остальныя разногласія, происшедшія въ Комиссіи, не остановили на себѣ вниманія Гос. Совѣта; по крайней мѣрѣ, въ журналѣ слѣдовъ этого не осталось. Гос. Совѣтъ соглашался всегда съ мнѣніемъ большинства Комиссіи.

Весьма рѣшительно Гос. Совѣтъ поступилъ и съ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. Вопреки мнѣнію министра юстиціи, который находилъ постановленія проекта Комиссіи недостаточными и предлагалъ развить ихъ въ особую главу, Гос. Совѣтъ призналъ и эти постановленія излишними. «Проектъ, — разсуждали Департаменты, — дозволяетъ ходатайство по дѣламъ и помощникамъ сихъ повѣренныхъ съ разрѣшенія ихъ совѣтовъ». Такое дозволеніе, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, было бы не согласно съ Основными Положеніями, которыми, для того, чтобы быть

присяжными повѣренными, требуются какъ юридическое образованіе, такъ и служба въ продолженіе извѣстнаго времени по судебному вѣдомству. Если помощникъ присяжнаго повѣреннаго удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ, то онъ самъ можетъ приписаться въ число присяжныхъ повѣренныхъ; когда же онъ не совмѣщаетъ котораго-либо изъ сихъ условій, то не можетъ замѣнить присяжнаго повѣреннаго, слѣдовательно, и разрѣшеніе на ходатайство по дѣламъ наравнѣ съ присяжными повѣренными ему дано быть не можетъ». Защищалъ ли министръ юстиціи, участвовавшій въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ, свои предложенія, изъ журнала не видно. Нельзя, однако, не замѣтить, что, когда всесильный тогда министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ предлагалъ измѣненія въ проектѣ, расходящіяся съ Основными Положеніями (напр., по вопросу о преобразованіи слѣдственной части вообще), то Гос. Совѣтъ не укрывался за формальную ограду несоотвѣтствія съ Основными Положеніями, а входилъ въ разсмотрѣніе спорнаго вопроса по существу.

Зато въ другихъ пунктахъ Гос. Совѣтъ весьма обильно воспользоваться приведенными выше замѣчаніями министра юстиціи. Такъ, измѣнено предположеніе о закрытіи Совѣта въ случаѣ неявки въ общее собраніе надлежащаго количества присяжныхъ повѣренныхъ. «Едва ли это обстоятельство,—разсуждалъ Гос. Совѣтъ,—можетъ быть признано достаточнымъ поводомъ къ упраздненію Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, учрежденіе коихъ правительство считаетъ въ особенности полезнымъ и необходимымъ для того, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ оправдало возложенныя на него надежды». Сообразно съ симъ, принято предложеніе министра юстиціи, чтобы въ такомъ случаѣ прежній Совѣтъ сохранялъ свои полномочія еще на годъ. Точно такъ же принято Гос. Совѣтомъ замѣчаніе министра юстиціи относительно отказа въ принятіи въ число повѣренныхъ по неудовлетворительности нравственныхъ качествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гос. Совѣтъ оказался болѣе послѣдовательнымъ, нежели министръ юстиціи. Министръ проектировалъ допущеніе жалобъ на отказъ въ принятіи по неформальнымъ причинамъ.

Гос. Совѣтъ взглянулъ иначе. «При разсмотрѣніи чьей-либо просьбы о принятіи въ присяжные повѣренные, Совѣтъ долженъ, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, не только разсматривать представленныя этимъ лицомъ письменныя доказательства правъ его на принятіе въ сословіе, но сверхъ того собирать и необходимыя о нравственныхъ его качествахъ свѣдѣнія. Если затѣмъ Совѣтъ отказываетъ въ принятіи по неудовлетворительности этихъ послѣднихъ свѣдѣній, то въ выгодахъ лица, коему отказывается, гораздо лучше вовсе не оглашать причинъ отказа». Но при этомъ Гос. Совѣтъ не касается прямо вопроса, подлежатъ ли эти отказы Совѣта обжалованію въ судебную палату, какъ предлагалъ постановить въ особой статьѣ министръ юстиціи («Совѣтъ не объясняетъ причинъ отказа, но обязывается объяснить оныя судебной палатѣ, если принесена будетъ жалоба на постановленіе Совѣта по этому предмету») или же, ничего не упоминая объ этомъ предложеніи, Государственный Совѣтъ тѣмъ самымъ имѣлъ въ виду сдѣлать отказъ Совѣта въ этихъ случаяхъ безапелляціоннымъ. Никакихъ указаній по этому вопросу въ журналѣ не имѣется. Результатомъ этого было, что тотчасъ, по введеніи судебныхъ уставовъ, спб. судебная палата приняла къ своему разсмотрѣнію жалобу на отказъ въ принятіи по неформальнымъ причинамъ и потребовала отъ Совѣта представленія объясненій о причинахъ непринятія, а Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ засѣданіи 4 августа 1866 г. постановилъ уполномочить своего предсѣдателя сообщить эти свѣдѣнія словесно Старшему Предсѣдателю частнымъ образомъ, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько такой способъ сношеній соотвѣтствуетъ положенію государственныхъ учрежденій. К. К. Арсеньевъ въ своихъ «Замѣткахъ о русской адвокатурѣ» [1]) тоже не возбуждаетъ сомнѣній: «Судебная палата, какъ мы уже видѣли, съ самаго начала стала принимать къ своему разсмотрѣнію жалобы лицъ, получившихъ отказъ отъ Совѣта на основаніи 380 ст. Совѣтъ, съ своей стороны, всегда находилъ, что постановленія его по этому предмету подлежатъ обжалованію на-

---

[1]) С. с. 31, 87.

равнѣ со всѣми другими». Такое отношеніе Совѣта тѣмъ болѣе замѣчательно, что официальный органъ Министерства Юстиціи «Судебный Вѣстникъ» доказываетъ, напротивъ, что постановленія Совѣта по 380 ст. обжалованію не подлежатъ. Позже и Совѣтъ спохватился и сталъ на эту точку зрѣнія, и Прав. Сенатъ въ такомъ смыслѣ изъяснилъ это правило въ рядѣ своихъ рѣшеній [1]).

Возвращаясь къ обсужденію Соединенныхъ Департаментовъ, надо засимъ отмѣтить, что они согласились съ мнѣніемъ министра юстиціи о возложеніи на окружные суды, а не на судебныя палаты, функцій Совѣтовъ. Точно такъ же, согласно съ мнѣніемъ министра, правило объ установленіи комплекта Гос. Совѣтъ возстановилъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено Основными Положеніями. По вопросу объ отдѣленіяхъ Совѣта Соединенные Департаменты варіировали замѣчаніе министра въ сторону большей самостоятельности Совѣта. «Находя образованіе отдѣленій Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ при окружныхъ судахъ очень полезнымъ въ томъ вниманіи, что, чѣмъ ближе надзоръ за присяжными повѣренными, тѣмъ надзоръ этотъ дѣйствительнѣе, Соединенные Департаменты, однакожъ, находятъ, что разрѣшеніе на открытіе подобныхъ отдѣленій Совѣтовъ должно быть испрашиваемо не отъ судебной палаты, а отъ самого Совѣта, въ помощь которому эти отдѣленія образуются, и что отдѣленія сіи должны быть учреждаемы въ такомъ составѣ и съ тѣми изъ правъ, принадлежащихъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, которыя будутъ опредѣлены самимъ симъ Совѣтомъ, о чемъ и доводится до свѣдѣнія судебной палаты».

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что Гос. Совѣтъ расширилъ кругъ лицъ, противъ которыхъ присяжный повѣренный не въ правѣ выступать, включивъ сюда родныхъ дядей и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, и пояснилъ, что процентный сборъ съ присяжныхъ повѣренныхъ образуетъ общій капиталъ по всей Россіи.

Самый щекотливый вопросъ—о правѣ присяжныхъ повѣ-

---

[1]) Макалинскій, с. 148, сл.

ренныхъ отказываться отъ веденія поручаемыхъ дѣлъ—Гос. Совѣтъ обошелъ весьма рѣшительно. «Назначеніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, возлагается на Совѣтъ лишь тогда, когда имъ признано, что дѣло, начатое или начинаемое бѣднымъ, не лишено основанія. Это послѣднее условіе переноситъ какъ бы самое рѣшеніе дѣла на Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, тогда какъ рѣшеніе онаго можетъ зависѣть только отъ суда, и притомъ, пользуясь просторомъ, предоставляемымъ симъ условіемъ, Совѣтъ всегда можетъ отказать въ повѣренномъ лицу, пользующемуся правомъ бѣдности». Равнымъ образомъ Гос. Совѣтъ нашелъ, что «при назначеніи повѣреннаго по просьбѣ тяжущагося нельзя ему предоставить право отказываться отъ порученія по несогласію съ его убѣжденіями». Правило это «неудобно и въ томъ отношеніи, что даетъ присяжнымъ повѣреннымъ средство уклониться отъ исполненія порученій Совѣта ихъ, подъ предлогомъ, что поручаемыя имъ дѣла не согласны съ ихъ убѣжденіями». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Гос. Совѣтъ отсрочилъ осуществленіе права тяжущихся обращаться къ Совѣту съ просьбой о назначеніи повѣреннаго до установленія комплекта. «Правило это можетъ имѣть примѣненіе только тогда, когда въ извѣстномъ мѣстѣ состоитъ полное опредѣленное въ табели число присяжныхъ повѣренныхъ и когда тяжущійся, по отсутствію или по другимъ причинамъ, не могъ согласиться съ присяжнымъ повѣреннымъ насчетъ веденія его дѣла. Въ противномъ случаѣ Совѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества присяжныхъ повѣренныхъ, не могъ бы исполнить обязанности назначить повѣренныхъ всѣмъ, обращающимся къ нему съ просьбами о томъ, а присяжные повѣренные были бы лишены возможности входить въ добровольныя соглашенія съ тяжущимися о вознагражденіи за веденіе дѣла».

Большая заслуга Соединенныхъ Департаментовъ заключается въ томъ, что они, наконецъ, ликвидировали вопросъ о служебныхъ правахъ и преимуществахъ присяжныхъ повѣренныхъ, который возбуждалъ такъ много замѣчаній и споровъ во всѣхъ предыдущихъ проектахъ. «Въ 370 ст. проек-

та,—разсуждаетъ Гос. Совѣтъ,—говорится о правѣ повѣренныхъ при переходѣ изъ сего званія на государственную службу на производство въ чины. Какъ присяжные повѣренные не могутъ считаться состоящими на дѣйствительной службѣ, то, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, не можетъ быть и рѣчи о правѣ ихъ на производство въ чины, предоставляемое только лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. Посему Департаменты положили означенную 370 ст. изъ проекта исключить».

На этомъ, собственно, и кончается обсужденіе реформы. Общее собраніе Гос. Совѣта посвятило учрежденію судебныхъ установленій только одно засѣданіе, 2-го октября 1864 года. Понятно, что не только о принципіальныхъ измѣненіяхъ, но и вообще о какихъ-либо поправкахъ не могло быть и рѣчи. Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи согласился со всѣми перемѣнами, внесенными въ проектъ Комиссіи Соединенными Департаментами, и призналъ лишь нужнымъ сдѣлать «еще нѣкоторыя, до редакціи касающіяся, измѣненія». Только одно разногласіе Соединенныхъ Департаментовъ и остановило на себѣ вниманіе общаго собранія. Въ 4-мъ пунктѣ 357-й ст. постановлено, что присяжными повѣренными не могутъ быть лица, состоящія на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ занимающихъ почетныя или общественныя должности безъ жалованія. «При разсмотрѣніи этого правила между членами Государственнаго Совѣта произошло разномысліе о томъ: можно ли изъ числа лицъ, состоящихъ на службѣ отъ правительства, дозволять профессорамъ юридическихъ наукъ быть съ тѣмъ вмѣстѣ и присяжными повѣренными. Шесть членовъ (Гасфортъ, Литке, Норовъ, Игнатьевъ, кн. Суворовъ, Тымовскій) объяснили, что едва ли можетъ быть какое-либо препятствіе дозволить профессорамъ юридическихъ наукъ, удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ, вступать въ число сихъ повѣренныхъ и, наоборотъ, присяжнымъ повѣреннымъ дозволить читать лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Соединеніе этихъ двухъ званій въ одномъ лицѣ, удовлетворяющемъ условіямъ, предписаннымъ для полученія какъ того, такъ и дру-

того званія, не только не можетъ быть вредно, но принесетъ величайшую пользу, ибо это будетъ самое естественное соединеніе теоріи съ практикою; напротивъ того, обязательное разъединеніе этихъ званій будетъ имѣть результатомъ разъединеніе науки и практики и поведетъ къ тому, что Министерство Народнаго Просвѣщенія будетъ лишено возможности найти для практическаго преподаванія нѣкоторыхъ частей законовѣдѣнія ученыхъ практиковъ. Такимъ образомъ, двѣ юридическія карьеры, ученая и практическая, будутъ разобщены навсегда, и даже практическое уголовное и гражданское судопроизводства будутъ преподаваемы въ университетахъ профессорами-теоретиками, никогда не производившими и не рѣшавшими ни одного дѣла. Опасаться того, что профессоры юридическихъ наукъ, какъ лица, подчиненныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, не сохранятъ достаточно независимости при защитѣ своихъ кліентовъ на судѣ, нѣтъ никакого основанія, какъ потому, что нельзя предполагать въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія какого-либо стремленія пріобрѣсти вліяніе на рѣшеніе дѣлъ въ судахъ, такъ и потому, что нельзя ожидать, чтобы тяжущіеся по дѣламъ, особенно интересующимъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, стали избирать въ свои повѣренные лица, подчиненныя сему Министерству. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, шесть членовъ полагаютъ постановить, что профессоры юридическихъ наукъ, удовлетворяющіе условіямъ, требуемымъ для вступленія въ присяжные повѣренные, могутъ быть сими повѣренными, сохраняя званіе и обязанности профессоровъ. А 18 членовъ (кн. Гагаринъ, гр. Клейнмихель, гр. Адлербергъ, Кочубей, бар. Корфъ, Танѣевъ, Бахтинъ, Мѣтлинъ, Княжевичъ, Милютинъ, Мельниковъ, Зеленый, Мухановъ, Краббе, Татариновъ, Мальцевъ, Тройницкій, Стояновскій) находятъ, что, по проекту, въ число присяжныхъ повѣренныхъ не допускаются вообще лица, состоящія на службѣ, очевидно, потому, что отъ нихъ, какъ подчиненныхъ, по роду ихъ службы, различнымъ начальствамъ и несущихъ разныя обязанности, нельзя ожидать ни той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго, ни той свободы располагать сво-

имъ временемъ, безъ которой невозможно исполнить многочисленныя обязанности, соединенныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго. Всѣ эти причины существуютъ въ отношеніи профессоровъ точно такъ же, какъ и въ отношеніи прочихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: профессора, такъ же, какъ и прочіе чиновники, подчинены своему начальству, и такъ же, если не болѣе, должны посвящать все свое время на пользу обучаемой ими молодежи. Если профессоръ, вмѣсто того, чтобы слѣдить за успѣхами науки, приготовляться къ чтенію лекцій и совершенствовать систему своего преподаванія, будетъ заниматься въ судебныхъ мѣстахъ дѣлами тяжущихся или подсудимыхъ, которыя онъ приметъ на себя въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, то онъ не въ состояніи будетъ удовлетворять потребностямъ своихъ слушателей въ университетѣ, а нерѣдко будетъ имъ читать то, что уже отвергнуто наукой, слѣдовательно, лекціи его не только не принесутъ пользы, но сдѣлаютъ вредъ, распространяя устарѣвшія, ложныя идеи. Пріобрѣсти практическія свѣдѣнія профессоръ можетъ и не вступая въ присяжные повѣренные, а посѣщая лишь суды, которые для всѣхъ будутъ открыты, разсматривая публикуемыя производства дѣлъ и въ особенности изучая рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, которыя будутъ публикуемы во всеобщее свѣдѣніе; слѣдовательно, никогда не можетъ быть недостатка въ ученыхъ юристахъ, которые могли бы сообщать учащимся не только теоретическія, но и практическія свѣдѣнія. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ обязанностей, изъ коихъ каждая требуетъ всего вниманія, всѣхъ способностей и почти всего времени, должно неминуемо обратиться въ ущербъ той или другой изъ этихъ обязанностей. По симъ уваженіямъ 18 членовъ полагаютъ, что профессора и преподаватели юридическихъ наукъ, наравнѣ со всѣми, состоящими на службѣ, не могутъ въ то же время быть и присяжными повѣренными». Это начало и вошло въ законъ.

Обсужденіе реформы было закончено. 20 ноября 1864 г. судебные уставы получили Высочайшее утвержденіе при знаменитомъ манифестѣ, и адвокатура получила свое юридическое бытіе.

Черезъ годъ послѣ утвержденія судебныхъ уставовъ, въ декабрѣ 1865 г., министръ юстиціи вошелъ въ Гос. Совѣтъ съ представленіемъ по проекту общаго наказа судебнымъ мѣстамъ. Въ представленіи этомъ, между прочимъ, министръ юстиціи Замятнинъ вспоминаетъ и о присяжныхъ повѣренныхъ: «Что же касается присяжныхъ повѣренныхъ,—говоритъ, между прочимъ, представленіе,— то, хотя въ судебныхъ уставахъ и не упоминается объ установленіи для нихъ знака, но для отличія ихъ отъ лицъ, являющихся повѣренными по дѣламъ, но не принадлежащихъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, министръ юстиціи полагалъ бы присвоить званію присяжнаго повѣреннаго особый знакъ для ношенія въ петлицѣ». — Соотвѣтственно этому, въ проектѣ общаго наказа судебнымъ установленіямъ, въ ст. 2-й говорится: «Въ публичныхъ засѣданіяхъ должностныя лица судебнаго вѣдомства должны быть въ форменной одеждѣ», а «присяжные повѣренные обязаны быть въ черныхъ фракахъ, имѣя въ петлицѣ знакъ, присвоенный ихъ званію». Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 22 января 1866 г. нашелъ, что приступать къ составленію общаго наказа пока преждевременно, и слѣдуетъ ограничиться изданіемъ временныхъ правилъ внутренняго распорядка въ судебныхъ установленіяхъ. Въ проектѣ временныхъ правилъ ст. 10 гласитъ, что «присяжные повѣренные имѣютъ также особые, по приложенному описанію, знаки». Въ ст. 11 говорится, что «знаки, о коихъ упоминается въ двухъ предыдущихъ статьяхъ, надѣваются при исполненіи служебныхъ обязанностей, какъ на форменную, такъ и на неформенную одежду». Въ приложенномъ же «Спискѣ» указано, что «знакъ присяжныхъ повѣренныхъ серебряный, съ изображеніемъ герба судебнаго вѣдомства, окруженнаго дубовымъ вѣнкомъ. Знакъ этотъ носится въ петлицѣ на лѣвой сторонѣ фрака».

10. Временныя и переходныя правила.

Выше уже было замѣчено, что при утвержденіи Основныхъ Положеній судебной реформы было повелѣно Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ выработать болѣе поспѣш-

но и внести его отдѣльно на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Это стремленіе возникло въ связи съ созрѣвшимъ убѣжденіемъ, что новые уставы нельзя привести въ дѣйствіе безъ учрежденія адвокатуры. Съ другой стороны, существовало опасеніе, что на первое время не найдется достаточно юристовъ, удовлетворяющихъ условіямъ, проектируемымъ для принятія присяжныхъ повѣренныхъ. Поэтому уже съ самаго начала предполагалось, наряду съ постоянными правилами, формулировать рядъ переходныхъ мѣръ. Въ первоначальныхъ проектахъ переходныя мѣры имѣли характеръ весьма опасный по своей неопредѣленности. Разсмотрѣвъ въ 1859 году первый Блудовскій проектъ, Государственный Совѣтъ къ общимъ условіямъ принятія въ присяжные повѣренные присоединилъ правило (примѣчаніе къ ст. 5), что доколѣ не будетъ установленнаго числа кандидатовъ, соединяющихъ въ себѣ означенныя въ предшествующей ст. 5 условія, присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы изъ желающихъ поступить въ сіе званіе чиновниковъ, способныхъ, благонадежныхъ и имѣющихъ достаточныя по части судебныхъ гражданскихъ дѣлъ свѣдѣнія, хотя лишь одною практикою пріобрѣтенныя. Въ замѣчаніяхъ на проектъ Гос. Совѣтомъ указывалось, что «допущеніе отставныхъ чиновниковъ будетъ имѣть, кажется, болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ послѣдствій. Всѣ усилія закона должны быть направлены къ тому, чтобы естественнымъ образомъ водворить въ публикѣ полное довѣріе къ новому сословію, а для этого необходимо оградить его и на первое время отъ всѣхъ элементовъ, несогласныхъ съ его достоинствомъ и назначеніемъ. Не должно забывать, что принятіе въ присяжные повѣренные поставляется въ извѣстной степени въ зависимость отъ нихъ самихъ, т.-е. Совѣта ихъ, слѣдовательно, на первый разъ дурно составленное сословіе долго можетъ препятствовать допущенію въ среду себя людей вполнѣ достойныхъ, образованныхъ и честныхъ». Замѣчанія, такимъ образомъ, оставили безъ вниманія другую сторону вопроса, а именно, что срокъ дѣйствія льготныхъ правилъ не былъ фиксированъ и поставленъ въ зависимость отъ того, когда число кандидатовъ, удовлетворяющихъ постояннымъ условіямъ, будетъ

признано достаточнымъ. Какъ извѣстно, именно такая постановка вопроса сохранилась въ законѣ по отношенію къ установленію комплекта, и точно такъ же извѣстно, что комплектъ такъ и не былъ установленъ до сихъ поръ.

Но тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы по существу, такъ подѣйствовали на Гос. Совѣтъ при пересмотрѣ имъ проекта въ 1861 г., что, повторивъ всѣ приведенныя соображенія, Гос. Совѣтъ постановилъ вообще примѣчаніе къ 5-й (засимъ 6-й) статьѣ исключить и, такимъ образомъ, льготныхъ правилъ даже и на первое время не вырабатывать. Тогда-то и возникла мысль, вмѣсто временныхъ мѣръ, ускорить разработку Положенія о присяжныхъ повѣренныхъ и ввести его въ дѣйствіе раньше судебныхъ уставовъ. При разработкѣ Основныхъ Положеній Государственная Канцелярія въ своихъ соображеніяхъ высказала, что «для правильнаго дѣйствія будущихъ уставовъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго необходимо, чтобы ко времени введенія оныхъ были, по возможности, готовы присяжные повѣренные. Посему къ числу первыхъ переходныхъ мѣръ принадлежатъ тѣ, которыя могутъ содѣйствовать образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Для сего слѣдовало бы, по разсмотрѣніи Соединенными Департаментами главныхъ Положеній о сихъ повѣренныхъ приступить немедленно къ составленію полнаго о томъ проекта и представить на дальнѣйшее разсмотрѣніе и Высочайшее утвержденіе. Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ должно быть вслѣдъ затѣмъ обнародовано, дабы лица, желающія поступить въ это званіе, могли приписываться къ судебнымъ мѣстамъ и заблаговременно подготовляться къ исполненію своихъ обязанностей при дѣйствіи новыхъ уставовъ судопроизводства». Однако, при разсмотрѣніи составленныхъ Гос. Канцеляріей Основныхъ Положеній, Соединенные Департаменты, поддерживая взглядъ объ установленіи строгихъ условій для поступленія въ присяжные повѣренные, вернулись къ прежнимъ предположеніямъ и высказали вскользь мысль, что единственное исключеніе, которое можно допустить изъ этого правила вначалѣ для того, чтобы какъ можно скорѣе усилить сословіе повѣренныхъ, и для того, чтобы не лишить таковыхъ

судебное вѣдомство, состоитъ въ дозволенiи вступать въ сословiе присяжныхъ повѣренныхъ въ теченiе первыхъ шести лѣтъ безпорочно служившихъ въ должностяхъ предсѣдателей палатъ и ихъ товарищей, оберъ-секретарей и секретарей Сената и губернскихъ прокуроровъ» [1]).

Основываясь на этомъ, Гос. Канцелярiя одновременно съ выработкой проекта судоустройства составила и временныя правила о присяжныхъ повѣренныхъ. Правила эти состоятъ изъ четырехъ статей и заключаются въ томъ, что лица, кончившiя курсъ ученiя въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, хотя бы и не по юридическому факультету, но прослужившiя по судебному вѣдомству не менѣе 3-хъ лѣтъ, на такихъ мѣстахъ, на которыхъ могли прiобрѣсти практическiя свѣдѣнiя въ производствѣ и рѣшенiи судебныхъ дѣлъ, принимаются въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ теченiе первыхъ шести лѣтъ. Точно такъ же могутъ быть принимаемы лица, кончившiя курсъ ученiя въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ по юридическому факультету. Третью группу составляютъ тѣ, которыя, хотя и не кончили воспитанiя въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, но занимаютъ по вѣдомству министерства юстицiи должности не ниже 7-го класса, а также секретари Сената. Наконецъ, четвертую группу составляютъ присяжные стряпчiе при коммерческихъ судахъ.

Свои отступленiя Государственная Канцелярiя мотивируетъ тѣмъ, что первая группа представляетъ достаточныя гарантiи въ томъ, что она состоитъ изъ людей вполнѣ развитыхъ и довольно подготовленныхъ для того, чтобы быть хорошими повѣренными. «За лицъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ по юридическому факультету, служитъ ручательствомъ ихъ теоретическое образованiе въ юридическихъ наукахъ; за лицъ, занимавшихъ по судебному вѣдомству перечисленныя должности, ручается ихъ судебная практика, и за допущенiе въ присяжные повѣренные присяжныхъ стряпчихъ говоритъ то, что они и теперь занимаютъ уже при сихъ судахъ такое положенiе, какое присяжные повѣренные должны занять при общихъ судебныхъ мѣстахъ». Министръ юстицiи рѣшитель-

[1]) Дѣло, т. XVIII, с. 340.

но не согласился съ такимъ широкимъ раздвиганіемъ границъ. «Какъ ни желательно скорѣе установить сословіе повѣренныхъ и допустить нѣкоторое облегченіе въ отношеніи условій, необходимыхъ для поступленія въ присяжные повѣренные, все-таки облегченіе это не должно быть расширено настолько, чтобы могло имѣть послѣдствіемъ совершенное уничтоженіе означенныхъ условій. Облегченія эти, напротивъ того, должны главнѣйшимъ образомъ касаться только приспособленія установленныхъ проектомъ условій къ тѣмъ даннымъ, которыя могутъ быть нынѣ найдены въ нашемъ обществѣ... Въ настоящее время, когда нѣтъ еще значительнаго числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе, можетъ быть допущено исключеніе для лицъ, не получившихъ онаго, но хорошо ознакомившихся на практикѣ съ дѣлами судебнаго вѣдомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основанія даже на первое время допускать прямо въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, которыя, хотя и окончили курсъ юридическихъ наукъ, но не состояли на службѣ и не занимались веденіемъ дѣлъ, потому что, на основаніи проекта, одно юридическое образованіе не даетъ права быть повѣреннымъ. Посему представляется болѣе подходящимъ подъ условія, установленныя проектомъ, требовать даже и въ первое время образованія и предварительной службы, хотя бы и не по судебному вѣдомству, или же, за исключеніемъ юридическаго образованія, службы предварительной непремѣнно по судебному вѣдомству и на такихъ должностяхъ, на которыхъ можно было пріобрѣсти свѣдѣнія въ производствѣ и рѣшеніи судебныхъ дѣлъ». Кромѣ того, по отношенію къ присяжнымъ стряпчимъ коммерческихъ судовъ министръ предлагалъ ограничить ихъ пріемъ въ присяжные повѣренные только тѣми, которые получаютъ отъ предсѣдателей судовъ одобрительныя свидѣтельства. Установленіе заранѣе шестилѣтняго срока казалось министру излишнимъ. «Опредѣленіе подобныхъ сроковъ надлежитъ предоставить обстоятельствамъ, ибо, очень можетъ быть, сама практика укажетъ, что дѣйствіе этихъ правилъ не должно быть распространяемо долѣе трехъ или четырехъ лѣтъ».

Что касается порядка осуществленія этихъ времен-

ныхъ правилъ, то, по мнѣнію министра, ихъ слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно отъ обсужденія переходныхъ мѣръ вообще. Слѣдуетъ нынѣ же разсмотрѣть эти временныя правила, тѣмъ болѣе, что еще въ 1862 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, что учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ должно быть прежде всего введено въ дѣйствіе.— Однако, Гос. Совѣтъ и въ этомъ случаѣ не согласился съ министромъ юстиціи. Хотя ко времени обсужденія Соединенными Департаментами проектовъ уже окончательно выяснилось, что Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ не поспѣетъ отдѣльно, раньше судебныхъ уставовъ, тѣмъ не менѣе, Гос. Совѣтъ оставилъ вовсе безъ разсмотрѣнія проектъ временныхъ правилъ. Гос. Совѣтъ нашелъ, что эти правила по существу не отличаются отъ всякихъ другихъ временныхъ правилъ. А разъ такъ, то «правила эти собственно не принадлежатъ къ постоянному закону объ учрежденіи судебныхъ установленій, а составляютъ предметъ особыхъ постановленій о порядкѣ введенія въ дѣйствіе сего учрежденія вообще, когда оное будетъ утверждено, и посему Соединенные Департаменты, не признавая удобнымъ входить въ настоящее время въ разсмотрѣніе сихъ правилъ, положили обсужденіе оныхъ отложить до пересмотра работы Комиссіи о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и учрежденія судебныхъ установленій».

Одновременно съ составленіемъ проектовъ судебныхъ уставовъ Комиссія проектировала также и правила относительно порядка введенія въ дѣйствіе составленныхъ Комиссіей новыхъ уставовъ судоустройства и судопроизводства, когда уставы сіи удостоятся Высочайшаго утвержденія. Соображенія этой Комиссіи не имѣютъ прямого отношенія къ законодательнымъ судьбамъ адвокатуры. Но нельзя не отмѣтить, какую выдающуюся роль играла адвокатура въ представленіи составителей судебныхъ уставовъ. При обсужденіи вопроса о числѣ окружныхъ судовъ въ каждой губерніи въ Комиссіи произошло разногласіе. Три члена (бар. Врангель, Квистъ и Книримъ) стояли на томъ, что въ каждой губерніи долженъ быть учрежденъ одинъ только судъ, и моти-

вомъ они выставляли то соображеніе, что «новый порядокъ судопроизводства можетъ тогда только привиться съ успѣхомъ, если у насъ въ скоромъ времени образуется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Но сословіе это можетъ образоваться только въ такомъ случаѣ, когда къ развитію его будутъ преподаны надлежащіе способы, заключающіеся преимущественно въ предоставленіи лицамъ, готовымъ посвятить себя этой должности, достаточнаго матеріальнаго обезпеченія. При учрежденіи нѣсколькихъ судовъ въ каждой губерніи, гонораръ присяжныхъ повѣренныхъ сдѣлается столь незначительнымъ, что не только не привлечетъ, но отклонитъ отъ вступленія въ это званіе» [1]). Большинство не согласилось съ этими соображеніями, находя, что на первый планъ должны быть поставлены интересы нуждъ населенія при распредѣленіи окружныхъ судовъ. «Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ распредѣленіи должно быть обращено вниманіе и на то, чтобы поставить сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ благопріятныя условія для его развитія, такъ какъ при его участіи можно ожидать лучшаго успѣха судебной реформы, но нельзя эти условія ставить на первый планъ и отдать имъ преимущество передъ всѣмъ народонаселеніемъ». Эти разсужденія и споры, пожалуй, еще характернѣе для выясненія господствовавшихъ тогда точекъ зрѣнія на адвокатуру, нежели постановленія закона.

Комиссія не довела своихъ работъ до конца. Въ виду того, что «съ утвержденіемъ въ 20 день ноября 1864 г. новыхъ судебныхъ уставовъ, Комиссія, занимавшаяся составленіемъ оныхъ, должна продолжать работы по всѣмъ прочимъ предметамъ, касающимся преобразованія судебной части вообще, 11 января сего 1865 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ Комиссіи этой дать новое устройство». Она образована была подъ предсѣдательствомъ члена Гос. Совѣта Буткова изъ десяти лицъ, участвовавшихъ въ прежней Комиссіи. Работы этой Комиссіи носятъ названіе: «Соображенія Комиссіи, Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части, о порядкѣ введенія въ дѣй-

[1]) Т. LXIV, с. 100.

ствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.». Глава первая «Соображеній» трактуетъ объ общемъ планѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, а глава вторая — о тѣхъ предварительныхъ мѣрахъ, которыя необходимы для введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Часть IV этой главы устанавливаетъ «первоначальныя распоряженія по образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ». Исходной точкой служатъ для Комиссіи тѣ правила, которыя проектировалъ министръ юстиціи въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ судоустройства. Комиссія находитъ въ общемъ только полезнымъ допустить тѣ облегченія для вступленія въ присяжные повѣренные, которыя проектировалъ министръ юстиціи, но рѣшительно высказывается противъ допущенія присяжныхъ стряпчихъ, даже по рекомендаціи предсѣдателей коммерческихъ судовъ. «Едва ли можно ожидать полезныхъ отъ того послѣдствій. По 1292 и 1293 ст. XI т. Уст. Торг. вступленіе въ присяжные стряпчіе не обставлено никакими формальными условіями и зависитъ только отъ усмотрѣнія коммерческаго суда. Требуя вообще отъ лицъ, которыя изъявятъ желаніе вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, весьма строгихъ условій даже на первое время, едва ли можно открывать столь легкій доступъ въ число ихъ присяжнымъ стряпчимъ коммерческихъ судовъ...» Затѣмъ, имѣя въ виду, что еще при разсмотрѣніи Основныхъ Положеній о преобразованіи судебной части Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта признали, что для правильнаго дѣйствія судебныхъ уставовъ необходимо, чтобы ко времени введенія оныхъ были по возможности готовы и присяжные повѣренные, Комиссія признала нужнымъ составить «особыя по сему предмету правила, которыя могли бы содѣйствовать скорѣйшему образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ». По судебнымъ уставамъ присяжные повѣренные принимаются Совѣтомъ. Но Совѣтовъ въ моментъ открытія новыхъ судебныхъ установленій еще не будетъ. Поэтому Комиссія проектировала образовать въ каждой губерніи особые комитеты изъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателя судебныхъ палатъ и губернскаго прокурора, возложивъ на эти комитеты разсмо-

трѣніе прошеній о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ и представленіе объ окончательномъ ихъ утвержденіи министру юстиціи. «Такое утвержденіе на первый разъ необходимо потому, что, при образованіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, должно въ особенности озаботиться, чтобы въ сословіе это не были допущены лица сомнительныхъ нравственныхъ качествъ, что ближе всего можетъ быть извѣстно министерству юстиціи. Вслѣдствіе сего министру юстиціи надобно предоставить право отказывать въ утвержденіи въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ, хотя бы лица, заявившія желаніе поступить въ эти повѣренные, и соотвѣтствовали формальнымъ условіямъ для поступленія въ это званіе. Право это должно принадлежать ему на тѣхъ же основаніяхъ, какія нынѣ по 1293 ст. XI т. Уст. Торг. поставлены для коммерческихъ судовъ въ отношеніи присяжныхъ стряпчихъ, т.-е. безъ объясненія причинъ отказа» [1]). Въ своихъ замѣчаніяхъ на эти правила министръ юстиціи предложилъ ихъ дополнить весьма существеннымъ правиломъ, чтобы Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не былъ образованъ изъ лицъ, поступившихъ въ это сословіе по облегчительнымъ правиламъ.

Засимъ измѣненный Комиссіей, согласно замѣчаніямъ министровъ, проектъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ соединенномъ присутствіи департаментовъ 2, 5, 9 и 12, іюля и 20 августа 1865 г. По вопросу объ образованіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ Гос. Совѣтъ внесъ два измѣненія. Первое касается состава комитета для пріема въ присяжные повѣренные. Гос. Совѣтъ призналъ необходимымъ «обозначить составленіе комитета съ большей опредѣленностью» и предоставить министру юстиціи назначеніе предсѣдателя комитета. Второе, болѣе важное замѣчаніе касается права министра юстиціи отказывать въ утвержденіи въ званіи присяжнаго повѣреннаго безъ объясненія причинъ. Гос. Совѣтъ находитъ, что помѣщеніе этой оговорки въ за-

---

[1]) Въ Дѣлѣ имѣется еще другой проектъ переходныхъ мѣръ, неизвѣстно когда составленный, согласно которому лица, желающія поступить въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ, обращаются или къ старшему пред-

конъ могло бы ослабить должное довѣріе къ распоряженію министра юстиціи, и полагаетъ для большаго огражденія этого довѣрія постановить, что недовольные отказомъ могутъ представить свои объясненія министру юстиціи, который предлагаетъ дѣло о томъ на разсмотрѣніе Перваго Департамента Прав. Сената. Послѣднее предложеніе вызвало весьма обширныя пренія въ общемъ собраніи Гос. Совѣта. Здѣсь временныя правила разсматривались 20 и 27 сентября 1865 года [1]). Право жалобы на отказъ министра возбудило разногласіе. 8 членовъ (Гр. Клейнмихель, гр. Муравьевъ 2, Игнатьевъ, Толстой, Д. Милютинъ, Валуевъ, Рейтернъ, Мезенцевъ) доказывали, что предоставленіе такого права лицу, не утвержденному министромъ юстиціи въ званіи присяжнаго повѣреннаго, равносильно праву жалобы на распоряженіе министра. «Предоставить же право жаловаться на неутвержденіе въ томъ назначеніи, котораго лицо домогается, было бы неудобно потому, что это могло бы подать примѣръ и всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ жаловаться на неутвержденіе министромъ представленій о назначеніи въ должности. По мнѣнію 8-ми членовъ, въ учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ слѣдуетъ принять одну изъ двухъ системъ: или съ перваго же раза предоставить сословію присяжныхъ повѣренныхъ ту самостоятельность, которая должна ему принадлежать по самому учрежденію судебныхъ установленій и по которой самое сословіе это принимаетъ или не принимаетъ въ среду себя лицъ, желающихъ быть присяжными повѣренными; или, если этого права нельзя допустить при самомъ началѣ образованія сословія присяжныхъ повѣренныхъ, то слѣдуетъ предоставить министру юстиціи извѣстный просторъ власти, при которомъ онъ могъ бы образо-

---

сѣдателю палаты, или непосредственно въ мѣстныя гражданскія палаты. Эти послѣднія, принявъ документы, препровождаютъ ихъ къ старшему предсѣдателю. Обсужденіе правъ лицъ, желающихъ поступить въ присяжные повѣренные, производится подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя палаты всѣми предсѣдателями окружныхъ судовъ. Къ сроку, назначенному для вступленія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, публикуется списокъ всѣхъ лицъ, принятыхъ въ присяжные повѣренные.

[1]) «Дѣло», т. LXIX.

вать надежный составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ и не допускать въ среду его лицъ, которыя оказываются неблагонадежными и безусловное устраненіе которыхъ представляется необходимымъ въ видахъ охраненія достоинства и благонадежности вновь учреждаемаго сословія. Вслѣдствіе сего, 8 членовъ полагаютъ: правило о предоставленіи недовольному отказомъ министра юстиціи въ утвержденіи въ званіи присяжнаго повѣреннаго представлять объясненія для внесенія дѣла на разсмотрѣніе І-го Департамента Правительствующаго Сената изъ проекта исключить. А 32 члена (Вел. Князь Константинъ Николаевичъ, Кн. Гагаринъ, бар. Н. Корфъ, гр. Сумароковъ, гр. Строгановъ, Танѣевъ, Гасфортъ, Литке, гр. Муравьевъ-Амурскій, Мѣтлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, кн. Суворовъ, бар. Ливенъ, Назимовъ, Тымовскій, Платоновъ, Головнинъ, Татариновъ, Н. Милютинъ, Замятнинъ, Мухановъ, Герстфельдъ, Краббе, Гернгроссъ, гр. Толстой, гр. Панинъ, Плаутинъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Горчаковъ, Брокъ) находили несправедливымъ лишить лицо, желающее поступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, права приносить жалобу на недопущеніе его въ это сословіе. Подобное право не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о возможности допустить жалобы на распоряженіе начальства объ утвержденіи въ должностяхъ: этого послѣдняго права не существуетъ, ибо коль скоро законъ предоставляетъ самому начальству назначать по его усмотрѣнію подчиненныя лица въ тѣ или другія должности, то само собою разумѣется, что никакая жалоба въ сихъ случаяхъ не можетъ быть допущена. Но желать получить званіе присяжнаго повѣреннаго не значитъ домогаться получить извѣстную служебную должность, ибо занятія присяжныхъ повѣренныхъ составляютъ особаго рода промыселъ, который долженъ быть равно доступенъ всякому, кто только совмѣщаетъ въ себѣ условія, положенныя закономъ для пріобрѣтенія этого званія, посему и не представляется основаній отказывать въ правѣ приносить жалобу на неутвержденіе въ званіи присяжнаго повѣреннаго, подобно тому, какъ нельзя отказать въ жалобѣ на непринятіе въ торговое сословіе и другіе промыслы. Такъ какъ въ законѣ не указанъ порядокъ, въ какомъ можетъ

быть приносима жалоба Сенату на министра юстиціи, который находится въ особомъ къ Сенату отношеніи, давая ему предложенія и просматривая въ извѣстныхъ случаяхъ самыя опредѣленія Сената, то и необходимо опредѣлить тотъ порядокъ, какимъ должны поступать въ Сенатъ упомянутыя дѣла о неутвержденіи извѣстныхъ лицъ въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ; этотъ порядокъ и опредѣленъ въ ст. 49 проекта, по коей недовольный отказомъ представляетъ свои объясненія министру юстиціи, а сей послѣдній предлагаетъ дѣло на обсужденіе I-го Департамента Сената. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что допущеніе жалобы на неутвержденіе въ званіи присяжнаго повѣреннаго должно охранить довѣріе къ распоряженіямъ министра юстиціи, и что отъ самого министра будетъ зависѣть предоставить Правительствующему Сенату всѣ основанія для правильнаго разрѣшенія вопроса о допущеніи или недопущеніи извѣстнаго лица въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, 32 члена полагаютъ: статью 49 проекта оставить безъ измѣненія».

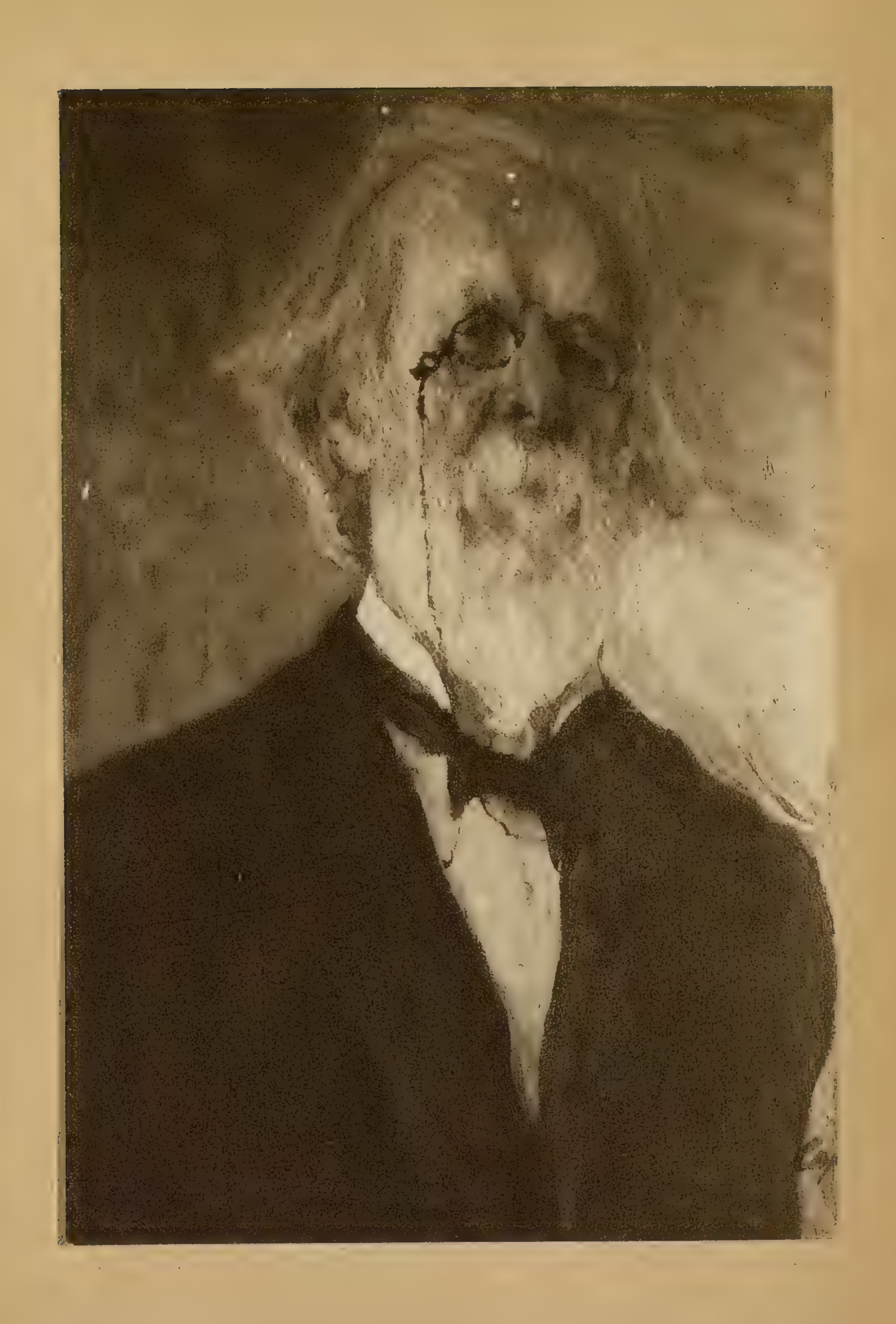
Мнѣніе большинства получило Высочайшее утвержденіе, и 29 октября 1865 г. Государь написалъ «Быть по сему» на Положеніи о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Положеніе это состоитъ изъ 92 статей. Первоначальное образованіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ образуетъ главу V и имѣетъ семь статей:

«Ст. 44. Въ число присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть на первое время принимаемы сверхъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, постановленнымъ въ 354 ст. учр. суд. уст.: 1) лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они прослужили четыре года по судебному вѣдомству или же занимались не менѣе пяти лѣтъ веденіемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, въ качествѣ повѣренныхъ, и 2) лица, кончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя и не по юридическому факультету, или же не получившія воспитанія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они прослужили по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ и въ теченіе этого времени занимали не менѣе года должность секретаря Сената или прочія должности не ниже VII класса, на коихъ могли пріобрѣсти практическія

свѣдѣнія въ производствѣ и рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Ст. 45. Въ каждой изъ губерній, въ коихъ вводятся судебные уставы, образуется, по распоряженію министра юстиціи, особый комитетъ для принятія и разсмотрѣнія прошеній лицъ, которыя изъявятъ желаніе поступить въ присяжные повѣренные. Ст. 46. Комитетъ этотъ состоитъ изъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда подъ предсѣдательствомъ старшаго по службѣ предсѣдателя. По распоряженію министра юстиціи, могутъ быть призваны къ участію къ этихъ комитетахъ и даже назначены предсѣдательствовать въ оныхъ тѣ лица, кои будутъ опредѣлены или предназначены въ должности предсѣдателей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Ст. 47. Комитетъ немедленно по открытіи онаго приглашаетъ посредствомъ публикацій въ вѣдомостяхъ всѣхъ, желающихъ поступить въ присяжные повѣренные, и, на основаніи 44 ст. сего Положенія, имѣющихъ право быть записанными въ число повѣренныхъ, подать или прислать свои о томъ прошенія съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ, согласно 379 ст. учр. суд. уст. Ст. 48. По разсмотрѣніи доставленныхъ прошеній и документовъ, комитетъ представляетъ министру юстиціи о лицахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ 44-й ст. сего Положенія. Тѣмъ, которые не соотвѣтствуютъ означеннымъ условіямъ, комитетъ собственной властью отказываетъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайствъ. Ст. 49. Министръ юстиціи утверждаетъ представленныхъ лицъ въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ или отказываетъ въ томъ. Недовольный отказомъ можетъ представить свои объясненія министру юстиціи, который предлагаетъ дѣло о томъ на разсмотрѣніе Перваго Департамента Правит. Сената. Ст. 50. По открытіи судебныхъ установленій на основаніи уставовъ 1864 г., Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ отдѣленія образуются порядкомъ, установленнымъ въ 358 и послѣдующихъ статьяхъ учрежденія суд. устан., при чемъ въ составъ Совѣтовъ могутъ быть избраны только лица, удовлетворяющія условіямъ, опредѣленнымъ въ 354 статьѣ того же учрежденія».

Весьма любопытна дальнѣйшая судьба этихъ временныхъ правилъ; какъ видно изъ ст. 44 правилъ, дѣйствіе ихъ

Дмитрій Васильевичъ Стасовъ.

не ограничено какимъ-либо срокомъ («на первое время»). Такъ и предлагалъ установить министръ юстиціи въ своихъ замѣчаніяхъ. Поэтому, сейчасъ же по введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, возникъ вопросъ, сохраняютъ ли эти временныя правила свою силу. Совмѣстимо ли одновременное дѣйствіе облегчительныхъ правилъ и Положенія о присяжныхъ повѣренныхъ? Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ разрѣшили этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Основаніе для этого спб. Совѣтъ видѣлъ въ томъ, что многія статьи Положенія 19 октября безспорно сохраняютъ полное значеніе и послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, а слѣдовательно нѣтъ повода отмѣнять дѣйствіе ст. 44-й. Но главное соображеніе заключалось въ томъ, что признаніе ст. 44-й потерявшею свою силу уменьшило бы весьма значительно число лицъ, могущихъ поступить въ присяжные повѣренные. Этого взгляда Совѣты продолжали держаться неизмѣнно, и инициатива отмѣны отступленій отъ судебныхъ уставовъ принадлежитъ министру юстиціи. Въ концѣ 1871 г. состоялось распоряженіе Министерства Юстиціи о прекращеніи дѣйствія облегчительныхъ правилъ, установленныхъ ст. 44 Положенія 19 октября 1865 г.

Въ дѣлахъ московскаго Совѣта сохранилось отношеніе старшаго предсѣдателя московской Судебной Палаты отъ 15 ноября 1871 г., за № 765, которое сообщаетъ, что «принявъ во вниманіе, что правило это (ст. 44), какъ и выражено въ той же статьѣ, должно имѣть примѣненіе лишь на первое время введенія судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе, и что въ округѣ московской Судебной Палаты судебные уставы дѣйствуютъ уже нѣсколько лѣтъ, г. министръ юстиціи отношеніемъ отъ 26 мин. октября, за № 21681, увѣдомляетъ меня, что въ число присяжныхъ повѣренныхъ слѣдуетъ нынѣ принимать только лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ ст. 354 учр. суд. уст.». Дѣйствіе закона прекращено было, такимъ образомъ, простымъ распоряженіемъ министра, хотя законъ этотъ отнюдь не давалъ ему соотвѣтствующихъ полномочій.

Другой вопросъ поставила статья 50-ая временныхъ правилъ относительно того, касается ли установленное ею ограниченіе только первыхъ выборовъ въ Совѣтъ, или лица, полу-

чившія званіе присяжнаго повѣреннаго по временнымъ правиламъ, вообще не могутъ быть избираемы въ Совѣтъ. И этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ Совѣтами въ смыслѣ допущенія отступленій отъ судебныхъ уставовъ. «При избраніи Совѣта, въ 1866 году, правило это было исполнено въ точности; но такъ какъ оно, по буквальному своему смыслу, относится только къ первымъ выборамъ въ Совѣтъ, то къ позднѣйшимъ выборамъ оно было признано непримѣнимымъ (отчетъ за 1866—67 г.), и начиная съ 1867 г. въ члены Совѣта были избираемы безразлично, какъ присяжные повѣренные, принятые въ сословіе на основаніи ст. 354-й, такъ и присяжные повѣренные, принятые на основаніи временныхъ правилъ» [1]).

11. Первые комитеты и Совѣты.

Хотя временныя правила и получили силу закона 19 октября 1865 г., и хотя скорѣйшее образованіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ выставлялось дѣломъ неотложной необходимости, тѣмъ не менѣе комитетъ, установленный временными правилами, былъ образованъ лишь въ мартѣ 1866 г. Письмомъ отъ 9 марта на имя сенатора М. Ф. Гольтгоера, предназначеннаго въ должность предсѣдателя спб. Судебной Палаты, министръ юстиціи увѣдомилъ его, что комитетъ образованъ подъ его, Гольтгоера, предсѣдательствомъ, и что комитетъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя департамента спб. Судебной Палаты Фриша, предсѣдателя спб. Окружнаго Суда Мотовилова, предсѣдателей спб. Палаты уголовнаго суда Маркевича и 1-го департамента гражданскаго суда Зубарева, товарищей предсѣдателей означенныхъ палатъ: Турчанинова, Батурина, Блюма и спб. губернскаго прокурора Ланге. Какъ видно изъ «Реестра бумагамъ и дѣламъ по комитету о присяжныхъ повѣренныхъ», первое засѣданіе состоялось 14 марта; въ этомъ засѣданіи постановлено было собираться на засѣданія по понедѣльникамъ въ 2 часа дня и напечатать публикаціи въ газетахъ. Публикація гласитъ такъ:

---

[1]) Арсеньевъ, с. 74.

«Объявленіе отъ комитета для принятія и разсмотрѣнія прошеній лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ по округу С.-Петербургской Судебной Палаты.

На основаніи 45-й и 46-й статей Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. образованъ въ С.-Петербургѣ особый комитетъ для принятія и разсмотрѣнія прошеній лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ по округу С.-Петербургской Судебной Палаты. Комитетъ, открывъ свои дѣйствія, приглашаетъ всѣхъ желающихъ и имѣющихъ на основаніи 44-й ст. вышеозначеннаго Положенія право поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, подать или прислать свои о томъ прошенія, съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ, согласно 379-й статьѣ Учрежденія судебныхъ установленій, съ соблюденіемъ предписанныхъ въ сей статьѣ правилъ и съ точнымъ обозначеніемъ своего настоящаго мѣста жительства. Прошенія должны быть присылаемы по слѣдующему адресу: «Въ Канцелярію Министерства Юстиціи—по дѣламъ Комитета о присяжныхъ повѣренныхъ». Желающіе представить свѣдѣнія или объясненія лично могутъ являться по понедѣльникамъ, въ 2 часа пополудни, въ засѣданіе Комитета (въ зданіи Министерства Юстиціи, въ залѣ Консультаціи)».

Первое прошеніе поступило 15 марта отъ присяжнаго стряпчаго спб. коммерческаго суда, надворнаго совѣтника Ѳ. Андреева, а въ числѣ послѣднихъ (11 апрѣля) поступило прошеніе одного изъ членовъ комитета, Александра Турчанинова. Прошеніе «отставного надворнаго совѣтника Константина Арсеньева» поступило 17 марта, статскаго совѣтника Дмитрія Стасова—21 марта и надворнаго совѣтника Владиміра Спасовича—18 марта. Всего въ комитетъ поступило 68 прошеній. Изъ нихъ 12 лицамъ по формальнымъ и неформальнымъ причинамъ отказано. Изъ числа принятыхъ 27 человѣкъ были представлены для утвержденія министру юстиціи 11 апрѣля, остальные представлены 22 апрѣля. Министръ утвердилъ всѣхъ представленныхъ ему 11 апрѣля, а такъ какъ 17 апрѣля были открыты новыя судебныя учрежденія въ Пе-

тербургѣ, то министръ юстиціи призналъ свои полномочія исчерпанными. 28 апрѣля министръ юстиціи увѣдомилъ «господина предсѣдателя спб. комитета», что съ открытіемъ 17 апрѣля спб. Судебной Палаты и окружнаго суда, разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, на основаніи 367 и 378 стт. Учр. суд. уст., впредь до образованія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ спб. Окружному Суду, вслѣдствіе чего учрежденный въ С.-Петербургѣ комитетъ для принятія и разсмотрѣнія прошеній желающихъ быть присяжными повѣренными, подлежитъ закрытію. Результатомъ этого отношенія явилась послѣдняя запись въ «реестрѣ»: «Вслѣдствіе отношенія г. Министра Юстиціи отъ 28 апрѣля, за № 3956, комитетъ о присяжныхъ повѣренныхъ закрылъ свои засѣданія. Находящіяся же въ комитетѣ прошенія и бумаги съ настоящимъ реестромъ передать въ спб. Судебную Палату при описи (число осталось не проставленнымъ), апрѣля 1866 года». Однако, спб. Окружному Суду не пришлось исполнять обязанности Совѣта. Такъ какъ въ это время уже образовался Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, то, по заключенію Судебной Палаты, «дѣла комитета переданы Совѣту вмѣстѣ съ не разсмотрѣнными министромъ юстиціи прошеніями». Препроводительная бумага, при коей дѣла эти переданы въ совѣтъ, написана на бланкѣ канцеляріи Уголовнаго Департамента судебной Палаты и подписана: «За секретаря, помощникъ секретаря Анатолій Кони».

Московскій комитетъ дѣйствовалъ еще болѣе кратковременно. 18 апрѣля, за № 423, комитетъ представилъ «Его Высокопревосходительству Господину министру юстиціи дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Дмитрію Николаевичу Замятнину» списокъ 27 лицъ, принятыхъ имъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, изъ коихъ 11 человѣкъ принято на основаніи 354 ст. Учр. суд. уст., а 17 человѣкъ по 1 и 2 пп. 44 ст. временныхъ правилъ, 19 октября 1865 г. Но министръ юстиціи оставилъ это представленіе не разсмотрѣннымъ и 28 апрѣля увѣдомилъ старшаго предсѣдателя московской Судебной Палаты, что съ открытіемъ 23 сего апрѣля московской Судебной Палаты и окружнаго суда разсмотрѣніе

Канцелярія
Уголовнаго Департамента
Судебной Палаты.

3 „ Іюня 1886 г.
№ 87.

Въ Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ.

Канцелярія Уголовнаго Департамента СПБ. Судебной Палаты препровождая въ Совѣтъ Присяжныхъ повѣренныхъ: 1., двадцать семь прошеній съ документами лицъ утвержденныхъ въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ, 2., прошенія и бумаги лицъ не утвержденныхъ въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ по описи Комитета о присяжныхъ повѣренныхъ и 3., Реэстръ бумагамъ Комитета о Присяжныхъ повѣренныхъ.—

За Секретаря —
помощникъ Секретаря
Анатолій Кони.

прошеній принадлежитъ московскому Окружному Суду, «а потому предлагаю Вашему Превосходительству препровождаемыя при семъ прошенія и документы означенныхъ лицъ передать по принадлежности въ московскій Окружный Судъ для зависящихъ съ его стороны распоряженій». Старшій предсѣдатель исполнилъ это предложеніе 4 мая, а 6 мая состоялось засѣданіе общаго собранія всѣхъ отдѣленій московскаго Окружнаго Суда, «въ двѣнадцатомъ часу пополуночи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Е. Е. Люминарскаго». Докладчикомъ былъ членъ суда Э. Н. Сумбулъ. «Опредѣлено: о постановленіяхъ, послѣдовавшихъ въ семъ засѣданіи, составить особый протоколъ». Изъ протокола же явствуетъ, что изъ числа 27 аспирантовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго 18 человѣкъ было принято, а девяти лицамъ отказано въ принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ [1]). Было ли простой случайностью, или характернымъ признакомъ времени, что какъ въ Петербургѣ А. Н. Турчаниновъ, такъ и здѣсь, среди принятыхъ въ присяжные повѣренные, былъ дѣлопроизводитель временнаго комитета, будущій предсѣдатель Совѣта М. И. Доброхотовъ.

Отмѣченная строгость окружнаго суда при принятіи въ присяжные повѣренные была подчеркнута предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты А. И. Шаховымъ въ весьма странной рѣчи, съ которой онъ обратился къ присяжнымъ повѣреннымъ при приводѣ ихъ къ присягѣ: «Господа, Палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, такъ и здѣсь, среди принятыхъ въ присяжные повѣренные, былъ строгъ,—разумѣется, справедливо строгъ. Онъ не толь-

[1]) Въ «Судебномъ Вѣстникѣ», органѣ Министерства Юстиціи, списокъ присяжныхъ повѣренныхъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ окружнаго суда по опредѣленію отъ 6 мая, содержитъ 21 фамилію (№ 1 за 1866 г.).

Эти данныя не вполнѣ сходятся съ напечатанными въ Сборникѣ Матеріаловъ, изданномъ по опредѣленію московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ по случаю 25-тилѣтія жизни сословія, но они заимствованы изъ «Дѣла временнаго комитета объ образованіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ по Московскому Судебному Округу», въ которомъ протоколы окружнаго суда имѣются въ копіяхъ, засвидѣтельствованныхъ чиновниками окружнаго суда.

ко разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображенie и свѣдѣнiя, указывавшiя на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствiй. Иначе и быть не могло, такъ какъ одно формальное удовлетворенiе тѣмъ условiямъ, которыя требуются закономъ для поступленiя въ присяжные повѣренные, еще не служатъ ручательствомъ, что избранные въ повѣренные будутъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословiе, вы, господа, значитъ, удовлетворили всѣмъ условiямъ, значитъ—вы оказались во всѣхъ отношенiяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненiю ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью—и вы заслужите уваженie и отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду». Эта рѣчь поражаетъ своей сухостью и безсодержательностью, столь не соотвѣтствующими историческому значенiю момента.

Въ Петербургѣ, какъ уже замѣчено, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ образованъ немедленно. Въ самый день введенiя въ дѣйствiе судебныхъ уставовъ, въ С.-Петербургѣ, 17 апрѣля 1866 г., наличные присяжные повѣренные, въ числѣ болѣе двадцати, воспользовались правомъ, предоставленнымъ имъ ст. 357-ю. Выборы въ Совѣтъ происходили 2 мая 1866 г., подъ предсѣдательствомъ члена Судебной Палаты А. Н. Маркевича [1]). Избранными оказались: предсѣдателемъ Совѣта — Д. В. Стасовъ, товарищемъ предсѣдателя — В. Э. Краузольдъ и членами: К. К. Арсеньевъ, В. П. Гаевскiй, Г. Г. Принцъ, В. В. Самарскiй-Быховецъ, А. Н. Турчаниновъ.

Въ Москвѣ, какъ явствуетъ изъ сказаннаго, къ моменту открытiя новыхъ судебныхъ учрежденiй присяжныхъ повѣренныхъ еще не было. Въ первую очередь, 6 мая, принято было всего 18 человѣкъ, т.-е. число, недостаточное для образованiя Совѣта. Число это увеличивалось весьма медленно, и до 9 сентября 1866 года окружный судъ исправлялъ обязанности совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Роль свою, впрочемъ, окружный судъ исчерпывалъ принятiемъ въ число присяж-

---

[1]) Арсеньевъ, с. 64.

ныхъ повѣренныхъ или отказомъ. Лишь въ послѣднемъ засѣданіи окружный судъ, по докладу члена суда Э. Н. Сумбула, принялъ таксу вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Но и это объясняется не собственной инициативой суда, а настояніями министра юстиціи, который заботился о скорѣйшемъ изготовленіи проекта таксы. Согласно выработанной московскимъ судомъ таксѣ, вознагражденіе должно быть назначено лишь присяжному повѣренному той стороны, въ пользу которой состоялось судебное рѣшеніе, и притомъ съ суммы присужденнаго взысканія, а не съ суммы заявленнаго иска. За веденіе же уголовныхъ дѣлъ по назначенію предсѣдателей судебныхъ мѣстъ или по избранію самимъ подсудимымъ присяжные повѣренные должны получать вознагражденіе, смотря по роду дѣла, сложности его, продолжительности производства и трудности защиты, отъ 25 руб. до 500 руб. Проектъ московскаго суда дальнѣйшаго движенія не получилъ.

2-го сентября, за подписью 14 присяжныхъ повѣренныхъ, въ московскую Судебную Палату было подано прошеніе, весьма лаконическое. «Мы, нижеподписавшіеся, присяжные повѣренные, покорнѣйше просимъ Судебную Палату о разрѣшеніи намъ избрать Совѣтъ». Это прошеніе было заслушано 6 сентября, и разрѣшеніе было дано. 16 сентября состоялось первое общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ подъ предсѣдательствомъ члена судебной Палаты П. Г. Извольскаго. На собраніи присутствовало 18 присяжныхъ повѣренныхъ, и собраніе, «руководствуясь 361 ст. Учр. суд. уст. (суд. уст. 20 ноября 1864 г.), предварительно приступленія къ выборамъ, постановило: имѣя въ виду, что число присяжныхъ повѣренныхъ, приписанныхъ къ округу московской Судебной Палаты, незначительно, всего 21 человѣкъ [1]), избрать Совѣтъ изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ предсѣдателя и товарища предсѣдателя». Тутъ же собраніе приступило къ выборамъ и избрало въ первый Совѣтъ: предсѣдателемъ М. И. Доброхо-

---

[1]) Въ упомянутомъ «Сборникѣ Матеріаловъ» къ означенному моменту насчитывается 24 присяжныхъ повѣренныхъ, но трое уже успѣли выйти изъ сословія.

това, товарищемъ предсѣдателя—Я. И. Любимцева и членами: К. А. Рихтера, Б. У. Бениславскаго и А. А. Имберха.

Чтобы закончить этотъ очеркъ образованія у насъ сословія адвокатовъ, приведемъ еще свидѣтельство К. К. Арсеньева о томъ, какъ въ то время смотрѣли на обязанность адвоката, и какъ адвокаты готовились къ роли своей. Врядъ ли можно отыскать свидѣтельство болѣе авторитетное, если вспомнить, что, какъ правильно отмѣтилъ В. Д. Спасовичъ въ рѣчи своей, обращенной къ К. К. Арсеньеву: «Вы виновникъ значительной части совершившагося и закрѣпленнаго. Вы были кормчій нашей шхуны, вы стояли у руля въ день и въ ночь, почти безъ отдыха. Вы направляли этотъ руль и во время непогоды такъ искусно, что шхуна скользила постоянно по верхушкамъ волны». Въ своихъ «Замѣткахъ о русской адвокатурѣ» К. К. Арсеньевъ вспоминаетъ, что «около 1860 г. положеніе дѣлъ начинаетъ измѣняться. Распространяется слухъ о предстоящемъ коренномъ преобразованіи суда, объ учрежденіи адвокатскаго сословія—слухъ, скоро принимающій характеръ достовѣрности, такъ какъ въ 1862 г. издаются Основныя Положенія судебной реформы. Въ средѣ молодыхъ людей, занимающихся или предполагающихъ заняться судебными дѣлами, образуются кружки, съ цѣлью приготовленія къ будущей дѣятельности въ качествѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ. Отчасти изъ этихъ кружковъ, отчасти изъ другихъ сферъ, проникнутыхъ тѣми же стремленіями, выходятъ адвокаты новаго типа, съ любовью относящіеся къ своему призванію. Не ожидая осуществленія судебной реформы, они начинаютъ ходатайствовать по дѣламъ въ судахъ стараго порядка, но вносятъ въ это ходатайство такіе пріемы, которые были ему до тѣхъ поръ почти совершенно чужды». Въ воспоминаніяхъ своихъ, напечатанныхъ въ «Правѣ» [1]), К. Арсеньевъ подробнѣе говоритъ о работахъ кружка.

«Первыя собранія кружка были посвящены всецѣло разсмотрѣнію проекта устава гражданскаго судопроизводства, вновь редактированнаго къ тому времени Вторымъ Отдѣленіемъ Собственой Е. И. В. Канцеляріи. Какъ ни занимала насъ

[1]) 1902 г., № 2.

эта работа, мы скоро рѣшили присоединить къ ней, въ виду практическихъ задачъ кружка, разборъ выдающихся судебныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ русской и иностранной судебной практикѣ. Съ конца декабря 1859 г. засѣданія кружка происходили по слѣдующей, разъ навсегда опредѣленной программѣ: сначала, часа два, мы читали и обсуждали одинъ изъ законопроектовъ, которые, въ то горячее время, быстро слѣдовали одинъ за другимъ; затѣмъ двое изъ насъ выступали представителями сторонъ по какому-либо гражданскому или уголовному процессу, фактическая часть котораго заимствовалась нами изъ сенатскихъ записокъ или изъ сборниковъ causes célèbres; третій членъ кружка резюмировалъ пренія и ставилъ вопросы, въ обсужденіи и разрѣшеніи которыхъ участвовали всѣ остальные. Если оставалось время, кто-нибудь изъ насъ сообщалъ интересные или спорные случаи изъ своей собственной служебной практики—и часто получалъ указанія, помогавшія ему направить дѣло на настоящую дорогу. Предсѣдательствовали въ собраніи сначала всѣ его члены—одинъ за другимъ, но такъ какъ это не всѣмъ удавалось, то принято было правило избирать на каждый годъ нѣсколькихъ предсѣдателей, по очереди руководившихъ преніями. Первое дѣло, разсмотрѣнное кружкомъ, касалось вопроса о томъ, остается ли въ силѣ договоръ найма, если собственникъ нанятаго имущества продалъ его другому лицу. За утвердительное разрѣшеніе вопроса говорилъ я; противникомъ моимъ былъ Д. Б. Беръ, отстаивавшій формулу: Kauf bricht Miethe. Хорошо помню, какъ я волновался въ ожиданіи дня, назначеннаго для засѣданія. Никогда передъ тѣмъ мнѣ не приходилось держать рѣчь въ присутствіи болѣе или менѣе многочисленнаго собранія. Нужно было рѣшить, что лучше: написать ли рѣчь отъ перваго слова до послѣдняго и затѣмъ заучить ее наизусть, или приготовиться къ ея прочтенію, или же установить заранѣе только главные ея пункты, а во всемъ остальномъ положиться на импровизацію. Я остановился на послѣднемъ способѣ дѣйствій (котораго держался и во все время своей адвокатской дѣятельности), но тѣмъ болѣе жутко мнѣ было въ тотъ моментъ, когда пришлось встать и обратиться къ моимъ «благосклоннымъ», но

строгимъ слушателямъ. Мы всѣ очень хорошо понимали, что нельзя требовать многаго отъ начинающаго оратора, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ были расположены къ взыскательной критикѣ, справедливо находя, что именно на первыхъ порахъ она важнѣе и полезнѣе, чѣмъ похвала. Откровенность мы считали для себя обязательною и не стѣснялись подчеркивать все то, что казалось намъ недостаточно продуманнымъ или слабо выраженнымъ. Какъ бы то ни было, рѣчи «адвокатовъ» были сказаны, диспутъ «судей», продолжительный и оживленный, благополучно приведенъ къ концу—и съ этихъ поръ «примѣрныя пренія» сдѣлались любимымъ занятіемъ кружка. Въ началѣ 1860 г. я выступилъ передъ нимъ обвинителемъ г-жи Жефоссъ, процессъ которой, благодаря, въ особенности, защитительной рѣчи Беррье, прогремѣлъ незадолго передъ тѣмъ въ одномъ изъ французскихъ провинціальныхъ судовъ [1]); защитникомъ ея явился Д. В. Стасовъ, и русское «жюри» послѣдовало, сколько мнѣ помнится, примѣру французскаго, т.-е. склонилось къ оправданію обвиняемой. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти «фиктивныя» обвиненія, защиты, предсѣдательскія резюме, сослужили не малую службу тѣмъ изъ насъ, которымъ суждено было приложить руку, въ той или иной роли, къ осуществленію судебной реформы. Къ настоящему дѣлу мы подходили уже не новичками и сравнительно легко вошли въ его колею, усвоили себѣ его пріемы. Менѣе осязательна, но едва ли менѣе велика, была польза, которую мы извлекли изъ совмѣстнаго обсужденія дѣлъ, законопроектовъ и юридическихъ вопросовъ. Если рѣчи, произнесенныя въ кружкѣ, способствовали развитію ораторскихъ навыковъ, то участіе въ правильно веденныхъ спорахъ подготовляло «дебатеровъ», пріучало къ всестороннему анализу, къ находчивости въ репликахъ, къ внимательному выслушиванію противниковъ, къ спокойному по формѣ, къ исчерпывающему по содержанію отвѣту на ихъ аргументацію».

---

[1]) Г-жа Жефоссъ обвинялась въ томъ, что велѣла застрѣлить молодого человѣка, застигнутаго ночью въ ея саду, куда онъ пришелъ будто бы для свиданія съ дочерью подсудимой.

Резюмируя все сказанное, приходится констатировать, что распространенное представленіе о глубокой и непроходимой пропасти между прошлымъ и настоящимъ нашей адвокатуры не совсѣмъ правильно, хотя оно содержится даже и въ сужденіяхъ составителей уставовъ. Въ дѣйствительности, первый проектъ Блудова, такъ невыгодно отличающійся отъ проекта Комиссіи 1820 г., хотя и былъ признанъ невыгоднымъ, не былъ, однако, a limine отвергнутъ, а, напротивъ, послужилъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ работъ по созданію у насъ адвокатуры. Приверженность къ прошлому тѣмъ болѣе замѣчательна, что необходимость полнаго съ нимъ разрыва проникла уже тогда въ общественное сознаніе и весьма убѣдительно отмѣчалась и въ журнальныхъ статьяхъ и въ замѣчаніяхъ на Основныя Положенія. Съ другой стороны, на устройство адвокатуры значительно вліяло и общественное настроеніе, находившееся подъ вліяніемъ теоріи здороваго эгоизма, не позволявшей государству вмѣшиваться въ частныя правоотношенія и въ чемъ бы то ни было стѣснять свободу распоряженія гражданъ своими правами. Подъ этимъ вліяніемъ составители судебныхъ уставовъ отказались отъ созданія привилегированнаго положенія для адвокатуры и, наложивъ на нее серьезныя обязанности, подчинивъ ее суровой дисциплинѣ, отвергли не только обязательность участія адвокатуры въ процессѣ, но монополію, хотя уже и тогда громко и настойчиво указывалось, что такимъ путемъ создается какая-то уродливая обстановка, которая должна служить важнымъ препятствіемъ для вступленія въ сословіе, ибо вступленіе требуетъ извѣстнаго самоотреченія. Предубѣжденіе противъ адвокатуры, кромѣ того, щедро питалось глубокимъ недовѣріемъ, которое было внѣдрено дореформенными ходатаями, внушившими яркое и неизгладимое впечатлѣніе объ адвокатѣ. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ мѣшало образованію правильнаго взгляда на задачи адвокатуры. Насколько взгляды эти были неясны, лучше всего доказывается сравненіемъ статьи К. П. Побѣдоносцева, полагавшаго, что безъ правильно организованной адвокатуры не можетъ существовать правосудіе, съ мнѣніемъ оберъ-прокурора Семенова, доказывавшаго, что слова

присяги «исполнять честно свои обязанности» вынуждаютъ адвоката къ «легкому» клятвопреступленію. Несмотря, однако, на такую путаницу понятій, составители судебныхъ уставовъ избѣгали ставить основные вопросы адвокатской этики и всячески ихъ обходили. Сюда еще нужно прибавить полнѣйшее игнорированіе помощничества, несмотря на сдѣланныя министромъ юстиціи указанія на необходимость регулировать этотъ институтъ. Наконецъ, усовершенствованіе процесса, достигнутое судебными уставами, неизбѣжно должно было сдѣлать еще болѣе очевидными недостатки матеріальныхъ законовъ и углубить пропасть между такъ называемой формальной и дѣйствительной правдой,—а такой разладъ неизбѣжно дѣлалъ двусмысленнымъ положеніе адвоката, призваннаго осуществлять силу и значеніе закона.

Первый годъ 1866-1867.

1866 года.

Мая 11го дня.

Въ Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ обратились нижеслѣдующія лица о приемѣ ихъ въ число Присяжныхъ повѣренныхъ по Округу С. Петербургской Судебной Палаты:

1, Отставной Коллежскій Секретарь Николай Миронович Шишмаковъ. Изъ представленныхъ къ прошенію документовъ видно: что Шишмановъ 42хъ лѣтъ отъ роду, кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ; на службѣ по судебному вѣдомству не состоялъ и имѣетъ довѣренности на ходатайство по дѣламъ за 1855, 1857-1864 и 1866 годы; а потому Совѣтъ постановилъ: Шишмакова какъ соотвѣтствующаго условіямъ въ 1 пунк. стат 44 правилъ 19го Октября 1865 года установленнымъ, принять въ число Присяжныхъ повѣренныхъ Округа С Петербургской Судебной Палаты, въ чемъ и выдать ему надлежащее свидѣтельство.

Предсѣдатель Д. Стасов
Товарищъ Предсѣдателя В. Герардъ
Члены совѣта: К. Арсеньевъ
Е. Баевъ
В. Спасович
А. Турчанинов
Ф. [illegible]

Журналъ перваго засѣданія Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Съ предсѣдательствующимъ имѣли разсужденіе и положили:

Годичный срокъ открытію Совѣта считать съ 17го Сентября. — "

Составъ Совѣта и всѣхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ съ означеніемъ мѣста жительства публиковать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. № 230 1866 г. 2 ноября

На предварительные расходы предложить всѣмъ Присяжнымъ Повѣреннымъ внести по пятидесяти рублей серебромъ. " "

Просить Бронислава Урбановича Беньславскаго принять на себя устройство залы Совѣта.

Предсѣдатель Д. Ровинскій

Товарищъ предсѣдателя Я. Любимцевъ

Членъ В. Ринкъ

— Обнинскій

Членъ А. Лохвицкій

Журналъ перваго засѣданія Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

III.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРІОДЪ (1866—1874).

12. Первоначальныя условія и обстановка жизни адвокатскаго сословія.

Итакъ, отношеніе составителей судебныхъ уставовъ къ адвокатурѣ представляется проникнутымъ весьма яркой двойственностью. Сознаніе необходимости ввести адвокатуру не могло устранить глубокаго къ ней недовѣрія, издавна укоренившагося и широко распространеннаго. Поэтому вмѣсто того, чтобы позаботиться о мѣрахъ для привлеченія юристовъ къ новому институту, составители судебныхъ уставовъ создали цѣлый рядъ препятствій для успѣшной организаціи сословія. Препятствія эти были очень серьезны и если они не оказались неодолимыми, то лишь потому, что тогда было совсѣмъ особое время и совершенно исключительное настроеніе. Краснорѣчивый свидѣтель и выдающійся участникъ этихъ дней, А. Ѳ. Кони говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе лучшія и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены палаты, губернаторы въ предсѣдатели окружныхъ судовъ. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была

первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ него». Введеніе судебныхъ уставовъ заставило многихъ людей мѣнять свою жизненную карьеру. Такъ, по словамъ В. О. Люстиха, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на математическій факультетъ, но слухи о предстоящей реформѣ побудили его перейти на юридическій факультетъ и войти въ новое сословіе.

Такое настроеніе, повидимому, особенно ярко концентрировалось именно по отношенію къ адвокатурѣ. Въ рѣчи, произнесенной въ Общемъ Собраніи прис. повѣренныхъ 30 апрѣля 1906 г., В. О. Люстихъ говорилъ: «Всѣ первые члены Совѣта, какъ и весь первоначальный составъ сословія прис. повѣренныхъ, получилъ практическую подготовку на званіе прис. повѣреннаго на государственной службѣ. Всѣмъ имъ, или по крайней мѣрѣ огромному большинству изъ нихъ, предстояла блестящая судейская карьера. Что же заставило ихъ пренебречь ею, порвать съ прошлымъ и энергично взяться за совершенно новое, еще неизвѣданное дѣло?.. Водвореніе справедливой законности во всѣхъ сферахъ частной и общественной жизни было идеаломъ того времени... Среди судебныхъ дѣятелей адвокатамъ въ этомъ отношеніи принадлежало первенствующее мѣсто». По словамъ В. Д. Спасовича, «въ началѣ судебной реформы въ народныхъ представленіяхъ положенъ былъ во главу угла реформы не судья, а адвокатъ, и являлся онъ въ какомъ-то фантастическомъ ореолѣ, какъ чародѣй Орфей, спасающій невинныхъ, истребляющій чудовища, совершающій одни только добрыя дѣла» [1]). То же самое подтверждаетъ и К. К. Арсеньевъ въ своихъ «Замѣткахъ о русской адвокатурѣ». Въ 1885 г. И. Я. Фойницкій утверждалъ, что «въ теченіе весьма непродолжительнаго времени русское общество во взглядахъ на защиту по уголовнымъ дѣламъ переживаетъ уже третій фазисъ. Первый характеризовался преувеличенными ожиданіями, которыя на нее возлагались; въ ней склонны были видѣть противовѣсъ

---

[1]) «Застольныя рѣчи», с. 18.

отъ всѣхъ золъ, не только судебныхъ, но и за предѣлами суда коренящихся; на нее указывали какъ на самую надежную гарантію правосудія, при существованіи которой можно было не заботиться или заботиться несравненно менѣе о другихъ условіяхъ праваго суда; возраженія противъ защиты объявлялись признакомъ несовершенства нашего юридическаго воспитанія» [1]).

Благодаря этому, не оказало никакого вліянія на образованіе независимаго сословія, о которомъ мечтали составители судебныхъ уставовъ, и то обстоятельство, что первоначально оно составилось сплошь изъ отставныхъ чиновниковъ, вчерашнихъ жрецовъ отвергнутаго судебнаго режима. Даже не вѣрится, когда узнаешь, какіе элементы тяготѣли къ новому сословію адвокатуры. Въ числѣ первыхъ, заявившихъ въ Петербургѣ о своемъ желаніи вступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, были, напр., презусъ военнаго суда Гороблагодатскихъ заводовъ и регентъ земской актовой канцеляріи, и оба они были приняты. Вообще, изъ 26 прошеній, переданныхъ комитетомъ въ образовавшійся Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, одно было отъ доктора юридическихъ наукъ Владиміра Спасовича и одно отъ присяжнаго стряпчаго, всѣ же остальныя принадлежали б. чиновникамъ разныхъ ранговъ, начиная отъ коллежскаго секретаря до дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но настроеніе, о которомъ такъ ярко свидѣтельствуетъ А. Ѳ. Кони, было столь сильно, что подчиняло себѣ все и всѣхъ, и черезъ два-три мѣсяца послѣ введенія судебной реформы офиціальный органъ Министерства Юстиціи «Судебный Вѣстникъ» [2]) могъ констатировать, что «сословіе присяжныхъ повѣренныхъ успѣло выставить нѣсколько талантливыхъ представителей, которыхъ теперь уже безспорно можно назвать замѣчательными адвокатами». И даже такіе завзятые враги нашей адвокатуры, какъ Щедринъ [3]), писали, что «адвокатура на-

---

[1]) «Защита въ уголовномъ процессѣ».

[2]) № 34, 1866 г.

[3]) «Всѣ насъ ругаютъ и хлещутъ,—говорилъ Спасовичъ,— и первый между ними—тотъ великій сатирикъ, который и есть единственный хорошій прозаикъ нашего времени» («Застольныя рѣчи», с. 9).

ша по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни»[1]).

Героическій моментъ, вызванный осуществленіемъ судебныхъ уставовъ, оказалъ безспорно самое рѣшительное вліяніе на судьбы нашей адвокатуры. Онъ далъ первый сильный толчокъ, опредѣлившій направленіе, по которому двинулось развитіе сословной жизни. Но героическій моментъ никогда не можетъ длиться долго. Ему на смѣну приходятъ будни,—и тогда ненормальныя условія, на которыя было указываемо еще при выработкѣ судебныхъ уставовъ, все сильнѣе и сильнѣе стали давать себя чувствовать. Сразу же обрисовался недостаточный приливъ силъ къ адвокатурѣ. Предсѣдатели провинціальныхъ судовъ то и дѣло обращаются въ Петербургъ и Москву съ просьбой найти желающихъ поселиться въ округѣ того или другого суда. Препровождая одно изъ такихъ обращеній (предсѣдателя владимірскаго Окружнаго Суда) въ Совѣтъ, предсѣдатель спб. Окружнаго Суда Г. Н. Мотовиловъ проситъ узнать, не найдется ли желающихъ переселиться во Владиміръ и «оказать тамъ дѣятельности суда то необходимое содѣйствіе, безъ котораго судебная реформа не достигаетъ цѣли». Предсѣдатель кашинскаго суда сообщаетъ, что «онъ приглашалъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1867 г. черезъ публикацію въ «Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» лицъ, желающихъ быть присяжными повѣренными при судѣ, но желанія на это никто не изъявилъ».

Между тѣмъ, какъ всѣ они прибавляютъ, дѣлъ гражданскихъ въ судѣ производилось столько, что присяжному повѣренному, повидимому, могъ быть гарантированъ приличный заработокъ. Изъ этихъ производившихся въ судахъ дѣлъ значительное число велось черезъ повѣренныхъ. Такъ, по справкѣ, собранной петербургскимъ и московскимъ Совѣтами въ 1868 г., оказалось, что, напримѣръ, въ Псковскомъ судѣ на 473 дѣла черезъ повѣренныхъ было ведено 173 дѣла, въ Великихъ Лукахъ на 187—93, въ Новгородѣ на 115—96 и т. д. Но эти цифры и свидѣтельствуютъ, что прежніе ходатаи по дѣламъ не сложили своего оружія и продолжали

---

[1]) Сочиненія, т. VI, с. 501.

дѣйствовать. За ними стояла традиція, и тотъ же предсѣдатель кашинскаго суда удостовѣряетъ, что «заинтересованныя лица въ дѣлѣ всегда стараются въ видахъ меньшихъ расходовъ вести свое дѣло если не лично, то черезъ какое-нибудь частное лицо, занимающееся повѣренничествомъ, и пріискиваютъ его для сей цѣли за самую малую плату... но нисколько не соображаютъ при этомъ, что отъ не спеціальнаго веденія дѣла такимъ повѣреннымъ легко можно проиграть и самое дѣло, имѣть же присяжнаго повѣреннаго считаютъ роскошью».

Но само собой разумѣется, что ходатаи не успокаивались на прочности такихъ традицій. Они энергично боролись за свое существованіе и смѣло конкурировали съ новыми патентованными адвокатами. Любопытно, что даже на страницахъ офиціальнаго «Судебнаго Вѣстника» эти господа печатали свои объявленія о «принятіи на себя ходатайства по всѣмъ безъ исключенія уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ». Въ 1868 г. въ Петербургѣ образовался «первый юридическій кабинетъ при гласномъ судопроизводствѣ», увѣрявшій въ разсылаемыхъ плакатахъ, что «при кабинетѣ находится опытный присяжный повѣренный и повѣренный, говорящій на главныхъ европейскихъ языкахъ». Чрезвычайно характерное объявленіе печаталось въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ», указывающее степень невѣжества частныхъ ходатаевъ. Объявленіе это буквально гласило такъ: «Кабинетъ для приготовленія въ повѣренные по юридическимъ взглядамъ классиковъ и юридическихъ совѣтовъ и совѣщаній В. В. З. Защитникъ практики столичной и ученаго взгляда кодексовъ ведетъ дѣла въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и столичныхъ мѣстахъ по 250, 1316 и 1631 стт. Уст. гр. суд. На оборотѣ—Василій Васильевичъ Завадовскій»[1]). Въ 1867 г. петербургскій оберъ-полицеймейстеръ обратился съ запросомъ въ Совѣтъ, можно ли разрѣшить отставному коллежскому секретарю Мелунину имѣть вывѣску, и Совѣтъ, отвѣчая, что для этого не встрѣчается законныхъ препятствій, полагалъ, однако, что «вывѣски и публикаціи въ этомъ родѣ

[1]) «Юрид. Вѣстникъ», 1874 г., кн. 1, 2, с. 44.

вводятъ въ заблужденіе простыхъ людей, довѣряющихся лицамъ, не имѣющимъ юридическаго образованія, какъ въ настоящемъ случаѣ, и не представляющимъ никакого ручательства въ правильности ихъ дѣйствій, стоящихъ внѣ всякаго контроля».

Введеніе судебныхъ уставовъ заставило частныхъ ходатаевъ тѣснѣе сплотиться, и они стали соединяться въ компаніи. Такъ, въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» трое лицъ объявляли, что они «принимаютъ на себя при взаимномъ ручательствѣ и сотрудничествѣ веденіе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ Полтавскомъ судѣ и въ высшихъ инстанціяхъ». Объявленіе обратило на себя вниманіе тѣмъ, что въ числѣ этихъ лицъ одинъ былъ почетный мировой судья. Съ другой же стороны, когда Министерство Юстиціи стало собирать свѣдѣнія о составѣ ходатаевъ, то оказалось, по словамъ «Русскаго Міра», что значительное число частныхъ ходатаевъ не имѣютъ даже юридической правоспособности.

Такимъ образомъ, на сторонѣ прежняго «крапивнаго сѣмени» были и закоренѣлыя традиціи набирать числомъ поболѣе, цѣною подешевле, и неразборчивость въ средствахъ. Но еще важнѣе было, что при этомъ ходатаи не несли на себѣ никакихъ обязанностей, которыя были возложены на присяжныхъ повѣренныхъ и которыя были для нихъ, при незначительномъ количествѣ адвокатовъ, весьма чувствительны. Такъ, напримѣръ, въ тверскомъ судѣ въ 1867 г., по сообщенію предсѣдателя суда, присяжные повѣренные вели 108 гражданскихъ дѣлъ (частные ходатаи 169 дѣлъ), а «изъ разсмотрѣнныхъ въ 1867 г. 127 уголовныхъ дѣлъ по всѣмъ изъ нихъ подсудимые требовали себѣ защитниковъ, которые и были имъ назначены» [1]). Такимъ образомъ, число обязательныхъ защитъ превышало количество гражданскихъ дѣлъ. Въ результатѣ то и дѣло приходится встрѣчаться съ заявленіями такого рода. «Въ числѣ частныхъ ходатаевъ по дѣламъ, есть, конечно, много людей, вполнѣ свѣдущихъ и достойныхъ. Люди эти по сіе время не поступили въ число присяжныхъ повѣренныхъ, главнымъ образомъ потому, что

---

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ дѣлъ московскаго Совѣта.

званіе это, въ послѣднее время возлагаетъ только однѣ тягости, не представляя въ то же время почти никакихъ выгодъ» [1]). «Каждому извѣстно, что между частными повѣренными въ провинціи было не мало людей, имѣющихъ всѣ условія для поступленія въ присяжные повѣренные, но они предпочитали оставаться частными повѣренными только потому, что не желали испытывать на себѣ тѣ отношенія, которыя установились на практикѣ... и желали, оставаясь частнымъ повѣреннымъ, сохранить полную неприкосновенность своей самостоятельности».

Точно такъ же и петербургскій Совѣтъ въ 1870 г. въ одномъ изъ своихъ постановленій высказался въ такомъ же смыслѣ [2]):

«Адвокатурой въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ занимаются до сихъ поръ, съ одной стороны, ходатаи, съ другой—присяжные повѣренные. Положеніе ходатаевъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе присяжныхъ повѣренныхъ. Ходатаи занимаются только тѣми дѣлами, какими желаютъ; присяжные повѣренные стѣснены частыми обязательными защитами по уголовнымъ дѣламъ и защитами лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Ходатаи могутъ дѣйствовать по всей Имперіи, а для присяжныхъ повѣренныхъ практика провинціальныхъ судовъ установила, что они не могутъ дѣйствовать въ чужихъ округахъ. Вслѣдствіе всего этого сословіе присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ устроиться, не можетъ организоваться. Лица, имѣющія всѣ права, требуемыя закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, не идутъ въ это званіе, съ которымъ ничего не соединяется, кромѣ обязанностей. Съ другой стороны, тѣ, которые приняли на себя это званіе, охотно оставляютъ его или для поступленія на службу, или когда представляются большія дѣла въ чужихъ округахъ, или, наконецъ, для того, чтобы спокойнѣе и свободнѣе заниматься адвокатурой. Число поступающихъ очень незначительно. Въ настоящемъ году еще ни

---

[1]) «Суд. Вѣстн.», 1875 г., с. 136, 144.
[2]) Постановленіе 28 февр. 1870 г., ст. 3.

одно лицо не присягнуло на званіе присяжнаго повѣреннаго. Между тѣмъ число выбывающихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Изъ числа 114 человѣкъ, поступившихъ въ разное время въ присяжные повѣренные, осталось въ настоящее время только 88. Нѣтъ сомнѣній, что число выбывающихъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ будетъ увеличиваться, между тѣмъ какъ масса уголовныхъ дѣлъ растетъ чрезвычайно. Три уголовныя отдѣленія окружнаго суда дѣйствуютъ безпрерывно. Изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла видно, что присяжному повѣренному приходится иногда защищать по три уголовныхъ дѣла въ одну недѣлю».

Къ этому еще присоединялся строгій надзоръ, который проявлялъ Совѣтъ, и дисциплинарная отвѣтственность за всякое отступленіе отъ вырабатывавшейся Совѣтомъ адвокатской этики. Поэтому, какъ только кто-нибудь чувствовалъ себя стѣсненнымъ, какъ только контроль Совѣта становился тягостнымъ, онъ тотчасъ выходилъ изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ, ни на іоту не мѣняя характера своей профессіи. Такъ, вышелъ тогда изъ состава присяжной адвокатуры послѣ дисциплинарнаго о немъ производства извѣстный въ то время присяжный повѣренный Я. М. Серебряный.

Въ томъ же направленіи вліяло отсутствіе всякой регламентаціи института помощничества. Помощники оказались совершенно безпризорными, брошенными на произволъ судьбы. «Въ Петербургѣ,—писалъ К. К. Арсеньевъ [1],—намъ извѣстенъ только одинъ присяжный повѣренный, собирающій вокругъ себя, разъ въ недѣлю, всѣхъ своихъ многочисленныхъ помощниковъ для бесѣды съ ними о юридическихъ предметахъ и для разрѣшенія вопросовъ, которые въ практикѣ ихъ возникаютъ. Примѣръ этотъ, къ сожалѣнію, не находитъ подражателей» [2]). Въ Москвѣ выработалась другая

[1]) Замѣтки, с. 38.

[2]) По словамъ В. О. Люстиха, этимъ прис. повѣреннымъ былъ А. Н. Турчаниновъ. Но общеніе съ помощниками было и у другихъ прис. повѣренныхъ, не имѣя, однако, такого организованнаго характера.

организація. Присяжный повѣренный Плевако установилъ для своихъ многочисленныхъ помощниковъ товарищескій судъ чести. По словамъ «Суд. Вѣстника», «когда на помощника поступаетъ къ Плевако жалоба отъ кліентовъ, или когда онъ самъ или прочіе помощники извѣщаются о неправильныхъ дѣйствіяхъ своего товарища, тогда онъ призываетъ къ себѣ письмами всѣхъ помощниковъ и подвергающемуся суду помощнику сообщаетъ о предметѣ обвиненія и предлагаетъ ему дать объясненіе. Собравшіеся помощники обсуждаютъ фактическую достовѣрность свѣдѣнія и послѣдствія поступка. Приговоръ ихъ, въ которомъ принимаетъ участіе и патронъ, долженъ быть обязательно исполненъ патрономъ» [1]). Вотъ единичныя указанія на попытки присяжныхъ повѣренныхъ внести какое-либо содержаніе въ личный патронатъ и установить нравственную связь со стажіерами.

Такое безотрадное положеніе помощниковъ неизбѣжно приводило къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ, въ двухъ разныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, юристы, желавшіе посвятить себя адвокатурѣ, не разсчитывали найти надлежащую школу въ личномъ патронатѣ и предпочитали поступать въ кандидаты на судебныя должности, съ тѣмъ, чтобы вести дѣла на правахъ частныхъ лицъ. Эта странная практика, возстановившая одну изъ наиболѣе темныхъ сторонъ дореформеннаго судебнаго строя, грозила укорениться въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. По словамъ В. А. Капеллера, онъ, вмѣстѣ съ кн. Урусовымъ и другими товарищами, зачислились въ кандидаты на судебныя должности при московской Судебной Палатѣ и занимались

---

[1]) Въ 1874 г. одинъ изъ помощниковъ, Пій Варламовъ, вызванный въ судъ по обвиненію въ томъ, что онъ воспользовался поѣздкой въ Зарайскъ, чтобы отбить дѣло у патрона, отказался явиться на судъ и вызвалъ Ѳ. Н. Плевако на дуэль. Плевако заявилъ о вызовѣ прокурору, и Варламовъ, преданный суду моск. Окр. Суда, приговоренъ былъ къ аресту на военной гауптвахтѣ на 3 дня. Любопытно, что въ своемъ возраженіи прокурору Варламовъ выражалъ удивленіе, что обвинительная власть говоритъ о какомъ-то товарищескомъ судѣ, судѣ, не утвержденномъ властью. («Суд. В.», 1874 г., № 10).

хожденіемъ по дѣламъ. Только годъ спустя, старшій председатель, сенаторъ Полѣновъ, предложилъ имъ выйти въ отставку и записаться въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Но въ провинціи этотъ опасный порядокъ еще долго держался. Въ корреспонденціяхъ «Суд. Вѣстника» нерѣдко встрѣчаются указанія, что, напр., въ Екатеринославѣ изъ кандидатовъ на судебныя должности адвокатурой занимается одинъ [1]). До сихъ поръ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, кандидаты на судебныя должности при курскомъ Окружномъ Судѣ безпрепятственно вели въ этомъ судѣ, въ качествѣ повѣренныхъ, гражданскія дѣла [2]). Въ печати возникла даже полемика по этому вопросу, причемъ положительное его разрѣшеніе представителями магистратуры вовсе не встрѣтило отпора, хотя казалось бы, что все, что напоминало прежніе порядки, должно было скорѣе вызывать преувеличенныя опасенія.

Но если юристы, желающіе посвятить себя адвокатурѣ, избѣгали записываться въ помощники, не разсчитывая здѣсь получить нужную подготовку, то, напротивъ, въ виду неорганизованности помощничества, сюда стремились сомнительные элементы, желавшіе использовать званіе помощника въ разныхъ стороннихъ цѣляхъ. «Въ числѣ помощниковъ,— пишетъ К. К. Арсеньевъ,—есть лица, которыя бы не могли быть терпимы въ сословіи адвокатовъ. Есть помощники, занимающіеся веденіемъ дѣлъ невозможныхъ. Есть помощники, имѣющіе занятія, несовмѣстимыя съ достоинствомъ адвокатуры, напр., управляющіе конторами ростовщиковъ. Есть помощники, явно злоупотребляющіе довѣріемъ обращающихся къ нимъ лицъ и дѣйствующіе самымъ предосудительнымъ образомъ. Независимо отъ сего, есть лица, которыя, зная, что надъ помощниками нѣтъ контроля и что помощникомъ можетъ быть всякій, выдаютъ себя за помощниковъ, хотя таковыми ни у кого изъ присяжныхъ повѣренныхъ не состоятъ» [3]).

---

1) 1876 г., № 69.
2) 1870 г., 115.
3) Арсеньевъ, с. 45, ч. II.

Наконецъ, эта неопредѣленность положенія помощниковъ приводила къ тому, что со стороны стажіеровъ возникли попытки освободить себя отъ надзора Совѣта. Упорную борьбу съ Совѣтомъ велъ помощникъ А. Н. Турчанинова Люце (впослѣдствіи товарищъ министра юстиціи) въ 1870 г. По ходатайству Совѣта, Окружный Судъ сталъ назначать помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ на защиту подсудимыхъ. Люце отказался отъ защиты; а когда Совѣтъ вызвалъ его для объясненій, онъ и отъ этого отказался, заявляя, что помощники не подчинены Совѣту. Совѣтъ, «находя совершенно необходимымъ установленіе контроля надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, призналъ невозможнымъ терпѣть въ ихъ средѣ лицо, считающее для себя необязательными распоряженія Совѣта и отказывающееся даже отъ представленія требуемыхъ имъ объясненій, и потому постановилъ не считать болѣе Люце помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и исключилъ его изъ списка помощниковъ». Однако, Судебная Палата, по жалобѣ г. Люце, отмѣнила постановленіе Совѣта, такъ какъ дѣйствующій законъ не даетъ твердой точки опоры для установленія такого надзора. «Посему, хотя Палата и соглашается вполнѣ съ мыслями Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ о томъ, что надзоръ его за помощниками безспорно благодѣтеленъ и необходимъ, тѣмъ не менѣе Палата полагаетъ, что надзоръ этотъ можетъ и долженъ осуществляться чрезъ посредство и вліяніе самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ помощники состоятъ и подъ руководствомъ которыхъ они занимаются».

Такимъ путемъ найденъ былъ выходъ изъ фальшиваго положенія. Совѣтъ и предложилъ А. Н. Турчанинову отчислить Люце, что и было имъ сдѣлано. Въ результатѣ организующее начало восторжествовало, но перипетіи этой борьбы не могли, конечно, служить къ поднятію престижа новаго сословія.

Точно такъ же вредило нормальному развитію сосуществованіе, наряду съ судебными уставами, и временныхъ правилъ 19 октября 1865 г., предоставлявшихъ облегчительныя условія для вступленія въ присяжную адвокатуру. Какой, въ самомъ дѣлѣ, практическій смыслъ имѣло записываться въ

помощники, если, согласно 44 ст. временныхъ правилъ, лицо, занимавшееся юридической практикой, допускалось въ присяжные повѣренные и безъ стажа помощника. Если, тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ тотчасъ по открытіи Совѣта В. О. Люстихъ открылъ запись въ число помощниковъ, то это лишь подтверждаетъ, что практическія соображенія не играли тогда доминирующей роли. Но, напр., въ Москвѣ такая крупная величина, какъ Ѳ. Н. Плевако, счелъ излишнимъ проходить стажъ помощника, а воспользовался временными правилами. При этомъ, прослуживъ 1 годъ и 11 мѣсяцевъ и практикуя 2 года и 10 мѣсяцевъ, Ѳ. Н. Плевако доказывалъ, что вмѣстѣ эти цифры составятъ пять лѣтъ, такъ какъ 44 ст. требуетъ либо 5 лѣтъ практики, либо 4 года службы по судебному вѣдомству. «Слѣдовательно,—писалъ Ѳ. Н. Плевако,—годъ службы замѣняетъ годъ и три мѣсяца практики, или единица времени службы равна единицѣ съ четвертью времени практики». Выходитъ, такимъ образомъ, что, сохраняя и послѣ вступленія въ дѣйствія судебныхъ уставовъ силу облегчительныхъ правилъ (а они, какъ уже выше указано, дѣйствовали до 1871 г.), законодатель самъ сводилъ на-нѣтъ значеніе судебныхъ уставовъ въ разсматриваемой области и ставилъ препятствія для организаціи сословія.

13. Отношеніе правительства къ адвокатурѣ.

Таковы были тѣ условія, въ которыхъ начала жить и дѣйствовать русская адвокатура. Какъ извѣстно, медовый мѣсяцъ судебной реформы прошелъ весьма быстро. Она оказалась инороднымъ тѣломъ въ нашемъ государственномъ организмѣ. Офиціальный «Историческій очеркъ Министерства Юстиціи» откровенно признаетъ, что «исходъ нѣсколькихъ процессовъ, не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ администраціи, вызвалъ нареканія на дѣятельность суда, и эти нареканія вскорѣ поколебали положеніе министра юстиціи Замятнина» [1]). Рѣчь идетъ прежде всего о петербургскихъ процес-

---

[1]) «Ист. оч.», стр. 158.

сахъ, возбужденныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ маѣ 1866 г. начато было судебное преслѣдованіе противъ «Спб. Вѣдомостей», противъ «Труда», и противъ «Современника» за помѣщеніе въ № 3 статьи Ю. Жуковскаго: «Вопросы молодого поколѣнія». Блестящую рѣчь по этому послѣднему дѣлу произнесъ К. К. Арсеньевъ (Валуевская «Вѣсть» назвала эту рѣчь затѣйливо-ловкой), и подсудимые (вмѣстѣ съ Жуковскимъ судили и редактора Пыпина) были оправданы въ первой инстанціи.

Само собою разумѣется, что острое недовольство новыми судами обратилось преимущественно противъ адвокатуры, которая больше всего способствовала исходу процессовъ, не соотвѣтствовавшему ожиданіямъ администраціи. Въ своихъ воспоминаніяхъ о процессѣ Каракозова Д. В. Стасовъ, между прочимъ, разсказываетъ: «Очень хорошо помню, какъ въ комендантскую квартиру пріѣхалъ еще до слушанія дѣла принцъ Ольденбургскій, также для чтенія дѣла или почему-то другому, и, встрѣтивъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ бывшихъ правовѣдовъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «И охота вамъ защищать такихъ негодяевъ...» Я ему отвѣтилъ, что мы для этого назначены, и дѣло это защищаемъ по назначенію кн. Гагарина. Тогда принцъ сказалъ: «Желаю вамъ полнаго неуспѣха». На это Турчаниновъ отвѣтилъ: «А мы, напротивъ, надѣемся, что мы должны имѣть успѣхъ» [1]). Между тѣмъ, принцъ Ольденбургскій былъ самъ въ числѣ судей по дѣлу, и отношеніе къ адвокатурѣ было вообще благожелательное. «Вообще,—пишетъ Д. В. Стасовъ,—кн. Гагаринъ [2]) относился внимательно, въ высшей степени предупредительно къ защитникамъ, обращаясь къ нимъ часто по именамъ, а не словами: г. защитникъ, и старался какъ бы поддерживать ихъ при исполненіи ими въ первый разъ ихъ обязанностей по новымъ уставамъ, въ такомъ судѣ и еще по такому дѣлу» [3]). Очевидно, поэтому, что въ словахъ принца Ольденбургскаго просто слышался давно знакомый уже отзвукъ непониманія задачъ адвокатуры.

---

[1]) «Былое», 1906 г., апрѣль, с. 282.

[2]) Вице-предсѣдатель Гос. Совѣта и предсѣдатель Верховнаго Суда.

[3]) «Былое», с. 276.

Мы видѣли выше, что и во Франціи, въ странѣ со старой и отлично развитой адвокатурой, не разъ наступали моменты, когда адвокатовъ отождествляли съ защищаемыми ими подсудимыми. Если такъ было во Франціи, то тѣмъ болѣе это явленіе должно было развиться у насъ, при недостаточной культурности и новизнѣ института. Понятно, поэтому, что участіе адвокатуры въ литературныхъ и политическихъ процессахъ и глубокое впечатлѣніе, какое производили въ этихъ дѣлахъ рѣчи защиты, не могло не возбудить серьезнаго недовольства власти и должно было окружить адвокатуру атмосферой правительственнаго недовѣрія и подозрѣнія. Насколько эти чувства были сильны, свидѣтельствуетъ исторія кн. А. И. Урусова. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ адвокатовъ Москвы, участвовавшій во всѣхъ выдающихся процессахъ, пріѣзжавшій нерѣдко въ Петербургъ (онъ принималъ, напр., участіе въ Нечаевскомъ дѣлѣ, и рѣчь его привлекла къ себѣ общее вниманіе), кн. Урусовъ былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Прибалтійскій край и, спустя нѣсколько лѣтъ, освобожденъ изъ ссылки подъ условіемъ сложенія имъ званія присяжнаго повѣреннаго и поступленія на государственную службу [1]).

Но и независимо отъ этого, когда героическій моментъ смѣнился буднями, самая организація адвокатуры должна была вызывать къ себѣ подозрительное отношеніе властей. «Мы,—мѣтко указывалъ В. Д. Спасовичъ въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей,—сочлены въ государствѣ, въ которомъ вообще не разрѣшено соединяться, сочленяться, а сочленяемость достигается развѣ въ видѣ исключенія» [2]). Благодаря этому, сословіе сразу сдѣлалось прибѣжищемъ для всѣхъ недовольныхъ и гонимыхъ. Составители судебныхъ уставовъ полагали, что адвокатура сдѣлается разсадникомъ для всей магистратуры. А въ дѣйствительности случилось нѣчто обратное. «Вмѣсто того, чтобы быть питомникомъ магистратуры, наше сословіе сдѣлалось громаднымъ убѣжи-

---

[1]) Этотъ послѣдній фактъ не упоминается въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони о кн. Урусовѣ, но сообщенъ мнѣ В. А. Капеллеромъ.

[2]) «Застольныя рѣчи», с. 5.

щемъ въ родѣ того asylum, которое Ромулъ открылъ на горѣ Авентинѣ, или въ родѣ Сѣчи Запорожской. Здѣсь мы стоимъ и съ радостью подаемъ братски руку бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими къ Министерству Юстиціи, всегда щеголяющему бѣлизной, судьямъ, прокурорамъ, предсѣдательствующимъ, которымъ надоѣла служба и которые ее оставили, чтобы не кланяться, не угодничать, не скакать за тысячи верстъ по желѣзнымъ дорогамъ дважды въ годъ напоминать о себѣ и мозолить глаза начальству» (Спасовичъ).

Всѣ эти обстоятельства, повторяемъ, и создавали недовѣрчивое, подозрительное отношеніе къ адвокатурѣ, и это отношеніе весьма сильно вліяло на дальнѣйшее развитіе сословія. Вскорѣ послѣ введенія судебныхъ уставовъ въ 1866 г., «Судебный Вѣстникъ», бывшій тогда офиціальнымъ органомъ Министерства Юстиціи, писалъ: «Когда создается новое учрежденіе, есть только одинъ путь къ тому, чтобы положить ему прочное основаніе: это отнестись къ нему съ довѣріемъ и по возможности устранить преграды къ его дѣятельности и дальнѣйшему развитію. Что-нибудь одно: или въ обществѣ можетъ существовать извѣстное учрежденіе или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ надо придать ему всѣ тѣ условія, которыя необходимы для его дѣятельности; въ противномъ случаѣ нужно отказаться отъ мысли объ его установленіи. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ, обставляя извѣстное учрежденіе широкими правами, вмѣстѣ съ тѣмъ стараться придать ему такія условія дѣятельности, которыя на практикѣ клонились бы къ ограниченію этихъ правъ. Законодатель, ставъ на этотъ путь, отнимая одной рукой то, что дано другой, не достигъ бы ничего, кромѣ ослабленія созданнаго имъ учрежденія въ самомъ его корнѣ, такъ какъ сдѣлалъ бы невозможнымъ осуществленіе той цѣли, для которой предполагалось создать это учрежденіе» [1]).

Эти краснорѣчивыя, яркія слова какъ будто для того только и были сказаны офиціальнымъ органомъ Министерства Юстиціи, чтобы рѣзче подчеркнуть намѣтившееся от-

---

[1]) «Суд. Вѣстн.», 1866 г., № 18.

ношеніе законодателя къ адвокатурѣ, полное равнодушіе къ ея судьбамъ. Въ ближайшее къ введенію судебныхъ уставовъ время правительство еще проявляло нѣкоторый интересъ. Такъ, въ 1867 г. Департаментъ Министерства Юстиціи обратился въ Совѣты съ запросомъ «увѣдомить о числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, которое, по мнѣнію Совѣта, будетъ достаточно для установленія опредѣленной 388 ст. Учр. Суд. Уст. табели». Петербургскій Совѣтъ немедленно отвѣтилъ, что онъ полагалъ бы опредѣлить это число цифрою сто, но дальнѣйшаго движенія вопросъ не получилъ. Въ началѣ Министерство выражало нѣкоторое безпокойство по поводу недостатка присяжныхъ повѣренныхъ, ибо, какъ мы видѣли выше, со стороны предсѣдателей поступали заявленія о невозможности отправлять правосудіе согласно требованіямъ судебныхъ уставовъ. Параллельно съ Совѣтами, Министерство стало разрабатывать мѣры для привлеченія присяжныхъ повѣренныхъ въ провинціальные суды. Въ августѣ 1869 г. за № 13549 Министерство обратилось къ старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ съ циркуляромъ, въ которомъ ставило вопросъ объ облегченіи пріема въ присяжные повѣренные при провинціальныхъ судахъ. «Если, напримѣръ,—гласитъ циркуляръ,—требовать для нихъ только двухлѣтней службы по судебному вѣдомству или двухлѣтняго занятія судебной практикой подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго, то, по всей вѣроятности, число ихъ значительно увеличится, и многіе молодые люди, занимающіеся нынѣ при столичныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ, предпочтутъ самостоятельную дѣятельность въ губерніи, что, очевидно, весьма желательно и для мѣстныхъ обывателей, которымъ лучше имѣть не вполнѣ опытныхъ защитниковъ, чѣмъ не имѣть ихъ вовсе. Въ случаѣ осуществленія сего предположенія слѣдовало бы вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, что лица, допущенныя въ присяжные повѣренные въ силу означеннаго временнаго правила, могутъ заниматься веденіемъ дѣлъ только въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ, при чемъ надзоръ за точнымъ соблюденіемъ этого порядка могъ бы быть предоставленъ столичнымъ Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ... Затѣмъ

можно было бы постановить, что съ истеченіемъ срока, установленнаго общимъ закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, вышеупомянутое ограниченіе теряетъ свою силу, и присяжный повѣренный пріобрѣтаетъ право ходатайствовать во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ округа Судебной Палаты, къ которой онъ приписанъ, не исключая и судовъ столичныхъ. Признавая это предположеніе заслуживающимъ уваженія и имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ (напр., итальянскомъ) допущены подобныя облегчительныя условія для провинціальныхъ адвокатовъ, считаю нужнымъ, предварительно дальнѣйшихъ со стороны министра юстиціи по сему предмету распоряженій, собрать мнѣнія и практическія указанія людей, ближайшимъ образомъ знакомыхъ съ этимъ важнымъ вопросомъ. Вслѣдствіе чего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство доставить мнѣ въ возможной скорости подробное Ваше заключеніе по вопросу о мѣрахъ къ увеличенію числа присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ окружныхъ судахъ, и о томъ, какія требуются для достиженія этой цѣли измѣненія или дополненія въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г.». Требуемыя заявленія были доставлены, но вопросъ не двинулся съ мѣста, и никакихъ измѣненій и дополненій въ уставы внесено не было.

За всѣмъ тѣмъ, данный случай былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, потому что здѣсь все-таки слышенъ былъ хоть какой-нибудь откликъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, какіе бы вопросы ни возбуждались, они абсолютно игнорировались Министерствомъ, и ходатайства Совѣта просто оставались безъ послѣдствій. Такъ, въ дополненіе къ указанному вопросу, Совѣтъ въ 1869 г. «постановилъ ходатайствовать о распространеніи права поступать въ присяжные повѣренные на всѣхъ членовъ судебныхъ учрежденій, образованныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, на прокуроровъ окружныхъ судовъ, если эти лица получили высшее юридическое образованіе и прослужили по судебной части не менѣе трехъ лѣтъ». Ходатайство это подтверждается указаніемъ на несоотвѣтствіе между требованіями для поступленія въ присяжные повѣренные и на службу по судебному вѣдомству.

Въ доказательство Совѣтъ приводитъ слѣдующій фактъ: «Одинъ изъ столичныхъ мировыхъ судей, магистръ уголовнаго права, авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трудовъ по этому предмету [1]), часто предсѣдательствовавшій на мировомъ съѣздѣ и удостоенный Судебною Палатою избранія въ число кандидатовъ на должность члена Палаты, не могъ бы быть допущенъ въ присяжные повѣренные, если бы захотѣлъ принять на себя это званіе, потому что до поступленія въ мировые судьи не служилъ по судебной части, а мировымъ судьею былъ только три года. Можно ли допустить, чтобы лицо, имѣющее право быть членомъ Судебной Палаты, не имѣло права быть присяжнымъ повѣреннымъ?» Это представленіе Совѣта также осталось безъ послѣдствій [2]).

Въ концѣ 1866 г. петербургскій Совѣтъ возбудилъ ходатайство объ установленіи комплекта, находя, что для Петербурга достаточно ста человѣкъ для установленія комплекта. Возбуждая свое ходатайство, Совѣтъ обратилъ вниманіе на то, что «большая часть присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ весьма мало дѣлъ, а нѣкоторые даже вовсе не имѣли случая являться повѣренными частныхъ лицъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, между тѣмъ какъ прежніе ходатаи сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ значительное число процессовъ». Поэтому, Совѣтъ приходитъ къ заключенію, что «если такое положеніе дѣлъ продлится, то есть полное основаніе полагать, что число присяжныхъ повѣренныхъ не только не увеличится, но уменьшится; въ этомъ убѣждаетъ какъ незначительное число лицъ, изъявляющихъ желаніе поступить въ это званіе, такъ и то, что многіе, занимаясь ходатайствомъ и несмотря на соединеніе въ себѣ условій, требуемыхъ закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, не принимаютъ на себя это званіе единственно потому, что не видятъ особой надобности подвергать себя обязанностямъ, съ нимъ сопряженнымъ». Судебная Палата признала ходатайство Совѣта заслуживающимъ уваженія и представила его въ Министерство, но «г. управляющій Министер-

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о Н. А. Неклюдовѣ.

[2]) Арсеньевъ, с. 22.

ствомъ Юстиціи не призналъ возможнымъ установить табель присяжныхъ повѣренныхъ для С.-Петербурга» (Журн., 13 сентября 1867 г.). Въ 1868 г. ходатайство было возобновлено, причемъ Совѣтъ имѣлъ возможность констатировать, что опасенія начинаютъ сбываться. Послѣ отрицательнаго отвѣта Министерства прошло болѣе года; «въ продолженіе этого времени въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ принято вновь только 17 лицъ, въ продолженіе того же времени три лица выбыли изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ округа спб. Судебной Палаты. Незначительное число лицъ, изъявляющихъ желаніе вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и увеличивающееся число лицъ, слагающихъ съ себя это званіе, объясняется преимущественно несоразмѣрною тяжестью обязанностей, лежащихъ на присяжныхъ повѣренныхъ, сравнительно съ правами, которыми они въ настоящее время пользуются, или лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ правъ, которыя были бы спеціально сопряжены съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго». На этотъ разъ ходатайство Совѣта снова было поддержано Окружнымъ Судомъ и Судебной Палатой, но опять осталось безъ всякихъ послѣдствій. Въ 1870 г. то же ходатайство составляло предметъ словесныхъ объясненій, представленныхъ министру юстиціи отъ имени Совѣта предсѣдателемъ его и двумя членами, и на этотъ разъ оно не привело ни къ какому результату. Спустя три года, Совѣтъ вновь вернулся къ тому же вопросу и, къ сожалѣнію, могъ констатировать, что «къ концу перваго года со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С.-Петербургѣ присяжныхъ повѣренныхъ при спб. Судебной Палатѣ числилось 59; къ 1 мая 1872 г. ихъ было 112, т.-е. въ продолженіе пяти лѣтъ число ихъ увеличивалось менѣе чѣмъ вдвое; въ настоящее время, т.-е. въ апрѣлѣ 1873 г., ихъ только 111, т.-е. число ихъ въ продолженіе года не увеличилось, а уменьшилось, — фактъ до сихъ поръ небывалый. Между тѣмъ, число частныхъ ходатаевъ по дѣламъ постоянно растетъ и достигаетъ въ С.-Петербургѣ громадной цифры, несравненно большей, чѣмъ число присяжныхъ повѣренныхъ. При увеличивающейся конкуренции пріобрѣтеніе практики, даже самой скромной, стано-

вится все труднѣе и труднѣе, и множество лицъ, спеціально образованныхъ и подготовленныхъ, не рѣшаются вступить на адвокатское поприще, опасаясь остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію. Опасеніе это подтверждается вполнѣ примѣромъ многихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ приходится ожидать перваго своего гражданскаго дѣла по году и больше, несмотря на то, что они обладаютъ и опытностью и знаніями. Не получая рѣшительно ничего, они обязаны, однако, защищать подсудимыхъ по назначенію предсѣдателя, а когда, наконецъ, у нихъ появляются первые скудные заработки, они должны лишиться десятой ихъ части, на основаніи ст. 398 Учр. Суд. Устан. и таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Въ то же самое время частные ходатаи, имѣющіе весьма обширную практику, остаются свободными отъ всякихъ обязанностей и взносовъ, равно какъ и отъ всякаго наблюденія и контроля. Такое положеніе дѣлъ, конечно, не можетъ благопріятствовать образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали его составители судебныхъ уставовъ». Къ этимъ соображеніямъ Совѣта К. К. Арсеньевъ [1]) прибавляетъ еще указаніе на то, что «со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С.-Петербургѣ, изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ умерло 7 человѣкъ; изъ нихъ нѣкоторые, несмотря на совершенно скромную жизнь, не оставили послѣ себя достаточныхъ средствъ, не только для обезпеченія своего семейства, но даже для погребенія». Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ, видя безуспѣшность всѣхъ прежнихъ ходатайствъ, отказался отъ новаго ихъ возбужденія, и намѣренія составителей судебныхъ уставовъ относительно установленія комплекта такъ и остались не осуществленными.

Точно такое же отношеніе проявлено было и къ заботамъ спб. Совѣта объ организаціи сословія помощниковъ прис. повѣренныхъ. Чуть не съ первыхъ дней своего существованія Совѣтъ обратилъ вниманіе на необходимость урегулировать положеніе помощниковъ и подчинить ихъ контролю Совѣ-

---

[1]) «Замѣтки», стр. 273.

Александръ Николаевичъ Турчаниновъ.

та. Прежде,—говорится въ Журналѣ Совѣта отъ 9/XI 1871 г., —Совѣтъ принималъ только къ свѣдѣнію заявленія присяжныхъ повѣренныхъ о принятіи ими помощниковъ и отчеты о занятіяхъ послѣднихъ; эти заявленія и отчеты не подвергались никакому контролю. Въ 1869 г. Совѣтъ постановилъ принимать въ число помощниковъ только такихъ лицъ, которыя получили юридическое образованіе, и установить мѣры надзора за помощниками. Но, сознавая, что всѣхъ этихъ мѣръ будетъ недостаточно, и прежде всего потому, что, какъ показалъ приведенный выше случай Люце, помощники въ любой моментъ могутъ отказаться отъ подчиненія вырабатываемымъ нормамъ, Совѣтъ возбудилъ вопросъ о необходимости легальной организаціи помощниковъ. Согласно съ мнѣніемъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, а также и помощниковъ, Совѣтъ выработалъ проектъ правилъ, подлежащихъ утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, и представилъ ихъ на разсмотрѣніе спб. Судебной Палаты; Палата представила ихъ въ Министерство, но ни малѣйшаго отклика представленіе не встрѣтило. Затѣмъ «когда въ 1873 г. до свѣдѣнія Совѣта дошло, что въ составленномъ Министерствомъ Юстиціи проектѣ закона о частныхъ ходатаяхъ ничего не упомянуто о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, и, слѣдовательно, они поставлены въ одинъ рядъ съ частными ходатаями, Совѣтъ поспѣшилъ «обратить вниманіе г. министра юстиціи на это обстоятельство, ходатайствуя объ оставленіи помощниковъ наравнѣ съ присяжными повѣренными подъ контролемъ Совѣта» (Журн., 9 мая 1873 г.) [1]). Но и это ходатайство, какъ извѣстно, было оставлено безъ удовлетворенія.

Въ первый же годъ своей дѣятельности Спб. Совѣтъ столкнулся съ вопросомъ объ обязанности веденія дѣлъ по праву бѣдности. Разработка вопроса была поручена В. Д. Спасовичу, и по его докладу Совѣтъ остановился на томъ, что «назначеніе повѣреннаго безразлично по всякому дѣлу, по которому выдано свидѣтельство на право бѣдности, можетъ привести не столько къ огражденію лицъ дѣйствитель-

[1]) Арсеньевъ, с. 62.

но бѣдныхъ, сколько къ размноженію ябеднических исковъ, и что присяжнымъ повѣреннымъ слѣдовало бы предоставить право отказываться отъ веденія возложенныхъ на нихъ дѣлъ, если они, очевидно, лишены всякаго юридическаго основанія и смысла». Для провѣрки соотвѣтствующихъ заявленій присяжныхъ повѣренныхъ необходимо составъ Совѣта усилить членами Судебной Палаты и привлечь къ участію представителя прокурорскаго надзора. Совѣтъ выработалъ новый проектъ и представилъ его въ Судебную Палату, но опять,—констатируетъ лѣтописецъ [1]),—«въ порядкѣ, противъ котораго эти предположенія были направлены, не произошло до сихъ поръ никакой перемѣны».

Такое отношеніе, несомнѣнно, представляло извѣстную систему, потому что оно было неизмѣннымъ, каково бы ни было содержаніе ходатайства. Наряду съ приведенными ходатайствами, имѣвшими принципіальное значеніе для жизни сословія, были и такія, которыя преслѣдовали частичныя усовершенствованія и никакихъ сомнѣній вызвать не могли, равно какъ и не представляли никакихъ трудностей для проведенія въ жизнь. Такъ, въ 1871 г., Совѣтъ постановилъ ходатайствовать объ изданіи, въ развитіе правилъ 385 ст. Учр. Суд. Уст., закона «о предоставленіи присяжнымъ повѣреннымъ права передовѣрять веденіе всѣхъ дѣлъ, по которымъ они имѣютъ право передовѣрія, помощнику своему или другому присяжному повѣренному одною общей довѣренностью». Въ 1872 г. ходатайство было представлено Суд. Палатѣ, а въ февралѣ 1874 г. Совѣту было сообщено, что ходатайство оставлено Министерствомъ Юстиціи безъ послѣдствій. Такая же участь постигла ходатайство объ изданіи закона, регулирующаго охрану и направленіе дѣлъ, оставшихся послѣ умершаго присяжнаго повѣреннаго.

Съ этими однообразными примѣрами любопытно сопоставить исторію взиманія 10% сбора съ гонорара, получаемаго прис. повѣренными. При изданіи судебныхъ уставовъ опредѣленіе размѣра сбора было отложено до установленія таксы для вознагражденія прис. повѣренныхъ. За выработ-

---

1) Арсеньевъ, с. 203.

ку таксы Министерство взялось такъ усердно, что предоставило Совѣтамъ менѣе недѣльнаго срока на составленіе проекта [1]). Задача эта была исполнена въ маѣ 1866 г., засимъ такса была издана лишь въ 1868 г. Издана она была на три года, и къ истеченію этого года Совѣтъ представилъ свои соображенія о необходимыхъ измѣненіяхъ, но разъ составленная такса уже продолжала дѣйствовать въ первоначальномъ видѣ. Что же касается сбора, то онъ таксой установленъ въ размѣрѣ 10%. Но при этомъ совершенно не выяснено было, кто и въ какомъ порядкѣ долженъ вѣдать взиманіе сбора, вслѣдствіе чего и началась безконечная переписка. Въ 1871 г., вслѣдствіе сообщенія министра юстиціи, суд. палаты предписали Совѣтамъ приступить къ взиманію 10% сбора. Петербургскій Совѣтъ приступилъ къ составленію правилъ о порядкѣ взиманія сбора и объявилъ о введеніи этихъ правилъ въ дѣйствіе съ 1 авг. 1872 г., а московскій Совѣтъ нашелъ, что «не только Совѣтъ по закону не въ правѣ взыскивать съ присяжныхъ повѣренныхъ упомянутый сборъ, и присяжные повѣренные не обязаны таковой вносить въ Совѣтъ, но что и вообще всякій контроль со стороны Совѣта за правильнымъ удержаніемъ 10% сбора изъ получаемаго присяжными повѣренными вознагражденія оказывается практически невозможнымъ. Самое положеніе членовъ Совѣта, взыскивающихъ или собирающихъ этотъ налогъ со всѣхъ членовъ корпораціи и, слѣдовательно, въ томъ числѣ съ самихъ себя, и самихъ себя контролирующихъ, было бы крайне неестественно и не соотвѣтствовало бы основному принципу права, въ силу котораго никто не можетъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Нельзя не признать, что и для Судебной Палаты правильный контроль по сему предмету надъ Совѣтомъ представилъ бы большія затрудненія». Поэтому Совѣтъ полагалъ, что либо Судебная Палата сама выработаетъ правила для окр. судовъ и судебныхъ приставовъ, на которыхъ будетъ возложено взысканіе сбора, либо, если Палата останется при мнѣніи,

---

[1]) Въ Москвѣ, какъ уже упоминалось выше, проектъ таксы составленъ былъ окружнымъ судомъ. См. выше, с. 135.

что обязанность эта должна лежать на Совѣтѣ, «то исходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ расширеніе правъ Совѣта и установленіе самихъ правилъ, которыми Совѣтъ могъ бы руководствоваться, собирая и взыскивая упомянутый сборъ и разрѣшая тѣ спорные вопросы, которые неизбѣжно при семъ должны возникнуть».

Общее собраніе департаментовъ московской Судебной Палаты, по разсмотрѣніи этого постановленія Совѣта, «признало себя не въ правѣ постановлять какія-либо правила относительно взысканія 10% сбора съ получаемаго присяжными повѣренными по таксѣ вознагражденія, раздѣляя мнѣніе Совѣта, что правила эти могутъ быть установлены лишь въ законодательномъ порядкѣ». Министръ юстиціи, однако, не согласился съ этими соображеніями и въ 1873 г. подтвердилъ обязанность совѣта заняться взиманіемъ сбора, сославшись при этомъ на выработанныя спб. Совѣтомъ правила. Поэтому и московскій Совѣтъ приступилъ къ взиманію 10% сбора. Но уже въ 1875 году послѣдовалъ новый циркуляръ министра юстиціи, перенесшій на окружные суды обязанность взимать сборъ. Послѣ этого московскій Совѣтъ немедленно прекратилъ взиманіе сбора, а въ Петербургѣ оно продолжалось [1]). Къ этому еще остается прибавить, что взимаемыя Совѣтами деньги передавались въ Казначейство только для того, чтобы, пролежавъ тамъ два-три года, вернуться въ Совѣтъ для распредѣленія, и, наконецъ, что изъ денегъ, взимаемыхъ съ гонорара прис. повѣренныхъ, отчислялись извѣстныя суммы на вознагражденіе кандидатовъ на судебныя должности за защиту по назначенію.

Этотъ послѣдній примѣръ безнадежныхъ колебаній по вопросу о взиманіи 10% сбора доказываетъ, что индиферентное отношеніе къ судьбѣ адвокатуры диктовалось не только измѣнившимся настроеніемъ, но также истощеніемъ законодательнаго творчества.

Еще ярче сказались оба эти момента на неожиданномъ измѣненіи порядка образованія сословія присяжныхъ пове-

---

[1]) К. Рихтеръ. «Законъ о 10% сборѣ», Москва, 1878 г.

ренныхъ при дальнѣйшемъ территоріальномъ распространеніи дѣйствія судебныхъ уставовъ. Какъ извѣстно уже, пріемъ въ прис. повѣренные предоставленъ былъ временными правилами 19 октября 1865 г. особымъ комитетамъ, которые дѣйствовали до открытія новыхъ судебныхъ учрежденій. Съ открытіемъ ихъ комитетъ упразднялся, и функціи его переносились на Совѣтъ прис. повѣренныхъ или, до его образованія, на окружные суды. При введеніи новыхъ судебныхъ установленій въ округахъ судебныхъ палатъ—Одесской и Казанской и въ губерніяхъ: Полтавской, Нижегородской, Смоленской и Костромской, этотъ порядокъ былъ значительно измѣненъ [1]). Статьей 14 ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. 1 апрѣля 1871 г. инструкціи сенаторамъ, назначеннымъ для открытія судебныхъ учрежденій въ указанныхъ мѣстностяхъ, было постановлено: «Комитеты, образованные на основаніи 45 и слѣд. статей Пол. 19 октября 1865 г., продолжаютъ свои дѣйствія и послѣ открытія суд. установленій, до образованія Совѣтовъ прис. повѣренныхъ и ихъ отдѣленій, и до того времени принятіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ совершается порядкомъ, въ стт. 44—49 означеннаго Положенія указаннымъ». Это измѣненіе ничѣмъ другимъ не можетъ быть объяснено, какъ желаніемъ сохранить за Министерствомъ право утвержденія въ званіи прис. повѣренныхъ, установленное временными правилами. При этомъ не было принято во вниманіе, что въ комитетахъ состоятъ члены упраздняемыхъ судебныхъ мѣстъ (предсѣдатель и товарищи предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда и губернскій прокуроръ), и что, слѣдовательно, съ открытіемъ новыхъ судебныхъ учрежденій такой комитетъ никакъ не можетъ существовать. Затрудненіе было разрѣшено такъ, что «на мѣста членовъ, выбывшихъ вслѣдствіе упраздненія прежнихъ судебныхъ установленій, должны поступать старшіе по времени назначенія члены окружнаго суда». Въ такомъ произвольно измѣненномъ видѣ комитеты существовали и, принимая присяжныхъ повѣренныхъ, представляли ихъ на утвержденіе министра юстиціи. Только въ 1874 г. на этотъ порядокъ была

---

[1]) «Суд. Вѣстникъ», 1875 г., 12.

принесена жалоба (на одесскую Судебную Палату), и Правительствующій Сенатъ весьма рѣшительно прекратилъ дѣйствіе этого порядка, находя, что упомянутое правило и инструкція противорѣчатъ стт. 45 и 50 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 19-го октября 1865 года Общаго Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, равно Учрежденію Суд. Уст. (ст. 378), никакимъ позднѣйшимъ узаконеніемъ по продолженію къ Своду Законовъ не отмѣненнымъ. Поэтому дѣйствіе § 14 инструкціи, вопреки ея буквальному смыслу, должно быть признано прекратившимся, «тѣмъ болѣе, что исполненіе этого параграфа нынѣ совершенно невозможно». Министръ юстиціи воспринялъ толкованіе Сената и разослалъ соотвѣтствующій циркуляръ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этотъ уродливый порядокъ дѣйствовалъ [1]).

Такое отношеніе центральной власти должно было сказаться, конечно, и на отношеніяхъ между магистратурой и адвокатурой. Первый ревизіонный отчетъ о дѣятельности новыхъ судовъ могъ еще констатировать, что отношенія между прокуратурой и адвокатурой вполнѣ нормальны. Но нѣкоторые диссонансы стали слышаться весьма быстро. И не было ли нѣчто символическое въ томъ, что первымъ подсудимымъ въ с.-петербургскомъ Окружномъ Судѣ былъ первый помощникъ прис. повѣреннаго В. О. Люстихъ, обвинявшійся въ оскорбленіи судебнаго слѣдователя Бильбасова [2]). Чрезвычайно ха-

---

[1]) Въ Казани, напр., общее собраніе отдѣленій Окр. Суда постановило, согласно указу Суд. Палаты, закрыть комитетъ съ 23 января 1875 г. и принять всѣ обязанности совѣта окр. суду. Но, какъ указано, временный комитетъ тоже всецѣло составлялся окр. судомъ и, слѣд., измѣненіе произошло не въ составѣ, а въ характерѣ дѣятельности. Вмѣсто временныхъ правилъ окр. судъ отнынѣ долженъ былъ руководствоваться исключительно судебными уставами.

[2]) В. О. Люстиху, какъ помощнику прис. пов. Гаевскаго, с. с. Бильбасовъ отказалъ въ сообщеніи свѣдѣній о производящемся у него дѣлѣ. В. О. Люстихъ написалъ суд. слѣдователю письмо, въ которомъ упрекалъ его въ незнаніи судебныхъ уставовъ и наказа, и заканчивалъ свое письмо словами: «Еще позвольте предложить Вамъ одинъ совѣтъ. Будьте съ приходящими къ Вамъ нѣсколько повѣжливѣе. Времена чиновниковъ-громовержцевъ прошли».—В. О. Люстихъ виновнымъ себя не призналъ и просилъ Судъ: «какъ это будетъ первая моя защита, и притомъ защита

рактерный случай имѣлъ мѣсто уже въ 1868 г. Между Совѣтомъ и Окружнымъ Судомъ происходила переписка о правѣ гг. предсѣдательствующихъ въ отдѣленіи Суда дѣлать прис. повѣреннымъ публичныя замѣчанія за дѣйствія, не относящіяся къ нарушенію порядка и подлежащія разсмотрѣнію Совѣта прис. повѣренныхъ. По мнѣнію Совѣта, предѣлы власти предсѣдательствующихъ установлены съ достаточною ясностью въ стт. 154, 157 и 158 Учр. Суд. Устан.; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ неправильныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, обнаруженныя Судомъ, подлежатъ, по сообщеніямъ Суда, разсмотрѣнію Совѣта. И Судъ и Судебная Палата не согласились съ этимъ мнѣніемъ. Но не это важно, а то, что Совѣтъ, между прочимъ, сослался на прецедентъ и указалъ поэтому, что «такъ смотрѣлъ, повидимому, на дѣло и Окружный Судъ, неоднократно сообщая Совѣту о замѣченныхъ имъ неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, для надлежащихъ со стороны Совѣта распоряженій». На это спб. Окружный Судъ въ своемъ опредѣленіи весьма рѣзко отвѣтилъ, назвавъ мнѣніе Совѣта голословнымъ, и заявилъ, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ Судъ представлялъ неправильныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, которыя были преимущественно неприличны со стороны прис. повѣренныхъ, усмотрѣнію ихъ Совѣта, то въ этомъ онъ не руководствовался предполагаемымъ правиломъ, а дѣйствовалъ, такимъ образомъ, исключительно по довѣрію къ правильности дѣйствій Совѣта прис. повѣренныхъ округа спб. Суд. Палаты». Въ этихъ мотивахъ ясно слышатся отзвуки по-

---

собственной моей невинности, дозволить мнѣ прочесть то, что я написалъ предварительно дома на всякій случай, если бы я не оказался въ состояніи произнести устно то, что я могу сказать въ свою пользу». Предсѣдатель не разрѣшилъ подсудимому читать, и В. О. Люстихъ началъ свою защиту такъ: «Незнаніе закона, невѣжливость не наносили никогда никому безчестья. Сократъ говорилъ, что онъ зналъ только одно то, что ничего не знаетъ, и не находилъ въ этомъ ничего для себя оскорбительнаго. Точно такъ же нашъ народъ не считаетъ незнаніе оскорбленіемъ и безчестіемъ и требуетъ, чтобы мы постоянно учились. Вѣкъ живи, вѣкъ учись,—говоритъ народъ. Точно такъ же обвиненіе въ невѣжливости не можетъ быть оскорбительно. Невѣжливость не безчеститъ никого» («Суд. Вѣстн.», 1866, № 18).

лицейскаго режима и произвола, который долженъ былъ уступить свое мѣсто началу законности и прочнымъ юридическимъ отношеніямъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что хотя Совѣтъ и протестовалъ рѣшительно противъ такого взгляда («довѣріе или недовѣріе окружнаго суда къ личному составу Совѣта не должно имѣть никакого вліянія на отношенія между этими учрежденіями»), но, какъ уже выше упомянуто, Совѣты и сами соскальзывали на этотъ опасный путь, возложивъ, напр., въ Петербургѣ на предсѣдателя Совѣта обязанность частнымъ образомъ сообщить старшему предсѣдателю Судебной Палаты свѣдѣнія, заставившія Совѣтъ отказать аспиранту на званіе присяжнаго повѣреннаго по 380 ст. Учр. Суд. Установленій.

Адвокатура, какъ мы видѣли, не переставала доказывать, что возложенныя на нее обязанности не соотвѣтствуютъ ея правамъ, и на этомъ основаніи ходатайствовала то объ установленіи комплекта, то объ облегченіи условій вступленія въ прис. повѣренные. А между тѣмъ, судебныя учрежденія дѣлали попытки дальнѣйшаго стѣсненія правъ присяжныхъ повѣренныхъ въ пользу частныхъ ходатаевъ. Такъ, Великолуцкій Окружный Судъ возбудилъ вопросъ о запрещеніи прис. повѣреннымъ одного округа ходатайствовать по дѣламъ въ судебныхъ учрежденіяхъ другого округа, хотя до установленія комплекта такое право принадлежало вообще всѣмъ желающимъ. Для прис. повѣренныхъ устанавливалась, такимъ образомъ, privilegium odiosum. Московская Судебная Палата не только возбудила, но и рѣшила въ 1872 г. этотъ вопросъ по отношенію къ прис. повѣренному округа спб. Судебной Палаты А. Герке, предъявившему искъ въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ и поддерживавшему затѣмъ интересы своего довѣрителя въ московской Суд. Палатѣ. Палата отвергла возраженія А. А. Герке, сославшагося на то, что онъ не пользовался званіемъ прис. повѣреннаго, а выступалъ какъ частное лицо, и указала, что «такое расширеніе правъ прис. повѣреннаго было бы несогласно съ интересами довѣрителей его и, кромѣ того, отнимало бы у Совѣта прис. повѣренныхъ, которому онъ подчиненъ, возможность наблюдать за дѣй-

ствіями его, и обременяло бы и затрудняло бы Совѣтъ, находящійся при округѣ Судебной Палаты, при которой прис. повѣренный приписанъ, въ исполненіи непосредственно лежащихъ на немъ обязанностей». Правит. Сенатъ, правда, рѣшеніе Палаты отмѣнилъ и разъяснилъ, что до введенія табели, которая установитъ монополію для присяжной адвокатуры на веденіе дѣлъ, прис. повѣренный не можетъ быть лишенъ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ любому частному ходатаю. Но эта тенденція стѣснить права адвокатуры свыше мѣры, установленной въ законѣ, представляется чрезвычайно характерной.

Были случаи и болѣе мелкіе, но обращавшіе на себя вниманіе именно съ разсматриваемой точки зрѣнія ненормальныхъ отношеній къ адвокатурѣ. Такъ, въ 1873 г. въ той же Москвѣ возникла мысль объ учрежденіи въ зданіи суда Библіотеки Московскаго Судебнаго Округа. «Русск. Вѣдом.» обращали вниманіе, что по уставу этой библіотеки членами могутъ быть всѣ лица судебнаго вѣдомства, начиная отъ предсѣдателя Судебной Палаты до послѣдняго вольнонаемнаго писца, за исключеніемъ прис. повѣренныхъ Московскаго Округа. «Чѣмъ руководствовались,—спрашиваетъ газета,—составители устава, осуждая на исключеніе изъ судебнаго вѣдомства всѣхъ прис. повѣренныхъ,—неизвѣстно».

14. Первые шаги адвокатуры.

Не приводя дальнѣйшихъ доказательствъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что Совѣты приступали къ своей дѣятельности въ условіяхъ, далеко не благопріятныхъ для правильной и спокойной работы. А между тѣмъ, работа предстояла трудная и весьма отвѣтственная, потому что все нужно было создавать заново. Никакихъ традицій накоплено не было, никакого фундамента не существовало, не на чемъ было поэтому укрѣпиться въ первое время. Необходимы были серьезныя усилія, чтобы сразу взять твердый и опредѣленный курсъ. Главная опасность была въ томъ, что недружелюбное отношеніе грозило вызвать реакцію и столкнуть Совѣтъ

съ прямого и опредѣленнаго пути. И такая тенденція, дѣйствительно, пробивалась. Такъ, наприм., неоднократно дѣлались попытки поставить обязанности защиты по назначенію и веденія дѣлъ пользующихся правомъ бѣдности въ зависимость отъ установленія комплекта, но Совѣты весьма рѣшительно противъ этого возстали. Въ первомъ отчетѣ своемъ спб. Совѣтъ высказалъ по этому поводу, что «ходатайство по дѣламъ не было до сихъ поръ у насъ въ Россіи ни правильной профессіей, ни уважаемымъ занятіемъ. Ходатаи по дѣламъ были большею частью лишены необходимаго приготовительнаго образованія, дѣйствовали безъ всякаго контроля, безъ всякой отвѣтственности, среди неблагопріятной обстановки, при которой не всегда было возможно итти прямымъ путемъ. Вновь организующемуся сословію присяжныхъ повѣренныхъ предстоитъ не только дѣйствовать наперекоръ этимъ преданіямъ, но и изгладить ихъ изъ памяти общества, поставить себя на одинъ уровень съ новыми судебными учрежденіями».

Такимъ образомъ, опасность узкаго и сухого профессіонализма встрѣтила серьезный отпоръ. Но съ другой стороны, при томъ повышенномъ и нѣсколько романтическомъ настроеніи, которое характеризуетъ шестидесятые годы, нетрудно было извратить задачи адвокатуры и въ направленіи противуположной односторонности—игнорированія профессіональныхъ задачъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій московскаго Окружнаго Суда, при разборѣ дѣла о бродягахъ, прис. повѣренный Рихтеръ, защищавшій по назначенію, заявилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что «въ настоящемъ случаѣ право мое, какъ защитника, есть соблюденіе простой формальности. Я и не могу ничего сказать въ его (т.-е. подсудимаго) оправданіе» [1]). Любопытный случай произошелъ въ московскомъ Судѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи прис. повѣреннымъ Л. А. Куперникомъ. Назначенный защищать кр. Прокофьева, убившаго вдвоемъ съ Лебедевымъ четырехъ человѣкъ и давшаго на судѣ весьма циничныя объясненія, Л. А. Куперникъ, между прочимъ, въ рѣчи своей ска-

---

[1]) «Суд. Вѣстн.», 1866 г., № 16.

залъ: «Я считаю показанія его (Прокофьева) здѣсь на судѣ ложными, изобрѣтенными въ острогѣ, а главное, стоящими въ разрѣзъ съ тѣмъ единственнымъ проявленіемъ человѣческаго чувства, которое онъ обнаруживалъ прежде». Выясняя, затѣмъ, противорѣчія между нынѣшними и прежними показаніями и безусловно довѣряя прежнимъ, Л. Куперникъ такъ закончилъ свою рѣчь: «Если законъ позволяетъ обвинителю по совѣсти отказаться отъ обвиненія, то я считаю и себя въ правѣ и обязанности отказаться отъ защиты... Разъ вмѣненіе признано, разъ извѣстная система наказанія существуетъ, я могу только сказать: да свершится правосудіе». Московскій Совѣтъ призналъ поведеніе Л. А. Куперника неумѣстнымъ, и К. К. Арсеньевъ по этому поводу пишетъ въ своей книгѣ: «Мы не понимаемъ снисходительности московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, который не призналъ возможнымъ подвергнуть дисциплинарному взысканію присяжнаго повѣреннаго, произнесшаго на судѣ обвинительную рѣчь противъ кліента своего. Мы позволяемъ себѣ выразить увѣренность, что с.-петербургскій Совѣтъ отнесся бы къ этому поступку совершенно иначе».

Въ своихъ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони, въ связи съ громкимъ дѣломъ милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ мельницы, разсказываетъ, что когда Овсянниковъ былъ арестованъ, онъ «принесъ жалобы въ Окружный Судъ и затѣмъ въ Судебную Палату. Жалобы эти были написаны хотя и кратко, но искусно умѣлою рукой. Оказалось, что ихъ писалъ извѣстный талантливый цивилистъ Боровиковскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ адвокатуру изъ товарищей прокурора петербургскаго Окружнаго Суда. За этотъ свой небольшой письменный трудъ,—такъ какъ по жалобамъ такого рода повѣренные не допускались къ личнымъ объясненіямъ,—Боровиковскій получилъ отъ Овсянникова пять тысячъ рублей. Извѣстіе объ этомъ произвело нѣкоторое волненіе въ петербургскомъ обществѣ, очень чутко относившемся ко всему, что касалось дѣла Овсянникова. Нѣкоторые примѣняли къ повѣренному обвиняемаго стихи Некрасова: «Получивъ гонораръ неумѣренный, восклицалъ мой присяжный повѣренный: передъ вами стоитъ гражданинъ чище

снѣга альпійскихъ вершинъ». Это доходило до Боровиковскаго и дѣйствовало на его впечатлительную натуру удручающимъ образомъ, такъ что онъ пришелъ, наконецъ, ко мнѣ—своему старому сослуживцу и бывшему начальнику—и заявилъ, что жалобы написаны имъ потому, что его убѣдили въ невиновности Овсянникова, сдѣлавшагося жертвой общественнаго предубѣжденія, но что онъ готовъ возвратить деньги для избѣжанія дальнѣйшихъ упрековъ. Я сказалъ ему, что огласкою возвращенія этихъ денегъ назадъ Боровиковскій броситъ лишній грузъ на чашу обвиненія, во вредъ довѣрившемуся ему кліенту, такъ какъ это возвращеніе будетъ, безъ сомнѣнія, истолковано какъ признаніе имъ, Боровиковскимъ, виновности послѣдняго... Взволнованный Боровиковскій не безъ труда согласился послѣдовать этому совѣту» [1]).

Дѣло Овсянникова вообще оказалось для адвокатуры тяжелымъ испытаніемъ. По словамъ А. Ѳ. Кони, «послѣ окончанія дѣла Овсянникова, министръ юстиціи собралъ у себя лицъ, возбудившихъ дѣло, т.-е. меня (хотя я былъ уже вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи), подготовившихъ его до суда, т.-е. товарища прокурора Маркова и слѣдователя Книрима, и проведшихъ это дѣло на судѣ, т.-е. Жуковскаго, для передачи о томъ, что имъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія объ ихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ и трудахъ, вызвавшихъ обвинительный приговоръ противъ подсудимаго, который по своимъ средствамъ и связямъ считалъ себя стоящимъ на недосягаемой для судебной власти высотѣ» [2]).

Для адвокатуры же, помимо приведеннаго инцидента съ Боровиковскимъ, это громкое дѣло кончилось привлеченіемъ къ дисциплинарной отвѣтственности двухъ выдающихся прис. повѣренныхъ: П. А. Потѣхина, защитника Овсянникова, и В. Н. Герарда, который долженъ былъ выступить повѣреннымъ гражданскаго истца, но въ послѣднюю минуту былъ

---

[1]) «На жизненномъ пути». Т. I, стр. 14.

[2]) Жуковскій,—прибавляетъ А. Ѳ. Кони,—остался вѣренъ себѣ и нарушилъ оптимистическое настроеніе ядовитыми словами: «Да, мы, вѣдь, именно этимъ и отличаемся отъ администраціи: мы всегда бьемъ стоячаго, а она всегда лежачаго».

вызванъ Потѣхинымъ какъ свидѣтель по дѣлу. Это-то и послужило поводомъ къ привлеченію П. А. Потѣхина, а В. Н. Герардъ обвинялся въ томъ, что былъ повѣреннымъ сначала одной, а потомъ другой стороны. Одинъ получилъ выговоръ, а другой строгій выговоръ, и оба вышли изъ Совѣта, къ составу котораго тогда принадлежали.

Сказывались отъ времени до времени и старые навыки. «Привычки,—говоритъ Спб. Совѣтъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ отчетовъ (за 1869—70 г.),—образовавшіяся при такомъ (прежнемъ) порядкѣ вещей, не могли исчезнуть вдругъ; печальные проступки проявлялись иногда и въ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ». Такъ, противъ В. Д. Спасовича, бывшаго товарищемъ предсѣдателя Совѣта, было возбуждено дисциплинарное дѣло по обвиненію его въ написаніи всеподданнѣйшаго прошенія объ отмѣнѣ рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената. Еще рѣзче самаго факта бросается въ глаза способъ защиты В. Д. Спасовича, который, между прочимъ, ссылался на то, что онъ дѣйствовалъ не какъ присяжный повѣренный, по довѣренности, и потому его поведеніе не подлежитъ компетенціи Совѣта. Но Совѣтъ, указавъ, что ему подсудны всѣ дѣйствія прис. повѣренныхъ, совершенныя ими, какъ адвокатами, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, категорически разъяснилъ, что «всякая жалоба на кассаціонное рѣшеніе, всякая просьба объ его отмѣнѣ, со стороны частнаго лица является неумѣстной, а со стороны прис. повѣренныхъ, обязанныхъ охранять достоинство суда и неприкосновенность окончательнаго судебнаго рѣшенія, она должна быть признана не только неумѣстной, но и крайне предосудительной» [1]).

Не менѣе характеренъ, какъ отзвукъ старыхъ порядковъ, другой случай. Двое прис. повѣренныхъ, тоже принадлежавшихъ къ составу Совѣта,—Самарскій-Быховецъ и Остряковъ разослали сенаторамъ записку изъ дѣла, которое они вели въ Кассаціонномъ Департаментѣ Прав. Сената. По этому поводу петербургскій Совѣтъ поставилъ общій вопросъ и разъяснилъ, что, защищая право и охраняя интересы своихъ вѣри-

---

[1]) «Журналъ», 1870 г., с. 240.

телей, прис. повѣренные должны употреблять для достиженія этой цѣли только законныя и честныя средства. Разсылка частныхъ записокъ членамъ и прокурорамъ новыхъ судебныхъ установленій, какъ до, такъ и послѣ слушанія дѣла, имѣетъ характеръ негласнаго ходатайства по дѣлу, совершенно противный духу Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и введеннаго ими состязательнаго процесса. Обычай разсылки частныхъ записокъ установился при дѣйствіи прежняго порядка судопроизводства, отличительными чертами коего были письменность и канцелярская тайна... Но обычай, соотвѣтствовавшій одному порядку, является совершенно несовмѣстимымъ съ другимъ, прямо противуположнымъ» [1]). Выясняя далѣе, въ чемъ сущность новаго порядка состоитъ, Совѣтъ продолжаетъ: «Точное соблюденіе этихъ правилъ, столь важное для успѣшнаго хода правосудія и для укрѣпленія въ обществѣ уваженія къ суду и закону, въ особенности обязательно для прис. повѣренныхъ, главное назначеніе которыхъ состоитъ въ содѣйствіи къ осуществленію высокихъ цѣлей и задачъ суда. Всякое противодѣйствіе этимъ цѣлямъ, исходящее отъ прис. повѣренныхъ, всякое возвращеніе ихъ къ обычаямъ прежняго времени, несогласнымъ съ духомъ новаго судебнаго устройства, должно быть преслѣдуемо или по крайней мѣрѣ останавливаемо Совѣтомъ не только въ интересахъ корпораціи, но и въ интересахъ цѣлаго общества».

Въ Москвѣ присяжные повѣренные проявляли слабость къ публикаціямъ, имѣющимъ характеръ рекламъ. Въ 1873 г. Совѣтъ, обративъ вниманіе на этотъ фактъ, нашелъ необходимымъ формальнымъ постановленіемъ выразить неодобреніе подобнымъ рекламамъ и объявить о томъ гг. присяжнымъ повѣреннымъ, прося ихъ въ то же время не дозволять ихъ помощникамъ прибѣгать къ такимъ рекламамъ.

Въ 1870 г. до свѣдѣнія московскаго Совѣта дошло, что нѣкоторые присяжные повѣренные представляютъ въ Коммерческій Судъ векселя ко взысканію не по довѣренностямъ, а по бланковымъ надписямъ. Совѣтъ рѣшительно воспретилъ это въ интересахъ сословія, которое по положенію своему въ

---

[1]) «Журналъ», 1870 г., с. 237.

обществѣ должно быть образцомъ прямоты отношеній въ своихъ дѣйствіяхъ къ другимъ лицамъ.

Количество такихъ случаевъ нарушеній профессіональнаго долга, вѣроятно, можно было бы умножить. Они встрѣчались вообще въ первоначальномъ ходѣ судебныхъ уставовъ, и въ своихъ яркихъ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони приводитъ немало отчасти печальныхъ, отчасти курьезныхъ примѣровъ. Но важно и знаменательно, что Совѣтъ, выборный органъ сословія, неизмѣнно и рѣшительно реагировалъ и неустанно стремился къ намѣченной цѣли. Въ дѣлѣ Овсянникова, какъ указано выше, Совѣтъ не остановился передъ осужденіемъ своихъ членовъ. И, дѣйствительно, хотя, какъ мы ниже увидимъ, пресса много занималась адвокатурой и относилась къ ней крайне недружелюбно, но противъ Совѣта, какъ представителя сословія, никакихъ нападокъ не было. Напротивъ, за Совѣтомъ, повидимому, сложилась вполнѣ опредѣленная репутація строгаго и безупречнаго судьи. Такъ, напр., газета «Недѣля», разсказывая о случаѣ нарушенія адвокатомъ профессіональнаго долга, прибавляетъ: «Можетъ быть, этотъ случай самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно важнаго; но въ виду той щепетильности, какую проявляетъ Совѣтъ въ своихъ требованіяхъ къ членамъ адвокатскаго сословія, разсказы о подобныхъ случаяхъ очень непріятно рѣжутъ ухо» [1]). Совѣтъ обвинялся скорѣе въ излишней строгости. Такъ, когда въ 1874 г. общее собраніе, согласно съ Совѣтомъ, постановило, что прис. повѣренные не должны являться и выступать въ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ въ качествѣ фиктивныхъ акціонеровъ, «Судебный Вѣстникъ» призналъ это постановленіе безцѣльно строгимъ [2]). Точно такъ же, вмѣстѣ съ «Гражданиномъ», «Судебн. Вѣстникъ» велъ настоящую кампанію противъ Совѣта за установленіе испытаній въ знаніи торговаго и гражданскаго судопроизводства. «Названная газета (т.-е. «Гражданинъ») справедливо замѣчаетъ, — такъ пишетъ «Суд. Вѣстн.», — что наши прис. повѣренные въ обѣихъ столицахъ угрожаютъ

---

1) «Недѣля», 1871 г., № 10.

2) № 201.

превратиться въ рѣдкую и крайне дорогую для небогатыхъ монополію въ представительствѣ. Признаки этой монополіи уже видны изъ того, что спб. Совѣтъ прис. повѣренныхъ безъ разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ высшей власти, образовалъ изъ себя недозволенную ассоціацію, подъ названіемъ испытательной комиссіи, которая присваиваетъ себѣ власть ограничивать права состоянія». Предсѣдателю Совѣта, К. К. Арсеньеву, приходилось выступать съ письмомъ въ редакцію, доказывая, что ничего противозаконнаго въ такихъ испытаніяхъ, гарантирующихъ надлежащій составъ адвокатуры, не содержится, и такъ какъ при наличности 380 ст. Учр. Суд. Уст. возражать противъ испытаній было бы мудрено, то «Судебный Вѣстникъ» рѣшительно возсталъ противъ этой статьи, дающей Совѣту безконтрольное право отказа въ пріемѣ въ прис. повѣренные. При этомъ, тутъ же газета сочла нужнымъ заявить, что со стороны Совѣта «до настоящаго времени намъ неизвѣстенъ ни одинъ случай дѣйствительнаго злоупотребленія этимъ правомъ своимъ» [1]).

Такимъ образомъ, Совѣтъ скорѣе обвинялся въ излишней строгости, и потому съ полнымъ основаніемъ В. Д. Спасовичъ могъ сказать въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей: «Мы изобрѣли и наложили на себя узы самой безпощадной дисциплины, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своими мнѣніями, своей свободой тому, что скажетъ громада—великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода, не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ громадской точки зрѣнія разсматриваемому, есть такая великая сила, которую тогда только оцѣнишь, когда чувствуешь, когда она отъ тебя исходитъ. Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы. Оставимъ будущему смягчать ихъ, когда люди сдѣлаются лучшими».

Эти слова В. Д. Спасовича тѣмъ точнѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что составъ Совѣта отличался въ то время удивительнымъ постоянствомъ. За 8 первыхъ лѣтъ К. К. Арсеньевъ не выходилъ изъ состава Совѣта (годъ членомъ Совѣта, годъ товарищемъ предсѣдателя и 6 лѣтъ предсѣдате-

---

[1]) № 136.

лемъ), В. Д. Спасовичъ находился въ составѣ Совѣта 7 лѣтъ (годъ предсѣдателемъ и 6 лѣтъ членомъ), А. М. Унковскій— 7 лѣтъ, Матросовъ—6 лѣтъ, Герардъ и Танѣевъ по 5 лѣтъ. Очевидно, слѣдовательно, что большинство сословія одобряло линію поведенія Совѣта. Что это было именно одобреніе, а не простой индиферентизмъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ, чрезвычайно характернымъ. Въ началѣ 1870 г. одинъ изъ прис. повѣренныхъ возбудилъ вопросъ, обязательна ли для членовъ сословія защита по назначенію, пока не установленъ комплектъ. Въ Совѣтѣ обнаружилось рѣзкое разногласіе. Два члена отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно, но большинство (5 членовъ) считало принятіе защиты безусловно обязательнымъ. Мнѣніе большинства Совѣта было одобрено большинствомъ общаго собранія прис. повѣренныхъ, созваннаго для обсужденія этого вопроса.

Два года спустя, однимъ изъ прис. повѣренныхъ былъ поднятъ вопросъ о незаконномъ распространеніи Совѣтомъ своей компетенціи на дѣйствія прис. повѣренныхъ, совершаемыя ими не въ качествѣ адвокатовъ. По этому поводу тоже было созвано общее собраніе, въ коемъ только двое членовъ его выступили на поддержку такого взгляда и доказывали, что «расширеніе дисциплинарной власти Совѣта, во-первыхъ, незаконно, такъ какъ законъ указываетъ прямо, какія нравственныя обязанности присяжнаго повѣреннаго подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта, а во-вторыхъ, вредно, такъ какъ и безъ того уже Совѣтъ, члены котораго и по своимъ талантамъ, и по матеріальному обезпеченію выдѣляются изъ среды другихъ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣетъ огромное вліяніе на сословіе» [1]). Всѣ остальные высказались за принятую Совѣтомъ практику, и огромное большинство признало излишнимъ преподавать Совѣту какія-либо правила для опредѣленія предѣловъ дисциплинарной его власти.

Какъ уже видно, между прочимъ, изъ указаннаго, центръ тяжести сословной работы находился тогда въ Петроградѣ. Въ юбилейномъ изданіи московскаго Совѣта (по случаю 25-лѣтія московскихъ прис. повѣренныхъ) напечатаны поло-

---

1) **Арсеньевъ, с. 125.**

женія изъ дисциплинарныхъ производствъ, выраженныя въ видѣ общихъ требованій, независимо отъ даннаго случая. При этомъ оказалось, что такія положенія можно извлечь изъ опредѣленій Совѣта, начиная съ двѣнадцатаго года его существованія. Исключеніе могло быть сдѣлано лишь для нѣсколькихъ положеній изъ одного опредѣленія 1867 года. Въ первое время московскій Совѣтъ жилъ, такъ сказать, со дня на день, не выдвигая общихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ Совѣтъ пользовался, напротивъ, каждымъ случаемъ, чтобы поставить принципіальный вопросъ. Эту разницу между Москвой и Петербургомъ К. К. Арсеньевъ объясняетъ значительно бо́льшимъ количествомъ дѣлъ въ петербургскомъ Совѣтѣ, благодаря тому, что въ Петербургѣ тяжущіеся охотнѣе обращаются съ жалобами. Кромѣ того, въ Петербургѣ разнообразнѣе судебныя дѣла. Наконецъ, вся петербургская обстановка больше вызываетъ на живую «энергическую дѣятельность, на постоянную работу надъ самимъ собою,—и это не могло не отразиться на петербургской адвокатурѣ. Нельзя отрицать, что ей принадлежитъ инціатива многихъ мѣръ, важныхъ для сословія присяжныхъ повѣренныхъ,—напримѣръ, организація помощниковъ, учрежденіе библіотеки, консультаціи, кассы пособій,—что ея примѣръ имѣетъ важное значеніе для провинціальной адвокатуры, лишенной до сихъ поръ своего собственнаго представительства» [1]). Помимо указанныхъ обстоятельствъ, разницу приходится объяснить еще и различными составами Совѣтовъ. Въ Петербургѣ сразу появились юристы, пріобрѣвшіе всероссійскую извѣстность, и среди нихъ больше всѣхъ поработалъ на пользу адвокатуры, какъ сословія, К. К. Арсеньевъ.

Въ Москвѣ такихъ именъ въ первое время не было, и вообще уровень адвокатуры стоялъ гораздо ниже. Для характеристики укоренявшихся нравовъ можно указать, что въ 1872 г. было созвано общее собраніе для обсужденія вопроса, въ какихъ случаяхъ одинъ прис. повѣренный можетъ принять дѣла, находящіяся въ производствѣ у

---

[1]) Арсеньевъ, с. 5, 6.

другого. Собраніе, повидимому, не состоялось,—никакихъ слѣдовъ, по крайней мѣрѣ, не осталось,—но самое возбужденіе такого вопроса достаточно характерно.

Отсталость Москвы къ концу разсматриваемаго здѣсь переходнаго періода разрѣшилась острымъ кризисомъ. Въ 1875 г. на выборахъ въ Совѣтъ произошло полное обновленіе состава. Ни одинъ изъ прежнихъ членовъ Совѣта не былъ переизбранъ. Самъ принадлежащій къ забаллотированному составу, М. Ф. Громницкій объяснялъ кризисъ тѣмъ, что сословіе возмутилось строгостью Совѣта [1]). Однако, это утвержденіе не находитъ себѣ фактическаго подтвержденія, и болѣе правильнымъ надо считать мнѣніе В. А. Капеллера, приписывающаго это притоку молодыхъ и свѣжихъ силъ, активно выступавшихъ во всѣхъ проявленіяхъ сословной жизни.

Изложить здѣсь дѣятельность петербургскаго Совѣта было бы невозможно, такъ какъ это отняло бы слишкомъ много мѣста. Въ книгѣ К. К. Арсеньева краткому обзору этой дѣятельности отведено около 300 страницъ убористой печати. Можно сказать, что не осталось почти ни одного вопроса, ни одного уголка адвокатской жизни, куда бы Совѣтъ не заглянулъ и не попытался освѣтить его. Достаточно привести оглавленіе, составленное К. К. Арсеньевымъ, чтобы судить, насколько разнообразна и интенсивна была дѣятельность Совѣта. Вотъ перечень вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ этой книгѣ.

«Формальныя условія, необходимыя для вступленія въ присяжные повѣренные. Временныя правила 1865 г. Толкованіе ст. 354 Учр. Суд. Уст. Формальныя препятствія къ вступленію въ присяжные повѣренные. Ходатайства Совѣта о сокращеніи пятилѣтняго срока. Примѣненіе ст. 390 Учр. Суд. Устан. Испытанія, установленныя Совѣтомъ. Необходимость дѣятельности въ предѣлахъ округа. Увольненіе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Первоначальное положеніе помощниковъ. Первыя мѣры Совѣта по организаціи сословія помощниковъ. Предоставленіе помощникамъ возможности защищать подсудимыхъ и вести дѣла въ Коммерческомъ

---

[1]) «Недѣля», 1875 г., № 52.

судѣ. Настоящее устройство сословія помощниковъ. Ходатайство Совѣта о легальной организаціи сословія помощниковъ. Комиссія помощниковъ. Образованіе Совѣта и число его членовъ. Порядокъ производства выборовъ. Возобновленіе Совѣта. Годовое общее собраніе. Способъ рѣшенія дѣлъ Совѣтомъ. Обязанности и права предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ. Дѣлопроизводство Совѣта. Печатаніе рѣшеній Совѣта. Жалобы на постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Жалобы частныхъ лицъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ. Жалобы присяжныхъ повѣренныхъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ. Протесты прокурора Судебной Палаты на постановленія Совѣта. Срокъ и порядокъ обжалованія и опротестованія постановленій Совѣта и опредѣленій Судебной Палаты, которыми они утверждены или отмѣнены. Общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ; занятія ихъ; правила, которымъ они подчиняются. Отношеніе общихъ собраній къ Совѣту. Способъ начатія дисциплинарныхъ дѣлъ. Послѣдствія примиренія обвинителя съ обвиняемымъ. Продолженіе дисциплинарнаго производства, несмотря на просьбу обвиняемаго объ увольненіи его изъ сословія. Распространяется ли дисциплинарная власть Совѣта на дѣйствія, совершонныя присяжнымъ повѣреннымъ до вступленія въ сословіе. Кругъ дѣйствій и предѣлы дисциплинарной власти Совѣта. Окончательное разрѣшеніе вопроса Прав. Сенатомъ. Случаи осужденія присяжныхъ повѣренныхъ за дѣйствія, совершонныя ими не въ качествѣ адвокатовъ. Внушенія, дѣлаемыя Совѣтомъ. Общій характеръ дисциплинарныхъ взысканій. Предостереженіе. Выговоры. Запрещенія на время исполнять обязанности повѣреннаго. Исключенія изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Обязанности, возложенныя на Совѣтъ самимъ закономъ. Обязанности Совѣта по взиманію 10%-наго сбора. Мѣры, принятыя Совѣтомъ въ огражденіе общихъ интересовъ корпораціи. Можетъ ли Совѣтъ заступиться офиціально за отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Разъясненіе недоразумѣній, встрѣчаемыхъ присяжными повѣренными. Общіе расходы корпораціи и касса пособій. Библіотека и консультація. Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ ходатай-

ствовать безвозмездно по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ защищать подсудимыхъ по назначенію суда. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ ихъ довѣрителямъ: а) во время веденія дѣла; б) при расчетѣ за веденіе дѣла; в) при отказѣ или устраненіи отъ веденія дѣла; г) при ходатайствѣ по дѣламъ лицъ, состоящихъ между собою въ тяжбѣ. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ противной сторонѣ и третьимъ лицамъ. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ суду и должностнымъ лицамъ. Столкновеніе между обязанностями защитника и свидѣтеля. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи другъ къ другу и къ цѣлой корпораціи. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ по платежу десятипроцентнаго сбора. Права присяжныхъ повѣренныхъ».

Всѣ эти вопросы подвергались обсужденію Совѣта и нашли разъясненіе въ его опредѣленіяхъ и журналахъ. Благодаря отмѣченному выше постоянству состава Совѣта, практика его отличалась большой устойчивостью, никакихъ колебаній въ высказываемыхъ взглядахъ не замѣчалось, однажды преподанныя правила сохранялись неизмѣнными, получая лишь на протяженіи времени дальнѣйшее развитіе. Какъ уже замѣчено выше, Совѣтъ въ самомъ началѣ обнаруживалъ тенденцію расширить свою компетенцію. Въ виду постояннаго недостатка въ присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ обнаруживаетъ большую снисходительность, весьма свободно толкуетъ понятіе службы по судебному вѣдомству, требуемой для полученія званія прис. повѣреннаго. Совѣтъ принимаетъ чиновниковъ рѣшительно всѣхъ вѣдомствъ, если только они представляютъ удостовѣреніе въ томъ, что занимались по своей службѣ веденіемъ судебныхъ дѣлъ. Но, наряду съ этимъ, Совѣтъ далъ весьма распространительное толкованіе 380 ст. Учр. Суд. Уст., предоставляющей Совѣту принимать въ соображеніе тѣ свѣдѣнія, какія признаетъ нужными и полезными. Правда, случаи примѣненія этой 380 ст. не были особенно часты, но, какъ жаловался «Судебн. Вѣстн.», это правило терроризировало всѣхъ аспирантовъ, и всякій, кто имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе сомнѣваться, избѣгалъ

подавать прошеніе о принятіи его въ прис. повѣренные. Кромѣ того, Совѣтъ воспользовался, какъ уже было упомянуто, статьей этой для установленія испытаній на званіе прис. повѣреннаго, если предшествующая дѣятельность аспиранта не могла служить сама по себѣ достаточнымъ доказательствомъ достаточной подготовки. «Не было еще примѣра,—констатируетъ отчетъ Совѣта 1872/3 г.,—чтобы лицо, подвергнутое испытанію, не выдержало его удовлетворительно; но прежде бывшіе случаи позволяютъ предполагать, что при отсутствіи испытанія въ сословіе прис. повѣренныхъ могли бы иногда поступать лица, лишенныя существенно-важныхъ свѣдѣній, въ особенности по части обрядовъ судопроизводства. Ожиданіе испытанія заставляетъ каждаго кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго провѣрить и пополнить свои знанія и уменьшить, такимъ образомъ, возможность ошибокъ, проистекающихъ изъ недостатка опытности».

Та же тенденція сказывается и на стремленіи Совѣта распространить свою власть и на помощниковъ прис. повѣренныхъ. Въ законѣ, какъ извѣстно, о нихъ упоминается вскользь, и, несмотря на то, что при выработкѣ судебныхъ уставовъ указывалось на необходимость урегулировать положеніе помощниковъ, оно оставалось неопредѣленнымъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій своихъ (2 іюня 1866 г.) Совѣтъ обязалъ прис. повѣренныхъ сообщать о времени поступленія къ нимъ помощниковъ для обезпеченія правильности исчисленія пятилѣтняго стажа. Черезъ два года Совѣтъ обязалъ прис. повѣренныхъ сообщать два раза въ годъ свѣдѣнія о занятіяхъ помощниковъ, постановивъ не включать въ стажъ тѣхъ полугодій, относительно коихъ свѣдѣній доставлено не было. Въ помощники записывались самые разнообразные элементы. Такъ, въ журналѣ за 1867 г. (стр. 78) записано, что прис. повѣренный сообщилъ о принятіи имъ въ помощники л е к а р я К. К. Толстого. Сплошь и рядомъ въ помощники записывались студенты, и въ теченіе перваго года своего существованія Совѣтъ просто принималъ къ свѣдѣнію заявленія присяжныхъ повѣренныхъ. Въ 1867 г. («Журналъ», стр. 99) Совѣтъ постановилъ, что хотя и не встрѣчается препятствій къ зачисленію студентовъ въ помощники, но занятія, подъ руко-

водствомъ прис. повѣренныхъ, лицъ, еще не окончившихъ курса, не принимать въ расчетъ при исчисленіи пятилѣтняго срока, 354 ст. Учр. Суд. Уст. положеннаго. Спустя годъ, это постановленіе пріобрѣло еще болѣе общій характеръ. Совѣтъ постановилъ, что, по смыслу 354 ст., помощниками могутъ быть только лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, и что вообще они должны удовлетворять тѣмъ же требованіямъ, какія ставятся закономъ для прис. повѣренныхъ (за исключеніемъ, конечно, пятилѣтняго стажа и возрастнаго ценза). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, Совѣтъ выработалъ въ 1869 г. правила пріема, а вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ и правила надзора за помощниками. По этимъ правиламъ: «1) помощникамъ предоставляется принимать на себя ходатайство по дѣламъ и помимо присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ помощниками, но съ тѣмъ, чтобы о всякомъ дѣлѣ, принятомъ ими такимъ образомъ, они немедленно сообщали присяжнымъ повѣреннымъ, при которыхъ состоятъ; 2) принятый Совѣтомъ въ число помощниковъ состоитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ избравшаго въ помощники присяжнаго повѣреннаго».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ исходатайствовалъ принятіе помощниковъ въ присяжные стряпчіе по истеченіи извѣстнаго стажа и назначеніе ихъ защитниками подсудимыхъ. Но именно здѣсь, на почвѣ неопредѣленности положенія помощниковъ, возникли уже отмѣченныя выше недоразумѣнія. Одинъ изъ помощниковъ, г. Люце, отказался защищать, а когда Совѣтъ привлекъ его за это къ отвѣтственности, онъ и Совѣтъ призналъ некомпетентнымъ. Судебная Палата вынуждена была констатировать, что «на прямой и непосредственный за помощниками надзоръ законъ не даетъ ему точно выраженныхъ уполномочій, которыя предоставлены Совѣту въ отношеніи къ присяжнымъ повѣреннымъ, и которыя не могутъ не быть, по крайней своей важности и капитальному значенію, иначе выражены въ законѣ, какъ положительно». Понимая, однако, что такимъ образомъ создается положеніе совершенно ненормальное, Судебная Палата предложила компромиссъ, высказавъ, что мѣропріятія Совѣта могутъ быть обязательны для помощни-

ковъ лишь постольку, поскольку они черезъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ состоятъ, изъявятъ желаніе добровольно подчиниться такимъ мѣрамъ». Совѣтъ принялъ этотъ компромиссъ и въ 1871 г. постановилъ требовать отъ помощниковъ, при полученіи ими званія, подписки въ томъ, что они будутъ добровольно подчиняться всѣмъ постановленіямъ и распоряженіямъ Совѣта. Компромиссъ оказался жизнеспособнымъ, и случай Люце такъ и остался единственнымъ, но ненормальность положенія этимъ не была устранена, а, напротивъ, еще болѣе подчеркивалась отобраніемъ подобныхъ подписокъ, не соотвѣтствовавшихъ характеру публично-правовыхъ отношеній. Ясно было, что для устраненія ненормальности необходима законодательная регламентація, и Совѣтъ въ томъ же 1871 году выработалъ проектъ закона, основаннаго на восполненіи личнаго патроната состовнымъ, на установленіи правилъ, обезпечивающихъ изученіе помощниками гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и, въ связи съ этимъ, допущеніи ихъ къ веденію уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Но мы уже знаемъ, что ходатайство Совѣта, какъ и всѣ прочія его домогательства законодательныхъ измѣненій, не имѣло никакого успѣха и оставлено было безъ послѣдствій.

Гораздо меньше послѣдовательности проявлялъ московскій Совѣтъ въ отношеніи помощниковъ. Правда, еще въ 1869 г. здѣсь было постановлено, что въ помощники прис. повѣренныхъ можно зачислять только лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и желающихъ заниматься судебной практикой подъ руководствомъ избраннаго ими присяжнаго повѣреннаго и въ мѣстѣ постояннаго его жительства, а не въ какомъ-либо другомъ городѣ [1]). Но никакой связи между Совѣтомъ и помощниками здѣсь установлено не было. До 1872 г. Совѣтъ отказывалъ даже въ выдачѣ свидѣтельствъ на званіе помощника прис. повѣреннаго, находя, что выдача такого свидѣтельства зависитъ отъ прис. повѣреннаго, при коемъ помощникъ состоитъ. Въ отчетѣ за 1870 г. имѣется указаніе на то, что поступившія въ Совѣтъ жалобы на помощниковъ «препровождены были къ тѣмъ присяжнымъ повѣ-

---

[1]) «Двадцатипятилѣтіе», с. 50.

реннымъ, при которыхъ означенные помощники состоятъ», а въ слѣдующемъ отчетѣ Совѣтъ констатируетъ, что «о дѣятельности помощниковъ прис. повѣренныхъ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ».

Впрочемъ, практика петербургскаго Совѣта въ этомъ отношеніи тоже не отличается постоянствомъ, что особенно бросается въ глаза при стойкости ея вообще. Такъ, въ 1871 г. предсѣдатель спб. Окружнаго Суда сообщилъ Совѣту о дѣйствіяхъ помощника присяжнаго повѣреннаго Спасовича, кандидата правъ Молчанова, который безъ достаточнаго повода, вслѣдствіе замѣчанія предсѣдателя, удалился изъ залы засѣданія, оставивъ подсудимаго безъ защиты. В. Д. Спасовичъ заявилъ, что онъ уже дѣлалъ за это Молчанову выговоръ, и Совѣтъ, удовлетворившись такимъ заявленіемъ, постановилъ принять его къ свѣдѣнію [1]). Выходитъ такъ, какъ будто выговоры, дѣлаемые патрономъ, равнозначущи дисциплинарнымъ взысканіямъ, налагаемымъ Совѣтомъ, и разъ патронъ сдѣлалъ внушеніе помощнику, то Совѣтъ не въ правѣ наказывать его вторично.

Наконецъ, та же тенденція расширить предѣлы компетенціи сказалась и на подчиненіи дисциплинарному надзору Совѣта такихъ дѣйствій членовъ сословія, которыя выходятъ изъ круга адвокатской дѣятельности. Въ этомъ стремленіи своемъ Совѣтъ встрѣтилъ болѣе упорное противодѣйствіе со стороны отдѣльныхъ членовъ сословія, хотя, какъ уже было упомянуто, общее собраніе вполнѣ одобрило эту тенденцію Совѣта. Но здѣсь противодѣйствіе отдѣльныхъ членовъ было рѣшительно сломлено Прав. Сенатомъ, который разъяснилъ, что «наблюденіе Совѣта должно простираться не только на соблюденіе присяжнымъ повѣреннымъ интересовъ своихъ довѣрителей и порученныхъ его защитѣ подсудимыхъ, но и на всѣ вообще его поступки, могущіе имѣть вліяніе на степень довѣрія къ нему со стороны общества, предъ которымъ Совѣтъ, допустивъ извѣстное лицо въ среду присяжныхъ повѣренныхъ, принимаетъ тѣмъ самымъ на себя отвѣтственность, что лицо это, не только по формальнымъ условіямъ, но и по нравственнымъ своимъ каче-

[1]) «Журналъ», стр. 134.

ствамъ, достойно довѣрія. Въ виду этихъ же соображеній необходимо признать и то, что Совѣтъ имѣетъ право входить въ обсужденіе и такихъ не относящихся до адвокатской дѣятельности дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, которыя совершены имъ до принятія на себя этого званія, коль скоро дѣйствія тѣ могутъ, по мнѣнію Совѣта, вліять на нравственную оцѣнку лица, совершившаго оныя» [1]).

Вопросъ этотъ для адвокатуры вообще одинъ изъ самыхъ старыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ спорныхъ, и до сихъ поръ нигдѣ не имѣетъ вполнѣ отчетливаго и точнаго рѣшенія. Наши Совѣты не внесли въ старый споръ ничего существенно новаго, они держались средней линіи. К. К. Арсеньевъ такъ формулируетъ начала, которыми Совѣтъ руководствовался: «Присяжный повѣренный, дѣйствуя въ качествѣ частнаго лица, не можетъ безнаказанно совершать такихъ поступковъ, которые подвергли бы его взысканію, если бы были совершены имъ въ качествѣ адвоката. Присяжный повѣренный не долженъ нарушать или обходить требованія закона, съ цѣлью доставить себѣ или другому матеріальную выгоду или избѣжать матеріальной потери. Присяжный повѣренный въ сферѣ дѣловыхъ и имущественныхъ отношеній долженъ точно исполнять обязательства и обѣщанія, имъ данныя» [2]).

Большое вниманіе Совѣтъ удѣлилъ общественнымъ обязанностямъ адвоката и подробно разработалъ вопросы, связанные съ веденіемъ дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, и съ защитой по назначенію. «Одна изъ существенныхъ и главнѣйшихъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ заключается въ защитѣ подсудимыхъ по назначенію предсѣдателя; присяжный повѣренный долженъ строго исполнять эту повинность» [3]). Совѣтъ строго слѣдитъ и принимаетъ всякія мѣры, чтобы присяжные повѣренные не уклонялись отъ этихъ обязанностей и исполняли ихъ добросовѣстно. Совѣтъ требуетъ изученія порученнаго дѣла и приготовленія къ защитѣ. Присяжному повѣренному, который не видался

---

[1]) Цитируемъ по Арсеньеву, с. 128.

[2]) «Замѣтки», с. 137, 138.

[3]) «Журналъ», 8 октября 1872 г.

съ подсудимымъ, объявлено предостереженіе, его объясненія, что подсудимый сознался и что дѣло несложное, не были приняты во вниманіе, и «всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ сообщено циркулярно о необходимости предварительныхъ объясненій съ подсудимыми, защита которыхъ на нихъ судомъ возложена» [1]).

Тѣмъ не менѣе, именно здѣсь, въ области разъясненія общественныхъ повинностей адвокатуры, состоялось постановленіе Совѣта, которое вызвало большія нареканія. Дѣло въ томъ, что еще въ 1866 г. былъ возбужденъ вопросъ объ обязанности присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя защиту подсудимыхъ по назначенію внѣ города, избраннаго ими своимъ мѣстожительствомъ. Совѣты, какъ петербургскій, такъ и московскій, разрѣшили этотъ вопросъ отрицательно, находя, что законъ къ этому не обязываетъ, и что такіе выѣзды, сопряженные при отдаленности нашихъ городовъ съ продолжительными поѣздками, создавали бы неизбѣжныя коллизіи съ выполненіемъ обязанностей, возложенныхъ закономъ на адвокатуру. Въ качествѣ дополнительнаго мотива, доказывающаго, что законодатель не могъ имѣть въ виду такихъ выѣздовъ, Совѣтъ сослался на отсутствіе какихъ бы то ни было указаній въ законѣ на способъ покрытія издержекъ присяжныхъ повѣренныхъ. Этотъ взглядъ былъ подтвержденъ и Судебной Палатой и въ свое время не обратилъ на себя серьезнаго вниманія. Но значительно позже (въ 80-хъ годахъ) постановленіе Совѣта было предметомъ оживленнаго обсужденія; особенно горячо на него нападалъ проф. Фойницкій [2]). «Изъ молчанія закона,— пишетъ онъ,—о возмѣщеніи издержекъ по командировкѣ присяжныхъ повѣренныхъ вытекаетъ лишь, что онѣ не покрываются за счетъ казны, а отнюдь не право отказаться отъ командировки; притомъ требуемый закономъ съ присяжныхъ повѣренныхъ процентный сборъ получилъ бы самое лучшее назначеніе, будучи обращенъ на вознагражденіе тѣхъ ихъ товарищей, которые понесутъ расходы въ интересахъ защи-

---

[1]) Ib., 8 декабря 1878 г.

[2]) «Защита въ уголовномъ процессѣ». Спб. 1885 г., с. 41 и passim.

ты. Давъ ему это употребленіе, Совѣты показали бы тѣмъ, что достойнымъ образомъ цѣнятъ институтъ защиты и сознаютъ ея высокое общественное значеніе».

Само собой разумѣется, конечно, что если бы Совѣтъ и общее собраніе возложили на присяжныхъ повѣренныхъ обязанность выѣзжать на защиты по назначенію суда, то такое самопожертвованіе заслуживало бы большей похвалы. Но отрицательное рѣшеніе врядъ ли даетъ право дѣлать обратные выводы, какъ потому, что вѣдь и процентный сборъ, о которомъ пишетъ И. Я. Фойницкій, еще не существовалъ въ то время, такъ и прежде всего потому, что, какъ уже выше указано, присяжные повѣренные и безъ того были весьма серьезно обременены обязанностями по защитѣ подсудимыхъ и веденію дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности.

Организаторскія стремленія Совѣта выразились еще въ учрежденіи кассы присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ для выдачи пособій участникамъ и ихъ семействамъ. Въ Москвѣ такая касса была открыта нѣсколькими годами позднѣе, уже въ 1877 г. Кромѣ того, въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены были библіотеки, и, наконецъ, при Окружномъ Судѣ учреждена консультація присяжныхъ повѣренныхъ, какъ первая попытка организованной и доступной юридической помощи населенію.

Съ своей стороны, и помощники прис. повѣренныхъ обнаруживали большое стремленіе къ организаціи. Послѣ учрежденія упомянутой консультаціи составился кружокъ помощниковъ для подачи совѣтовъ по дѣламъ мировой юстиціи, но этотъ кружокъ вскорѣ распался. Въ 1870 г. помощники избрали изъ среды своей комиссію изъ пяти членовъ (Гр. Бардовскаго, Ив. Васильева, Ник. Крылова, В. О. Люстиха и Е. Утина), которая въ началѣ 1871 г. вошла въ Совѣтъ съ выработаннымъ проектомъ организаціи помощниковъ [1]). Проектъ былъ разсмотрѣнъ, измѣненъ Совѣтомъ, который и возбудилъ ходатайство объ изданіи закона, но, какъ извѣстно, ходатайство не имѣло никакого успѣха. Однако, стремленіе по-

---

[1]) Заключеніе Совѣта прис. повѣренныхъ по проекту положенія о помощникахъ пр. пов. Спб. 1902 г.; Сборникъ свѣдѣній, составленный Совѣтомъ, Спб. 1877 г.

мощниковъ къ организаціи на этомъ не остановилось. Возникла мысль объ учрежденіи консультаціи помощниковъ при мировомъ съѣздѣ. Выработка проекта была поручена избранной въ общемъ собраніи помощниковъ комиссіи. «Проектъ былъ представленъ предсѣдателю мирового съѣзда, но не получилъ никакого движенія [1]), главнымъ образомъ потому, что помощниковъ, какъ признаннаго сословія, не существовало; не было и представителя этого сословія». Тогда зародилась, повидимому, не безъ участія Совѣта, мысль о созданіи постояннаго органа помощниковъ. Въ ноябрѣ 1872 г. выработанный особой комиссіей проектъ правилъ объ общихъ собраніяхъ помощниковъ и избираемомъ ими органѣ, за которымъ было оставлено названіе комиссіи помощниковъ, разсматривался и былъ принятъ въ общемъ собраніи помощниковъ, которые тутъ же и избрали въ первый разъ постоянную комиссію. Совѣтъ немедленно призналъ существованіе комиссіи, какъ представителя помощниковъ. Однако, Совѣтъ ревниво противодѣйствовалъ стремленію комиссіи къ расширенію своей компетенціи. Такъ, «въ концѣ 1873 г. комиссія помощниковъ обратилась въ Совѣтъ съ просьбой допускать двухъ изъ ея членовъ къ присутствованію въ Совѣтѣ, съ совѣщательнымъ голосомъ, при разборѣ дѣлъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ помощниковъ. Совѣтъ отклонилъ эту просьбу, какъ потому, что составъ Совѣта опредѣленъ закономъ и что засѣданія его закрыты даже для присяжныхъ повѣренныхъ, къ нему не принадлежащихъ, такъ и потому, что участіе депутатовъ отъ

---

[1]) Это выражено не совсѣмъ точно. Проектъ получилъ движеніе. Совѣтъ горячо поддерживалъ ходатайство помощниковъ, указавъ, что, въ виду всѣхъ принятыхъ мѣръ, «сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ представляетъ нынѣ тѣ гарантіи, при существованіи которыхъ учрежденіе консультаціи изъ среды сихъ лицъ представляется вполнѣ безопаснымъ». Мировой Съѣздъ передалъ проектъ на разсмотрѣніе спеціально избранной изъ среды Съѣзда комиссіи, которая пришла къ заключенію, что «предварительно разрѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ слѣдуетъ испросить разрѣшеніе кассаціонныхъ департаментовъ на то, могутъ ли составлять помощники при повѣренныхъ особую корпорацію, такъ какъ въ судебныхъ уставахъ не имѣется для разрѣшенія этого вопроса никакихъ положительныхъ указаній. Нынѣ,—какъ

помощниковъ въ разсмотрѣніи дѣлъ о помощникахъ вовсе не представляется необходимымъ» («Журн.», 26-го января 1874 г.) [1]).

Такимъ образомъ, ясно, что Совѣтъ развивалъ весьма энергичную дѣятельность, причемъ, какъ уже замѣчено, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы поставить общій вопросъ и дать на него опредѣленный и исчерпывающій отвѣтъ. Что касается юридической дѣятельности адвокатуры, то она сразу была поставлена на большую высоту. Еще римляне утверждали, что oratores non fiunt sed nascuntur. Въ условіяхъ нашей дѣйствительности не было, во всякомъ случаѣ, рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя помогли бы ораторомъ сдѣлаться. Не было ни школы ни практики краснорѣчія. Весь строй нашъ, полицейски-приказный, находился въ непримиримомъ противорѣчіи съ громкимъ человѣческимъ словомъ. «Существуетъ мнѣніе,—писалъ «Суд. Вѣстникъ»,—что у насъ не умѣютъ говорить. Въ этихъ словахъ много правды» [2]). Но какъ только введены были судебные уставы, сразу народились блестящіе ораторы, явившіеся во всеоружіи, какъ Паллада изъ головы Зевса. Безъ всякой школы, безъ организованной подготовки, со всѣхъ сторонъ выступили на судебную арену люди, не только умѣвшіе владѣть словомъ, но и въ большинствѣ талантливые [3]). Достаточно вспомнить имена А. Ѳ. Кони, М. Ф. Громницкаго («Сочетаніе силы слова съ простотою слова, отсутствіе всякихъ ненужныхъ вступленій и какого-либо паѳоса, спокойное въ своей твердости убѣжденіе и самое подробное изученіе и знаніе всѣхъ обстоятельствъ и особенностей разбираемаго преступленія—дѣлали изъ его рѣчи то неотразимое «стальное копье закона», о ко-

---

пишутъ въ «Р. Вѣд.», изъ Петербурга,—онъ разрѣшенъ Сенатомъ въ отрицательномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что въ судебныхъ уставахъ вовсе не упоминается о помощникахъ прис. повѣренныхъ, какъ объ особой корпораціи, а говорится только о правѣ лицъ, окончившихъ высшее юридическе образованіе и занимающихся въ теченіе извѣстнаго срока судебной практикой въ качествѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, поступать въ прис. повѣренные» («Суд. Вѣстникъ», 1873 г. № 43).

[1]) «Заключеніе», с. 13. — Арсеньевъ, с. 63.

[2]) 1866 г., № 3.

[3]) Кони, «За послѣдніе годы», с. 338.

торомъ говоритъ король Лиръ»), Жуковскаго (сухая, чуждая всякихъ фразъ, пропитанная безпощадной ироніей, но всегда очень обдуманная и краткая рѣчь), кн. Урусова (чарующій голосъ, изящная простота рѣчи, искренность тона и сила критическаго анализа, одной своей рѣчью по дѣлу Второвой сразу выдвинувшагося въ первые ряды московской адвокатуры и занявшаго надолго первое мѣсто въ Москвѣ), К. К. Арсеньева (глубокія познанія, изящество пріемовъ и поучительная чистота въ исполненіи своихъ обязанностей, талантливое и быстрое слово котораго лилось какъ рѣка, блистая прозрачностью своихъ струй и неслышно ломая въ своемъ неотвратимомъ теченіи преграды противника), В. Д. Спасовича (рѣзкій угловатый жестъ, неправильныя ударенія надъ непослушными, но вѣскими словами, съ сочностью красокъ и всегда оригинальнымъ, вдумчивымъ освѣщеніемъ предмета) [1]), П. А. Потѣхина, В. Н. Герарда. Всѣ эти имена сразу даютъ представленіе о томъ, какое не только богатство, но и разнообразіе ораторскихъ талантовъ порождено было судебными уставами. Въ частности, относительно адвокатовъ А. Ѳ. Кони вспоминаетъ, что послѣ назначенія его въ Петербургъ ему поручено было выступить «обвинителемъ по дѣлу нѣкоего Флора Францева, обвинявшагося въ приготовленіи на убійство. Обвиненіе было построено на косвенныхъ уликахъ и отчасти на сознаніи самого Францева, отъ котораго онъ на судѣ отказался. Я сказалъ рѣчь, которая на уровнѣ харьковскихъ требованій, предъявляемыхъ въ то время къ оратору, могла бы сама по себѣ, независимо отъ исхода, считаться сильной и, пожалуй, яркой. Но противникомъ моимъ былъ К. К. Арсеньевъ, который тончайшимъ разборомъ уликъ, инымъ ихъ освѣщеніемъ и сочетаніемъ и житейской окраской отношеній между подсудимымъ и его предполагаемой жертвой, а также наглядною оцѣнкой приготовленнаго для убійства ножа—о чемъ мнѣ и въ голову не приходило—разбилъ меня и все обвиненіе въ пухъ и прахъ. Урокъ былъ чувствителенъ и поучителенъ. Оставалось опустить руки и зачислить себя въ рядовые исполнители обвинительныхъ

---

[1]) Заимствуемъ эти краткія характеристики у А. Ѳ. Кони.

функцій или начать переучиваться и постараться воспринять новые для меня пріемы и систему судебнаго состязанія... Я избралъ второе».

Было бы невозможно здѣсь входить въ подробную оцѣнку и пытаться дать характеристику русскаго судебнаго краснорѣчія. Но одну черту именно здѣсь необходимо отмѣтить. «Нашему зарождающемуся краснорѣчію, — говоритъ А. Ѳ. Кони,—могла грозить серьезная опасность заразиться напускнымъ французскимъ паѳосомъ» [1]). Горячо предупреждалъ противъ этой опасности «Судебный Вѣстникъ», посвятившій въ самомъ началѣ своего существованія передовую статью вопросу о судебномъ краснорѣчіи. Оффиціальная газета проводитъ «неизбѣжную параллель» между Англіей и Франціей и такъ характеризуетъ французское краснорѣчіе: «Легкость увлеченія, поверхностность понятій, пристрастіе къ внѣшнимъ эффектамъ, блеску и мишурѣ кладутъ свою неизгладимую печать на всякомъ его дѣйствіи и словѣ. Не мудрено, что, взявшись быть обвинителемъ, французъ обвиняетъ во что бы то ни стало, старается набросить на подсудимаго по возможности черную тѣнь и добивается осужденія подсудимаго хотя бы въ ущербъ истинѣ. Вотъ почему адвокатъ французъ безпрестанно впадаетъ въ паѳосъ и старается казаться защитникомъ угнетенной невинности». Газета твердо надѣется, что «наше судебное краснорѣчіе не будетъ слѣдовать французскимъ образцамъ».

«Немыслимо даже поднимать вопросъ о томъ, какой рѣчи слѣдуетъ намъ придерживаться. Если свойства французской рѣчи объясняются національнымъ характеромъ французовъ, то возможно ли русскому подражать этой рѣчи, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой». Точно такъ же и «Спб. Вѣдомости» писали, что «русская натура не расположена къ фразерству, постояннымъ стремленіемъ къ эффектамъ у насъ легче возбудить смѣхъ, чѣмъ энтузіазмъ [2]).

Всѣ эти пожеланія и утвержденія оказались правильными. При всемъ разнообразіи приведенныхъ выше характеристикъ нашихъ ораторовъ, есть, однако, черта, которая от-

[1]) Кони, «За послѣдніе годы», с. 330.

[2]) 1868 г., № 356.

мѣчается во всѣхъ, одинъ множитель, который можетъ быть вынесенъ за скобки,—это простота рѣчи, отсутствіе въ ней патетичности и всякихъ, такъ называемыхъ, effets d'audience.

Яркимъ образцомъ въ этомъ отношеніи могутъ служить напечатанныя рѣчи В. Д. Спасовича. До чего доходила строгость въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ того, что напр., въ рецензіи на сборникъ рѣчей А. Ѳ. Кони К. К. Арсеньевъ ставилъ ему въ вину употребленіе такихъ заключительныхъ фразъ: «Подсудимый сказалъ, что онъ прошелъ сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Докажите ему, что пройти черезъ вашъ судъ труднѣе». Или: «Подсудимый сказалъ, что любили его за то, что у него были мягкія руки. Докажите ему своимъ приговоромъ, что у него руки были не только мягкія, но и длинныя».

Иная тенденція замѣчалась въ Москвѣ, и самымъ сильнымъ ея выразителемъ былъ Ѳ. Н. Плевако.

«Въ Плевако,—говоритъ В. А. Маклаковъ,—были задатки стать несравненнымъ стилистомъ, рѣчи котораго можно было бы запоминать наизусть, какъ, напр., рѣчи А. Ѳ. Кони. Но онъ оставался къ этому весьма равнодушенъ, никогда не исправлялъ ни рѣчей, ни статей, съ тѣмъ, чтобы отдѣлать, очистить свой стиль. И если этотъ великій талантъ его не былъ зарытъ въ землю, онъ не былъ и пріумноженъ. Но исключительная свобода его рѣчи, во-вторыхъ, имѣла и худшую сторону: она невольно вела къ многословію, къ напыщенности, къ искусственности языка, къ своеобразному кокетству обиліемъ и разнообразіемъ словъ». В. А. Маклаковъ, между прочимъ, вспоминаетъ о рѣчи Плевако въ защиту Бакиханова, обвинявшагося въ убійствѣ прис. пов. Старосельскаго. «Вся его рѣчь, повидимому, сводилась къ одному фейерверку. Онъ кончилъ эффектнымъ обращеніемъ къ покойному Старосельскому: «Товарищъ, спящій во гробѣ», послѣ чего въ залѣ послышались рыданія, заплакалъ одинъ изъ судей» [1]).

Въ своихъ «Замѣткахъ о русской адвокатурѣ» К. К. Арсеньевъ отмѣчаетъ тотъ пріемъ защиты, распространеніе кото-

---

[1]) Ѳ. Н. Плевако, стр. 12, 17.

раго было бы весьма прискорбно. «Въ московскомъ Окружномъ Судѣ слушалось дѣло наканунѣ праздника Благовѣщенія; во время защитительной рѣчи раздался колокольный звонъ кремлевскихъ соборовъ (рядомъ съ которыми, какъ извѣстно, стоитъ зданіе Суда); защитникъ, пользуясь этимъ, напомнилъ присяжнымъ соединенный съ днемъ Благовѣщенія обычай русскаго народа выпускать на волю птицъ изъ клѣтокъ и просилъ ихъ о такой же милости для узника, стоящаго передъ ними.—Само собой разумѣется,—прибавляетъ К. Арсеньевъ,—что всѣ подобныя выходки вдвойнѣ непростительны, когда адвокатъ, дѣйствуя въ качествѣ повѣреннаго частнаго обвинителя или гражданскаго истца, прибѣгаетъ къ нимъ съ цѣлью достигнуть не оправданія, а осужденія подсудимаго».

Въ будничной работѣ, которой должны были отдаться судебныя учрежденія, тотъ уровень, на который сразу поднялось наше судебное краснорѣчіе, опускался, конечно, значительно ниже. На это и указывалъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» П. К. Обнинскій [1]), собравшій цѣлый рядъ примѣровъ отступленій защитниковъ отъ истинныхъ завѣтовъ судебныхъ уставовъ и предрекавшій на этомъ основаніи приближеніе чернаго дня для адвокатуры. Но редакція журнала сопроводила статью г. Обнинскаго примѣчаніемъ, въ которомъ оговаривала, что «автору удалось собрать нѣсколько примѣровъ, впрочемъ, не только ничѣмъ не доказанныхъ, но и безъ указанія даже дѣлъ, изъ которыхъ они извлечены, и если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ собрать весь запасъ подобныхъ анекдотовъ, то составился бы цѣлый веселенькій томъ, но весь въ одномъ и томъ же видѣ. Но несчастна страна, въ которой отъ такихъ случайностей, отъ сборника анекдотовъ могла бы зависѣть судьба новаго учрежденія и, въ особенности, такого, какъ адвокатура». Дѣйствительно, такіе же «анекдоты» въ большомъ количествѣ приводятся и въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони о дѣятельности прокуратуры на первыхъ порахъ. Но здѣсь они и сообщаются, какъ любопытныя отступленія отъ нормы, какъ несоотвѣтствіе тому

---

[1]) 1872 г., №№ 8 и 10; 1873 г., № 5.

уровню, на который поднялись корифеи, и который энергично поддерживался и въ литературѣ.

Гораздо труднѣе выяснить роль и степень участія адвокатуры въ разрѣшеніи и освѣщеніи практическихъ вопросовъ матеріальнаго и процессуальнаго права. Такое выясненіе потребовало бы долгаго и кропотливаго труда. Но можно категорически утверждать, что предстоявшая здѣсь работа требовала исключительнаго напряженія и знаній. Ко времени изданія судебныхъ уставовъ никакой юриспруденціи у насъ не существовало. Правда, для облегченія дѣятельности новыхъ судовъ министръ юстиціи Замятнинъ озаботился составленіемъ сборника рѣшеній Прав. Сената (въ 2 частяхъ и 5 томахъ, въ которые вошли рѣшенія общихъ собраній Правит. Сената съ 1835 по 1864 г.), но, — прибавляетъ историкъ Сената,—преемственную связь между старой и новой практикой можно найти только въ очень ограниченномъ кругѣ вопросовъ [1]). Иначе и быть не могло, потому что дѣятельность старыхъ и новыхъ судебныхъ учрежденій построена была на совершенно противоположныхъ началахъ. Дореформенныя судебныя учрежденія обязывались примѣнять законъ буквально, не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. При неясности закона суды доводили свои сомнѣнія до Сената, а при недостаткѣ закона и Сенатъ долженъ былъ воздерживаться отъ рѣшенія конкретнаго дѣла. Само собой разумѣется, что держаться въ рамкахъ буквальнаго толкованія суды не могли, а какое значеніе имѣло требованіе буквальнаго толкованія, это весьма ярко иллюстрируетъ въ упомянутой исторіи баронъ А. Э. Нольде на одномъ примѣрѣ. Разбирая въ 1822 г. вопросъ о томъ, должно ли считать родовымъ имѣніе, пріобрѣтенное куплею у родственника изъ той же фамиліи, вопросъ, вызвавшій сомнѣніе разныхъ инстанцій, Гос. Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ, находя, что разнообразныя рѣшенія сего дѣла разными мѣстами произошли оттого, что изъ нихъ три судили по словамъ закона, а три по его смыслу, заключаетъ, что, если бы рѣшенія судебныхъ мѣстъ могли быть

[1]) «Исторія Сената», т. IV, стр. 424.

утверждены на смыслѣ закона, то таковое заключеніе сихъ послѣднихъ трехъ мѣстъ было бы неоспоримо, а какъ дѣла судебныя велѣно было рѣшать не по смыслу, но по словамъ закона, то рѣшенія первыхъ трехъ мѣстъ... заслуживаютъ предпочтительнаго утвержденія [1]).

Врядъ ли нужно доказывать, что такая практика не могла служить пособіемъ для новыхъ судовъ, которые должны были основывать свою дѣятельность не на буквѣ, а на разумѣ закона, и, соотвѣтственно съ этимъ, не въ правѣ были ссылаться на недостатокъ, неполноту или противорѣчіе закона. Такимъ образомъ, судебнымъ дѣятелямъ приходилось здѣсь начинать сызнова. А вмѣстѣ съ тѣмъ, введенію новыхъ судовъ сопутствовалъ очень рѣзкій экономическій подъемъ страны, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, развитіемъ желѣзнодорожнаго строительства, появленіемъ акціонерныхъ обществъ и учрежденій кредита. Возникли новыя юридическія отношенія, совершенно не предусмотрѣнныя архаическимъ десятымъ томомъ, и новому суду приходилось сразу выступить въ творческой роли. Естественно, что вся тяжесть этого положенія обрушилась въ первую голову на адвокатуру, которой приходилось ставить и разрабатывать вопросы, нерѣдко натыкаясь на застарѣлыя привычки. Такъ, бар. Нольде отмѣчаетъ, что Прав. Сенату неоднократно приходилось напоминать судебнымъ палатамъ, что онѣ сами должны доискиваться смысла закона и не въ правѣ обращаться къ Сенату съ ходатайствомъ о разрѣшеніи его, что законъ содержитъ общія правила, что для уясненія его смысла есть много способовъ и признаковъ, въ родѣ историческаго происхожденія закона, его цѣли и пр. Разъяснено право суда примѣнять законъ по аналогіи, указана даже возможность обращаться къ началамъ гражданскаго права. Можно поэтому утверждать, что безъ участія адвокатуры, которая преимущественно и возбуждала всѣ такіе вопросы предъ Правит. Сенатомъ, наша судебная практика врядъ ли справилась бы съ сложной задачей. Да и Прав. Сенатъ въ условіяхъ кассаціоннаго производства не могъ бы проявить

---

[1]) Ib., с. 423.

своей правотворческой дѣятельности, если бы адвокатура не подымала тѣхъ или другихъ вопросовъ.

Нужно еще особо отмѣтить дѣла печати и политическія дѣла. Такихъ въ то время было очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ отличались большой сложностью. Выше было уже упомянуто о дѣлахъ по обвиненію А. С. Суворина и по обвиненію Пыпина и Жуковскаго, по которымъ выступалъ К. К. Арсеньевъ, привлекшій общее вниманіе своими рѣчами. Точно такъ же въ сочиненіяхъ В. Д. Спасовича (томъ V) напечатаны относящіяся къ этому періоду рѣчи по дѣлу Гайдебурова (изданіе книги Вундта), Щапова (изданіе перевода Писемъ объ Англіи Луи Блана), Полякова (изданіе Исторіи раціонализма Лекки), дѣло о заговорѣ, т.-е. Нечаевское дѣло, дѣло Долгушина, Дмоховскаго по обвиненію въ напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія. Всѣ эти рѣчи хорошо извѣстны каждому юристу, а рѣчь по Нечаевскому дѣлу въ защиту Кузнецова К. К. Арсеньевъ считаетъ «не превзойденнымъ до сихъ поръ образцомъ русскаго ораторскаго искусства» [1]). Помимо детальнаго изученія всего дѣла, эти рѣчи блещутъ глубиной анализа, яркимъ освѣщеніемъ тѣхъ ученій, которыя содержатся въ инкриминируемыхъ книгахъ, и выясненіемъ соціальныхъ условій, среди которыхъ возникаютъ политическія преступленія. Въ упомянутой рѣчи въ защиту Кузнецова В. Д. Спасовичъ обратилъ вниманіе суда на рѣзкій душевный переворотъ, который совершился въ Кузнецовѣ за самое короткое время. Изъ добраго сына, добраго друга, внимательнаго, сострадательнаго, любящаго—онъ въ какіе-нибудь два съ половиной мѣсяца превратился въ рьянаго пропагандиста и окровавилъ свои руки убійствомъ. Перемѣна эта объясняется вліяніемъ на Кузнецова другого лица, и увлеченіе его поэтому надо считать для Кузнецова смягчающимъ вину обстоятельствомъ. «На этомъ,—говоритъ затѣмъ Спасовичъ,—можно бы и покончить защиту, но тогда она была бы весьма банальна, по-

---

[1]) «Политическій процессъ» («В. Евр.» 1871 г., ноябрь). Въ личной бесѣдѣ со мною, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ написанія упомянутой статьи, К. К. Арсеньевъ категорически подтвердилъ свой отзывъ.

тому что, что же значитъ для судьи увлеченіе, когда не опредѣлены ни мѣра, ни его степень, когда не опредѣлено, какая сила увлекла Кузнецова, легко ли было сопротивляться ей или не легко». Ставъ на такую позицію, В. Д. Спасовичъ рисуетъ, съ одной стороны, личность Нечаева, увлекшаго Кузнецова, съ другой—даетъ картину тѣхъ условій, въ которыхъ жила русская молодежь, и такимъ путемъ выясняетъ, было ли Кузнецову легко сопротивляться.

Такая постановка защиты, естественно, вызывала недовольство. Въ рѣчи своей по дѣлу Пыпина и Жуковскаго, произнесенной во второй инстанціи, К. К. Арсеньеву уже пришлось указать, что «настоящее дѣло разсматривается при условіяхъ, не совсѣмъ нормальныхъ, не вполнѣ спокойныхъ. Я разумѣю толки какъ въ печати, такъ и въ нѣкоторыхъ сферахъ общества, которыми возбуждено сильное негодованіе противъ всѣхъ тѣхъ, кто принималъ какое-нибудь участіе въ настоящемъ дѣлѣ» [1]). Какъ извѣстно, тотчасъ послѣ дѣла Пыпина и Жуковскаго была издана первая новелла къ судебнымъ уставамъ, измѣнившая подсудность по дѣламъ о преступленіяхъ печати, а послѣ Нечаевскаго дѣла, «вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада управлявшаго Министерствомъ Юстиціи товарища министра Эссена о существѣ приговора спб. Судебной Палаты по дѣлу о злоумышленіи Нечаева и его сообщниковъ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Имперіи порядка правленія, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ министру юстиціи представить свои соображенія о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ неудовлетворительныхъ приговоровъ» [2]). Въ результатѣ была издана новелла, измѣнившая подсудность дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ. Если же сопоставить эти факты съ отмѣченнымъ выше отношеніемъ адвокатуры къ дѣламъ этого рода, то врядъ ли можно сомнѣваться, что «неудовлетворительные приговоры» въ значительной мѣрѣ были вызваны вліяніемъ защитительныхъ рѣчей.

---

[1]) «Суд. Вѣстн.», 1866 г., № 55.
[2]) «Истор. очеркъ», стр. 127.

15. Отношеніе общества къ адвокатурѣ.

Такова, въ общемъ, картина дѣятельности, развитой въ первые годы адвокатурой. Какъ бы ни оцѣнивать эту работу самое по себѣ, во всякомъ случаѣ не можетъ быть двухъ мнѣній, что дѣятельность Совѣтовъ, являвшаяся первымъ опытомъ въ нашей общественности, рѣзко выдѣлялась на фонѣ господствовавшихъ тогда принциповъ здороваго эгоизма, о которыхъ говорено было выше. Если даже считать правильнымъ отмѣченное выше указаніе И. Я. Фойницкаго по поводу отказа Совѣта возлагать на присяжныхъ повѣренныхъ защиту на выѣздныхъ сессіяхъ, то во всякомъ случаѣ этотъ единственный упрекъ долженъ лишь подтвердить, что въ общемъ направленіе дѣятельности руководящаго органа—Совѣта было вполнѣ правильнымъ. Тѣмъ не менѣе, роль адвокатуры не только не импонировала, но съ самаго начала она стала вызывать къ себѣ отрицательное отношеніе.

«Адвокатура наша,—писалъ Щедринъ, самый страстный ея обличитель,—по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни, а потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствіе» [1]). Насколько цѣнна въ устахъ Щедрина первая часть утвержденія, настолько же невѣрна вторая его половина. Противъ новыхъ судовъ выступала дѣйствительно только реакціонная пресса, но на адвокатуру нападки сыпались именно и только изъ либеральнаго лагеря. Уже въ 1866 г. «Судебному Вѣстнику», тогда органу Министерства Юстиціи, приходилось отстаивать адвокатуру отъ «Голоса» и «Спб. Вѣдомостей», доказывавшихъ, что Совѣту не принадлежитъ безконтрольное право устранять отъ принятія въ сословіе лицъ по неформальнымъ причинамъ. Къ концу же разсматриваемаго періода «Суд. Вѣстн.» писалъ, что «нѣкоторые органы нашей печати стали въ весьма странныя отношенія къ институту прис. повѣренныхъ. На него нападаютъ въ передовыхъ статьяхъ, надъ нимъ издѣваются фельетони-

---

[1]) Сочиненія, т. VI, стр. 561.

сты, его ругаютъ въ отдѣльныхъ замѣткахъ. Особенно замѣчательно, что въ такія отношенія къ институту прис. повѣренныхъ стали только нѣкоторые, такъ называемые, либеральные органы печати... Что особенно замѣчательно... это не критическій характеръ, а сатирическій тонъ этихъ отношеній» [1]). У самого Щедрина встрѣчаются только ретроспективныя указанія на то, что въ первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ большое значеніе имѣли заботы объ адвокатской репутаціи. «Время было искрометное, возбуждающее. Судебный персоналъ, и присяжные, и адвокаты—всѣ находились подъ вліяніемъ той общечеловѣческой правды, которая предполагалась въ основѣ убѣжденія» [2]). Но эти ретроспективныя указанія служили лишь для того, чтобы оттѣнить глубину послѣдовавшаго затѣмъ паденія,—а пока длилось это искрометное время, адвокатура не встрѣчала рѣшительно никакой поддержки.

Тѣмъ важнѣе, конечно, выяснить, что же собственно вызывало общественное недовольство, и на что были направлены нападки печати. Чтобы уяснить себѣ это, достаточно остановиться на двухъ-трехъ яркихъ примѣрахъ. Къ числу ихъ, прежде всего, относили нашумѣвшее въ свое время дѣло Кронеберга, слушавшееся въ спб. Окружномъ Судѣ [3]). Защитникомъ Кронеберга выступилъ В. Д. Спасовичъ, который и вызвалъ страстныя нападки со всѣхъ сторонъ, а въ томъ числѣ и такихъ корифеевъ, какъ Щедринъ и Достоевскій. Самая сущность дѣла такъ изложена у Щедрина: «Г. Кронебергъ сѣкъ свою дочь и давалъ ей пощечины. О существованіи этой дочери онъ узналъ уже спустя значительное время послѣ ея рожденія, и потому первоначальное ея воспитаніе было болѣе чѣмъ небрежное. Немедленно по появленіи на свѣтъ она была отдана своею матерью въ одно крестьянское

[1]) «С. В.», 1875 г., № 226.

[2]) Сочиненія, т. V, с. 248.

[3]) Дѣло слушалось собственно въ 1876 г., т.-е. нѣсколько позже разсматриваемаго въ этой главѣ періода. Но оно является весьма характернымъ, такъ какъ, благодаря участію въ возникшей полемикѣ самыхъ выдающихся писателей того времени, резюмированы были и кристаллизованы всѣ притязанія къ адвокатурѣ.

семейство въ Швейцаріи, гдѣ и нашелъ ее г. Кронебергъ. Затѣмъ онъ отдалъ ее въ семью пастора въ Женевѣ, но и тутъ удовлетворительныхъ результатовъ не получилъ. Оставалось поселить ребенка вмѣстѣ съ собою и лично заняться его воспитаніемъ, что г. Кронебергъ и исполнилъ. Но, задавшись мыслью сдѣлать изъ своей дочери «женщину не блестящую, но полезную», молодой отецъ съ огорченіемъ замѣтилъ, что въ ребенкѣ уже укоренились нѣкоторыя дурныя привычки, при существованіи которыхъ женщина хотя и можетъ быть блестящей (въ благонамѣренномъ мірѣ кокотокъ), но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права на названіе полезной. Надлежало воздѣйствовать на эти привычки, устроить такъ, чтобы ребенокъ забылъ о нихъ. Намѣреніе отличное, но, къ сожалѣнію, г. Кронебергъ—педагогъ-самоучка, и притомъ человѣкъ раздражительный, пылкій и самонадѣянный. Онъ сказалъ себѣ: не нужно мнѣ никакихъ совѣтовъ, ничьей помощи. Я сдѣлаю все самъ. Но такъ какъ человѣкъ, не приготовленный къ извѣстнаго рода дѣятельности, можетъ только производить путаницу, то весьма естественно, что самонадѣянный педагогъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ сознаться въ своей несостоятельности и, за недостаткомъ времени для изученія новѣйшихъ педагогическихъ системъ, прибѣгнуть къ тѣмъ воспитательнымъ пріемамъ, которые въ ходу въ той средѣ, гдѣ онъ живетъ. А въ средѣ этой педагогика одна: плюхи, ежели дѣло не терпитъ отлагательства, и розги, ежели можно вести дѣло искорененія пороковъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. И дѣйствительно, розги, пополняемыя плюхами, поступили на сцену».

По доносу прислуги было возбуждено обвиненіе противъ Кронеберга въ истязаніи. Онъ былъ преданъ суду, но присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. Рѣчь В. Д. Спасовича направлена была на доказательство того, что въ данномъ случаѣ не было истязанія въ смыслѣ уголовно наказуемаго дѣянія, а была лишь ненормальная система воспитанія физическимъ воздѣйствіемъ. Онъ лично, Спасовичъ, отнюдь не является ея сторонникомъ, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ система эта еще весьма распространена, и «я такъ же мало ожидаю совершеннаго и

безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, какъ мало ожидаю, чтобы вы перестали въ судѣ дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеніемъ той правды, которая должна существовать, какъ въ семьѣ, такъ и въ государствѣ». Такая постановка защиты и возмутила Достоевскаго и Щедрина. Фраза за фразой, они подвергаютъ детальному анализу всю рѣчь В. Д. Спасовича и горячо негодуютъ на то, что онъ старался умалить значеніе насилія, совершеннаго надъ ребенкомъ, и доказать, что истязанія въ уголовномъ смыслѣ не было.

Въ такомъ отношеніи къ дѣлу ничего удивительнаго нѣтъ. Его предвидѣлъ, собственно говоря, и самъ В. Д. Спасовичъ, начавшій свою рѣчь съ указанія, что онъ боится отвлеченной идеи, призрака. «Самое слово—истязаніе ребенка, во-первыхъ, возбуждаетъ чувство большого состраданія къ ребенку, а, во-вторыхъ, чувство такого же сильнаго негодованія къ тому, кто былъ его мучителемъ». Это негодованіе засимъ перенесено было, по обыкновенію, и на защитника мучителя, и ничего характернаго, слѣдовательно, здѣсь не было бы. Но и Щедринъ и Достоевскій переносятъ вопросъ на принципіальную почву и, въ концѣ-концовъ, ставятъ вопросъ ребромъ. И Достоевскій и Щедринъ констатируютъ, что какъ адвокатъ Спасовичъ выполнилъ добросовѣстно свои обязанности, при чемъ Достоевскій еще отмѣчаетъ, что «Спасовичъ былъ назначенъ къ защитѣ судомъ и, стало быть, защищалъ, такъ сказать, вслѣдствіе нѣкотораго понужденія». Кромѣ того, весьма ярко отмѣчается «фальшь» въ постановкѣ обвиненія. «Дѣло было поставлено обвинителемъ такъ, что, въ случаѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ, отецъ могъ быть сосланъ въ Сибирь. Въ обвиненіи по истязанію Кронебергъ могъ подпасть подъ одну изъ самыхъ строгихъ и неприложимыхъ, во всякомъ случаѣ, къ размѣрамъ его преступленія статей закона». «Можетъ быть, необходимъ глубокій и самостоятельный пересмотръ законовъ нашихъ въ этомъ пунктѣ, чтобы восполнить пробѣлы и стать въ мѣру съ характеромъ нашего общества». Отсюда, казалось бы, неизбѣжно прійти къ выводу, что защита была необходима, и радоваться результатамъ, ею достигнутымъ.

Но Щедринъ находитъ, что «всего естественнѣе было бы обратиться къ г. Спасовичу съ вопросомъ: если вы не одобряете ни пощечинъ, ни розогъ, то зачѣмъ же ввязываетесь въ такое дѣло, которое сплошь состоитъ изъ пощечинъ и розогъ?» Въ этомъ усматривается противорѣчіе, которое свидѣтельствуетъ о «нравственномъ и умственномъ двоегласіи и даетъ основаніе для вывода, что адвокатура прибѣгаетъ къ компромиссамъ и сдѣлкамъ. Заявивъ сначала о своей солидарности съ вопросами жизни, она теперь выдвинула на первый планъ ремесленное значеніе своей профессіи и не желаетъ служить «опекунскимъ замашкамъ», которыя проявляла въ отношеніи нея литература, какъ старшая сестра въ либерализмѣ». «Коль скоро адвокатура выказала намѣреніе отмежеваться отъ области общихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, надо воспользоваться этими ея поползновеніями, не навязывать ей общеніе и отвести то мѣсто, которое она должна дѣйствительно занимать въ кругу разнообразныхъ ремеслъ». Соотвѣтственно этому, хотя, какъ отмѣчаетъ Достоевскій, защита Кронеберга была по назначенію, статья Щедрина носитъ такой эпиграфъ:«—1-й золотарь:«Давеча мнѣ дядя Николай говоритъ: не понимаю я, дядя Павелъ, какъ вы, золотари, это дѣлаете—и должность свою справляете и хлѣбъ ѣдите». А я ему: «Не твоего разума эта задача, дядя Николай. За то мы въ день цѣлковый получаемъ, а тебѣ и вся цѣна грошъ». — 2-ой золотарь: «Ну, а онъ что на это?» — 1-ый золотарь: «Ничего. Отчаянные, говоритъ. Инъ и вправду объ васъ забыть нужно». (Изъ неизданной книги «Житейскіе разговоры въ отходной ямѣ»)».

Таковъ суровый и безапелляціонный приговоръ, который талантливый сатирикъ выноситъ адвокатурѣ. А между тѣмъ логическій выводъ изъ всего сказаннаго Щедринымъ тотъ, что адвокатура, какъ профессія, ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого ремесла, и что лишь постольку, поскольку она отвлекается отъ своихъ прямыхъ задачъ и интересуется вопросами жизни, она представляетъ общественное значеніе. Трудно сказать, что подразумѣвалъ сатирикъ подъ «солидарностью съ вопросами жизни», которую проявила адвокатура на первыхъ порахъ. Фактъ тотъ, что за

эти годы отношеніе къ адвокатурѣ не измѣнилось. Въ частности—по поводу укора Спасовичу, что ему не слѣдовало ввязываться въ такое дѣло, весьма любопытно отмѣтить, что приблизительно въ то же время, на обѣдѣ 1873 г., В. Д. Спасовичъ въ своей застольной рѣчи говорилъ, что ему не страшно враждебное отношеніе правительства къ адвокатурѣ. Но «мы погибнемъ, когда въ нашу среду проникнетъ духъ филистерства, циническое отношеніе къ дѣлу; когда утвердится понятіе, что всѣ дѣла по содержанію для насъ безразличны; что обязанности повѣреннаго исполнены, когда онъ отправилъ добросовѣстно дѣло, хотя бы безсовѣстное; когда искусство превратится въ ремесло, а мы сдѣлаемся наймитами, подряжающимися говорить, діалектиками и софистами или брехунцами, какъ называетъ своихъ адвокатовъ малороссъ. Все наше дѣло получитъ тогда промысловой характеръ» [1]).

Такимъ образомъ, Щедринъ какъ будто стучится въ открытую дверь, повторяя лишь то, что до него говорилъ самъ Спасовичъ. И если, тѣмъ не менѣе, онъ выступилъ съ такой рѣзкостью именно противъ Спасовича, то, очевидно, это нужно объяснить различнымъ пониманіемъ сущности адвокатскихъ обязанностей и задачъ. Особенно ярко это своеобразное пониманіе сказалось у Достоевскаго. Съ разными оговорками («заранѣе краснѣю за наивность моихъ вопросовъ и предположеній») авторъ ставитъ вообще вопросъ о томъ, «какое полезное и пріятное учрежденіе адвокатура». И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ весьма печально: «Вотъ человѣкъ совершилъ преступленіе, а законовъ не знаетъ; онъ готовъ сознаться, но является адвокатъ и доказываетъ ему, что онъ не только правъ, но и святъ... Препріятная вещь. Положимъ, тутъ могутъ поспорить и возразить, что это отчасти безнравственно. Но вотъ передъ вами невинный... улики, однако, такія..., что совсѣмъ бы, кажется погибъ человѣкъ за чужую вину... Но является адвокатъ... сбиваетъ съ толку прокурора, и вотъ невинный оправданъ. Нѣтъ, это полезно. Что бы сталъ дѣлать у насъ невинный безъ адвоката?».

---

[1]) «Застольныя рѣчи», с. 7.

Пока, такимъ образомъ, Достоевскій какъ будто еще колеблется. Но въ дальнѣйшемъ онъ становится болѣе опредѣленнымъ и приходитъ къ выводу, что адвокатъ не можетъ дѣйствовать добросовѣстно. «У насъ является мысль, что онъ завѣдомо защищаетъ и оправдываетъ виновнаго, мало того, что иначе и сдѣлать не можетъ, если бы и хотѣлъ... Мнѣ кажется, что избѣжать фальши и сохранить честность и совѣсть адвокату такъ же трудно, вообще говоря, какъ и всякому человѣку достигнуть райскаго состоянія». «Какъ хотите, а тутъ, во всемъ этомъ установленіи, сверхъ всего безспорно прекраснаго, заключается какъ бы нѣчто грустное. Право, мерещатся подковырники Клещи, слышится народное слово адвокатъ-нанятая совѣсть, но, главное, кромѣ всего этого, мерещится нелѣпѣйшій парадоксъ, что адвокатъ никогда не можетъ дѣйствовать по совѣсти, не можетъ не играть своей совѣстью, если бы даже и хотѣлъ не играть, что это уже такой обреченный на безсовѣстность человѣкъ, и что, наконецъ, самое главное и серьезное во всемъ этомъ то, что такое грустное положеніе дѣла какъ бы даже узаконено кѣмъ-то и чѣмъ-то, такъ что считается уже вовсе не уклоненіемъ, а, напротивъ, даже самымъ нормальнымъ порядкомъ».

Изъ всѣхъ этихъ сужденій непосредственно и неизбѣжно вытекаетъ тотъ выводъ, что въ интересахъ государственныхъ адвокатура должна быть уничтожена. Но Достоевскій не рѣшается такой выводъ сдѣлать и, предусмотрительно оговорившись, что его слова представляютъ нелѣпѣйшій парадоксъ, самъ ставитъ вопросъ: «Что же, неужто я посягаю на адвокатуру, на новый судъ? Сохрани меня, Боже, я всего только хотѣлъ бы, чтобы всѣ мы стали немного получше». Итакъ, съ одной стороны—признаніе честно исполненнаго адвокатскаго долга и жесточайшее презрѣніе за это, съ другой—признаніе института адвокатуры вреднымъ установленіемъ и рѣшительное нежеланіе посягнуть на его существованіе—эта неопредѣленность сужденій, эти внутреннія противорѣчія заставляютъ думать, что въ основѣ такъ легко прорывавшагося враждебнаго отношенія къ адвокатурѣ лежало укоренившееся вѣками предубѣжденіе, которое, какъ

мы видѣли выше, такъ сильно давало себя чувствовать при введеніи судебной реформы. Поэтому достаточно было любого факта, который представляется не вполнѣ понятнымъ, не соотвѣтствуетъ какимъ-то смутнымъ представленіямъ о задачахъ адвокатуры, чтобы на старыхъ дрожжахъ высоко поднялось это закоренѣлое предубѣжденіе, и чтобы оно a priori въ этихъ фактахъ искало новаго для себя подтвержденія.

Еще болѣе ярко такое именно отношеніе проявилось на дѣлѣ по обвиненію бр. Мясниковыхъ въ подлогѣ духовнаго завѣщанія Бѣляева. Здѣсь не было даже и того общественнаго интереса, какой въ дѣлѣ Кронеберга вызывало истязаніе ребенка. Мясниковы обвинялись въ подлогѣ духовнаго завѣщанія Бѣляева; этимъ завѣщаніемъ имущество оставлялось женѣ покойнаго. Гражданскими истцами по дѣлу выступили люди, совершенно чуждые Бѣляеву, не имѣвшіе съ нимъ при жизни его никакихъ сношеній. Защитникомъ одного изъ братьевъ Мясниковыхъ выступилъ К. К. Арсеньевъ. Дѣло слушалось два раза: первый разъ въ Петербургѣ, гдѣ обвинителемъ выступалъ А. Ѳ. Кони, второй разъ, послѣ кассаціи перваго оправдательнаго приговора, въ Москвѣ, но и здѣсь присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. «Приговоръ петербургскихъ присяжныхъ, — пишетъ А. Ѳ. Кони,—вызвалъ въ Петербургѣ ропотъ и шумные толки, искусно подогрѣваемые и питаемые матеріальнымъ разочарованіемъ «аргонавтовъ» [1]). На судъ посыпались самыя

---

[1]) „Когда произнесенъ былъ оправдательный приговоръ, публика, какъ извѣстно, зашикала; въ городѣ многіе недовольны рѣшеніемъ присяжныхъ и комментируютъ его такими мотивами, которые не имѣютъ ничего общаго съ задачами правосудія: разсказываютъ многое множество такихъ вещей, которыя повторять и безполезно и противно“ (Незнакомецъ въ „Спб. Вѣд.“ 26/II 1872 г.). Наиболѣе страстно нападалъ „Голосъ“, который послѣ второго оправдательнаго вердикта спохватился и писалъ уже въ обратномъ смыслѣ: „Наше общественное мнѣніе давно уже возбуждалось по этому процессу различными толками и слухами, напоминающими въ этомъ отношеніи знаменитый тичборнскій процессъ, во время котораго особая компанія на акціяхъ употребляла всѣ усилія, чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ эксплоатируемому ею истцу. При первомъ разбирательствѣ дѣла Мясниковыхъ общественное мнѣніе до того поддалось постороннимъ вліяніямъ, что

грубыя нареканія и инсинуаціи. Окончаніе моей рѣчи вызвало въ печати ядовитыя выходки. Мнѣ не хотѣли простить того, что я не представилъ изъ себя французскаго обвинителя, видящаго въ оправдательномъ приговорѣ личную для себя обиду. Не только мелкая пресса, но и нѣкоторые болѣе солидные органы, — выражавшіе четыре года спустя свое крайнее сожалѣніе по поводу оставленія мною прокуратуры,—нападали на меня за слабость обвиненія, а одинъ, имѣвшій крупную извѣстность въ беллетристикѣ, искусный улавливатель общественныхъ настроеній, даже назвалъ въ своемъ фельетонѣ мое обвиненіе защитительной рѣчью».

«Не избѣжала нападеній по этому дѣлу и адвокатура. Противъ К. К. Арсеньева было воздвигнуто цѣлое словесное и печатное гоненіе за то, какъ смѣлъ онъ выступить защитникомъ одного изъ Мясниковыхъ. Были забыты его научныя и литературныя заслуги, благородство его судебныхъ пріемовъ и то этическое направленіе въ адвокатурѣ, котораго онъ, вмѣстѣ съ Д. В. Стасовымъ, былъ виднымъ представителемъ. Люди, знакомые съ дѣломъ лишь по случайнымъ фельетонамъ, сенсаціоннымъ замѣткамъ и заугольному шушуканью «аргонавтовъ», не хотѣли допустить мысли, что онъ могъ быть убѣжденъ въ невиновности обратившагося къ нему подсудимаго, и съ пѣной у рта вопили о полученномъ имъ за свой тяжелый и продолжительный трудъ вполнѣ законномъ вознагражденіи. Быть можетъ, въ этихъ за-

оправдательный вердиктъ присяжныхъ вызвалъ и въ обществѣ и въ печати недовѣріе къ выразителямъ общественной совѣсти, т.-е. къ присяжнымъ. Въ газетахъ были даже напечатаны имена двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей произнесшихъ тогда оправдательное „нѣтъ, не виновенъ". Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полугода, и общество очевидно сознало свою ошибку: какъ рѣчь защиты, такъ и вердиктъ присяжныхъ были встрѣчены въ Москвѣ выраженіемъ полнаго удовольствія, настолько громкимъ, что оно вызвало замѣчаніе предсѣдателя. Въ этомъ нельзя не видѣть добраго знака для нашего общественнаго развитія: неуваженіе общества къ приговору присяжныхъ есть прежде всего неуваженіе къ самому себѣ; желаніе же общества подчинить присяжныхъ постороннему вліянію, его требованіе отъ присяжныхъ извѣстнаго рѣшенія — явленіе въ высшей степени прискорбное;—это вліяніе, это требованіе могутъ, вѣдь, исходить и не изъ общества, но изъ другихъ, совершенно чуждыхъ общественному мнѣнію источниковъ".

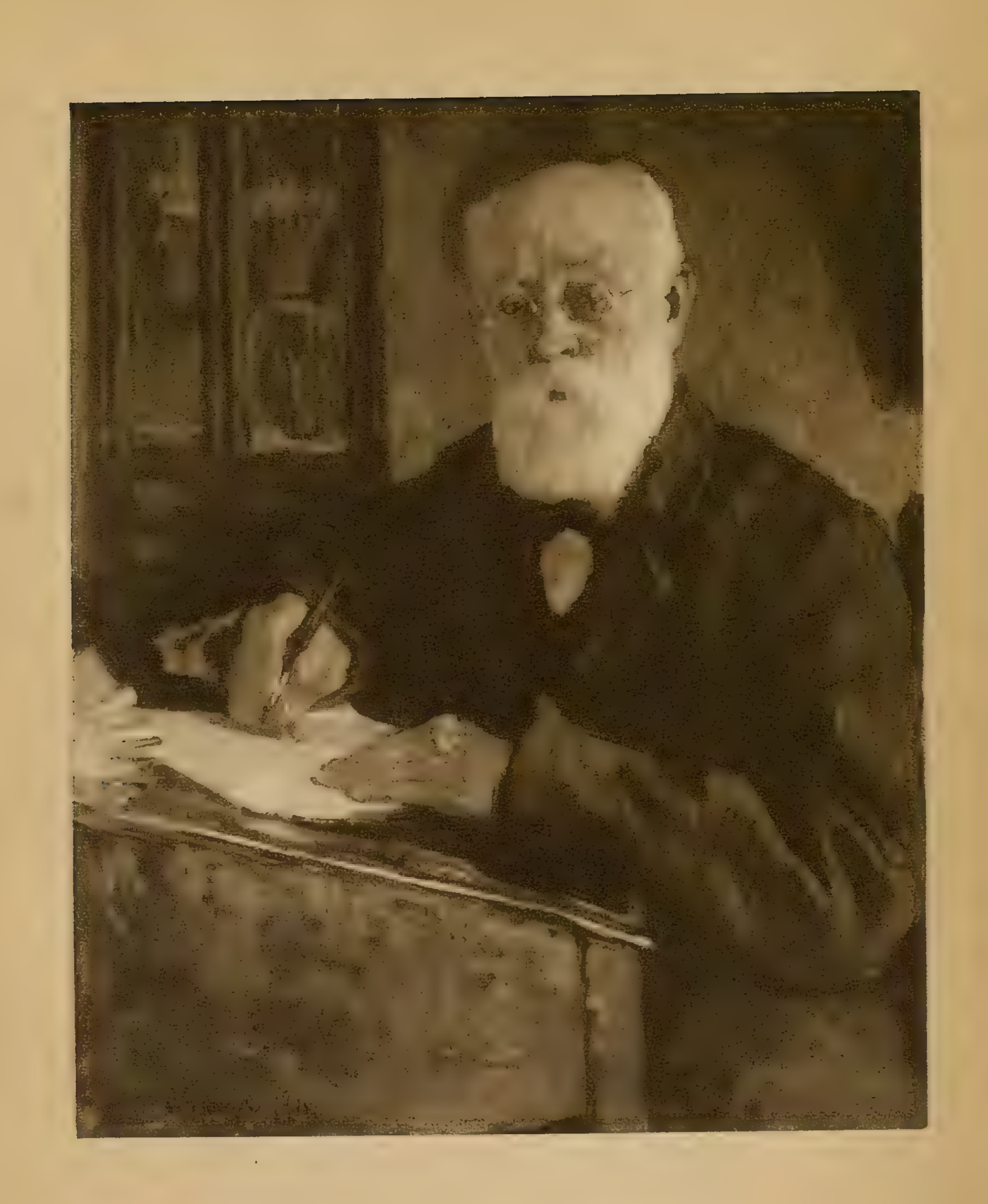
вистливыхъ нападкахъ лежала одна изъ причинъ того, что вскорѣ русская адвокатура утратила въ своихъ рядахъ такого безупречнаго и чистаго, какъ кристаллъ, дѣятеля» [1]).

Самъ К. К. Арсеньевъ отрицаетъ связь между этими нападками и оставленіемъ адвокатуры, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что такое страстное отношеніе не могло не вносить смуты и тревоги въ дѣятельность молодого сословія. А между тѣмъ, какъ замѣчаетъ А. Ѳ. Кони, «и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я не могу безъ грусти вспомнить о томъ ослѣпленіи, въ которое вводилось по рядовому въ сущности дѣлу общественное мнѣніе». Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если бы даже допустить, что подлогъ былъ совершенъ Мясниковыми, то врядъ ли при указанныхъ условіяхъ, когда вопросъ шелъ о томъ, будетъ ли принадлежать имущество женѣ, съ которой покойный былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, или совершенно чуждымъ ему людямъ,—врядъ ли это преступленіе могло волновать общественную совѣсть. Съ другой стороны—не могло же общественное мнѣніе противопоставлять свое представленіе о виновности Мясниковыхъ противоположному убѣжденію защитника, четырнадцать лѣтъ знакомаго съ Мясниковыми и Бѣляевымъ. Еще сильнѣе долженъ былъ поколебать общественное мнѣніе вердиктъ присяжныхъ. Но оно, напротивъ, не остановилось и передъ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ адвокатурой дискредитировать и судъ присяжныхъ. Точно такъ же то обстоятельство, что К. К. Арсеньевъ пользовался уже тогда исключительной репутаціей, о которой говорилъ А. Ѳ. Кони, только обостряло страстность нападенія, а отнюдь не заставляло поколебаться или усумниться въ справедливости и цѣлесообразности нападокъ. Если къ этому прибавить отмѣченную выше, по отношенію къ «Голосу», легкость перехода съ одной позиціи на противоположную, то картина получается достаточно яркая.

Поэтому приведенными двумя конкретными примѣрами можно ограничиться, тѣмъ болѣе, что Мясниковское дѣло стало нарицательнымъ, крылатымъ выраженіемъ для обо-

---

[1]) «На жизненномъ пути», с. 147, 148.

значенія сложившагося мнѣнія объ адвокатурѣ. И Достоевскій [1]), и Щедринъ не разъ возвращались къ адвокатурѣ, и всегда въ одномъ и томъ же тонѣ, причемъ замѣчательно, что Щедринъ имѣлъ близкихъ пріятелей среди присяжныхъ повѣренныхъ (А. М. Унковскій и В. П. Гаевскій).

Въ концѣ-концовъ, систематическія нападки, въ которыхъ принимали участіе самые выдающіеся писатели, привели къ тому, что нужно было подвести итоги, сдѣлать тѣ выводы, предъ которыми, какъ мы видѣли выше, отступилъ Достоевскій. Выводы эти сдѣлалъ Евг. Марковъ [2]) въ чрезвычайно нашумѣвшей въ свое время и до сихъ поръ памятной статьѣ «Софисты XIX вѣка», напечатанной опять-таки въ либеральномъ «Голосѣ». «Г. Марковъ,—писалъ «Судебный Вѣстникъ»,—пользуется значительною извѣстностью въ нашей литературѣ и обществѣ, какъ талантливый писа-

---

[1]) Отрицательное отношеніе Достоевскаго къ адвокатурѣ, несомнѣнно, объясняется причинами болѣе глубокими, независимыми отъ того или другого состоянія русской адвокатуры. Какъ справедливо замѣчаетъ Ю. И. Айхенвальдъ въ статьѣ о Достоевскомъ (Силуэты, выпускъ II, стр. 92): «Его характерная ненависть къ адвокатамъ—фактъ, почерпнутый изъ его глубокой публицистики, которую онъ всегда претворялъ въ психологію, и которая поэтому является у него sub specie aeternitatis. Эта ненависть объясняется не только тѣмъ, что у нихъ «нанятая совѣсть», но и тѣмъ, главное, что они мелки, что они поверхностные защитники человѣческой души и снимаютъ съ нея преступленія, какъ шапку. Въ своей профессіональности они механизируютъ человѣка и никогда не видятъ, въ чемъ истинная преступность и правота. Можно себѣ представить, какую личную вражду долженъ былъ питать судорожный Достоевскій, терзающійся проблемой преступленія и наказанія, къ законченной, аккуратной, нарядной фигурѣ защитники по профессіи... Невыносима для Достоевскаго та поспѣшность и легкомысленность, съ которой оправдываютъ отъ вѣка виноватую человѣческую душу. И безспорно, что на своей мистической высотѣ онъ съ проклятіемъ отвергъ бы знаменитый гуманный афоризмъ Екатерины и не задумываясь предпочелъ бы десять невинныхъ осудить, чѣмъ одного виновнаго оправдать. До такой степени былъ онъ проникнутъ сознаніемъ человѣческой вины. Въ то же время онъ, конечно, не принималъ и суда, который тоже не идетъ за предѣлы факта, и для его установленія роется въ чужой душѣ... Судъ безстыденъ, и слѣдователь въ своемъ выпытываніи истины, мнимой истины, грубо вторгается въ самые помыслы своей жертвы».

[2]) Отецъ депутата 3-й и 4-й Гос. Думы Н. Е. Маркова II.

тель и честный общественный дѣятель. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ мракобѣсовъ, съ г. Катковымъ во главѣ, которымъ судебная реформа столь же ненавистна, какъ чорту ладанъ. Помѣщена статья Маркова въ газетѣ, всегда съ полнымъ сочувствіемъ относящейся къ судебной реформѣ и редактируемой такимъ опытнымъ издателемъ, какъ Краевскій, умѣющимъ чутко прислушиваться къ общественному мнѣнію».

Фельетонъ Е. Маркова появился почти одновременно съ книгой К. К. Арсеньева, въ которой, какъ мы уже видѣли, тщательно собранъ весь матеріалъ, накопленный дѣятельностью петербургскаго Совѣта за 8 лѣтъ. Но г. Марковъ съ этимъ матеріаломъ не считался и противопоставлялъ, напротивъ, свои весьма рѣшительные выводы тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ книгѣ К. К. Арсеньева. Точка зрѣнія Е. Маркова сразу опредѣляется эпиграфомъ, избраннымъ авторомъ для своего фельетона: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры. Внѣшность чаши очищаете, а внутренность ваша исполнена хищенія и лукавства»... Этотъ тяжкій упрекъ вполнѣ примѣнимъ, по мнѣнію автора, къ нашей адвокатурѣ, которая рисуется ему въ такомъ видѣ:

«Войдемте въ залу Окружнаго Суда. Толпа народа въ пріемной. Полинялыя женщины съ слезливымъ видомъ, съ свертками въ рукахъ, безпомощно жмутся по стѣнамъ. Нечесаные сермяжники мужики цѣлою толпою сидятъ на ступенькахъ лѣстницы, зѣвая и тяжко охая. Кого ни увидишь, у всѣхъ носы опущены, въ лицѣ безпокойство. Къ судебному приставу, къ писцу канцеляріи, къ сторожу всякій подходитъ съ какимъ-то зависимымъ и заискивающимъ видомъ.

Но вотъ появляются фигуры иного рода: фраки модной вырѣзки, бѣлье безукоризненной чистоты, самоувѣренный взглядъ; подъ мышкою изящный портфель, на носу золотой pincenez. Это адвокаты. Толпа окружаетъ ихъ. Они говорятъ съ довѣрителями сквозь зубы, нѣсколько презрительно, но совершенно безпечно. Сдѣлаютъ все, что могутъ, но за исходъ не ручаются. Во всякомъ случаѣ, деньги они долж-

ны получить тотчасъ по окончаніи судоговоренія [1]). Черные модные фраки—хозяева въ судѣ. Судьи—товарищи и друзья; въ канцеляріи—все къ ихъ услугамъ. Они расхаживаютъ по заламъ, болтая другъ съ другомъ о послѣднемъ ужинѣ и окидывая наглымъ взоромъ сквозь свои пенснэ печально скитающуюся публику: что имъ до нея? Нельзя же, сидя у погоста, голосить о всякомъ покойникѣ. Они всю ночь пили шампанское съ веселыми барынями: почему же имъ не быть веселыми. Они теперь отдыхаютъ, какъ актеры передъ длиннымъ представленіемъ. Развѣ имъ долго вытащить свои маски и продекламировать свою роль. Каковъ бы ни былъ конецъ судебной драмы, онъ, во всякомъ случаѣ, не будетъ для нихъ трагиченъ. Конечно, пріятнѣе насыпать въ карманъ больше, чѣмъ меньше; но и меньше — тоже хорошо. А послѣ суда ждетъ новый обѣдъ съ шампанскимъ. Вѣдь, обоимъ проиграть нельзя: кто же нибудь да выиграетъ. Стало быть, шампанское, во всякомъ случаѣ, не уйдетъ. Они враги только на сценѣ, гдѣ между ними долженъ происходить словесный турниръ. Но за бокаломъ они опять друзья. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, взаправду ссориться другъ съ другомъ всю жизнь. Изъ-за чего? Сегодня я, завтра онъ. Онъ у этого, а я у другого, и все-таки мы оба съ деньгами, и поэтому оба должны пить.

Войдемте теперь въ квартиру адвоката.

Что, попались! Вы думаете, это попрежнему: «Возьмите, голубчикъ, пятеричокъ; устройте мнѣ всю эту штуку». Какъ бы не такъ. Вы видите, какая мебель, бронзы, ковры, картины. Это все для васъ, и вы должны заплатить за это. Перешагните въ кабинетъ. Не правда ли, настоящій кабинетъ министра. Можно ли дешево заплатить человѣку, которому необходимъ министерскій кабинетъ. Но, вѣдь, этого мало. Человѣку нельзя ограничиться одною монтировкой дома. У

---

[1]) Такъ, въ числѣ нареканій на защитниковъ по упомянутому дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія Бѣляева указывалось на то, что защитники получили свой гонораръ тутъ же, въ залѣ засѣданія, послѣ провозглашенія вердикта присяжныхъ засѣдателей,—что, по словамъ К. К. Арсеньева, составляетъ выдумку.

адвоката должна быть молодая, красивая жена, которая не можетъ ѣздить иначе, какъ въ очень новой и очень щегольской каретѣ, на очень красивыхъ и очень дорогихъ лошадяхъ. При каретѣ нуженъ лакей, нужна кунья шуба, и, имѣя карету, нельзя же сидѣть дома: необходимо ѣздить на балы и вечера, а кто ѣздитъ къ другимъ, тотъ и самъ долженъ давать иногда вечера. Самому адвокату тоже нуженъ экипажъ и лошади. Занимаясь цѣлый день дѣлами, простительно посвятить ночку-другую картамъ или вину: вы знаете, что это за пропасть—карты.

Хотите имѣть меня адвокатомъ, такъ заплатите мнѣ за все это: за карету жены, за мое шампанское...

— У меня, г. адвокатъ, такое-то и такое-то дѣло...

— Гм... А во сколько цѣните вы этотъ искъ?

— Да искъ небольшой, рублей 800. Я человѣкъ бѣдный, мнѣ и 800 рублей дороги.

Адвокатъ хмурится и въ раздумьи играетъ лорнеткою, отвалясь въ свое кресло.

— Какъ же вы скажете,—смиренно спрашиваетъ «проситель», заглядывая съ безпокойствомъ въ суровыя очи законника.

— Знаете, что? Я вамъ совѣтую бросить этотъ искъ... — рѣшительно объявляетъ адвокатъ. — Игра свѣчей не стоитъ.

— Какъ не стоитъ, помилуйте... За что же своему добру понапрасну пропадать?

— Видите ли, эти маленькія дѣлишки стоютъ намъ столько же хлопотъ, какъ и порядочныя дѣла, а цѣли никакой... Я не могу взять меньше 500 рублей... Такъ есть ли вамъ расчетъ?

— Помилуйте, г. адвокатъ, вѣдь, это 60%!

— Можете обратиться къ другому повѣренному; я слишкомъ занятъ,—холодно выпроваживаетъ «просителя» неумолимый законникъ.

Таковы адвокаты дома. Правы вы или виноваты, этого вопроса они вамъ не предлагаютъ. Имъ достаточно знать, стоитъ ли браться за дѣло, или не стоитъ: много ли перепадаетъ въ карманъ, или мало.

Но, можетъ быть, мы оплачиваемъ роскошь ихъ обстановки и устраиваемъ имъ безпечальный бытъ цѣною своего собственнаго благосостоянія по крайней необходимости. Можетъ быть, безъ нихъ мы лишились бы и послѣдняго, и только помощью необыкновенной опытности, усилій и ловкости адвоката спасли свою честь или свое имущество. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, заплатить человѣку, который всю юность посвящаетъ изученію для васъ своей спеціальности, а потомъ проводитъ дни и ночи въ работѣ надъ вашимъ дѣломъ, бросая свои собственныя дѣла. Это было бы утѣшительно, если бы было справедливо. Но, къ сожалѣнію, горькій опытъ показалъ совсѣмъ не то. Если вы поручили дѣло адвокату, это отнюдь не значитъ, что вы гарантированы отъ всякой заботы объ этомъ дѣлѣ, что адвокатъ будетъ зорко слѣдить за всѣми его фазами и заранѣе приготовилъ для васъ надежныя средства обороны. Нѣтъ; къ сожалѣнію, сплошь да рядомъ вы видите, что ваши адвокаты пропускаютъ сроки апелляцій, узнаютъ послѣ васъ о направленіи дѣла, а иногда и совершенно не справляются о немъ. Если ихъ барышъ отъ дѣла не настолько великъ, чтобъ у нихъ ушки стали на макушкѣ, будьте увѣрены, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они знакомятся съ дѣломъ только при подачѣ просьбъ да наканунѣ судоговоренія, самымъ поверхностнымъ и безучастнымъ образомъ. Хотите дѣйствительно двигать свое дѣло, сами являйтесь въ судъ, сами понукайте адвоката и указывайте ему на его упущенія.

Скажутъ, зачѣмъ же адвокаты? Почему же въ такомъ случаѣ самому не вести дѣла? Вопросъ логическій, повидимому, торжествующій. Но тутъ-то и видна разница между практикой и теоріей. По теоріи, вы всегда въ правѣ обойтись безъ адвоката. На практикѣ, безъ адвоката вы съ трудомъ получите самую пустую справку въ судѣ, не говоря уже о выигрышѣ дѣла. Адвокаты—свои люди въ судѣ, и ихъ посредничество чуть не буквально требуется судомъ. Публика до такой степени убѣдилась, что двери суда открыты, въ сущности, только адвокатамъ, что давно бросила попытки обходиться безъ нихъ. По крайней мѣрѣ, такова практика тѣхъ окружныхъ судовъ, которые намъ знакомы».

Таковъ, по словамъ Е. Маркова, типъ нашего адвоката. Есть, конечно, исключенія. Публика знаетъ нѣсколько славныхъ именъ въ числѣ извѣстныхъ адвокатовъ нашихъ, но это—рѣдкое, «столько же отрадное, сколько и безсильное исключеніе». Какъ ни печальна, однако, нарисованная картина, все же оставалось бы еще утѣшеніе, что это явленіе временное. Тѣмъ болѣе, что авторъ и самъ указываетъ на тогдашнее господство—отчасти сознательное, отчасти безсознательное—въ европейскомъ образованномъ обществѣ принципа утилитаризма, который оцѣниваетъ нравственное достоинство поступковъ съ точки зрѣнія выгоды ихъ. Мы уже упоминали, что эти начала создали въ обществѣ практику «здороваго эгоизма». Но замѣчательно, что самъ Е. Марковъ считаетъ теорію утилитаризма прогрессивной и противопоставляетъ ее поведенію адвокатовъ въ его воображеніи. Фактъ этотъ весьма характерный, свидѣтельствующій о степени спутанности понятій. Сейчасъ, однако, эту ссылку на утилитаризмъ нужно отмѣтить лишь какъ обстоятельство, которому можно было приписывать то или другое, но временное вліяніе. Съ другой стороны, вѣдь, адвокатура только у насъ была явленіемъ новымъ. Въ другихъ странахъ институтъ этотъ восходитъ къ глубокой древности, и, такимъ образомъ, и сопоставленіе съ иностранной адвокатурой даетъ право надѣяться, что печальная картина, нарисованная Е. Марковымъ, имѣетъ характеръ временный. Авторъ, повидимому, предусматриваетъ такое возраженіе [1]). «Намъ могутъ указать, — говоритъ онъ, — на примѣръ передовыхъ европейскихъ обществъ, въ которыхъ адвокатура существуетъ давно, гдѣ она не возбуждаетъ опасеній, подобныхъ нашимъ, а, напротивъ, пользуется уваже-

---

[1]) Этотъ вопросъ ставилъ себѣ уже и Щедринъ и разрѣшилъ его весьма просто: Франція—классическая страна адвокатуры, но и тамъ объ адвокатахъ, какъ объ адвокатахъ, въ литературѣ нѣтъ и рѣчи... Какъ служителей своего ремесла, и литература, и даже публика ихъ игнорируетъ, и, право, едва ли можно указать на примѣръ, чтобы въ послѣднее время въ какомъ бы то ни было французскомъ органѣ было заявлено кому-либо изъ адвокатовъ, что онъ поступаетъ недостойно, защищая французскихъ Овсянниковыхъ и Мясниковыхъ. Единственное исключеніе (!) составляетъ защита Базена Лашо, но это статья особенная (Сочин. т. XI, с. 502). Почему и въ чемъ это статья особенная, сатирикъ не считаетъ нужнымъ объяснить.

ніемъ и популярностью. Мы не желаемъ въ бѣглой замѣткѣ входить въ разбирательство этого предмета и, для краткости, готовы допустить, что все это даже справедливо. Но состояніе адвокатуры на Западѣ нисколько не измѣняетъ фактовъ, которые у насъ на глазахъ. Очень можетъ быть, что стойкость принциповъ въ западныхъ обществахъ оказываетъ руководящее вліяніе на характеръ тамошней адвокатуры; очень можетъ быть, что примѣсь политическихъ вопросовъ къ вопросамъ уголовнаго и гражданскаго правъ сообщаетъ западной адвокатурѣ болѣе возвышенный и твердый характеръ. Насъ это совершенно не интересуетъ въ настоящую минуту». Но изъ дальнѣйшаго оказывается, что рѣчь идетъ вовсе не о настоящей минутѣ, что по самому существу своему адвокатура есть институтъ антигосударственный. Достоевскій, какъ мы видѣли, оговаривался, что всѣ его мысли по этому поводу онъ высказываетъ какъ парадоксъ. Е. Марковъ, наоборотъ, утверждаетъ свои заключенія какъ непреложную истину. «Адвокатура помогаетъ богатому, притѣсняетъ бѣднаго. Тутъ нѣтъ никакого парадокса, и какъ ни вертите вопросъ, вы его не выкинете изъ вашего опредѣленія». Развивая дальше эту мысль, авторъ самъ себя подстегиваетъ, и выводы его становятся все болѣе острыми. «Учрежденіе адвокатуры это не только притѣсненіе бѣднаго. По характеру своему, оно должно быть причислено къ категоріи тѣхъ общественныхъ явленій, которыя являются постоянными нарушителями общественной правды и противъ которыхъ именно общество вооружаетъ судомъ и закономъ. Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправдѣ. Каждая сторона имѣетъ своего адвоката, и каждый адвокатъ старается изо всѣхъ силъ оправдать своего кліента, обвинить противника. Стало быть, во всякомъ дѣлѣ, въ числѣ адвокатовъ, есть уже непремѣнно и несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, одинъ сознательный пособникъ неправдѣ». Отсюда авторъ приходитъ къ заключенію, что созданіе института адвокатуры вовсе не есть шагъ впередъ, къ лучшему будущему, какъ крестьянская реформа, податная и т. п. Нѣтъ. Это старый грѣхъ, который не сбрасывается, какъ изношенная перчатка. Это старая болѣзнь, которая врастаетъ въ глуби-

ну организма и принимаетъ тамъ новыя формы. «Спросимъ себя, какія новыя идеи способна внести адвокатура въ наше общество. Мы убѣждены, что никакихъ другихъ, кромѣ идей такого рода: слова даны человѣку, чтобы скрывать свою мысль. Убѣжденія, взгляды—полезныя орудія нападенія и защиты, которыя можно мѣнять по надобности; наука права—это арсеналъ доводовъ, приложимыхъ къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ; права, въ сущности, нѣтъ, а есть богатство и бѣдность: богатство—это право, бѣдность — безправіе. Преступленіе—вещь условная: бѣдный преступникъ—преступникъ безъ сомнѣнія; но если преступникъ можетъ истратить необходимую сумму денегъ,—онъ долженъ считаться невиннымъ. Слава—это высшая степень ловкаго безстыдства, которая умѣетъ черное выставлять бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Цѣль человѣческихъ стремленій—роскошная жизнь, покупаемая явнымъ содѣйствіемъ неправдѣ.

Такимъ образомъ, все безнравственное, вносившееся только что подавленными явленіями старой жизни, вносится въ еще большей полнотѣ новою адвокатурою. Вѣра человѣка въ право, въ справедливость убивается этимъ новымъ зломъ, опаснѣе, чѣмъ старымъ, уже потому, что убійцею является не невѣжественный отбросъ общества, а цвѣтъ образованнаго молодого поколѣнія, напитанный въ университетѣ всѣмъ, что есть высокаго въ наукѣ, сами жрецы права, въ нѣкоторомъ родѣ само олицетворенное право. Отнимая у общества вѣру въ тѣ основы его, безъ которыхъ союзъ людей обращается въ звѣриное стадо; устанавливая въ обществѣ при самыхъ обаятельныхъ условіяхъ культъ слѣпой корысти, безъ того сочувственный грубому большинству,—адвокатура, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ примѣръ циническаго прелюбодѣянія мысли. Есть ли смыслъ осуждать какую-нибудь злополучную камелію, продающую по таксѣ свое тѣло, въ виду этихъ камелій права, продающихъ едва ли не съ аукціона свои убѣжденія и свой талантъ. Прелюбодѣяніе мысли отражается уже не на одной спеціальной сферѣ права. Если оно прочно привьется къ обществу, оно погубитъ современемъ весь міръ мысли, всю науку. Адвокатъ не можетъ быть человѣкомъ сословія, человѣкомъ предразсудка; онъ скеп-

тикъ и циникъ по необходимости, и потому, что стоитъ за все, онъ не стоитъ ни за что, ни во что не вѣритъ, и поэтому готовъ вѣрить во что угодно. Наукою, религіею, моралью онъ пользуется, какъ актеръ декораціями, единственно для публики. Когда нужно, онъ заговоритъ словами Евангелія; когда нужно, выступитъ съ насмѣшкою Вольтера. Это живая скоропечатная фабрика всевозможныхъ доводовъ на всевозможные случаи. Доски заготовлены въ самомъ широкомъ обиліи. Не угоденъ вамъ этотъ цвѣтъ, этотъ узоръ— затрудненій не будетъ: одна доска замѣнитъ другую, одинъ валикъ завертится вмѣсто другого, и вы безъ замедленія получите матерію любого вкуса.

Внося растлѣніе въ міръ нравственный, адвокатура является весьма нежелательнымъ элементомъ и въ мірѣ экономическомъ. Разсматривая въ цѣломъ, она отнимаетъ значительный процентъ цѣнности у всѣхъ производительныхъ силъ страны. Существованіе цѣлаго сословія людей, ничего не производящихъ, преслѣдующихъ только свои личныя цѣли и, между тѣмъ, привлекающихъ къ себѣ значительныя денежныя средства, должно падать тягостью на общество. Какъ всякій паразитъ, такое сословіе не вноситъ ничего въ общій складъ народнаго богатства, а только безплодно расточаетъ то, что собрано трудящимися классами. Экономическій вредъ отъ него такого же рода, какъ вредъ отъ постоянныхъ армій, и, вдобавокъ, не оправдывается необходимостью. Сверхъ того, соблазнительный примѣръ наживы безъ труда, вознагражденія, не соотвѣтствующаго заслугѣ, вноситъ и съ своей стороны разстройство въ экономическій бытъ общества, подобно рулеткамъ, лотереямъ и т. п. случайнымъ источникамъ внезапнаго и безпричиннаго обогащенія».

Итакъ, значитъ, дѣло не во временныхъ или мѣстныхъ условіяхъ, а въ причинахъ органическихъ и неустранимыхъ. Поэтому изъ всѣхъ приведенныхъ утвержденій только одинъ выводъ и можетъ быть сдѣланъ: адвокатуру нужно уничтожить. Такой выводъ и былъ сдѣланъ тогда въ печати. «Если,—писала «Недѣля» [1]),—адвокатура есть учрежденіе без-

---

[1]) 1875 г., № 7.

нравственное, она должна быть уничтожена». А между тѣмъ, несмотря на всю свою смѣлость, авторъ трусливо отступаетъ передъ выводомъ, имъ же самимъ сдѣланнымъ. Противъ новаго суда вообще, «мы, съ своей стороны, не только ничего не имѣемъ, но даже положительно принадлежимъ къ числу его всегдашнихъ сторонниковъ». Что же касается адвокатуры, то «мы просимъ не забывать, что вовсе не проповѣдуемъ уничтоженія адвокатуры; мы соглашаемся, что она можетъ быть полезна и нужна въ различныхъ случаяхъ».

Читая эту статью, нетрудно вспомнить, что, во всякомъ случаѣ, Е. Марковъ не является въ данномъ вопросѣ иниціаторомъ, не ему принадлежитъ честь постановки у насъ такого принципіальнаго вопроса. Выше упомянута была статья г. С—ва въ «Руск. Вѣстн.» за 1859 г. Г. Марковъ лишь повторяетъ, даже чуть не въ тѣхъ же выраженіяхъ, то, что говорилось уже при составленіи судебныхъ уставовъ. Существенная разница лишь въ томъ, что тогда авторъ статьи не боялся дѣлать рѣшительный выводъ и, понимая, что отсутствіе адвокатуры оставитъ пустое мѣсто, надѣялся заполнить его какимъ-нибудь самобытнымъ средствомъ, а не слѣпо заимствованнымъ. Спустя же десять лѣтъ, г. Марковъ, воспроизводя тѣ же доводы, признается, однако, что адвокатуру замѣнить нечѣмъ, и что она должна быть сохранена.

Статья Е. Маркова произвела огромное впечатлѣніе и, что всего замѣчательнѣе, она пробудила интересъ къ ея первоисточнику, къ упомянутой статьѣ С—ва, въ свое время не привлекшей особеннаго вниманія. «Гражданинъ» [1]), напоминая объ этой статьѣ, жаловался, что ея указанія въ свое время не были оцѣнены по достоинству, и рекомендовалъ воспользоваться мыслью о національномъ развитіи судебныхъ формъ, дающихъ возможность обойтись безъ адвокатуры. Но въ общемъ статья Е. Маркова имѣла даже какъ будто благотворные результаты. Она довела нападки до Геркулесовыхъ столбовъ и вызвала живѣйшую реакцію. «Судебн. Вѣстн.» тотчасъ послѣ появленія фельетоновъ г. Маркова помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ обращалъ вниманіе на

---

[1]) 1875 г., №№ 11, 14.

то, что напечатаніе такихъ фельетоновъ въ «Голосѣ», независимо даже отъ ихъ содержанія, само по себѣ имѣетъ многознаменательное значеніе, глубокій и весьма прискорбный смыслъ. Газета понимала, что «общественное мнѣніе представляетъ себѣ нашихъ прис. повѣренныхъ именно такими, какими ихъ рисуетъ г. Марковъ. Иначе онъ не рѣшился бы написать такую печальную характеристику нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, а г. Краевскій не призналъ бы возможнымъ напечатать ее на страницахъ своей газеты». Но затѣмъ оказалось, что большинство органовъ печати отнеслось весьма отрицательно къ выступленію г. Маркова. Самъ «Голосъ» подвергъ напечатанную у себя статью суровой критикѣ и заявилъ, что, если кто можетъ быть названъ софистомъ, то именно самъ г. Марковъ. Поэтому и «Суд. Вѣстн.» мѣняетъ свой взглядъ на значеніе этой статьи, находя, что при такомъ отношеніи статья Маркова теряетъ свое симптоматическое значеніе «и не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, никакого вниманія, и тѣмъ болѣе серьезнаго возраженія». Газета совѣтуетъ Е. Маркову подучиться и, между прочимъ, указываетъ, что «изъ исторіи права г. Марковъ узнаетъ, что его взгляды на адвокатуру, какъ зловредную и безнравственную профессію, постоянно раздѣлялись всѣми деспотами, отъ Юстиніана до Фридриха Великаго и Наполеона Перваго».

Весьма детальному и обстоятельному разбору фельетонъ г. Е. Маркова былъ подвергнутъ въ статьяхъ С. Ф. Платонова, напечатанныхъ въ трехъ книжкахъ «Вѣстника Гр. и Уг. Права» [1]). Отъ этого фельетона авторъ возвращается еще и къ упомянутой статьѣ С—ва и противопоставляетъ имъ книгу К. К. Арсеньева. Удивительно, что въ то время, какъ статьѣ С—ва такъ посчастливилось, блестящая статья К. Побѣдоносцева, служившая сокрушительнымъ отвѣтомъ на эту статью, не раздѣлила ея участи, объ этой статьѣ теперь не вспомнили. Правда, С. Ф. Платоновъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ о необходимости адвокатуры, какъ силы, сдерживающей противообщественные инстинкты и помогающей

[1]) 1875 г., №№ 3—5.

обиженному въ борьбѣ его съ обидчикомъ, но того яркаго блеска аргументовъ, какой поражалъ въ статьѣ Побѣдоносцева, здѣсь уже не найти. Кромѣ того, на этотъ разъ отвѣтъ послѣдовалъ не въ общей прессѣ, а въ спеціальномъ юридическомъ органѣ и потому не могъ, особенно въ то время, имѣть сколько-нибудь замѣтнаго распространенія.

По мнѣнію С. Ф. Платонова, недоброжелательное отношеніе къ адвокатурѣ является необоснованнымъ. Адвокатура не обманула возлагавшихся на нее ожиданій, и если она далека отъ идеала, рисовавшагося составителямъ судебныхъ уставовъ, то нужно принять во вниманіе, что организація ея осталась незаконченной, и что отсрочкой въ образованіи комплекта на адвокатуру оказались возложенными обязанности безъ предоставленія ей правъ. Недоброжелательное отношеніе авторъ объясняетъ самымъ характеромъ профессіи. «Сторона, проигравшая на процессѣ, видитъ въ адвокатѣ противника своего врага. Въ самомъ составѣ корпораціи идетъ междоусобная брань, проистекающая отъ профессіональной зависти. Мы убѣждены, что большинство самыхъ рѣзкихъ и неприличныхъ выраженій объ адвокатахъ и ихъ профессіи (не исключая и «камелій права») обязаны своимъ происхожденіемъ самимъ же адвокатамъ» [1]).

16. Отношеніе адвокатуры къ своимъ задачамъ.

Врядъ ли указаннымъ, такъ сказать, житейскимъ причинамъ можно придавать сколько-нибудь серьезное значеніе. Но здѣсь С. Ф. Платоновъ подходитъ къ вопросу, который дѣйствительно долженъ былъ существенно вліять на неблагопріятное положеніе адвокатуры. Несомнѣнно, что среди нея самой не было въ то время яснаго и точнаго представленія о задачахъ адвокатуры. Мы уже видѣли, какое рѣзкое нарушеніе профессіональнаго долга допущено было Л. А. Куперникомъ, произнесшимъ вмѣсто защитительной обвинительную рѣчь. Хотя Совѣтъ и осудилъ его поведеніе, но вопросъ

---

[1]) Ibid., кн. 5, с. 132.

о правѣ защитника заявлять присяжнымъ, что онъ считаетъ своего кліента виновнымъ и не заслуживающимъ защиты, вызвалъ, по словамъ С. Ф. Платонова, споръ и въ литературѣ, и въ самомъ сословіи [1]). Другой примѣръ еще болѣе разителенъ, потому что онъ касается тогдашняго корифея адвокатуры, К. К. Арсеньева. Въ своей книгѣ К. К. Арсеньевъ ссылается на такой фактъ, «по нашему мнѣнію, знаменательный и не единственный въ своемъ родѣ». «Когда въ началѣ 1874 г. въ с.-петербургскомъ Окружномъ Судѣ должно было слушаться дѣло Колосова и Ярошевича, обвинявшихся въ поддѣлкѣ акцій Общества Тамбовско-Козловской желѣзной дороги, никто изъ присяжныхъ повѣренныхъ не согласился взять на себя добровольно защиту Колосова, такъ что защитникъ ему былъ назначенъ отъ суда; между тѣмъ, защита Колосова принадлежала къ числу интересныхъ и была бы оплачена довольно значительнымъ гонораромъ».

Уважаемый авторъ совершенно не останавливается здѣсь на вопросѣ, какая разница между защитой по соглашенію и по назначенію. Имѣется ли здѣсь въ виду какая-нибудь разница въ способѣ веденія защиты (но въ такомъ случаѣ защита по соглашенію вообще возбуждаетъ противъ себя недовѣріе), или же разница только въ томъ, что обязательность защиты снимаетъ съ адвоката отвѣтственность за исполняемое имъ порученіе (въ такомъ случаѣ тѣнь падаетъ на самую профессію адвоката); съ другой же стороны, еще при составленіи судебныхъ уставовъ указывалось, что такой отказъ адвоката можетъ серьезно отягчить судьбу обвиняемаго, который предстанетъ на судѣ уже осужденнымъ лицами, предназначенными оказывать юридическую помощь. Если, какъ самъ К. Арсеньевъ указываетъ, защитникъ, превращающійся въ обвинителя до суда, совершаетъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ нарушеній адвокатскаго долга, то почему это обстоятельство совершенно не играетъ никакой роли въ данномъ случаѣ? При выработкѣ судебныхъ уставовъ, какъ мы знаемъ, вопросы эти остались безъ отвѣта, и теперь обнаружившіяся неясности могли вносить смуту.

[1]) С. Платоновъ, кн. 5, с. 145.

Но самымъ замѣчательнымъ примѣромъ представляется исторія вопроса объ участіи присяжныхъ повѣренныхъ въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ въ качествѣ ораторовъ за ту или другую группу акціонеровъ. Насколько спорнымъ и неяснымъ представляется этотъ вопросъ, можно судить по тому, что, по словамъ К. К. Арсеньева, ему «казалось, что присяжный повѣренный, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не владѣющій акціями, имѣетъ право явиться въ общее собраніе акціонернаго общества для защиты извѣстной группы акціонеровъ, если онъ предварительно удостовѣрился въ ея безусловной правотѣ и въ безпомощности ея сравнительно съ ея противниками»; но болѣе зрѣлое обсужденіе вопроса привело его къ противоположному убѣжденію. Этотъ вопросъ обсуждался въ общемъ собраніи петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 8 сентября 1876 г. Рѣшительнымъ противникомъ такого участія выступилъ В. Д. Спасовичъ, но доводы, которые онъ привелъ въ защиту своего взгляда, невольно напоминаютъ извѣстное выраженіе, что они поддерживаютъ такъ, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго. Такъ какъ эта рѣчь ярко выражаетъ взглядъ Спасовича на адвокатуру, то ее слѣдуетъ привести здѣсь полностью. Замѣчательно, что именно эта рѣчь, столь значительная по своему содержанію, не включена В. Д. Спасовичемъ въ собраніе его рѣчей, въ коемъ такъ тщательно подобрано все, сказанное имъ.

«Наша профессія,—сказалъ В. Д. Спасовичъ,—состоитъ въ томъ, чтобы помогать обращающимся къ намъ лицамъ юридическимъ знаніемъ нашимъ, острымъ словомъ, перомъ и рѣчью. Слово есть оружіе сильное, могущественное. Разъ выучившись владѣть имъ, мы имѣемъ легкій доступъ и въ другія профессіи, гдѣ дѣйствующее оружіе—то же слово: на поприще литературы, въ общественныя собранія, гдѣ нужно дебатированіе, сеймованіе. Если судить по результатамъ, то адвокатская дѣятельность—болѣе блестящая, чѣмъ парламентская, чѣмъ литературная. Тамъ сѣются идеи, которыя всходятъ медленно. Здѣсь прямо пожинаются лавры: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Вотъ почему у насъ болѣе завистниковъ. Если судить по внутреннему достоинству занятія,

по относительной полезности заслугъ, оказываемыхъ обществу адвокатомъ, общественнымъ дебатеромъ, журналистомъ, то заключеніе будетъ иное. Нравственный вѣсъ слова соразмѣряется съ тѣмъ, насколько оно не только искренно, но и предназначено исключительно истинѣ. Всего выше поэтому стоитъ литература. Хотя всякая работа должна вознаграждаться, и писатель беретъ деньги построчныя, полистовыя, но ему платятъ за его талантъ и за мысли, а не за то, что кого-нибудь за деньги коститъ или прославляетъ. Если бы нашелся человѣкъ продажный, который, безъ убѣжденія, торговалъ бы перомъ въ пользу того, кто ему больше дастъ, то этотъ человѣкъ былъ бы вскорѣ оплеванъ, онъ былъ бы хуже и презрительнѣе Булгарина. Не только подкупные писатели не въ почетѣ, но такіе, которые стараются поддѣлаться подъ господствующій вкусъ публики, а не служить истинѣ. Менѣе почетна и болѣе зависима карьера общественнаго дебатера. Онъ зависитъ отъ партіи, съ которой дѣйствуетъ заодно. Соображеніе это заставляетъ замолчать о многомъ и иначе говорить, чѣмъ слѣдовало, о многомъ. Но и онъ, какъ человѣкъ партіи, дѣйствуетъ въ виду блага цѣлаго, которое осуществимо, по его мнѣнію, только посредствомъ господства его партіи. Но горе ему, если бы за то, чтобы проводить свое мнѣніе въ общихъ собраніяхъ, хотя бы и правое, онъ получилъ деньги. Его обзовутъ взяточникомъ. Наиболѣе зависимъ адвокатъ. Онъ беретъ прямо и непосредственно деньги отъ частныхъ лицъ за то, что сказалъ. Онъ дѣйствуетъ двояко: или какъ консультантъ—и тогда онъ обязанъ сказать строгую правду по предложенному ему вопросу, или какъ защитникъ стороны,—и тогда, по условіямъ своего положенія, онъ не можетъ не представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ. Раздваиваясь, такъ сказать, самъ съ собою и постигая, гдѣ истина, своимъ непосредственнымъ убѣжденіемъ, онъ создаетъ себѣ искусственно другое убѣжденіе, которое старается вселить въ слушателей силою своего таланта. Я излагаю, какъ умѣю, то, что составляло неизбѣжное и фатальное зло нашей профессіи во всѣ вѣка и во всѣхъ частяхъ свѣта, то, что дѣлаетъ эту профессію необыкновенно скользкою, испол-

ненною искушеній. Разъ только ставъ на точку зрѣнія, что слова—услуги, что этими услугами торгуютъ, и что адвокатура есть торговля словомъ, разъ только мы уподобимъ эту торговлю всякаго рода торговлѣ,—и мы дойдемъ до филистерства, до цинизма. Великія дарованія упали въ грязь, упали среди всеобщаго презрѣнія отъ такого взгляда на дѣло. Отъ такого взгляда на дѣло уже недалеко до свидѣтелей отъ Иверской Божіей Матери, которые тоже торгуютъ лживымъ словомъ. А измышлять, что видѣли, слышали, едва ли болѣе постыдно, чѣмъ измышлять фальшивыя положенія и чувства. Вы знаете, господа, что наша корпорація всегда боролась съ этимъ филистерскимъ взглядомъ на обязанности адвоката и держалась противоположнаго взгляда, которому и обязана значительнымъ блестящимъ почетомъ, котораго достигла, несмотря на нелюбовь правительства и пинки литературы. Мы полагаемъ, что какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ единственный способъ держаться на почетной высотѣ заключается въ томъ, чтобы строго блюсти, *какъ бы зло, которое я указалъ въ профессіи адвоката, было возможно меньше, возможно слабѣе, чтобы оно было заключено въ строгіе предѣлы необходимости*, чтобы, сверхъ кодекса уголовнаго, у насъ былъ особый строгій кодексъ приличій нравственныхъ. Каждый изъ насъ долженъ быть вѣренъ сторонѣ и честенъ къ противнику, наконецъ, каждый изъ насъ долженъ быть прежде всего прямымъ человѣкомъ, а адвокатомъ только тогда, когда онъ передъ судомъ, при исполненіи обязанностей своего званія, когда онъ говоритъ какъ адвокатъ, что онъ, такъ сказать, лицедѣйствуетъ, представляетъ собою не свою персону, а другое лицо, въ кожу котораго онъ влѣзъ на нѣсколько времени. Отсюда выводъ ясенъ. Не смѣетъ онъ ни на минуту забывать, что то, что позволено ему на судѣ, какъ адвокату, не позволено ему, какъ человѣку, и онъ дѣлаетъ промахъ и грубую ошибку, если пускается адвокатствовать внѣ естественныхъ предѣловъ своей профессіи, если онъ свои адвокатскіе пріемы вноситъ въ несвойственную имъ область, гдѣ они являются какъ деморализація, какъ разлагающій элементъ».

Вспоминая, что писалъ Е. Марковъ, можно подумать, что онъ участвовалъ въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ одинъ изъ самыхъ выдающихся и авторитетнѣйшихъ членовъ его убѣждалъ своихъ товарищей, что по самому существу своему адвокатская профессія скользка, что именно въ сущности ея таится органическое зло, и что задача сословія можетъ клониться только къ тому, чтобы это зло умалить. Въ частности, совсѣмъ уже непостижимо замѣчаніе В. Д. Спасовича о томъ, что, «если то, что я излагалъ на судѣ, какъ адвокатъ, я вздумалъ бы за деньги и даже безвозмездно предложить публикѣ въ печати,—скверно». Какъ же, съ этой точки зрѣнія, Спасовичъ оцѣнивалъ изданіе своихъ судебныхъ рѣчей, которыя и до сихъ поръ служатъ образцомъ и школой для нашей адвокатуры? Но, конечно, эта частность—ничто въ сравненіи съ общимъ вопросомъ: съ одной стороны, Совѣтъ требуетъ, чтобы въ качествѣ частнаго лица присяжный повѣренный не совершалъ поступковъ, недопустимыхъ для адвоката, а, съ другой стороны, В. Д. Спасовичъ настаиваетъ, что, выйдя изъ суда, присяжный повѣренный долженъ перестать быть адвокатомъ, для того, чтобы, по возможности, локализовать зло, таящееся въ профессіи адвоката.

Совершенно отдѣльно отъ всѣхъ этихъ фактовъ и ни въ какое сравненіе съ ними не идетъ выступленіе М. Ф. Громницкаго со статьей «Адвокатъ объ адвокатахъ» [1]). Только что забаллотированный на выборахъ въ московскій Совѣтъ вмѣстѣ со всѣми своими коллегами [2]), М. Ф. Громницкій выступилъ съ рѣзкими разоблаченіями московскаго сословія. Онъ не ставитъ никакого общаго вопроса, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, напротивъ, онъ остается terre à terre, довольствуется изображеніемъ закулисной жизни московской адвокатуры, обвиняя ее въ крайней неаккуратности, въ отсутствіи у нея какихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ матеріальныхъ. Выступленіе Громницкаго встрѣтило горячій отпоръ на страницахъ «Ж. Гр. и Уг. Права», выяснившаго не-

---

[1]) «Недѣля», 1875 г., № 52.

[2]) См. выше, с. 179.

умѣстную запальчивость автора, но въ Москвѣ статья эта произвела, конечно, огромное впечатлѣніе. Совѣтъ потребовалъ явки Громницкаго въ засѣданіе для дачи объясненій, кого изъ адвокатовъ онъ имѣлъ въ виду въ своей статьѣ.

Громницкій отказался дать объясненія, заявивъ, что трое изъ состава нынѣшняго Совѣта должны сами хорошо знать, о комъ идетъ рѣчь. Послѣ ухода Громницкаго рѣшено было привлечь къ дисциплинарной отвѣтственности Плевако, а Плевако и самъ явился въ Совѣтъ и призналъ, что при переговорахъ съ однимъ изъ обвиняемыхъ по банковскому дѣлу, выразившимъ желаніе пригласить въ защитники М. Ф. Громницкаго, Ѳ. Н. Плевако ему замѣтилъ, что «если защиту банковскихъ дѣльцовъ нужно уподобить колесницѣ, запряженной хорошими конями, то появленіе въ этой упряжи Громницкаго равносильно коровѣ, запряженной вмѣстѣ съ рысаками». Послѣ этого Совѣтъ рѣшилъ Громницкаго къ дисциплинарной отвѣтственности не привлекать [1]).

17. Результаты.

Положеніе адвокатуры, такимъ образомъ, рисуется весьма тяжелымъ. Она не имѣла никакой опоры и со всѣхъ сторонъ открыта была нападкамъ. Передовая пресса отреклась отъ адвокатуры послѣ того, какъ, по выраженію Ще-

[1]) «Суд. В.», 1876 г., 13, 20. Фельетоны Е. Маркова тоже сдѣлались предметомъ обсужденія со стороны Совѣта. Поводомъ послужило заявленіе въ спб. Совѣтъ одного присяжнаго повѣреннаго, просившаго Совѣтъ «избранными имъ мѣрами, съ общаго согласія всей корпораціи, попросить г. Маркова и редакцію «Голоса» указать на подобныхъ лицъ и ихъ дѣйствія и, такимъ образомъ, разоблачить безнравственные поступки такихъ присяжныхъ повѣренныхъ, либо возбудить преслѣдованіе противъ Маркова и газеты». Совѣтъ оставилъ заявленіе безъ послѣдствій, находя, что требованіе свѣдѣній неудобно, а возбужденіе преслѣдованія невозможно, за отсутствіемъ конкретныхъ указаній, и что вообще возбужденіе преслѣдованія за неблагопріятные отзывы совершенно несовмѣстно съ духомъ дѣятельности всего сословія, заинтересованнаго въ свободномъ обсужденіи всѣхъ проявленій общественной жизни, а въ томъ числѣ и дѣятельности самого сословія.

дрина, адвокатура взбунтовалась противъ опеки печати и пожелала быть независимой отъ ея внушенiй и контроля. Въ этомъ отношенiи, впрочемъ, адвокатура раздѣляла участь новыхъ судовъ вообще. Такъ, Е. Маркову настойчиво указывали, что его статьи направлены не столько противъ адвокатуры, сколько противъ всей судебной реформы. Точно такимъ же характеромъ отличается знаменитое стихотворенiе Некрасова—«Юбиляры и трiумфаторы»—съ извѣстнымъ четверостишiемъ:

И содравъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпiйскихъ вершинъ» [1]).

Этой характеристикѣ адвоката предшествуетъ невеселая картина новаго суда вообще:

На Литейной такое есть зданiе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказанiе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствiе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствiе—
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшiй во бдѣнiи,
Такъ копался въ моемъ поведенiи,
Что съ натуги въ истерику впалъ.
. . . .
Не щадятъ ни заслуги, ни званiя.
Адвокатамъ однимъ только рай:
За лишенiе правъ состоянiя—
И за то теперь деньги подай.

Такое отношенiе къ судебнымъ учрежденiямъ было тѣмъ болѣе опасно, что оно совершенно извращало всю перспек-

---

[1]) Въ черновикѣ этого стихотворенiя, какъ сообщилъ мнѣ К. И. Чуковскiй, противъ приведенныхъ строкъ рукой Некрасова написано: Утинъ. А между тѣмъ, по словамъ К. К. Арсеньева «даже недоброжелатели Е. И. Утина—а ихъ было не мало—не пытались бросить тѣнь на его адвокатскую добросовѣстность» (В. Пр. 1914 г., № 47). Но, какъ указано дальше, «въ молодые годы его горячность была иногда черезъ край», и повидимому, это и было причиной, что Некрасовъ обратилъ на него вниманiе.

тиву государственной жизни. На это обстоятельство уже тогда указывалъ «Судебный Вѣстникъ»: «Такое суровое отношеніе общественнаго мнѣнія и печати къ институту присяжныхъ повѣренныхъ, такая строгая цензура была бы относительно безвредна въ томъ случаѣ, если бы такія отношенія къ общественной дѣятельности были обычны въ нашей жизни, и наша печать имѣла бы возможность съ тѣми же пріемами относиться къ другимъ отраслямъ общественной дѣятельности; но при неимѣніи этой возможности, едва ли благоразумно направлять стрѣлы сатиры и цензорскую ферулу на одинъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ».

То же самое отмѣтилъ и А. Ѳ. Кони въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Нашъ новый судъ долгое время былъ единственной отдушиной, въ которую неизбѣжно и неотвратимо вылетали со свистомъ и шумомъ пары повсюду пригнетаемыхъ общественныхъ вожделѣній. Это заставляло при каждомъ выходящемъ изъ ряду дѣлѣ волноваться всѣ тѣ элементы, которые, не будучи призваны судить, приходили, однако, въ соприкосновеніе съ судомъ. Понятно, какую роль при этомъ могла играть и играла ежедневная печать, отражая на себѣ это волненіе» [1]).

И не даромъ въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей въ 1874 г. В. Д. Спасовичъ, по поводу этихъ не прекращающихся нападокъ замѣтилъ: «богатая наша литература вполнѣ и до нельзя реалистическая. Она дальше конца своего носа не видитъ и не допускаетъ, она ничего не постигаетъ, кромѣ мелкаго практическаго интереса» [2]).

Не нужно пояснять, что такое отношеніе было какъ нельзя болѣе на руку реакціи, которая все выше подымала голову и сосредоточивала свои силы именно на новыхъ судахъ и, какъ выше указано, прежде всего на адвокатурѣ. А при такомъ недоброжелательномъ отношеніи общественнаго мнѣнія къ адвокатурѣ, реакціи давали возможность взять ее, такъ сказать, голыми руками.

---

[1]) «На жизн. пути», с. 142.
[2]) «Заст. рѣчи», с. 9.

Дѣйствительно, открытіе новыхъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ было задержано, и самые чудовищные слухи стали быстро распространяться. «Нѣсколько времени тому назадъ,—писалъ К. К. Арсеньевъ,—можно было думать, что этой организаціи угрожаетъ серьезная опасность; носились слухи объ уничтоженіи самоуправленія, даннаго присяжнымъ повѣреннымъ судебными уставами, о непосредственномъ подчиненіи ихъ суду или даже административной власти. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ слуховъ послужило открытіе, въ маѣ нынѣшняго года, харьковскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и возобновленіе пріостановленнаго одно время пріема въ присяжные повѣренные при провинціальныхъ окружныхъ судахъ» [1]).

Правда, 6 мая 1874 г. состоялось, наконецъ, открытіе харьковскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Но въ декабрѣ того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о временномъ пріостановленіи учрежденія Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и передачѣ функцій Совѣтовъ Окружнымъ Судамъ, въ виду того, что «учрежденные уже Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не оправдали возложенной на нихъ задачи надзора за охраненіемъ достоинства и нравственной чистоты въ дѣйствіяхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому сословію». Такъ утверждаетъ официальный историческій очеркъ Министерства [2]), но насколько это соотвѣтствовало дѣйствительности, можно судить по тому, что изъ постановленныхъ петербургскимъ Совѣтомъ за 8 лѣтъ опредѣленій о мѣрахъ взысканій только въ одномъ случаѣ Судебная Палата усилила наказаніе присяжному повѣренному (вмѣсто выговора опредѣлила запрещеніе отправленія обязанностей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ), зато въ одномъ случаѣ значительно смягчила [3]). Едва ли, однако, требуется приведеніе практическихъ доказательствъ, такъ какъ изъ другого официальнаго документа, а именно: изъ «Журнала Совѣщанія при Первомъ Департаментѣ Министерства Юсти-

---

[1]) «Замѣтки», с. 61.

[2]) С. 134.

[3]) Заимствуемъ эту ссылку у С. Ф. Платонова, ibid., кн. 5, с. 48.

ціи 1890—1891 гг.» явствуетъ, что пріостановленіе было вызвано отчасти исключительными соображеніями политическаго характера, отчасти же неудобствами, связанными съ открытіемъ Совѣтовъ въ этихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ число присяжныхъ повѣренныхъ было въ то время весьма незначительно [1]).

Этимъ же недоброжелательнымъ отношеніемъ къ адвокатурѣ объясняется, что упоминавшіяся ходатайства Совѣтовъ объ установленіи предусмотрѣннаго судебными уставами комплекта, неизмѣнно отклонявшіяся Министерствомъ Юстиціи, получили неожиданное разрѣшеніе. Комплектъ былъ установленъ закономъ 25 мая 1874 года, но въ него включены и созданные этимъ закономъ частные повѣренные.

Изъ «Журнала Государственнаго Совѣта» видно, что оставленіе наряду съ присяжной адвокатурой прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ оправдывалось опасеніемъ, высказывавшимся при составленіи судебной реформы: «Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи единогласныхъ отзывовъ многихъ предсѣдателей окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ видно, что между ходатаями этого рода много такихъ, которые, не понимая основныхъ началъ устава и состязательнаго процесса, подавали безграмотныя прошенія, съ явнымъ нарушеніемъ установленныхъ для начатія исковъ правилъ, усложняли дѣла массою совершенно постороннихъ обстоятельствъ, цѣлыми тетрадями письменныхъ отзывовъ и множествомъ вовсе не идущихъ къ дѣлу документовъ, возводили на своихъ противниковъ обвиненія въ преступленіяхъ, писали обширныя кляузныя жалобы, а между тѣмъ не заботились своевременно собрать надлежащія доказательства, ожидая, что судъ самъ соберетъ ихъ, пропускали опредѣленные для различныхъ судебныхъ дѣйствій сроки и оставляли интересы своихъ довѣрителей безъ всякой защиты. Этимъ ходатаямъ были обязаны: судебныя мѣста—массою лишняго труда, который приходилось употреблять на разрѣшеніе не-

[1]) Труды комиссіи Н. В. Муравьева, т. 3, с. 3.

основательныхъ ходатайствъ и на чтеніе напрасно исписанныхъ листовъ гербовой бумаги, а общество—возникновеніемъ множества дѣлъ самаго сомнительнаго свойства, которыя никогда не были бы начаты, если бы лица эти не увѣряли въ возможности самыхъ неосновательныхъ претензій и не вовлекали тѣмъ въ напрасное сутяжничество. Для такихъ повѣренныхъ правота иска составляла обстоятельство почти второстепенное, а главною стороною дѣла было полученіе денежнаго вознагражденія за свой трудъ. Дѣятельность подобныхъ лицъ, не пренебрегавшихъ иногда и составленіемъ подложныхъ документовъ, служила нерѣдко непреодолимымъ препятствіемъ къ окончанію дѣла миромъ, потому что повѣренный напередъ увѣрялъ своего кліента въ выигрышѣ дѣла безъ всякихъ уступокъ. Наконецъ, часто такой ходатай, написавъ отъ имени одной стороны просьбу, возбуждающую дѣло, являлся на судоговореніе въ качествѣ повѣреннаго противной стороны; бывали даже примѣры, что частные ходатаи являлись въ судъ въ нетрезвомъ видѣ и дозволяли себѣ неумѣстныя или оскорбительныя выходки».

Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ упраздненіи этой адвокатуры и объ осуществленіи началъ, возвѣщенныхъ судебными уставами, не возникалъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Правда, Государственный Совѣтъ мимоходомъ замѣчаетъ, что число присяжныхъ повѣренныхъ оказалось недостаточнымъ. Но, очевидно, не въ этомъ существенная причина, ибо хотя тутъ же констатируется, что въ столицахъ и отчасти въ городахъ, гдѣ находятся судебныя палаты, институтъ присяжныхъ повѣренныхъ получилъ надлежащее развитіе, тѣмъ не менѣе и здѣсь комплектъ установленъ не былъ. Точно такъ же оставлено было безъ вниманія ходатайство петербургскаго Совѣта о нераспространеніи правилъ о частныхъ повѣренныхъ на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ «Журналѣ Государственнаго Совѣта» объ этомъ вообще ни одного слова не упоминается.

Надо, однако, констатировать, что и въ данномъ случаѣ правительство въ значительной мѣрѣ опиралось на общественное мнѣніе, которое весьма опредѣленно продолжало высказываться противъ адвокатской монополіи. Въ 1873 г.

московское юридическое общество въ трехъ засѣданіяхъ обсуждало докладъ присяжнаго повѣреннаго М. П. Соловьева: «Что болѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія: свободная ли адвокатура, или установленная въ видѣ привилегированной корпораціи?» Несмотря на обстоятельную защиту присяжными повѣренными принципа привилегированности, юридическое общество признало, что непривилегированная адвокатура при установленіи въ законахъ образовательнаго ценза и гарантій, обезпечивающихъ ея независимость и самостоятельность, наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія [1]). Но и этотъ взглядъ представляетъ, повидимому, компромиссъ. Общественное мнѣніе высказывалось вообще противъ всякихъ стѣсненій въ выборѣ повѣреннаго, и на сторону этого взгляда сталъ «Судебный Вѣстникъ». Когда «Моск. Вѣдом.» [2]) по поводу закона о частныхъ повѣренныхъ замѣтили, что онъ является прямымъ результатомъ несостоявшихся предположеній о сословіи присяжныхъ повѣренныхъ и объясняется измѣненіемъ правительственныхъ взглядовъ въ неблагопріятную для адвокатуры сторону, то «Суд. Вѣстникъ» горячо возсталъ противъ этого, настаивая, что новый законъ даетъ присяжнымъ повѣреннымъ привилегію, о которой они и мечтать не смѣли, и что присяжная адвокатура никогда, конечно, не забудетъ тѣхъ услугъ, которыя ей оказалъ нынѣшній министръ юстиціи [3]). Въ чемъ же, однако, можетъ заключаться привилегія? «Суд. Вѣстникъ» самъ признаетъ, что на присяжныхъ повѣренныхъ возложено много обязанностей, которыя компенсируются «единственнымъ преимуществомъ—исключительнымъ правомъ вести дѣла». Но это преимущество не осуществлено, и многія свѣдущія и достойныя лица, не желая носить тяготы званія присяжнаго повѣреннаго, остаются среди частныхъ ходатаевъ. Положеніе адвокатуры, такимъ образомъ, весьма незавидное, но тѣмъ не менѣе «Суд. Вѣстникъ» усматриваетъ привилегію въ томъ, что частнымъ повѣреннымъ предоставляется вести дѣла лишь

---

[1]) Протоколъ засѣданія въ «Юрид. Вѣстн.», 1874 г., 1—2 кн.
[2]) 1874 г., № 162.
[3]) 1874 г., № 146.

въ тѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ они имѣютъ свидѣтельство. Поэтому тяжущіеся будутъ охотнѣе обращаться къ присяжнымъ повѣреннымъ, не стѣсненнымъ территоріально, и отсюда—«страшное зло», которое выразится въ томъ, что «вся тяжущаяся Россія будетъ отдана, такъ сказать, въ жертву на съѣденіе наличнымъ присяжнымъ повѣреннымъ».

Впрочемъ, для того, чтобы это зло ослабить, «Суд. Вѣстникъ» нашелъ весьма простое средство, и въ заключеніе своихъ замѣчаній даетъ практическое указаніе: «дѣйствіе новыхъ правилъ можетъ быть въ значительной степени парализовано: стоитъ только на основаніи 389 ст. Учр. Суд. Уст. вмѣсто условій о гонорарѣ за веденіе дѣлъ предоставить повѣренному участіе въ самой тяжбѣ и предъявить искъ отъ имени обоихъ, т.-е. вѣрителя и повѣреннаго» [1]). Газета такъ боится даже призрака монополіи, такимъ непереносимымъ ей кажется «страшное зло», что она не стѣсняется открыто рекомендовать обходъ закона. Не нужно, конечно, прибавлять, что совѣтъ «Суд. Вѣстн.» оказался весьма на руку. Годъ спустя, та же газета могла уже констатировать, что въ судахъ стали весьма часто появляться мнимые управляющіе имѣніями и дѣлами тяжущихся. Судебныя мѣста устраняли такихъ повѣренныхъ отъ веденія дѣлъ... желая очистить нашу частную адвокатуру. Суровый, но законный образъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ вызвалъ циркуляръ министра юстиціи, отъ 7 мая 1875 г., съ предложеніемъ судамъ держаться возможно широкаго толкованія и не стѣсняться выступленіемъ управляющихъ [2]). Иначе говоря, судамъ рекомендовалось не очень строго настаивать на «законномъ образѣ дѣйствій».

Съ другой стороны, мѣстные суды обнаружили большую снисходительность въ присвоеніи званія частнаго повѣреннаго. Поэтому даже «Суд. Вѣстникъ», такъ ратовавшій за снисходительность, такъ какъ «не мѣшало бы помнить инте-

---

1) № 137.
2) 1876 г. № 6.

ресы публики», которая со страхомъ спрашиваетъ: «кто же будетъ вести наши дѣла»,—затѣмъ сталъ жаловаться, что въ частные повѣренные проходятъ самые безграмотные элементы, которые грозятъ парализовать все практическое значеніе новаго закона» [1]).

---

[1]) Чрезвычайно курьезный образчикъ обывательскаго отношенія къ частной адвокатурѣ представляетъ слѣдующій «общественный приговоръ»: «1874 г., августа 12 дня. Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, 3 стана, мѣстечка Шаргорода, жители, евреи всѣхъ сословій, купцы и мѣщане, ремесленные и неремесленные, сойдясь сего числа на мірской сходъ въ составѣ $^{2}/_{3}$ наличныхъ домохозяевъ, слушали: заявленія сожителя (sic!) нашего шаргородскаго мѣщанина Шмуля Давидовича Штаркмана о желаніи его исходатайствовать у начальства разрѣшенія правъ повѣреннаго на хожденіе по дѣламъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ на основаніи того, 1) что Шмуль Штаркманъ вполнѣ способный къ этой обязанности человѣкъ, довольно практичный, съ хорошими качествами и имѣющій свою собственную осѣдлость, состоящую въ мѣстечкѣ Шаргородѣ и заключающуюся въ двухъ домахъ подъ одною крышею, крытою черепицею, а въ домѣ томъ пять комнатъ, вполнѣ удобныхъ для учрежденія кабинета повѣреннаго по всѣмъ дѣламъ; 2) что такое право распубликовано по всѣмъ газетамъ и предоставлено тѣмъ изъ евреевъ, имѣющихъ осѣдлость, которые отличаются своимъ поведеніемъ, довѣріемъ въ обществѣ, знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ, а также обладаютъ способностью излагать рѣчь коротко и ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво; 3) что всѣ сіи качества и даже больше сего, удивительно вмѣщаются въ особѣ господина Штаркмана, и 4) что Штаркманъ, какъ единственный въ Шаргородѣ человѣкъ, заявившій желаніе быть повѣреннымъ на основаніи долголѣтнихъ опытовъ въ судопроизводствѣ, и какъ имѣющій собственную осѣдлость вполнѣ свободную, долгами не обремененную и донынѣ нигдѣ не заложенную, не бывшій подъ судомъ или слѣдствіемъ, ни даже когда-либо подъ арестомъ — можетъ безъ всякаго препятствія ходить по чужимъ дѣламъ не только одинъ годъ, но и другой годъ, а даже всегда. По выслушаніи всего этого и по соображеніи съ обстоятельствами его, Штаркмана, на основаніи сказаннаго указа, всѣ единогласно приговорили: разрѣшить сожителю нашему, мѣщанину Шмулю Давидовичу Штаркману ходить по всѣмъ дѣламъ не только одинъ годъ, но и всегда, и на основаніи сего нашего приговора, исходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, установленное свидѣтельство; въ удостовѣреніе чего къ сему приговору жители мѣстечка Шаргорода—евреи, купцы и мѣщане руки приложили» (Слѣдуютъ подписи).

Подлинный подписанъ семьюдесятью двумя лицами и засвидѣтельствованъ помощникомъ пристава третьяго стана Могилевскаго уѣзда.

IV.

ИТОГИ ПЕРВАГО ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ.

18. Причины недовольства адвокатурой.

«Положеніе наше лучше, чѣмъ годъ тому назадъ. Общее руганіе адвокатовъ прекратилось. Ругаютъ и пробираютъ отдѣльныхъ лицъ не за дѣло, а иногда и за дѣло». Такъ говорилъ В. Д. Спасовичъ на адвокатскомъ обѣдѣ 1876 г. [1]). А спустя еще два года, онъ констатировалъ, что «съ нами помирилась aura popularis — общественное мнѣніе... Пробирала же она насъ порядкомъ, а потомъ унялась» [2]).

Мы ниже увидимъ, насколько эта увѣренность В. Д. Спасовича оказалась преждевременной. Но, во всякомъ случаѣ, примиреніе явилось уже запоздалымъ. «Нерасположеніе къ повѣреннымъ до того обуяло всѣхъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, что многіе безъ зазрѣнія твердятъ, говоря, что ихъ вовсе не нужно» [3]). Не трудно найти и причину этого нерасположенія, она вовсе и не скрывается. «Адвокаты,—писалъ фонъ-Дервизъ въ одной изъ своихъ записокъ,—претендуютъ не только на командованіе своими довѣрителями, но и на политическое вліяніе» [4]). Съ другой стороны,

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 15.
[2]) Ib., с. 17.
[3]) «Русская Старина», 1886 г., 12, с. 538. Записки Колмакова.
[4]) «Русская Старина», 1885 г., с. 596.

и адвокаты признаются, что ихъ поведеніе не могло не возбудить недовольства власти. «Мы кое-что сдѣлали, не щадя живота,—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—о чемъ можно судить индуктивно по тому вою цѣлыхъ стай шакаловъ, которые тоскуютъ по вырванной у нихъ изъ пасти добычѣ. Мы пришлись не по нраву всей фарисейской синагогѣ, мы стали костью въ горлѣ не одной высокопоставленной особы, эти особы охотно бы съѣли насъ, но не лѣзетъ—удавишься» [1]). Во всякомъ случаѣ, попытки проглотить отъ времени до времени дѣлались. Въ своемъ извѣстномъ дневникѣ Никитенко сообщаетъ, что предсѣдателямъ судовъ было дано тайное повелѣніе удалять адвокатовъ, которые почему-либо не нравятся администраціи [2]). По словамъ «Суд. Газеты» [3]), сильнаго противника адвокату нужно очень опасаться, ибо такой противникъ можетъ добиться и высылки адвоката и заставить его прекратить практику. Особенно опасно вести дѣла крестьянъ, ибо это будетъ изображено, какъ возбужденіе или какъ подстрекательство къ волненіямъ. Газета тутъ же приводитъ случай съ екатеринбургскимъ адвокатомъ, который былъ преданъ даже суду и приговоренъ казанской Судебной Палатой, но засимъ Прав. Сенатъ отмѣнилъ все производство. Такіе случаи встрѣчались не только въ захолустномъ тогда Екатеринбургѣ, но и въ самомъ Петербургѣ. На общемъ собраніи 14 апрѣля 1891 г. «по поводу производства въ Совѣтѣ дѣла о присяжномъ повѣренномъ Б—кѣ, возбужденнаго по его личной просьбѣ по поводу вызова Б—ка къ петербургскому градоначальнику и сдѣланнаго послѣднимъ выговора, многими присутствовавшими былъ поднятъ вопросъ о необходимости принятія какихъ-либо мѣръ со стороны Совѣта на будущее время для огражденія отъ вмѣшательства административной власти въ обсужденіе дѣлъ сословія прис. повѣренныхъ, подлежащихъ компетенціи Совѣта прис. повѣренныхъ». Однако, само собраніе въ качествѣ единственной такой мѣры предложило «прибѣг-

---

[1]) «Застольныя рѣчи», с. 14.
[2]) См. І. В. Гессенъ, «Суд. реформа», с. 151.
[3]) 1886, 2; 1887, 22.

нуть съ ходатайствомъ къ министру юстиціи и просить его защиты противъ неправильнаго вмѣшательства администраціи въ дѣла сословія прис. повѣренныхъ».

Самымъ крупнымъ актомъ, чреватымъ серьезными послѣдствіями, оказалось оправданіе Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ петербургскаго оберъ-полицеймейстера Трепова. Дѣло слушалось въ 1878 г. въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Кони. Вѣрѣ Засуличъ вынесенъ былъ оправдательный вердиктъ присяжныхъ засѣдателей. Оправданію этому въ немалой степени способствовала защита въ лицѣ бывшаго тов. оберъ-прокурора П. А. Александрова. «Защита Вѣры Засуличъ,—говоритъ Н. П. Карабчевскій,—сдѣлала адвоката Александрова всемірно-знаменитымъ. Рѣчь его переводилась на иностранные языки, ею отмѣченъ моментъ историческій. Одною этою рѣчью П. А. Александровъ обезпечилъ себѣ безсмертіе» [1]). Оправданіе Засуличъ, по словамъ кн. Мещерскаго [2]), произвело потрясающее впечатлѣніе и оцѣнивалось, какъ «наглое торжество крамолы». Поэтому тотчасъ по окончаніи дѣла министръ юстиціи гр. Паленъ внесъ въ Государственный Совѣтъ законопроектъ о значительномъ сокращеніи компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей. 9 августа 1878 г. соотвѣтствующій законъ былъ изданъ [3]), и кн. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» сообщаетъ, что законъ былъ понятъ такъ, что правительство не довѣряетъ вѣрноподданнической преданности не только общества, но и судебнаго вѣдомства. Но одновременно съ этимъ законопроектомъ, какъ бы нарочно для того, чтобы напомнить о связи судьбы адвокатуры съ судьбой суда присяжныхъ, было внесено министромъ юстиціи еще одно представленіе о подчиненіи присяжныхъ повѣренныхъ надзору Министерства Юстиціи. Проектъ предполагалъ распространить на присяжныхъ повѣренныхъ, въ видѣ временной мѣры, дѣйствіе 1117 ст. II т. 1 ч. Св. Зак., изд. 1876 г., предоставляющей министру юстиціи право лишать част-

---

1) «Около правосудія», с. 156.
2) «Воспоминанія», т. V, с. 402, 403.
3) См. мою книгу «Судебная реформа», с. 168.

ныхъ повѣренныхъ права ходатайства по чужимъ дѣламъ [1]). Въ каждую данную минуту и безъ всякихъ объясненій министръ юстиціи имѣлъ бы возможность лишать званія присяжнаго повѣреннаго: иначе говоря, адвокатура ставилась въ полную зависимость отъ министра.

Было совершенно ясно, что проектъ Министерства Юстиціи вызывается политическими соображеніями; достаточно обратить вниманіе на то, что онъ предлагался въ видѣ временной мѣры, вызываемой, слѣдовательно, исключительными условіями момента. А между тѣмъ, въ соображеніяхъ министра юстиціи ни словомъ не упоминается объ этихъ причинахъ недовольства адвокатами, выдвигаются исключительно тѣ указанія, которыя уже знакомы намъ по цитированной выше литературѣ. Представленіе въ Государственный Совѣтъ, доселѣ въ печати не появлявшееся, имѣетъ поэтому большой интересъ [2]). Оно гласитъ такъ:

«Правила, въ силу коихъ дѣятельность сословія присяжныхъ повѣренныхъ во всемъ ея объемѣ подчинена контролю избранныхъ ими же самими представителей, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ оградить общество, ввѣряющее симъ лицамъ защиту своихъ частныхъ интересовъ на судѣ отъ возможныхъ злоупотребленій довѣріемъ, обнаруженіе коихъ, по особому свойству упомянутыхъ отношеній, всего доступнѣе и легче для самихъ представителей означеннаго сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, таковая организація судебной защиты, съ установленіемъ тѣсной взаимной связи между повѣренными, была направлена къ обезпеченію въ составѣ ихъ постояннаго преобладанія благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ началъ, притомъ не

---

[1]) Какъ извѣстно, въ изданіи Свода Законовъ 1876 года Судебные Уставы перестали существовать какъ цѣльный и обособленный памятникъ. Они были раздѣлены на части и размѣщены по отдѣльнымъ томамъ Свода Законовъ. Учрежденіе судебныхъ установленій оказалось во 2-мъ томѣ среди другихъ учрежденій губернскихъ. Общественное мнѣніе горячо возстало противъ такого уничтоженія законодательнаго памятника 60-хъ годовъ, и въ слѣдующемъ изданіи судебные уставы включены были въ особый томъ.

[2]) Представленіе 21 апрѣля 1878 г., за № 7517.

только въ исполненіи обязанностей этого званія, но и въ частной, внѣсудебной жизни повѣренныхъ. Достиженіе сихъ цѣлей, обусловливая успѣшность и пользу дѣятельности корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, зависѣло, однако, въ свою очередь, отъ того, насколько учрежденіе это успѣло бы на первыхъ же порахъ привлечь необходимое для удовлетворенія общественной потребности число достойныхъ дѣятелей на поприщѣ адвокатуры и образовать, такимъ образомъ, въ средѣ своей достаточное большинство лицъ, нравственныя качества коихъ могли бы на самомъ дѣлѣ служить ручательствомъ въ правильномъ и соотвѣтственномъ назначенію сего учрежденія дальнѣйшемъ развитіи онаго.

Къ сожалѣнію, ни одно изъ сихъ ожидавшихся благопріятныхъ условій существованія присяжной адвокатуры, т.-е. ни численность ея представителей, ни направленіе, ею усвоенное, не осуществились въ томъ видѣ, какъ это представлялось желательнымъ.

За все время послѣ открытія новыхъ судебныхъ установленій въ округахъ различныхъ судебныхъ палатъ число присяжныхъ повѣренныхъ, за исключеніемъ столицъ и г. Харькова, хотя и превышало указанную законную норму 20 человѣкъ, опредѣленную для заявленія ходатайствъ объ открытіи Совѣтовъ, но оказывалось далеко не столь значительнымъ, чтобы возможно было признать достаточно широкимъ кругъ лицъ, изъ среды коихъ предстояло производить избраніе членовъ Совѣта, въ особенности, если принять на видъ, что изъ общаго числа присяжныхъ повѣренныхъ въ каждомъ округѣ лишь меньшая часть ихъ проживаетъ въ мѣстѣ нахожденія Судебной Палаты, коимъ опредѣляется и мѣсто пребыванія Совѣта. Въ связи съ сими обстоятельствами, недостаточность наименьшаго численнаго предѣла, при которомъ усмотрѣнію только двадцати лицъ предоставлялось образовать изъ себя отдѣльную корпорацію, отвѣтственную за свои дѣйствія лишь предъ избранными ею же членами ея, не могла не представить серьезныхъ затрудненій при разрѣшеніи ходатайствъ о дальнѣйшемъ открытіи Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ виду чего и послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

повелѣніе 5-го декабря 1874 г. о временномъ пріостановленіи учрежденія сихъ Совѣтовъ.

Но еще менѣе удовлетворительною представляется та сторона дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, оцѣнка и значеніе которой обнаруживаются изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ дѣйствій представителей этого сословія. Нельзя не признать, что отличительнымъ признакомъ, характеризующимъ нынѣ направленіе большинства присяжныхъ повѣренныхъ, является отнюдь не преданность избранному дѣлу и его задачамъ, заключающимся въ содѣйствіи всестороннему раскрытію истины въ дѣлахъ уголовнаго правосудія и въ охраненіи требующихъ защиты интересовъ имущественныхъ; напротивъ того, это призваніе представителей частныхъ лицъ на судѣ какъ бы вовсе утрачено въ сознаніи большей части присяжныхъ повѣренныхъ и, вмѣсто того, выступили, постепенно, все съ большей очевидностью, цѣли исключительно денежной наживы, стремленіе къ которымъ не останавливается ни передъ какими нравственными соображеніями ни при выборѣ кліентовъ, ни при употребленіи средствъ защиты. Такой образъ дѣйствій, граничащій весьма часто съ поступками крайне неблаговидными и недобросовѣстными, остается, однако, безнаказаннымъ и неуловимымъ для преслѣдованія въ виду искусныхъ пріемовъ обхода повѣренными закона въ ущербъ его смыслу и предназначенію. Подобныя побужденія и пріемы, направленные путемъ всевозможнаго затемненія обстоятельствъ дѣла, къ оправданію несомнѣнно виновныхъ или даже сознавшихся въ преступленіи лицъ, не могли, въ нѣкоторой степени, не подорвать довѣрія къ самому суду и создали представленіе о судебномъ защитникѣ, какъ о наемномъ укрывателѣ всякой неправды и преступленія. То же направленіе, проистекающее изъ объясненныхъ выше побужденій, проявляется и въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ, повидимому, нѣтъ мѣста какимъ-либо личнымъ расчетамъ повѣреннаго, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ безплатной защиты; но и въ этихъ дѣлахъ нерѣдко матеріальный расчетъ является лишь болѣе утонченнымъ и направленнымъ къ расширенію адвокатской практики, путемъ извѣстности, пріобрѣтаемой успѣшностью,

или, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ блескомъ судебной рѣчи, завѣдомо ложной и несправедливой по содержанію своему и по обстоятельствамъ дѣла, хорошо извѣстнымъ защитнику, но не всегда доступнымъ публикѣ.

Независимо, однако, отъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ по исполненію обязанностей ихъ званія, нельзя не остановиться и на томъ, что въ частной, внѣсудебной дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ были усматриваемы поступки, вполнѣ недостойные или же, во всякомъ случаѣ, неприличествующіе означенному званію. Въ виду такихъ дѣяній, хотя и не воспрещенныхъ подъ страхомъ уголовной кары, но несогласныхъ съ честностью, лицо, ихъ себѣ дозволившее, не можетъ оставаться въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, не нанося вреда репутаціи этого сословія. Между тѣмъ, не всегда возможно разсчитывать и на твердое примѣненіе самими Совѣтами предоставленной имъ власти къ удаленію подобныхъ лицъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Соображенія сіи убѣждаютъ въ томъ, что было бы полезно допустить участіе высшей административной, по судебному вѣдомству, власти въ надзорѣ за присяжными повѣренными, съ предоставленіемъ Министру Юстиціи права исключать изъ означеннаго сословія такихъ лицъ, въ отношеніи которыхъ эта мѣра оказалась бы нужною и, однако, осталась бы почему-либо непримѣненною.

Всѣ изложенныя выше обстоятельства приводятъ къ заключенію о необходимости тщательнаго пересмотра, законодательнымъ порядкомъ, первоначально изданныхъ о присяжныхъ повѣренныхъ постановленій, въ видахъ правильнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкаго и успѣшнаго развитія дѣятельности упомянутаго сословія, каковой вопросъ уже и разсмотрѣнъ со всею подробностью въ Министерствѣ Юстиціи. Но такъ какъ внесеніе выработанныхъ по сему предмету многосложныхъ предположеній въ Государственный Совѣтъ и разсмотрѣніе ихъ законодательною властью не можетъ послѣдовать въ продолженіе текущей сессіи Государственнаго Совѣта, то казалось бы необходимымъ, въ видѣ временной мѣры, для усиленія надзора за присяжными повѣренными, распространить на нихъ нынѣ же дѣйствіе статьи 16 Вы-

сочайше утвержденныхъ 25 мая 1874 г. правилъ о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ, а именно предоставить министру юстиціи право исключать изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ такихъ лицъ, которыя, по имѣющимся несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій, не соотвѣтствующій званію присяжнаго повѣреннаго».

Итакъ, во всемъ представленіи нѣтъ даже и намека на какое-либо недовольство антиправительственными выступленіями адвокатовъ. Но представленіе явно игнорируетъ фактическія данныя. Мы уже знаемъ, изъ офиціальныхъ источниковъ [1]), что пріостановленіе открытія Совѣтовъ объясняется политическими причинами, а представленіе ссылается на недостаточность числа повѣренныхъ. Далѣе, представленіе увѣряетъ, что въ Министерствѣ уже разработанъ проектъ реформы организаціи адвокатуры, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ничего не было сдѣлано. Но тѣмъ любопытнѣе, что, скрывая истинные мотивы, представленіе укрылось за обвиненіями, которыя можно было черпать полной пригоршней въ литературѣ. И нужно лишь удивляться, какъ удобно оказалось для правительства использовать либеральныя нападки на адвокатуру въ цѣляхъ искорененія ея независимости, т.-е. уничтоженія самой сущности ея.

Единственнымъ доводомъ противъ адвокатуры, который не встрѣчался выше въ ссылкахъ на литературу, является указаніе на пріемы, направленные на оправданіе несомнѣнно виновныхъ или даже (!) сознавшихся въ преступленіи лицъ. Съ трудомъ вѣрится теперь, что министръ юстиціи могъ вмѣнять это обстоятельство въ вину адвокатурѣ. Но дальше придется убѣдиться, что этотъ вопросъ то и дѣло ставился на очередь. Пока же слѣдуетъ отмѣтить, что и здѣсь снова судьба русской адвокатуры тѣсно сплетается съ судьбами суда присяжныхъ. Вопросъ объ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ сталъ боевымъ именно по отношенію къ этому институту и до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, вызывая отъ времени

---

[1]) См. выше, с. 229—30.

до времени бурю негодованія противъ суда общественной совѣсти.

Представленіе министра юстиціи не имѣло, однако, успѣха въ Государственномъ Совѣтѣ. Оно встрѣтило,—говоритъ «Историческій Очеркъ» [1]),—существенныя возраженія, и представленіе было возвращено министру юстиціи. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что, какъ уже замѣчено выше, другой законопроектъ — объ изъятіи нѣкоторыхъ государственныхъ и должностныхъ преступленій изъ компетенціи суда присяжныхъ, хотя и съ нѣкоторыми смягченіями, былъ принятъ. Но въ данномъ случаѣ несоотвѣтствіе между цѣлью и средствомъ было слишкомъ разительнымъ. Чѣмъ усерднѣе гр. Паленъ старался доказать, что онъ заботится о возвышеніи нравственнаго уровня адвокатуры, тѣмъ рѣзче выступала безплодность предлагаемаго средства. Достаточно, вѣдь, было вспомнить, что адвокатура получила самоуправленіе только въ трехъ округахъ, а во всѣхъ остальныхъ и безъ того подчинена надзору окружныхъ судовъ, отнюдь, однако, не способствовавшему возвышенію ея уровня. Очевидно, графъ Паленъ не рѣшался разоблачать передъ Государственнымъ Совѣтомъ свои истинныя побужденія. А въ Государственномъ Совѣтѣ образовалась цитадель судебныхъ уставовъ. Здѣсь, гдѣ въ это время уже засѣдали многіе опальные творцы этого памятника, естественно, умѣли цѣнить значеніе его и всячески оберегали его чистоту.

19. Отношеніе магистратуры къ адвокатурѣ.

Другой такой цитаделью—и отчасти по той же причинѣ—былъ Правительствующій Сенатъ, который въ своихъ рѣшеніяхъ въ то же время правильно развивалъ основныя начала судебныхъ уставовъ. Въ частности, что касается адвокатуры, Правительствующій Сенатъ въ своихъ

---

[1]) С. 134. Въ только что появившемся оффиціальномъ изданіи «Судебные Уставы за 50 лѣтъ». Е. Васьковскій утверждаетъ, что «представленіе было возвращено для согласованія предложенной мѣры съ другими мѣрами, проектированными относительно прис. адвокатуры». (т. II, с. 273). Если это такъ, то гр. Паленъ попался, такъ сказать, на удочку

рѣшеніяхъ въ то же время тщательно оберегалъ ея независимость и самостоятельность и зорко стоялъ на стражѣ гарантій, которыя были установлены судебными уставами для того, чтобы присяжные повѣренные удовлетворяли предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ. Такъ, въ 1879 году предъ общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ поставленъ былъ вопросъ, подлежатъ ли обжалованію Судебной Палаты постановленія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ объ отказѣ извѣстному лицу въ принятіи его въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ случаѣ, если таковой отказъ основанъ на обсужденіи собранныхъ свѣдѣній относительно личныхъ качествъ этого лица (380 ст. учр. суд. уст.). Этотъ вопросъ, какъ извѣстно [1]), разрѣшенъ былъ утвердительно самими Совѣтами и не возбуждалъ сомнѣній, пока фактически Судебныя Палаты оставляли безъ послѣдствій приносимыя на отказъ Совѣта жалобы. Но въ 1878 году петерб. Судебная Палата отмѣнила одно изъ такихъ постановленій Совѣта, и тогда сословію стало ясно, какая опасность ему угрожаетъ. Тѣмъ не менѣе, и тогда еще въ средѣ Совѣта нашлись члены (А. Н. Турчаниновъ) [2]), доказывавшіе, что отказъ по 380 ст. учр. суд. уст. подлежитъ обжалованію. Но 5 ноября 1878 г. состоялось бурное общее собраніе, которое постановило обжаловать рѣшеніе Суд. Палаты [3]). Правительствующій Сенатъ (рѣшеніе 1879 г. № 14) рѣшительно сталъ на сторону адвокатуры и разъяснилъ, что эти постановленія Совѣтовъ обжалованію не подлежатъ, а въ 1885 г. (рѣшеніе № 13) вновь самымъ категорическимъ образомъ этотъ взглядъ свой подтвердилъ.—Точно такъ

своего собственнаго заявленія, что проектъ реформы уже готовъ. Какъ утверждаетъ далѣе официальное изданіе, при докладѣ объ этомъ было Высочайше повелѣно 4 марта 1878 г., ускорить представленіе законопроекта..., дабы вооружить правительство законными средствами противъ злоупотребленій адвокатуры.

[1]) См. выше, с. 110—11.

[2]) А. Н. Турчаниновъ полагалъ, однако, что хотя Палата и въ правѣ разсматривать жалобы, но отмѣнять постановленія Совѣта ей не слѣдовало бы, такъ какъ постановленія Совѣта не мотивируются.

[3]) Кромѣ того, рѣшеніе было опротестовано и прокуроромъ Палаты.

же весьма рѣшительно Правительствующій Сенатъ ограждалъ требованіе 354 ст. учр. суд. уст. о высшемъ юридическомъ образованіи. Изъ этого правила,—говоритъ Сенатъ,—не допускается никакихъ изъятій, хотя бы и въ пользу лицъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ кандидатами на судебныя должности и членами судебныхъ мѣстъ (рѣш. 1882 г. № 23). Этотъ взглядъ точно такъ же былъ неоднократно подтверждаемъ (1885 г. № 14 и др.). Въ противоположность Совѣтамъ, которые, какъ выше указано [1]), допускали примѣненіе облегчительныхъ правилъ 19 октября 1865 г. и при дѣйствіи судебныхъ уставовъ, Правительств. Сенатъ разъяснилъ, что правила эти могутъ имѣть примѣненіе лишь при введеніи судебныхъ уставовъ; по открытіи же новыхъ судебныхъ установленій, окружные суды, дѣйствующіе на правахъ Совѣтовъ, «никакими иными правилами, кромѣ прямо преподанныхъ имъ уставами 20 ноября 1864 г., руководствоваться не могутъ» (рѣш. 1885 г. № 14). Правительствующій Сенатъ высказался противъ совмѣщенія присяжными повѣренными должности почетнаго мирового судьи, ибо это противорѣчило бы требованію независимости (рѣш. 1878 г. № 24). Такой же заботой о надлежащемъ составѣ сословія дышитъ рѣшеніе 1882 г. № 23, коимъ подтверждена правильность отказа въ зачисленіи въ присяжные повѣренные чиновника статистическаго отдѣленія Министерства Юстиціи. Весьма настойчиво Сенатъ разъясняетъ, что наложеніе судебными мѣстами дисциплинарныхъ взысканій на адвокатовъ можетъ состояться не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, установленнаго для дѣлъ, подлежащихъ дисциплинарному производству (рѣш. 1878 года № 48, 1879 г. № 61). Къ огражденію самостоятельности сословія направлены разъясненія, что перевода присяжныхъ повѣренныхъ изъ одного округа въ другой законъ не знаетъ и что при такомъ переходѣ присяжный повѣренный вновь долженъ быть принятъ Совѣтомъ на общемъ основаніи (рѣш. 1881 г. № 33), что точно такъ же не имѣетъ обязательнаго значенія для Совѣта утвержденіе лица въ званіи

---

[1]) С. 129.

присяжнаго повѣреннаго Министерствомъ Юстиціи по временнымъ правиламъ 19 октября 1865 г., если это лицо выбыло изъ сословія и затѣмъ возобновляетъ свое ходатайство о принятіи (рѣш. 1882 г. № 20). Когда въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ начались гоненія на евреевъ, и одна судебная палата въ 1889 г., т.-е. почти четверть вѣка спустя послѣ введенія судебныхъ уставовъ, отказалась привести присяжнаго повѣреннаго къ присягѣ «по неустановленію въ законѣ формы для привода къ присягѣ евреевъ, принятыхъ въ присяжные повѣренные», то Правительствующій Сенатъ (по Соединенному Присутствію) разъяснилъ, что Палата не имѣетъ никакого права отказывать въ приводѣ къ присягѣ и усматривать препятствіе въ неустановленіи особой формы (Указъ 1889 г. № 285). Законъ 20 мая 1885 г., ограничившій судейскую несмѣняемость, коснулся адвокатуры въ томъ смыслѣ, что на рѣшенія судебныхъ палатъ по дисциплинарнымъ дѣламъ отнынѣ не принимались жалобы. Пользуясь этимъ, палаты перестали составлять мотивированныя опредѣленія. Но Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что это противорѣчитъ духу судебныхъ уставовъ, и потребовалъ изложенія мотивовъ (Указъ 1889 г. № 380).

Были, конечно, отступленія отъ общей тенденціи,—на нихъ намъ придется остановиться ниже,—но общая тенденція, выраженная въ изложенныхъ рѣшеніяхъ, несомнѣнно, соотвѣтствовала основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ и представляла ихъ дальнѣйшее развитіе. Но именно многочисленность этихъ рѣшеній, преподаніе разъясненій черезъ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ доказываетъ, что на практикѣ судебные уставы примѣнялись неправильно, что почва подъ ними часто колебалась, въ томъ уголкѣ, по крайней мѣрѣ, на которомъ воздвигнутъ былъ институтъ адвокатуры.

Иначе оно, несомнѣнно, и не могло быть. Ибо особенно послѣ знаменитаго закона 20 мая 1885 г., когда судьи должны бы почувствовать, что и подъ ними самими почва уже нѣсколько поколебалась, рѣшенія Прав. Сената не могли имѣть такого авторитета, какъ руководящія указанія Министерства Юстиціи. Общій тонъ отношеній суда къ адвокатурѣ устанавливался по камертону Министерства, а камертонъ

этотъ, какъ мы знаемъ, звучалъ крайне недружелюбно [1]). Дѣйствуя въ качествѣ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, окружные суды далеко не отличались той строгостью требованій, которую проводилъ Прав. Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Такъ, напр., въ казанскомъ судебномъ округѣ окружные суды, по отношенію къ адвокатурѣ, дѣйствовали, какъ временные комитеты о присяжныхъ повѣренныхъ, и по указанію Министерства Юстиціи руководствовались облегчительными правилами 19 октября 1865 г., а не требованіями судебныхъ уставовъ. Попытка пермскаго Окружнаго Суда возстановить дѣйствіе закона кончилась неудачей. Казанская Судебная Палата отмѣнила его постановленіе, соотвѣтствующее, какъ уже извѣстно, позднѣйшему разъясненію Сената, и предписала примѣнять облегчительныя правила. Въ печати то и дѣло встрѣчаются указанія на то, что окружные суды принимаютъ въ присяжные повѣренные лицъ, не получившихъ юридическаго образованія и вообще не удовлетворяющихъ требованіямъ закона [2]). Характерно, что одно изъ такихъ сообщеній въ «Журналѣ Гражд. и Уголовн. Права» подписано членомъ суда, характерно потому, что, какъ указывается въ другомъ мѣстѣ, разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся адвокатуры, въ засѣданіяхъ общихъ собраній окружныхъ судовъ раскалываетъ составъ ихъ и всегда вызываетъ особыя мнѣнія.

Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, какъ уже извѣстно, тщетно ходатайствовали о нераспространеніи на помощниковъ прис. повѣренныхъ правилъ 25 мая 1874 г., а саратовская Судебная Палата умудрилась распространить эти правила и на прис. повѣренныхъ, разъяснивъ, что внѣ округа палаты, при которой присяжный повѣренный состоитъ, онъ можетъ вести дѣло не иначе, какъ взявши за 75 руб. свидѣтельство на веденіе дѣлъ [3]).

---

[1]) Впрочемъ, Министерство само лишь подчинялось давленіямъ, которыя неизмѣнно на него оказывались. Такъ, напр., Д. Н. Набоковъ въ бытность министромъ юстиціи, заявилъ въ рѣчахъ своихъ, обращенныхъ къ Совѣтамъ прис. повѣренныхъ, что онъ безсиленъ отстоять автономію адвокатуры, несмотря на свое сочувствіе. (Юр. Об., 1882 г., № 190, с. 311).

[2]) Журн. Гр. и Уг. Права 1880 г. кн. 6, 1882 г. кн. 5; Юр. Лѣт. 1881 г., 38.

[3]) Суд. В., 1876 г., 109.

Параллельно съ этимъ, развивалось пренебреженіе и недовѣріе къ адвокатурѣ. Въ Перми, при устройствѣ зала судебныхъ засѣданій, предсѣдатель отказался поставить трибуну для адвокатовъ, и имъ пришлось покупать ее на свой счетъ [1]). Въ конотопскомъ Съѣздѣ мировыхъ судей не ставятъ адвокатамъ стульевъ для того, чтобы они долго не говорили. Въ округѣ спб. Палаты имѣлъ мѣсто случай распоряженія предсѣдательствующаго объ освидѣтельствованіи присяжнаго повѣреннаго, заявившаго въ судебномъ засѣданіи, что онъ чувствуетъ себя больнымъ и не можетъ исполнять обязанности защитника. Констатировавъ, что подобный случай впервые встрѣчается и что такое освидѣтельствованіе равносильно публично выраженному недовѣрію къ присяжному повѣренному, Совѣтъ нашелъ, что присяжпый повѣренный не долженъ подчиняться такому распоряженію.

При введеніи судебныхъ уставовъ въ Кіевѣ попытка ходатайства объ открытіи Совѣта встрѣтила энергическій отпоръ со стороны высшихъ представителей магистратуры. Весьма уважаемымъ представителямъ тамошней адвокатуры пришлось, по словамъ Журн. Гр. и Уг. Права [2]), выслушать по этому поводу удивительныя сужденія.

Въ 1885 году, читаемъ мы дальше въ Кіевѣ возникло дисциплинарное преслѣдованіе 26 повѣренныхъ. Дѣло началось съ того, что, какъ заявляли газеты, въ теченіе двухъ дней подъ-рядъ, 4-го и 5-го марта этого года, въ судебныхъ засѣданіяхъ по І-му гражданскому отдѣленію, предсѣдавшій членъ суда Делинскій и самъ предсѣдатель Сабуровъ, останавливая присяжныхъ повѣренныхъ въ ихъ заявленіяхъ суду, довели свою рѣзкость въ обращеніи до крика: «молчать». Эти факты не могли не обратить вниманія кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, что они на первыхъ порахъ своей дѣятельности встрѣтили самое грубое отношеніе къ себѣ и непомѣрныя стѣсненія въ защитѣ со стороны суда. Собравшись и обсудивъ всѣ факты ненормальныхъ отношеній суда къ адвокатурѣ и желая устраненія ихъ мирнымъ путемъ, кіевскіе повѣренные составили частное письмо г. Сабурову, подписанное 26 именами, въ которомъ,

---

[1]) Эта трибуна такъ и существуетъ до сихъ поръ.

[2]) 1881 г., кн. 5.

разъясняя отношенія адвокатуры къ суду, по судебнымъ уставамъ, и указывая на несообразность съ ними того положенія, въ которое они поставлены, просили устроить это положеніе къ лучшему. Сдержанность и умѣренность этого обращенія не привела ни къ чему. Г. Сабуровъ, придавъ этому письму офиціальное значеніе, передалъ его въ судъ (какъ извѣтъ), а судъ, находя нѣкоторыя выраженія въ письмѣ неприличными для себя (какъ суда), составилъ цѣлый обвинительный актъ и, угрожая судомъ, потребовалъ отъ протестантовъ объясненій. Случилось,—говоритъ г. Владиміровъ,—нѣчто высоко несообразное. «Судъ, съ одной стороны, считаетъ себя оскорбленнымъ и составляетъ изъ произвольно вырванныхъ словъ письма обвинительный актъ (въ такой формѣ написано опредѣленіе суда), а съ другой, тотъ же судъ (какъ Совѣтъ), собирается судить; вотъ что значитъ соединеніе суда съ Совѣтомъ. Прибавьте къ этому, что присяжные повѣренные обратились къ г. Сабурову частнымъ образомъ, желая уладить черезъ него взаимныя отношенія съ судомъ, а г. Сабуровъ, безъ всякаго полномочія, передалъ письмо въ судъ и самъ же въ судѣ разбиралъ его и составлялъ обвинительный актъ,—и вы поймете, на чьей сторонѣ все неприличіе и неумѣстность поступка».

Печальнѣе всего, что г. г. предсѣдатели нисколько не стѣснялись проявлять свои отношенія къ адвокатурѣ публично. Харьковскій Совѣтъ постановилъ довести до свѣдѣнія Судебной Палаты о неправильномъ возбужденіи дисциплинарнаго дѣла противъ присяжнаго повѣреннаго въ публичномъ судебномъ засѣданіи. Совѣтъ правильно указалъ, что при такомъ порядкѣ возбужденія доброе имя адвоката публично подвергается сомнѣнію, прежде чѣмъ онъ можетъ представить свои объясненія и оправданія [1]). Въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» [2]) разсказывается, что въ засѣданіи казанской Судебной Палаты въ Царевококшайскѣ предсѣдатель потребовалъ, чтобы присяжный повѣренный допрашивалъ свидѣтеля-исправника стоя. На почвѣ такого отношенія произрастали самые уродливые результаты. «Судебная Газе-

[1]) Макалинскій, с. 248.
[2]) 1882 г., № 11.

та» [1]) разсказываетъ, что въ Новой Ладогѣ, когда прокуроръ поднялся съ мѣста, чтобы говорить, присяжные засѣдатели встали вмѣстѣ съ нимъ; а въ другомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи, когда послѣ прокурора всталъ защитникъ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей крикнулъ ему: «Что бы ты тамъ ни говорилъ, батюшка, все равно, мы не промѣняемъ тебя на прокурора».

Былъ еще одинъ спеціальный источникъ, плодившій недоразумѣнія между магистратурой и адвокатурой, это—десятипроцентный сборъ, о которомъ уже приходилось говорить выше. Въ восьмидесятыхъ годахъ взиманіе этого сбора не только въ тѣхъ округахъ, гдѣ существовали Совѣты, но и вообще въ Имперіи фактически прекратилось. Это произошло какъ-то незамѣтно, само собою. Какъ говорится, напр., въ описи архива московскаго Совѣта, данныя, имѣющіяся въ архивѣ, не позволяютъ отвѣтить на вопросъ, почему прекратилось взиманіе 10% сбора, и какъ оно прекратилось. Но тѣмъ рѣзче бросается въ глаза исключительная настойчивость, которую проявляли нѣкоторые суды. Такъ, въ 1889 г. симбирскій Судъ за уклоненіе отъ платежа сбора приговорилъ трехъ присяжныхъ повѣренныхъ къ лишенію практики на три мѣсяца. Въ жалобѣ своей въ казанскую Суд. Палату прис. повѣренные ссылались на то, что въ другихъ округахъ взиманіе сбора давно прекратилось, что и Симбирскій Судъ не выработалъ никакихъ правилъ, что, отнявъ книги для записи дѣлъ, онъ ихъ не возвратилъ прис. повѣреннымъ и нашелъ невозможнымъ вести записи и дать отчетъ. Но всѣ эти доводы убѣдили Палату лишь въ томъ, что наказаніе должно быть смягчено до выговора, а требованіе сбора должно быть оставлено въ силѣ.

Сами по себѣ эти факты, которые взяты наудачу изъ хроники тогдашнихъ газетъ, могли бы имѣть скорѣе характеръ анекдотическій. Если бы количество такихъ фактовъ было даже значительно увеличено, то и тогда ихъ можно было бы, пожалуй, трактовать даже какъ исключеніе. Но уже тогда эти факты служили лишь иллюстраціей къ об-

---

[1]) 1882 г., 15.

щимъ выводамъ, которые дѣлались весьма опредѣленно. Въ одномъ рѣшеніи общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Прав. Сената (1879 г. № 4) цитируется рѣшеніе Суд. Палаты, содержащее удивительное признаніе, что присяжная адвокатура пользуется «до нѣкоторой степени довѣріемъ суда». Печать не только констатировала рознь между магистратурой и адвокатурой, но настойчиво указывала на тяжелое положеніе послѣдней. «Если,—писалъ Граціанскій,—адвокатура стоитъ еще не на надлежащей высотѣ, въ томъ не ея вина, а вина правительства, которое, говоря словами Миттермайера, обнаруживая недовѣріе къ сословію, унижаетъ его въ глазахъ народа» [1]). Еще въ 1876 году такъ, напримѣръ, изображалось положеніе адвоката въ защитахъ по назначенію: «Полученіе ордера за три дня, пріѣздъ въ тюрьму, отказъ въ свиданіи съ подсудимымъ наединѣ, попраніе закона, замѣчанія и окрики предсѣдателя на судѣ, просьбы о занесеніи въ протоколъ». Въ другомъ журналѣ мы читаемъ то же самое: «Благовременное назначеніе защитниковъ рѣдко гдѣ соблюдается, къ постоянному вреду подсудимыхъ, а когда присяжный повѣренный заявляетъ о невозможности подготовиться, то ему дѣлается взысканіе, поведеніе же предсѣдательствующаго не вызываетъ никакой реакціи». По поводу дѣла присяжнаго повѣреннаго Серебреникова, обвинявшагося въ неуваженіи къ суду и приговореннаго къ семидневному аресту, «Журналъ Гражд. и Уголовн. Права» писалъ, что «самое дѣло въ иныя времена не возникло бы вовсе, но теперь судебные дѣятели переживаютъ острый періодъ взаимнаго болѣзненнаго раздраженія, и рядъ симптомовъ указываетъ на крайнее обостреніе болѣзни».

«Адвокатура, по мысли составителей судебныхъ уставовъ, предполагалась помощницей суда, но.... прошли года, и магистратура и адвокатура составили два враждебныхъ лагеря; вражда эта растетъ и увеличивается, и судъ, пользуясь правомъ власти, дѣлаетъ все, чтобы способствовать еще болѣе глубокому паденію значенія защиты на судѣ. Магистратура никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) «Юрид. Лѣт.», 1890 г., августъ, с. 87.

повѣренный, ею же «снисходительно допущенный» въ это сословіе, вполнѣ подчиненное ей лицо, могъ явиться обличителемъ судейскаго произвола или незнанія того, что судъ долженъ знать. Если ко всему этому прибавить чувство зависти, которое у многихъ является при соображеніи о предполагаемыхъ «барышахъ» (въ провинціи этимъ именемъ принято называть вознагражденіе присяжнаго повѣреннаго за трудъ) повѣреннаго, превышающихъ жалованіе чиновника V класса, то тогда будутъ вполнѣ ясны причины той враждебности, о которой упомянуто выше».

Профессоръ Фойницкій приписываетъ измѣнившееся отношеніе къ адвокатурѣ слабости сознанія общественнаго назначенія защиты нашей судебной практикой: «По мѣрѣ того какъ нападенія на адвокатовъ становились болѣе и болѣе модными въ обществѣ, измѣнилось и ихъ положеніе въ судѣ уголовномъ. Едва ли слѣдуетъ скрывать отъ себя, что если не всѣ, то многіе предсѣдательствующіе видятъ въ нихъ не помощниковъ правосудія, а его противниковъ. По винѣ ли самихъ адвокатовъ появился этотъ взглядъ, или по инымъ причинамъ, для насъ не представляетъ интереса: безспорно, однако, что онъ пустилъ прочные ростки, и что предсѣдательствующіе одной изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей считаютъ удерживать защитниковъ въ тѣсныхъ границахъ, воспрещать имъ касаться тѣхъ или иныхъ предметовъ и останавливать ихъ строгимъ замѣчаніемъ при первой попыткѣ изслѣдовать или высказать что-либо, по мнѣнію ихъ, не относящееся къ дѣлу или уже достаточно разъясненное» [1]).

При такихъ взаимоотношеніяхъ власть не только не заботилась объ укрѣпленіи и развитіи началъ сословнаго самоуправленія, но чрезвычайно подозрительно относилась ко всякому проявленію сословной жизни. До какой мелочности спускалась эта подозрительность, видно изъ того, что въ 1883 году Министерство Юстиціи неожиданно заинтересовалось библіотекой петербургскаго Совѣта [2]), и Судебная

---

[1]) «Защита въ уголовномъ процессѣ», 44, 45.

[2]) Въ московскомъ Совѣтѣ тоже существовала библіотека съ самаго основанія, но въ дѣлахъ архива нѣтъ указаній, чтобы интересъ Министерства коснулся и московской библіотеки.

Палата прислала Совѣту запросъ, на какомъ основанiи библiотека существуетъ. Нельзя удержаться, чтобы не привести соображенiй, выставленныхъ Совѣтомъ въ своемъ объясненiи. Наивная элементарность ихъ граничитъ съ скрытымъ издѣвательствомъ надъ запросомъ. Совѣтъ объясняетъ, что «еще при первомъ изданiи свода законовъ правительствомъ было преподано, что буквальнымъ смысломъ закона не всегда выражается во всей полнотѣ и точности внутреннiй разумъ его, къ коему по необходимости прибѣгать должно въ случаѣ сомнѣнiй. Разумъ закона соображается въ причинахъ, на коихъ онъ основанъ. Но причины сiи не означены въ статьяхъ свода, ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ и самыхъ текстахъ, изъ коихъ статьи составлены. Такимъ образомъ, самое существо обязанностей, возложенныхъ на присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ Совѣтъ, и самый способъ истолкованiя сихъ обязанностей, указанный въ законѣ, повлекли за собой необходимость прiобрѣсти для сословiя не только книги законовъ въ собственномъ смыслѣ, но и полное собранiе законовъ, собранiе узаконенiй, изданiе разсужденiй, на коихъ судебные уставы основаны, сборникъ кассацiонныхъ рѣшенiй, а также сочиненiя, излагающiя этотъ матерiалъ въ болѣе или менѣе систематической формѣ, а равно ученыя сочиненiя юридическаго содержанiя. Въ силу такой естественной, самимъ закономъ вызванной необходимости, учредилась при Совѣтѣ библiотека» [1]).

Этимъ отвѣтомъ интересъ къ библiотекѣ былъ исчерпанъ, и существованiе ея было спасено. Но зато Судебная Палата заинтересовалась Комиссiей помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, существовавшей къ тому времени уже около 10 лѣтъ. Въ 1882 г. Судебная Палата потребовала отъ Совѣта свѣдѣнiй въ разъясненiе тѣхъ основанiй, по которымъ учреждена и дѣйствуетъ Комиссiя. Въ своемъ отвѣтѣ, данномъ послѣ вторичнаго требованiя Суд. Палаты, Совѣтъ напомнилъ, что Суд. Палата сама считала положенiе помощниковъ ненормальнымъ и въ 1872 г. представила въ Министерство Юстицiи ходатайство Совѣта объ ихъ организа-

---

[1]) Макалинскiй, 231.

ціи. «Но,—продолжаетъ Совѣтъ,—общность интересовъ помощниковъ прис. повѣренныхъ не могла ограничиваться однимъ ожиданіемъ исхода ихъ ходатайства, на которое разрѣшенія не имѣется и въ настоящее время. Содѣйствіе Комиссіи значительно облегчаетъ Совѣту осуществленіе его обязанности, а для помощниковъ добровольное подчиненіе ограниченіямъ, ими самими постановленнымъ для контроля за правильностью ихъ же дѣйствій, является прекрасной школой». Тѣмъ не менѣе, Судебная Палата признала существованіе Комиссіи неправильнымъ. Но такъ какъ образованіе Комиссіи самимъ Совѣтомъ приписывается лишь частному соглашенію помощниковъ, не имѣющему офиціальнаго значенія, то Палата не посягнула на существованіе Комиссіи, разъяснивъ, однако, что, если Совѣтъ находитъ Комиссію полезной, онъ обязанъ возобновить свое ходатайство объ изданіи соотвѣтствующихъ правилъ въ надлежащемъ порядкѣ [1]). Это отношеніе Судебной Палаты тѣмъ болѣе характерно, что за годъ до приведеннаго запроса, въ 1881 г., состоялось рѣшеніе Прав. Сената по общему собранію, которое по поводу проекта наказа варшавскаго Окружнаго Суда разъяснило, что въ избраніи присяжными повѣренными особой комиссіи для облегченія сношеній суда съ присяжными повѣренными и для лучшаго осуществленія права надзора съ его стороны за ихъ дѣятельностью нѣтъ ничего противозаконнаго.

20. Суженіе правъ защиты.

Постепенно обостряясь, эти ненормальныя отношенія получили свое наиболѣе яркое и весьма бурное выраженіе въ знаменитомъ заключеніи извѣстнаго оберъ-прокурора Н. А. Неклюдова по дѣламъ Мельницкихъ и Свиридова. Въ этой рѣчи кристаллизовалась вся та накипь недовольства адвокатурой, которая копилась годами. Одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ юристовъ, Н. А. Неклюдовъ, начавшій свою карьеру съ заключенія въ Петропавловской крѣпости по обвиненію въ государственномъ преступленіи и кончившій

---

[1]) Макалинскій, 68.

ее директоромъ департамента полиціи, отбросилъ всѣ условности, которыми уснащались всякія выступленія противъ адвокатуры, и поставилъ вопросъ ребромъ. Какъ уже сказано, поводомъ къ этому послужило дѣло Мельницкихъ, обвинявшихся въ присвоеніи суммъ московскаго Воспитательнаго дома, и Свиридова, обвинявшагося въ присвоеніи суммъ кіевскаго городского общества взаимнаго кредита. Судъ присяжныхъ въ обоихъ случаяхъ вынесъ оправдательный вердиктъ, признавъ фактъ присвоенія денегъ. Эти дѣла возбудили огромную сенсацію. Катковъ былъ тогда на вершинѣ своего могущества и настойчиво требовалъ уничтоженія «суда улицы». Когда дѣло при такихъ условіяхъ перешло въ Сенатъ, Н. А. Неклюдовъ, въ качествѣ оберъ-прокурора, пошелъ навстрѣчу этимъ нападкамъ и въ чрезвычайно напыщенной рѣчи, переполненной библейскими цитатами, признавалъ справедливость нареканій на судебную реформу, извращенную, въ значительной степени, защитой [1]: «Я не могу не выразить, что уголовный кассаціонный департаментъ окажетъ дѣлу уголовнаго правосудія немаловажную услугу, разъяснивъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности всѣхъ тѣхъ, до кого это относится, что дарованная судебными уставами свобода защиты заключается лишь въ правѣ свободной оцѣнки силы и значенія представляющихся противъ подсудимаго уликъ, въ разъясненіи тѣхъ законовъ, которые подлежатъ примѣненію къ винѣ подсудимаго, и обстоятельствъ, уменьшающихъ, смягчающихъ или уничтожающихъ по закону отвѣтственность обвиняемаго; что договоръ защиты не предоставляетъ защитнику нравственнаго основанія или права ни ослаблять степень преступности дѣянія, воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія, а тѣмъ болѣе ставить его чуть ли не въ заслугу подсудимому, ни опорочивать дѣйствій лицъ, къ дѣлу не привлеченныхъ, или же такія дѣйствія правительственныхъ властей, которыя, будь они удостовѣрены даже въ квадратѣ утверждаемаго, не могутъ ни уничтожить, ни умалить по закону отвѣтственность самого подсудимаго; что, словомъ, какъ я уже имѣлъ честь заявить Правительствующему Сенату въ моемъ заключеніи

[1]) І. В. Гессенъ, Суд. Реформа, стр. 163.

по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ частномъ кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ, и на судѣ, даже при самомъ полномъ осуществленіи принципа свободы защиты,—есть свой modus, не дозволяющій сторонѣ выставлять черное бѣлымъ, безнравственное нравственнымъ, а преступное дозволеннымъ или не преступнымъ, искажая для сего и законы религіи, и законы общественной нравственности, и законы государственнаго строя... Странно было бы скрывать передъ верховнымъ судилищемъ тѣ побудительныя причины, которыя заставляютъ меня просить уголовный кассаціонный департаментъ о неотложномъ и положительномъ разъясненіи предѣловъ права защиты».

Рѣчь Н. А. Неклюдова произвела огромное впечатлѣніе, которое отнюдь не было ослаблено рѣчью защитника одного изъ Мельницкихъ, В. Д. Спасовича. Даже напротивъ, В. Д. Спасовичъ, въ свою очередь, какъ бы пошелъ навстрѣчу нападкамъ на «судъ улицы» и призналъ, что «институтъ (судъ присяжныхъ засѣдателей) боленъ, серьезно боленъ..., что лѣчить его надобно энергически и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ и запущена, а дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести до необходимости ампутаціи». Однимъ изъ средствъ лѣченія В. Д. Спасовичъ предлагалъ измѣненіе въ составѣ присяжныхъ засѣдателей. «Подсудимые могли бы претендовать на то, чтобы ихъ судили люди, обладающіе знаніемъ азбуки» [1]). Такимъ образомъ, вмѣсто надлежащаго отпора нападеніямъ на адвокатуру, В. Д. Спасовичъ самъ подставилъ судъ присяжныхъ подъ ударъ, снова напомнивъ, что судьба этихъ институтовъ неизмѣнно сплетается и перекрещивается. А между тѣмъ, насколько былъ тогда необходимъ отпоръ рѣчи Н. А. Неклюдова, доказываетъ совершенно исключительное выступленіе всѣхъ, бывшихъ предсѣдателями петерб. Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Въ газетѣ «Новости» напечатано было письмо за подписями Дмитрія Стасова, Константина Арсеньева, Влади-

---

[1]) «Журн. Гр. и Уг. Права», 1884 г., кн. 5, с. 187. «Слова эти», удостовѣряетъ офиціальное изданіе, «не могли вселить бодрости въ друзьяхъ института, а противникамъ давали сильное оружіе».—«Судебные Уставы за 50 лѣтъ». Т. II, с. 619.

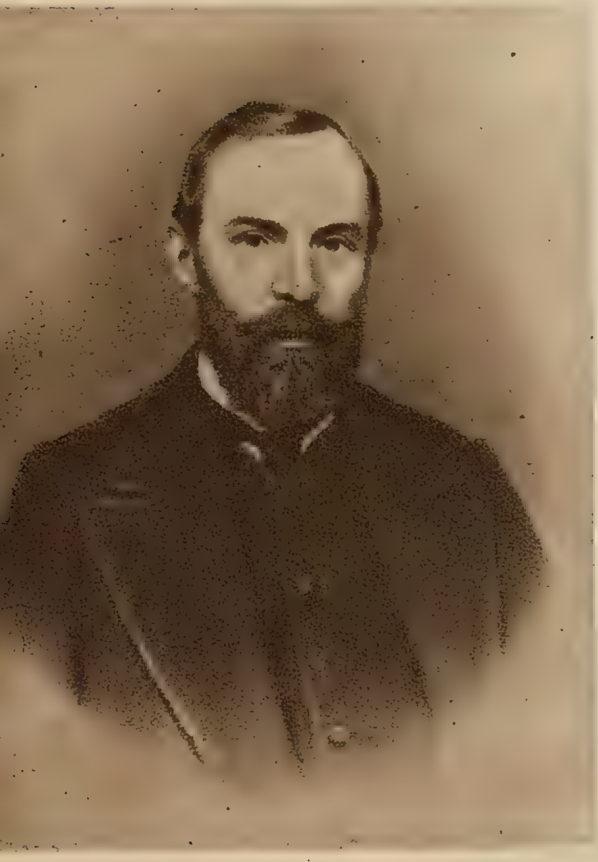
В. Э. Краузольдъ.

В. П. Гаевскій.

Г. Г. Принцъ.

В. В. Самарскій-Быховецъ.

міра Спасовича, Алексѣя Унковскаго и Вильгельма Люстиха, которыхъ объединило именно то, что всѣ они были (а последній въ моментъ написанія письма состоялъ) предсѣдателями Совѣта. Въ этомъ историческомъ документѣ авторы его говорятъ:

«М. Г. Позвольте просить о помѣщеніи въ издаваемой Вами газетѣ нашего заявленія по вопросу о правахъ защиты въ уголовномъ процессѣ. Этотъ предметъ намъ близокъ по нашимъ занятіямъ, такъ какъ четверо изъ насъ были предсѣдателями, а одинъ теперь предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ с.-петербургскаго судебнаго округа.

Случай, вызвавшій наше заявленіе, слѣдующій. Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, въ засѣданіи по дѣлу о Мельницкихъ, происходившемъ 13-го сего марта, г. оберъ-прокуроръ сего департамента, Николай Адріановичъ Неклюдовъ, въ своихъ заключеніяхъ по этому дѣлу просилъ Сенатъ «о неотложномъ и положительномъ разъясненіи правъ защиты», въ виду излишествъ и злоупотребленій словомъ, которыя себѣ, будто бы, позволяетъ защита по уголовнымъ дѣламъ, при чемъ предлагалъ мѣры къ тому, чтобы свободу дѣйствія ея ограничить и поставить въ извѣстныя, весьма тѣсныя, рамки. Г. Неклюдовъ не счелъ возможнымъ по дѣлу Мельницкихъ, за отсутствіемъ въ протоколѣ судебнаго слѣдствія заявленія сторонъ о злоупотребленіи противниковъ словомъ, изслѣдовать, правильны ли указанія кассаціонныхъ протеста и жалобы на эти злоупотребленія; но, допуская, что они были, обобщая вопросъ и ссылаясь на свое, данное еще въ декабрѣ 1883 года, заключеніе по дѣлу Кронштадтскаго банка, онъ освѣтилъ этотъ предметъ такимъ образомъ, что злоупотребленія защиты составляютъ если не исключительную, то главную причину частыхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, при установленіи ими же, что оправдываемые совершаютъ дѣйствія, въ которыхъ обвиняются, а равно и наступленія, будто бы, того «судебнаго потопа», который сметаетъ учрежденія, подобно тому, какъ, по приводимымъ ораторомъ словамъ Книги Бытія, всемірный потопъ истреблялъ съ лица земли все живое, отъ человѣка до скотовъ, гадовъ и птицъ небесныхъ.

Вина защиты, по словамъ г. Неклюдова, заключается въ томъ, что она не желаетъ отличать праваго отъ виноватаго, что «она одними и тѣми же средствами защищаетъ и отъявленнаго злодѣя, и человѣка, случайно впавшаго въ преступленіе, и настаиваетъ во что бы то ни стало, чтобы ей былъ отпущенъ ея Варрава, распинаетъ ради сего и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, и обвинительную власть, и даже самый законъ». По мнѣнію г. Неклюдова, сторонѣ на судѣ не можетъ быть дано «выставлять черное бѣлымъ, безнравственное нравственнымъ, преступное дозволеннымъ, искажая для сего и законы религіи, и законы общественной нравственности, и законы государственнаго строя». Свобода защиты, по предположеніямъ г. Неклюдова, сводится къ слѣдующимъ дѣйствіямъ, внѣ которыхъ все остальное ей запрещено: оцѣнка силы и значенія уликъ противъ подсудимаго, разъясненіе тѣхъ законовъ, которые примѣнимы къ винѣ подсудимаго, оцѣнка обстоятельствъ, уменьшающихъ, смягчающихъ или уничтожающихъ по закону отвѣтственность. Защитѣ должно быть запрещено «ослаблять степень преступности дѣянія, воспрещеннаго подъ страхомъ наказанія», и опорочивать дѣйствія лицъ, къ суду не привлеченныхъ, или правительственныхъ властей, каковыя дѣйствія,—«будь они удостовѣрены даже въ квадратѣ утверждаемаго, не могутъ ни уничтожить, ни умалить по закону отвѣтственность самого подсудимаго». Г. Неклюдовъ полагаетъ, что если будетъ заведенъ, въ предполагаемомъ имъ духѣ и направленіи, извѣстный порядокъ, и обстоятельства поправятся, то минуетъ судебный потопъ, и перевернется мрачная страница Книги Бытія, и услышится напоминающій гласъ Господа, иной благовѣстъ: «Я не буду проклинать судъ за человѣка».

Насколько обличеніе злоупотребленій словомъ относилось въ рѣчи г. Неклюдова къ образу дѣйствій защиты по дѣлу о Мельницкихъ, настолько и возраженія противъ этой рѣчи умѣстны были бы только на судѣ и только въ засѣданіи по сему дѣлу. Но, оставляя въ сторонѣ всякіе конкретные факты и сходя съ фактической почвы, г. Неклюдовъ обобщаетъ обвиненіе, опредѣляетъ вообще дѣятельность защиты по всегда возможнымъ, но не составляющимъ общаго

правила, уклоненіямъ отъ законнаго порядка, возлагаетъ на защиту отвѣтственность за «судебный потопъ» и утверждаетъ, что только по наложеніи на нее узды раздастся благовѣстъ новой и лучшей жизни. Брошенныя имъ слова перешли въ печать, въ которой они и ставятъ важный общественный вопросъ, не подлежащій оставленію безъ отвѣта, дабы изъ самаго молчанія людей, не раздѣляющихъ взглядовъ г. Неклюдова, нельзя было вывести противъ нихъ того заключенія, что qui tacet consentire videtur. Насъ не можетъ остановить соображеніе, что найдутся, можетъ быть, люди, которые назовутъ насъ oratores pro domo sua. Мы переносимъ вопросъ съ почвы личной на общественную и считаемъ долгомъ заявить, что не вѣрно, будто бы защита по уголовнымъ дѣламъ только то и дѣлаетъ, что распинаетъ на крестѣ и вопіетъ объ отпущеніи ей ея Варравы, что дѣло суда и правды не много выиграло бы отъ того, если бы свобода защиты была поставлена въ рамки, начертанныя г. Неклюдовымъ, при установленіи которыхъ пропала бы, въ сущности, всякая свобода защиты; наконецъ, что наружныя средства, тѣ надрѣзы и прижиганія, которыя предлагаетъ г. Неклюдовъ, не способны ни въ малѣйшей степени содѣйствовать оздоровленію судебнаго организма, если бы были установлены какія-либо ненормальности въ отправленіяхъ правосудія. Est modus in rebus,—сказалъ въ своей рѣчи г. Неклюдовъ; мы рѣшаемся теперь обратить противъ него это положеніе, какъ обоюдоострое оружіе.

Прежде всего мы возразимъ противъ намѣреннаго, употребляемаго г. Неклюдовымъ и, такъ сказать, подчеркиваемаго имъ выраженія: «договоръ защиты». Въ огромномъ большинствѣ случаевъ защита бываетъ по назначенію; она такая же общественная должность, какъ и та другая, которая во французской системѣ процесса именуется ministère public. Если въ общей массѣ защитъ бываетъ нѣкоторый процентъ защитъ не по назначенію, то этимъ не измѣняется характеръ функцій, по которому присяжные повѣренные сопричисляются къ судебному вѣдомству. Намъ неизвѣстно, есть ли нареканія на это сословіе, что оно больше радѣетъ и горячѣе отстаиваетъ интересы кліентовъ по соглашенію,

нежели по назначенію. Напротивъ того, защитѣ ставятся въ особую вину только излишняя ея горячность, стремленіе ея оправдывать во что бы то ни стало. Конечно, эта горячность можетъ превзойти мѣру, но если отымется сердечное расположеніе къ дѣлу, то у требующихъ защитъ не будетъ довѣрія къ защитникамъ, ни защитникъ не будетъ имѣть возможности по совѣсти сказать, что онъ употребилъ всѣ средства для достиженія той единственной цѣли, ради которой защита установлена, то-есть для облегченія участи подсудимаго. Защитникъ не судья, онъ не выдаетъ того, что произноситъ, за безусловную истину, онъ часто не воленъ въ избраніи надлежащей почвы для защиты. Поставленный межъ двухъ огней, съ одной стороны, подъ опасеніемъ отвѣтственности за средства, которыми онъ расположитъ присяжныхъ въ пользу подсудимаго, съ другой стороны, предъ своею совѣстью, которая будетъ его упрекать, что онъ не употребилъ всѣхъ силъ своего убѣжденія на исполненіе своего прямого долга, защитникъ, при такомъ неестественномъ столкновеніи обязанностей, всегда выберетъ одно: онъ всегда предпочтетъ превышеніе бездѣйствію, потому что превышеніе поправимо, и найдетъ противовѣсъ и отпоръ и въ обвиненіи прокурорскою властью, и въ здравомъ смыслѣ и житейской опытности присяжныхъ, между тѣмъ какъ упущеніе и бездѣйствіе защиты неисправимы, такъ какъ никому не дано въ дѣлѣ восполнять, что упущено защитою. Допустимъ, что защита поставлена въ предлагаемыя г. Неклюдовымъ рамки. Ей не будетъ дано «ослаблять степень преступности воспрещеннаго дѣянія». Замѣтимъ, что она неизбѣжно только то и дѣлаетъ, что «ослабляетъ въ представленіяхъ судей степень зловредности взводимаго на подсудимаго дѣянія», а преступно ли оно или не преступно—это еще вопросъ, который рѣшается только тогда, когда будетъ произнесено, на основаніи приговора присяжныхъ, рѣшеніе суда. До этого на судѣ нѣтъ ни «отъявленнаго злодѣя», ни «по несчастію впавшаго въ преступленіе человѣка», а есть только лицо, могущее быть оправданнымъ; нѣтъ ни чернаго, ни бѣлаго, дѣяніе не считается ни дозволеннымъ, ни преступнымъ, а происходитъ разборъ, какого оно качества. Отказъ защитѣ

въ возможности указывать на отвѣтственность не преданныхъ суду лицъ и органовъ власти во многихъ случаяхъ равняется отказу въ правосудіи. Мы ссылаемся на несмѣтное число дѣлъ о преступленіяхъ по должности, въ которыхъ подсудимый—подчиненное лицо оправдывается только тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ заставили его дѣйствовать не привлекаемые къ суду его начальники, въ которыхъ защита служила службу государству и обществу, заставивъ проникнуть лучъ свѣта въ темень самыхъ дикихъ нравовъ и порядковъ, образующихъ почву, на которой не можетъ не вырастать преступленіе.

Наконецъ, мы просто затрудняемся уразумѣть выраженіе: распинать законъ. Когда въ общежитіи говорятъ о распинаніи Христа, то подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ неисполненіе или нарушеніе заповѣдей Христовыхъ, или дурное ихъ истолкованіе и примѣненіе. Въ этомъ смыслѣ наибольшее число распинаній пришлось бы на долю судовъ, которые, дѣйствуя согласно своему назначенію и толкуя законъ, то его суживаютъ, то его растягиваютъ, и часто должны отступаться отъ сдѣланныхъ ими же разъясненій. Если же подъ распинаніемъ закона понимать его изслѣдованіе по источникамъ, оцѣнку вызвавшихъ его причинъ и послѣдствій, свободное критическое къ нему отношеніе, то подобное распинаніе не только не преступно и не должно быть запрещено, но оно, напротивъ того, весьма желательно. Намъ памятенъ одинъ писатель, который, можно сказать, живой нитки не оставилъ въ цѣлыхъ раздѣлахъ нашего уголовнаго кодекса и вгонялъ гвоздь за гвоздемъ, распиная одну статью этого кодекса за другою. Этотъ писатель — Н. А. Неклюдовъ, авторъ четырехъ томовъ «Руководства къ особенной части русскаго уголовнаго права». Спрашивается, неужели защитѣ будетъ запрещено приводить просто-напросто выдержки изъ учебника г. Неклюдова?

Постараемся подвести къ сказанному нами итоги. Первая и прямая обязанность защиты состоитъ въ томъ, чтобы отнестись къ своей задачѣ прилежно и сердечно, употребляя всѣ средства ума и убѣжденія къ облегченію участи защищаемаго. По своему назначенію защита въ правѣ предлагать

только то, что располагаетъ въ пользу подсудимаго. Нравственно она обязана, конечно, держаться какъ можно ближе правды, быть по возможности искреннею, но никакихъ положительныхъ правилъ на этотъ счетъ предписать ей нельзя,—все зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ защитника и отъ его чутья и такта. Все произносимое защитникомъ находится подъ контролемъ отвѣтственнаго за злоупотребленія защитника словомъ предсѣдателя, который обязанъ наблюдать, чтобы въ рѣчахъ сторонъ не было хуленія религіи, колебанія нравственности, нападеній на основы государственнаго строя. Сомнѣваемся, бывали ли подобные случаи; если бывали, то крайне рѣдко. Кромѣ того, предсѣдатель не долженъ допускать ни грубыхъ и рѣзкихъ нападокъ на лица и учрежденія, ни прямого отрицанія обязательности дѣйствуюшаго закона,—внѣ этихъ предѣловъ защита свободна. Предписывать ей планъ дѣйствій, внушать ей, какое должно быть ея содержаніе, равносильно уничтоженію ея свободы, наложенію на нее кандаловъ. Останется отъ нея только декорація, въ дѣйствительности органъ будетъ атрофированъ, а отъ его безсилія самъ судебный организмъ сдѣлается хромающимъ и увѣчнымъ. Большая часть предсѣдательствующихъ останутся, можетъ быть, вѣрными прежнимъ, лучшимъ преданіямъ и не станутъ брать защиту въ тиски, но будутъ, конечно, и такіе, которые запретятъ изъяснять законы, прямо не относящіеся къ винѣ подсудимаго, и ослаблять соображеніями степень преступности судимаго дѣянія, и изображать зависимость преступленія отъ условій его обстановки,—словомъ, превратятъ защиту въ безсодержательный обрядъ. Атрофія защиты поведетъ къ такой же атрофіи обвиненія, которое станетъ дѣловымъ и чѣмъ-то крайне сухимъ. Уже нынѣ замѣтно убываніе въ прокуратурѣ тѣхъ блистательныхъ талантовъ, которые ее въ прежнее время украшали. Думаемъ, что эти весьма вѣроятные результаты предлагаемаго не послужили бы къ повышенію значенія и къ прославленію судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, которые г. Неклюдовъ называетъ «словомъ прошедшаго царствованія» и въ которыхъ усматриваетъ онъ ту же самую мысль, которая будто бы виднѣлась и

на знамени святыхъ Кирилла и Меѳодія,—объединеніе Руси. Замѣтимъ, что воображеніе автора увлекло его въ сторону. Хотя святые Кириллъ (ум. 869) и Меѳодій (ум. 885) были современниками пришествія варяговъ, но они не бывали на Руси и не имѣли о ней никакого понятія. Ихъ апостольство относилось вообще ко всему племени славянскому.

Г. Неклюдовъ не остается вѣренъ самому себѣ въ своей рѣчи по дѣлу Мельницкихъ. Онъ утверждаетъ, что судебное слѣдствіе должно быть направлено къ раскрытію матеріальной истины, составляющей святая святыхъ уголовнаго процесса, а между тѣмъ, что же считаетъ онъ кореннымъ нарушеніемъ закона и во имя чего домогается онъ кассаціи? Прочтенія въ засѣданіи той или другой бумажки, имѣющейся въ дѣлѣ, спроса производившаго слѣдствіе слѣдователя, прочтенія мнѣнія, даннаго внѣ суда и безприсяжно товарищами одного изъ подсудимыхъ о его хорошихъ нравственныхъ качествахъ. Это такой формализмъ, который старается ограничить источники изслѣдованія истины, а слѣдовательно извлечь изъ данныхъ дѣлъ одни условные результаты».

Мы привели письмо предсѣдателей Совѣта цѣликомъ, несмотря на нѣкоторую его растянутость, потому что въ немъ интересно и важно все, вплоть до внѣшней стороны. Здѣсь, въ этомъ столкновеніи, произошло какъ бы рѣшительное сраженіе между противниками и защитниками адвокатуры. Кто же остался побѣдителемъ? Несомнѣнно, письмо гг. предсѣдателей Совѣта умѣло использовало слабыя мѣста заключенія и весьма тщательно вскрыло многочисленныя противорѣчія, которыми заключеніе изобилуетъ. Но для насъ теперь знаменательнымъ и интереснымъ представляется не содержаніе, а самый фактъ этихъ противорѣчій, которыя меньше всего свойственны были сильному и безпощадному уму Н. А. Неклюдова. Еще болѣе знаменательно, что, какъ указывается въ письмѣ, Н. А. Неклюдовъ не счелъ даже нужнымъ по дѣлу Мельницкихъ, за отсутствіемъ въ протоколѣ судебнаго слѣдствія заявленій сторонъ о злоупотребленіи противниковъ словомъ, изслѣдовать, правильны ли указанія кассаціонныхъ протеста и жалобы на эти злоупотребленія. Онъ дѣлаетъ свои рѣшительные выводы въ пред-

положенiи, что эти злоупотребленiя были. Отсюда нужно заключить, что дѣло Мельницкихъ было лишь послѣдней каплей переполнившей чашу терпѣнiя магистратуры и прокуратуры. Отношенiе къ адвокатурѣ настолько прочно опредѣлилось, что оберъ-прокурoръ считаетъ лишнимъ изслѣдовать, правильны ли указанiя кассацiонной жалобы и протеста. Эти указанiя безусловно совпадаютъ съ его представленiемъ объ обычномъ поведенiи адвокатуры на судѣ и потому они заранѣе кажутся ему правильными. Дѣло Мельницкихъ служитъ только поводомъ, чтобы высказать все, что давно накопилось. Если даже въ дѣлѣ Мельницкихъ и не было тѣхъ нарушенiй, на которыя указываютъ кассацiонные протестъ и жалоба, все равно: по общему правилу, адвокатура ведетъ себя такъ, что нужно установить предѣлы защиты, наложить на нее узду. Доказывать, что поведенiе адвокатуры таково именно, приводить конкретныя данныя — оберъ-прокурору представляется безцѣльнымъ, въ его глазахъ это factum notorium.

Съ другой стороны, предсѣдатели Совѣта, отвѣчая на заключенiе оберъ-прокурора, съ такой же увѣренностью и столь же аподиктически утверждаютъ, что если и бывали случаи нарушенiя защитниками своихъ обязанностей, то эти случаи бывали крайне рѣдко. Но мы «сомнѣваемся, бывали ли такiе случаи». Поэтому письмо обсуждаетъ предложенiе Н. А. Неклюдова не съ точки зрѣнiя конкретныхъ условiй, а съ высоты общихъ задачъ защиты, и, естественно, приходитъ къ выводу, что всякое стѣсненiе защиты, свыше указанной въ судебныхъ уставахъ мѣры, будетъ наложенiемъ на нее кандаловъ. Но письмо совершенно игнорируретъ то настроенiе, которое столь бурно проявилось въ рѣчи Н. А. Неклюдова и которое сумѣло даже такого сильнаго и блестящаго юриста вовлечь въ такiя противорѣчiя. Вотъ почему вопросъ о томъ, кто побѣдилъ въ отмѣченномъ спорѣ, вовсе и не ставился, повидимому. Письмо и заключенiе не встрѣтились между собою, и можно лишь констатировать, что письмо предсѣдателей прошло совсѣмъ незамѣтно, и ни въ какое сравненiе дѣйствiе его не можетъ итти съ впечатлѣнiемъ, произведеннымъ выступленiемъ Н. А. Неклюдова.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ
1864—1914 г.

Приближается знаменательная дата—20 ноября 1914 г., юбилей Судебной Реформы. Прошло пятьдесятъ лѣтъ дѣятельности реформированнаго судебнаго вѣдомства, къ составу котораго принадлежитъ и присяжная адвокатура. Пятьдесятъ лѣтъ существованія и работы присяжной адвокатуры—періодъ времени, самъ по себѣ оправдывающій идею созданія „Исторіи Русской Адвокатуры“. Если же принять во вниманіе, что за эти пятьдесятъ лѣтъ адвокатура не пребывала въ застоѣ, что не прекращалась работа надъ ея внутреннимъ устройствомъ, что она отдала не мало энергіи и своему профессіональному служенію и внѣ судебной общественной дѣятельности, что на ея долю выпало много тяжкихъ испытаній, что въ ея средѣ были лица, имена которыхъ не должны быть забыты, то станетъ ясно, что исторія русской адвокатуры за пятьдесятъ лѣтъ не только возможна, но и необходима.

Едва ли нужно говорить о значеніи, которое должно принадлежать труду, обозрѣвающему въ исторической перспективѣ судьбы русской адвокатуры. Долголѣтній опытъ не можетъ не быть поучительнымъ, заслуги адвокатуры передъ русскимъ обществомъ не могутъ не дать чувства удовлетворенія всѣмъ тѣмъ, кто связанъ съ адвокатурою профессіональными узами и преданностью ея интересамъ, а темныя стороны въ жизни адвокатуры, ошибки и недостатки, дадутъ матеріалъ для сословной самокритики, составляющей залогъ усовершенствованія. То обстоятельство, что мысль дать „Исторію русской адвокатуры“ родилась въ нѣдрахъ самой адвокатуры, и что изданіе „Исторіи“ будетъ сословнымъ дѣломъ адвокатуры, не послужитъ, конечно, препятствіемъ къ тому, чтобы печать объективности и строгаго безпристрастія лежала на всемъ трудѣ.

Все содержаніе „Исторіи русской адвокатуры“ будетъ распредѣлено между четырьмя томами. Первый томъ составитъ общій очеркъ реформы адвокатуры, осуществленной Судебными Уставами Императора Александра II, и исторіи реформированной адвокатуры. Взаимоотношеніе адвокатуры, общества и правительства—вотъ то, на чемъ преимущественно въ этомъ очеркѣ будетъ сосредоточено

вниманіе автора. Имѣя самостоятельное значеніе, первый томъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ какъ бы введеніемъ къ послѣдующимъ томамъ „Исторіи русской адвокатуры". Назначеніе второго тома—стать настольной книгой, vademecum для сословныхъ учрежденій присяжной адвокатуры и для всѣхъ ея членовъ, принимающихъ активное участіе въ сословной жизни. Въ немъ на основаніи, какъ архивныхъ, такъ и печатныхъ матеріаловъ будетъ исторически обслѣдованъ внѣшній **строй** и **порядокъ** дѣятельности органовъ управленія и самоуправленія присяжной адвокатуры; ихъ устройство, составъ, взаимоотношенія, компетенція, функціи, надзоръ за ними поскольку все это опредѣляется не только закономъ и разъясненіями сената, но и прецедентами, традиціею, сложившимся въ сословіи обычнымъ правомъ.

Характеру второго тома, какъ справочнаго пособія и настольной книги сословныхъ учрежденій будетъ соотвѣтствовать включеніе въ него же статистики роста адвокатуры и ея географическаго распредѣленія, свѣдѣній о личномъ составѣ сословныхъ учрежденій въ прошломъ и настоящемъ и библіографическаго указателя по всѣмъ вопросамъ, касающимся адвокатуры.

Содержаніе третьяго тома будетъ распадаться на двѣ части. Содержаніе первой части будетъ соотвѣтствовать названію: „Жизнь и работа адвокатуры". Жизнь адвокатуры можетъ быть изслѣдована прежде всего со стороны тѣхъ внѣшнихъ условій существованія ея членовъ, которыя опредѣляются ихъ экономическимъ положеніемъ и формами общенія; съ другой стороны, предметомъ изученія могутъ быть сдѣланы тѣ явленія въ жизни адвокатуры, которыя—иногда совершенно независимо отъ самой адвокатуры—пріобрѣли значеніе вопросовъ или породили рядъ вопросовъ, интересовавшихъ и волновавшихъ адвокатуру. Таковы вопросы еврейскій, о женской адвокатурѣ, о комплектѣ, о совмѣстительствѣ и т. п. Что касается работы адвокатуры, то авторы посвященныхъ ей статей займутся изученіемъ, какъ условій, при которыхъ она протекаетъ, такъ равно ея содержанія, формъ и значенія. Арена дѣятельности адвокатуры—прежде всего судъ, но не одинъ только судъ; ей не чужды политика, наука, литература, ея миссія—служеніе общественное, и она осуществляетъ его, то плєдируя въ судѣ, то принимая на себя представительство передъ администраціею, то неся юридическую помощь населенію, то выступая на поприщѣ политической борьбы. Всѣ эти виды дѣятельности адвокатуры должны быть изучены.

Предметомъ второй части будутъ всѣ виды судебнаго представительства, осуществляемаго лицами, не принадлежащими къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ: присяжными стряпчими, частными повѣренными и такъ-называемыми ходатаями по дѣламъ.

Четвертый томъ, въ свою очередь, будетъ распадаться на двѣ

части, изъ которыхъ первая будетъ посвящена обзору правилъ поведенія, вытекающихъ изъ практики Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ (адвокатской этикѣ), а вторая—мемуарамъ и біографіямъ представителей адвокатуры.

„Исторія русской адвокатуры“ будетъ не только обработкой уже существующаго литературнаго матеріала, но и самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, основаннымъ на данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и отчетовъ сословныхъ организацій. Въ главѣ же, посвященной вопросамъ, интересовавшимъ адвокатуру, авторы воспользуются данными иностраннаго опыта и выводами иностранной литературы.

СОДЕРЖАНІЕ ИЗДАНІЯ.

I томъ.

Общій очеркъ исторіи русской адвокатуры.

II томъ.

Сословная организація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

Гл. I. Статистика роста и географическое распредѣленіе адвокатуры.

Гл. II. Общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ.

Гл. III. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ.

1) Организація и организаціонная дѣятельность совѣтовъ.
2) Административная дѣятельность совѣтовъ.
3) Дѣятельность совѣтовъ по разсмотрѣнію дисциплинарныхъ дѣлъ.
4) Бюджетъ, денежныя средства совѣтовъ, контроль.
5) Отчеты о дѣятельности совѣтовъ.
6) Канцеляріи совѣтовъ, помѣщенія, библіотеки.

Гл. IV. Надзоръ за органами сословнаго самоуправленія присяжныхъ повѣренныхъ.

[illegible] вѣты присяжныхъ повѣренн[illegible] въ мѣстностяхъ, гдѣ совѣты не введены: Окружные Суды, коммиссіи присяжныхъ повѣренныхъ.

Гл. VI. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Ихъ организація.

Гл. VII. Организація сословной взаимопомощи.

III томъ.

Часть 1-я.

Жизнь и работа адвокатуры.

Гл. I. Экономическое положеніе адвокатуры прежде и теперь.

Гл. II. Формы общенія адвокатовъ.

Гл. III. Еврейскій вопросъ въ адвокатурѣ.

Гл. IV. Женскій вопросъ въ адвокатурѣ.

Гл. V. Вопросы, интересовавшіе сословіе присяжныхъ повѣренныхъ (о совмѣстительствѣ, адвокатской тайнѣ, таксѣ, комплектѣ).

Гл. VI. Отношеніе къ адвокатурѣ магистратуры и администраціи.

Гл. VII. Уголовная адвокатура.

Гл. VIII. Гражданская адвокатура.

Гл. IX. Организація безплатной или дешевой юридической помощи населенію.

Гл. X. Участіе адвокатуры въ спеціальныхъ учрежденіяхъ.

Гл. XI. Участіе адвокатуры въ общей и спеціальной литературѣ.

Часть 2-я.

[illegible] стряпче[illegible] по дѣламъ.

Томъ IV.

Часть 1-я.

Адвокатская этика.

Часть 2-я.

Біографіи и мемуары.

Комиссія по изданію Исторіи Русской Адвокатуры.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

Исторія Русской Адвокатуры

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

по 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, съ иллюстраціями.

I томъ—Общій очеркъ исторіи адвокатуры—**I. В. Гессенъ. II** томъ—Сословная организація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Подъ редакціей проф. **М. Н. Гернета. III** томъ—Жизнь и дѣятельность адвокатуры (экономическое положеніе адвокатуры прежде и теперь, формы общенія адвокатовъ, еврейскій вопросъ въ адвокатурѣ, комплектъ, адвокатура и магистратура, уголовная и гражданская адвокатура, организація юридической помощи населенію и проч.). Подъ редакціей прив.-доц. **Н. Н. Полянскаго. IV** томъ—часть I: адвокатская этика, часть II: біографіи и мемуары. Подъ редакціей прив.-доц. **Н. Н. Полянскаго.**

Изданіе выйдетъ въ свѣтъ въ слѣдующіе сроки: **I томъ—къ 20 ноября 1914 г.**; II томъ—къ 20 апрѣля 1915 г.; III томъ—къ 20 ноября 1915 г.; IV томъ—23 апрѣля 1916 г.

Изданіемъ завѣдуетъ редакціонно-издательская комиссія въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель—В. А. Капеллеръ (Москва); Тов. предсѣдателя—В. О. Люстихъ (Петроградъ); члены комиссіи: К. К. Арсеньевъ, М. В. Бернштамъ, М. М. Винаверъ, М. В. Капланъ, Н. П. Карабчевскій, В. Н. Новиковъ (Петроградъ); Д. Н. Доброхотовъ, П. П. Кореневъ, Н. К. Муравьевъ, Н. В. Тесленко, Г. В. Филатьевъ (Москва); А. М. Александровъ, В. В. Лашкевичъ, В. Н. Пушкаревъ (Харьковъ); В. Ф. Баудеръ, Ф. А. Брокмиллеръ (Казань); А. А. Никоновъ, В. Н. Полякъ (Саратовъ); Н. В. Грековъ, (Новочеркасскъ); Г. Ф. Блюменфельдъ, Я. Э. Либерманъ (Одесса). С. В. Александровскій, П. В. Вологодскій (Томскъ).

Цѣна за все изданіе **15** руб.; допускается разсрочка: **3** р. при подпискѣ и по **3** руб. при полученіи каждаго тома.

Подписка принимается въ книжномъ складѣ „Право" (Петроградъ, Литейный 28, тел. 41-61, ред. „Вѣстника Права" (Москва, Новослободская ул., Тихвинскій пер. д. 9, кв. 4, тел. 2-55-90) и книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Моховая, д. 20), а также въ совѣтахъ присяжныхъ повѣренныхъ (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Иркутскъ, Омскъ, Новочеркасскъ, Казань, Саратовъ) и черезъ присяжныхъ повѣренныхъ—мѣстныхъ уполномоченныхъ.

Цѣн[illegible] при условіи подписки и полученія черезъ мѣстные совѣты [illegible] ...ныхъ или черезъ мѣстныхъ уполномоченныхъ **10** руб. Выписывающіе съ доставкой непосредственно отъ комиссіи платятъ за пересылку по дѣйствительной стоимости.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—**3** руб., при полученіи I тома—**3** руб., при полученіи II и III тома по **2** руб. IV томъ—безъ доплаты.

Адресъ комиссіи и редакціи: **Москва, Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ.**

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печат. и Издат. дѣла. Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ п., с. д.

21. Пониженіе профессіональнаго уровня въ связи съ общими условіями.

Утвержденіе письма, будто бы случаи нарушенія адвокатами профессіональной этики въ рѣчахъ своихъ составляютъ исключеніе, не могло не вызвать протеста, потому что фактически такіе случаи становились все болѣе частыми и, главное, болѣе яркими, возникая въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ выступали корифеи адвокатуры. Достаточно вспомнить о дѣлѣ Кетхудова, увѣковѣченномъ въ книгѣ А. Ѳ. Кони «За послѣдніе годы». Кетхудовъ и другіе обвинялись въ томъ, что утаили рекомендованное письмо, сданное для отправки въ Берлинъ, и воспользовались содержавшимися въ немъ цѣнностями на 120 тысячъ руб. Однимъ изъ защитниковъ выступилъ Н. П. Шубинскій, и рѣчь его была построена такъ, что, по словамъ А. Ѳ. Кони, дававшаго въ качествѣ оберъ-прокурора заключеніе въ Правительствующемъ Сенатѣ, она «представляла рядъ положеній, изъ которыхъ каждаго было достаточно, чтобы признать, что въ рѣчь защитникомъ Кетхудова былъ внесенъ элементъ, идущій въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, на которыхъ зиждется нравственный и правовой строй благоустроеннаго общества... Преступное дѣяніе подсудимыхъ, сознавшихся въ похищеніи чужихъ цѣнныхъ бумагъ и сокрытіи этого похищенія путемъ подлога, а слѣдовъ его посредствомъ зарытія бумагъ въ землю въ окрестностяхъ Москвы, выставляется какъ прямое послѣдствіе дѣйствій потерпѣвшаго... Потерпѣвшій есть настоящій виновникъ всего, ибо, поступая согласно съ почтовыми правилами, онъ долженъ былъ, однако, заботиться о томъ, чтобы не вводить въ соблазнъ чиновниковъ, памятуя не только пословицы, но и святое Евангеліе, изъ котораго приводится совершенно неумѣстный текстъ, возвышенный и глубокій смыслъ котораго толкуется въ самомъ извращенномъ смыслѣ. Денежный интересъ дѣла—проводится во второмъ положеніи—меркнетъ передъ тѣмъ ущербомъ, который несла русская казна отъ посылокъ денежныхъ цѣнностей въ заказныхъ письмахъ. Надъ этой стороною дѣла присяжнымъ

рекомендуется серьезно задуматься, памятуя, что, если иногда нужны обвинительные приговоры, чтобы сдержать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда также необходимы оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей и напомнить имъ, что не весь міръ существуетъ для нихъ и для ихъ хищническихъ вожделѣній. Въ слѣдующемъ положеніи указывается, что «настала пора возвыситься до болѣе серьезной оцѣнки явленій, имѣющихъ государственный смыслъ, и послѣ сопоставленія высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи съ колебаніемъ курса русскихъ бумагъ на берлинской биржѣ,—объясняется присяжнымъ, что они собрались въ залъ суда не защищать лишь частные интересы, но и отдать долю серьезнаго вниманія и государственнымъ интересамъ, если таковые окажутся выдвинутыми передъ ними данными дѣла». А. Ѳ. Кони находитъ по поводу этой рѣчи, что «въ подобныхъ случаяхъ предъ судомъ излагаетъ свои доводы уже не лицо, призванное самимъ закономъ къ опроверженію и ослабленію доводовъ обвиненія, а лицо, которое, пользуясь званіемъ защитника, направляетъ свое слово въ суетныхъ цѣляхъ ремесленнаго успѣха—не только на колебаніе высказаннаго предъ судомъ мнѣнія обвинителя о виновности подсудимаго, а на колебаніе тѣхъ началъ, которыя, связывая и поддерживая общество, мѣшаютъ развиться между людьми тому, что вѣрно названо bellum omnium contra omnes [1]). Прав. Сенатъ постановилъ, между прочимъ, о дѣйствіяхъ прис. повѣреннаго Шубинскаго сообщить на постановленіе московскаго Совѣта. Попутно возникло и другое дѣло о Шубинскомъ по обвиненію въ выработкѣ мировой сдѣлки между гражданскимъ истцомъ и обвиняемымъ, причемъ Совѣтъ разъяснилъ, что повѣренный не можетъ участвовать въ созданіи безнаказанности для виновнаго и въ содѣйствіи незаконному пріобрѣтенію имущества [2]). По этому поводу «Журн. Гражд. и Уголовн. Права» [3]) жаловался, что защит-

---

[1]) 223.
[2]) «В. Евр.», 1889 г., 5.
[3]) 1889 г., кн. 3, с. 169.

нику было объявлено только предостереженіе на томъ основаніи, что вопросъ о правильныхъ пріемахъ уголовной защиты въ практикѣ русской адвокатуры еще мало разработанъ.

Въ противоположность Н. А. Неклюдову, А. Ѳ. Кони, безпощадно заклеймивъ поведеніе защитника, не рѣшался дѣлать какіе-либо выводы о защитѣ вообще. Но такіе случаи обращали на себя, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, общественное вниманіе и служили неизсякаемымъ источникомъ для жалобъ на паденіе уровня адвокатуры. Однако, самый острый поводъ для такихъ жалобъ далъ московскій Совѣтъ, который въ офиціальномъ документѣ самъ высказалъ, что «сословіе мельчаетъ; уровень опытности и знаній въ массѣ понижается, а чувства чести и долга, понятія о порядочности, о границахъ дозволеннаго, принципы общественнаго служенія забываются» [1]). Мы сейчасъ увидимъ, что сужденія эти, которыя были горячо подхвачены всей прессой, высказаны были въ разгаръ борьбы Совѣта съ сословіемъ, которое онъ представлялъ. Но отъ этого сужденія не только не теряютъ въ своемъ значеніи, а, напротивъ, становятся и сами по себѣ доказательствомъ высказанныхъ въ нихъ мыслей. Ибо, если допустить, что Совѣтъ облыжно возвелъ на сословіе такое обвиненіе или даже только сгустилъ краски, то такое отношеніе между Совѣтомъ и сословіемъ дѣйствительно вопіетъ о забвеніи чувства чести и долга.

Какъ мѣнялись въ этомъ направленіи нравы на протяженіи времени, можетъ иллюстрировать сопоставленіе такихъ двухъ фактовъ: въ отчетѣ за 1876 годъ [2]) московскій Совѣтъ «считаетъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія общаго собранія объ одномъ прискорбномъ и выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ случаѣ. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ счелъ возможнымъ подать въ Совѣтъ бумагу, хотя и облеченную въ форму жалобы на дѣйствія одного изъ помощниковъ прис. повѣреннаго, но заключающую въ себѣ прямое глумленіе надъ дѣйствіями самого Совѣта». Про-

---

[1]) Отчетъ за 1889—1890 г., с. 14.
[2]) С. 71.

ходитъ десять-двѣнадцать лѣтъ, и въ 1889 г. «Журналъ Гражд. и Угол. Права» отмѣтилъ такой фактъ, что «членъ Совѣта публично однажды позволилъ себѣ утверждать, что въ общественномъ мнѣніи адвокаты и ростовщики стоятъ на одной нравственной высотѣ». Этотъ случай уже не только не отмѣченъ особо въ отчетѣ, но вообще Совѣтъ не привлекъ его за это къ отвѣтственности. Поэтому въ одномъ данномъ фактѣ журналъ видитъ непреложное доказательство того, что въ сословіи далеко не все благополучно.

При наличности такихъ данныхъ теперь представляется неяснымъ, почему предсѣдатели Совѣта, сочтя нужнымъ выступить противъ заключенія Н. А. Неклюдова, такъ легко ушли отъ конкретныхъ обстоятельствъ и перевели споръ на теоретическія позиціи, вмѣсто того, чтобы воспользоваться случаемъ и обратить вниманіе, въ какихъ условіяхъ адвокатура работаетъ, и какъ эти условія должны вліять на ея уровень. А въ этомъ направленіи уже накопился значительный матеріалъ. Въ одной изъ застольныхъ рѣчей своихъ В. Д. Спасовичъ такъ изображаетъ состояніе правосудія въ то время: «Я не говорю о вѣчныхъ злоупотребленіяхъ, съ которыми боролось наше законодательство еще со временъ Алексѣя Михайловича, о посулахъ или взяткахъ, о фаворитизмѣ. Говорю о тѣхъ обыденныхъ неправдахъ, которыя чинятся потому, что такое уже времечко подоспѣло; о томъ, что независимо отъ существа дѣла и caeteris paribus я напередъ знаю, что проиграю его не потому, чтобы я былъ неправъ, или чтобы представленный мною интересъ не былъ крупный, но потому, что мой противникъ крупное лицо, что дѣйствіе происходитъ на глазахъ въ области бывшей невидящей, а теперь снявшей съ себя повязку Ѳемиды... Трудно бороться противъ акціонернаго общества, особенно, если доходность его гарантирована правительствомъ,—за него стоятъ всѣ министры. Мнѣ грозитъ, несомнѣнно, пораженіе, если я имѣю тяжбу съ городомъ. Но если мой противникъ казна, я погибъ; объ этотъ мѣдный горшокъ всякій глиняный разобьется не потому, что за нимъ законъ, но потому, что за нимъ сила, за нимъ министръ юстиціи. Судомъ внушено свыше: законъ вашъ есть распоряженіе генералъ-гу-

бернатора; дурной судья и дурной подданный, кто изъ кожи не лѣзетъ содѣйствовать видамъ правительства; онъ не только долженъ содѣйствовать, но и угадывать, и предупреждать, иначе его смѣнятъ и ушлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ» [1]). Это категорическое утвержденіе В. Д. Спасовича опиралось, какъ извѣстно, на весьма солидныя основанія [2]). Но здѣсь даже неважно, насколько такое утвержденіе соотвѣтствовало дѣйствительности. Важно отмѣтить именно эту категоричность утвержденія, заявленнаго въ рѣчи на годовомъ обѣдѣ адвокатовъ. Отсюда, во всякомъ случаѣ, безспорно вытекаетъ, что представленіе о такомъ состояніи правосудія составляло злобу дня, и что сами адвокаты такъ его оцѣнивали. Правильна ли подобная оцѣнка или неправильна, во всякомъ случаѣ такое представленіе не могло, очевидно, не оказывать сильнѣйшаго вліянія на профессіональную дѣятельность адвокатуры, опредѣлять характеръ этой дѣятельности. Особенно сильно вліяніе должно было сказаться въ тѣхъ округахъ, гдѣ не было Совѣтовъ. «Подчиненность повѣреннаго суду, какъ Совѣту, влечетъ за собою слишкомъ часто лакейское отношеніе перваго къ послѣднему, полную приниженность сословія и веденіе дѣлъ такъ, какъ этого желаетъ судъ».

Замѣчательно при этомъ, что для общественнаго мнѣнія въ центрѣ вниманія оставался вопросъ о гонорарѣ. «Голосъ» увѣрялъ, напримѣръ, что главное основаніе нескрываемаго общественнаго неудовольствія адвокатами лежитъ въ формѣ вознагражденія труда адвокатовъ, формѣ, которая должна, въ концѣ-концовъ, оказать растлѣвающее вліяніе. А между тѣмъ, вопросъ о гонорарѣ если и представлялъ дѣйствительно серьезный вопросъ для адвокатуры, то съ точки зрѣнія его недостаточности. «Гонораръ неумѣренный», привлекшій къ себѣ такое жадное вниманіе, безспорно составлялъ исключеніе. Въ общемъ, сословіе терпѣло матеріальную нужду. «Гибельно отразились правила 25 мая на помощ-

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 49.

[2]) См. мою книгу «Судебная реформа», глава «Современное состояніе правосудія».

никахъ; большинство матеріально несостоятельно и не можетъ взять свидѣтельство». Въ газетахъ предлагалось выдавать пособіе помощникамъ изъ вспомогательныхъ кассъ. Самое учрежденіе всякаго рода кассъ и тотъ непрерывный интересъ, который сословіе къ нимъ проявляло, также служитъ опроверженіемъ ходячаго представленія объ исключительномъ благополучіи адвокатуры. О томъ же свидѣтельствуетъ и вопросъ о совмѣстительствѣ званія присяжнаго повѣреннаго съ самыми различными занятіями, который все время оставался больнымъ и злободневнымъ вопросомъ. Въ 1887 г., напримѣръ, московскій Совѣтъ постановилъ созвать общее собраніе для обсужденія вопроса о совмѣстительствѣ, для устраненія «того ненормальнаго положенія, при которомъ званіемъ присяжнаго повѣреннаго прикрывается дѣятельность, ничего общаго съ профессіей не имѣющая».

Въ разосланной повѣсткѣ говорится: «Какъ показали собранныя Совѣтомъ справки о постороннихъ занятіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа,—лицъ, не практикующихъ профессію, или такихъ, для которыхъ она стала побочнымъ дѣломъ, въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа значительное число. Въ нашей средѣ имѣются секретари въ кредитныхъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ, дѣлопроизводители разныхъ благотворительныхъ обществъ, завѣдующіе хозяйственной частью при редакціи газеты, при попечительномъ о тюрьмахъ комитетѣ, смотритель богадѣльни, члены правленій и совѣтовъ разныхъ акціонерныхъ и кредитныхъ обществъ, секретарь скакового общества, агенты страхового общества, преподаватели и воспитатели».

Если бы, какъ указывалъ Совѣтъ, вопросъ шелъ только о томъ, чтобы не прикрывать званіемъ присяжнаго повѣреннаго постороннихъ профессій, то сословію не трудно было бы справиться съ такимъ нежелательнымъ явленіемъ. Но избранная для разработки вопроса комиссія должна была потратить на это десять засѣданій и въ результатѣ страстныхъ споровъ принять весьма осторожную резолюцію, которая гласила, что всякое постороннее занятіе для присяжнаго повѣреннаго, роняющее его достоинство и сословную честь, или могущее оказать вліяніе на степень довѣрія и

уваженія къ нему со стороны общества, не допускается. Всякое постороннее занятіе въ видѣ службы, занятія или ремесла, лишающее присяжнаго повѣреннаго независимости или его дѣлового времени, не допускается. Это постановленіе невольно напоминаетъ слова Гораціо въ «Гамлетѣ»: «Для того, чтобы это сказать, не стоило мертвецамъ вставать изъ гроба». Для того, чтобы выработать резолюцію, которая всегда составляла отправную точку въ направленіи дѣятельности Совѣтовъ, незачѣмъ было тратить 10 засѣданій. Ясно, однако, что съ совмѣстительствомъ нельзя было такъ просто справиться, что оно являлось органическимъ результатомъ становившейся все болѣе тяжелою борьбы за существованіе.

Любопытный примѣръ совмѣстительства представляетъ участіе присяжнаго повѣреннаго въ труппѣ актеровъ. Въ 1886 г. предсѣдатель вятскаго Окружнаго Суда обратился къ предсѣдателю московскаго Совѣта съ конфиденціальнымъ запросомъ относительно возможности такого совмѣщенія: «присяжный повѣренный вступилъ въ труппу актеровъ и объявленъ въ числѣ лицъ, составляющихъ персоналъ этой труппы». Предсѣдатель Совѣта разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, ибо, «независимо отъ того, что профессія актера не имѣетъ ничего общаго съ профессіей адвоката и серьезное отношеніе къ обѣимъ исключаетъ возможность одновременнаго имъ служенія, я полагаю, что положеніе наемнаго подначальнаго актера находится въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ духомъ независимости и независимаго положенія, которое по закону должно принадлежать профессіональному адвокату... Далѣе, я полагаю, что образъ поведенія, обусловливаемой принадлежностью къ театральной труппѣ, совершенно чуждъ тѣмъ нравамъ, которые сословіе въ правѣ требовать отъ профессіональнаго адвоката» [1]). Другой случай выступленія адвоката въ качествѣ актера отмѣченъ въ «Судебной Газетѣ» (1887 г. № 45), которая возмущается тѣмъ, что харьковская Судебная Палата исключила за это

[1]) Въ «Суд. Газетѣ» затѣмъ сообщено, что прис. повѣренной К. лишенъ званія за участіе въ спектакляхъ драматической труппы.

помощника прис. повѣреннаго изъ сословія. «Что позорнаго,—спрашиваетъ газета,—въ карьерѣ артиста?»

Борьба за существованіе вообще играла, несомнѣнно, весьма значительную роль въ жизни сословія. Въ Москвѣ, напримѣръ, одно изъ общихъ собраній было созвано для обсужденія вопроса, при какихъ условіяхъ присяжный повѣренный можетъ принять къ своему производству дѣло, которое велъ его коллега. А въ Петербургѣ оживленную полемику вызвалъ поступокъ прис. повѣреннаго Холевы, который письменно предложилъ свои услуги адвоката отцу убитой Сарры Беккеръ, каковое дѣло, какъ извѣстно, въ свое время надѣлало очень много шуму. Оправдываясь, прис. повѣренный Холева ссылался на примѣръ Плевако, который въ процессѣ Люторичскихъ крестьянъ не только взялъ на себя иниціативу защиты, но и расходы по содержанію обвиняемыхъ въ теченіе трехъ недѣль процесса [1]). Но это объясненіе только сильнѣе разожгло полемику, причемъ, однако, вопросъ обсуждался не съ точки зрѣнія принципіальной несоизмѣримости обоихъ процессовъ, а лишь съ той, что «Плевако никто не могъ заподозрѣть въ желаніи создать себѣ имя».

Упорной борьбѣ за существованіе, возбуждаемой недостаткомъ средствъ, сопутствовало бездѣлье, безцѣльное шатаніе по совѣтскимъ помѣщеніямъ и судебнымъ кулуарамъ. Повидимому, это бездѣлье принимало порою угрожающіе размѣры. Московскій Совѣтъ вынужденъ былъ поставить на обсужденіе общаго собранія вопросъ о допущеніи шахматной игры въ помѣщеніяхъ Совѣта и разрѣшить его полнымъ запрещеніемъ. Легко себѣ представить, какой повальный характеръ приняла эта игра, если Совѣту пришлось вмѣшиваться и вынести абсолютное запрещеніе. Сословная жизнь падала и замирала. Общія собранія хотя и собирались, независимо отъ установленнаго закономъ случая для избранія Совѣта, но чѣмъ дальше, тѣмъ все опредѣленнѣе абсентеизмъ становился хронической болѣзнью, а занятія собраній сводились въ сущности къ пошехонскому и самочи-

[1]) «С. Газ., 1884 г., 50. Насколько лицемѣрна эта ссылка на Люторичскій процессъ, можно судить по тому, что А. Ѳ. Кони вмѣняетъ Ѳ. Н. Плевако именно это выступленіе въ гражданскій подвигъ. («Отцы и дѣти судебной реформы», с. 266).

щенію, увѣковѣченному Щедринымъ. Такъ, напр., уже отмѣченное дѣло Овсянникова служило неистощимой темой безплодныхъ разговоровъ. На одномъ изъ общихъ собраній В. Д. Спасовичъ приглашалъ покончить безконечные и тягостные споры, возникшіе изъ дѣла Овсянникова, и А. М. Унковскій предложилъ «во всякомъ случаѣ покончить это дѣло, потому что иначе и общее собраніе и Совѣтъ превратятся въ комитетъ по дѣлу Овсянникова».

Еще болѣе яркій случай можно отмѣтить въ Москвѣ, гдѣ на собраніи 1890 г. зашелъ разговоръ о какихъ-то спискахъ прис. повѣренныхъ, печатавшихся въ отчетахъ Совѣта. Одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что онъ не нашелъ въ отчетѣ Совѣта постановленія объ уничтоженіи общихъ списковъ присяжныхъ повѣренныхъ, составленныхъ прежнимъ Совѣтомъ. Предсѣдатель Совѣта Танѣевъ объяснилъ, что указанные списки имѣли, по его мнѣнію, не вполнѣ приличныя выраженія, и онъ лично распорядился объ изъятіи ихъ изъ обращенія. Другой ораторъ, находя, что въ спискахъ, пропущенныхъ цензурой, не могло быть неприличныхъ выраженій, признавалъ изъятіе ихъ г. Танѣевымъ неправильнымъ. Третій объяснялъ напечатаніе прежнихъ списковъ недосмотромъ со стороны прежняго Совѣта, противъ чего возразилъ бывшій предсѣдатель Совѣта г. Корсаковъ. Г. Шмаковъ настаивалъ на томъ, чтобы въ общихъ спискахъ присяжныхъ повѣренныхъ еврейскія имена печатались безъ обращенія ихъ въ русскія. По предложенію предсѣдателя, пренія о спискахъ прекращены. Такъ изображаетъ отчетъ ходъ этого собранія. Трудно даже понять, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Но одно несомнѣнно, что странное и загадочное содержаніе этого диспута весьма мало соотвѣтствовало укрѣпленію престижа сословія.

Вообще, престижъ этотъ, несомнѣнно, падалъ все ниже. Мы уже знаемъ, по приведеннымъ цитатамъ изъ воспоминаній К. К. Арсеньева, съ какими чувствами вступали въ ряды адвокатуры первые дѣятели судебной реформы. Иначе подходили къ этому въ разсматриваемые годы. «По зрѣлому размышленію,—разсказываетъ Н. П. Карабчевскій [1]),—я убѣ-

[1]) «Около правосудія», с. 8.

дился, что мнѣ не остается ничего, кромѣ адвокатуры. За говорило очень много, но все же нѣкоторыя «но» не оставляли меня въ покоѣ. Карьера адвоката казалась мнѣ у насъ въ Россіи слишкомъ бѣдной красками и общественнымъ значеніемъ. Элементъ хожденія по дѣламъ тоже нѣсколько смущалъ меня». Итакъ, если въ первое время призванію адвоката готовы были всѣмъ пожертвовать, то теперь одинъ изъ весьма замѣтныхъ адвокатовъ признаетъ, что онъ пошелъ въ адвокатуру à contrecoeur. Это измѣненіе настроенія весьма явственно сказывается на рѣчахъ В. Д. Спасовича, произносимыхъ имъ на годовыхъ обѣдахъ прис. повѣренныхъ. Въ 1878 г., въ разгаръ административныхъ гоненій противъ адвокатуры, В. Д. Спасовичъ, намекая на проектъ упраздненія самостоятельной адвокатуры, говорилъ: «Итакъ, мы отходящіе люди, но... никогда я не чувствовалъ себя бодрѣе; никогда еще не ощущалъ въ себѣ больше гордости, что ношу знакъ, на которомъ изображенъ только столбъ, но на этомъ столбѣ написано мелкимъ шрифтомъ: «законъ» подъ короною. Никогда еще не гордился я больше тѣмъ, что принадлежу къ сословію петербургской адвокатуры, что посвятилъ себя этой опальной нынѣ профессіи и даже, что эта профессія обрѣтается нынѣ въ опалѣ; есть опалы, которыя честнѣе чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія... Если бы насъ даже раскассировали, вопреки моимъ предвидѣніямъ, то вы знаете, что иногда смерть почетнѣе всякаго существованія. Я поднимаю тостъ за стойкость, за наше дружное отстаиваніе свободнаго слова въ Россіи, котораго мы являемся нынѣ главными представителями» [1]). Въ 1886 г. Спасовичъ усматривалъ главную опасность настоящей минуты въ taedium vitae и призывалъ къ противодѣйствію этой опасности. А въ 1891 г., говоря о подготовительныхъ работахъ по реформѣ адвокатуры и утверждая, что приготовляемый медъ не обойдется безъ капли дегтя, В. Д. Спасовичъ провозгласилъ тостъ за успѣхи и осуществленіе этихъ законодательныхъ работъ, потому что «во всякомъ случаѣ новый сытящійся медъ, т.-е. готовящееся положе-

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 42.

ніе о присяжныхъ повѣренныхъ укрѣпило бы въ официальныхъ сферахъ наше положеніе». Но тутъ же В. Д. Спасовичъ прибавляетъ, что «охотно пожертвовалъ бы всѣмъ положеніемъ о присяжныхъ повѣренныхъ и всѣми благами, которыя оно можетъ принести, за одинъ лучъ свѣта въ окружающей насъ кромѣшной тьмѣ... а то – taedet vivere, тоска жить».

Бодрое, радужное настроеніе смѣнилось глубокимъ уныніемъ, юношескій задоръ уступилъ мѣсто старческой усталости, и бравированіе опалой превратилось въ домогательство укрѣпить свое официальное положеніе. Но еще знаменательнѣе конецъ цитированной рѣчи. Taedet vivere — эти слова, какъ раньше указалъ и самъ Спасовичъ, покрываютъ цѣлую полосу русской жизни. Это былъ лозунгъ восьмидесятыхъ годовъ, противъ котораго выступилъ К. Д. Кавелинъ въ своей книгѣ «Задачи этики». Чтобы сразу отдать себѣ отчетъ въ значеніи его, достаточно привести на память тотъ фактъ, что великій писатель земли русской принесъ свой художественный геній въ жертву проповѣди непротивленія злу, и даже Салтыковъ «отъ сатиръ, гнѣвомъ бичевавшихъ всѣхъ помпадуровъ, ташкентцевъ... дошелъ до «Христовой ночи» (1886 г.), гдѣ и богатѣямъ, и міроѣдамъ, и жестокимъ правителямъ... возвѣстилъ путь ко спасенію. Имъ всѣмъ Щедринъ находитъ теперь оправданіе въ томъ, что они—люди вѣка сего и духомъ вѣка сего руководятся» [1]. Нельзя поэтому удивляться, если умудренный опытомъ В. Д. Спасовичъ, на склонѣ дней своихъ, покорно повторяетъ лозунгъ безусыхъ юношей восьмидесятыхъ годовъ, которымъ К. Д. Кавелинъ старался разъяснить утраченный ими смыслъ жизни.

Очевидно, отмѣченныя выше явленія находились въ непосредственной связи съ общими условіями русской жизни. Плоть отъ плоти, кровь отъ крови общества, адвокатура не могла, конечно, сохранить въ себѣ силу сопротивленія, сломанную реакціей, и уровень ея сталъ понижаться. Зависи-

---

[1]) «Исторія русской литературы», изд. тов. «Міръ», т. IV, с. 283.

мость эта уже понималась и въ то время. Выясненію зависимости въ значительной мѣрѣ способствовала реакціонная пресса, которая, подъ главнымъ руководствомъ М. Н. Каткова, спеціализировалась въ нападкахъ на судебное вѣдомство вообще и на адвокатуру въ частности. Подчеркивая несоотвѣтствіе судебной реформы всему государственному строю, Катковъ въ одной изъ своихъ статей сравнилъ «нашего министра Дмитрія Николаевича Набокова съ министромъ-президентомъ отъ судебнаго вѣдомства при Императорскомъ правительствѣ въ С.-Петербургѣ». Такъ какъ при этомъ Катковъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, и нападки его пріобрѣтали характеръ весьма реальной угрозы, то чувствовалась живѣйшая потребность въ огражденіи неоцѣнимыхъ благъ, которыя принесли Россіи судебные уставы. Эта необходимость заставляла глубже вдуматься въ причину окружающихъ явленій и противодѣйствовать изолированности нападокъ на адвокатуру, извращенію перспективы, которое допускали Катковъ и другіе. Поэтому, съ одной стороны, В. Д. Спасовичъ справедливо указывалъ, что мы страдаемъ не какъ члены корпораціи, а какъ члены того великаго цѣлаго, въ коемъ мы утопаемъ, какъ капля въ морѣ [1]). А съ другой стороны, мы читаемъ, что «общество имѣетъ ту адвокатуру, которую оно достойно имѣть; съ возрожденіемъ въ обществѣ тѣхъ принциповъ, которые всегда были могучими факторами культуры и которые временно упразднилъ «чумазый», и въ адвокатурѣ исчезнетъ забывчивость чести и долга».

Возражая противъ обобщеній какъ Неклюдова относительно адвокатуры, такъ и Спасовича относительно суда присяжныхъ, «Русская Мысль» указывала, что «адвокатура, правда, не сумѣла занять въ обществѣ достаточно высокое положеніе, но здѣсь сказалась болѣзнь всего общества: упадокъ идеальныхъ, крѣпкихъ убѣжденій замѣчается и въ печати, гдѣ нѣкоторые органы доказываютъ необходимость своевременнаго сбрасыванія убѣжденій во имя пользъ и

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 31.

нуждъ времени (и собственныхъ). Что мудренаго, что и адвокатура не осталась на высотѣ, не устояла противъ искушеній наживы и стала доказывать, что черное бѣло» [1]). Одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ обличителей недостатковъ нашей адвокатуры, бывшій прокуроръ П. П. Обнинскій, выясняя, откуда идетъ ея деморализація, замѣчаетъ, что причина одна и та же, что для всего общества,—«забытыя слова, но въ другихъ сферахъ грѣхопаденіе таится подъ спудомъ, а сословіе гласно и публично бичуетъ свои пороки» [2]).

Особенно же характерна статья г. Вильскаго, который доказываетъ, что адвокатура поднимается надъ общимъ уровнемъ, что къ ней предъявляются исключительныя требованія, чтобы она въ своей дѣятельности руководствовалась не только закономъ, но и началами нравственности и этики. А между тѣмъ, вопросъ о томъ, что такое этика, стоитъ попрежнему открытымъ. «Кавелинъ опредѣляетъ этику какъ нѣчто туманное и неопредѣленное». Заимствуя изъ книги Кавелина описаніе случая отказа Л. Н. Толстого отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, г. Вильскій говоритъ, что «если даже, по мнѣнію такого великаго мыслителя, какъ графъ Толстой, встрѣчаются такія непримиримыя противорѣчія между положительнымъ закономъ и нравственностью, то можно ли осуждать менѣе глубокихъ или совсѣмъ неглубокихъ мыслителей и простыхъ смертныхъ, каковы въ огромномъ большинствѣ наши присяжные повѣренные, за то, что они руководствуются прежде закономъ, а затѣмъ уже ходячей моралью». Популярному въ то время автору «Задачъ этики» не приходило, конечно, въ голову, чтобы его брошюра, ставившая себѣ задачей бороться съ господствовавшимъ тогда нравственнымъ безразличіемъ и пробудить интересъ и любовь къ идеаламъ, могла получить такое истолкованіе и послужить опорой для доказательства неопредѣленности этическихъ началъ. Но по этому и можно

---

[1]) «Рус. Мысль», 1884 г., кн. 5, с. 110.
[2]) «Юр. В.», 1890 г., т. VI, кн. 1.

судить о силѣ реакціи, жернова которой все могли перемолоть ей на потребу [1]).

Наиболѣе яркимъ примѣромъ зависимости адвокатуры отъ общихъ условій было антисемитическое движеніе, начавшееся въ адвокатурѣ къ концу разбираемаго періода. Въ теченіе нѣкотораго времени либеральная печать (напр., «Голосъ») отчасти сама не чужда была антисемитическихъ тенденцій; а въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ прогрессивныхъ органахъ печати по еврейскому и по польскому вопросу встрѣчаются крайне реакціонныя сужденія [2]). Еще въ 1881 г. В. Д. Спасовичъ могъ констатировать на товарищескомъ обѣдѣ, что «наша семья не распалась, что она стоитъ за одни и тѣ же начала, что она вся въ либеральномъ лагерѣ, а не у пугающихъ и назадъ насъ зовущихъ террористовъ» [3]). Но звучитъ уже другая нотка, когда, нѣсколькими годами позже, тотъ же ораторъ въ тѣхъ же условіяхъ ссылался, какъ на «солидное доказательство нашего космополитизма», на избраніе въ Совѣтъ Александра Яковлевича Пассовера, «который по своему таланту и заслугамъ давно долженъ былъ сидѣть въ Совѣтѣ, не будь препятствія въ его происхожденіи» [4]).

Сама по себѣ эта ссылка кажется совершенно непонятной, ибо В. Д. Спасовичъ тутъ же напоминаетъ о правѣ Пассо-

---

[1]) Нужно еще оговорить, что въ значительной мѣрѣ присяжная адвокатура несла на себѣ отвѣтственность и за чужіе грѣхи. «Давъ возможность,—справедливо указываетъ г. Владимировъ,—всѣмъ и каждому, начиная съ человѣка, достойнаго этого званія, и кончая кантонистомъ, сидѣльцемъ питейнаго заведенія и содержателемъ публичнаго дома, выступать повѣреннымъ, весь этотъ сбродъ съ ироніей, съ тупымъ злорадствомъ окрещиваютъ громкимъ именемъ русской адвокатуры».

Къ дореформеннымъ дѣльцамъ, получавшимъ на это занятіе офиціальный патентъ по закону 24 мая 1874 г., присоединились во множествѣ отставные военные и судебные пристава, послѣ разныхъ непріятностей по службѣ, ремесленники и проторговавшіеся купцы, напрактиковавшіеся въ веденіи собственныхъ дѣлъ; былъ даже повѣренный изъ лакеевъ, что обнаружилось въ одномъ мелкомъ уголовномъ процессѣ о немъ самомъ.

[2]) Исторія русской литературы, изд. тов. «Міръ», т. IV, с. 47.

[3]) «Заст. рѣчи», с. 28.

[4]) Ib., с. 25.

вера на почетное мѣсто въ Совѣтѣ. Нужно, однако, принять во вниманіе, что избраніе Пассовера вызвало настоящую бурю. Дѣло доходило до того, что изъ-за избранія одного еврея требовали уничтоженія корпоративныхъ правъ сословія [1]). Уступая этому давленію, мысль, выраженная В. Д. Спасовичемъ, начинаетъ весьма существенно варіироваться. Въ періодической прессѣ раздаются жалобы на Совѣты прис. повѣренныхъ, которые не ставятъ никакихъ преградъ наплыву евреевъ. «Все это, по убѣжденію недовольныхъ, дѣлалось и дѣлается въ большинствѣ случаевъ не въ видахъ пользы сословія, а по укоренившемуся убѣжденію въ сословіи, что оно должно быть вполнѣ и во всемъ либеральнымъ, что никакія стѣсненія не должны исходить отъ него [2]). Соотвѣтственно этому, въ 1886 г., снова В. Д. Спасовичъ, въ качествѣ перваго правила, котораго должно держаться, указываетъ на «полную племенную, національную и религіозную терпимость, недопущеніе въ нашу среду никакихъ этого рода междоусобій. Вспомните картину Рѣпина «Бурлаки на Волгѣ». Тутъ есть и татары, и евреи, и цыгане, и хохлы, и великороссы. Никто другъ друга не попрекаетъ, откуда онъ взятъ, кѣмъ рожденъ, лишь бы тянулъ лямку, лишь бы былъ старательнымъ работникомъ. Всѣ тутъ одинаковы, по этой одной мѣрѣ оцѣнивается каждый работникъ относительно того, чего онъ стоитъ» [3]). Но въ 1889 г. Спасовичъ уже не кичится либерализмомъ сословія, а, напротивъ, указываетъ на то, что «намъ порою приходится быть акробатами, держать балансъ на натянутомъ канатѣ, быть оппортюнистами не на то, чтобы развиваться, а для того, чтобы держаться на достигнутой высотѣ».

Это заявленіе и служитъ предисловіемъ къ «обстоятельству, которое мутитъ и тревожитъ и отъ котораго цѣлое раскалывается». Обстоятельство это заключается въ «еврейскомъ вопросѣ». В. Д. Спасовичъ оправдываетъ Совѣтъ, который никакихъ мѣръ не могъ принять,

---

[1]) «В. Евр.», 1888 г., кн. 6, с. 876.

[2]) «Юр. Лѣт.», 1891 г., авг., статья Граціанскаго.

[3]) «Заст. рѣчи», с. 43.

но могъ лишь обратить вниманіе на опасность, приведя въ отчетѣ цифры роста евреевъ въ сословіи. Однако, принять мѣры необходимо, и эта обязанность лежитъ на общемъ собраніи. Надо эти мѣры «обдумать, провести въ дѣйствіе безъ всякаго обращенія къ правительству съ ходатайствомъ объ установленіи для поступающихъ извѣстнаго процента». Принятіе мѣръ В. Д. Спасовичъ готовъ отстаивать «съ точки зрѣнія пользы самихъ евреевъ», ибо «коль скоро вы ее (адвокатуру) переполните, государство можетъ этого не потерпѣть и отмѣнить не корпорацію, а Совѣтъ. Не открытъ же по этой только причинѣ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Одессѣ. Und das Kind wird mit dem Bade ausgeschüttet» [1]). Для того, чтобы этого не случилось, очевидно, нужно осторожно выплеснуть воду и не обезпокоить ребенка. А потому надо установить процентъ, и онъ долженъ быть установленъ правительствомъ. Если этого не сдѣлать, «мы можемъ сильно пострадать».

Такого же направленія въ общемъ держался и «Вѣстникъ Европы» [2]), который не касался вопроса по существу, а оправдывалъ Совѣтъ тѣмъ, что онъ не въ правѣ принимать никакихъ ограничительныхъ мѣръ, и надѣялся, что установленіе процентной нормы для евреевъ въ гимназіяхъ и университетахъ можетъ оказать помощь въ смыслѣ предотвращенія опасности наплыва евреевъ въ адвокатуру.

Въ Москвѣ антиеврейское движеніе началось среди помощниковъ прис. повѣренныхъ. Въ 1887 г. Комитетъ помощниковъ обратился въ Совѣтъ съ заявленіемъ, въ которомъ указываетъ на сильный приливъ лицъ еврейскаго племени въ адвокатуру [3]). Въ 1885 г. отношеніе помощниковъ евреевъ къ помощникамъ не-евреямъ составляло 3%, въ 1886 г.—11% и въ 1887 г.—17%. Исходя изъ того, что въ любомъ русскомъ учрежденіи, а тѣмъ болѣе въ русской присяжной адвокатурѣ, въ виду самаго свойства, характера и задачъ этого

---

1) «Заст. рѣчи», с. 52—54.

2) 1889 г., кн. 5.

3) Комитетъ въ то время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель В. Ф. Баудеръ, тов. предсѣдателя В. М. Тарасовъ, члены—Костенецкій, Сазоновъ, Поспѣловъ, Шиловъ, Наумовъ, Коссовичъ.

института, нежелательно чрезмѣрное скопленіе не русскаго элемента, и что формальныя свѣдѣнія, сообщаемыя о помощникахъ евреяхъ, не являются точнымъ показателемъ ихъ нравственнаго облика въ виду крайней замкнутости и внутренней солидарности еврейскаго племени, Комитетъ запрашиваетъ у Совѣта о способахъ устраненія ненормальнаго и нежелательнаго явленія. Это заявленіе неоднократно разсматривалось въ засѣданіяхъ Совѣта, но, въ концѣ-концовъ, было снято съ очереди. Въ одномъ изъ общихъ собраній (28 января 1890 г.) А. С. Шмаковъ поднялъ вопросъ и настаивалъ на томъ, чтобы въ общихъ спискахъ прис. повѣренныхъ еврейскія имена печатались безъ обращенія ихъ въ русскія.

Если къ этому еще прибавить, что нѣкоторыя судебныя мѣста (напр., спб. Столичный Мировой Съѣздъ) прекратили выдачу евреямъ свидѣтельствъ на право веденія дѣлъ, то можно считать безспорнымъ, что для изданія закона 8 ноября 1889 г. почва была въ достаточной мѣрѣ подготовлена. Этотъ законъ, какъ извѣстно, не устанавливалъ опредѣленнаго процентнаго отношенія инородцевъ къ коренному населенію. Министерство Юстиціи не преминуло воспользоваться случаемъ, чтобы расширить дискреціонную власть министра, но по существу новый законъ, очевидно, находился въ соотвѣтствіи съ назрѣвшими и громко себя заявлявшими теченіями. Мало того. Какъ только законъ появился, упомянутый московскій Комитетъ вошелъ въ Совѣтъ прис. повѣренныхъ съ запросомъ, какъ установить предѣлы примѣненія закона. По мнѣнію Комитета, «помощники составляютъ лишь младшую часть сословія и, какъ таковые, не должны пользоваться привилегіями, какими не пользуются члены старшаго сословія. Исходя изъ этого соображенія, Комитетъ полагалъ бы, что сила закона 8 ноября 1889 г. распространяется и на помощниковъ». Желаніе Комитета не осуществилось. Совѣтъ пошелъ этимъ желаніямъ навстрѣчу, но въ другой формѣ, и только лишь 20 лѣтъ спустя, въ 1913 году, Прав. Сенатъ, по инициативѣ нынѣшняго министра юстиціи, разъяснилъ законъ именно въ томъ смыслѣ, какъ это предлагалъ московскій Комитетъ.

22. Роль Совѣтовъ и ихъ отношеніе къ сословію.

Дальнѣйшее теченіе еврейскаго вопроса въ адвокатурѣ пошло уже по руслу совѣтской дѣятельности, а потому, прежде чѣмъ продолжать изложеніе его перипетій, необходимо выяснить, какова вообще была дѣятельность Совѣта въ этотъ періодъ, каково установилось взаимоотношеніе Совѣтовъ и сословія. Начавшееся въ адвокатурѣ разслоеніе не могло не повліять на эти отношенія. Уже въ предыдущей главѣ было упомянуто, что въ 1875 г. Московскій Совѣтъ былъ обновленъ сразу весь, до единаго человѣка. Въ Петербургѣ въ рѣчи на обѣдѣ 1876 г. В. Д. Спасовичъ жаловался, что Совѣтъ самими адвокатами преслѣдовался. «Ги-ги»,—кричатъ предлагатели съ правой стороны. «Ги-ги»,—кричатъ попрекатели съ лѣвой стороны... Если бы мы васъ послушались, то вагонъ соскочилъ бы съ рельсовъ» [1]). А три года спустя, выйдя изъ состава Совѣта и напутствуя его, В. Д. Спасовичъ пояснялъ, какъ нужно дѣйствовать, чтобы не соскочить съ рельсовъ. «Не будь ты, Совѣтъ, слишкомъ рьянъ, не вылѣзай ты изъ раковины, а когда необходимость тебя принудитъ, то показывай твою головку съ рожками, но бережно и осторожно. Не проектируй слишкомъ многаго; есть времена, когда главная заслуга заключается въ томъ, чтобы сохранить уже пріобрѣтенное и кое-какъ прожить, не накопляя и не растрачивая капиталовъ. Въ одномъ только потребуютъ отъ тебя строгаго отчета: блюди неукоснительно чистоту нравовъ, не увлекайся мягкосердечіемъ, требуй безусловной честности, не спускай ни тому, кто съ деньгами своихъ кліентовъ обходится, какъ со своими собственными, ни тому, кто для достиженія своихъ цѣлей пролѣзетъ, обойдетъ, измѣнитъ или передѣлаетъ законъ» [2]). Этотъ лозунгъ пришелся, повидимому, какъ разъ по плечу избранному органу сословія. Совѣты очень тщательно заботились о чистотѣ сословія и во всѣхъ направленіяхъ принимали мѣры для это-

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 15.
[2]) Ib., с. 22.

го. Въ 1884 г., напр., послѣдовало разъясненіе Прав. Сената (№ 7), что лица, удовлетворяющія установленнымъ въ законѣ требованіямъ, могутъ быть принимаемы въ присяжные повѣренные, если они въ теченіе пяти лѣтъ занимались судебной практикой, хотя не въ качествѣ помощниковъ прис. повѣренныхъ, а лишь въ качествѣ повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ. Когда въ слѣдующемъ же году два лица на этомъ основаніи обратились съ просьбой о зачисленіи ихъ въ прис. повѣренные, харьковскій Совѣтъ нашелъ, что опредѣленіе Сената не равносильно закону, который оно не можетъ ни измѣнить, ни отмѣнить. А законъ, какъ выясняется въ чрезвычайно обстоятельномъ опредѣленіи Совѣта, ставитъ непремѣннымъ условіемъ пятилѣтній стажъ. Допустить отступленіе отъ этого рѣшительно невозможно, ибо тогда упразднилась бы нравственная связь сословія съ его будущими членами, и оно пополнялось бы элементами, чуждыми того направленія, которое вырабатывается въ сословіи въ соотвѣтствіи съ тѣми нравственными задачами, для какихъ оно создано въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г. Такъ отнесся Совѣтъ къ сенатскому рѣшенію, и замѣчательно, что и Судебная Палата согласилась съ этимъ взглядомъ [1]).

Но особенно важнымъ съ разсматриваемой точки зрѣнія должно быть отношеніе Совѣта къ обязанностямъ прис. повѣреннаго. И здѣсь имѣется случай, никакихъ сомнѣній не оставляющій относительно характера дѣятельности Совѣтовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ установилась практика назначать одного и того же повѣреннаго защитникомъ на одинъ и тотъ же день по нѣсколькимъ дѣламъ. Однимъ прис. повѣреннымъ возбужденъ былъ вопросъ, насколько такая практика правильна. Совѣтъ нашелъ, что «въ законѣ нѣтъ препятствій, мѣшающихъ предсѣдательствующему дѣлать такія распоряженія. Подобная практика представляетъ несомнѣнныя удобства какъ для предсѣдательствующаго, такъ и для присяжнаго повѣреннаго... Назначеніе нѣсколькихъ защитъ за разъ присяжному повѣренному сберегаетъ для сего послѣдняго мно-

---

[1]) Отчетъ, с. 11—24.

го времени, такъ какъ каждому присяжному повѣренному при подобномъ способѣ пришлось бы защищать лишь малое число разъ въ годъ (1—2), между тѣмъ защита по самому несложному дѣлу отнимаетъ часто у защитника возможность заняться чѣмъ бы то ни было другимъ въ этотъ день». Казалось бы поэтому, что выводъ напрашивается самъ собою. Однако, Совѣтъ находитъ, что вопросъ рѣшается не этими доводами. Ни интересы предсѣдательствующаго, ни удобства присяжнаго повѣреннаго не могутъ быть выдвинуты на первый планъ. Рѣшающимъ, по мнѣнію Совѣта, является то, не можетъ ли такой способъ защиты отразиться вредно на интересахъ подсудимаго? «Поставленный въ необходимость защищать нѣсколько дѣлъ, совершенно однородныхъ, прис. повѣренный не только будетъ иногда затрудненъ, но и лишенъ возможности исполнить свой долгъ безъ нарушенія интересовъ подсудимаго и защиты вообще. Повтореніе однихъ и тѣхъ же соображеній и пріемовъ столь же вредно подѣйствуетъ, какъ и умолчаніе о другихъ доводахъ, уже высказанныхъ по другимъ дѣламъ... Нельзя еще упустить изъ виду нѣкоторыя обстоятельства, хотя и формальнаго свойства, которыя появятся при новомъ порядкѣ вещей, какъ дискредитированіе этихъ защитъ. И въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и въ самомъ обществѣ можетъ установиться взглядъ на отправленіе этой самой существенной функціи присяжной адвокатуры какъ на скучную формальность... Второе ненормальное неудобство новаго порядка заключается въ томъ, что неявка защитника каждый разъ повлекла бы за собою отсрочку 4—5 дѣлъ со всѣми тяжелыми послѣдствіями для подсудимыхъ, въ большинствѣ случаевъ содержимыхъ подъ стражей» [1]). Такъ разсуждалъ Совѣтъ, а когда затѣмъ вопросъ былъ переданъ на обсужденіе общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ [2]), здѣсь раздался лишь одинъ голосъ въ пользу того, что съ личной точки зрѣнія новый способъ назначенія на защиты гораздо удобнѣе. Предложеніе Совѣта вернуться къ прежнему поряд-

---

[1]) Макалинскій, 392, 393.
[2]) 25 апрѣля 1882 г.

ку одобрено было общимъ собраніемъ безъ измѣненій и принято предсѣдательствующими въ уголовныхъ отдѣленіяхъ къ исполненію. Этотъ случай можетъ служить яркимъ показателемъ, какъ высоко стоялъ уровень понимания своихъ профессіональныхъ обязанностей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Совѣтъ настойчиво разъяснялъ, что прис. повѣренный обязанъ до засѣданія непремѣнно видѣться съ подсудимымъ, защита котораго ему поручена, какъ бы ни представлялось дѣло яснымъ и несложнымъ по даннымъ предварительнаго слѣдствія [1]).

На ряду съ этимъ нужно отмѣтить неукоснительную строгость въ отношении къ нарушеніямъ профессіональнаго долга. Петербургскій и харьковскій Совѣты разъяснили, что давность не примѣняется къ дѣйствіямъ или упущеніямъ прис. повѣренныхъ, подлежащихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, что возбужденныя дисциплинарныя производства не подлежатъ прекращенію за примиреніемъ, что дисциплинарное преслѣдованіе не погашается уголовнымъ преслѣдованіемъ и воздѣйствіемъ предсѣдателя [2]), что дисциплинарная власть Совѣта распространяется на поступки присяжныхъ повѣренныхъ, совершенные ими до вступленія въ сословіе [3]). Отмѣтимъ еще весьма распространительное толкованіе 400 ст. учр. суд. уст., запрещающей прис. повѣренному скупать тяжбы довѣрителей. Совѣтъ нашелъ, что, хотя въ законѣ нѣтъ прямого запрещенія прис. повѣренному вступать въ какія-либо сдѣлки по имуществу съ лицомъ, поручившимъ ему веденіе своего дѣла, но тѣ соображенія, которыя послужили основаніемъ при установленіи правилъ ст.

[1]) Макалинскій, 391. Московскій Совѣтъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно въ виду отсутствія прямого закона, который прямо обязалъ бы назначеннаго защитника къ сказанному дѣйствію. («Двадцатипятилѣтіе», тезисъ 81-й).

[2]) Окружные суды, дѣйствуя въ качествѣ Совѣтовъ, держались какъ разъ противоположнаго взгляда. Такъ, кіевскій Окружный Судъ постановилъ прекратить дисциплинарное производство за примиреніемъ сторонъ («Кіевлянинъ», 1881 г., № 231).

[3]) Сначала петербургскій Совѣтъ разрѣшилъ вопросъ этотъ отрицательно. Московскій Совѣтъ продолжаетъ держаться такого взгляда, дѣлая лишь предупрежденіе на будущее время. («Двадцатипятилѣтіе», тез. 20).

400, могутъ имѣть примѣненіе въ большей части случаевъ, когда сдѣлка по имуществу совершена прис. повѣреннымъ съ лицомъ, которое поручило ему веденіе своего дѣла [1]). Точно такъ же, въ виду неудобствъ и возможности нареканій при полученіи повѣреннымъ довѣренности отъ двухъ лицъ, состоящихъ другъ къ другу въ положеніи противниковъ, хотя бы не по одному и тому же дѣлу, въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ принято за правило давать самое широкое толкованіе 402 ст. учр. суд. уст., запрещающей быть повѣреннымъ обѣихъ спорящихъ сторонъ [2]).

Организація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ попрежнему составляла предметъ непрерывныхъ заботъ для Совѣта. Иначе оно и не должно быть, ибо вопросъ объ организаціи помощниковъ составляетъ, очевидно, основной вопросъ жизни сословія. Но, съ другой стороны, именно поэтому, когда начался распадъ въ сословіи, организація помощниковъ послужила, такъ сказать, главнымъ театромъ войны. Касаясь даннаго вопроса, мы сразу окунаемся въ самую гущу борьбы, раздиравшей въ этотъ періодъ сословіе.

Какъ указано въ предыдущей главѣ, уже на первыхъ порахъ неудобства личнаго патроната успѣли ярко сказаться. Между патронами и помощниками не было установлено органической связи, и практической подготовки подъ руководствомъ прис. повѣреннаго, какъ того требуетъ законъ, не существовало. Чѣмъ дальше шло, чѣмъ больше увеличивалось количество прис. повѣренныхъ и помощниковъ, тѣмъ рѣзче становилась отчужденность ихъ.

Законъ 25 мая 1874 года, въ связи съ упомянутымъ рѣшеніемъ Прав. Сената, разъяснившимъ, что стажъ помощника прис. повѣреннаго не является обязательнымъ для принятія въ прис. повѣренные, создалъ новый соблазнъ для молодежи проходить этотъ стажъ въ качествѣ частнаго повѣреннаго, свободнаго отъ всякихъ сословныхъ стѣсненій. «Казалось бы, что правила 25 мая 1874 г. должны были поколебать ту органическую связь помощниковъ съ сословіемъ

[1]) Макалинскій, с. 410.
[2]) Макалинскій, с. 434.

присяжной адвокатуры, которая начинала все болѣе и болѣе крѣпнуть. Но въ дѣйствительности такихъ послѣдствій законъ 1874 г. не имѣлъ» [1]). Какъ можно видѣть, напр., изъ упомянутаго уже очерка Н. П. Карабчевскаго [2]), подобная мысль даже не приходила въ голову. Напротивъ, именно послѣ изданія закона 1874 г. среди самихъ помощниковъ опредѣлилась мысль о необходимости установленія сословной связи и среди помощниковъ, о замѣнѣ фактически отсутствующаго личнаго патроната сословнымъ. Въ 1876 г.,—повѣствуетъ Макалинскій [3]),—въ средѣ помощниковъ прис. повѣренныхъ возникла мысль объ устройствѣ юридическихъ конференцій съ цѣлью теоретической и практической подготовки ихъ къ профессіональной дѣятельности и къ достиженію взаимнаго сближенія между членами корпораціи посредствомъ совмѣстныхъ занятій. Мысль эта появилась, главнымъ образомъ, потому, что многіе помощники, при значительномъ количествѣ прис. повѣренныхъ и частныхъ ходатаевъ, въ первое время по вступленіи въ сословіе имѣютъ весьма мало судебныхъ дѣлъ и лишены средствъ пріобрѣтать необходимыя для будущей ихъ адвокатской дѣятельности свѣдѣнія путемъ судебной практики. Совѣтъ, какъ утверждаетъ Макалинскій, самъ сознавалъ необходимость принять какія-либо мѣры для практической подготовки и потому очень охотно пошелъ навстрѣчу желанію помощниковъ. Члены Совѣта приняли участіе въ состоявшемся собраніи, на которомъ были выработаны соотвѣтствующія правила [4]).

Сущность правилъ заключается въ томъ, что въ организуемыхъ юридическихъ бесѣдахъ читаются рефераты по разнымъ вопросамъ права и судопроизводства, и затѣмъ происходятъ пренія, что составленіе рефератовъ и посѣще-

---

[1]) Заключеніе спб. Совѣта по проекту положенія о помощникахъ пр. повѣренныхъ, с. 22.

[2]) «Какъ я сталъ адвокатомъ».

[3]) С. 96.

[4]) Спб. Совѣтъ полагаетъ, что толчокъ къ организаціи конференцій дала неоднократно цитированная нами книга К. К. Арсеньева «Замѣтки о русской адвокатурѣ». («Заключеніе», с. 25).

ніе бесѣдъ является для помощниковъ обязательнымъ, и что они участвуютъ при посредствѣ своей комиссіи въ избраніи руководителей бесѣдъ. Какъ указано въ протоколѣ общаго собранія 30 мая 1877 г., противъ нѣкоторыхъ пунктовъ выработанныхъ правилъ были сдѣланы возраженія, но все же они были приняты и тотчасъ стали дѣйствовать.

Въ Москвѣ послѣ изданія закона 1874 г. Совѣтъ постановилъ, что помощники получаютъ свидѣтельства отъ судебныхъ мѣстъ не иначе, какъ по сношеніи сихъ послѣднихъ съ Совѣтомъ объ ихъ благонадежности, а Совѣтъ, въ свою очередь, сносится съ тѣми прис. повѣренными, при которыхъ они состоятъ помощниками. Къ организаціи же сословія приступлено было въ 1877 г. по инціативѣ бывшаго предсѣдателя Совѣта В. И. Танѣева [1]). Въ объяснительной запискѣ Совѣтъ указываетъ, что «по отвѣтамъ самихъ помощниковъ, пятилѣтній срокъ, назначенный закономъ для приготовленія, проходитъ обыкновенно безъ всякаго руководства со стороны прис. повѣренныхъ и часто безъ всякаго слѣда. Прис. повѣренные заявляютъ Совѣту о принятіи ими въ помощники такихъ-то молодыхъ людей, которые потомъ вовсе не работаютъ съ ними». Констатируя затѣмъ, что принимавшіяся противъ фиктивнаго помощничества мѣры ни къ чему не приводили, и что присяжные повѣренные попрежнему не занимаются своими помощниками, что помѣшать этому нѣтъ возможности, Совѣтъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ему необходимо взять въ свои руки и самое приготовленіе помощниковъ въ прис. повѣренные, установивъ какой-нибудь порядокъ для упражненія ихъ въ судебной практикѣ. Выработка правилъ была поручена Совѣтомъ въ ноябрѣ 1877 г. комиссіи, которая завѣдывала дѣлами консультаціи помощниковъ прис. повѣренныхъ при мировыхъ учрежденіяхъ. Комиссія быстро выработала про-

---

[1]) По инціативѣ В. И. Танѣева, въ число помощниковъ записались тогда уже весьма популярные профессора Московскаго университета: В. А. Гольцевъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, А. И. Чупровъ, И. И. Янжулъ. (Юр. Лѣт., 1882 г., 49). Въ бесѣдѣ со мной М. М. Ковалевскій замѣтилъ, что, приглашая ихъ вступить въ сословіе, В. И. Танѣевъ имѣлъ цѣлью поднять престижъ сословія.

ектъ самоуправленія помощниковъ прис. повѣренныхъ подъ верховнымъ наблюденіемъ Совѣта.

Въ частности, помимо раздѣленія на группы для упражненія въ судебной практикѣ, Комиссія намѣчала обязательное участіе въ консультаціи. Совѣтъ нашелъ, что учрежденіе и организація отдѣльнаго самостоятельнаго общества помощниковъ не можетъ быть допущена. Что же касается предположенной работы въ консультаціи, Совѣтъ высказалъ, что «для приготовленія помощниковъ въ прис. повѣренные Совѣтъ не видитъ никакой пользы въ упражненіи ихъ подачей совѣтовъ тяжущимся и обвиняемымъ. Поэтому Совѣтъ «не можетъ поддерживать учрежденіе консультаціи и сдѣлать участіе въ ней обязательнымъ для всѣхъ помощниковъ». Вмѣсто этого Совѣтъ принялъ петербургскія правила о дѣленіи на группы. Каждая группа избираетъ своего секретаря, а изъ секретарей составляется комитетъ [1]), который сообщаетъ Совѣту свѣдѣнія о поступающихъ въ помощники и о послѣднихъ, поступающихъ въ прис. повѣренные, и о всякомъ нарушеніи помощникомъ его обязанностей [2]).

Въ дальнѣйшемъ правила о конференціяхъ и бесѣдахъ подвергались почти безпрерывнымъ измѣненіямъ и проектамъ измѣненій. Между прочимъ, интересно отмѣтить, что въ Москвѣ въ 1883 году комитетъ заявилъ Совѣту о желаніи помощниковъ прис. повѣренныхъ вести уголовныя дѣла по назначенію суда. Совѣтъ рѣшилъ передать заявленіе помощниковъ предсѣдателю суда и просить его о посредствѣ въ этомъ дѣлѣ передъ Министерствомъ. Ни отчеты, ни журналы засѣданій не упоминаютъ о дальнѣйшей судьбѣ этого заявленія. Годомъ позже комитетъ, проектируя рядъ измѣненій въ существующихъ правилахъ консультаціи помощниковъ прис. повѣренныхъ при московскомъ Мировомъ Съѣздѣ, намѣтилъ обязательность занятія въ консультаціи, но

---

[1]) Первое засѣданіе комитета состоялось подъ предсѣдательствомъ В. И. Танѣева 20 декабря 1878 г. Въ первый кабинетъ вошли: Г. А. Джаншіевъ, Г. В. Бугаевъ, Д. Н. Доброхотовъ, Д. Е. Мандельштамъ, Н. І. Львовичъ-Кострица, Н. П. Шубинскій.

[2]) Отчетъ 1877—78 г., с. с. 5—21.

обязательность была отвергнута общимъ собраніемъ, которое даже не стало обсуждать деталей проекта [1]). Между тѣмъ, всѣ проекты измѣненій вносились потому, что бесѣды шли плохо, мало посѣщались и не достигали тѣхъ цѣлей, которыя были имъ поставлены. Такъ, въ 1880 г. пришлось уменьшить на половину число группъ, потому что ихъ оказалось слишкомъ много «при рѣдкомъ посѣщеніи бесѣдъ». Въ томъ же году «вслѣдствіе заявленія многихъ руководителей группъ помощниковъ прис. повѣренныхъ о неаккуратномъ посѣщеніи послѣдними собраній группъ и о неудовлетворительности многихъ изъ представленныхъ ими работъ», пришлось вновь приступить къ переработкѣ правилъ конференцій [2]).

Печать приписывала неудачу конференцій неумѣлому выбору темъ. Въ Москвѣ на конференціяхъ темы чисто публицистическія, напримѣръ: гоненія на новый судъ, вліяніе законовъ о бѣдныхъ на пауперизмъ по Fawell'у. Съ другой стороны, отмѣчалась разница въ посѣщаемости конференцій. Группы, руководимыя въ Петербургѣ Пассоверомъ и Герардомъ, посѣщались усердно (на каждаго помощника 27 посѣщеній, въ другихъ группахъ только по семи) [3]).

Такъ дѣло тянулось до конца 80-хъ годовъ, и во все это время вопросъ объ организаціи помощниковъ почти не сходилъ съ очереди [4]). Послѣ изданія закона 8 ноября 1889 г. въ связи съ развившимся тогда антисемитическимъ движеніемъ вопросъ сразу получилъ другое направленіе. Совѣты не

---

[1]) Отчетъ комис. за 1884—5 г., с. 9—10.

[2]) Макалинскій, с. с. 99, 101.

[3]) Въ связи съ обсужденіемъ правилъ о конференціяхъ, въ одномъ изъ общихъ собраній петербургской адвокатуры (26 ноября 1880 г.) возникъ вопросъ объ изданіи свода общихъ правилъ и обычаевъ адвокатуры. Общее собраніе единогласно одобрило эту мысль и избрало комиссію изъ 7 человѣкъ подъ предсѣдательствомъ В. Д. Спасовича (изъ Войцеховскаго, Люстиха, Пассовера, Потѣхина, Рихтера и Утина). Въ засѣданіяхъ 11 и 29 апрѣля комиссія утвердила программы для собиранія матеріаловъ къ намѣченному труду, разослала программу другимъ Совѣтамъ, но въ дальнѣйшемъ никакой дѣятельности комиссія не проявляетъ. Сборникъ такъ и не былъ изданъ. (Макалинскій, с. 308).

[4]) «Ж. Гр. и Уг. Пр.», 1887 г., кн. 9, с. 1.

только не приняли мѣръ, чтобы ослабить дѣйствіе этого закона, но, напротивъ, пытались использовать его какъ можно шире. Центръ тяжести сосредоточился на борьбѣ съ фиктивнымъ помощничествомъ. Проектъ правилъ, выработанный спб. Совѣтомъ въ 1889 г., требовалъ, чтобы прис. повѣренный имѣлъ не болѣе одного помощника, чтобы, помимо помощи патрону, помощникъ и самостоятельно занимался практикой, и въ связи съ этимъ, чтобы лица не-христіанскихъ вѣроисповѣданій, если не получатъ установленнаго закономъ 8 ноября 1889 г. разрѣшенія на веденіе чужихъ дѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня поступленія въ помощники прис. повѣренныхъ, исключались изъ сословія помощниковъ [1]). Въ общемъ собраніи 4 февраля 1890 г., обсуждавшемъ сначала вопросъ о предстоявшемъ чествованіи 25-тилѣтія судебныхъ уставовъ, проектъ правилъ подвергся жесточайшей критикѣ. За исключеніемъ только Е. И. Утина, ни одного голоса не раздалось въ пользу новыхъ правилъ. В. Д. Спасовичъ находилъ коренной недостатокъ въ смѣшеніи національнаго вопроса съ вопросомъ объ организаціи института, каковое смѣшеніе и наложило свой отпечатокъ на проектъ правилъ. Независимо же отъ этого, коренной дефектъ заключается въ переходѣ отъ сословнаго патроната къ личному. Составители судебныхъ уставовъ, повидимому, желали придать адвокатурѣ цеховое устройство, поставить помощника къ патрону въ положеніе ученика къ мастеру. Совѣтъ, въ первое время своей дѣятельности, сознавая несостоятельность цехового начала и руководствуясь, какъ примѣромъ, устройствомъ адвокатуры во Франціи, во всѣхъ своихъ проектахъ организаціи института помощниковъ проводилъ идею стажа и лишь въ послѣднее время сталъ на точку зрѣнія личнаго патроната, мало встрѣчающаго сочувствія въ сословіи.

Несмотря на энергическую защиту В. Н. Герарда и особенно В. О. Люстиха, доказывавшаго, что поспѣшность выработки правилъ необходима въ виду громаднаго наплыва молодыхъ людей въ сословіе помощниковъ, собраніе подавляющимъ большинствомъ (103 противъ 25) рѣшило изъ-

---

[1]) Отчетъ, 23, 24.

ять вопросъ этотъ изъ вѣдѣнія Совѣта и избрать особую комиссію для выработки проекта новыхъ правилъ. Комиссія выработала къ слѣдующему году новый проектъ, представляющій типичный образчикъ компромисса. Предложенное Совѣтомъ требованіе отъ иновѣрца представленія свидѣтельства отмѣнено, но по истеченіи пятилѣтняго срока пребыванія въ помощникахъ Совѣтъ обсуждаетъ причины неперехода въ прис. повѣренные и можетъ отчислить таковое лицо изъ помощниковъ. Дамокловъ мечъ, такимъ образомъ, надъ инородцами продолжалъ висѣть. Равнымъ образомъ, контроверза личнаго и сословнаго патроната примирена такъ, что «помощникъ присяжнаго повѣреннаго обязанъ находиться подъ руководствомъ и контролемъ своего патрона, а въ его отсутствіи—руководителя той группы, къ которой помощникъ приписанъ». Этотъ проектъ тоже не получилъ дальнѣйшаго движенія. Онъ уже не былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго собранія въ виду возбужденнаго въ законодательномъ порядкѣ вопроса о полномъ преобразованіи положенія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ [1]).

Отвергнутыя петербургскимъ общимъ собраніемъ правила [2]) нашли живой откликъ въ московскомъ Совѣтѣ [3]), который ихъ цѣликомъ воспринялъ и усугубилъ значеніе ихъ тѣмъ, что послѣднимъ пунктомъ новыхъ правилъ отмѣнилъ всѣ правила относительно помощниковъ, изданныя Совѣтомъ до сего. Въ объяснительной запискѣ къ правиламъ Совѣтъ и употребилъ ту знаменитую фразу о паденіи и измельчаніи сословія, которая приведена выше [4]) и которая, какъ упомянуто, пошла гулять по всей періодической прессѣ.

---

[1]) Отчетъ, 19—23.

[2]) Предсѣдатель московскаго Совѣта А. А. Крюковъ обратился къ предсѣдателю спб. Совѣта съ письмомъ о присылкѣ правилъ, въ отвѣтъ на что и былъ присланъ проектъ этихъ правилъ.

[3]) Совѣтъ состоялъ въ то время изъ предсѣдателя А. А. Крюкова, тов. предсѣдателя П. А. Корсакова и членовъ—С. А. Блюменталя, В. А. Капеллера, К. Ф. Мандро, А. Е. Носа, А. Г. Островскаго и В. М. Пржевальскаго. Послѣдній въ связи съ изданными Совѣтомъ правилами о помощникахъ вышелъ изъ состава Совѣта.

[4]) См. выше, с. 267.

Причину паденія сословія Совѣтъ видитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ господствовала ложная точка зрѣнія на помощниковъ, какъ на сословіе. Между тѣмъ, по мнѣнію Совѣта, званіе помощника не обозначаетъ принадлежности къ особому сословію повѣренныхъ, оно не предполагаетъ самостоятельной практики, а, напротивъ, требуетъ работы у присяжнаго повѣреннаго подъ его руководствомъ. Словомъ, точка зрѣнія личнаго патроната должна быть проведена до конца. Что касается отношенія къ евреямъ, то «доступъ въ званіе помощника долженъ быть закрытъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, кои не могутъ разсчитывать на вступленіе въ сословіе прис. повѣренныхъ». Поэтому Совѣтъ не можетъ «записывать въ помощники лицъ не-христіанскихъ исповѣданій», если они не имѣютъ разрѣшенія министра юстиціи на судебное представительство, ибо самое званіе присяжнаго повѣреннаго впослѣдствіи этими лицами можетъ быть получено съ его же разрѣшенія. Вотъ почему правила и требуютъ представленія свидѣтельства на веденіе дѣлъ. Но, признавая упражненіе судебнаго представительства условіемъ sine qua non надлежащаго стажа помощника, Совѣтъ, однако, довольствуется только представленіемъ разрѣшенія на полученіе свидѣтельства, отнюдь не требуя, чтобы въ теченіе стажа помощникъ непремѣнно упражнялся въ веденіи судебныхъ дѣлъ.

Выработавъ эти правила, Совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ввести ихъ въ дѣйствіе немедленно. Это и было сдѣлано, причемъ правила не были даже разосланы помощникамъ, такъ что они узнавали о существованіи такихъ правилъ лишь изъ постановленія объ ихъ отчисленіи.

Какъ уже упомянуто выше, въ самомъ Совѣтѣ правила вызвали расколъ. В. М. Пржевальскій вышелъ изъ состава Совѣта, а предсѣдатель и одинъ изъ членовъ (С. А. Блюменталь) остались при особомъ мнѣніи, въ которомъ, на основаніи подробныхъ статистическихъ данныхъ, доказывали, что помощники вполнѣ способны пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ судебнаго представительства, и лишеніе ихъ этого права не находитъ себѣ никакого оправданія въ предшествовавшей ихъ дѣятельности за столь долгій

періодъ времени. Поэтому они рѣшительно протестовали противъ такой скоропалительной замѣны правилъ, долго дѣйствовавшихъ, и требовали назначенія комиссіи для пересмотра правилъ съ тѣмъ, чтобы работа и заключеніе ея были представлены на усмотрѣніе Совѣта.

Въ сословіи новыя правила вызвали долгую и жестокую борьбу. Цѣлый рядъ помощниковъ прис. повѣренныхъ принесъ жалобы въ Суд. Палату на ихъ отчисленіе, другіе обжаловали правила 3 марта 1890 г. по существу. Такія же жалобы были принесены многими прис. повѣренными (въ томъ числѣ С. А. Муромцевымъ и В. М. Пржевальскимъ). Суд. Палата удовлетворила только первыя жалобы и то по чисто формальнымъ основаніямъ, въ виду неистребованія объясненій отъ отчисленныхъ. Послѣ этого Совѣтъ истребовалъ объясненія [1]) и вторично постановилъ объ отчисленіи. Жалобы на правила 3 марта съ точки зрѣнія ихъ содержанія Палата оставила безъ послѣдствій, не считая себя компетентной разсматривать ихъ по существу. Опредѣленіе Палаты, повидимому, было обжаловано въ Сенатъ, ибо во исполненіе Указа Соединеннаго Присутствія Судебная Палата вновь вошла въ разсмотрѣніе жалобы и, обсудивъ правила по существу, признала ихъ соотвѣтствующими требованіямъ закона. На это опредѣленіе вновь была принесена жалоба въ Прав. Сенатъ кн. А. И. Урусовымъ, которая была разрѣшена Соед. Присутствіемъ только въ 1895 г. [2]). Въ рѣшеніи своемъ Прав. Сенатъ отмѣнилъ всѣ тѣ пункты правилъ 3 марта, которые вызывали негодованіе въ сословіи, а именно запрещеніе самостоятельной практики (какъ противорѣчащее правилу 406^{17} ст. учр. суд. уст.), запрещеніе имѣть больше одного помощника (какъ могущее быть установленнымъ только въ законодательномъ порядкѣ) и требованіе предварительнаго разрѣшенія одного изъ мѣстныхъ судебныхъ

---

[1]) Ни одно изъ представленныхъ объясненій не становится въ принципіальную оппозицію правиламъ 3 марта, а всѣ жалобщики ссылаются на неосвѣдомленность объ изданіи правилъ и на невозможность получить свидѣтельство на веденіе дѣлъ въ виду закона 8 ноября 1889 г.

[2]) Сборникъ Соедин. Прис. Прав. Сената, изд. 1896 г., с. 358 сл.

установленій на полученіе свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ (какъ не представляющее собою непремѣннаго условія для вступленія въ помощники прис. повѣреннаго). Это рѣшеніе Прав. Сената весьма важно еще потому, что здѣсь впервые было признано право надзора Совѣтовъ за помощниками.

Помимо обжалованія, тотчасъ послѣ изданія правилъ значительная группа помощниковъ (76 человѣкъ) обратилась къ Совѣту съ ходатайствомъ о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе правилъ 3 марта, какъ роняющихъ достоинство помощниковъ и совершенно разрушающихъ ихъ матеріальное благосостояніе. Заявленіе рѣшительно опровергаетъ рѣзкую критику дѣятельности помощниковъ, даваемую объяснительной запиской къ правиламъ. Групповыя занятія, дѣятельность консультаціи при Мировомъ Съѣздѣ, функціонированіе кружка уголовныхъ защитниковъ даютъ достаточную гарантію освѣдомленности помощниковъ. Но никакого успѣха заявленіе не имѣло. Резолюція Совѣта по поводу этого ходатайства отличается большой лаконичностью: за состоявшимся 3 марта постановленіемъ, ходатайство помощниковъ оставить безъ послѣдствій [1]).

Вслѣдъ засимъ, 54 прис. повѣренныхъ (среди нихъ Д. І. Невядомскій, кн. Урусовъ, Д. Н. Доброхотовъ) подали заявленіе о созывѣ чрезвычайнаго общаго собранія для обсужденія правилъ 3 марта. Совѣтъ (противъ голоса предсѣдателя, оставшагося при особомъ мнѣніи) отказалъ въ созывѣ собранія на томъ основаніи, что собранія могутъ созываться для обсужденія вопросовъ не рѣшенныхъ, а этотъ вопросъ уже рѣшенъ. На ближайшемъ очередномъ собраніи былъ сдѣланъ запросъ Совѣту, по какому основанію онъ отвергъ просьбу о созывѣ общаго собранія. Запросъ вызвалъ безпорядочныя пренія. А послѣ этихъ преній собраніе приступило къ выборамъ Совѣта, который и былъ выбранъ въ томъ же составѣ, то-есть, съ одной стороны, все прежнее большинство, а съ другой, и А. А. Крюковъ (снова предсѣдатель) и

---

[1]) Предсѣдатель Совѣта и членъ Совѣта Блюменталь снова остались при особомъ мнѣніи.

С. А. Блюменталь, неизмѣнно остававшіеся при особомъ мнѣніи. Лишь вмѣсто выбывшаго В. Пржевальскаго былъ избранъ новый членъ А. И. Салтыковъ, какъ будто нарочно для того, чтобы запятнать репутацію сословія.

Нужно же было такъ случиться, чтобы до окончанія срока избранія А. И. Салтыковъ отказался отъ своего званія члена Совѣта, а спустя недѣлю, 6 марта 1892 г., въ Совѣтъ было подано заявленіе за подписью 44 прис. повѣренныхъ съ просьбой созвать общее собраніе, такъ какъ преступленія, производившіяся въ теченіе ряда лѣтъ Салтыковымъ, ставятъ вопросъ: имѣемъ ли мы дѣло въ данномъ случаѣ съ индивидуальными болѣзненными явленіями, или же причина болѣзни кроется глубже. Созывъ общаго собранія мотивируется тѣмъ, что «безъ свободнаго обсужденія всѣхъ интересовъ сословія присяжная адвокатура существовать не можетъ. Между тѣмъ, въ послѣдніе два года этому обсужденію сословіемъ собственныхъ дѣлъ ставились препятствія, неоднократныя требованія созыва экстренныхъ собраній Совѣтомъ оставлены были безъ послѣдствій; голосъ свободной критики меньшинства на общихъ собраніяхъ заглушался; разбора дѣйствій Совѣта не допускалось». На этотъ разъ желаніе подписавшихъ было удовлетворено, и собраніе созвано на 10 мая 1892 г., но оно не состоялось за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ [1]). А еще годъ спустя, послѣ того какъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта вмѣсто П. А. Корсакова избранъ былъ В. М. Пржевальскій, первый сложилъ съ себя и званіе члена Совѣта. Этотъ фактъ тоже вызвалъ расколъ среди Совѣта. Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить предложеніе нѣкоторыхъ членовъ обратиться къ П. А. Корсакову съ просьбой о взятіи обратно отказа, ибо объ этомъ отказѣ доложено было уже общему собранію. Но четыре члена Совѣта (В. А. Капеллеръ, А. В. Лешковъ, А. Г. Островскій и С. И. Филатовъ) въ особомъ мнѣніи, поданномъ ими, находили, что выставлены только формальные мотивы отказа, которые, въ виду заслугъ П. А. Корсакова, не должны играть рѣшающей роли [2]).

[1]) Отчетъ, 10.

[2]) Отчетъ, IV.

Чтобы закончить изложеніе этой борьбы, остается еще упомянуть, что въ заявленіи, поданномъ Совѣту прис. повѣреннымъ Соловьевымъ и подписанномъ 98 московскими и иногородними прис. повѣренными (въ томъ числѣ С. Филатовымъ, А. С. Шмаковымъ, А. Никольскимъ), его авторы «просятъ Совѣтъ принять ихъ поддержку... доброму начинанію въ дѣлѣ упорядоченія сословныхъ отношеній» и выражаютъ негодованіе по поводу того, что «дѣло дошло до того, что... отъ лица нѣкоторыхъ членовъ сословія, внѣ законнаго порядка и съ забвеніемъ наиболѣе дорогихъ традицій корпораціи, уже изготовлены и поданы въ московскую Суд. Палату жалобы объ отмѣнѣ изданныхъ Совѣтомъ правилъ 3 марта 1890 г.».

Эта жестокая борьба, разыгравшаяся на такомъ мѣстѣ, которое должно было считаться неприкосновеннымъ для каждаго адвоката, привлекла къ себѣ, конечно, общественное вниманіе. Повременная печать приняла горячее участіе въ острой внутренней распрѣ и, въ свою очередь, тоже раскололась на два, впрочемъ, весьма неравные лагеря. «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости» привѣтствовали изданіе правилъ, а вся остальная періодическая пресса отнеслась къ нимъ отрицательно. Очень любопытную позицію занялъ «Журналъ Гражд. и Уголовн. Права» [1]). Онъ считаетъ увеличеніе числа евреевъ въ адвокатурѣ ненормальнымъ: «Не принадлежа къ юдофобамъ, мы не можемъ отрицать нѣкоторыхъ качествъ, которыя заставляютъ желать, чтобы евреи не имѣли преобладанія ни въ одной корпораціи. Достойные люди среди евреевъ—единичные экземпляры въ массѣ. Разумѣется, не евреи создали дурную репутацію адвокатурѣ, а какіе-нибудь Звѣздочетовы, и солидные куши пріобрѣтаютъ нѣсколько русскихъ именъ. Даже больше, евреи-адвокаты талантливѣе, знающѣе и внимательнѣе, всѣми средствами отстаиваютъ интересы довѣрителей, но развѣ русскіе виноваты, что «историческія причины не выработали въ нихъ изворотливости и что конкуренція съ евреями для нихъ опасна и даже просто невозможна».

---

[1]) 1889 г., кн. 6, с. 145.

Дѣйствительно, вся пресса объясняла этотъ поворотъ отъ сословнаго патроната къ личному и мѣропріятія противъ евреевъ мотивами конкуренціи. Требованіе согласія патрона на веденіе гражданскаго дѣла было введено подъ вліяніемъ агитаціи противъ евреевъ [1]). Особенно настаивалъ на этомъ утвержденіи журналъ «Русская Мысль» въ цѣломъ рядѣ статей. «Антисемитизмъ сказался раньше всего въ той корпораціи, которая ближе къ свойству коммерческихъ занятій. Но здѣсь не одинъ антисемитизмъ, а борьба за существованіе, ради которой опрокидывается законъ» [2]). «Дѣйствительный поводъ всѣхъ ограниченій—конкуренція. Но адвокаты тщательно этотъ мотивъ скрываютъ, укрываясь за нравственно сомнительными качествами евреевъ». Журналъ по этому поводу вспоминаетъ, что во время войны въ одной американской гавани испанскія власти повѣсили кальвинистовъ-матросовъ французскаго судна, но сдѣлали надпись при этомъ: «Non comme français, mais comme hérétiques» [3]).

Самое печальное—именно, то, что Совѣтъ не поступилъ прямо и откровенно, а вынужденъ былъ скрыть истинный мотивъ. Вотъ почему, какъ бы ни относиться къ происходившей борьбѣ и на чью бы сторону ни стать, самъ по себѣ фактъ такой междоусобной борьбы и тѣхъ пріемовъ, которые пускались въ ходъ, безспорно, конечно, свидѣтельствуетъ о правильности цитированнаго утвержденія объяснительной записки, что сословіе мельчаетъ..., чувства чести и долга, понятія о порядочности, о границахъ дозволеннаго, принципы общественнаго служенія забываются. И, повторимъ еще разъ, больше всего обращаетъ на себя вниманіе, что борьба разыгралась на вопросѣ объ организаціи помощниковъ. Какъ замѣчаетъ объяснительная записка къ правиламъ 1890 г., вопросъ о помощникахъ—вопросъ будущности сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Слѣдовательно, вся будущность брошена была въ пучину страстей изъ-за времен-

---

1) «В. Евр.», 1890 г., 3.
2) «Рус. М.», 1890 г., кн. 4, стр. 210.
3) «Рус. М.», 1888 г., 3.

ныхъ и мелкихъ побужденій. Такая борьба отличается тѣмъ, что отъ нея одинаково страдаютъ какъ побѣдители, такъ и побѣжденные, и раны, которыя наносятся другъ другу въ пылу битвы, оставляютъ незаживающіе рубцы, которые отнынѣ уже будутъ ныть во всякую непогоду.

Такимъ образомъ, вопросъ объ организаціи помощниковъ, вопросъ строго сословный и скорѣе техническій, нежели принципіальный, оказался на линіи наименьшаго сопротивленія вліяніямъ улицы. Здѣсь именно завѣтъ В. Д. Спасовича Совѣту: блюсти неукоснительно чистоту нравовъ,—подвергся тяжелымъ искушеніямъ. Тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать, что при выходѣ за тотъ лугъ, на которомъ «намъ предоставили поѣдать травку», разбродъ долженъ былъ становиться еще болѣе замѣтнымъ. Условія, въ которыхъ протекала сословная жизнь, не благопріятствовали постановкѣ и разъясненію общихъ основныхъ вопросовъ, которые, какъ мы видѣли, остались не рѣшенными и обойденными и которые плодили недоразумѣнія и отражались на всей сословной жизни. Поэтому такіе вопросы и не поднимались. Если же конкретныя обстоятельства выдвигали ихъ на очередь, неизбѣжно возникали внутреннія тренія. Даже какъ-то странно теперь говорить, что одинъ изъ такихъ вопросовъ поставила смерть Гамбетты. «Гладкая поверхность нашего озера или пруда нашей корпораціи,—иронизировалъ Спасовичъ на обѣдѣ 1883 г.,—заходила волнами, конечно, не очень большими. Въ ладьѣ, на этомъ озерѣ плавающей и изображаемой Совѣтомъ, обнаружились трещины, она понабралась воды... Правда, что обстоятельства были экстренныя, что ладья натолкнулась неожиданно на такой опасный и ни на одной картѣ не обозначенный камень, какъ смерть и похороны Гамбетты» [1]).

Этотъ случай—чрезвычайно яркій именно потому, что, казалось бы, никакого отношенія смерть Гамбетты къ судьбамъ русской адвокатуры имѣть не можетъ. Поэтому весьма интересно представить его въ томъ самомъ изложеніи, какое дано ему было въ свое время. Вотъ какъ эта необыкно-

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 35.

венная исторія записана въ журналѣ Совѣта отъ 23 декабря 1882 г.:

Предсѣдатель Совѣта доложилъ нижеслѣдующее: 21-го сего декабря онъ получилъ отъ присяжнаго повѣреннаго А. Н. Ткачева письмо съ извѣщеніемъ, что въ этотъ день въ комнатѣ Совѣта предполагается совѣщаніе присяжныхъ повѣренныхъ по вопросу о посылкѣ въ Парижъ телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти Леона Гамбетты. Собравшимися затѣмъ присяжными повѣренными высказывалось желаніе, чтобы телеграмма была послана отъ имени с.-петербургской корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, и именно представителемъ ея, Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вслѣдствіе этого, онъ, предсѣдатель, просилъ члена Совѣта Е. И. Утина сдѣлать распоряженіе о созывѣ всѣхъ членовъ Совѣта въ экстренное засѣданіе въ тотъ же день, въ 8 ч. вечера, въ квартирѣ предсѣдателя. Туда прибыло шесть членовъ Совѣта: С. А. Андреевскій, В. Н. Герардъ, А. Я. Пассоверъ, С. С. Соколовъ, кн. А. И. Урусовъ и Е. И. Утинъ. Независимо отъ того, П. А. Потѣхинъ прислалъ на имя предсѣдателя письмо, въ которомъ, заявляя о невозможности прибыть въ экстренное засѣданіе Совѣта, излагаетъ, что согласенъ на посылку депеши съ выраженіемъ соболѣзнованія объ утратѣ Гамбетты, но желалъ бы избѣгнуть въ ней всякой, по возможности, политической окраски и прямыхъ выраженій о политической дѣятельности покойнаго. При обсужденіи предложеннаго вопроса мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились: 4 члена (С. А. Андреевскій, В. Н. Герардъ, С. С. Соколовъ и Е. И. Утинъ) признавали желательнымъ послать въ Совѣтъ парижскихъ адвокатовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Леонъ Гамбетта, отъ имени с.-петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю его смерти. Къ этому мнѣнію присоединился впослѣдствіи и кн. А. И. Урусовъ, два же члена (В. О. Люстихъ и А. Я. Пассоверъ) признавали посылку телеграммы отъ имени Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ невозможною, такъ какъ это составляло бы политическую демонстрацію; вступленіе же на путь политической дѣятельности для сословія присяж-

ныхъ повѣренныхъ и его представителя, Совѣта, было бы незаконно и нежелательно. Къ этому онъ, предсѣдатель, прибавилъ, что постановленіе Совѣта о посылкѣ предположенной телеграммы до того неправильно, по его мнѣнію, и выходитъ изъ сферы дѣятельности Совѣта, что онъ очень затруднился бы исполнить такое постановленіе и подписать телеграмму. Затѣмъ телеграмма была составлена и подписана пятью членами Совѣта: С. А. Андреевскимъ, В. Н. Герардомъ, С. С. Соколовымъ, кн. А. И. Урусовымъ и Е. И. Утинымъ, отсылку телеграммы принялъ на себя Е. И. Утинъ, которому она тутъ же была передана, послѣ чего Андреевскій и Урусовъ изъ засѣданія удалились. До закрытія засѣданія было условлено, что относительно всего происходившаго въ засѣданіи Е. И. Утинъ, вмѣстѣ съ нимъ, предсѣдателемъ, и А. Я. Пассоверомъ, переговоритъ съ членомъ Совѣта П. А. Потѣхинымъ. Вслѣдствіе этого означенныя три лица отправились къ Потѣхину и по совѣщаніи съ нимъ полагали отложить отсылку телеграммы до ближайшаго засѣданія Совѣта, назначеннаго на сегодняшнее число, съ тѣмъ, чтобы всѣ члены Совѣта были настоятельно приглашены прибыть въ это засѣданіе, и чтобы вопросъ объ отсылкѣ телеграммы былъ вновь обсужденъ. Е. И. Утинъ, признавая, съ своей стороны, новое совѣщаніе по этому предмету полезнымъ, нашелъ нужнымъ, предварительно рѣшенія вопроса, посылать ли немедленно телеграмму или пріостановиться ея отсылкой, переговорить объ этомъ съ товарищами, подписавшими ее. Телеграмма затѣмъ отослана не была, и потому въ настоящемъ засѣданіи Совѣта подлежитъ обсужденію вопросъ объ отсылкѣ ея. Отъ товарища предсѣдателя Совѣта А. Н. Турчанинова получено сего числа письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что въ засѣданіе Совѣта прибыть рѣшительно не можетъ и проситъ причислить его къ противникамъ посылки телеграммы отъ Совѣта и особенно парижскому Совѣту. Докладъ этотъ Е. И. Утинъ дополнилъ заявленіемъ, что вопросъ объ отсылкѣ телеграммы уже рѣшенъ Совѣтомъ въ засѣданіи 21 сего декабря; постановленіе это не можетъ быть отмѣнено, а возможно лишь обсужденіе редакціи и содержанія телеграммы. Къ этому присоединился и членъ

Совѣта В. Н. Герардъ. Затѣмъ Е. И. Утинъ прочиталъ проектъ журнала засѣданія Совѣта 21 декабря 1882 года слѣдующаго содержанія: «Засѣданіе Совѣта 21 декабря 1882 года (экстренное). Присутствовали: предсѣдатель В. О. Люстихъ, члены Совѣта: С. А. Андреевскій, В. Н. Герардъ, А. Я. Пассоверъ, С. С. Соколовъ, кн. А. И. Урусовъ, Е. И. Утинъ. Въ засѣданіи Совѣта было обсуждаемо предложеніе нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ выразить Совѣту парижской адвокатуры соболѣзнованіе по случаю смерти принадлежавшаго къ сословію парижскихъ адвокатовъ Гамбетты. Совѣтъ, обсудивъ это предложеніе и принимая во вниманіе: во 1-хъ, что Гамбетта до самаго дня своей смерти состоялъ въ спискахъ адвокатовъ, числящихся при парижской Судебной Палатѣ; во 2-хъ, что Гамбетта, который справедливо долженъ быть признанъ первымъ ораторомъ нашего времени, посвятилъ свой высокій талантъ всецѣло на служеніе интересамъ своего отечества и тѣмъ самымъ возвысилъ и носимое имъ званіе адвоката, большинствомъ пяти членовъ: С. А. Андреевскаго, В. Н. Герарда, С. С. Соколова, кн. А. И. Урусова и Е. И. Утина противъ двухъ: В. О. Люстиха и А. Я. Пассовера постановилъ: отправить депешу на имя старшины сословія парижскихъ адвокатовъ и выразить въ ней чувства соболѣзнованія, естественно вызываемыя утратою человѣка, имя коего составляетъ славу Франціи и адвокатуры». Проектъ этотъ затѣмъ былъ подписанъ членами Совѣта Е. И. Утинымъ, В. Н. Герардомъ, С. С. Соколовымъ и С. А. Андреевскимъ и въ концѣ засѣданія переданъ вмѣстѣ съ вышеупомянутой телеграммой, составленною и подписанною пятью членами Совѣта 21 сего декабря Предсѣдателю Совѣта. Телеграмма эта слѣдующаго содержанія: „Paris, Palais de justice. Bâtonnier de l'ordre des avocats. A la nouvelle de la mort du grand patriote, l'illustre orateur Léon Gambetta, le barreau de St. Petersbourg exprime des vifs regrets de la perte, subie par le barreau et la tribune française. Le conseil de l'ordre W. Ghérard, S. Andreevsky, A. Ouroussoff, S. Socoloff, Eug. Outine".

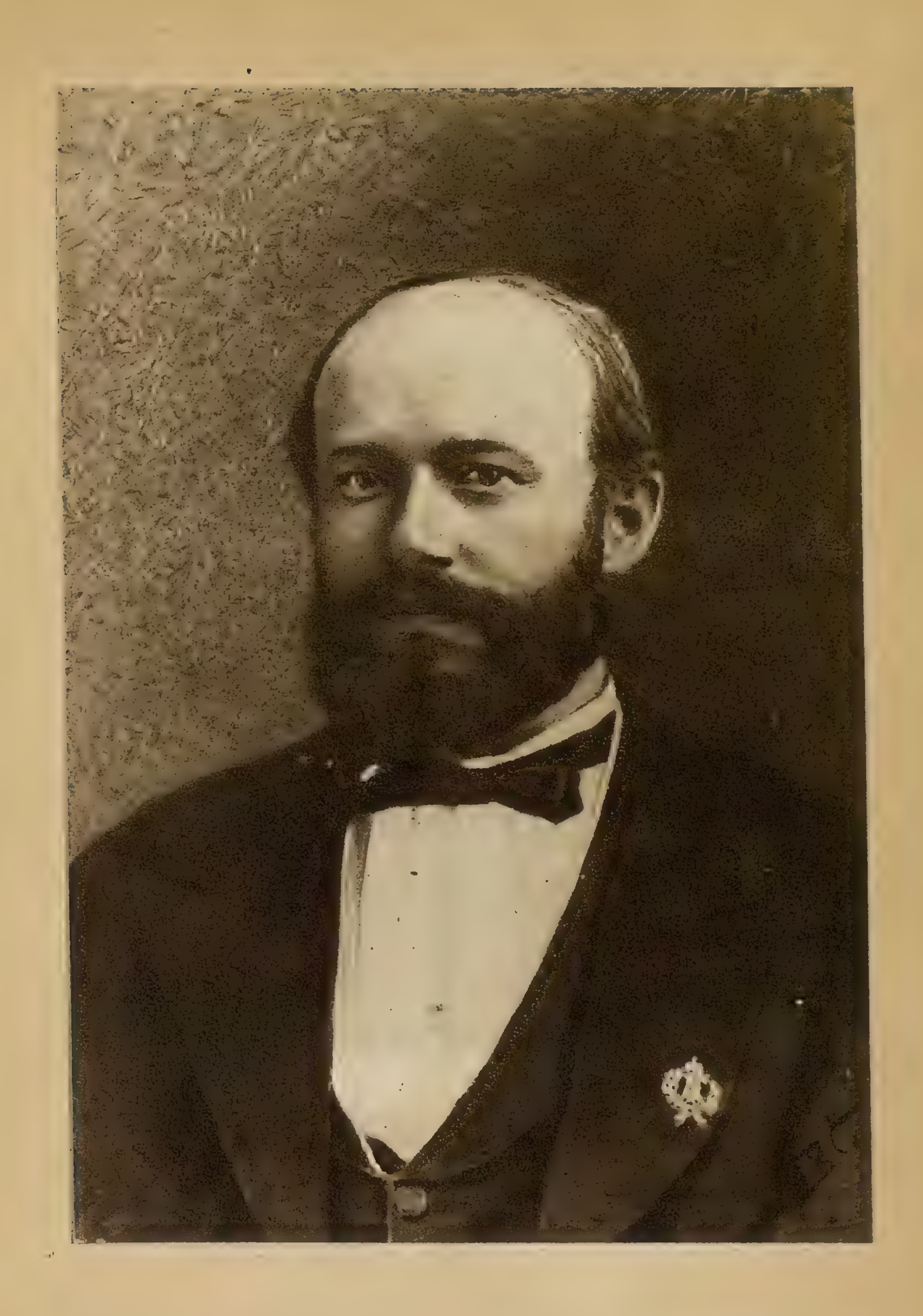
Къ сему кн. А. И. Урусовъ добавилъ, что телеграмма въ тотъ же вечеръ, 21-го, отослана была Е. И. Утинымъ С. А.

Андреевскому при письмѣ, въ которомъ Е. И. Утинъ предлагалъ С. А. Андреевскому и кн. А. И. Урусову показать предварительно телеграмму бывшему члену сословія К. К. Арсеньеву, и полагалъ отсылку телеграммы отложить до 23 декабря. Изъ этого кн. Урусовъ, по его заявленію, заключилъ, что вопросъ о телеграммѣ еще окончательно не рѣшенъ, и что потому Е. И. Утинъ и не отправилъ оной по назначенію. Въ виду такого положенія дѣла и Андреевскій, и Урусовъ ничего не возражали противъ отсрочки телеграммы до 23-го декабря. Сверхъ того, предсѣдатель доложилъ Совѣту, что 22 сего декабря получено въ Совѣтѣ извѣщеніе комиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ засѣданіи ея 21 сего декабря состоялось слѣдующее постановленіе: «Просить Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ присоединить отъ имени сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ соболѣзнованіе по поводу смерти Гамбетты къ той телеграммѣ, которая будетъ послана Совѣтомъ или общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ сословію французской адвокатуры». Въ виду изложеннаго, на обсужденіе Совѣта предсѣдателемъ были предложены два вопроса: 1) слѣдуетъ ли въ настоящемъ засѣданіи Совѣта вновь разсмотрѣть вопросъ о посылкѣ телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти Леона Гамбетты, и 2) въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія перваго вопроса, слѣдуетъ ли посылать такую телеграмму, отъ чьего имени и кому.

Первый вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно тоже послѣ весьма продолжительныхъ преній. Что же касается второго, основного вопроса, то Совѣтъ нашелъ, что «хотя Леонъ Гамбетта числился въ спискахъ парижскихъ адвокатовъ, но европейскую извѣстность и симпатіи многихъ современниковъ онъ пріобрѣлъ не адвокатскою и судебною своею дѣятельностью, а исключительно дѣятельностью государственною, политическою. Поэтому отсылкою предложенной телеграммы Совѣтъ именемъ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ неизбѣжно выразилъ бы сочувствіе политической, государственной дѣятельности Леона Гамбетты. Между тѣмъ, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ есть часть судебной орга-

низаціи, и политическая дѣятельность не можетъ быть ему присвоена, точно такъ же, какъ и остальнымъ органамъ суда. Въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ одновременно и совмѣстно могутъ дѣйствовать люди самыхъ различныхъ и даже противуположныхъ политическихъ убѣжденій, они одинаково будутъ служить честью и украшеніемъ корпораціи, если только добросовѣстно, съ умомъ и талантомъ будутъ исполнять свои адвокатскія обязанности. Принимая званіе присяжнаго повѣреннаго, никто, разумѣется, не отказывается отъ потребности человѣческой природы интересоваться и даже дѣятельно участвовать въ другихъ сферахъ человѣческой жизни, кромѣ сферы профессіонально адвокатской; но проявлять себя въ этихъ случаяхъ каждый долженъ не чрезъ посредство Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, который вовсе не для этого созданъ и существуетъ, а лично самъ или въ составѣ учрежденій или обществъ, которыя къ тому призваны. Совѣтъ является представителемъ всей корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, всѣхъ ея членовъ, но лишь въ кругу дѣлъ и интересовъ, ему ввѣренныхъ. Что же касается политическихъ симпатій или антипатій, то въ этомъ отношеніи каждый изъ присяжныхъ повѣренныхъ остается совершенно самостоятельнымъ, и Совѣтъ не можетъ присвоить себѣ право быть выразителемъ чувствъ, можетъ быть, и раздѣляемыхъ большинствомъ членовъ корпораціи, но могущихъ встрѣтить возраженіе со стороны другихъ. Чтобы правильно и достойно исполнить тѣ обязанности, которыя лежатъ на сословіи и его представителѣ, Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, нужно много усилій и упорнаго труда. Принимать на себя еще и политическую роль, какъ бы незначительна она на первыхъ порахъ ни была, представлялось бы дѣятельностью не только внѣзаконною, но, быть можетъ, и вредною для дѣйствительныхъ жизненныхъ интересовъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, такъ какъ можетъ увлечь Совѣтъ въ сферу безплодныхъ демонстрацій вмѣсто настоящаго полезнаго труда. Поэтому, находя, что вызванное смертью Леона Гамбетты въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ чувство соболѣзнованія не должно быть выражаемо Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ,

Михаилъ Ивановичъ Доброхотовъ.

Совѣтъ опредѣляетъ: предложенiе о посылкѣ телеграммы въ Парижъ на имя адвокатскаго Совѣта съ соболѣзнованiемъ по случаю смерти Леона Гамбетты отъ имени с.-петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отклонить.

Предсѣдатель Совѣта В. Люстихъ. Евг. Утинъ (при мнѣнiи по 2 статьѣ журнала). Членъ Совѣта П. Потѣхинъ. С. Соколовъ (по 2 статьѣ при особомъ мнѣнiи). С. Андреевскiй (по 2 ст. при мнѣнiи). В. Леонтьевъ. Вл. Герардъ (по 2 статьѣ при особомъ мнѣнiи)».

На этомъ дѣло, однако, не кончилось. Вслѣдствiе пересмотра Совѣтомъ постановленiя о посылкѣ телеграммы, меньшинство, оставшееся при особомъ мнѣнiи, сложило съ себя званiе членовъ Совѣта. Тогда и все большинство [1]) подало въ отставку. Но въ общемъ собранiи большинство, по сдѣланному предложенiю, взяло свой отказъ назадъ, а три члена Совѣта остались при своемъ и на ближайшемъ общемъ собранiи всѣ трое были переизбраны.

Такимъ образомъ, изъ-за смерти Гамбетты разразился въ петербургскомъ сословiи общiй кризисъ, который, однако, ничѣмъ не кончился. Совѣтъ остался въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ демонстрировалъ свое безсилiе точно и опредѣленно отвѣтить на вопросъ о компетенцiи: сегодня пятью голосами противъ двухъ вопросъ рѣшенъ въ одномъ смыслѣ, а завтра голосомъ предсѣдателя тотъ же вопросъ рѣшается въ смыслѣ противуположномъ.

Между тѣмъ, и сословiе отнеслось къ дѣлу этому отнюдь не индиферентно: напротивъ, оно сильно и долго волновалось, и неоднократно на общихъ собранiяхъ слышались отзвуки той страстной борьбы, которая велась въ Совѣтѣ. Эта страстность на первый взглядъ не соотвѣтствовала сущности спора, ибо Гамбетта былъ все же адвокатъ, что и подчеркивалось въ проектѣ телеграммы. Поэтому не такъ просто было усмотрѣть въ выраженiи соболѣзнованiя желанiе устроить политическую демонстрацiю. Но, какъ замѣчено въ журналѣ, А. Н. Турчаниновъ выска-

---

[1]) За исключенiемъ товарища предсѣдателя А. Н. Турчанинова.

зывалъ спеціально нежеланіе посылать телеграмму парижскому Совѣту. Отсюда слѣдуетъ заключить, что самъ по себѣ случай Гамбетты не возбудилъ бы такихъ страстей, что вопросъ о посылкѣ телеграммы явился лишь поводомъ къ вскрытію противорѣчій, давно накопившихся. Дѣйствительно, въ упомянутой уже рѣчи своей В. Д. Спасовичъ говорилъ, что дѣло не въ Гамбеттѣ. «Оказалось, выражаясь словами Гамлета, что было что-то гнилое въ датскомъ государствѣ, что требованія наши понизились, что мы дѣлались крайне жалки и уступчивы въ ущербъ нашей корпоративной чести». Нѣсколько лѣтъ назадъ В. Д. Спасовичъ самъ, какъ мы знаемъ, рекомендовалъ Совѣту спрятаться въ раковину свою, а теперь, напротивъ, онъ приглашалъ не робѣть и смѣло откликаться на происходящія кругомъ событія.

Изъ дальнѣйшихъ словъ той же рѣчи можно заключить, что главная причина отказа отъ посылки телеграммы заключалась въ опасеніи навлечь недовольство власти на Совѣтъ. В. Д. Спасовичъ убѣждалъ, что это опасеніе неосновательно. Если «насъ прихлопнутъ, то это произойдетъ независимо отъ насъ и не за вѣнокъ умершему собрату иностранцу, и не за нашу телеграмму. Мы уйдемъ вмѣстѣ съ городовымъ положеніемъ, съ присяжными засѣдателями, съ безцензурной прессой, съ тысячью другихъ благъ; да будемъ же мы упразднены какъ люди безбоязненные и вольные, съ перьями на шляпахъ и со шпагами, не покупавшіе существованія своей уступчивостью, не отдѣлявшіе себя отъ среды, отъ интересовъ общества, и даже отъ общенія съ жизнью европейской» [1]). Можно думать поэтому, что страстность вызывалась не самимъ по себѣ опасеніемъ безплодныхъ демонстрацій, а тѣхъ послѣдствій, которыя это можетъ навлечь на сословіе, и безъ того нелюбимое. Иначе говоря, споръ о посылкѣ телеграммы по случаю смерти Гамбетты въ сущности сводился къ опредѣленію линіи поведенія сословія вообще. И вотъ, на этотъ-то вопросъ, возникшій помимо воли Совѣта, такъ сказать, навязанный ему смертью Гамбетты, со-

---

1) «Заст. рѣчи», с. 35, 36.

словіе не дало опредѣленнаго отвѣта. Послѣ бурныхъ преній оно избрало весь прежній составъ Совѣта, какъ тѣхъ, которые были противъ демонстраціи, такъ и тѣхъ, кто стоялъ за посылку соболѣзнующей телеграммы.

И въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности заниматься изслѣдованіемъ, какіе мотивы въ дѣйствительности руководили большинствомъ Совѣта, не желавшимъ вступать на путь безплодныхъ политическихъ демонстрацій. Гораздо важнѣе, что одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ сословія, самъ неизмѣнный членъ Совѣта, объяснялъ побужденія своихъ коллегъ пониженіемъ уровня требованій и предостерегалъ отъ уступчивости въ ущербъ корпоративной чести. А такихъ фактовъ, дѣйствительно, накоплялось все больше. Въ Варшавѣ, напримѣръ, образована была комиссія присяжныхъ повѣренныхъ въ помощь суду при пріемѣ имъ прис. повѣренныхъ. Комиссія образована была, однако, изъ прис. повѣренныхъ, не избранныхъ товарищами, а назначенныхъ судомъ. И присяжные повѣренные согласились принять такое назначеніе. Но на практикѣ, благодаря этой организаціи, варшавская комиссія вскорѣ потеряла довѣріе со стороны членовъ корпораціи. Возникъ антагонизмъ, кончившійся уничтоженіемъ комиссіи.

Въ Кіевѣ судъ организовалъ комиссію изъ трехъ прис. повѣренныхъ, но на обязанность ихъ возложено было исключительно собираніе справокъ и аттестованіе кандидатовъ въ присяжные повѣренные. Несмотря на всю щекотливость такихъ обязанностей, присяжные повѣренные согласились нести ихъ, пока не стали раздаваться настойчивыя нареканія, и члены комиссіи, сознавъ неловкость своего положенія, отказались отъ предложенныхъ имъ ролей [1]).

Но безспорно самая яркая характеристика настроенія официальныхъ представителей адвокатуры, степени сознанія ею собственнаго достоинства содержится въ документѣ, не лишенномъ и высокообщественнаго значенія. Этотъ документъ—письмо предсѣдателя харьковскаго Совѣта прис. по-

---

[1]) «Кіевлянинъ», 1881 г., № 231.

вѣреннаго С. Ф. Морошкина на имя предсѣдателя московскаго Совѣта П. А. Корсакова отъ 2 ноября 1884 г. Поводомъ для написанія письма послужило посѣщеніе министромъ юстиціи харьковскихъ судебныхъ установленій. Обнаруженное г. министромъ отношеніе къ присяжной адвокатурѣ произвело столь сильное впечатлѣніе, что, по соглашенію съ товарищами своими, членами харьковскаго Совѣта прис. повѣренныхъ, С. Ф. Морошкинъ счелъ нужнымъ сообщить другимъ Совѣтамъ свѣдѣнія объ этомъ посѣщеніи. Эти свѣдѣнія изложены имъ въ слѣдующемъ письмѣ на имя предсѣдателя московскаго Совѣта П. А. Корсакова.

«По соглашенію съ товарищами моими, членами харьковскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, имѣю честь сообщить Вамъ, милостивый государь, свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ посѣщеніе харьковскихъ судебныхъ учрежденій г. министромъ юстиціи и о пріемѣ имъ Совѣта, ограничиваясь изложеніемъ только тѣхъ фактовъ, которые могутъ имѣть общій для сословія присяжныхъ повѣренныхъ интересъ:

Министръ юстиціи прибылъ въ Харьковъ изъ Одессы чрезъ Полтаву. Два члена харьковскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, живущіе въ Полтавѣ, вмѣстѣ съ судьями Полтавскаго Суда, встрѣтили министра на вокзалѣ. На другой день представлялись ему въ Судѣ рядомъ съ магистратурою тѣ же члены Совѣта и, кромѣ нихъ, многіе повѣренные харьковскаго округа, живущіе въ Полтавѣ. Министръ бесѣдовалъ исключительно и довольно долго съ присяжными повѣренными (съ магистратурою онъ говорилъ позднѣе, предъ отъѣздомъ своимъ). Начавъ съ изложенія своихъ воззрѣній на задачи защиты по уголовнымъ дѣламъ (воззрѣній, близкихъ къ идеямъ оберъ-прокурора Н. А. Неклюдова въ заключеніяхъ по дѣламъ Мельницкихъ и Свиридова, но изложенныхъ въ очень смягченной формѣ), министръ потомъ, между прочимъ, упомянулъ о ходатайствѣ кіевскихъ и одесскихъ присяжныхъ повѣренныхъ объ открытіи у нихъ Совѣтовъ и высказалъ, что, по его убѣжденію, надзоръ за присяжными повѣренными дѣйствителенъ только со стороны Совѣтовъ, такъ какъ судамъ не до того,

дѣло это для нихъ постороннее, не близкое сердцу; что дальнѣйшее открытіе Совѣтовъ—мѣра общегосударственная, и что разрѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ ближайшаго ознакомленія съ порядками въ нашемъ сословіи тамъ, гдѣ существуютъ Совѣты.

Многіе присяжные повѣренные полтавскаго округа вмѣстѣ съ судьями простились съ министромъ на вокзалѣ.

Совѣтъ, по единодушному всѣхъ наличныхъ членовъ рѣшенію, встрѣчалъ министра юстиціи на вокзалѣ вмѣстѣ съ членами магистратуры, собравшимися in corpore, и прокуратуры.

Встрѣча происходила въ царскихъ покояхъ.

На слѣдующій день Совѣтъ былъ представленъ ему въ помѣщеніи Палаты старшимъ предсѣдателемъ, назвавшимъ министру предсѣдателя, который, въ свою очередь, представилъ другихъ должностныхъ лицъ Совѣта. Министръ, обратясь къ Совѣту, въ самыхъ искреннихъ словахъ высказалъ полное довѣріе и совершенное сочувствіе къ дѣятельности харьковскаго Совѣта (извѣстной ему по отзывамъ старшаго предсѣдателя и прокурора Палаты и другимъ свѣдѣніямъ), а равно и свое совершенное удовольствіе по поводу образа дѣйствій отдѣльныхъ членовъ сословія, которые въ процессѣ поступаютъ согласно духу учрежденія присяжной адвокатуры, содѣйствуя правосудію и относясь съ уваженіемъ къ закону и суду и сдержанно къ противнику. Коснувшись общаго вопроса объ организаціи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, министръ высказалъ свое убѣжденіе въ преимуществѣ совѣтскаго надзора надъ членами сословія предъ контролемъ надъ дѣйствіями ихъ со стороны окружныхъ судовъ и сожалѣніе, что, въ виду мѣстныхъ и временныхъ условій, затрудняется распространеніе корпоративной организаціи на кіевскій, одесскій и другіе округа.

Въ отвѣтъ на это предсѣдатель Совѣта, прося министра принять экземпляръ отчета о совѣтской дѣятельности за истекшій годъ, сказалъ ему нѣсколько словъ, въ которыхъ благодарилъ его за оказанный Совѣту и полтавскимъ товарищамъ пріемъ, за сочувствіе къ Совѣту и довѣріе къ сословію; объяснилъ, что ближайшее знакомство съ дѣятель-

ностью Совѣта, особенно въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, способно укрѣпить довѣріе правительства и общества къ сословію и къ его корпоративной организаціи.

Въ послѣдующей, довольно продолжительной бесѣдѣ съ министромъ, воспользовавшись его сочувственнымъ отзывомъ относительно осторожнаго пріема новыхъ членовъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель Совѣта высказалъ министру желаніе сословія видѣть положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ организованнымъ подъ контролемъ Совѣта относительно пріема и дѣятельности помощниковъ съ освобожденіемъ ихъ отъ подчиненія закону о частныхъ повѣренныхъ. Высказавъ готовность обдумать возбужденный нашимъ заявленіемъ вопросъ о помощникахъ и отнестись съ полнымъ вниманіемъ ко мнѣнію по этому предмету нашего Совѣта, министръ замѣтилъ, что обѣщать въ настоящее время ничего не можетъ въ виду общаго значенія вопроса.

Послѣ того, посѣтивъ кабинетъ присяжныхъ повѣренныхъ, министръ, ради членовъ сословія, не принадлежащихъ къ Совѣту, повторилъ въ сжатой формѣ свой отзывъ о дѣятельности Совѣта и членовъ сословія, высказанный Совѣту.

При прощаніи съ министромъ на вокзалѣ (въ царскихъ комнатахъ) рядомъ съ магистратурою палаты заняли мѣсто Совѣтъ и нѣкоторые другіе члены сословія. Сказавъ нѣсколько прощальныхъ словъ судьямъ и прокурорамъ, министръ приблизился къ группѣ повѣренныхъ и заявилъ, что всѣ слова сочувствія и довѣрія, сказанныя имъ должностнымъ лицамъ, относятся и къ присяжнымъ повѣреннымъ, которые, въ глазахъ министра, входятъ въ составъ одной семьи—чиновъ судебнаго вѣдомства. Въ отвѣтъ на это предсѣдатель Совѣта благодарилъ министра за его отношеніе къ сословію и заявилъ, что оказанный министромъ пріемъ будетъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ Совѣта, какъ *поворотный пунктъ въ судьбахъ корпораціи* и какъ начало лучшихъ, болѣе свѣтлыхъ дней корпоративной жизни сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Очевидно,—сказалъ предсѣдатель Совѣта,—для насъ миновало то время, когда существованіе корпоративной организаціи присяжныхъ повѣрен-

ныхъ подвергалось сомнѣніямъ въ самомъ Министерствѣ Юстиціи.

Министръ отвѣтилъ, что, если бы возникали опасности для сословной организаціи присяжныхъ повѣренныхъ, то охраной для нея будетъ служить дѣятельность Совѣта, стоящаго на высотѣ своей задачи».

Прочтя это письмо, тонъ котораго дѣлаетъ вполнѣ опредѣленную музыку, невольно задаешься вопросомъ: что же случилось, что заставило г. предсѣдателя харьковскаго Совѣта [1]) дѣлиться своими впечатлѣніями съ московскими коллегами и излагать ихъ въ столь изысканныхъ выраженіяхъ? Что, собственно, открыло поворотный пунктъ въ судьбахъ корпораціи и надежду на лучшее будущее? Не обинуясь, министръ юстиціи заявилъ, что его взгляды на задачи адвокатуры близки къ взглядамъ оберъ-прокурора Неклюдова, а противъ этихъ взглядовъ, какъ уже выше указано [2]), рѣшительно протестовали всѣ бывшіе предсѣдатели петербургскаго Совѣта. Но г. министръ проявилъ корректность въ личныхъ отношеніяхъ,—адвокатура была представлена ему рядомъ съ магистратурой,—и для С. Ѳ. Морошкина важно подчеркнуть даже то обстоятельство, что въ Полтавѣ министръ бесѣдовалъ съ магистратурою позже, чѣмъ съ адвокатурой. Сообразно своимъ взглядамъ, г. министръ ничего не обѣщалъ адвокатурѣ въ смыслѣ измѣненія ея положенія. Совѣтъ, впрочемъ, и просилъ объ очень маломъ. Но зато министръ одобрилъ дѣятельность Совѣта, и этого достаточно, чтобы въ посѣщеніи министра усмотрѣть исключительныя обстоятельства, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія товарищей. Все это было бы совершенно непостижимо, если бы мы уже раньше не слышали отъ В. Д. Спасовича изъявленія удовольствія по поводу предстоящаго укрѣпленія нашего значенія въ офиціальныхъ сферахъ.

---

[1]) С. Ѳ. Морошкинъ вступилъ въ адвокатуру изъ прокуратуры въ 1867 г., а въ 1887 г. вышелъ изъ состава, получивъ должность члена Суд. Палаты. А. Ѳ. Кони считаетъ Морошкина украшеніемъ исторіи русской адвокатуры. («Отцы и дѣти», с. 256).

[2]) Стр. 257 сл.

23. Боевые вопросы адвокатской профессіи.

Указанныя условія, очевидно, весьма мало благопріятствовали выясненію основного вопроса о сущности и предѣлахъ профессіональныхъ задачъ. Попрежнему вопросъ этотъ то и дѣло ставился жизнью на очередь, но рѣшеніе его не подвигалось впередъ. Чувствуется, напротивъ, какая-то безпомощность. Въ цитированной уже статьѣ Обнинскаго въ числѣ причинъ, объясняющихъ деморализацію адвокатуры, указывается и на то, что адвокатурѣ нужно уберечься отъ подводныхъ камней, тѣмъ болѣе, что и безотносительно трудно въ адвокатской профессіи распознать границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что адвокатурѣ изначала присущъ органическій порокъ, и что тщетно было бы пытаться выяснить сущность профессіональныхъ задачъ. И если обратиться къ практикѣ Совѣтовъ, то при самомъ внимательномъ анализѣ ея трудно найти руководящую линію.

Харьковскій Совѣтъ, напримѣръ, высказалъ, что прис. повѣренный долженъ уклоняться отъ такого дѣйствія по веденію дѣла, которое по мѣсту его исполненія не соотвѣтствуетъ достоинству званія присяжнаго повѣреннаго [1]). Аналогичное дѣло возникло въ Москвѣ по поводу того, что присяжный повѣренный защищалъ содержательницу дома терпимости по обвиненію ея въ кражѣ въ этомъ домѣ. Въ частномъ собраніи прис. повѣренныхъ выражалось мнѣніе, что участіе прис. повѣренныхъ въ этомъ процессѣ было несогласно съ достоинствомъ ихъ званія и роняло честь сословія. Совѣтъ, вслѣдствіе этого, поставилъ на свое разрѣшеніе вопросъ, долженъ ли повѣренный проявлять разборчивость при принятіи уголовныхъ дѣлъ. Въ виду существованія защиты ex officio, Совѣтъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ категорически утвердительно, при чемъ однимъ изъ доводовъ выставляется, что «защита по добровольному соглашенію обыкновенно принимается за опредѣленное вознагражденіе, и это обязываетъ адвоката къ особой осторожности,

---

[1]) Рѣчь шла о производствѣ исполнительныхъ дѣйствій въ домѣ терпимости.

ибо предположеніе, что адвокаты, защищая подсудимыхъ, говорятъ противъ убѣжденія въ надеждѣ на болѣе или менѣе крупный гонораръ, наиболѣе возбуждаетъ общественное мнѣніе». Но признавая вполнѣ начала разборчивости, Совѣтъ въ разсматриваемомъ поведеніи прис. повѣреннаго ничего предосудительнаго не усматриваетъ, разъ присяжный повѣренный заявляетъ, что защищалъ по убѣжденію въ невиновности обвиняемой. Такимъ образомъ, поставивши вопросъ о разборчивости и утвердительно рѣшивъ его, Совѣтъ московскій ничего предосудительнаго не находитъ въ томъ, что, по мнѣнію харьковскаго Совѣта, роняетъ честь сословія. По одному дисциплинарному дѣлу Судебная Палата высказала, что добросовѣстный повѣренный не можетъ принять на себя веденіе дѣла, не ознакомившись съ нимъ предварительно, и что нельзя принимать на себя защиту, не раздѣляя мнѣнія подсудимаго о его невиновности, и получать гонораръ за неудавшуюся защиту. Исходя отсюда, Суд. Палата назначила помощнику прис. повѣреннаго весьма строгое наказаніе. А Прав. Сенатъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ не нашелъ рѣшительно ничего предосудительнаго и подлежащаго взысканію.

Такихъ примѣровъ можно найти очень много, но все это отдѣльные частные случаи. На почву общую перенесенъ былъ споръ дѣломъ прис. повѣреннаго Лохвицкаго, надѣлавшимъ въ свое время очень много шуму. А. В. Лохвицкій выступилъ въ 70-хъ годахъ въ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей защитникомъ бывшаго помощника прис. повѣреннаго Н. Элькина, обвинявшагося и признаннаго виновнымъ въ томъ, что, сблизившись со вдовой Поповой, съ которой взаимно согласился вступить въ бракъ, и будучи, такимъ образомъ, ея женихомъ, 1) выманилъ у нея обманомъ 15 тысячъ рублей, на заемъ каковыхъ денегъ между нимъ и Поповой заключено было въ то же время нотаріальное условіе, а затѣмъ Элькинъ выманилъ у Поповой то условіе съ надписью ею въ полученіи будто бы его платежа, и 2) убѣдилъ Попову передать ему принадлежащій ей домъ по безденежной купчей крѣпости. Такъ формулированъ былъ вердиктъ присяжныхъ засѣдателей. На основаніи этого вер-

дикта Окружный Судъ приговорилъ Элькина къ опредѣленному наказанію. По кассаціонной жалобѣ А. В. Лохвицкаго приговоръ Суда былъ отмѣненъ за неправильнымъ примѣненіемъ карательнаго закона, и дѣло возвращено въ Судъ для постановленія новаго приговора. Окружный Судъ вновь приговорилъ Элькина къ наказанію, но уже по другой статьѣ. А. В. Лохвицкій вновь принесъ кассаціонную жалобу, и Прав. Сенатъ вновь отмѣнилъ приговоръ, указавъ на этотъ разъ въ мотивахъ, что въ дѣяніи, описанномъ въ вопросахъ присяжнымъ засѣдателямъ, нѣтъ признаковъ уголовно наказуемаго дѣянія. Послѣ этого Окружный Судъ освободилъ Элькина отъ всякаго наказанія. Но по окончаніи уголовнаго дѣла повѣренный Поповой, прис. повѣренный Ордынскій, предъявилъ къ Элькину, который у него и состоялъ помощникомъ, три иска въ гражданскомъ судѣ: 1) о взысканіи съ него 15 тысячъ рублей, занятыхъ у Поповой по нотаріальному условію. Этотъ искъ окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ удовлетворенъ; 2) объ уничтоженіи купчей крѣпости на домъ. Въ искѣ этомъ рѣшеніемъ Судебной Палаты Поповой было отказано, и 3) о взысканіи съ Элькина 15 тысячъ рублей, которые онъ, во время производства дѣла, призналъ себя обязаннымъ возвратить Поповой вслѣдствіе дешевой покупки у нея дома. Въ этомъ искѣ Поповой также было отказано.

По всѣмъ искамъ, въ качествѣ повѣреннаго отвѣтчика, выступалъ А. В. Лохвицкій, на котораго его противникъ, прис. повѣренный Ордынскій, и подалъ, въ концѣ-концовъ, жалобу въ Совѣтъ прис. повѣренныхъ, обвиняя его въ томъ, что онъ беретъ на себя веденіе завѣдомо недобросовѣстныхъ дѣлъ. Совѣтъ нашелъ, что ни въ принятіи Лохвицкимъ защиты въ уголовномъ судѣ, ни въ способѣ ея веденія не было ничего заслуживающаго порицанія. Но въ гражданскомъ судѣ дѣло уже шло о томъ, извлечетъ ли Элькинъ выгоду изъ своихъ безчестныхъ поступковъ, воспользуется ли онъ результатами своего мошенничества [1]). И хотя Судебная Па-

---

[1]) Слово мошенничество употреблено здѣсь, очевидно, въ житейскомъ смыслѣ, а не въ юридическомъ, ибо, какъ замѣчено выше, Прав. Сенатъ не усмотрѣлъ мошенничества въ дѣяніяхъ Элькина.

лата признала купчую дѣйствительной, но изъ того, что недобросовѣстныя, хотя и формально правильныя ходатайства удовлетворяются судами, не слѣдуетъ, чтобы адвокаты могли ихъ поддерживать. «Адвокатъ обязанъ быть осмотрителенъ, строгъ и разборчивъ въ выборѣ своихъ дѣлъ, никогда не поддерживать недобросовѣстныхъ требованій и отклонять отъ себя всякое сомнительное дѣло. Онъ не слуга своихъ довѣрителей, готовый дѣлать за деньги что угодно, а защитникъ и покровитель, который въ гражданскихъ дѣлахъ оказываетъ защиту, покровительство только тѣмъ, кто поступаетъ добросовѣстно». Совѣтъ нашелъ поэтому, что Лохвицкій заслуживаетъ самаго строгаго взысканія, и запретилъ ему отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Съ другой стороны, и Элькинъ принесъ въ Совѣтъ жалобу на Ордынскаго, обвиняя его въ томъ, что онъ не только преслѣдовалъ жалобщика, бывшаго помощника своего, уголовнымъ порядкомъ, но сообщилъ судебному слѣдователю о его отсутствіи изъ дома во время домашняго ареста; взявъ у слѣдователя письмо къ квартальному, разыскалъ его и отвезъ въ квартиру и оставался самъ въ помѣщеніи дворника, пока составляли актъ объ отсутствіи арестованнаго. Совѣтъ призналъ и эти дѣйствія неправильными. Ибо если Совѣтъ не можетъ помѣшать тому, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ между присяжными повѣренными и помощниками существуютъ близкія отношенія, то, съ другой стороны, онъ не можетъ терпѣть, чтобы присяжный повѣренный считалъ себя въ правѣ преслѣдовать человѣка, который только что былъ его помощникомъ и котораго онъ долженъ былъ поддерживать хотя бы примѣромъ и совѣтами. Признавъ указанные поступки Ордынскаго «въ высшей степени неправильными», Совѣтъ тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ «снисходительно отнестись» къ нему, потому что онъ былъ убѣжденъ, что защищаетъ обманутую, обиженную женщину, и потому ограничился объявленіемъ Ордынскому выговора.

На постановленія Совѣта обоими присяжными повѣренными принесены были жалобы въ Судебную Палату и протестъ прокуроромъ, требовавшимъ увеличенія наказанія Лох-

вицкому и уменьшенія наказанія Ордынскому. Въ Судебной Палатѣ дѣло Лохвицкаго возбудило еще болѣе крупное разногласіе. Одинъ членъ полагалъ подвергнуть Лохвицкаго выговору, одинъ—воспретить ему отправленіе обязанностей прис. повѣреннаго въ теченіе одного года, трое полагали утвердить мѣру наказанія, наложенную Совѣтомъ. Изъ остальныхъ семь членовъ стояли за освобожденіе Лохвицкаго отъ дисциплинарнаго преслѣдованія въ виду отсутствія въ данномъ случаѣ какого бы то ни было нарушенія профессіональнаго долга, а восемь членовъ настаивали на исключеніи Лохвицкаго изъ сословія. Такимъ образомъ, голоса безнадежно разбились, но послѣднее мнѣніе, собравшее относительное большинство, восторжествовало. Въ мотивахъ Судебной Палаты указывается, что «повѣренный, который въ интересахъ своего довѣрителя предъявляетъ въ гражданскомъ судѣ завѣдомо недобросовѣстный искъ..., долженъ быть признанъ лицомъ, совершившимъ дѣяніе нечестное... Никакое послабленіе, никакое снисхожденіе въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Палаты, не можетъ имѣть мѣсто... Онъ нарушилъ самую существенную свою обязанность—дѣйствовать честно».

Лохвицкій, исключенный Палатой, принесъ жалобу Прав. Сенату, который въ рѣшеніи 1879 г. № 1 по общему собранію 1-го и кассац. департаментовъ, призналъ, что никакого нарушенія Лохвицкій не допустилъ. По мнѣнію Прав. Сената, для опредѣленія тѣхъ началъ, которыми должна регулироваться профессіональная дѣятельность адвоката при принятіи и веденіи гражданскихъ дѣлъ, слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду, что всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ вѣдѣнію суда, дѣятельность котораго заключается въ примѣненіи закона, опредѣляющаго какъ самое право, такъ и способъ удостовѣренія его дѣйствительности.

«Гражданскій судъ не стремится къ отысканію абсолютной справедливости; онъ повѣряетъ и опредѣляетъ спорное право тѣми способами, которые установлены закономъ, и на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, и разрѣшаетъ оное на основаніи законовъ, охраняющихъ и ограждающихъ спорное право. Если, такимъ образомъ,

нравственность гражданскаго права менѣе строга, чѣмъ нравственность индивидуальная, если сей послѣдней нравственности не требуется отъ самого тяжущагося, обращающагося къ содѣйствію правосудія, то адвокатъ, какъ представитель извѣстной профессіи, извѣстной общественной дѣятельности, въ силу которой онъ является посредникомъ между тяжущимися и судомъ по предмету разрѣшенія вопроса о правѣ, не можетъ быть разсматриваемъ въ своей дѣятельности съ точки зрѣнія требованій индивидуальной нравственности. На обязанность адвоката не можетъ быть возложено разысканіе нравственной чистоты дѣла, и потому принятіе имъ гражданскаго дѣла къ своему производству можетъ регулироваться только закономѣрностью тѣхъ требованій, защитникомъ которыхъ онъ является, и наличностью тѣхъ данныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности защищаемаго права, кои предустановлены закономъ или симъ послѣднимъ покровительствуются. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія и то, что критерій индивидуальной нравственности слишкомъ неуловимъ и понимается всякимъ посвоему; допустить обязанность присяжнаго повѣреннаго устраняться отъ защиты правъ, которыя, по мнѣнію его, пріобрѣтены тяжущимися способами нечестными, значило бы оставить значительное количество правъ, основанныхъ на законѣ, безъ защиты и затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію, ибо веденіе гражданскихъ дѣлъ требуетъ знанія и опытности, которыми не всегда обладаютъ сами тяжущіеся; подобное сему представляетъ и настоящее дѣло; Палата установила, что въ дѣйствіяхъ Элькина выразилось стремленіе присвоить себѣ чужую собственность безъ всякаго на то права, а между тѣмъ сама же Палата отказала Поповой въ искѣ и оправдала отвѣтчика Элькина, за защиту котораго она нынѣ обвиняетъ Лохвицкаго. Но и независимо сего, возможность преслѣдованія адвоката за принятіе на себя веденія дѣлъ о правахъ, пріобрѣтенныхъ способами безнравственными, могла бы превратить необходимый надзоръ за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ по ихъ званію въ арену возмездія; сторона, проигравшая дѣло на судѣ, сама или въ лицѣ своего повѣреннаго получила бы

возможность преслѣдовать защитника правъ выигравшей стороны, приписывая ему свою неудачу и успѣхъ противника; такъ и настоящее дѣло возникло по заявленію Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ защитникомъ правъ истицы Поповой, присяжнымъ повѣреннымъ Ордынскимъ, послѣ отказа судомъ въ искѣ его довѣрительницы. Отсюда Прав. Сенатъ заключаетъ, что при сужденіи о профессіональной дѣятельности присяжнаго повѣреннаго по принятію и веденію имъ гражданскаго дѣла принципъ безусловной нравственности не можетъ служить руководящимъ началомъ; что одно знаніе о нечестномъ способѣ пріобрѣтенія правъ, принимаемыхъ къ защитѣ, не можетъ служить безусловнымъ основаніемъ для признанія дѣятельности присяжнаго повѣреннаго по такому дѣлу не согласною съ правами и обязанностями его, указанными въ законѣ; что, вопреки сего, осужденіе Палатою дѣятельности Лохвицкаго, какъ повѣреннаго Элькина, основано единственно на знаніи имъ безчестнаго способа пріобрѣтенія Элькинымъ спорнаго права, и что, слѣдственно, самое производство настоящаго дѣла, не заключающаго въ себѣ признаковъ воспрещеннаго закономъ поступка, подлежитъ уничтоженію...»

Итакъ, три компетентныхъ учрежденія: Совѣтъ, Судебная Палата и Прав. Сенатъ оказались въ рѣзкомъ разногласіи между собой по основному вопросу адвокатской профессіи—какія гражданскія дѣла можно принимать и какъ ихъ должно вести [1]). То, что Совѣтъ считаетъ, примѣняя максимальную строгость, зазорнымъ, въ Палатѣ квалифицируется какъ совершенно безчестное и потому недопустимое для присяжнаго повѣреннаго,—а Прав. Сенатъ не усматриваетъ въ этомъ ровно ничего предосудительнаго. Ясно, такимъ образомъ, что у насъ самыя компетентныя учрежденія

---

[1]) По увѣренію Гр. Джаншіева, «не легко далось Сенату его рѣшеніе. На изготовленіе его ушло время отъ 22 января 1879 г. по 11 января 1880 г. Должно быть, не разъ передѣлывался проектъ рѣшенія. Наконецъ Сенатъ взялъ да и переписалъ почти цѣликомъ отдѣльное мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ моск. Суд. Палаты. Этимъ ограничилась роль верховнаго истолкователя закона». («Введеніе неправыхъ дѣлъ», с. 19).

не могутъ провести границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ въ адвокатурѣ.

Въ сущности, оправдательный приговоръ Сената гораздо непріятнѣе для престижа адвокатуры, нежели обвинительный вердиктъ Совѣта и Палаты. Дѣло, послужившее предметомъ обвиненія противъ А. В. Лохвицкаго, по всей обстановкѣ своей настолько «сомнительно», что оно само по себѣ вызываетъ чувство брезгливости и тѣмъ самымъ повышаетъ требовательность въ отношеніи адвоката. Эта требовательность въ рѣшеніяхъ Совѣта и Судебной Палаты формулирована въ столь общихъ выраженіяхъ, что никакихъ возраженій ни съ какой стороны не можетъ быть сдѣлано. Но зато каждый можетъ вложить въ понятія—честность, добросовѣстность, мошенничество—свое собственное содержаніе, весьма разнообразное. Такимъ образомъ, мотивировка Совѣта и Палаты въ сущности ни къ чему не обязываетъ.

Съ другой стороны, по отношенію къ роли суда эти опредѣленія столь же несправедливы, сколь и оскорбительны. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Совѣтъ и Палата допускаютъ, что судебное рѣшеніе можетъ санкціонировать пріобрѣтеніе имущества, доставшагося безчестнымъ путемъ, дать возможность воспользоваться результатами мошенничества. Судебная Палата устанавливаетъ, что «формальная сторона дѣла», которой долженъ подчиняться судъ, можетъ покрывать лживыя и недобросовѣстныя требованія и прямо нечестное дѣяніе. Но если бы это такъ было, то чѣмъ же новый судъ отличался бы отъ стараго суда? Развѣ то, что утверждаетъ Суд. Палата, не есть въ сущности повтореніе приведеннаго выше [1]) восклицанія Аксакова, что старый судъ не давалъ ни права, ни возможности выяснить сущность дѣла. «Юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ, всѣ налицо, безукоризненныя по формѣ,—и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не останется какъ сотворить судъ и... неправду!»

Такой выводъ вытекаетъ непосредственно изъ соображеній Совѣта и Судебной Палаты. Напротивъ, рѣшеніе Прав.

---

[1]) Стр. 6.

Сената, оправдывающее А. В. Лохвицкаго, столь же несправедливо, сколь и оскорбительно для адвокатскаго сословія. Прав. Сенатъ призналъ, что А. В. Лохвицкій ничего предосудительнаго противъ своей профессіи не совершилъ, но не потому, что вообще въ его поступкѣ ничего предосудительнаго нельзя усмотрѣть, а потому, что нравственность гражданскаго права менѣе строга, чѣмъ нравственность индивидуальная, и адвокатъ, какъ представитель извѣстной профессіи, извѣстной общественной дѣятельности, не можетъ быть разсматриваемъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, а лишь съ первой—такъ сказать, пониженной. Чтобы прійти къ такому утвержденію, Прав. Сенатъ, въ противуположность шаблонамъ Совѣта и Судебной Палаты, пользуется сочетаніемъ понятій, смыслъ коихъ представляется чрезвычайно туманнымъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, нравственность гражданскаго права, и что это за особый видъ индивидуальной нравственности? Въ соотвѣтствующихъ книгахъ, этимъ дисциплинамъ посвященныхъ, отвѣта найти нельзя было бы. А между тѣмъ, вопросъ, повидимому, является совершенно простымъ. И Совѣтъ, и Судебная Палата, и Прав. Сенатъ, такъ рѣзко между собой разошедшіеся, ходятъ все около и кругомъ того пророческаго замѣчанія, которое при разработкѣ судебныхъ уставовъ было сдѣлано предсѣдателемъ уголовной палаты[1], о необходимости привести и матеріальные законы въ соотвѣтствіе съ требованіями времени. Комиссія по составленію проекта гражданскаго уложенія въ объяснительной запискѣ своей констатируетъ, что наши гражданскіе законы устарѣли, что они противорѣчивы и несправедливы. Нѣтъ надобности поэтому разыскивать и устанавливать новыя категоріи нравственности и теряться въ догадкахъ о томъ, гдѣ провести границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ для адвоката. Достаточно обратить вниманіе на то, что гражданскіе законы не соотвѣтствуютъ установившимся требованіямъ справедливости, что они отъ послѣднихъ значительно отстали, и тогда сразу станетъ яснымъ, что адвокатъ, обязанный по

[1]) См. выше, с. 83.

долгу присяги отстаивать законъ, нерѣдко попадаетъ въ фальшивое положеніе и оказывается между двухъ огней.

Яркій примѣръ дѣла Лохвицкаго въ свое время не обратилъ на себя особаго вниманія. Но спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1884 г., А. В. Лохвицкій умеръ. Его смерть, естественно, послужила поводомъ, чтобы вновь поднять вопросы, связанные съ дѣломъ Н. Элькина. Въ «Суд. Газетѣ» [1]) появился очень теплый некрологъ, въ которомъ указывалось, что имя Лохвицкаго забрызгивали грязью литературные прихвостни, но «то, въ чемъ заподозрѣвали безнравственность, было лишь безстрашное отрицаніе шаблона». Именно эта прямота юриста сказалась въ дѣлѣ Элькина. «Преслѣдуемый, оплевываемый, осмѣиваемый, онъ до конца остался вѣренъ самому себѣ, своему знамени, и русская адвокатура должна увѣковѣчить память Лохвицкаго именно за дѣло Элькина. Онъ защищалъ общее дѣло». Точно такъ же и Д. І. Невядомскій, бывшій помощникъ Лохвицкаго, въ своей надгробной рѣчи, а затѣмъ и въ статьѣ, касаясь дѣла Элькина, замѣтилъ, что «какъ доблестный воинъ, собственною грудью защищалъ онъ завѣтные принципы родного учрежденія; на своихъ плечахъ вынесъ онъ независимость и свободу русской адвокатуры; исторія института никогда не забудетъ этой его заслуги».

Такимъ образомъ, вопросъ снова былъ поставленъ ребромъ, и на сдѣланный въ печати вызовъ горячо откликнулся авторитетный въ то время публицистъ Гр. Джаншіевъ. Онъ прочелъ по этому вопросу докладъ въ одномъ изъ засѣданій группы московскихъ помощниковъ прис. повѣренныхъ, затѣмъ напечаталъ его въ «Русской Мысли» и, наконецъ, въ 1886 г. выпустилъ отдѣльной брошюрой, выдержавшей нѣсколько изданій. Свое изложеніе Гр. Джаншіевъ начинаетъ съ печальнаго признанія, что «безъ малаго двадцать лѣтъ существуетъ русская адвокатура, и что же? Самый жизненный, самый кардинальный для нея вопросъ, вопросъ о томъ, возможна ли, мыслима ли честная адвокатура,

---

[1]) 1884 г., 22.—Интересное воспоминаніе о Лохвицкомъ сохранилось въ рѣчахъ В. Д. Спасовича. На съѣздѣ юристовъ въ 1876 г. Лохвицкій «одинъ только одинешенекъ хлопоталъ о парламентаризмѣ, о конституціи, но безъ малѣйшаго со стороны съѣзда отголоска. Мы отнеслись къ нему отрицательно, находили слова его легковѣсными. («Заст. рѣчи», с. 80).

остается спорнымъ, неразрѣшеннымъ даже въ теоріи, даже in abstracto".

Въ этомъ большомъ вопросѣ Гр. Джаншіевъ отмежевываетъ для своего изслѣдованія лишь сравнительно небольшую область. Его задача заключается въ томъ, чтобы разрѣшить: «подлежитъ ли адвокатъ за веденіе завѣдомо неправаго дѣла (гражданскаго), за отстаиваніе завѣдомо несправедливыхъ требованій, за стараніе укрѣпить за довѣрителемъ имущественныя права, пріобрѣтенныя имъ завѣдомо безчестнымъ и безнравственнымъ путемъ,—путемъ обмана, доказаннаго на судѣ,—какой-либо отвѣтственности». Чтобы упростить свою задачу и устранить споръ о томъ, долженъ ли адвокатъ «проникать въ душу своего кліента и производить въ ней розыскъ тщательный», Гр. Джаншіевъ еще болѣе суживаетъ вопросъ: «Никто ничего подобнаго и не требуетъ отъ адвоката. Но отъ него и можно, и должно требовать слѣдующаго: разъ онъ тѣмъ ли, другимъ ли способомъ убѣдился вполнѣ, что право кліента его пріобрѣтено путемъ безнравственнымъ, онъ не долженъ принимать такого дѣла» [1]). Центръ тяжести, слѣдовательно, лежитъ въ признакѣ завѣдомости. «Мы не даромъ такъ сильно настаиваемъ на элементѣ завѣдомости», говоритъ онъ.

Въ отвѣтъ Гр. Джаншіеву, Д. І. Невядомскій выпустилъ брошюру подъ еще болѣе громкимъ названіемъ: «Вѣковые вопросы адвокатуры». Здѣсь онъ заявляетъ, что его некрологъ Лохвицкому не подавалъ повода ставить тѣ вопросы, которые Гр. Джаншіевъ выдвинулъ, что онъ, Невядомскій, совершенно такъ же смотритъ на вопросъ о завѣдомости, какъ и Гр. Джаншіевъ. «Вѣдь, если бы намъ казалось безразличнымъ нравственное свойство дѣла, зачѣмъ мы стали бы разсуждать объ условномъ характерѣ нравственнаго, о невозможности проникать въ душу кліента... Въ концѣ некролога мы упомянули о томъ, сколько страданій переживалъ покойный Лохвицкій, когда надъ головой его висѣлъ мечъ тяжелаго обвиненія. Мы разумѣли здѣсь именно то обвиненіе въ завѣдомости, которое было предметомъ дисциплинарнаго производства. Какъ можемъ мы назвать такое

[1]) С. 16.

обвиненіе тяжкимъ, если наше мнѣніе такое, что адвокатъ имѣетъ право вести всякое завѣдомо мошенническое дѣло» [1]).

Здѣсь, конечно, нѣтъ никакого интереса выяснять, впалъ ли Гр. Джаншіевъ въ недоразумѣніе, или же Д. І. Невядомскій неосторожно выразился. Фактъ тотъ, что, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, ни малѣйшаго разногласія между спорящими не было, во взглядахъ на данный вопросъ они являлись единомышленниками. Поэтому полемика, казалось бы, тутъ и должна была благополучно закончиться. А въ дѣйствительности это не только не приводитъ къ примиренію противниковъ, но, напротивъ, ихъ взаимное ожесточеніе принимаетъ прямо угрожающія формы, и они оказываются на противуположныхъ концахъ права и морали. По мнѣнію Невядомскаго, рѣшеніе Сената по дѣлу Лохвицкаго представляется замѣчательнымъ какъ по ясности и опредѣленности принциповъ, имъ устанавливаемыхъ, такъ и по соотвѣтствію его съ духомъ и положеніемъ того органическаго закона, коимъ учреждался у насъ институтъ присяжной адвокатуры [2]). А Гр. Джаншіевъ полагаетъ, что это рѣшеніе является рѣдкимъ образчикомъ interpretationis abrogentis, что оно даруетъ адвокатамъ свободу отъ нравственныхъ обязанностей и могло бы положить конецъ стремленію водворить въ сословіи чувства правды и чести [3]).

Очевидно, поэтому, что разногласіе выходитъ далеко за предѣлы дѣла Элькина и вскрываетъ глубокую разницу въ основныхъ взглядахъ на задачи адвокатской профессіи. Дѣйствительно, Гр. Джаншіевъ не согласенъ съ такимъ различеніемъ нравственности гражданскаго права и индивидуальной. Ссылаясь на слова Кавелина, авторъ утверждаетъ, что нравственность—одна, и поэтому вмѣсто построеннаго Сенатомъ зданія предлагаетъ свою конструкцію. «Гражданскіе законы,—говоритъ Гр. Джаншіевъ,—по своей природѣ болѣе или менѣе формальны. Разнаго рода формальности, устанавливаемыя иногда закономъ съ самыми

---

1) С. 18, 19.
2) С. 39.
3) С. 19.

добрыми намѣреніями, иногда становятся орудіями безсовѣстной мошеннической продѣлки. Гражданскій судъ, чувствующій наличность обмана, не всегда можетъ притти на помощь обманутой сторонѣ. Для него высшее мѣрило—законъ—dura lex, sed lex! Совсѣмъ въ иномъ положеніи адвокатъ. Онъ нерѣдко бываетъ поставленъ въ возможность ознакомиться съ такими интимными сторонами дѣла, которыя бываютъ скрыты для суда. Вотъ почему отъ него въ правѣ требовать общество, чтобы онъ по возможности предупредилъ тѣ прискорбныя столкновенія закона и справедливости, о которыхъ говорилось выше. Разъ адвокатъ можетъ оказать правосудію эту услугу, ему одному доступную, онъ долженъ ее оказать» [1]).

Категоричность этихъ сужденій не соотвѣтствуетъ ихъ ясности. Едва ли Гр. Джаншіевъ имѣлъ въ виду требовать отъ адвоката раскрытія суду интимныхъ сторонъ дѣла своего довѣрителя, если это раскрытіе вредитъ ему. Гр. Джаншіевъ требовалъ, повидимому, только того, чтобы адвокатъ отказался отъ такого дѣла, которое вызываетъ столкновеніе закона со справедливостью. Въ такомъ случаѣ, однако, неясно, въ чемъ заключается услуга правосудію. А самое важное, конечно, въ томъ, что, по мнѣнію автора, столкновеніе закона со справедливостью лежитъ въ природѣ гражданско-правовыхъ нормъ, которыя были и всегда будутъ болѣе или менѣе формальны. Отсюда вытекало бы, что и позиція адвоката органически должна быть двойственной. Но черезъ нѣсколько страницъ, авторъ вспоминаетъ, что «уже 2000 лѣтъ назадъ на судѣ гражданскомъ раздалась благая вѣсть объ упраздненіи или доведеніи до минимума формализма и о примиреніи закона со справедливостью, съ доброю совѣстью, словомъ,—вѣсть о внесеніи въ гражданское право начала индивидуализаціи, элемента bonae fidei, при которыхъ только и возможно правосудіе въ истинномъ значеніи этого слова. Можно было надѣяться, что у насъ съ судебной реформой произойдетъ хотя небольшое смягченіе формализма и внесеніе въ гражданскія дѣла справедливости. Такъ и случилось.

---

[1]) С. 17.

Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ и самое дѣло Элькина, по которому Сенатъ, на основанiи вердикта присяжныхъ о прiобрѣтенiи дома Поповой посредствомъ обмана, призналъ возможнымъ уничтожить крѣпостной актъ».

Итакъ, съ одной стороны, гражданскiе законы навсегда обречены быть формальными, а съ другой—уже 2000 лѣтъ назадъ формализмъ уступилъ справедливости. Съ одной стороны, только адвокатъ можетъ оказать правосудiю ему одному доступную услугу примиренiя закона со справедливостью, а съ другой—Прав. Сенатъ, вопреки настоянiямъ адвоката, парализовалъ обманъ.

Еще характернѣе для Гр. Джаншiева его сопоставленiе рѣшенiя Сената по дѣлу Лохвицкаго съ другимъ рѣшенiемъ по дѣлу Бериславскаго (рѣш. 1881 г. № 49), какъ противорѣчащимъ первому. Не входя въ обстоятельства этого дѣла, достаточно указать, что Бериславскiй хотя и частный повѣренный, въ данномъ дѣлѣ выступилъ не какъ повѣренный, а отъ своего имени. Слѣдовательно, въ дѣлѣ не возникало вовсе вопросовъ о роли адвоката, и Сенатъ высказалъ, что «лицо, состоящее частнымъ повѣреннымъ, обязано въ своемъ поведенiи руководствоваться закономъ, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, въ обходъ и обманъ закона».

Естественно, что при такой непрочности позицiи, Д. I. Невядомскому ничего не стоило выбить изъ нея своего противника, отмѣтить противорѣчiя, въ которыя онъ впадаетъ. Но, въ свою очередь, и Д. I. Невядомскiй никакого яснаго отвѣта дать не можетъ. Такъ, съ одной стороны, ему представляется, что «выходъ можетъ быть только одинъ—предоставить адвокату полную, ни отъ кого независимую свободу въ опредѣленiи того, право или не право данное дѣло, возможно ли оно для принятiя или нѣтъ» [1]). А между тѣмъ, повидимому, самъ Невядомскiй не свободенъ отъ тѣхъ же органическихъ сомнѣнiй. «Къ чему фарисейство? развѣ не знаемъ мы многихъ первоклассныхъ адвокатовъ, нравственность которыхъ была далеко не безупречна?» [2]). Поэтому и Невядом-

---

[1]) С. 26.
[2]) С. 12.

скій соглашается на компромиссъ. «Если бы случилось такъ, что, по мнѣнію Совѣта, присяжный повѣренный слишкомъ далеко зашелъ въ пользованіи своимъ правомъ выбора дѣлъ, Совѣтъ всегда имѣетъ возможность: предостеречь такого, но не въ качествѣ дисциплинарнаго суда, а въ качествѣ товарищескаго кружка, для котораго слишкомъ дороги достоинство и репутація каждаго члена корпораціи. Здѣсь могло бы имѣть мѣсто нѣчто въ родѣ того, что во французской адвокатской дисциплинѣ носитъ названіе avertissement confraternel... Наконецъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ, въ особенности затрогивающихъ дисциплинарные вопросы, товарищескій кружокъ членовъ Совѣта могъ бы воспринять въ себя всѣхъ желающихъ членовъ корпораціи и уже въ качествѣ общаго собранія обсудить данный вопросъ. Преимущество такого порядка заключается въ томъ, что при отсутствіи угрозы карой обсужденіе велось бы спокойно». Удачно вскрывая противорѣчія Гр. Джаншіева, самъ Д. Невядомскій не затрудняется сочетать полную свободу въ выборѣ дѣлъ съ самымъ придирчивымъ контролемъ Совѣта и общаго собранія.

Мы отмѣчаемъ всѣ эти слабыя стороны обоихъ противниковъ не для того, конечно, чтобы вступать съ ними въ запоздалую полемику, а для того, чтобы показать, на какомъ невысокомъ уровнѣ стояли лучшіе представители мысли и спеціалисты вопроса. Ибо, если Гр. Джаншіевъ былъ самымъ популярнымъ и яркимъ выразителемъ либеральнаго шаблона, и сочиненія его выдерживали по нѣсколько изданій, то Д. I. Невядомскій былъ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей адвокатскаго сословія и долгое время состоялъ предсѣдателемъ московскаго Совѣта прис. повѣренныхъ [1]).

Полемика Джаншіева съ Невядомскимъ вызвала огромный интересъ не только въ юридической, но и въ общей

[1]) Въ посвященномъ ему на страницахъ «Права» некрологѣ Н. В. Тесленко указалъ, что «его исключительная, выдающаяся по своимъ достоинствамъ оригинальная личность многіе годы привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе въ адвокатурѣ и оставила въ общественной жизни глубокій слѣдъ». Съ избраніемъ Д. I. въ члены Совѣта начался переломъ въ дѣятельности Совѣта. («Право», 1907 г., № 41).

прессѣ. Можно сказать, что не осталось журнала, который не высказался бы по поводу вышедшихъ брошюръ. Vox populi рѣшительно сталъ на сторону Джаншіева и противъ Невядомскаго, на котораго со всѣхъ сторонъ посыпались громы и молніи. До чего возбуждено было противъ него общественное мнѣніе, можно судить по тому, напримѣръ, что «Русская Мысль», возражая противъ ссылки Невядомскаго на субъективность понятій нравственности, честности и т. д., замѣчаетъ, что «конечно, гонораръ несравненно опредѣленнѣе, но, вѣдь, и онъ не безошибочный критерій, потому что его значеніе мѣняется съ измѣненіемъ имущественнаго положенія адвоката и довѣрителя». «Тяжело читать подобныя брошюры»,—заключаетъ журналъ свой отзывъ [1]). Только «Журналъ Гражд. и Угол. Права» [2]) указалъ, что разработка вопроса въ брошюрѣ Джаншіева не соотвѣтствуетъ важности задачи, такъ какъ Джаншіевъ отдѣлывается общими мѣстами. Но, съ своей стороны, Журналъ не выясняетъ, какова должна быть правильная постановка вопроса, а ограничивается лишь полемикой съ Джаншіевымъ. Такъ, Джаншіевъ приводитъ въ примѣръ несправедливаго дѣла, отъ веденія котораго адвокатъ долженъ уклониться, отказъ нанимателя отъ уплаты наемной платы по отсутствію письменнаго договора, хотя адвокату наниматель признался, что онъ плату дѣйствительно долженъ. «Ну, а если,—спрашиваетъ Журналъ,—наниматель вмѣстѣ съ тѣмъ сообщитъ адвокату, что у него нѣтъ денегъ для уплаты богатому домовладѣльцу, что ему нужны деньги на лѣченіе больной жены, на взносъ за ученіе дѣтей, на поправленіе пошатнувшихся дѣлъ, что онъ готовъ и обѣщаетъ уплатить эту сумму впослѣдствіи безъ суда, а желаетъ лишь избѣгнуть описи, продажи имущества и разоренія своего гнѣзда. И тогда адвокатъ въ правѣ отказать въ помощи? Намъ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ уже спорный вопросъ. Присяжный повѣренный, такимъ образомъ, изъ адвоката превращается въ какого-то судью для малолѣтнихъ».

---

1) «Р. Мысль», 1886 г., 8.
2) 1886 г., № 6.

Вообще, приходится констатировать, что во всѣхъ отзывахъ ничего, кромѣ выраженія симпатій или антипатій, не имѣется. И лишь въ одной замѣткѣ ставится вопросъ огромной важности. Авторъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Antigorgias [1]), послѣ весьма подробнаго анализа всѣхъ соображеній Невядомскаго, такъ формулируетъ свои мысли: «Адвокатъ обязанъ словомъ и дѣломъ стоять на стражѣ гражданскихъ и публичныхъ правъ всего общества или отдѣльныхъ его членовъ, обязанъ потому, что ему предоставлено право быть ихъ выразителемъ и защитникомъ. Но пусть вспомнятъ, что въ общемъ великомъ союзѣ идетъ вѣчная борьба однихъ интересовъ съ другими, что одни интересы получаютъ защиту, другіе остаются неудовлетворенными; что тѣ, которые торжествуютъ сегодня, завтра, благодаря перемѣнѣ въ группировкѣ сословій въ экономическихъ отношеніяхъ, въ состояніи вѣрованій, чувствъ, знаній, легко можетъ статься, будутъ попираемы; что, наоборотъ, «послѣдніе» сегодня могутъ сдѣлаться «первыми» завтра. И когда вспомнятъ это, тогда поймутъ, что адвокатъ, на глазахъ котораго проходитъ этотъ неизмѣнный процессъ права, не можетъ и не долженъ зажмурить ихъ и ждать, куда его выброситъ новая волна; тогда поймутъ, что та свобода, которая дана ему закономъ въ отличіе отъ судьи, и дѣлаетъ для него еще болѣе, чѣмъ для послѣдняго, возможнымъ взвѣшивать и оцѣнивать интересы, пользующіеся защитой и только взывающіе къ ней; ускорять пораженіе однихъ и подготовлять побѣду другихъ; тогда поймутъ, что адвокатъ не бездушная машина, не то колесо, которымъ возсылаются на небо китайскія молитвы, а истинный творецъ правъ. И когда это поймутъ, тогда не скажутъ болѣе, что адвокатъ не что иное какъ посредникъ; тогда не станутъ болѣе удивляться, почему отъ адвоката и судьи можно требовать неизмѣримо больше, чѣмъ отъ простого гражданина; тогда не будутъ опасаться, что адвокату, вдохновленному творческими юридическими идеями, предложатъ «снять свой фракъ и украшаю-

[1]) «Юридич. Вѣстникъ», 1886 г., 9.

щій его значокъ и облачиться въ рясу!» Законодатель, по своей природѣ, творецъ кунктаторъ; онъ склоненъ не выходить изъ своего инертнаго положенія и ждать, пока не раздадутся оглушающіе возгласы, зовущіе его на помощь. А до тѣхъ поръ, пока онъ подыметъ свою величавую руку, должны помогать судьи и адвокаты. Не будь адвокатовъ и судей, для которыхъ «закономѣрностью» г. Невядомскаго (т.-е. попросту буквоѣдствомъ, культомъ статей) не исчерпывается идея права, чиншевой вопросъ былъ бы еще и понынѣ вопросомъ; мы не были бы наканунѣ эпохи усиленной отвѣтственности предпринимателей за несчастія съ рабочими и т. д. Если бы побольше было такихъ адвокатовъ и судей, мы безъ содѣйствія законодателя пріобрѣли бы институтъ сосѣдскаго права, о которомъ наше законодательство имѣетъ слабое понятіе; получили бы болѣе тонкіе принципы отвѣтственности за договорную вину; додумались бы до защиты третьихъ лицъ преимущественно передъ собственниками, нашли бы возможность справедливѣе оцѣнивать убытки; познали бы цѣну неимущественныхъ правъ; освоились бы съ идеей наказанія въ гражданскомъ правѣ; стали бы различать въ неустойкѣ элементъ штрафа отъ равноцѣнности убытковъ. Мы говоримъ о совмѣстной дѣятельности адвокатовъ и судей потому, что въ этой дружеской работѣ залогъ правового прогресса. Тому, кто, какъ г. Невядомскій, не мыслитъ адвоката иначе какъ ходатаемъ за какіе-нибудь грошевые интересы довѣрителя, слѣдуетъ помнить, что не въ фрачномъ облаченіи должна протекать дѣятельность адвоката, а въ несравненно большей мѣрѣ въ тиши кабинета: если бы адвокаты болѣе предупреждали процессы, чѣмъ путались въ нихъ, общественная роль адвокатовъ была бы не та, что теперь. Но тогда и книжка г. Невядомскаго была бы невозможна».

Мысли автора выражены съ недостаточной отчетливостью. Трудно уяснить себѣ, имѣетъ ли авторъ въ виду возложить на обязанность адвоката помощь слабѣйшему противъ сильнѣйшаго, или же адвокатъ долженъ вообще способствовать ускоренію неминуемой побѣды того или другого теченія. Повидимому, судя по его негодованію противъ бро-

шюры Невядомскаго, авторъ имѣлъ въ виду именно первое. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что это пожеланіе автора стало получать практическое осуществленіе. Но сейчасъ нужно отмѣтить, что, по категорическому утвержденію автора, закономѣрность не должна служить единственнымъ мѣриломъ для адвокатской дѣятельности. Мало того! Авторъ относится къ закономѣрности съ нескрываемой ироніей, какъ къ буквоѣдству, культу статей. Адвокатъ долженъ замѣнять законодателя, который поспѣваетъ слишкомъ медленно за требованіями жизни, и приспособлять дѣйствующее право къ измѣняющимся условіямъ соціальнаго уклада.

Эти сужденія являются отголоскомъ широкаго теченія, появившагося въ 80-хъ годахъ и требовавшаго, чтобы, отказавшись отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ логикѣ, во что бы то ни стало исполнять законъ такъ, чтобы онъ совпалъ съ разумной и справедливой нормой, имманентной соотвѣтственному явленію жизни. Это теченіе, сливаясь съ мутными потоками, просачивавшимися, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ В. Д. Спасовича, въ наше правосудіе, наносило жесточайшіе удары началу законности и, въ концѣ-концовъ, совершенно расшатало его. Наиболѣе полнымъ и яркимъ выразителемъ и идеологомъ теченія былъ А. Л. Боровиковскій, который въ книгѣ своей «Отчетъ судьи» проповѣдывалъ, что, открывъ истинный смыслъ закона, судья, конечно, обязанъ подчиниться его велѣнію, хотя бы даже оно представлялось судьѣ несправедливымъ. Но (!) если мысль закона остается для судьи все-таки неясной (а ясность и неясность, какъ указываетъ авторъ, понятія субъективныя), то судья долженъ руководствоваться и соображеніями справедливости [1]). Такимъ образомъ, на мѣсто закона ставится свое собственное представленіе о справедливости.

Это теченіе принесло намъ сосѣдское право, и другіе институты, о которыхъ говоритъ Antigorgias, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы получили, вмѣсто хотя бы и очень плохихъ законовъ, разъясненія Прав. Сената, въ значительной мѣрѣ упразднив-

---

[1]) См. І. В. Гессенъ, Судебная реформа, с. 216, сл.

шія X томъ и Уложеніе о наказаніяхъ и не давшія никакой твердой опоры для юридическихъ отношеній. Разъ судья долженъ руководствоваться не только закономъ, но и соображеніями о справедливости, которыя у каждаго могутъ быть свои, тѣмъ самымъ уничтожается важнѣйшая особенность судейской дѣятельности — ея подзаконность, уступающая свое мѣсто произволу и усмотрѣнію.

Этотъ характерный эпизодъ весьма ярко освѣщаетъ гибельныя разлагающія вліянія, подъ которыми протекла дѣятельность адвокатуры. Какъ безотрадно, въ самомъ дѣлѣ, что единственная попытка освободиться отъ общихъ фразъ, которыми встрѣчена была полемика, и дать поставленному вопросу конкретное содержаніе, превратилась въ проповѣдь безудержнаго оппортюнизма, составлявшаго, впрочемъ, самую замѣтную черту восьмидесятыхъ годовъ. Какъ бы ни оцѣнивать позиціи этихъ авторовъ, и если даже безъ всякихъ оговорокъ согласиться съ «Юридич. Вѣстникомъ», что Д. І. Невядомскій звалъ адвокатуру на скользкій путь, то, во всякомъ случаѣ, надо признать, что, желая удержать отъ этого пути, Antigorgias самъ толкалъ сословіе въ бездонную пропасть.

Все сказанное дѣлаетъ итоги перваго двадцатипятилѣтія столь же простыми, сколь и безотрадными. Адвокатура нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчала поддержки. Напротивъ, помимо общихъ неблагопріятныхъ условій, отъ которыхъ, какъ выразился Спасовичъ, адвокатура страдала, какъ часть цѣлаго, она подвергалась еще спеціальнымъ давленіямъ, дѣйствовавшимъ различнымъ образомъ и свидѣтельствовавшимъ о несоотвѣтствіи новыхъ судебныхъ уставовъ не только государственному строю, но и общему культурному уровню. Было бы, конечно, противоестественно, если бы адвокатура осталась чужда окружающимъ вліяніямъ. Но важно, что въ средѣ самаго сословія происходила неустанная борьба, что оно отдавало себѣ отчетъ въ окружающихъ условіяхъ и сознавало необходимость бороться съ ними.

Двадцатипятилѣтнее существованіе судебныхъ уставовъ возбудило среди адвокатуры вопросъ объ ознаменованіи этого юбилея. Въ Петербургѣ въ общемъ собраніи избрана была комиссія подъ предсѣдательствомъ В. Д. Спасовича, который предложилъ ознаменовать 25-тилѣтіе устройствомъ конкурса на сочиненіе по исторіи судебной реформы въ Россіи. Любопытно, что рамки сочиненія были чрезвычайно сужены и ограничены одной исторіей судебныхъ уставовъ, какъ законодательнаго памятника, т.-е. безъ объяснительнаго изложенія перемѣнъ, которымъ они подверглись впослѣдствіи. Выгода отъ такого суженія заключалась, по мнѣнію комиссіи, въ томъ, что иначе, «при доведеніи исторіи до послѣдняго времени, авторъ во многихъ случаяхъ становился бы поневолѣ либо на сторонѣ новѣйшихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ, либо, наоборотъ, отстаивалъ бы судебные уставы и порицалъ идущіе съ ними вразрѣзъ нововведенія, т.-е. писалъ бы по необходимости тенденціозно». Какъ ясно слышатся здѣсь отзвуки тѣхъ соображеній, которыя приводились противъ посылки телеграммы парижскому Совѣту! Однако, харьковскій Совѣтъ, къ которому петербургскій обратился съ предложеніемъ участвовать въ этомъ предпріятіи, обратилъ вниманіе, что въ такомъ видѣ сочиненіе не соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли почтить память исполнившагося 25-тилѣтія, такъ какъ по заключенію комиссіи выходитъ, что именно этого 25-тилѣтія касаться и не нужно. Но это возраженіе, неоспоримое само по себѣ, и даетъ основаніе предположить, что самое большее, на что комиссія могла рѣшиться, это обойти молчаніемъ произведенныя искаженія судебныхъ уставовъ и протестовать возвеличеніемъ памятника въ его первоначальномъ видѣ. Соотвѣтственно съ этимъ, харьковская адвокатура не приняла предложенія своего Совѣта о расширеніи рамокъ предложеннаго сочиненія включеніемъ въ него всѣхъ послѣдовавшихъ измѣненій и выразила это лишь какъ пожеланіе [1]). Московскій Совѣтъ отнесся иначе къ петербургскому предложенію. Совѣтъ не далъ ему никакого хода, а когда затѣмъ петербург-

---

[1]) Отчетъ 1890—91 г., сс. 17—19.

скій Совѣтъ прислалъ запросъ, предполагаютъ ли московскіе товарищи принять участіе въ этомъ дѣлѣ и на какихъ условіяхъ, то московскій Совѣтъ постановилъ: «Письмо присяжнаго повѣреннаго Спасовича вывѣсить въ общей комнатѣ». Заявленій отъ присяжныхъ повѣренныхъ,—прибавляетъ засимъ Отчетъ [1]),—по этому предмету въ Совѣтъ не поступало. Предположеніе петербургской адвокатуры такъ и осталось неосуществленнымъ. Но московская адвокатура издала ко дню 25-тилѣтія Сборникъ матеріаловъ, относящихся до сословія присяжныхъ повѣренныхъ округа московской Судебной Палаты [2]).

---

[1]) С. XII.

[2]) Кромѣ того, постановлено было учредить стипендію въ московскомъ университетѣ имени М. И. Доброхотова.

V.

ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ АДВОКАТУРЫ.

24. Совѣщаніе 1890 г. и Комиссія 1896 г.

Къ концу перваго двадцатипятилѣтія необходимость введенія реформъ въ адвокатурѣ представлялась совершенно безспорной. Невольно вспоминается при этомъ заявленіе офиціальнаго «Судебнаго Вѣстника», сдѣланное еще въ самомъ началѣ введенія судебной реформы по поводу нападокъ на адвокатуру. «Когда создается новое учрежденіе, есть только одинъ путь къ тому, чтобы положить ему прочное основаніе... по возможности устранить преграды къ его дѣятельности и дальнѣйшему развитію». Слѣдовательно, съ самаго начала правительство отчетливо сознавало, каково должно быть отношеніе къ вновь созданному институту. Въ дѣйствительности же, какъ изложено выше, адвокатура не только не привлекла къ себѣ заботливаго вниманія, но и тѣ ходатайства, которыя возбуждали Совѣты, систематически оставлялись безъ удовлетворенія. Когда затѣмъ въ 1876 г. Министерство Юстиціи внесло проектъ уничтоженія независимости адвокатуры, то въ представленіи своемъ [1]) оно указывало, что у него имѣется достаточный матеріалъ для разработки проекта реформы и что предлагаемая мѣра вносится, какъ неотложная, въ качествѣ вре-

---

[1]) См. выше, стр. 238 сл.

менной. Мы уже знаемъ, что проектъ графа Палена не встрѣтилъ сочувствія и былъ взятъ Министерствомъ обратно, но не для того, чтобы вмѣсто временной и случайной мѣры разработать проектъ реформы. Накопленный матеріалъ продолжалъ покоиться въ нѣдрахъ канцелярій, и лишь въ 1885 году Министерство Юстиціи окончательно «пришло къ убѣжденію въ необходимости пересмотра существующихъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ узаконеній» [1]). Для этого была учреждена Комиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго оберъ-прокурора Перваго Департамента Прав. Сената, Г. А. Евреинова. Но оберъ-прокуроръ вскорѣ былъ назначенъ товарищемъ министра путей сообщенія, и этого оказалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы вопросъ о реформѣ снова былъ отложенъ въ долгій ящикъ. Отсрочка вопроса не помѣшала, «впредь до разрѣшенія сего вопроса въ общемъ законодательномъ порядкѣ», пріостановить пріемъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій въ присяжные повѣренные. А послѣ этого были возобновлены въ Министерствѣ работы по пересмотру дѣйствующихъ узаконеній о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.

Снова въ 1890 г. была учреждена Комиссія, подъ предсѣдательствомъ директора Перваго Департамента Красовскаго. Эта Комиссія довела свою работу до конца, составивъ полный проектъ измѣненій въ правилахъ судебныхъ уставовъ о повѣренныхъ. Спустя еще три года, этотъ проектъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, былъ внесенъ министромъ юстиціи Н. А. Манассеинымъ въ Государственный Совѣтъ. Но здѣсь снова повторилась прежняя исторія. Спустя двѣ недѣли послѣ внесенія законопроекта, Н. А. Манассеинъ былъ замѣненъ Н. В. Муравьевымъ на посту министра юстиціи, и этого тѣмъ болѣе оказалось достаточнымъ, чтобы внесенный проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Онъ былъ взятъ обратно и въ качествѣ матеріала переданъ въ Особую Комиссію по пересмотру законоположеній по судебной части. Эта Комиссія тоже успѣла закончить свои работы.

---

[1]) Высоч. утв. Комиссія для пересмотра законоположеній по суд. части. Объясн. записка къ учр. суд. уст. Т. III, с. 7.

Въ отношенiи реформы положенiя адвокатуры не требовалось, правда, никакого труда, потому что Комиссiя просто переписала, безъ всякихъ существенныхъ измѣненiй, упомянутый проектъ Комиссiи М. В. Красовскаго. Спустя почти 10 лѣтъ, въ 1904 г., проекты, выработанные Комиссiей, были представлены въ Госуд. Совѣтъ, но вскорѣ послѣ этого произошло измѣненiе въ политическомъ строѣ, и реформированный Гос. Совѣтъ возвратилъ въ Министерство всѣ находившiеся у него законопроекты. Проектъ реформы адвокатуры дальнѣйшаго движенiя не получилъ.

Соотвѣтственно такому изумительному теченiю дѣлъ, упомянутая объяснительная записка констатируетъ, что все, что было сдѣлано по отношенiю къ адвокатурѣ, заключалось въ изданiи закона о частныхъ повѣренныхъ («Законъ этотъ, однако, ни въ чемъ не измѣнилъ правилъ судебныхъ уставовъ о прис. повѣренныхъ») [1]) и во временномъ прiостановленiи въ томъ же году учрежденiя Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ тамъ, гдѣ они не были открыты. (Но эта мѣра, во всякомъ случаѣ, не могла способствовать развитiю адвокатуры, ибо ею только «было преграждено дальнѣйшее распространенiе введеннаго судебными уставами сословнаго самоуправленiя адвокатской корпорацiи»). Вотъ и все. «Перечисленными узаконенiями,—заключаетъ объяснительная записка,—и ограничилось, впрочемъ, законодательное воздѣйствiе на адвокатуру». Достаточно сопоставить официальное заявленiе о томъ, какъ слѣдовало относиться къ институту присяжныхъ повѣренныхъ, съ этимъ официальнымъ признанiемъ въ томъ, что было въ дѣйствительности сдѣлано,—и никакихъ засимъ выводовъ дѣлать уже не нужно, они напрашиваются сами собой.

Выработанные проекты не получили, такимъ образомъ, никакого практическаго значенiя. Но съ исторической точки зрѣнiя они представляютъ огромный интересъ и могутъ пролить яркiй свѣтъ на судьбы русской адвокатуры. Прежде всего, нужно здѣсь отмѣтить, что, несмотря на энергичныя нападки, объ упраздненiи адвокатуры, о возвращенiи къ

---

[1]) С. 7.

Первый харьковскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Предсѣдатель Совѣта М. В. Жученко.

Тов. предсѣд. Совѣта С. Ф. Морошкинъ.

Членъ Совѣта А. Н. Зайцевъ.

Членъ Совѣта И. А. Клоповъ.

прежнимъ порядкамъ разговора уже не поднималось. Напротивъ, объяснительная записка считаетъ нужнымъ увѣрить, что комиссія «не покидаетъ исходной точки зрѣнія судебной реформы 20 ноября 1864 г. и что не въ ослабленіи, а, напротивъ, въ укрѣпленіи и оживленіи связи адвокатуры съ судомъ заключается залогъ ея успѣха, что, однакоже, отнюдь не исключаетъ возможной независимости ея корпоративной жизни» [1]).

Въ этой оговоркѣ о сохраненіи лишь возможной независимости и заключается центръ тяжести предпринятой реформы. Принимая исходную точку судебныхъ уставовъ, комиссія, однако, тутъ же прибавляетъ, какъ бы въ извиненіе ихъ составителей, что «сословіе это (адвокатовъ) явилось совершенно новымъ учрежденіемъ въ Имперіи. Законодательная власть была поставлена въ необходимость образовать это учрежденіе не на исторической почвѣ, но совершенно заново, не имѣя предъ собой практическихъ указаній опыта и руководствуясь единственно теоретическими соображеніями о требованіяхъ новаго процесса и примѣрами другихъ государствъ, имѣвшихъ уже подобное же судопроизводство. Въ первоначальномъ изданіи судебныхъ уставовъ адвокатура явилась въ учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ съ единичнымъ упоминаніемъ въ законѣ о ихъ помощникахъ, съ бѣгло очерченнымъ корпоративнымъ устройствомъ и съ перспективой въ неопредѣленномъ будущемъ адвокатской монополіи, въ видѣ объявленія комплекта» [2]).

Здѣсь, въ сущности, объяснительная записка опять бросаетъ тяжкій укоръ министерству, ибо всѣ эти неопредѣленности нетрудно вѣдь было устранить. Совѣты, какъ извѣстно изъ предыдущаго изложенія, не разъ возбуждали соотвѣтствующія ходатайства, разработанныя и поддержанныя судебными учрежденіями, но министерство оставалось къ нимъ глухо.

Понятно, однако, что объяснительная записка приступаетъ къ критикѣ судебныхъ уставовъ не для того, что-

[1]) С. 13.
[2]) С. 5.

бы подчеркивать индиферентное отношеніе къ нимъ власти, а чтобы опредѣлить направленіе предпринятой реформы и оправдать это направленіе. Именно благодаря указаннымъ условіямъ, «учрежденіе, по даннымъ объяснительной записки, не могло во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать ни дѣйствительнымъ потребностямъ судебной дѣятельности, выяснившимся лишь изъ позднѣйшей практики новыхъ судовъ, ни особенностямъ общественнаго склада и народнаго быта въ Россіи... При столкновеніи съ дѣйствительностью скоро выяснились слабыя и больныя мѣста новаго учрежденія, и нельзя не признать, что въ судьбахъ его многое не оправдало надеждъ и ожиданій законодателя, который и обратился прежде всего къ частнымъ мѣрамъ, вызваннымъ отдѣльными потребностями и условіями». Но, возвращаясь вновь къ этимъ «частнымъ мѣрамъ», которыя, какъ уже сказано, не имѣли никакого отношенія къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ [1]), нельзя обойти вопроса, какая же связь существуетъ между обнаруженными недостатками (неурегулированность помощничества, «бѣглость» корпоративнаго устройства и неопредѣленная перспектива комплекта) и несоотвѣтствіемъ института національнымъ особенностямъ. Вѣдь, если всѣ эти главныя начала были оставлены въ неразработанномъ видѣ, то отсюда и рождалась возможность приспособить ихъ, какъ можно полнѣе, къ національнымъ особенностямъ и дѣйствительнымъ потребностямъ правосудія. Вѣдь при такой неопредѣленности исчезала всякая почва для несоотвѣтствія. Оставимъ, однако, въ сторонѣ эти недоумѣнія и попытаемся выяснить, что̀ комиссія Н. В. Муравьева и совѣщаніе М. В. Красовскаго считали существенными недостатками судебныхъ уставовъ и какъ они намѣревались ихъ исправить. На первомъ мѣстѣ ставится бѣглая очерченность корпоративнаго устройства. Сохраненіе сословной орга-

[1]) Справедливо замѣчаетъ М. М. Винаверъ, что законъ о частныхъ повѣренныхъ «указываетъ не на какой-либо дефектъ самой адвокатуры, а на недостаточную ея численность для удовлетворенія всѣхъ нуждъ; вопросъ объ евреяхъ въ адвокатурѣ есть вопросъ объ евреяхъ, а не объ адвокатурѣ; третья мѣра (пріостановленіе открытія Совѣтовъ) доказываетъ только отрицательное къ адвокатурѣ отношеніе, но не раскрываетъ его причинъ». («Очерки объ адвокатурѣ», с. 29).

низаціи не возбуждало никакихъ сомнѣній. Не могло быть никакихъ колебаній въ выборѣ, въ виду того, что «по свидѣтельству долголѣтняго опыта и по здравому смыслу, только одна эта форма при всѣхъ возможныхъ уклоненіяхъ и несовершенствахъ практики соотвѣтствуетъ достоинству и интересамъ правосудія». Но, помимо этихъ общихъ соображеній, были еще и другія, весьма интересныя, которыя, повидимому, и сыграли рѣшительную роль. Вопреки утвержденіямъ, высказаннымъ въ представленіи министра юстиціи отъ 1878 г., журналъ Совѣщанія констатируетъ, что надзоръ за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ со стороны Совѣтовъ является гораздо болѣе бдительнымъ и строгимъ, чѣмъ со стороны подлежащихъ окружныхъ судовъ [1]). Журналъ приводитъ въ подтвержденіе этого любопытныя цифровыя данныя. «За трехлѣтіе 1887—1889 г., въ трехъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены Совѣты, среднее число дисциплинарныхъ дѣлъ о присяжныхъ повѣренныхъ было 296 въ годъ на среднее число 717 присяжныхъ повѣренныхъ, или число дисциплинарныхъ дѣлъ составляло 32% всего числа прис. повѣренныхъ, при чемъ колебанія этого процентнаго отношенія въ различныхъ округахъ были незначительны; въ остальныхъ же семи округахъ, гдѣ нѣтъ Совѣтовъ, среднее число дисциплинарныхъ дѣлъ о прис. повѣренныхъ было 110 въ годъ, при общемъ числѣ 911 прис. повѣренныхъ, т.-е. число дисциплинарныхъ дѣлъ составляло всего 17% общаго числа подвѣдомственныхъ этимъ палатамъ прис. повѣренныхъ, при чемъ колебанія этого процентнаго отношенія въ округахъ различныхъ судебныхъ палатъ были гораздо значительнѣе. Равнымъ образомъ, Совѣты проявляли и большую сравнительно съ окружными судами строгость и осмотрительность при отправленіи другой функціи своей дѣятельности, а именно—при принятіи въ присяжные повѣренные. Конечно, въ этомъ отношеніи ошибки возможны и у Совѣтовъ и у окружныхъ судовъ; но практика показываетъ, что Совѣты гораздо тщательнѣе собираютъ свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ, нежели окружные суды, что явствуетъ изъ при-

[1]) С. 18.

нятія въ нѣсколькихъ случаяхъ окружными судами въ число прис. повѣренныхъ такихъ лицъ, которымъ ранѣе было въ томъ отказано со стороны Совѣтовъ, между тѣмъ какъ въ дѣятельности Совѣтовъ нельзя указать обратныхъ случаевъ».

Если такъ, то, казалось бы, остается все сохранить въ настоящемъ видѣ, отмѣнивъ, наконецъ, временное пріостановленіе открытія Совѣтовъ. Совѣщаніе къ такому выводу и приходитъ и постановляетъ открыть Совѣты повсемѣстно (за исключеніемъ Варшавскаго и Тифлисскаго судебныхъ округовъ, гдѣ вопросъ находится въ зависимости отъ «особыхъ причинъ политическаго характера»), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщаніе въ самомъ корнѣ колеблетъ принципъ самоуправленія.—Не даромъ В. Д. Спасовичъ въ рѣчи своей говоритъ: «доходятъ до насъ еще слухи, что насъ, адвокатовъ, поднимутъ, облагодѣтельствуютъ, заведутъ вездѣ Совѣты прис. повѣренныхъ, установятъ комплектъ, и будемъ мы точно въ раю, обѣтованномъ намъ судебными уставами. Не вѣрьте, господа, не вѣрьте: будутъ послѣдніе горше первыхъ. Ничего не дается даромъ, а только donnant, donnant. Насъ, въ нашемъ самоуправленіи, съ выборами, такъ обрѣжутъ, такъ низко кланяться заставятъ за каждую подачку, что, право, лучше оставаться при старомъ, при 23-й годъ существующей формочкѣ. Timeo danaos et dona ferentes“ [1]). И дѣйствительно, выяснивъ огромное значеніе адвокатскаго самоуправленія и рѣшительное преимущество надзора Совѣтовъ предъ воздѣйствіемъ окружныхъ судовъ, совѣщаніе тѣмъ не менѣе вноситъ существенныя измѣненія. Хотя, какъ мы только что видѣли, Совѣты относятся весьма щепетильно къ принятію въ число присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ не менѣе проектъ предоставляетъ прокурорскому надзору право протестовать противъ постановленій Совѣта о принятіи. «Постановленія Совѣтовъ,—гласитъ записка,—о принятіи въ присяжные повѣренные касаются интересовъ не однихъ только частныхъ лицъ, но также и цѣлой корпораціи и всего общества. Если допустить даже, что такія постановленія Совѣтовъ, какъ акты самоуправляю-

---

[1]) «Заст. рѣчи», с. 50.

щагося сословія, представляютъ достаточную гарантію въ томъ, что ими не нарушаются интересы этого сословія, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы указанныя постановленія не могли вступать въ колизію съ общими интересами государства, для котораго составъ присяжной адвокатуры, конечно, далеко не безразличенъ» [1]). Смыслъ этого нововведенія самъ собою раскроется, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что прокурорскій надзоръ уже и теперь участвуетъ въ принятіи присяжныхъ повѣренныхъ окружными судами, и, однако, это не гарантировало надлежащаго состава адвокатуры. А съ другой, надо же помнить, что проектъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ отнести къ числу препятствій для вступленія въ присяжные повѣренные состояніе подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, ибо «оффиціально удостовѣренная неблагонадежность или подозрительность лица исключаетъ то довѣріе, которымъ необходимо долженъ пользоваться присяжный повѣренный» [2]). Отсюда совершенно ясно, въ какомъ направленіи долженъ былъ дѣйствовать надзоръ прокурора.

Намѣчая повсемѣстное открытіе Совѣтовъ, совѣщаніе М. В. Красовскаго устанавливало условія, при которыхъ они должны быть открыты. Для этого требуется, чтобы общее число повѣренныхъ въ округѣ судебной палаты достигало 60 человѣкъ, и чтобы въ самомъ городѣ, гдѣ открывается Совѣтъ, имѣли жительство не менѣе 20 повѣренныхъ. При этихъ условіяхъ Совѣтъ долженъ быть открытъ. Но министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ измѣнилъ постановленіе совѣщанія въ томъ смыслѣ, что при указанныхъ условіяхъ Совѣты открываются по предложенію министра юстиціи [3]), а комиссія Н. В. Муравьева сохранила это постановленіе, «принявъ во вниманіе, что общій надзоръ за судебными установленіями сосредоточивается въ лицѣ министра юстиціи» [4]). А такъ какъ, въ случаѣ отсутствія «предложенія», жа-

---

[1]) Совѣщаніе, с. 37; Комиссія Н. В. Муравьева, с. 72.

[2]) Совѣщаніе, с. 10. Въ комиссіи Н. В. Муравьева большинство (въ томъ числѣ участвовавшіе присяжные повѣренные) высказывалось противъ осуществленія такого предположенія (с. 29).

[3]) С. 177.

[4]) С. 51.

ловаться никто не уполномоченъ, то фактически открытіе Совѣтовъ ставится просто въ зависимость отъ добраго желанія г. министра.

Сильный подрывъ сословной самостоятельности наносится предположеніемъ объ изъятіи изъ компетенціи Совѣтовъ такъ называемыхъ délits d'audience, т.-е. проступковъ присяжныхъ повѣренныхъ, совершенныхъ во время судебныхъ засѣданій. Основаніемъ для возбужденія вопроса послужило то соображеніе, что «по дѣламъ этого рода Совѣты не всегда сумѣютъ удержаться въ предѣлахъ сужденія о дѣйствіи, совершенномъ присяжнымъ повѣреннымъ, и нерѣдко будутъ являться въ несвойственной имъ роли судьи между присяжными повѣренными и вышеупомянутыми правительственными установленіями, при чемъ нѣкоторыя постановленія Совѣтовъ, какъ, напримѣръ, объ отказѣ возбудить дисциплинарное производство по сообщенію судебнаго мѣста или лица прокурорскаго надзора, или слишкомъ снисходительныя взысканія по дѣламъ, начатымъ вслѣдствіе такихъ сообщеній, не говоря уже о прямомъ осужденіи лица, съ которымъ произошло столкновеніе присяжнаго повѣреннаго, должны быть признаны несовмѣстимыми съ достоинствомъ суда и прокуратуры» [1]). Большинство въ совѣщаніи встало рѣшительно противъ этого, приводя, между прочимъ, и такое соображеніе, что подобная мѣра привела бы къ умаленію авторитетности Совѣта. Министръ юстиціи, однако, согласился съ меньшинствомъ и внесъ въ свое представленіе правило (ст. 371[1]), согласно коему, судебнымъ мѣстамъ, въ засѣданіяхъ коихъ допущено было «нарушеніе правилъ благопристойности», предоставлялось либо налагать дисциплинарныя взысканія на присяжныхъ повѣренныхъ, либо, для болѣе строгихъ наказаній, сообщать на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Судебной Палаты [2]).

Въ комиссіи Н. В. Муравьева вопросъ этотъ былъ возбужденъ снова, и здѣсь голоса безпорядочно разбились: одна часть (въ томъ числѣ Ѳ. Н. Плевако и В. Д. Спасовичъ) стояли за выдѣленіе délits d'audience и за передачу ихъ

[1]) С. 40.
[2]) С. 221.

на разсмотрѣніе судебныхъ учрежденій, два члена стояли за немедленное разсмотрѣніе ихъ присутствіемъ того суда, въ засѣданіи коего допущено было нарушеніе и, наконецъ, большинство стояло противъ включенія такого новаго правила, указывая, между прочимъ, что многолѣтній опытъ не обнаружилъ ни малѣйшихъ неудобствъ существующаго порядка. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ, по указанію самихъ членовъ комиссіи, предположенія проектовъ носили явно тенденціонный характеръ, и во всякомъ случаѣ отнюдь не были вызваны обнаруженными теченіемъ времени недостатками.

Не менѣе любопытно стремленіе измѣнить порядокъ выбора Совѣта. Совѣщаніе находило, что ежегодное возобновленіе состава имѣетъ то неудобство, что непродолжительный срокъ полномочій не даетъ возможности основательно ознакомиться съ пріемами дѣлопроизводства въ этомъ учрежденіи, а также съ обычаями и воззрѣніями сословія. Въ теченіе года присяжный повѣренный, избранный въ члены Совѣта, только что успѣетъ пріобрѣсти необходимыя для него знанія и опытность, а между тѣмъ въ это время срокъ его полномочій уже истекаетъ, и на его мѣсто можетъ быть избрано другое лицо.

Это соображеніе имѣетъ, однако, чисто абстрактное значеніе. Совѣщаніе тутъ же констатируетъ, что практически «въ судебныхъ округахъ: петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ присяжные повѣренные въ послѣднее время [1]) обыкновенно выбирали въ члены Совѣта однихъ и тѣхъ же лицъ, уже многіе годы вѣдающихъ дѣла ихъ сословія, и никогда почти не обновляли сразу весь составъ Совѣта» [2]). Однако, это обстоятельство не убѣждаетъ Совѣщаніе. По его мнѣнію, «такое положеніе дѣла представляется совершенно случайнымъ. Возможность такихъ (рѣзкихъ) перемѣнъ (въ составѣ) слѣдуетъ предвидѣть», а потому про-

---

[1]) С. 27.

[2]) Какъ уже отмѣчено выше, такая тенденція обнаружилась не только въ послѣднее время, а съ самаго начала существованія Совѣта (с. 176—7). Полное обновленіе состава случилось одинъ разъ въ Москвѣ (с. 179).

ектъ постановляетъ, что выборы происходятъ ежегодно, но съ возобновленіемъ всякій разъ половины его состава. Комиссія Н. В. Муравьева, принимая это предложеніе, прибавляетъ ко всѣмъ приведеннымъ разсужденіямъ, которыя она дословно повторяетъ, еще и ссылку на книгу Арсеньева «С.-Петербургская присяжная адвокатура» [1]). Но именно изъ этой книги и видно, что постоянство обнаруживалось не только въ послѣднее время, а всегда.

Во всякомъ случаѣ, пусть это новое правило вполнѣ разумно и вполнѣ цѣлесообразно. Одно нужно признать, что и это измѣненіе отнюдь не вызывалось выяснившейся позднѣйшей практикой и несоотвѣтствіемъ особенностямъ общественнаго склада и народнаго быта Россіи, и т. п.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить и такую мелкую, но характерную подробность. Устанавливая дисциплинарную отвѣтственность Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣщаніе вмѣстѣ съ тѣмъ «остановилось на 265 ст. учр. суд. уст., предоставляющей кассаціоннымъ департаментамъ Прав. Сената право, въ случаѣ коллегіальной виновности судебныхъ мѣстъ, дѣлать имъ предостереженія или замѣчанія въ цѣломъ ихъ составѣ присутствія». Совѣщаніе находитъ необходимымъ примѣнить это правило и къ Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Адвокатура, особенно московская, протестовала противъ этого предположенія, находя, что при такихъ условіяхъ дѣятельность Совѣта должна раздвоиться. Съ одной стороны, онъ долженъ будетъ исполнять волю сословія, съ другой—предписаніе власти. Между тѣмъ, въ объяснительной запискѣ къ проекту нѣтъ ни единаго указанія, чтобы измѣненіе существующаго порядка надзора вытекало изъ дѣйствительной потребности.

Но если даже оставить въ сторонѣ эти принципіальныя возраженія, если согласиться съ установленіемъ дисциплинарнаго надзора за Совѣтомъ, то нельзя не отмѣтить, что, по мнѣнію Совѣщанія, по отношенію къ Совѣтамъ право дѣ-

---

[1]) Ссылка, повидимому, ошибочна. Названное сочиненіе принадлежитъ не Арсеньеву, а Макалинскому.

лать предостереженія и замѣчанія слѣдовало бы предоставить не Прав. Сенату, а особымъ присутствіямъ Судебной Палаты.

Съ этой же точки зрѣнія нужно разсматривать и предложеніе проекта дополнить систему дисциплинарныхъ взысканій установленіемъ денежнаго штрафа. Ибо совершенно правильно указывали всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи присяжные повѣренные, что значеніе всѣхъ мѣръ взысканія, установленныхъ въ 368 ст. учр. суд. уст., основывается на авторитетѣ нравственнаго осужденія. Денежный же штрафъ принадлежитъ къ категоріи наказаній, не затрагивающихъ чувства чести и самолюбія и дѣйствующихъ, главнымъ образомъ, силою связанныхъ съ нимъ матеріальныхъ лишеній [1]). Въ комиссіи Н. В. Муравьева большинство отвергало это предложеніе, находя, что установленіе штрафа повело бы къ умаленію нравственнаго авторитета Совѣта, въ которомъ и заключается внутреннее основаніе воздѣйствія его на сословіе [2]).

При обсужденіи вопроса о запрещеніи совмѣстительства обязанностей присяжнаго повѣреннаго съ состояніемъ на государственной службѣ, вспыхнулъ старый споръ, не допустить ли изъятія въ пользу профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ. При составленіи судебныхъ уставовъ за допущеніе такого изъятія высказалось лишь меньшинство [3]). Теперь въ Совѣщаніи М. В. Красовскаго и Комиссіи Н. В. Муравьева вопросъ былъ рѣшенъ почти единогласно, при чемъ изъятіе распространено и на чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ по судебной части. Въ Совѣщаніи противъ этого высказался одинъ только предсѣдатель харьковскаго Совѣта, С. Ѳ. Морошкинъ [4]), а въ Комиссіи—сенаторъ Н. Н. Шрейберъ и предсѣдатель петербургскаго Совѣта В. О. Люстихъ. А между тѣмъ, чтобы оцѣнить значеніе вводимаго изъятія, достаточно указать, что совмѣщеніе съ означенными должностями званія

---

[1]) С. 31.
[2]) С. 66.
[3]) См. выше, с. 107.
[4]) С. 9.

присяжнаго повѣреннаго, «само собой разумѣется», допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія служебнаго начальства. Но, какъ указано въ замѣчаніяхъ спб. присяжныхъ повѣренныхъ, «начальство, давъ разрѣшеніе, можетъ его взять и обратно, и, слѣдовательно, адвокатская дѣятельность этихъ лицъ будетъ постоянно зависѣть отъ начальственнаго усмотрѣнія» [1]).

Чтобы закончить выясненіе основныхъ тенденцій проектовъ, необходимо остановиться еще на допущеніи въ адвокатуру лицъ нехристіанскихъ исповѣданій. Хотя объяснительная записка и указываетъ, что это вопросъ частный, но онъ именно и стоялъ въ центрѣ вниманія. Несмотря на простоту свою, вопросъ вызвалъ серьезное разногласіе и въ Совѣщаніи М. В. Красовскаго и въ Комиссіи Н. В. Муравьева. На одной сторонѣ и въ Совѣщаніи и въ Комиссіи стоялъ В. О. Люстихъ — въ полномъ одиночествѣ, доказывая, что «евреи такіе же граждане въ составѣ населенія Имперіи, какъ и лица прочихъ вѣроисповѣданій, что наравнѣ съ послѣдними они отбываютъ въ пользу государства разныя подати и повинности, и что въ виду этого было бы крайне несправедливо лишать ихъ возможности заниматься адвокатскимъ трудомъ [2]). На другой сторонѣ находился въ Совѣщаніи П. П. Кобылинскій, который предлагалъ радикальное рѣшеніе, запретивъ, вообще, пріемъ евреевъ въ присяжные повѣренные. Къ этому мнѣнію не только присоединился предсѣдатель харьковскаго Совѣта прис. повѣренныхъ С. Ф. Морошкинъ, но онъ пошелъ еще дальше и предложилъ постановить, чтобы въ присяжные повѣренные могли быть принимаемы только лица отъ рожденія христіанскаго исповѣданія. Остальные члены Комиссіи избрали компромиссное рѣшеніе, предлагая опредѣленное или мѣняющееся процентное отношеніе.

Совершенно такая же картина развернулась и въ Комиссіи Н. В. Муравьева. Позиція С. Ф. Морошкина была за-

---

[1]) Замѣчанія, с. 9.

[2]) Въ комиссіи Н. В. Муравьева В. О. Люстихъ ссылался на то, что, съ полученіемъ университетскаго образованія, особенности, свойственныя еврейскому племени, въ значительной мѣрѣ сглаживаются.

нята присяжными повѣренными П. А. Корсаковымъ и Ѳ. Н. Плевако. Они соглашались допустить нѣкоторый процентъ евреевъ въ адвокатуру (второй до 15 и даже до 20%, а первый—не болѣе 10%), но съ тѣмъ, чтобы запрещеніе распространялось и на лицъ нехристіанскаго происхожденія. В. Д. Спасовичъ выступилъ съ предложеніемъ 15%, нѣкоторые предлагали дѣлать разницу въ величинѣ процента между чертой осѣдлости и остальными мѣстностями. Остальные же члены, произведя сложныя ариѳметическія вычисленія, пришли къ заключенію, что при 10% нормѣ евреи никакъ не могутъ составить большинства и, слѣдовательно, нѣтъ основаній опасаться ихъ руководящей роли.

Кромѣ того, былъ еще поставленъ вопросъ о дополнительномъ ограниченіи, а именно, не слѣдуетъ ли присяжныхъ повѣренныхъ нехристіанскаго исповѣданія не допускать въ Совѣты. Конечно, и по этому вопросу обнаружилось разногласіе. Въ Совѣщаніи къ В. О. Люстиху присоединились еще два представителя присяжной адвокатуры—В. Н. Герардъ и П. В. Макалинскій, полагавшіе, что разъ лицо принято въ присяжные повѣренные, то нельзя допускать дальнѣйшихъ разслоеній, ибо это не соотвѣтствовало бы требованіямъ справедливости и понятію о томъ достоинствѣ, которое всегда должно принадлежать званію присяжнаго повѣреннаго. Въ Комиссіи Н. В. Муравьева П. В. Макалинскій уже, повидимому, измѣнилъ свой взглядъ на требованія справедливости и достоинства адвокатуры и, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ и А. А. Крюковымъ, въ ряду большинства членовъ Комиссіи, предлагалъ не допускать евреевъ на должности предсѣдателя и товарища предсѣдателя Совѣта. Это предложеніе, въ свою очередь, являлось уже компромиссомъ. Меньшинство, имѣя въ своемъ составѣ Корсакова и Плевако, находило, что Совѣты, являясь представителями адвокатскаго сословія, несомнѣнно имѣютъ весьма важное вліяніе на составъ присяжной адвокатуры и на выработку въ средѣ ея профессіональныхъ нравственныхъ воззрѣній. Исходя отсюда, Ѳ. Н. Плевако полагалъ, что евреевъ слѣдуетъ допускать въ Совѣты въ количествѣ не болѣе $^{1}/_{3}$ всего состава, другіе находили нужнымъ уменьшить эту часть до $^{1}/_{5}$, и по

мнѣнію П. А. Корсакова, присяжные повѣренные нехристіане вовсе не должны быть допускаемы въ Совѣты [1]). Изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ остался одинъ только В. О. Люстихъ, возстававшій противъ введенія какихъ бы то ни было ограниченій. Къ нему изъ состава Комиссіи присоединился еще покойный сенаторъ Закревскій, извѣстный своими выступленіями по дѣлу Дрейфуса.

Выше было уже отмѣчено, что тенденція ограничить права евреевъ находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ теченіемъ, которое все сильнѣе пробивалось въ нашемъ обществѣ. Но чтобы судить, насколько предлагаемыя проектами ограниченія не вызывались реальными условіями дѣйствительности, достаточно привести одно практическое соображеніе изъ «Замѣчаній» петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. По поводу указанія на растлѣвающее вліяніе евреевъ, «Замѣчанія» говорятъ: «По статистикѣ самой объяснительной записки, въ московскомъ округѣ оказывается изъ 346 присяжныхъ повѣренныхъ 16 евреевъ, а въ Петербургѣ изъ 419—57, т.-е. въ первомъ менѣе 5%, а во второмъ—13,4%. Между тѣмъ, никто изъ лицъ, знакомыхъ съ жизнью адвокатуры, не рѣшится утверждать, что адвокатура петербургскаго округа стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи ниже адвокатуры московскаго округа. При этомъ надо замѣтить, что строгость и требовательность петербургскаго Совѣта снискали ему заслуженное уваженіе не только въ средѣ адвокатуры и въ судебныхъ сферахъ, но и въ публикѣ. Еще рельефнѣе получится картина, если принять во вниманіе, что въ отчеты Совѣтовъ попадаютъ и дѣла о помощникахъ прис. повѣренныхъ, въ средѣ которыхъ въ Петербургѣ 37% евреевъ, т.-е. опять-таки гораздо болѣе, чѣмъ въ Москвѣ (11%)» [2]).

Московская адвокатура въ своихъ замѣчаніяхъ совершенно обошла вопросъ объ ограниченіяхъ евреевъ. Повидимому, это явилось результатомъ компромисса, ибо въ черновикахъ, сохранившихся въ «Дѣлѣ объ адвокатурѣ», имѣются

---

[1]) С. 41.
[2]) С. 12.

предложенія предоставить Совѣтамъ уменьшать до пяти процентовъ ограничительную норму, и даже совсѣмъ воспретить пріемъ евреевъ.

Переходнымъ пунктомъ отъ политически тенденціозной части проектовъ къ дѣловой сторонѣ явился вопросъ о раздѣленіи адвокатскаго сословія на два класса (avocats et avoués, barristers and sollicitors). Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, поднимался и при составленіи судебныхъ уставовъ, но не остановилъ на себѣ серьезнаго вниманія; въ Совѣщаніи М. В. Красовскаго онъ уже и не возникалъ, а въ Комиссіи Н. В. Муравьева этотъ вопросъ поставленъ былъ В. Д. Спасовичемъ, но и здѣсь не вызвалъ сочувствія. Къ В. Д. Спасовичу частично присоединились: сенаторы Н. Л. Желеховскій, А. Ѳ. Кони и А. Л. Боровиковскій, соглашавшіеся, что исполненіе судебныхъ рѣшеній не должно входить въ кругъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ. Но всѣ остальные присяжные повѣренные присоединились къ большинству Комиссіи, полагавшему, что «дѣйствующій порядокъ не стѣсняетъ свободы дѣйствій тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые желали бы посвятить свою дѣятельность исключительно письменной и устной защитѣ правъ тяжущихся на судѣ, предоставляя имъ полную возможность принимать на себя веденіе дѣлъ только на этихъ условіяхъ, а съ другой стороны, онъ долженъ быть признанъ наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ населенія, не налагая на тяжущихся излишней тяготы по пріисканію себѣ по каждому дѣлу двухъ повѣренныхъ... Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣйствія по исполненію рѣшеній требуютъ нерѣдко большой опытности и знанія, и посему было бы несправедливо лишать тяжущихся права обратиться за содѣйствіемъ и по этому предмету къ присяжнымъ повѣреннымъ». Какова бы ни была сама по себѣ цѣнность всѣхъ этихъ соображеній, любопытно, что они совсѣмъ не встрѣчаются съ доводами, приводимыми сторонниками раздѣленія сословія. Для послѣднихъ основаніемъ служила увѣренность, что такое дѣленіе послужитъ къ поднятію адвокатуры [1]). А такъ какъ это-то и составляло,—по словамъ объ-

[1]) Особое мнѣніе Желеховскаго, Кони, с. 201.

яснительной записки,—основную задачу Комиссіи, то недостаточность приведенныхъ чисто практическихъ, житейскихъ соображеній можетъ считаться безспорной.

Въ связи съ дѣленіемъ сословія на два класса, стоитъ и вопросъ объ организаціи помощничества. Здѣсь, какъ извѣстно, въ судебныхъ уставахъ оставалась tabula rasa, а практика все время колебалась между началами личнаго и сословнаго патроната. Въ восьмидесятыхъ годахъ принципъ личнаго патроната сталъ одерживать верхъ и получилъ наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе въ московскихъ правилахъ 3 марта 1890 г. [1]), совершенно упразднившихъ всякую сословную подготовку. Естественно поэтому, что Совѣщаніе и Комиссія тоже рѣшительно стали на сторону личнаго патроната, причемъ Комиссія Муравьева, въ отличіе отъ общаго правила, не ограничивается воспроизведеніемъ соображеній, высказанныхъ Совѣщаніемъ М. В. Красовскаго, но проявляетъ принципіальную самостоятельность. Совѣщаніе довольствуется указаніемъ на необходимость избѣгать возможности фиктивныхъ отношеній между присяжными повѣренными и ихъ помощниками. Исходя отсюда, Совѣщаніе проектируетъ, въ цѣляхъ внимательнаго наблюденія за дѣятельностью помощниковъ, допущеніе не болѣе одного помощника при присяжномъ повѣренномъ, и лишь въ случаѣ обширной практики, и каждый разъ съ особаго разрѣшенія Совѣта—двухъ. Комиссія Муравьева ставитъ вопросъ ребромъ и находитъ, что «наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ ознакомленія помощника съ практикой судебныхъ установленій и преподаванія ему правилъ предстоящей дѣятельности—надлежитъ признать личное, непосредственное руководство его кѣмъ-либо изъ присяжныхъ повѣренныхъ».

Насколько это предложеніе соотвѣтствовало господствовавшимъ взглядамъ, можно видѣть изъ того, что среди представителей адвокатуры въ Совѣщаніи и въ Комиссіи не раздалось ни одного голоса противъ личнаго патроната. Одинъ

---

[1]) См. выше, с. 292 сл.

только С. Ф. Морошкинъ полагалъ, что максимумъ числа помощниковъ, зачисляемыхъ у одного и того же присяжнаго повѣреннаго, или вовсе не долженъ быть опредѣляемъ въ законѣ, или долженъ быть повышенъ до 3, 4 или даже до пяти. Однако, С. Ф. Морошкинъ отнюдь не оспариваетъ взглядовъ совѣщанія по существу. Онъ лишь полагаетъ, что a priori и для всѣхъ случаевъ невозможно разрѣшить вопросъ о томъ, сколькимъ помощникамъ каждый присяжный повѣренный можетъ дать работу и для какого числа онъ можетъ быть дѣйствительнымъ и полезнымъ руководителемъ.

«Замѣчанія спб. присяжныхъ повѣренныхъ» доходятъ только до той [1]) статьи, съ которой начинается урегулированіе положенія помощничества и, слѣдовательно, вопроса о патронатѣ не касаются. Но комиссія, избранная общимъ собраніемъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, категорически высказалась противъ личнаго патроната. По ея мнѣнію, профессіональное обученіе стажіеровъ какъ практикѣ веденія дѣлъ, такъ и этическимъ правиламъ и обычаямъ адвокатуры должно быть организовано Совѣтомъ прис. повѣренныхъ такимъ образомъ, чтобы оно доступно было каждому стажіеру, независимо отъ того, нашелъ ли онъ себѣ личнаго патрона или нѣтъ, и чтобы руководство этимъ обученіемъ, а также наблюденіе за веденіемъ дѣлъ помощниками возложено было Совѣтомъ на особо избранныхъ, опытныхъ членовъ сословія, чтобы обученіе это производилось въ небольшихъ группахъ помощниковъ и носило, главнымъ образомъ, практическій характеръ [2]). При этомъ важно еще отмѣтить, что, отвергая предложенія проекта, Комиссія именно и ссылается на указанія опыта, которыя,—по увѣренію объяснительной записки,—служили для нея путеводной нитью. Отношенія между помощниками присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ личными патронами,—читаемъ мы здѣсь,—въ настоящее время фиктивны, это признаютъ и авторы проекта. Въ объяснительной запискѣ по этому поводу говорится: «Опытъ доказываетъ, что присяжные повѣ-

---

[1]) С. 134.

[2]) «Замѣчанія», с. 2.

ренные нынѣ часто **не имѣютъ дѣйствительнаго наблюденія** за состоящими при нихъ помощниками» (стр. 209). «При установленіи правилъ для помощниковъ, необходимо болѣе всего избѣгать возможности **фиктивныхъ отношеній** между присяжными повѣренными и ихъ помощниками» (стр. 201).

Такимъ образомъ, составители проекта признали, что примѣнявшіяся Совѣтами до сихъ поръ мѣры къ установленію фактическихъ, а не мнимыхъ, отношеній между патронами и ихъ помощниками, какъ-то: «обязательство патрона при припискѣ къ нему помощника, что онъ принимаетъ его въ качествѣ фактическаго помощника, завѣреніе патронами годичныхъ отчетовъ ихъ помощниковъ Совѣту о ихъ дѣятельности, удостовѣреніе въ томъ, что дѣла велись подъ ихъ наблюденіемъ и руководствомъ, и пр., оказались недѣйствительными».

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ, какъ бы ни относиться къ предположеніямъ проектовъ, во всякомъ случаѣ, нужно признать, что они не основаны на указаніяхъ опыта, который скорѣе должно было толковать въ противоположномъ направленіи. Устанавливая личный патронатъ, проекты, однако, не исключаютъ и групповыхъ занятій помощниковъ. Объяснительная записка Совѣщанія прямо говоритъ объ обязательныхъ практическихъ занятіяхъ по изученію права въ юридическихъ конференціяхъ, колоннахъ и т. п. учрежденіяхъ, которыя будутъ образовываться при Совѣтахъ. Комиссія Муравьева даетъ болѣе глухое указаніе на «практическія занятія по изученію права и судопроизводства», безъ всякихъ упоминаній о конференціи, колоннѣ и т. д. [1]).

Само собой разумѣется, что и Совѣщаніе, и Комиссія совершенно исключили самоуправленіе помощниковъ, которое, однако, успѣло уже пустить глубокіе корни. Поэтому комиссія помощниковъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ снова могла сослаться на то, что «25-тилѣтній опытъ дѣятельности общихъ собраній помощниковъ присяжныхъ повѣрен-

---

[1]) С. 148.

ныхъ и выборной Комиссіи ихъ, въ качествѣ постояннаго органа, коему ввѣрена защита правъ и интересовъ помощниковъ,—несомнѣнно доказалъ пользу участія самихъ помощниковъ въ разрѣшеніи Совѣтомъ дѣлъ, касающихся непосредственно однихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ дѣлахъ о принятіи новыхъ лицъ въ среду помощниковъ Комиссія всегда имѣла возможность собрать болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о просителяхъ чрезъ ихъ ближайшихъ товарищей по университету, уже принятыхъ въ сословіе, чѣмъ то могъ бы сдѣлать Совѣтъ собственными силами. Въ то время какъ Совѣту пришлось бы ограничиться письменными запросами и отвѣтами, члены Комиссіи собирали свѣдѣнія путемъ личныхъ устныхъ разспросовъ и бесѣдъ съ лицами, могущими сообщить необходимыя свѣдѣнія о личности и жизни просителей.

По вопросамъ объ организаціи профессіональнаго обученія помощниковъ Комиссія оказала Совѣту очень дѣятельную помощь путемъ разработки разнаго рода проектовъ: и въ организаціи конференцій, и въ дѣлѣ веденія безплатныхъ уголовныхъ защитъ на выѣздныхъ сессіяхъ, и въ устройствѣ веденія дѣлъ бѣдныхъ (консультація при Мировомъ Съѣздѣ, окраинныя консультаціи) помощники принимали самое дѣятельное и живое участіе и тѣмъ облегчили въ значительной степени Совѣту организацію профессіональнаго обученія помощниковъ» [1]).

Противъ личнаго патроната рѣшительно высказалась московская Комиссія, находя, что нельзя ставить въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія полученіе званія присяжнаго повѣреннаго. Личный патронатъ, по убѣжденію Комиссіи, можетъ подготовить опытныхъ дѣльцовъ и ходатаевъ, но онъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ можетъ подготовить адвоката-юриста, который способенъ отнестись къ каждому дѣлу съ принципіальной точки зрѣнія, съ пониманіемъ задачъ общественнаго служенія адвокатуры и усвоившаго себѣ всѣ необходимыя для дѣятельности присяжнаго повѣреннаго правила адвокатской этики.

---

[1]) С. 21, 22.

Напротивъ, петроградскій Совѣтъ, обсуждая заключеніе помощниковъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался за личный патронатъ, который отнюдь не обнаружилъ своей практической непригодности. Личный патронатъ, какъ онъ проводится законопроектомъ, существовалъ до сихъ поръ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, но эти исключительные случаи, напротивъ, именно доказываютъ, что дѣйствительная совмѣстная работа помощника съ патрономъ вырабатываетъ изъ него адвоката, вполнѣ приготовленнаго для самостоятельной адвокатской дѣятельности. А попытки, сдѣланныя въ направленіи введенія сословнаго патроната, скорѣе выяснили,—какъ то высказано и комиссіею присяжныхъ повѣренныхъ, избранной въ концѣ 1883 г.,—что сословный патронатъ поведетъ къ руководительству болѣе призрачному, нежели дѣйствительному. Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ не становится на ту точку зрѣнія, какой придерживались упомянутыя выше правила 3 марта 1890 г., изданныя московскимъ Совѣтомъ. Совѣтъ вполнѣ понимаетъ необходимость сословной организаціи помощниковъ, воспитанія ихъ въ духѣ товарищества и сословныхъ традицій, и полагаетъ, что личный патронатъ нисколько не будетъ препятствовать установленію сословіемъ такихъ мѣръ, которыя предотвратятъ превращеніе общества помощниковъ въ живущихъ своею отдѣльною жизнью единичныхъ сотрудниковъ своихъ патроновъ.

Существенное нововведеніе проектовъ, соотвѣтствовавшее единодушно высказывавшимся въ печати пожеланіямъ, заключалось въ томъ, что стажъ помощника уменьшался до трехъ лѣтъ, и что между помощниками и частными повѣренными проводилась рѣзкая грань. Помощники освобождались отъ обязанности выбирать свидѣтельства на веденіе дѣлъ и подчинялись исключительно надзору и дисциплинарной компетенціи Совѣта.

Другой практическій вопросъ, не сходившій съ очереди во все время дѣйствія судебныхъ уставовъ, заключался въ осуществленіи «перспективы въ неопредѣленномъ будущемъ» адвокатской монополіи въ видѣ объявленія комплекта. «Сохраненіе такой неопредѣленности представлялось Совѣщанію и Комиссіи нетерпимымъ. Это означало бы укрѣпить въ

законодательствѣ существенныя и неразрѣшимыя противорѣчія. Тогда оказалось бы, что, ограничивая, вообще, свободу адвокатской профессіи, законодательство допускаетъ параллельное существованіе двухъ институтовъ судебныхъ повѣренныхъ, существенно различныхъ по условіямъ вступленія въ нихъ и обстановкѣ ихъ дѣятельности и совершенно почти равныхъ по ихъ профессіональнымъ правамъ. По разуму одного института слѣдуетъ, что для веденія чужихъ гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ необходимо высшее юридическое образованіе, опытность, даваемая продолжительной судебной практикой, и нравственныя качества, за которыя ручается выборный органъ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ. По началамъ другого института оказывается, что для веденія тѣхъ же дѣлъ въ тѣхъ же судебныхъ учрежденіяхъ не требуется ни юридическаго образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, ни основательнаго знакомства съ судебной практикой, а представляется совершенно достаточнымъ имѣть познанія и обладать тѣми нравственными качествами, которыя указанныя въ законѣ судебныя мѣста признаютъ нужными для того, чтобы выдать лицу свидѣтельство на право вести чужія дѣла. Ничѣмъ не оправдываемой непослѣдовательностью и несправедливостью явились бы также въ этомъ случаѣ тѣ обязанности, которыя связаны съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, и отъ которыхъ совершенно свободны частные повѣренные [1]).

Нетрудно замѣтить, что объяснительная записка весьма точно воспроизводитъ тѣ соображенія, которыя высказывались въ печати въ свое время, при самомъ изданіи закона о частныхъ повѣренныхъ [2]), и можно лишь удивляться, какъ рѣшилось правительство такъ долго терпѣть такую, «ничѣмъ неоправдываемую непослѣдовательность и несправедливость». Но прошло засимъ еще 15 лѣтъ, и Комиссія Муравьева съ такимъ же смиреніемъ повторила всѣ приведенныя самообвиненія, что, однако, и впредь не помѣшало ничѣмъ не-

[1]) С. 52.
[2]) См. выше, с. 230 сл.

оправдываемой непослѣдовательности сохранить всю свою силу.

Въ Совѣщаніи М. В. Красовскаго, все же, было два члена, возстававшіе противъ комплекта на томъ основаніи, которое выставлялось еще во времена составленія судебныхъ уставовъ, а именно, что «монополія присяжныхъ повѣренныхъ не соотвѣтствовала бы интересамъ населенія». Хотя Совѣщаніе и не согласилось съ этими теченіями и представило противъ нихъ обстоятельныя возраженія, однако, они, повидимому, имѣли огромное вліяніе на установленіе различныхъ оговорокъ къ установленному комплекту. Монополія присяжныхъ повѣренныхъ не распространяется на дѣла мировой подсудности, на нѣкоторыя дѣла охранительнаго судопроизводства и на дѣла упрощеннаго судопроизводства. Кромѣ того, значительно расширенъ кругъ лицъ, которымъ и послѣ установленія комплекта тяжущіеся въ правѣ выдавать довѣренности на веденіе дѣлъ.

Въ Комиссіи Муравьева никакихъ принципіальныхъ разногласій уже не возникало (осталось только одно разногласіе по частному вопросу о способѣ установленія комплекта). Тѣмъ не менѣе, Комиссія внесла еще нѣсколько оговорокъ во всѣхъ направленіяхъ (мировая подсудность замѣнена участковой, гораздо болѣе широкой; количество дѣлъ охранительнаго производства увеличено; нѣкоторыя судебныя дѣйствія дозволено совершать не только частнымъ повѣреннымъ, но всѣмъ вообще лицамъ, которымъ не воспрещено быть повѣренными на судѣ). Въ связи съ установленіемъ комплекта, проекты вводятъ обязанность присяжныхъ повѣренныхъ защищать подсудимыхъ по назначенію не только въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, но и при выѣздахъ его для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ.

Вся эта постановка вопроса о комплектѣ, какъ уже замѣчено выше, не вызвала возраженій и со стороны присяжныхъ повѣренныхъ, членовъ Совѣщанія и Комиссіи. Но что еще болѣе замѣчательно—этотъ вопросъ составилъ, пожалуй, единственное измѣненіе судебныхъ уставовъ, по которому никакихъ возраженій со стороны сословія присяжныхъ повѣренныхъ не послѣдовало. «Замѣчанія» вносятъ лишь одну по-

правку о выдачѣ выѣзжающему на сессію защитнику прогоновъ отъ казны, ибо «было бы несправедливо, обязывая присяжнаго повѣреннаго жертвовать обществу своимъ трудомъ, обязывать его жертвовать и своими матеріальными средствами. Вписать расходы по поѣздкѣ на счетъ общесословныхъ сборовъ съ присяжныхъ повѣренныхъ, при существованіи цѣлаго ряда сословныхъ нуждъ, удовлетворяемыхъ изъ этихъ сборовъ, также представляется нежелательнымъ» [1]).

Въ заключеніе, еще необходимо остановиться на вопросѣ о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ, который, какъ извѣстно, не мало занималъ общественное вниманіе. По этому вопросу между Совѣщаніемъ и Комиссіей имѣется огромная разница. Совѣщаніе ограничило свою задачу пересмотромъ таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣйствующія постановленія и порядокъ составленія и изданія таксы, повидимому, оказались непримѣнимыми и мало удобными... Предусматривалась необходимость согласовать таксу съ измѣняющимися потребностями жизни,—ст. 376 учр. суд. уст. постановляетъ о срочномъ пересмотрѣ таксы черезъ каждые три года. Однако, двадцатилѣтнее существованіе безъ измѣненія временной таксы, составленной для округовъ судебныхъ палатъ с.-петербургской и московской и распространенной по округамъ остальныхъ палатъ, впредь до составленія особой таксы для каждаго округа, въ полной мѣрѣ указало на неосуществимость такого срочнаго пересмотра. Въ виду этого, Совѣщаніе признало наиболѣе цѣлесообразнымъ изданіе одной общей таксы, утверждаемой въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, и не на опредѣленный срокъ, а впредь до ея измѣненія [2]).

Что же касается Комиссіи Н. В. Муравьева, то она подняла вопросъ о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ на принципіальную высоту. Гораздо больше, нежели таксой, Комиссія интересовалась соглашеніемъ довѣрителя съ повѣ-

---

[1]) С. 115.
[2]) С. 70, 71.

реннымъ. «Правила о вознагражденіи по соглашенію,—говоритъ Комиссія,—относятся въ одинаковой степени какъ къ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, при чемъ законъ не устанавливаетъ никакихъ ограниченій, касающихся упомянутыхъ соглашеній, а опытъ показываетъ, что размѣръ вознагражденія повѣренному весьма нерѣдко ставится сторонами въ зависимость отъ исхода дѣла». «Такое положеніе дѣла требуетъ,—по мнѣнію Комиссіи,—вмѣшательства государственной власти». Ибо Комиссія находитъ, что «подобныя условія, не заключая въ себѣ ничего предосудительнаго въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ, въ коихъ судъ разсматриваетъ спорныя отношенія въ предѣлахъ представляемыхъ сторонами доказательствъ, подтверждающихъ права его довѣрителя, совершенно, однако, неумѣстны относительно дѣлъ уголовныхъ, по коимъ задача защитника заключается не въ обѣленіи преступника или въ перенесеніи отвѣтственности съ дѣйствительнаго виновника на лицо неповинное, но въ содѣйствіи суду въ раскрытіи истины. Отсюда Комиссія дѣлаетъ выводъ о необходимости запретить включеніе въ договоры о вознагражденіи за защиту по уголовному дѣлу условій, ставящихъ размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ приговора, какой по дѣлу послѣдуетъ» [1]).

Теоретическое и практическое значеніе этого вывода совершенно стушевывается передъ сущностью тѣхъ соображеній, на которыхъ выводъ основанъ. Это дѣленіе задачъ защиты по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, это противопоставленіе дѣятельности адвоката по гражданскому дѣлу—содѣйствію суду въ раскрытіи истины, составляющему задачу адвоката по уголовному дѣлу, не можетъ не вызывать глубокаго недоумѣнія. «Слѣдуетъ ли отсюда, — справедливо спрашиваетъ М. М. Винаверъ [2])—что въ дѣлахъ гражданскихъ въ этомъ именно (т.-е. въ обѣленіи виновнаго и очерненіи невиннаго) состоитъ задача защитника? А съ другой стороны, что надо понимать подъ содѣйствіемъ раскрытію истины въ дѣлахъ уголовныхъ?» «Всякій защитникъ,—говоритъ

---

[1]) С. 119, 120.

[2]) Очерки объ адвокатурѣ, с. 30.

проф. Фойницкій, — обязанъ употребить всѣ законные способы, служащіе къ опроверженію обвиненія и облегченію участи подсудимаго. Онъ измѣнитъ своему долгу, оказывая какую бы то ни было помощь обвиненію... Правосудію нужно знать не личное мнѣніе защитника о дѣлѣ, а тѣ доводы и соображенія, которыя могутъ быть приведены въ пользу подсудимаго... Самымъ грубымъ нарушеніемъ долга защиты было бы признаніе защитникомъ обвинительныхъ доказательствъ, отвергаемыхъ подсудимымъ, а тѣмъ болѣе представленіе суду противъ него какихъ-нибудь новыхъ доказательствъ» [1]).

Все, что здѣсь сказано, составляетъ въ сущности трюизмъ, который можно найти въ любомъ учебникѣ для студентовъ. Но оффиціальная мысль застыла на одномъ мѣстѣ. Въ 1878 г. министерское представленіе искренно изумлялось тому, что адвокаты защищаютъ сознавшихся подсудимыхъ, а въ 1900 г. объяснительная записка, противопоставляя уголовныя дѣла гражданскимъ, требуетъ только для уголовныхъ дѣлъ содѣйствія суду въ раскрытіи истины.

Практическій выводъ изъ этихъ теоретическихъ соображеній заключается въ запрещеніи включать въ договоры о вознагражденіи по уголовному дѣлу условія, ставящія размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ приговора, какой по дѣлу послѣдуетъ [2]).

Другое весьма важное нововведеніе состоитъ въ предоставленіи Совѣтамъ права уменьшать до размѣра, опредѣленнаго таксой, условленное въ договорѣ вознагражденіе присяжному повѣренному за веденіе судебнаго дѣла во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе это представляется чрезмѣрнымъ, по несоотвѣтствію его ни особымъ знаніямъ и опытности присяжнаго повѣреннаго, ни сложности и важности дѣла, съ тѣмъ, чтобы условія о неустойкѣ, которыя

---

[1]) «Защита въ уголовномъ процессѣ», с. 20.
[2]) Объяснит. записка Высоч. учрежд. Комиссіи, т. III, ч. 2, стр. 120.

могли бы быть заключены въ намѣреніи уклониться отъ дѣйствія правила, изложеннаго въ настоящей статьѣ, признавались недѣйствительными [1]).

Противъ этого начала вмѣшательства публичной власти въ частно-правовыя отношенія, которое все шире пробиваетъ себѣ дорогу въ современныхъ гражданскихъ уложеніяхъ, трудно было бы возразить что-либо по существу. Но не характерно ли, что это чуждое нашимъ гражданскимъ законамъ начало впервые и совершенно обособленно примѣняется въ отношеніяхъ между адвокатами и ихъ довѣрителями? А между тѣмъ Комиссія сразу заходитъ здѣсь такъ далеко, что предоставляетъ Совѣтамъ ограничивать дѣйствіе заключенныхъ повѣренными договоровъ о вознагражденіи также и по своему усмотрѣнію, внѣ зависимости отъ того, поступила ли по этому предмету жалоба отъ заинтересованныхъ лицъ [2]). Комиссія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ отнеслась совершенно отрицательно къ такой постановкѣ вопроса объ адвокатскомъ гонорарѣ. Комиссія находила, что: «Воспрещеніе опредѣлять различную мѣру вознагражденія за уголовную защиту, въ зависимости отъ исхода дѣла, мотивируется въ объяснительной запискѣ (т. III, стр. 119 и 120) тѣмъ, что «по уголовнымъ дѣламъ задача защитника заключается не въ обѣленіи преступника или въ перенесеніи отвѣтственности съ дѣйствительнаго виновника на лицо неповинное, но въ содѣйствіи суду въ раскрытіи истины... Очевидно, что допускать въ сихъ послѣд-

---

[1]) Въ практикѣ Петр. Совѣта въ 1896 г. былъ случай, когда Совѣтъ, впервые отступивъ отъ принципа невмѣшательства въ условія о вознагражденіи, нашелъ возможнымъ урѣзать выговоренный гонораръ. См. протоколъ общаго собранія 15 апрѣля 1896 г.

[2]) Наиболѣе горячимъ противникомъ адвокатскихъ гонораровъ выступилъ въ Комиссіи А. Л. Боровиковскій, бывшій присяжный повѣренный, о которомъ упоминалось выше (с. 171—2) въ связи съ дѣломъ Овсянникова. Онъ допускалъ по уголовнымъ дѣламъ только добровольную благодарность отъ подсудимаго, по дѣламъ гражданскимъ—только словесные договоры, отнюдь не обезпеченные исками. Единственная форма суда, какая можетъ быть въ этихъ случаяхъ допускаема, это судъ третейскій. За проигранное дѣло гонорара не полагается. Требованіе гонорара за веденіе проиграннаго дѣла сугубо предосудительно.

нихъ дѣлахъ соглашенія, ставящія размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ того или иного исхода дѣла, значитъ допускать недостойный торгъ правосудіемъ и судьбой подсудимаго». Изъ приведенныхъ соображеній, если бы они сами по себѣ были правильны, возможно было бы сдѣлать только одинъ, вполнѣ неизбѣжный, выводъ—безусловное запрещеніе принятія какого бы то ни было гонорара за уголовныя защиты или, по меньшей мѣрѣ, соглашенія о таковомъ. Если дѣятельность защитника по уголовному дѣлу исчерпывается «содѣйствіемъ суду въ раскрытіи истины», то нѣтъ никакого основанія, чтобы защитникъ получалъ отъ подсудимаго гонораръ за выполненіе обязанности, которая въ одинаковой степени лежитъ и на судьяхъ, и на прокурорѣ. Трудно понять, почему съ этой точки зрѣнія условіе защитника съ подсудимымъ о вознагражденіи за защиту, т.-е. «за содѣйствіе суду въ раскрытіи истины», безотносительно къ исходу, не есть торгъ правосудіемъ, и почему оно получаетъ этотъ характеръ, если гонораръ выговоренъ только на случай освобожденія или оправданія обвиняемаго. Высказанный въ соображеніяхъ Комиссіи взглядъ на роль защитника въ уголовномъ судѣ страдаетъ односторонностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что подсудимый, приглашающій себѣ защитника, озабоченъ прежде и главнѣе всего тѣмъ, чтобы оградить себя отъ обвинительнаго или непомѣрно строгаго, тяжкаго, несправедливаго приговора. Если обвиняемый вноситъ или обязуется внести защитнику гонораръ, то онъ его даетъ не какъ вознагражденіе за трудъ защитника «по содѣйствію суду въ раскрытіи истины», безотносительно къ участи подсудимаго, а именно какъ награду за оказываемое ему защитникомъ покровительство, помощь, участіе, за заботу о его личной судьбѣ. Очевидно, поэтому, что подсудимый, соглашаясь на уплату защитнику гонорара, дѣлаетъ это въ надеждѣ на оправданіе или облегченіе своей участи; обыкновенно, если не всегда, эту надежду питаетъ и поддерживаетъ въ обвиняемомъ и самъ защитникъ. Отсюда слѣдуетъ, что гонораръ по уголовному дѣлу всегда почти дается и принимается въ расчетѣ на болѣе или менѣе благопріятный исходъ дѣла. Комиссія совершенно разошлась

съ дѣйствительностью, закрывая глаза на такой вполнѣ несомнѣнный характеръ вознагражденія за защиту въ уголовныхъ дѣлахъ. Но разъ вѣрно, что гонораръ за уголовную защиту большею частью есть вознагражденіе за содѣйствіе благопріятному исходу дѣла—случаи, когда обвиняемый и приглашенный имъ за гонораръ защитникъ, считаютъ неблагопріятный исходъ дѣла неподлежащимъ никакому сомнѣнію и смотрятъ на актъ защиты лишь какъ на извѣстный обрядъ, требуемый соображеніями этическаго, политическаго и т. п. характера, сравнительно рѣдки,—то нѣтъ основанія воспретить откровенное, прямое соглашеніе о томъ, что этотъ гонораръ уплачивается весь или частью по наступленіи того или иного благопріятнаго исхода. Фраза о «торгѣ правосудіемъ и судьбою подсудимаго» представляется по меньшей мѣрѣ плодомъ недоразумѣнія. Защитникъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ торговать правосудіемъ, потому что онъ и не призванъ его творить; онъ не даетъ обвиняемому того или другого приговора, а посвящаетъ ему только свой трудъ, время, знанія и талантъ, за который и принимаетъ извѣстный гонораръ. Съ другой стороны, подсудимый, прибѣгая къ помощи защитника, внося ему условленное вознагражденіе, врядъ ли можетъ чувствовать, думать или сказать, что его судьба является предметомъ торга. Если исходъ дѣла и зависитъ въ нѣкоторой степени отъ дѣятельности защитника, отъ его умѣнія, знанія, усердія, и если обвиняемый за эту дѣятельность обязывается платить и уплачивать гонораръ, то предметомъ торга,—если, вообще, допустить умѣстность этого выраженія,—оказывается трудъ, время, знанія защитника, помощью которыхъ подсудимый надѣется устроить свою судьбу, но никакъ не эта судьба. Но какъ бы то ни было, если выговариваніе вознагражденія по уголовнымъ дѣламъ должно считать торгомъ правосудіемъ и судьбою подсудимаго, то это должно одинаково касаться какъ вознагражденія, условленнаго безотносительно къ исходу дѣла, такъ и того, которое выговорено въ зависимости отъ того или иного приговора, такъ какъ обвиняемый платитъ потому, что онъ опасается дурного исхода и надѣется, посредствомъ защиты, добиться исхода хорошаго.

Въ такомъ случаѣ надлежало бы воспретить всякое, какъ предварительное, такъ и послѣдующее, соглашеніе присяжнаго повѣреннаго и обвиняемаго относительно гонорара за защиту, т.-е. принять предложеніе одного изъ членовъ Комиссіи, изложенное въ прил. IV къ т. III объясн. записки, стр. 10 [1]). Но это мнѣніе осталось одинокимъ какъ во II Отдѣлѣ, такъ и въ общемъ собраніи Комиссіи, и оно не требуетъ серьезныхъ возраженій. Намъ едва ли нужно останавливаться въ вопросѣ объ умѣстности условія о гонорарѣ вообще на старомъ спорѣ между приверженцами и противниками системы, принятой во французской адвокатурѣ. Коммиссія Министерства Юстиціи единогласно установила допустимость соглашенія о гонорарѣ по уголовнымъ дѣламъ, стало быть, она въ этомъ соглашеніи не находитъ ничего несовмѣстнаго съ требованіями строгой этики, съ честью и достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго, а въ такомъ случаѣ она не имѣла повода запретить условія, ставящія размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ будущаго приговора. Мало того, такое запрещеніе противно естественному порядку вещей, насущнымъ потребностямъ дѣйствительной жизни, элементарнымъ требованіямъ справедливости. Если вознагражденіе по уголовному дѣлу должно будетъ по закону назначаться безотносительно къ исходу дѣла, то это должно привести къ тому, что гонораръ за защиту будетъ подлежать оплатѣ сполна впередъ, при чемъ защитникъ долженъ будетъ стараться получить какъ можно больше, такъ какъ по окончаніи дѣла онъ ничего болѣе ожидать не въ правѣ. Но это, очевидно, будетъ весьма тягостно для обвиняемаго, а многихъ лишитъ и вовсе возможности пригласить защитника. Вѣдь, нерѣдко подсудимые, до окончанія дѣла оправдательнымъ приговоромъ, не въ состояніи дать защитнику сколько-нибудь справедливое или даже какое бы то ни было вознагражденіе, и лишь въ случаѣ оправданія, или по освобожденіи, они могутъ имѣть средства для уплаты гонорара. Съ другой стороны, защитникъ, во вниманіе къ безвыходности положенія подсудимаго, убѣжденный въ его пра-

---

[1]) Это и есть мнѣніе А. Л. Боровиковскаго.

вотѣ и надѣясь на благопріятный исходъ, принимаетъ на себя защиту съ тѣмъ, что, по воспослѣдованіи благопріятнаго приговора, онъ получитъ условленное вознагражденіе. Разъ запрещено будетъ условіе объ уплатѣ гонорара въ зависимости отъ благопріятнаго приговора, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ никакого соглашенія между подсудимымъ и защитникомъ состояться не можетъ. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый въ состояніи внести защитнику гонораръ, хотя бы приговоръ оказался и неблагопріятнымъ, онъ, дѣлая это, на такихъ условіяхъ, платитъ какъ бы изъ страха, что иначе защитникъ не пойдетъ, а не въ надеждѣ, что защитникъ постарается его спасти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заслужить дополнительный гонораръ, который не трудно и не жалко было бы назначить и въ болѣе значительномъ размѣрѣ. Но, кромѣ того, вытекающаго изъ природы вещей положенія, что всегда и всѣмъ легче и пріятнѣе произвести болѣе или менѣе значительный расходъ въ томъ случаѣ, если приговоръ послѣдовалъ благопріятный, и независимо отъ неподлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію факта, что весьма часто и въ уголовныхъ дѣлахъ имущественная состоятельность лица всецѣло или въ значительной степени зависитъ отъ исхода дѣла, отъ того, оправданъ онъ или осужденъ, вернется ли онъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ или же навсегда или на время лишенъ возможности работать и пріобрѣтать—помимо всего этого есть соображеніе, подтверждающее явную несправедливость обсуждаемаго постановленія. Существуетъ цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ приговоръ непосредственно влечетъ за собою послѣдствія чисто имущественнаго характера, въ видѣ крупныхъ денежныхъ взысканій, иногда равныхъ цѣлому состоянію; таковы дѣла о нарушеніяхъ уставовъ: питейнаго, таможеннаго, лѣсного, о взяточничествѣ и мздоимствѣ и т. п.; часто отъ приговора по дѣлу, несмотря на отсутствіе гражданскаго иска, за веденіе котораго защитникъ могъ бы получить вознагражденіе по таксѣ, зависитъ окончательное, безповоротное рѣшеніе имущественнаго спора—дѣла о подлогахъ векселей, обязательствъ и документовъ, могущихъ установить право родства, соединеннаго съ нимъ права на наслѣдство, о под-

жогахъ застрахованнаго имущества и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ поставленіе размѣра гонорара въ зависимость отъ имѣющаго послѣдовать приговора въ дѣлахъ уголовныхъ, нельзя не признать столь же справедливымъ и законнымъ, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ».

25. Отношеніе адвокатуры къ проектамъ.

Мы все время говорили о двухъ проектахъ—Совѣщанія Красовскаго и Комиссіи Муравьева. Но, въ сущности, это —одинъ проектъ, ибо, помимо двухъ-трехъ дальнѣйшихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ, Комиссія Муравьева, спустя 15 лѣтъ, весьма добросовѣстно переписала проектъ Совѣщанія. Какъ уже не разъ упоминалось, въ обоихъ случаяхъ въ разработкѣ проектовъ участвовали присяжные повѣренные [1]). Только по одному пункту—о недопущеніи въ присяжные повѣренные лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ—всѣ присяжные повѣренные были противъ этого предложенія. Но, помимо этого, не было ни одного предложенія, которое не нашло бы себѣ сторонниковъ среди присяжныхъ повѣренныхъ.

За допущеніе прокурорскаго протеста противъ принятія въ присяжные повѣренные (даже по неформальнымъ причинамъ) вотировали съ меньшинствомъ Макалинскій и Плевако, за изъятіе изъ вѣдѣнія Совѣта такъ называемыхъ délits d'audience вотировали Плевако и Спасовичъ. Они же подавали свой голосъ за учрежденіе особыхъ присутствій суд. палаты для разсмотрѣнія жалобъ на жалобы Совѣтовъ. Но когда, засимъ, проектъ былъ опубликованъ, онъ подвергся жесточайшей, уничтожающей критикѣ. Въ Петербургѣ была избрана общимъ собраніемъ Комиссія [2]), которая, какъ уже

---

[1]) Въ Совѣщаніе М. В. Красовскаго были приглашены: В. Н. Герардъ, А. А. Герке, В. О. Люстихъ, П. В. Макалинскій и С. Ф. Морошкинъ. Въ Комиссію были приглашены: П. А. Корсаковъ, А. А. Крюковъ, В. О. Люстихъ, П. В. Макалинскій, Ѳ. Н. Плевако и В. Д. Спасовичъ.

[2]) Въ Комиссію вошли: М. Б. Горенбергъ, И. М. Данчичъ, М. В. Капланъ, Н. А. Корсаковъ, В. В. Мазаракій, Н. Н. Шнитниковъ и П. С. Шпановъ.

отмѣчалось по поводу отдѣльныхъ предложеній проекта, рѣшительно отвергла всѣ стремленія исказить основныя начала судебныхъ уставовъ, и общее собраніе одобрило всѣ предположенія Комиссіи.

Въ Москвѣ проектъ сначала разсматривался въ ежемѣсячныхъ общихъ собраніяхъ, а затѣмъ была избрана спеціальная комиссія [1]), которая въ 1900 г. представила въ Совѣтъ свои замѣчанія на проектъ. Дальнѣйшему обсужденію замѣчанія эти не подвергались и были переданы Совѣтомъ непосредственно въ Комиссію Н. В. Муравьева. Соглашаясь со всѣми техническими измѣненіями и дополненіями, которыя въ сущности узаконяли практику Совѣтовъ, Комиссія отвергала всѣ принципіальныя измѣненія, которыя проектъ намѣревался провести подъ флагомъ дальнѣйшаго развитія началъ судебныхъ уставовъ.

Въ этомъ отношеніи адвокатура отражала весьма яркое теченіе общественной мысли. Таково именно было отношеніе общественнаго мнѣнія къ муравьевскому проекту вообще. По поводу 35-тилѣтія судебныхъ уставовъ, въ 1899 г. состоялось въ Петербургѣ торжественное засѣданіе юридическаго общества, въ которомъ рѣчи были произнесены: К. К. Арсеньевымъ, В. Д. Спасовичемъ, И. Я. Фойницкимъ [2]) Общимъ лозунгомъ всѣхъ этихъ рѣчей было требованіе возстановить неприкосновенность судебныхъ уставовъ и освободить ихъ отъ всѣхъ наростовъ и дополненій.

Кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и помощники избрали комиссію для разсмотрѣнія той части проекта Комиссіи, которая касается организаціи помощничества [2]). Какъ уже упомянуто выше, Комиссія рѣшительно высказалась за полную замѣну личнаго патроната сословнымъ, за полное включеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ составъ сословія, съ подчиненіемъ надзору и дисциплинарной власти Со-

[1]) Въ комиссію были избраны прис. повѣренные В. Г. Виленцъ, М. С. Гольденвейзеръ, А. Н. Марковъ, И. Г. Саксъ и И. Н. Сахаровъ.

[2]) Въ составъ комиссіи вошли: М. В. Беренштамъ, В. В. Благовѣщенскій, Г. К. Блокъ, М. И. Быковъ, Н. Г. Вальтеръ, М. М. Винаверъ, Г. С. Вольтке, Б. Л. Гершунъ, В. А. Глинка, А. А. Демьяновъ, П. Б. Струве, Ф. Ф. Трозинеръ и М. А. Унковскій.

вѣта и съ предоставленіемъ права веденія дѣлъ не въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ, а какъ кандидатовъ въ присяжные повѣренные. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опираясь на долголѣтній опытъ, Комиссія горячо высказывалась за сохраненіе самоуправленія помощниковъ. Комиссіи помощниковъ должны быть расширены, въ смыслѣ предоставленія сословному органу стажьеровъ значительнаго участія какъ по веденію самихъ занятій, такъ и по наблюденію за исполненіемъ помощниками своихъ обязанностей по подготовкѣ къ адвокатской дѣятельности. Къ числу обязанностей помощниковъ относится также слушаніе полнаго курса правилъ профессіональной этики и сословной исторіи, «въ теченіе одного года, съ обязательствомъ посѣтить не менѣе $^{3}/_{4}$ числа всѣхъ лекцій». Что касается проектированнаго ограниченія пріема евреевъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, то комиссія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, присоединяясь къ Комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ, находила, что такое ограниченіе не оправдывается ни данными, приводимыми въ объяснительной запискѣ къ проекту министерской Комиссіи, ни фактами изъ жизни сословія присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ ихъ спб. округа. Оно противорѣчитъ и общему закону.

Въ общемъ, такимъ образомъ, оказывается, что отношеніе приглашенныхъ представителей сословія, участвовавшихъ въ разработкѣ проекта, существенно отличается отъ отношенія самого сословія къ тѣмъ измѣненіямъ судебныхъ уставовъ, которыя предполагалось внести.

VI.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

2. Новое настроеніе и сила инерціи.

Двадцатипятилѣтній юбилей присяжной адвокатуры совпалъ съ крупнымъ и рѣшительнымъ переломомъ въ общественной жизни Россіи. 1891 годъ сталъ кульминаціоннымъ пунктомъ реакціи. Въ этомъ году на Россію обрушился сильный голодъ и эпидемія холеры. Тяжелыя бѣдствія потребовали отъ бюрократіи крайняго напряженія силъ, чтобы хоть мало-мальски облегчить невыносимое положеніе деревни. Но власть обнаружила растерянность и безсиліе и оказалась вполнѣ несостоятельной. Тѣмъ сильнѣе должно было дѣйствовать на общество зрѣлище тяжелаго народнаго бѣдствія. Проповѣдь непротивленія злу, которой общество покорно отдавалось, сразу утратила все свое обаяніе. Достаточно вспомнить, что и Л. Н. Толстой, рѣшительно осуждавшій модное увлеченіе столовыми для голодающихъ, самъ съ головой ушелъ въ это дѣло. Дорогою цѣною куплено было сознаніе, что нельзя сидѣть въ кельѣ подъ елью, какъ характеризовалъ Н. К. Михайловскій ученіе Л. Н. Толстого, что безсиліе власти требуетъ энергичной общественной самодѣятельности. Первая же попытка въ этомъ направленіи наткнулась на препятствія со стороны властей, и отсюда стало расти оппозиціонное настроеніе, которое непрерывно подымалось все выше и,

Владимiръ Даниловичъ Спасовичъ.

захватывая постепенно все болѣе широкіе слои общества, не могло, конечно, остаться безъ вліянія и на адвокатуру.

Само собой понятно, однако, что длительная реакція успѣла накопить силу инерціи, упорно сопротивлявшуюся новымъ общественнымъ теченіямъ. Назрѣвала, такимъ образомъ, внутренняя борьба. Въ офиціальной жизни сословія какъ будто ничего не измѣнилось. Напротивъ, оно продолжало быстро катиться по тѣмъ рельсамъ, на которыхъ находилось уже много лѣтъ. Въ общемъ собраніи 1894 г. въ Петербургѣ пришлось поднять вопросъ о безумной азартной игрѣ въ карты, роняющей достоинство сословія. Поводомъ послужила драка присяжнаго повѣреннаго со своимъ карточнымъ партнеромъ въ клубѣ. Вопросъ этотъ вызвалъ страстныя пренія, причемъ одни находили, что такихъ вопросовъ нельзя возбуждать въ общихъ собраніяхъ,—иначе пришлось бы обсуждать и размѣры употребленія спиртныхъ напитковъ или ухаживанія за женщинами. Другіе, указывая, что игра въ карты между присяжными повѣренными принимаетъ характеръ эпидеміи, рѣзко протестовали «противъ боязни общихъ собраній и воспрепятствованія имъ обсуждать общіе вопросы». Въ результатѣ собраніе большинствомъ голосовъ высказалось противъ обсужденія вопроса объ увлеченіи карточной игрой.

Въ печати стали появляться жестокіе памфлеты на сословіе, причемъ авторы ихъ не только не укрывались за псевдонимами, но демонстративно прибавляли къ своей полной подписи еще и указаніе на свое званіе присяжнаго повѣреннаго. Въ Петербургѣ такъ поступилъ прис. повѣренный Птицынъ. Въ 1894 г. онъ напечаталъ статьи въ «Наблюдателѣ», а затѣмъ выпустилъ ихъ отдѣльной книгой, которая «переполнена въ высшей степени оскорбительными отзывами и сужденіями о сословіи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ вообще и въ частности о петербургской присяжной адвокатурѣ и ея учрежденіяхъ: Совѣтѣ, Консультаціяхъ прис. повѣренныхъ при петербургскомъ Окружномъ Судѣ и помощниковъ ихъ при петербургскомъ столичномъ Мировомъ Съѣздѣ и конференціяхъ помощниковъ, и содержитъ въ себѣ указанія на позорящіе честь сословія и даже преступные

со стороны отдѣльныхъ его членовъ факты». Въ Москвѣ какъ разъ въ это же время выступилъ съ такимъ же произведеніемъ прис. повѣренный Соболевъ. Содержаніе его произведенія опредѣлялось въ общихъ собраніяхъ какъ пасквильное и порнографическое.

Уже и само по себѣ явленіе самооплеванія представляется довольно симптоматическимъ, но еще важнѣе отмѣтить, что такія произведенія дѣйствовали очень сильно на присяжную адвокатуру, вѣроятно, потому, что она не могла не считаться съ откликами, которые всѣ подобные памфлеты находили въ обществѣ. Въ Петербургѣ Совѣтъ привлекъ Птицына къ дисциплинарной отвѣтственности и установилъ, что факты, сообщенные Птицынымъ, «либо совсѣмъ вымышлены, либо переиначены до неузнаваемости, при чемъ ложно изображенные или окрашенные факты въ дѣйствительности не представляли собою ничего предосудительнаго». Установивъ эти факты, Совѣтъ затѣмъ рѣзко раскололся по вопросу, какъ отнестись къ выступленію г. Птицына. Меньшинство требовало его исключенія, а большинство полагало никакой дисциплинарной отвѣтственности его не подвергать. Еще болѣе страстно вопросъ обсуждался въ нѣсколькихъ общихъ собраніяхъ, на которыхъ подавляющее большинство высказывавшихся стояло на точкѣ зрѣнія меньшинства, а съ другой стороны В. Д. Спасовичъ, отстаивавшій взглядъ большинства Совѣта, приводилъ между прочимъ и такой фактъ, что «нельзя не согласиться, что въ статьяхъ Птицына есть извѣстная доля правды» [1]). Несмотря, однако, на столь рѣзкій вызовъ, обсужденіе инцидента Птицына ничѣмъ не кончилось, предсѣдатель собранія отказался ставить на баллотировку какіе бы то ни было вопросы, а съ другой стороны, и Совѣтъ отказался отъ дальнѣйшаго изслѣдованія «той доли правды», которая имѣется въ памфлетахъ. «Восемь дней... бушевали волны... по такъ наз. Птицынскому дѣлу... Нынѣ опять тишь да гладь и Божія благодать» [2]). Точно такъ же и въ Москвѣ Совѣту дѣлались настойчивые упреки въ томъ, что онъ равнодушно отнесся къ выступленію памфлетиста Соболева, но и здѣсь ни-

[1]) Общія собранія 16 и 23 апрѣля 1895 г.

[2]) «Заст. рѣчи», с. 63.

какого определеннаго результата разговорами достигнуто не было.

Та сила инерціи, о которой упомянуто выше, съ наибольшей определенностью должна была естественно сказываться на представительномъ органѣ сословія, Совѣтѣ, который, по самому назначенію своему, является хранителемъ традицій. Поэтому чѣмъ замѣтнѣе пробивалось новое теченіе, тѣмъ настойчивѣе становилась сила инерціи и дѣлала все болѣе замѣтное напряженіе. Такъ, выше уже было указано, что изданныя московскимъ Совѣтомъ правила 3 марта 1890 г. о помощникахъ прис. повѣренныхъ были отмѣнены Прав. Сенатомъ по жалобѣ кн. А. И. Урусова. По полученіи этого указа, въ 1895 г. Совѣтъ обсудилъ вопросъ о примѣненіи закона 8 ноября 1889 г. къ помощникамъ прис. повѣренныхъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія и разрѣшилъ его отрицательно, находя, что ограничительные законы не терпятъ распространительнаго толкованія [1]). Такой взглядъ еще въ 1891 г., въ самый острый моментъ реакціи, высказанъ былъ общимъ собраніемъ департаментовъ московской Судебной Палаты. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ былъ снова внесенъ на обсужденіе Совѣта, и Совѣтъ нашелъ, что «общій вопросъ, какъ вопросъ, касающійся исключительно толкованія закона, не долженъ быть предметомъ особаго постановленія». Отсюда выводъ, что состоявшееся постановленіе не должно стѣснять Совѣтъ, который разрѣшаетъ вопросъ въ каждомъ случаѣ отдѣльно. Освободивъ себя, такимъ образомъ, отъ постановленія, Совѣтъ разсмотрѣлъ шесть прошеній о зачисленіи евреевъ въ помощники и постановилъ примѣнить къ нимъ законъ 8 ноября 1889 г. На этотъ разъ при особомъ мнѣніи остались Блюменталь, Крюковъ, Мининъ и Никольскій, но не кн. Урусовъ, который уже успѣлъ свой взглядъ измѣнить.

Еще болѣе замѣтно такая перемѣна въ томъ же направленіи наблюдалась въ петербургскомъ Совѣтѣ. Въ общемъ собраніи 1893 г. «оживленныя пренія возбудило,—сказано въ протоколѣ,—одно изъ должностныхъ дисциплинарныхъ

---

[1]) Отчетъ Совѣта за 1891—2 г., с. 153. (При особомъ мнѣніи, какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, осталось три члена Совѣта).

дѣлъ». Дѣло заключалось въ томъ, что Совѣтъ поставилъ въ вину одному изъ помощниковъ прис. повѣренныхъ принятіе послѣднимъ веденія дѣла въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ по общей довѣренности съ правомъ передовѣрія, при отсутствіи у помощника свидѣтельства на право веденія дѣлъ и невозможности получить такое свидѣтельство. Послѣ продолжительныхъ преній на баллотировку былъ поставленъ вопросъ, желательно ли, чтобы Совѣтъ внесъ на обсужденіе общаго собранія этотъ вопросъ. Большинствомъ голосовъ постановлено просить Совѣтъ внести вопросъ на обсужденіе общаго собранія при мотивированномъ заключеніи Совѣта. Но вмѣсто того, чтобы исполнить требованіе общаго собранія, Совѣтъ въ 1901 г. издалъ циркуляръ, коимъ хотя и не запрещалъ помощникамъ при указанныхъ условіяхъ брать довѣренности на веденіе дѣлъ съ правомъ передовѣрія, но обусловливалъ это полученіемъ отъ довѣрителя подписки въ томъ, что ему извѣстно объ отсутствіи у помощника свидѣтельства на веденіе дѣлъ. Этотъ циркуляръ вызвалъ настоящую бурю въ сословіи, вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ общемъ собраніи 28 октября 1901 г., и послѣ оживленныхъ преній, несмотря на энергичную защиту со стороны членовъ Совѣта, «было единогласно постановлено циркуляръ отмѣнить».

Такимъ образомъ, между сословіемъ и его избраннымъ органомъ намѣчалось коренное разногласіе, и можно категорически утверждать, что Совѣты перестали выражать волю сословія. Эта коллизія привела къ дальнѣйшей ненормальности. Уже въ предыдущей главѣ по отношенію къ московскимъ порядкамъ приходилось отмѣчать, что Совѣтъ пересталъ созывать общія собранія и дѣйствовалъ своей властью. Теперь на общихъ собраніяхъ прис. повѣренныхъ Петербургскаго округа по адресу Совѣта все чаще и чаще слышались тѣ же обвиненія.

Сообразно съ этимъ, и отношеніе къ Совѣтамъ измѣнилось. Въ первое время, какъ выше было отмѣчено [1]), нападки на сословіе неизмѣнно останавливались передъ дѣятель-

---

[1]) См. стр. 175.

ностью Совѣтовъ. Теперь, напротивъ, недовольство сосредоточивалось именно вокругъ этой дѣятельности. Позволю себѣ привести изъ «Права» выдержки изъ тѣхъ статей, которыя мнѣ пришлось писать по поводу отчетовъ Совѣтовъ. Эти выдержки, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны дать представленіе о томъ, какъ понизился уровень чисто профессіональныхъ требованій, какъ постепенно падала профессіональная этика. На это, какъ выше помянуто, московскій Совѣтъ самъ указалъ [1]; но тѣ мѣры, которыя онъ принималъ, не только не противодѣйствовали, но, напротивъ, онѣ-то и способствовали внутреннему разложенію.

«Сузивъ до крайнихъ предѣловъ свои задачи, почти совершенно отстранивъ себя отъ организаціонной дѣятельности, московскій Совѣтъ (если не считать поднесенія адресовъ выбывающимъ членамъ магистратуры и выраженія соболѣзнованія семьямъ умершихъ товарищей) посвящаетъ себя почти исключительно дисциплинарнымъ дѣламъ, но и здѣсь оказывается далеко не на высотѣ своего положенія.

Попрежнему прис. повѣренные ставятся Совѣтомъ въ совершенно исключительное положеніе. По основному началу, никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, а присяжному повѣренному разъясняютъ «необходимость при заявленіи объ отказѣ отъ довѣренности соблюденія правилъ, указанныхъ въ стт. 252 и 253 уст. гр. суд.» (с. 84)... Крестьянкѣ К. было присуждено судомъ съ ея мужа на содержаніе по 15 р. ежемѣсячно и 80 р. за веденіе дѣла. Повѣренный истицы, помощникъ прис. повѣреннаго, получивъ отъ судебнаго пристава взысканныя съ отвѣтчика по исполнительному листу 167 р. 68 к., цѣликомъ зачелъ ихъ въ счетъ своего гонорара! Совѣтъ нашелъ, что «произведенный г. С. поворотъ (?) всѣхъ взысканныхъ въ ея (довѣрительницы) пользу денегъ въ счетъ собственнаго вознагражденія нарушилъ самую обыкновенную житейскую справедливость (!)»; «въ горькихъ словахъ К. (довѣрительницы), что адвокатъ ея велъ и выигралъ дѣло только для себя самого, долженъ слышаться ему крайне обидный, но и вполнѣ заслуженный упрекъ» (!!) (с. 205).

---

[1]) См. стр. 267.

Совѣтъ нашелъ что, помощникъ прис. повѣреннаго не правъ, что въ такихъ случаяхъ наиболѣе удобенъ путь полюбовнаго соглашенія, который избавилъ бы и его и сословіе отъ нареканій (справедливыхъ?) весьма непріятнаго свойства, и «совѣту не приходилось бы оттѣнять первые шаги молодого, начинающаго свою профессіональную дѣятельность стажіера хотя бы даже тѣмъ avertissement paternel или отеческимъ внушеніемъ, съ какимъ, по примѣру французской адвокатской дисциплины, Совѣтъ считаетъ себя вынужденнымъ (!) обратиться къ нему теперь»... Такъ неужели же нарушеніе самой обыкновенной житейской справедливости, веденіе и выигрышъ чужого дѣла только для себя самого, какъ это призналъ Совѣтъ, составляетъ faute sans gravité извинительную ошибку, хотя въ опредѣленіи Совѣта нѣтъ положительно никакого намека на какія-либо смягчающія обстоятельства, и мы узнаемъ лишь, что, призванный къ дачѣ объясненій, помощникъ прис. повѣреннаго утверждалъ, что претензіи жалобщицы неосновательны, такъ какъ, по словесному договору, ему слѣдовало вознагражденіе за веденіе дѣла съ присужденной суммы. Эту странность можно объяснить лишь такъ, что Совѣтъ запутался въ своемъ собственномъ краснорѣчіи: вотъ почему на одной страницѣ мы читаемъ, что Совѣтъ считаетъ помощника прис. повѣреннаго неправымъ, а на другой, что, «смотря на дѣло съ формальной стороны, надо будетъ признать, что никакого проступка, подлежащаго дисциплинарному взысканію, онъ не совершилъ: удержавъ слѣдуемыя ему деньги, онъ лишь воспользовался тѣмъ правомъ, которое принадлежало ему по закону», и, наконецъ, на третьей страницѣ Совѣтъ риторически вопрошаетъ: «на какомъ основаніи онъ (помощникъ прис. повѣреннаго) отдалъ предпочтеніе своему толкованію словеснаго договора, а не тому, какое даетъ его довѣрительница? Принимая во вниманіе, что по разуму нашего гражданскаго законодательства всякое сомнѣніе въ истинномъ смыслѣ договора всегда разрѣшается въ пользу лица обязавшагося, Совѣтъ находитъ, что и данный споръ г. С. (обвиняемаго) съ К. (довѣрительницей) долженъ быть рѣшенъ въ пользу послѣдней». Итакъ—съ одной стороны не правъ, съ

другой—удержавъ деньги, воспользовался лишь своимъ правомъ, съ третьей—не имѣлъ законнаго основанія удерживать деньги. «Убитъ, но живъ; виновенъ, но невиненъ—нѣтъ смысла въ сихъ словахъ». И когда затѣмъ Совѣтъ сообщаетъ намъ, что «бываютъ такія права, пользоваться которыми предосудительно, и человѣкъ формально правый можетъ глубоко возмущать общественную совѣсть», причемъ въ подтвержденіе ссылается на одинъ случай изъ предыдущаго отчета, то намъ вспоминается, что въ томъ случаѣ по иску, предъявленному благотворительнымъ обществомъ, о возвратѣ пособія помощникъ прис. повѣреннаго сослался на давность, т.-е. дѣйствительно воспользовался лишь своимъ правомъ, но за это Совѣтъ запретилъ ему на 6 мѣсяцевъ отправленіе обязанностей повѣреннаго, а въ данномъ случаѣ, гдѣ обвиняемый и не правъ, и нарушилъ самую обыкновенную житейскую справедливость, Совѣтъ опредѣлилъ: «поставить на видъ допущенную неправильность въ расчетахъ его о вознагражденіи съ довѣрительницей». Совѣтъ не счелъ даже нужнымъ включить въ резолюцію предложеніе исправить въ опредѣленный срокъ допущенную неправильность, какъ это сдѣлано во многихъ другихъ случаяхъ. Таково скорое и дѣйствительное огражденіе частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, о которомъ заботился законодатель.

И вотъ, здѣсь мы вступаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, in medias res другой странности, отличающей дисциплинарную дѣятельность московскаго Совѣта. Мы говоримъ о крайнемъ взаимномъ несоотвѣтствіи отдѣльныхъ приговоровъ, которое рѣзко бросалось въ глаза и въ предыдущемъ отчетѣ. Къ сожалѣнію, въ самихъ отчетахъ нельзя найти никакихъ данныхъ, при помощи коихъ можно было бы найти путь къ объясненію этой странности. Такъ какъ фамиліи въ отчетѣ не называются, то приговоры Совѣта являются безличными, и потому нѣтъ возможности по отчету провѣрить, насколько справедливы неопредѣленные, хотя и настойчивые слухи о пристрастіи, о неравномѣрномъ отношеніи къ представителямъ различныхъ національностей и т. д. Но, такъ или иначе, присяжные повѣренные дѣлятся на козлищъ и овецъ: одному, напримѣръ, въ оправданіе неявки на защиту стоитъ сослать-

ся на то, что у него сидѣли гости и онъ второпяхъ сдѣлалъ неправильную отмѣтку въ своемъ календарѣ (с. 62), что «наканунѣ засѣданія перевозилъ семью на дачу и, утомившись обычными въ такихъ случаяхъ хлопотами, опоздалъ на утренній поѣздъ жел. дороги, и Совѣтъ «не имѣетъ повода не считать этихъ заявленій искренними»; другой—въ опроверженіе жалобы на нерадѣніе по дѣлу представляетъ письменныя доказательства, что виноватъ самъ жалобщикъ, не представившій потребныхъ денегъ, и между прочимъ ссылается на «серьезную операцію, произведенную ему (прис. повѣр.) въ лѣчебницѣ врачей». Признавая эти доказательства вполнѣ убѣдительными, Совѣтъ тѣмъ не менѣе требуетъ представленія свидѣтельства лѣчебницы о томъ, что операція дѣйствительно была произведена, хотя изъ разсужденій Совѣта абсолютно нельзя усмотрѣть, какое отношеніе могло бы имѣть это свидѣтельство къ вопросу о поведеніи прис. повѣреннаго, которому, по словамъ Совѣта, и безъ того «не можетъ быть поставлено въ вину то обстоятельство, что онъ пересталъ слѣдить за движеніемъ дѣла (ст. 6), такъ какъ онъ увѣдомилъ довѣрителя своевременно, что, въ случаѣ непредставленія денегъ, онъ отказывается отъ дальнѣйшаго веденія дѣла».

А засимъ—опять въ другомъ случаѣ—по жалобѣ на прис. повѣреннаго за непредъявленіе во время иска и неприличное обращеніе съ довѣрителемъ Совѣтъ вполнѣ удовлетворяется, безъ всякой провѣрки, заявленіемъ прис. повѣреннаго, что «искъ предъявленъ давно и дѣло находится въ окружномъ судѣ», и потомъ продолжаетъ: «другія (объясненія жалобщика) представляются совершенно недостовѣрными, такъ какъ Совѣтъ не можетъ съ довѣріемъ отнестись къ объясненіямъ жалобщика, чтобы прис. повѣренный сталъ въ бранчивыхъ выраженіяхъ относиться къ кліенту, просящему поскорѣе начать дѣло; объясненія просителя тѣмъ болѣе недостовѣрны, что въ такой просьбѣ и не было надобности, потому что дѣло уже было начато!» (с. 49). Совѣтъ даже не полюбопытствовалъ предложить жалобщику представить объясненія на опроверженіе прис. повѣреннаго, а вѣдь это было бы интересно хотя бы съ психологической стороны: какая

цѣль можетъ быть у жалобщика утверждать, что искъ не предъявленъ, когда столь легко убѣдиться посредствомъ справки въ судѣ, что присяжный повѣренный исполнилъ свои обязанности, и притомъ еще до подачи жалобы въ Совѣтъ?— Наконецъ, почему въ этомъ случаѣ заявленія жалобщика a priori кажутся Совѣту безусловно недостовѣрными,—а въ другомъ, напротивъ, Совѣтъ полагается на не совсѣмъ точныя и несвободныя отъ противорѣчій показанія свидѣтелей враждебной стороны и допускаетъ, что прис. повѣренный «сталъ ломиться въ закрытыя передъ нимъ двери присутственнаго мѣста, намѣреваясь проникнуть въ него силой», хотя оставшіеся при особомъ мнѣніи два члена Совѣта (Крюковъ и Невядомскій) справедливо утверждали, что «нельзя предположить, чтобы прис. повѣренный, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, сталъ это дѣлать; онъ долженъ былъ понимать, что на его силу отвѣтятъ силою сторожей и курьеровъ, которые выведутъ его вонъ» (с. 76). Положимъ, въ этомъ случаѣ дѣло шло о прис. повѣренномъ А., а въ предыдущемъ о прис. повѣренномъ Б., но намъ вѣдь эти буквы ничего сказать не могутъ, и нельзя, конечно, допустить, чтобы отдѣльныя буквы русскаго алфавита имѣли какое-либо кабалистическое значеніе въ глазахъ Совѣта. А съ другой стороны, a priori легче допустить, что прис. повѣренные употребляютъ «бранчивыя выраженія», чѣмъ ломятся въ закрытыя двери; по крайней мѣрѣ, послѣдній случай, насколько намъ извѣстно, не имѣетъ прецедентовъ; а что касается брани... предыдущій отчетъ развернулъ предъ нами совершенно исключительное embarras des richesses, а настоящій представляетъ въ этомъ отношеніи только ту особенность, что пошли въ ходъ такія слова, которыя приходится обозначать многоточіемъ, прибавляя въ скобкахъ «слѣдовало площадное слово» (с. 162), «дальнѣйшее выраженіе неудобоповторяемо» (с. 191). И слова эти не проходятъ, повидимому, незамѣченными для Совѣта. Во второмъ изъ упомянутыхъ случаевъ Совѣтъ поставилъ «на видъ недостатокъ сдержанности (!) въ дѣловыхъ отношеніяхъ». И если въ употребленіи неудобоповторяемыхъ выраженій усматривается лишь недостатокъ сдержанности, то нечего уже, конечно, уди-

вляться тому, что когда въ объясненіяхъ своихъ на жалобу прис. повѣренный безъ всякихъ основаній позволяетъ себѣ утверждать, что жалобщикъ «вѣроятно (!) лично вошелъ въ соглашеніе съ отвѣтчикомъ и не желалъ платить ему (прис. повѣренному) не только за веденіе дѣла, но и за произведенные расходы» (с. 49), то такія обидныя, ни на чемъ не основанныя выраженія вовсе не останавливаютъ на себѣ вниманія Совѣта, и онъ равнодушно мимо нихъ проходитъ.

И въ области процессуальныхъ порядковъ Совѣтъ не лишилъ отчетный годъ серьезныхъ и солидныхъ новшествъ. Благодарный поводъ къ этому дала буква Н. Эта буква—уже не «молодой стажіеръ», котораго Совѣтъ вынужденъ оттѣнять,—это обстрѣленный боецъ, старый знакомый: предыдущій отчетъ сообщилъ намъ о немъ, что прис. повѣренный Н., обратясь къ своимъ вѣрителямъ, сказалъ, указывая на домовладѣльца Г.: «гоните его по шеѣ». Конечно, Н. тогда пострадалъ: хотя онъ и не молодой стажіеръ, но ему сдѣлано было отеческое внушеніе (тогда оно еще не называлось avertissement paternel), ему поставили на видъ несдержаность выраженій. И онъ принялъ на видъ и въ отчетномъ году, войдя на дворъ того же злополучнаго Г., сказалъ про него, обращаясь къ своему кліенту: «слѣдовало этого проклятаго жида побольше помять»! И что же? Надъ нимъ разразились громы совѣтскіе, онъ исключенъ изъ сословія, которое призвано служить праву и справедливости и не можетъ терпѣть въ «средѣ своей людей, которые одобряютъ и поощряютъ грубый произволъ и насиліе», кандидатовъ безправія, какъ ихъ безсмертно заклеймилъ А. Ф. Кони! Не отрицая произнесенія этой фразы («точныхъ выраженій не помнитъ, да и не считаетъ необходимымъ сообщать»), Н. утверждалъ, что разговоръ его былъ съ глазу на глазъ съ его кліентомъ и другомъ, а Г. онъ не видѣлъ, ибо «на мѣстѣ дѣйствія (!) Г. не было и быть не могло и что слова, имъ сказанныя, выражающія, конечно, нелестное мнѣніе о Г. (sic!), быть можетъ, и были подслушаны кѣмъ-либо изъ знакомыхъ и переданы Г.» (с. 118). Напротивъ, Г. утверждалъ, что находился невдалекѣ отъ разговаривающихъ и не могъ не слышать обидной

фразы. Тотъ и другой сослались на свидѣтелей, при чемъ Г. ссылался, между прочимъ, на собесѣдника Н., его кліента и друга. Но тутъ Совѣтъ, на 33-мъ году своей дѣятельности, спохватился и нашелъ допросъ свидѣтелей невозможнымъ, потому что «при обвиненіи прис. повѣреннаго въ совершеніи проступка или преступленія (?), обвиняемымъ отрицаемаго, достовѣрное установленіе фактической стороны возможно лишь чрезъ установленные закономъ органы судебной или слѣдственной власти; вводя при подобномъ обвиненіи слѣдственную функцію въ кругъ дѣйствія дисциплинарнаго суда, не имѣющаго ни надлежащихъ прерогативъ власти, ни установленныхъ закономъ гарантій достовѣрности свидѣтельскихъ показаній въ формѣ, напримѣръ, присяги, неизбѣжно пришлось бы рѣшеніе суда дисциплинарнаго ставить въ зависимость отъ не надлежаще провѣренныхъ и, быть можетъ, недостовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, а честное имя членовъ сословія въ зависимость отъ случая и произвола».— Напрасно одинъ изъ членовъ Совѣта, оставшійся при особомъ мнѣніи, заявлялъ, что «до сихъ поръ Совѣтъ ничего подобнаго не высказывалъ, а дѣйствовалъ и продолжаетъ дѣйствовать въ направленіи совершенно обратномъ», напрасно жалобщикъ выставлялъ свидѣтелемъ друга своего противника, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ Совѣтъ счелъ возможнымъ допустить допросъ, хотя обвиняемый «оказался безъ свидѣтелей съ своей стороны и при массѣ свидѣтелей со стороны ему враждебной, при чемъ всѣ эти свидѣтели состоятъ въ тѣхъ особыхъ отношеніяхъ къ обвинителю, которыя создаетъ служебная подчиненность», напрасно все—жалоба на Н. оставлена безъ послѣдствій, Совѣтъ спасъ его доброе имя!! И если затѣмъ упомянутый членъ Совѣта заявляетъ въ особомъ мнѣніи, что ему «неизвѣстно, почему по одному только дѣлу г. Н. Совѣтъ остановился передъ отсутствіемъ прерогативъ власти и гарантій достовѣрности свидѣтельскихъ показаній», то тѣмъ болѣе не можемъ мы повѣдать это читателямъ» [1]).

---

[1]) «Право», 1900 г., с. 218—225.

Еще хуже обстояло положенiе дѣлъ въ харьковскомъ Совѣтѣ. «Нравственный уровень харьковской адвокатуры оставляетъ желать многаго. Число производившихся дисциплинарныхъ дѣлъ при общемъ численномъ составѣ адвокатуры въ 331 человѣкъ достигло внушительной цифры 126. Изъ числа разрѣшенныхъ 96 дѣлъ карательные приговоры постановлены по 21 дѣлу, при чемъ по 6 дѣламъ Совѣтъ воспретилъ пятерымъ обвиняемымъ практику: одному, осужденному двумя приговорами Совѣта, на 6 мѣс. и 1 мѣс., одному на 4 мѣс. и тремъ по 1 мѣсяцу; по 8 дѣламъ Совѣтъ сдѣлалъ обвиняемымъ выговоръ и по 4 дѣламъ предостереженiе. Затѣмъ по 9 дѣламъ Совѣтъ обратилъ вниманiе повѣренныхъ на неправильность ихъ дѣйствiй и упущенiя; по 25 дѣламъ постановилъ не привлекать обвиняемыхъ къ дисциплинарному взысканiю, по 38 дѣламъ Совѣтъ оправдалъ обвиняемыхъ и по 4 дѣламъ прекратилъ возбужденныя дисциплинарныя производства.

Присяжные повѣренные «въ апелляцiонной жалобѣ говорятъ, что судья нарушилъ азбучныя требованiя гражданскаго процесса (стр. 141); обращаются къ своему противнику на судѣ со словами: «это вы невѣжественны» (стр. 107); въ частной жалобѣ въ судебную палату употребляютъ такiя выраженiя: «на этомъ объясненiи я не думаю останавливаться, потому что оно неприличное, совмѣщающее въ себѣ сплетни и грязь, недостойныя сколько-нибудь порядочнаго и благовоспитаннаго гражданина и члена общества» (стр. 142).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Совѣтъ нашелъ возможнымъ не подвергать обвиняемыхъ дисциплинарному взысканiю, потому что, хотя выраженiе употреблено «неудачно и некстати» (можетъ, слѣдовательно, случиться, что такiя выраженiя будутъ и кстати!), хотя выраженiя дѣйствительно крайне оскорбительны, но они, очевидно, «употреблены безъ всякаго намѣренiя выразить малѣйшее неуваженiе» или «вызваны нарушеннымъ противникомъ спокойствiемъ».

Вообще въ постановленiяхъ Совѣта заключенiя весьма часто вовсе не соотвѣтствуютъ посылкѣ; такъ, напримѣръ, на стр. 125 мы читаемъ:

«...У. допустилъ неосторожность, которая не должна имѣть мѣста въ дѣловыхъ сношеніяхъ прис. повѣреннаго съ довѣрителями. По этимъ основаніямъ Совѣтъ опредѣлилъ: прис. повѣреннаго У. дисциплинарному взысканію не подвергать».

На стр. 127: «Прис. повѣренный Д. поступилъ неправильно. Принявъ затѣмъ во вниманіе, что неправильныя дѣйствія Д. не имѣли вредныхъ послѣдствій, Совѣтъ справедливымъ нашелъ не подвергать Д. дисциплинарной отвѣтственности».

А вотъ еще одинъ любопытный образчикъ: «Юрисконсультъ общества желѣзной дороги прис. повѣренный Д. обвинялся въ томъ, что онъ и подвѣдомственные ему юрисконсульты по искамъ къ обществу желѣзныхъ дорогъ видимо систематически не являются къ разбору этихъ дѣлъ и на постановленныя заочныя рѣшенія приносятъ отзывы или апелляціи, не прилагая при нихъ установленныхъ закономъ пошлинъ. Совѣтъ нашелъ, что возведеніе этого пріема въ систему влечетъ за собой дѣйствительно затяжку процесса, и такъ какъ общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ въ средствахъ не нуждается,—то такая система веденія дѣлъ не можетъ быть признана правильной. Но принявъ во вниманіе, что эта система санкціонируется правленіемъ общества, и устраненіе подобныхъ пріемовъ не вполнѣ зависитъ отъ лица, завѣдующаго юрисконсультской частью, Совѣтъ не усмотрѣлъ основаній по этому поводу подвергать прис. повѣреннаго Д. дисциплинарному взысканію (стр. 131).

Итакъ, если прис. повѣренный не въ состояніи устранить неправильный пріемъ, то ему и самому не зазорно прибѣгать къ подобному пріему. Съ такой нравственной логикой далеко не уйти!» [1]).

Приведенныя выдержки заслуживаютъ вниманія потому, что онѣ ясно показываютъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ проникновеніе въ дѣятельность Совѣта стороннихъ тенденцій. Стоило Совѣтамъ допустить установленіе въ какомъ-нибудь отношеніи двухъ мѣрокъ, хотя бы и тщательно

---

[1]) «Право», 1899 г., с. 1493—1497.

скрытыхъ подъ разными предлогами, и онѣ постепенно завоевали себѣ признанiе во всѣхъ самыхъ укромныхъ уголкахъ сословной жизни.

Такимъ образомъ, положенiе присяжной адвокатуры становилось все болѣе безотраднымъ, и, казалось, неоткуда было ждать никакого просвѣта. Въ рѣчи на общемъ собранiи помощниковъ прис. повѣренныхъ (30 января 1914 г.) П. Н. Малянтовичъ такъ вспоминаетъ объ этомъ моментѣ: «Россiя молча задыхалась. Онѣмѣла и влачила тусклое существованiе наша адвокатская корпорацiя. Во главѣ ея стоялъ совѣтъ реакцiоннаго большинства. Ея младшая часть, молодые стажiеры, представляли изъ себя безформенную и потому подчиненную массу. Руководящiй органъ сословiя третировалъ ихъ съ высокомѣрной жестокостью. Чтобы получить право быть безправнымъ стажiеромъ, надо было получить предварительно аппробацiю въ формѣ свидѣтельства о благонадежности: къ прошенiю о зачисленiи въ сословiе приложить свидѣтельство суда на право веденiя чужихъ дѣлъ» [1]).

27. Организацiя молодой адвокатуры.

Общiй подъемъ настроенiя, какъ уже сказано, не могъ, конечно, не отразиться на адвокатурѣ, и прежде всего на самой молодой ея части. Въ Москвѣ въ самомъ началѣ девятидесятыхъ годовъ группа молодыхъ помощниковъ прис. повѣренныхъ образовала такъ называемый «бродячiй клубъ», въ которомъ наиболѣе дѣятельную роль играли: В. А. Маклаковъ, П. Н. Малянтовичъ, Н. К. Муравьевъ и Н. В. Тесленко. Клубъ назывался бродячимъ, потому что онъ не имѣлъ постояннаго помѣщенiя, и засѣданiя его происходили разъ въ недѣлю, каждый разъ въ другой квартирѣ. Клубъ не имѣлъ опредѣленной программы, но ставилъ своей задачей поднять профессiональный и общественный уровень адвокатуры. Ради этого члены клуба стремились проникать во всѣ профес-

[1]) Такъ, напр., Н. В. Тесленко не могъ быть принятъ въ помощники за неимѣнiемъ свидѣтельства о благонадежности и долженъ былъ сначала зачислиться кандидатомъ на судебныя должности. Иначе, говоря, поступленiе на государственную службу было обставлено менѣе суровыми условiями, чѣмъ зачисленiе въ сословiе, которое когда-то рисовалось В. Д. Спасовичу, какъ вольная Запорожская Сѣчь. (См. выше, с. 155).

сіональныя организаціи и прежде всего обратили вниманіе на консультацію при съѣздѣ мировыхъ судей, которая въ это время влачила весьма жалкое существованіе. Члены клуба вошли въ составъ консультаціи, въ которой отнынѣ самую вліятельную роль сталъ играть Л. С. Бискъ, и консультація весьма быстро совершенно преобразилась. Она, говоря ея словами, намѣтила своей цѣлью прійти на помощь коснѣющему въ безысходномъ невѣжествѣ и неграмотности рабочему и крестьянскому населенію, которое отлично знаетъ свои обязанности, но не имѣетъ никакого представленія и не умѣетъ отстаивать свои права. «Какъ ни велико зло отъ неопредѣленности законодательства о крестьянахъ, законодательство это могло бы хотя отчасти служить къ огражденію крестьянскаго населенія путемъ созданія однообразной судебной практики, если бы былъ открытъ путь къ суду и другимъ органамъ защиты права». Намѣтивъ себѣ эту цѣль, консультація рѣшила «не ждать обращенія, а итти къ нему навстрѣчу, вызвать и удовлетворить спросъ». Ставъ на такой путь, консультація, послѣдовательно идя, рѣшила, что она не можетъ быть простой справочной конторой—давать совѣты безъ разбора. «Прежде чѣмъ давать въ чужія руки острое оружіе закона, консультація обязана тщательно взвѣсить дѣла, для которыхъ будетъ употреблено это оружіе, и, въ случаѣ сомнѣнія, отказывать въ совѣтѣ. Особенно призываетъ вниманіе товарищей консультація и рекомендуетъ сердечное отношеніе къ дѣламъ, отражающимъ болѣзненныя явленія общественной организаціи, какъ-то: дѣламъ паспортнымъ, семейнымъ и спорамъ по договорамъ всякаго найма. Наконецъ, дѣла, имѣющія принципіальное значеніе, консультація принимаетъ къ своему веденію и ведетъ ихъ на свои расходы».

Въ этой новой постановкѣ дѣла весьма отчетливо слышатся отзвуки тѣхъ неясныхъ пожеланій, которыя высказывались нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» [1]). Свои профессіональныя задачи адвокатура подчиняетъ требованіямъ соціальныхъ условій и усматриваетъ свою задачу въ томъ, чтобы помогать слабѣйшему въ жизненной борьбѣ.

---

[1]) См. выше, с. 328—9.

Дѣятельность консультаціи изъ года въ годъ принимала все болѣе широкіе размѣры, и ей приходилось отдавать весьма много времени. Но участники консультаціи на этомъ не успокоились. Они обратили вниманіе еще на отсутствіе защиты на выѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда и образовали кружокъ для организаціи этихъ защитъ, на недостатокъ коихъ жаловался въ свое время проф. Фойницкій [1]). Первымъ предсѣдателемъ этого кружка былъ прис. повѣренный Ѳедотовъ, секретаремъ П. Н. Малянтовичъ. Пріемъ въ кружокъ былъ обставленъ большими строгостями, и недостаточно было стать членомъ консультаціи, чтобы попасть и въ кружокъ. Требовалась еще вторичная баллотировка,и принятымъ считался только тотъ, за кого высказались всѣ участники кружка. Кружокъ сразу же проявилъ весьма энергичную дѣятельность. Въ отчетѣ, напр., за 1899 г. указано, что изъ 36 сессій московскаго окр. суда кружокъ пропустилъ только двѣ, на остальныхъ присутствовали члены кружка и провели 199 дѣлъ, по которымъ было 232 подсудимыхъ. Этотъ успѣхъ давался не такъ просто, ибо здѣсь сложились свои традиціи. Такъ, кружку пришлось выдержать энергичную борьбу съ нѣкіимъ Лобысевичемъ, отставнымъ исправникомъ, который монополизировалъ защиту въ выѣздныхъ сессіяхъ и считалъ себя здѣсь полноправнымъ хозяиномъ. Но кружокъ встрѣтилъ большую поддержку со стороны товарища предсѣдателя Окружн. Суда Кларка, который главнымъ образомъ и руководилъ выѣздными сессіями.

Съ теченіемъ времени кружку становилось все болѣе тѣсно въ предѣлахъ Москвы. Внутри его образовалась новая группа, которая стала расширять свою дѣятельность, выѣзжая и въ другія губерніи на защиты по разнымъ дѣламъ, привлекавшимъ общественное мнѣніе. Сюда относятся рабочіе безпорядки, крестьянскія аграрныя волненія, нападенія одной части населенія на другую (269[1] ст. ул. о нак.); спеціальный поводъ для массовыхъ безпорядковъ возникъ послѣ секуляризаціи, въ бытность В. К. Плеве министромъ вн. дѣлъ, церковныхъ имуществъ армяно-грегоріанской церкви. Наконецъ, съ 1904 г., со времени введенія въ

---

[1]) См. выше, с. 187—8.

дѣйствіе части уголовнаго уложенія, въ судахъ стали разбираться политическіе процессы [1]). Въ первое время группа привлекала къ участію въ солидарныхъ защитахъ Ѳ. Н. Плевако, и очень любопытно воспользоваться такимъ сочетаніемъ стараго и молодого, чтобы отмѣтить разницу въ пріемахъ защиты. Защищая вмѣстѣ съ другими рабочихъ Коншинской мануфактуры, обвинявшихся по 269[1] и 1358 стт. ул. о наказ., Плевако начинаетъ съ того, что его рѣчь будетъ сводиться къ просьбѣ о снисходительномъ отношеніи, и что «у васъ, гг. коронные судьи, масса опыта—не къ вамъ слово мое, не напоминать вамъ, а учиться у васъ должны мы, младшіе служители правосудія». Подчеркнувъ затѣмъ, что «съ толпой мыслимо одно правосудіе—воздѣйствіе силой, пока она не разсѣется. Съ толпой говорятъ залпами и любезничаютъ штыкомъ и нагайкой»,—Плевако выясняетъ, какое есть основаніе для снисходительнаго отношенія къ подсудимымъ. Во-первыхъ, буйство было, было вторженіе въ чужое помѣщеніе, но помѣщеніе это—кабакъ, «гдѣ все... есть кристаллизація его (рабочаго) безпросвѣтнаго невѣжества и его непосильнаго труда». А, во-вторыхъ, рабочіе обезсилены физическимъ трудомъ, съ обмершими отъ бездѣйствія духовными силами, а потому отъ нихъ нельзя требовать выдержки, и хотя «невелика разница для рабочаго между неволей по закону и неволей нужды», но будьте снисходительны, и «пусть изъ ихъ груди, чуткой ко всякой правдѣ, имъ дарованной, дорожащей всякою крупицею вниманія со стороны вашей, вырвутся благодарные клики, обращенные къ тому, чьимъ именемъ творится судъ на Руси, клики, какіе, правда, по инымъ побужденіямъ вырывались изъ груди гладіаторовъ Рима: Vive Caesar, morituri te salutant“ [2]).

На ту же тему пришлось говорить В. А. Маклакову по дѣлу Долбенковскихъ крестьянъ. «Начался русскій бунтъ, без-

---

[1]) Первымъ такимъ процессомъ было дѣло по обвиненію прив.-доцента Е. В. Аничкова и А. В. Тырковой въ провозѣ изъ-за границы въ Россію журнала «Освобожденіе».

[2]) Плевако, «Рѣчи», т. I, с. 327.

смысленный и безпощадный..., разъяренная и полупьяная толпа уничтожала все, что было возможно; била все, что попадало ей подъ руку. Ея поступки были неосмысленны, были дики и грубы; но могло ли быть иначе? Чего другого можно ожидать отъ этой толпы? Вѣдь эти люди всегда грубы, грубы въ своей ласкѣ, грубы въ шуткахъ, грубы въ спорахъ— могли ли они оказаться иными въ злобѣ и гнѣвѣ? Ихъ ли за это винить? Пусть винитъ ихъ историкъ, когда черезъ много лѣтъ будетъ описывать наше печальное время. Пусть винитъ иностранецъ, порицая нашъ нравъ и обычай... Но, если порицать и обвинять станете вы, представители государственной власти, то я спрошу васъ: вы, которые осуждаете, а что же вы сдѣлали для того, чтобы излѣчить его отъ грубости? Государственная власть о многомъ заботилась: она старалась, чтобы они были покорны, преданы властямъ, смиренны передъ высшими, безотвѣтны передъ начальниками; а заботилась ли она о томъ, чтобы смягчить ихъ нравы, изгнать изъ нихъ дикость, вселить отвращеніе къ грубости... Мы пожинаемъ въ ихъ грубости то, что мы старательно сѣяли... И когда теперь вы, представители государственной власти, пріѣхали, чтобы наказать этихъ людей, я вамъ въ правѣ сказать: вы пришли, когда беззаконіе сдѣлали они, а гдѣ же вы были тогда, когда беззаконіе творили надъ ними?.. Признайте же, что если они виноваты, то и мы всѣ виноваты передъ ними, и въ этомъ дѣлѣ справедливостью можетъ быть только высшая милость» [1]).

Сопоставляя приведенныя двѣ рѣчи, трудно представить себѣ болѣе яркое противорѣчіе: одинъ прибѣгаетъ къ пріему captatio benevolentiae судей, другой бросаетъ имъ вызовъ; одинъ проситъ извинить грубость толпы, другой возлагаетъ на судей отвѣтственность за эту грубость; одинъ молитъ о снисхожденіи, какъ для людей обреченныхъ, другой требуетъ элементарной справедливости. Эту разницу нетрудно и объяснить, если принять во вниманіе, что одинъ, повидимому, всецѣло поглощенъ ближайшей судьбой подсудимыхъ, а организація, къ которой принадлежалъ второй, по словамъ

---

[1]) Молодая адвокатура, с. 81.

Н. В. Тесленко, придавала своимъ защитамъ характеръ политической борьбы за свободу [1]).

Проявившіяся въ этой рѣчи такъ ярко черты составляли, вообще, характерную особенность московскаго кружка, служившую залогомъ успѣха стремленій его. Смѣлость, прямота и послѣдовательность—что можетъ быть болѣе побѣдоносно въ борьбѣ съ порядками, основанными на рутинѣ и инерціи... Кружокъ, уже и тогда, когда онъ состоялъ изъ однихъ только помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, рѣшилъ, однако, оказывать воздѣйствіе на выборы въ Совѣтъ. Кружокъ намѣчалъ своихъ кандидатовъ и затѣмъ, не покладая рукъ, работалъ, чтобы добиться осуществленія желательныхъ ему кандидатуръ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но именно потому, что задача заключалась главнымъ образомъ въ уничтоженіи силы инерціи, старанія кружка увѣнчались успѣхомъ, и его настойчивости нужно приписать проведеніе въ составъ Совѣта кн. А. И. Урусова, Д. І. Невядомскаго, С. А. Муромцева. Кружокъ, кромѣ того, присвоилъ себѣ роль блюстителя нравственности сословія и не задумался, напримѣръ, вынести порицаніе не состоявшему въ кружкѣ прис. повѣренному Л. Е. Владимірову за его защиту жандармскаго полковника, обвинявшагося въ растлѣніи. Какъ уже извѣстно, согласно правиламъ 3 марта 1890 г., всякое общеніе между помощниками было уничтожено. Кружокъ не переставалъ возбуждать ходатайства о возобновленіи конференцій, но его ходатайства были безуспѣшны. Да и вообще Совѣтъ рѣшительно не допускалъ какихъ-либо собраній помощниковъ, такъ что они устраивались самочинно и происходили въ залахъ гостиницъ, пока, наконецъ, въ 1895 г. не состоялось собраніе въ помѣщеніи Совѣта.

Нѣсколько иначе развивалось это направленіе въ Петроградѣ. Здѣсь иниціаторами и руководителями новаго движенія явились братья М. и В. Беренштамы, вокругъ которыхъ сгруппировались: В. С. Елпатьевскій, А. А. Исаевъ, В. Н. Новиковъ, П. Н. Переверзевъ и др. В. Беренштамъ началъ съ

---

[1]) Такъ говорилъ Н. В. Тесленко на всероссійскомъ съѣздѣ адвокатовъ 28 марта 1905 г.

того, что поселился на Шлиссельбургскомъ тракту, гдѣ проживаетъ масса рабочихъ. «Я рѣшилъ,—пишетъ онъ въ своей книгѣ «За право» [1]),—сдѣлаться адвокатомъ бѣднаго, трудящагося населенія и поселился въ фабричной слободѣ. Въ ней проживали тысячъ сорокъ рабочихъ, нѣсколько сотенъ интеллигенціи, до двадцати врачей, но, какъ это ни странно, не было ни одного адвоката... Одинъ фактъ появленія въ слободѣ новаго интеллигентнаго человѣка, и тѣмъ болѣе адвоката,—неистощимая тема для общихъ разговоровъ. Постоянное общество товарищей, близость къ городу... дѣлаютъ рабочаго въ массѣ несравненно обтертѣе, сознательнѣе крестьянина. И потому рабочій могъ находить дорогу къ повѣренному, защитнику. А тутъ еще интеллигенція, сочувствующая горестямъ рабочихъ, едва узнавъ о появленіи рабочаго адвоката, торопится направлять къ нему нуждающихся въ помощи. Вотъ почему достаточно было поселиться въ слободѣ, какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы ко мнѣ уже повалилъ народъ». Годомъ позже вступилъ въ сословіе М. В. Беренштамъ, который поселился на другой окраинѣ столицы. Нарушая традиціонныя правила адвокатской этики, онъ повѣсилъ на фонарномъ столбѣ у своей квартиры внушительныхъ размѣровъ дощечку, которая сообщала, когда и гдѣ происходитъ пріемъ у помощника прис. повѣреннаго М. В. Беренштама.

Первыя же попытки выяснили, что на рабочихъ окраинахъ есть серьезная нужда въ юридической помощи. Но хотя и въ Петроградѣ при Съѣздѣ мировыхъ судей существовала консультація, съ самаго начала урѣзанная Съѣздомъ въ своей программѣ [2]) и влачившая такое же безцвѣтное существованіе, какъ и въ Москвѣ,—дѣятельность ея не развивалась, а, напротивъ, постепенно падала, — петроградскій кружокъ оставилъ эту консультацію въ сторонѣ, а началъ основывать новыя консультаціи, на окраинахъ столицы. Въ заявленіи,

---

[1]) Книга эта переведена на нѣсколько иностранныхъ языковъ.

[2]) Отвергнута организація защитъ при съѣздѣ въ виду того, что законъ не предусматриваетъ защитъ по назначенію въ съѣздѣ, даже съ согласія обвиняемыхъ, и ограничена автономія консультаціи допущеніемъ въ ея составъ присяжныхъ повѣренныхъ даже и безъ баллотировки.

поданномъ въ Совѣтъ 9 іюня 1898 г. комиссіей помощниковъ, указывается, что «въ виду обнаружившейся значительной потребности малоимущаго населенія г. С.-Петербурга въ помощи юристовъ-спеціалистовъ, которые могли бы своими знаніями и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу замѣнить распространившихъ свою вредную дѣятельность среди бѣднаго населенія негласныхъ ходатаевъ, и предполагается организовать на окраинахъ консультаціи».

Первою изъ нихъ была Шлиссельбургская консультація, а вслѣдъ за первой открыты были послѣдовательно: Василеостровская, Лиговская, Измайловская, Петербургская, Выборгская, Нарвская, Царскосельская, Охтенская, Песковская (въ періодъ съ 1899 г. до 1905 г.). Эти консультаціи поставили свою задачу еще болѣе опредѣленно, нежели московская консультація. Обозрѣвая въ 1905 г. «на перепутьи нарождающейся общественной и государственной жизни въ Россіи дѣятельность присяжной адвокатуры» и, главнымъ образомъ, сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, отчетъ комиссіи помощниковъ прямо связываетъ появленіе консультацій съ первымъ выступленіемъ трудящихся классовъ на арену общественной жизни въ Россіи и недостатокъ консультацій видитъ въ томъ, что онѣ построены на принципѣ благотворительности, а не какъ рабочіе секретаріаты на западѣ, на началѣ самодѣятельности и оплатѣ труда. Но только это и есть существенная разница, которую отчетъ усматриваетъ между консультаціей и рабочимъ секретаріатомъ. Въ отчетахъ же отдѣльныхъ консультацій еще опредѣленнѣе говорится, что консультація должна служить переходной ступенью къ секретаріату. «Положить основаніе этимъ секретаріатамъ и прійти на помощь пролетаріату въ воспитаніи рабочихъ секретарей—такова задача пролетарски настроенной адвокатуры» [1]). Но отчетъ на этомъ не останавливается. Онъ, повидимому, полагаетъ, что такъ должна быть вообще настроена вся адвокатура. «Адвокатъ, можетъ быть, и высоко держащій знамя сословной этики, во имя этой самой этики превратившій себя въ честнаго юридическаго маклера, оказывающаго помощь всѣмъ безъ

[1]) Отчетъ Комиссіи за 1905 годъ, с. 284.

различія, нашелъ своего идейнаго противника въ адвокатѣ уже опредѣленныхъ соціальныхъ симпатій, выдѣляющемъ изъ современнаго строя тотъ соціально болѣе слабый трудовой классъ, защитой интересовъ коего опредѣляется кругъ и характеръ его дѣятельности» [1]). Такимъ образомъ, дѣло не только въ томъ, что опредѣленно настроенная группа адвокатовъ отмежевываетъ себѣ опредѣленную область дѣятельности. Нѣтъ! Отчетъ относится съ величайшимъ пренебреженіемъ къ адвокатской профессіи, находя, что сословная этика превращаетъ адвоката въ честнаго юридическаго маклера. Дѣловое отношеніе къ своей задачѣ отчетъ считаетъ пониженіемъ общаго идейнаго уровня работы и заключаетъ слово дѣловой въ ироническія кавычки. Иначе говоря, народившаяся молодая адвокатура, приходя, правда, съ другой стороны, также отрицательно относилась къ профессіи адвоката, какъ и ея предшественники.

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, окраинныя консультаціи допускали съ большимъ разборомъ участниковъ въ свою среду. Такъ, консультація разрѣшила отрицательно вопросъ о допущеніи въ завѣдующіе консультаціей юрисконсульта желѣзной дороги, фабрики или завода. Такое совмѣщеніе было бы «противно духу консультацій» и «могло бы вызвать недовѣріе среди рабочихъ. Кромѣ того (!), недопустимо и съ этической точки зрѣнія, чтобы адвокатъ, выступающій въ качествѣ повѣреннаго капиталистическаго предпріятія противъ увѣчныхъ рабочихъ, являлся одновременно защитникомъ ихъ же интересовъ» [2]).

Гораздо дальше московской консультаціи шагнули петроградскія въ направленіи отказовъ въ дачѣ совѣтовъ. Консультаціи постановили отказывать въ помощи работодателямъ противъ рабочихъ, мужьямъ, принимающимъ противъ женъ принудительныя мѣры, въ силу своей супружеской власти, и вообще лицамъ имущимъ. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) Отчетъ Комиссіи за 1905 г., с. 284.

[2]) Въ особомъ совѣщаніи, составленномъ Совѣтомъ изъ трехъ прис. повѣренныхъ и трехъ помощниковъ, за такое рѣшеніе вопроса, вмѣстѣ съ помощниками, высказался В. О. Люстихъ противъ Б. Б. Дорна и В. И. Леонтьева.

консультаціи заходили такъ далеко, что отказали, напр., въ просьбѣ оспорить завѣщаніе, составленное въ пользу второй жены, находящейся въ нуждѣ, тогда какъ проситель, обойденный, самъ состоятельный человѣкъ. Но мало того! Даже независимо отъ предпочтенія слабѣйшаго сильнѣйшему, консультація еще отказывала, напр., въ совѣтахъ супругамъ, обвиняющимъ другъ друга въ прелюбодѣяніи. Подача совѣтовъ представителямъ полиціи признана лишь допустимой, и то только за предѣлами ихъ служебныхъ обязанностей, по охраненію порядка и общественнаго спокойствія [1]). Тѣмъ болѣе характерно, что, когда послѣ аграрной реформы стали обращаться крестьяне за совѣтами въ консультаціи, причемъ часть просителей, принадлежа къ беднѣйшей части крестьянства, просила дать совѣтъ, какъ оградить себя отъ покушеній на разрушеніе общины, а другая часть, напротивъ, обращалась съ просьбой укрѣпить участокъ земли за собой [2]), то консультаціи давали совѣты тѣмъ и другимъ. По крайней мѣрѣ, объ отказѣ въ дачѣ совѣтовъ въ отчетѣ вовсе не упоминается. Но это уже было въ моментъ упадка настроенія.

Отчетъ констатируетъ большой успѣхъ дѣятельности консультацій. Населеніе окраинъ отнеслось къ нимъ съ довѣріемъ и шло къ нимъ подчасъ не только за юридическими совѣтами, но за указаніями и содѣйствіемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ своей повседневной жизни [3]). Однако, члены консультацій не стояли на высотѣ предъявленныхъ къ нимъ требованій. «У насъ въ консультаціяхъ,—утверждаетъ тотъ же отчетъ,—даются подчасъ совѣты, не основывающіеся на знаніи русскаго законодательства. Исправность дежурствъ поддерживается въ консультаціяхъ иногда съ трудомъ» [4]).

Независимо отъ консультацій и совершенно отдѣльно отъ нихъ, въ Петроградѣ тоже образовался кружокъ молодыхъ адвокатовъ, организовавшихъ выѣздныя защиты.

---

[1]) Отчетъ Комиссіи за 1905 г., с. 282.
[2]) Отчетъ за 1907 г., с. 179.
[3]) Отчетъ за 1905 г., с. 187.
[4]) Ib., с. 176, 177.

Здѣсь точно такъ же на первыхъ порахъ кружокъ привлекалъ къ участію въ защитѣ старшихъ товарищей. Въ одномъ изъ первыхъ дѣлъ о безпорядкахъ на фабрикѣ Максвель въ числѣ защитниковъ были: П. А. Потѣхинъ и О. О. Грузенбергъ, поддерживавшіе затѣмъ и кассаціонную жалобу въ Сенатѣ. Какую энергичную дѣятельность кружокъ развивалъ, можно судить по тому, что членамъ его (А. С. Зарудный и В. В. Беренштамъ) приходилось выѣзжать даже въ Якутскъ.

Примѣръ Петрограда и Москвы оказалъ вліяніе и на провинціальные города. Такіе же кружки стали образовываться: въ Харьковѣ (Гонтаревъ, Раппъ, Шидловскій), Одессѣ (Пергаментъ), Саратовѣ (Кальмановичъ, Никоновъ). Во многихъ городахъ стали открываться консультаціи, причемъ нерѣдко попытка организовать консультацію встрѣчала отпоръ со стороны администраціи. Такъ, въ Уфѣ предсѣдатель Окружнаго Суда не разрѣшилъ открытія консультаціи въ виду малочисленности прис. повѣренныхъ и отсутствія помѣщенія въ зданіи суда, въ Саратовѣ отказано было безъ приведенія какихъ-либо мотивовъ [1]).

Успѣхъ идеи организаціи выѣздныхъ защитъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ сближеніе адвокатовъ разныхъ округовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше процессы о всякихъ безпорядкахъ—аграрныхъ, фабричныхъ, о сопротивленіи властямъ—пріобрѣтали характеръ процессовъ-монстръ съ массой подсудимыхъ. Соотвѣтственно этому, увеличивалось и число защитниковъ, и на разбирательствѣ такихъ дѣлъ встрѣчались прис. повѣренные и ихъ помощники со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ какъ всѣ они были болѣе или менѣе одинаково настроены и существовали у нихъ общіе интересы, то вполнѣ естественно, что съ каждой новой встрѣчей, носившей хотя и случайный характеръ, все больше крѣпла мысль объ организаціи правильнаго общенія. Такъ родилась мысль о союзѣ адвокатовъ. Начало ему и было положено на съѣздѣ, который состоялся въ Москвѣ 15 февраля 1903 года. Съѣздъ этотъ занимался главнымъ образомъ вопросами организаціонными. На этомъ съѣздѣ,—говорилъ потомъ одинъ изъ

---

[1]) М. Беренштамъ. Юр. консультаціи въ Россіи. «Р. Бог.», 1903 г., кн. 3.

его участниковъ, Н. К. Муравьевъ,—«политическое настроеніе объединенной адвокатуры выразилось настолько ярко, что съѣздъ призналъ принципъ общественно-политической дѣятельности адвокатуры твердо установленнымъ, не нуждающимся въ подробной формулировкѣ. На этомъ же съѣздѣ принято было твердое рѣшеніе организовать систематическую борьбу съ произволомъ администраціи и суда, заявлять о необходимости законодательныхъ реформъ, клонящихся къ расширенію правъ населенія, и участіи въ обсужденіи этихъ реформъ» [1]). Гораздо болѣе категорически формулировалъ рѣшенія этого съѣзда Н. В. Тесленко въ своей рѣчи на всероссійскомъ съѣздѣ адвокатовъ въ мартѣ 1905 года. «Здѣсь былъ принятъ основной принципъ дѣятельности союза—это борьба за политическую свободу».

Второй съѣздъ состоялся тоже въ Москвѣ, въ концѣ октября 1904 г., за нѣсколько дней до историческаго съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей въ Петроградѣ. Этотъ съѣздъ былъ болѣе многочисленнымъ и собралъ представителей группъ молодой адвокатуры изъ всѣхъ почти округовъ, за исключеніемъ Сибири, Кавказа и Варшавы. На второмъ съѣздѣ главнымъ предметомъ обсужденія явился вопросъ о выступленіи адвокатовъ съ конституціонными заявленіями. Съѣздъ постановилъ принять самостоятельное участіе въ предстоявшемъ празднованіи 20 ноября сорокалѣтія судебныхъ уставовъ. Устройство политическихъ банкетовъ 20 ноября 1904 г., сыгравшихъ рѣшающую роль въ развитіи конституціоннаго движенія, было въ значительной мѣрѣ дѣломъ союза.

28. Борьба между старыми и новыми теченіями.

Дѣятельность молодой адвокатуры вызывала къ себѣ подозрительное отношеніе со стороны органовъ сословія. Долгое время эта дѣятельность совершенно игнорировалась. Въ 1897 г. въ Брюсселѣ состоялся первый международный конгрессъ адвокатовъ. Въ вопросникѣ, составленномъ бюро

---

[1]) Отчетъ московскаго Совѣта за 1904—5 г., с. 54.

конгресса, поставленъ былъ, между прочимъ, вопросъ: „Existe-t-il dans votre pays, en dehors de la legislation, proprement dite, des Institutions libres relatives à la profession d'avocat, établies par l'initiative privée, par exemple: des Associations du jeune barreau, des Féderations ou Sociétés des Avocats..., des Institutions pour la défence gratuite des indigens ou des enfants en justice?

На этотъ вопросъ русскій отвѣтъ былъ отрицательный, и ни малѣйшаго намека на новыя теченія въ адвокатурѣ здѣсь не содержится. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ оцѣнки конгресса, сдѣланной В. Д. Спасовичемъ [1]), можно весьма ясно представить себѣ, каковы должны были сложиться отношенія между отцами и дѣтьми. Въ Бельгіи въ то время стоялъ, по словамъ В. Д. Спасовича, на очереди вопросъ о переходѣ отъ проникающаго Наполеоновъ кодексъ индивидуальнаго начала къ соціализаціи гражданскаго права. Въ подготовкѣ къ рѣшенію этого вопроса горячее участіе принимала бельгійская адвокатура, и это обстоятельство наложило яркій отпечатокъ на все ея поведеніе. «На каждомъ шагу,—пишетъ В. Д. Спасовичъ,—на конгрессѣ въ Брюсселѣ мы слышали афоризмъ: ex facto oritur jus. Съ этой точки зрѣнія естественнымъ объяснителемъ права и его бойцомъ является даже не судья, а адвокатъ, приглашаемый для устроенія возникающихъ правоотношеній, естественный вульгаризаторъ права и его учитель. Это яркое и сильно преувеличенное представленіе объ адвокатской профессіи нашло подходящее выраженіе въ первомъ докладѣ на конгрессѣ брюссельскаго адвоката Дюбуа, въ которомъ адвокаты не только провозглашены бойцами за право, но и возведены въ званіе его жрецовъ (prêtre du devoir exerçant un sacerdoce)». В. Д. Спасовичъ коренным образомъ съ такимъ взглядомъ не согласенъ. Онъ удивляется (хотя онъ и самъ присутствовалъ на конгрессѣ), что никто не опротестовалъ этого крупнаго парадокса, котораго несостоятельность очевидна. «Священство предполагаетъ общій культъ, извѣстный догматъ, считаемый правдой, и поэтому проповѣдуемый, между тѣмъ, какъ адво-

---

[1]) Собраніе сочиненій, т. X, с. 415—453.

катура установлена только для споровъ о правѣ, для установленія того, которое изъ самостоятельныхъ и спорныхъ правъ предпочтительнѣе, которое изъ нихъ согласно съ идеею еще болѣе возвышенной, нежели право, и его въ себѣ совмѣщающей—съ идеей добра. Задача адвокатуры вовсе не та, чтобы проповѣдывать какую-либо правду, а только чтобы всякое право, хотя бы въ данное время непопулярное и даже, по строгости своей, непріятное, нашло себѣ отважнаго и искуснаго бойца, и чтобы бой происходилъ по всѣмъ правиламъ боецкаго искусства, со всею вѣжливостью и пощадой, которыя требуются въ образованномъ обществѣ даже по отношенію къ противникамъ». А отсюда В. Д. Спасовичъ заключаетъ, что «бельгійская адвокатура имѣетъ нѣсколько преувеличенное представленіе о задачахъ и достоинствахъ адвокатуры, вообще». Къ такому выводу В. Д. Спасовичъ приходитъ, хотя онъ и признаетъ, что «заслуги бельгійской адвокатуры весьма велики».

Если сравнить эти выводы съ тѣми категорическими утвержденіями, которыя высказаны въ приведенномъ выше отчетѣ бюро консультаціи, то ясно станетъ, что разногласіе между отцами и дѣтьми весьма существенное, и что борьба между ними была неминуема. Дѣйствительно, уже первое дѣйствіе—прибитіе бр. Беренштамами дощечки на улицѣ съ обозначеніемъ часовъ пріема—вызвало большіе толки въ совѣтскихъ кругахъ, а намѣреніе открыть консультацію разсматривалось какъ покушеніе нарушить запретъ открывать конторы. Когда была открыта шлиссельбургская консультація, Совѣтъ обратился къ Комиссіи съ предложеніемъ «войти въ разборъ неправильностей при преждевременномъ функціонированіи консультаціи, не могущей считаться открытой» [1]).

Кромѣ того, въ Дѣлѣ объ окраинныхъ консультаціяхъ имѣется черновикъ, писанный рукой В. Д. Спасовича и заканчивающійся такъ: «Совѣтъ предлагаетъ Комиссіи нынѣ же объявить всѣмъ 11 лицамъ, поименованнымъ въ ея представ-

---

[1]) Отчетъ Комиссіи иронически называетъ эту переписку съ Комиссіей «междувѣдомственной».

вленіи отъ 31 марта 1899 г., образующимъ будто бы (!) организаціонную группу, чтобы они прекратили свою коллективную дѣятельность и за консультацію себя не выдавали». Затѣмъ, однако, Совѣтъ утвердилъ съ нѣкоторыми измѣненіями выработанный помощниками уставъ, и Отчетъ Бюро констатируетъ, что консультаціи «приступали къ дѣятельности на началахъ самодѣятельности и свободы внутренняго самоуправленія, не стѣсняемой давшимъ имъ санкцію признанія Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ чемъ несомнѣнная его заслуга» [1]). Отчетъ какъ бы хочетъ сказать, что отъ Совѣта ничего, кромѣ помѣхъ, нельзя было ожидать, о содѣйствіи консультаціямъ и говорить нечего. И если Совѣтъ не поставилъ препятствій, то уже въ этомъ слѣдуетъ видѣть заслугу руководящаго органа. Любопытнымъ кажется этотъ самоувѣренно покровительственный тонъ въ отношеніи Совѣта, это острое противопоставленіе своихъ задачъ дѣятельности Совѣта.

Особенно рѣзко такое отношеніе проявлялось въ Москвѣ и здѣсь оно привело къ очень рѣшительному столкновенію. Какъ уже замѣчено выше, уставъ московской консультаціи утвержденъ былъ Съѣздомъ мировыхъ судей, и Совѣтъ не имѣлъ къ ней никакого отношенія. Но Совѣтъ неизмѣнно продолжалъ заниматься вопросомъ объ организаціи помощничества. Въ 1899 г. представила свой докладъ одна изъ безчисленныхъ комиссій, учрежденныхъ для разработки вопроса. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, содержится рѣшительное осужденіе принципа личнаго патроната, усвоеннаго дѣйствовавшими къ тому времени правилами 3 марта 1890 г., кодифицированными въ 1895 г., и указывается, что, за отсутствіемъ легальной организаціи помощниковъ, потребность въ этомъ стала удовлетворяться въ формахъ, выработанныхъ самостоятельно и независимо отъ контроля и руководительства Совѣта. «Такимъ образомъ,—продолжаетъ докладъ,—составился кружокъ членовъ консультаціи при московскомъ столичномъ Мировомъ Съѣздѣ, дѣйствующій понынѣ внѣ надзора со стороны Совѣта; означен-

---

[1]) С. 175.

ная консультація выдѣлила изъ себя затѣмъ болѣе замкнутый отдѣлъ уголовныхъ защитъ; возникли и болѣе тѣсные кружки, которые хотя и преслѣдуютъ хорошія цѣли, но, при отсутствіи общей организаціи для помощниковъ, способны, однако, содѣйствовать взаимному отчужденію членовъ сословія и обостренію партій» [1]).

Уже въ этихъ словахъ слышится, съ одной стороны, признаніе значенія тѣхъ кружковъ, которые стали образовываться среди молодой адвокатуры, а съ другой — опредѣленно обозначается отрицательное отношеніе къ нимъ. Реально оно дало себя знать два года спустя, когда консультація исключила изъ своего состава одного изъ членовъ, который принесъ на своихъ товарищей жалобу въ Совѣтъ. Естественно, что прежде всего возникъ вопросъ, подлежитъ ли жалоба компетенціи Совѣта, вмѣшательство коего уставомъ консультаціи не предусмотрѣно. Совѣтъ отвѣчаетъ на вопросъ утвердительно, ибо «не только профессіональная, но и всякая другая общественная дѣятельность прис. повѣреннаго, даже его частная жизнь, могутъ дать поводъ къ вмѣшательству дисциплинарной власти Совѣта; такой поводъ можетъ возникнуть иногда даже среди самой интимной, семейной обстановки. Отсюда вытекаетъ, что дѣятельность членовъ сословія, въ качествѣ участниковъ консультаціи, не можетъ ускользнуть отъ надзора Совѣта». Но такой выводъ еще не предрѣшаетъ вопроса объ отношеніяхъ между Совѣтомъ и консультаціей. На этотъ вопросъ Совѣтъ отвѣчаетъ весьма опредѣленно: «Говорить о томъ, что въ средѣ нашего сословія могутъ возникнуть такія организаціи, которыя исключали бы всякую возможность какого-либо надзора со стороны Совѣта, уже не приходится; какую бы автономію такія организаціи себѣ не присвоили, какіе бы уставы и руководства себѣ не составляли, наблюдательная власть Совѣта перешагнетъ и черезъ эту самопроизвольную автономію и черезъ всѣ эти уставы и, если признаетъ это нужнымъ, возстановитъ нарушенный порядокъ» [2]). Уже

---

[1]) Отчетъ Совѣта за 1899—1900 г., с. 23.
[2]) Отчетъ Совѣта за 1900—1901 г., с. 114, 115.

по этимъ выводамъ и, еще больше, по тону ихъ словъ нетрудно догадаться, что Совѣтъ признаетъ въ данномъ случаѣ порядокъ нарушеннымъ. Дѣйствительно, Совѣтъ нашелъ, что не только не было никакихъ основаній къ исключенію жалобщика изъ состава консультаціи, но что дѣйствія членовъ распорядительной комиссіи консультаціи, обсуждавшей поведеніе своего члена, засимъ исключеннаго изъ состава консультаціи, подлежатъ обсужденію Совѣта въ дисциплинарномъ порядкѣ. Поэтому Совѣтъ постановленіе консультаціи объ исключеніи отмѣнилъ и распорядительную комиссію привлекъ къ дисциплинарной отвѣтственности.

Врядъ ли нужно даже касаться самой сущности дѣла, подавшаго поводъ къ исключенію члена консультаціи и засимъ къ привлеченію распорядительной комиссіи консультаціи къ отвѣтственности. Важно то, что между представительнымъ органомъ сословія и выборнымъ органомъ консультаціи оказалось столь рѣзкое коренное разногласіе; въ полномъ смыслѣ слова бѣлымъ для однихъ казалось то, что другіе считали чернымъ, и наоборотъ. Замѣчательно при этомъ, что Совѣтъ призналъ дѣятельность консультаціи чрезвычайно полезной. Совѣтъ «съ чувствомъ особаго нравственнаго удовлетворенія отмѣчаетъ дѣятельность консультаціи за послѣдніе годы, когда, въ цѣляхъ приближенія къ нуждающемуся населенію, консультація расширила районъ своихъ операцій, устроивъ отдѣленія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской и Владимірской губерній; не ограничиваясь подачей совѣтовъ и соотвѣтственныхъ дѣловыхъ бумагъ, члены консультаціи безплатно принимаютъ на себя веденіе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ лицъ неимущихъ, что при массѣ затрачиваемыхъ на это энергіи и труда ярко свидѣтельствуетъ о прекрасныхъ, высокогуманныхъ стремленіяхъ нашей молодой адвокатуры». Несмотря на это, консультація обвиняется въ томъ, что она стремится создать у насъ атмосферу судачества и коммеража, въ которой задохнется всякій свѣжій человѣкъ, что поведеніе ея представляется актомъ величайшей несправедливости; что трудно представить себѣ, до какого забвенія самыхъ элементарныхъ требованій справедливости, самыхъ основныхъ положеній права дошли въ этомъ дѣлѣ члены

распорядительной комиссіи и т. п. Пусть, однако, консультація кругомъ не права, но престижу, въ которомъ нуждается рѣшеніе Совѣта, едва ли можетъ соотвѣтствовать такой страстный полемическій тонъ. И когда рѣшеніе напоминаетъ консультаціи о необходимости сдержанности языка и взаимнаго уваженія товарищей, то какъ же цѣнить такія замѣчанія по адресу обвиняемаго, какъ что онъ «не обладаетъ даромъ провидѣнія», что «искусства читать въ человѣческихъ сердцахъ ему не дано», Совѣтъ «не думаетъ, чтобы даромъ сердцевѣдѣнія обладали распорядители консультаціи» и т. д. Такой тонъ и такая страстность заставляютъ думать, что Совѣтъ выступалъ въ качествѣ стороны, а не въ качествѣ суда.

Еще болѣе острыми должны были стать столкновенія на почвѣ стремленія молодой адвокатуры принять участіе въ оппозиціонныхъ выступленіяхъ того времени. Такъ, въ Петроградѣ въ 1903 году подготовлялось чествованіе юбилея Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко. Группа помощниковъ прис. повѣренныхъ обратилась въ Комиссію съ предложеніемъ принять участіе въ чествованіи, причемъ содержаніе этого обращенія не оставляло никакого сомнѣнія относительно его характера. «Мы,—писали помощники,—находимъ крайне умѣстнымъ, чтобы петербургская адвокатура въ лицѣ своего молодого поколѣнія отозвалась на праздникъ русской свободной мысли въ юбилейные дни Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко. Помимо общаго культурнаго значенія этихъ проповѣдниковъ гуманности и свободы личности, они являются единственными піонерами въ дѣлѣ участія общества въ защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ на аренѣ судебной борьбы съ произволомъ, безправіемъ и темной силой обскурантизма. Этими своими попытками Л. Толстой и В. Короленко становятся еще ближе и дороже тому сословію, котораго призваніе защищать личность изъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые являются огульными жертвами этихъ силъ». Въ виду этого, помощники просили созвать общее собраніе. Предсѣдатель Совѣта В. Н. Герардъ отказалъ въ созывѣ (это было во время болѣзни, сведшей его, спустя два мѣсяца, въ могилу), но основаніемъ отказа онъ выставилъ отнюдь не характеръ предполагаемаго собранія. «Я не утвердилъ повѣст-

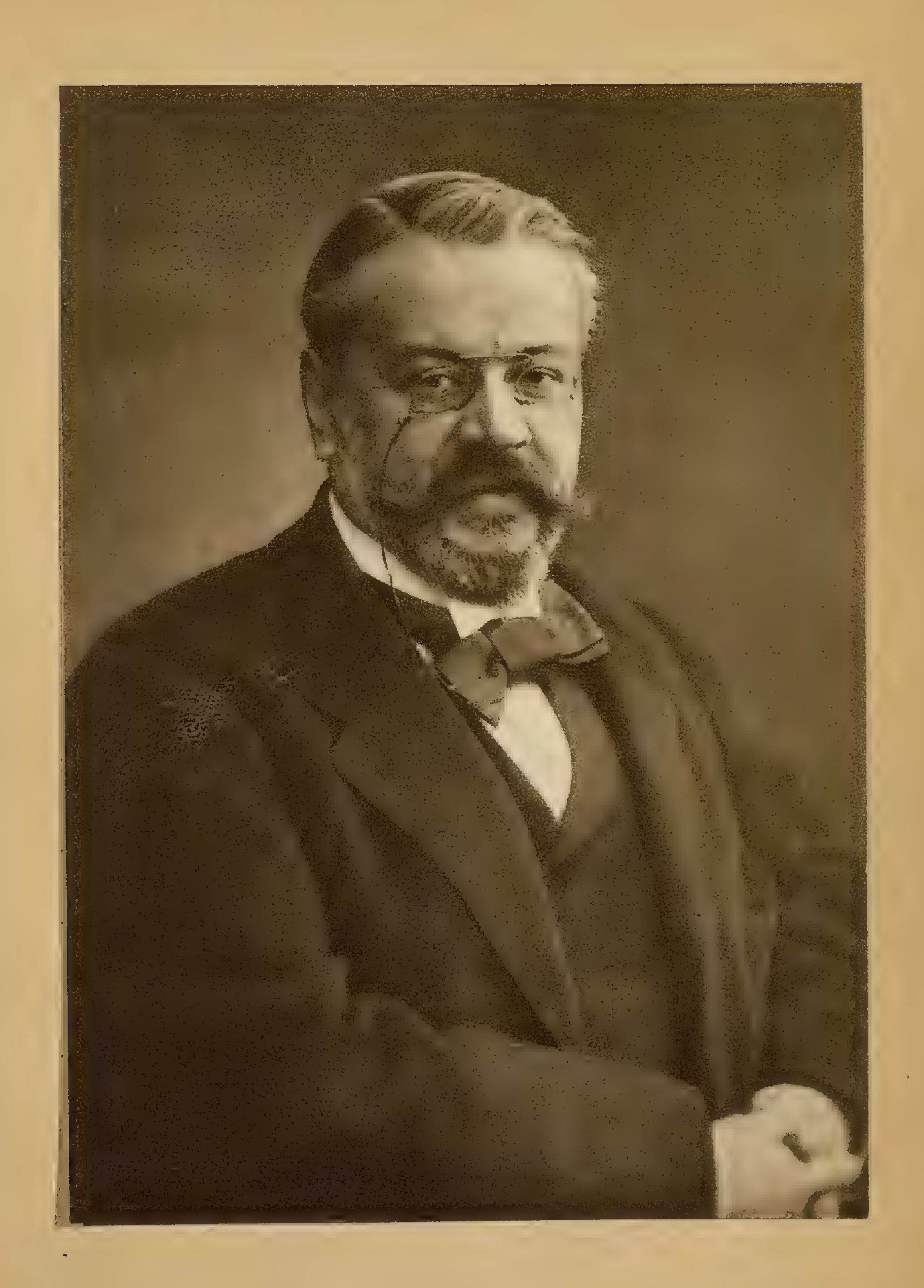
ку,—писалъ уже больной В. Н. Герардъ В. О. Люстиху,—потому, что на мой взглядъ помощники составляютъ корпорацію только въ нашей сословной жизни; у нихъ могутъ быть интересы, для обсужденія которыхъ они могутъ собираться съ одобренія Совѣта. Но въ общественномъ обиходѣ помощники не составляютъ самостоятельнаго сословія и, какъ таковое, не могутъ проявлять въ общественной жизни ни симпатій, ни антипатій». Собраніе помощниковъ не было созвано, но на ихъ сторону стало нѣсколько молодыхъ прис. повѣренныхъ, которые, въ числѣ 25, подали заявленіе о созывѣ общаго собранія прис. повѣренныхъ для обсужденія вопросовъ, снятыхъ предсѣдателемъ Совѣта съ повѣстки общаго собранія помощниковъ прис. повѣренныхъ.—Совѣтъ и на этотъ разъ собранія не созвалъ, но, съ своей стороны, и прис. повѣренные какъ будто забыли о своемъ желаніи. Прошло нѣсколько общихъ собраній, прежде чѣмъ, спустя больше полугода, на общемъ собраніи [1]) поднятъ былъ вопросъ, почему Совѣтъ положилъ подъ сукно ходатайство 25-ти прис. повѣренныхъ. Здѣсь были вскрыты истинныя причины разногласія. Сторонники созыва собранія упрекали Совѣтъ въ томъ, что онъ не выражаетъ воли сословія, что въ сословіи рѣзко опредѣлилось два теченія—«одно оппортунистическое, а другое молодое, здоровое». А сторонники Совѣта (Б. Г. Ольшамовскій, Д. В. Стасовъ) утверждали, что не надо созывать общее собраніе, когда есть основаніе думать, что несвоевременное возбужденіе того или другого вопроса можетъ имѣть нежелательныя для сословія послѣдствія, и что теперь именно время для сословія столь трудное, что лучше бы многихъ вопросовъ не затрагивать.

Приблизительно тѣ же разговоры, но, такъ сказать, въ обратномъ порядкѣ, происходили по поводу принесенія Совѣтомъ поздравленія Н. В. Муравьеву по случаю десятилѣтняго его пребыванія на посту министра юстиціи. Одна часть сословія упрекала Совѣтъ, а другая доказывала, что надо было принести поздравленіе, чтобы не обострять отношеній, чтобы оберечь интересы сословія. Значеніе этихъ споровъ

---

[1]) 23 апрѣля 1904 г.

Александръ Ивановичъ Урусовъ.

станетъ ярче, если сказать, что въ своемъ отвѣтѣ поздравлявшей его депутаціи покойный министръ юстиціи между прочимъ подчеркнулъ, что привѣтствіе адвокатуры ему особенно цѣнно, такъ какъ оно исходитъ отъ свободнаго сословія [1]). Очевидно, что тѣ, кто такъ ревниво относились къ принесенію поздравленій, имѣли для этого весьма реальныя причины и еще болѣе конкретно стремились къ тому, чтобы оберечь интересы сословія.

Отмѣченная выше самоувѣренность молодежи имѣла, несомнѣнно, широкое основаніе въ окружающихъ условіяхъ общественной жизни. Отцы вынуждены были все больше и больше уступать бодрому настроенію, которое охватило дѣтей, и, мало того, сами этому настроенію поддавались. Мы уже видѣли, какъ въ Петроградѣ Шлиссельбургская консультація не пожелала выжидать затянувшагося утвержденія Совѣтомъ правилъ, и Совѣту, несмотря на рѣшительныя угрозы, пришлось считаться съ совершившимся фактомъ. А засимъ въ 1903 г. Совѣтъ констатировалъ, что «дѣятельность консультацій весьма обширна и весьма серьезна въ смыслѣ удовлетворенія потребностей нуждающагося населенія Петербурга въ юридической помощи», и потому призналъ необходимымъ принять болѣе непосредственное и живое участіе въ дѣятельности консультацій. Такъ, въ Москвѣ, возбужденное противъ распорядительной комиссіи московской консультаціи дисциплинарное дѣло положено было подъ сукно и переносилось изъ одного годового реестра въ другой. Только въ прошломъ, 1913 году, слѣдовательно спустя лѣтъ двѣнадцать, оно было прекращено формальнымъ постановленіемъ. Къ этому времени многіе изъ привлеченныхъ къ отвѣтственности сами уже находились въ составѣ Совѣта.

Поразительно при этомъ, какъ быстро приспособлялось къ новымъ обстоятельствамъ настроеніе отцовъ. На 21 ноября 1904 г. назначено было по случаю 40-лѣтія судебныхъ уставовъ общее собраніе прис. повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ обычномъ помѣщеніи въ зданіи судебныхъ установленій. Но утромъ на квартиру къ предсѣдателю Совѣта явился смо-

[1]) Общее собраніе 18 января 1904 г.

тритель зданія и заявилъ, что общее собраніе не можетъ состояться, такъ какъ «цѣль собранія не соотвѣтствуетъ зданію судебныхъ установленій». Ворота зданія оказались заперты-ми, и собравшіеся адвокаты перешли въ зданіе городской думы. Предсѣдатель Совѣта А. Н. Турчаниновъ заявилъ здѣсь, что собраніе не можетъ почитаться законно состоявшимся, и пригласилъ всѣхъ разойтись [1]). Собравшіеся не только не разошлись, но, напротивъ, въ состоявшемся засѣданіи приняли участіе и предсѣдатель вмѣстѣ со всѣми членами Совѣта. Засѣданіе закончилось принятіемъ резолюціи о томъ, что правильная организація отправленія правосудія невозможна безъ коренной реформы государственнаго строя. Подъ резолюціей значатся и подписи предсѣдателя Совѣта и всѣхъ членовъ Совѣта. Между прочимъ, среди многочисленныхъ подписей, имѣется и подпись А. Я. Пассовера съ такой характерной оговоркой: «Не бывши въ томъ собраніи и не признавая его общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ, я отнюдь не въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго симъ подтверждаю свое полное согласіе съ выраженными на первой страницѣ этой бумаги мыслями. Надворный совѣтникъ А. Я. Пассоверъ». Очевидно, этотъ же характеръ носили и подписи членовъ Совѣта. Въ виду такого отношенія Совѣта, собраніе, постановивъ сообщить принятую резолюцію г. министру внутреннихъ дѣлъ, поручило это не Совѣту, а избрало особую депутацію. Еще недѣлю спустя, 27 ноября, Совѣтъ обсуждалъ предложеніе нѣсколькихъ членовъ о представленіи всѣмъ составомъ Совѣта г. министру внутреннихъ дѣлъ резолюціи, постановленной собраніемъ прис. повѣренныхъ и ихъ помощниковъ 21 ноября 1904 года. Предложеніе это было отклонено голосами: А. Турчанинова, В. Люстиха, Б. Дорна, П. Миронова, Л. Бубнова, Г. Юнкера, противъ: Л. Базунова, М. Каплана, Н. Карабчевскаго, Д. Стасова и Н. Шнитникова. А еще три дня спустя, послѣ совмѣстнаго обсужденія съ московскимъ Совѣтомъ, прибывшимъ въ Петроградъ, Совѣтъ

---

[1]) Въ отчетѣ Совѣта за 1904—1905 г. сказано, что А. Н. Турчаниновъ заявилъ, что собраніе «не можетъ быть признано законно состоявшимся» (с. 16). Въ протоколѣ же собранія отмѣчено, что А. Н. Турчаниновъ также «предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ разойтись».

Засѣданіе совѣта 25 ноября 1904 года.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Въ торжественные дни сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, въ глубокомъ сознаніи всего великаго и государственнаго значенія заложенныхъ въ нихъ началъ, — въ благоговѣйномъ признаніи неисчислимыхъ заслугъ всѣхъ тѣхъ, кто въ теченіи сорока лѣтъ отдавалъ свои силы на проведеніе въ жизнь великихъ принциповъ великой освободительной эпохи, — Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ находитъ, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ началъ въ русскомъ обществѣ, вмѣстѣ съ ростомъ умственныхъ и духовныхъ силъ народа, стало укрѣпляться сознаніе гражданственности, священныхъ правъ личности и личнаго достоинства.

Но, близко соприкасаясь, по условіямъ своей профессіональной дѣятельности, со всѣми сторонами родной дѣйствительности, ежечасно наблюдая и переживая на самомъ себѣ всѣ тѣ неисчислимыя и непреодолимыя препятствія, которыя великое дѣло правосудія встрѣчаетъ на своемъ пути въ общемъ строѣ

отечественнаго законодательства и управленія, Московскій Совѣтъ присяжныхъ Повѣренныхъ, въ интересахъ довлѣющихъ ему чувствъ законности и порядка, въ настоящій, переживаемый нами дорогой родиной историческій моментъ, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ присоединить свой скромный голосъ къ тѣмъ заявленіямъ, которыя мощной волной несутся со всѣхъ концовъ земли русской и которыя единодушно признаютъ, что для достиженія высокихъ цѣлей правосудія необходимы самыя твердыя гарантіи свободы личности, совѣсти, слова, печати, вѣроисповѣданія, собраній и союзовъ, — и что осуществленіе всѣхъ этихъ началъ возможно только при водвореніи во всей странѣ и во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія строгой законности, а для сего необходимо самое тѣсное и непосредственное единеніе государственной власти съ народомъ, въ лицѣ его представительства, какъ особаго

учрежденій, свободно избираемаго для участія въ законодательной власти и въ дѣйствительномъ контролѣ надъ дѣятельностью власти административной.

Даніилъ [illegible]

Сергій Муромцевъ

Владиміръ [illegible]

Сергій [illegible]

Викторъ [illegible]

Петръ Столповскій

Николай [illegible]

Александръ Ледницкій.

Сергій Левицкій

Павелъ Корженевскій

Николай Тесленко.

[illegible]

СОВѢТЪ
ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ
при
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
СУДЕБНОЙ ПАЛАТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Литейный пр., № 4.

Декабря 1го дня 190 г.
№ 9187

Судебные Уставы 20-го Ноября 1864 года, съ трепетною радостью принятые всею Россіею, какъ носители началъ Суда праваго и равнаго для всѣхъ, уже съ самаго начала своего существованія стали подвергаться измѣненіямъ, направленнымъ къ ограниченію ихъ равнаго воздѣйствія на всѣхъ гражданъ. И въ истекшее сороколѣтіе этотъ процессъ разложенія прекраснаго зданія шелъ все усиливаясь.-

Независимость судебныхъ органовъ все съуживалась. Выбранные судьи замѣнены чиновниками - земскими начальниками.- Совершенно самостоятельный и свободный органъ - присяжные засѣдатели - все меньше допускались въ храмъ правосудія. Военные суды - вотъ органы, ихъ нерѣдко замѣнявшіе. Гласность и публичность суда, какъ роковые обличители неправды, творящейся

до суда, уничтожались. Защита все болѣе и болѣе затруднялась, и защитники подвергались за исполненіе своего долга взысканіямъ, налагавшимся безъ суда и безъ объясненій.

Такое удрученное положеніе правосудія не можетъ не побуждать Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, какъ представителя сословія, созданнаго Судебными Уставами 20 Ноября 1864 года, ревниво оберегающаго ихъ великія начала, ближайшимъ образомъ соприкасающагося съ жертвами уклоненій отъ ихъ исполненія въ чистомъ видѣ, не можетъ не побуждать представить вниманію высшаго правительства о томъ тяжкомъ чувствѣ и о тѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, которыя слѣдуютъ за этими искаженіями. И не только представить это вниманію , но и высказать, что единственнымъ средствомъ къ возстановленію величественнаго зданія Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года , въ его первоначальномъ и чистомъ видѣ , является устраненіе самой возможности допускать всѣ подобныя искаженія вопреки воли и желанію народа.- Достигнуто-же это можетъ быть только коренными преобразованіями правительственнаго строя съ

утвержденiемъ свободы слова и печати, какъ неотложнаго условiя публичности и гласности, съ установленiемъ твердаго огражденiя личности и какъ необходимаго для этого условiя съ установленiемъ полной свободы сходокъ, собранiй и союзовъ и наконецъ съ установленiемъ участiя народнаго представительства въ особыхъ учрежденiяхъ, избираемыхъ непосредственно народомъ.-

ЕГО СIЯТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

КНЯЗЮ П. Д. СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКОМУ.

въ томъ же составѣ вновь обсуждалъ тотъ же вопросъ и нашелъ, что хотя сословіе и лишено было 21 ноября возможности правильно собраться, но «большинство членовъ сословія выразили свои чувства и пожеланія». Сознавая и съ своей стороны необыкновенную важность переживаемаго отечествомъ момента, «Совѣтъ нашелъ необходимымъ составить постановленіе о томъ, что единственнымъ средствомъ возстановленія величественнаго зданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. въ его первоначальномъ и чистомъ видѣ является коренная реформа государственаго строя. Постановленіе это рѣшено представить господину министру внутреннихъ дѣлъ». Первая подпись подъ этимъ постановленіемъ принадлежитъ А. Н. Турчанинову, который въ 1882 году находилъ, что даже посылка соболѣзнующей телеграммы парижскому барро по случаю смерти Гамбетты составляетъ демонстративное нарушеніе предѣловъ сословной компетенціи. Правда, послѣдній толчокъ теперь данъ былъ московскимъ Совѣтомъ, который, «выслушавъ и обсудивъ 24/25 ноября протоколы общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ, 26 ноября опредѣлилъ: въ сознаніи чрезвычайной важности настоящей исторической минуты, явиться въ полномъ составѣ Совѣта къ министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и представить имъ свою резолюцію о необходимости государственной реформы, какъ единственнаго условія для возможно полнаго дальнѣйшаго осуществленія высокихъ цѣлей правосудія». Но, вспоминая недавнее прошлое, нельзя тѣмъ болѣе не удивляться, что иниціатива принадлежитъ московскому Совѣту. Конечно, Совѣтъ уже былъ не тотъ, что раньше, онъ былъ въ значительной степени обновленъ [1]). Хотя, однако, здѣсь есть и имена, давно знакомыя, постановленіе было принято единогласно [2]) и въ одномъ изъ слѣдующихъ общихъ собраній московской адвокатуры В. А. Маклаковъ имѣлъ возможность заявить, «что будущій историкъ русскаго ренессанса

---

[1]) Совѣтъ состоялъ къ этому времени: изъ предсѣдателя Д. І. Невядомскаго, тов. предсѣдателя С. А. Муромцева и членовъ: Н. А. Вокача, В. А. Капеллера, В. Н. Кобрана, П. П. Коренева, А. А. Крюкова, С. Л. Левицкаго, А. Р. Ледницкаго, П. А. Столповскаго, Н. В. Тесленко и С. И. Филатова.

[2]) А. А. Крюковъ не участвовалъ въ совѣщаніи.

не забудетъ поведенія адвокатуры. Замѣтили ли вы, озираясь назадъ, что въ сущности намъ принадлежитъ часть первой по времени политической резолюціи... Раньше всѣхъ, 20 ноября, была принята конституціонная резолюція собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ. Я не забываю, конечно, земскаго съѣзда 6 — 8 ноября, признаю его громадную важность. Но это было частное собраніе если не политическихъ единомышленниковъ, то все-таки только передовыхъ земскихъ людей. Они и говорили своимъ именемъ, а не земства. Впервые мы говорили офиціальнымъ именемъ цѣлой общественной группы, офиціально признанной корпораціи» [1]).

29. Двойственное отношеніе власти.

Какъ же отнеслась магистратура и администрація къ новымъ теченіямъ въ адвокатурѣ? Мы знаемъ, что отношенія сотрудничества въ общемъ дѣлѣ, рисовавшіяся составителямъ судебныхъ уставовъ, были значительно нарушены уже къ концу перваго двадцатипятилѣтія. Если же принять во вниманіе, что и въ самой адвокатурѣ началась внутренняя борьба, то a priori можно было бы утверждать, что отношенія еще больше испортятся, что враждебное настроеніе къ адвокатурѣ еще болѣе рѣзко опредѣлится. А на самомъ дѣлѣ взаимоотношенія эти складывались далеко не такъ просто; они оказывались, напротивъ, очень сложными и, такъ сказать, затѣйливыми. Причинъ этого долго искать не приходится. Съ одной стороны, то настроеніе, которое постепенно овладѣло всѣмъ обществомъ, не могло не наложить своего отпечатка и на судейскія сферы. Но, съ другой—положеніе суда становилось въ окружающихъ условіяхъ все труднѣе. Въ частности, относительно суда присяжныхъ проф. Фойницкій, напр., замѣчаетъ, что дѣятельность его находится въ прямой зависимости отъ окружающихъ условій. «Чѣмъ болѣе законности въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокуратуры и администраціи, тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей». Бывшій министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ одномъ изъ все-

---

[1]) Отчетъ моск. Совѣта за 1904—5 г., с. 44.

подданнѣйшихъ докладовъ безъ всякихъ обиняковъ указывалъ, что судебная реформа «имѣла и отрицательную сторону, а именно несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ изъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта». Выясняя далѣе, гдѣ таится это несоотвѣтствіе, Н. В. Муравьевъ констатировалъ, что въ самодержавномъ государствѣ судъ «обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства». Вотъ почему, поясняетъ дальше министръ, «только при пересмотрѣ правилъ гражданскаго процесса, благодаря отсутствію въ нихъ политическаго элемента, была возможность считаться только съ судебно-бытовыми условіями, безъ примѣси къ нимъ привходящихъ требованій и велѣній, иногда постороннихъ прямой и главной цѣли судебной дѣятельности». Едва ли нужно что-либо прибавлять къ этой яркой характеристикѣ положенія у насъ суда. Слѣдуетъ лишь снова напомнить, что всякое подчиненіе суда постороннимъ вліяніямъ должно было отразиться на положеніи адвокатуры, поскольку она отстаивала законный порядокъ, не считаясь ни съ какими «привходящими требованіями и велѣніями».

Любопытнѣйшій наглядный примѣръ представляетъ знакомый уже намъ вопросъ о предѣлахъ компетенціи суда присяжныхъ. Примѣръ этотъ тѣмъ интереснѣе, что онъ снова напоминаетъ о параллелизмѣ въ положеніи адвокатуры и суда присяжныхъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще судъ присяжныхъ сталъ выносить оправдательные вердикты и при наличности сознанія подсудимыхъ. Помимо отмѣченныхъ выше проф. Фойницкимъ причинъ такого явленія, здѣсь нужно еще указать на серьезные недостатки предварительнаго слѣдствія, которые раскрывались, благодаря усиліямъ защиты, на судебномъ слѣдствіи и совершенно измѣняли обстановку и картину преступленія. Оправдательные вердикты естественно обезпокоили министерство, которое издало циркуляръ, неправильно расширявшій полномочія присяжныхъ засѣдателей на предъявленіе ходатайствъ о помилованіи. Предсѣдателямъ окр. судовъ вмѣнено было въ обя-

занность разъяснять это присяжнымъ засѣдателямъ и тѣмъ противодѣйствовать ихъ тяготѣнію къ оправдательнымъ вердиктамъ. Но председатели пошли дальше и, опираясь на знакомое намъ сенатское разъясненіе по дѣламъ Свиридова и Мельницкихъ, стали рѣшительно воспрещать защитникамъ просить судъ присяжныхъ объ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ. Одно изъ такихъ дѣлъ дошло до Прав. Сената, и Сенатъ разъяснилъ, что «помощникъ присяжнаго повѣреннаго, убѣждая присяжныхъ засѣдателей оправдать сознавшихся подсудимыхъ, выказалъ, въ явное нарушеніе 745 ст. у. у. с., явное неуваженіе къ закону и старался ввести въ заблужденіе присяжныхъ засѣдателей... и такимъ образомъ препятствовалъ правильному отправленію правосудія». Поэтому Сенатъ, между прочимъ, постановилъ передать дѣйствія присяжнаго повѣреннаго на разсмотрѣніе Совѣта [1]).

Это рѣшеніе вызвало большое волненіе среди адвокатуры. Въ Москвѣ, въ общемъ собраніи 14 декабря 1903 г., была принята, по предложенію П. Н. Малянтовича, слѣдующая резолюція: «Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа московской Судебной Палаты признаетъ, что защитникъ и при сознаніи обвиняемаго не только имѣетъ право, но и обязанъ просить объ его оправданіи, если прійдетъ къ убѣжденію, что онъ долженъ сдѣлать это» [2]). Въ Петроградѣ вопросъ обсуждался на общемъ собраніи 18 января 1904 г. Здѣсь также принята была резолюція о томъ, что каждый защитникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по его убѣжденію, представляется справедливымъ, можетъ доказывать невиновность сознавшагося подсудимаго [3]). Вопросъ горячо дебатировался и въ петроградскомъ и въ харьковскомъ юридическихъ обществахъ, гдѣ точно такъ же взглядъ Прав. Сената не встрѣтилъ поддержки.

Это единодушіе не производило, однако, на предсѣда-

---

[1]) См. «Право», 1903 г., с. 2330.

[2]) Резолюція была принята большинствомъ присутствовавшихъ противъ трехъ. (Отчетъ за 1903—4 г., с. 128).

[3]) Эта резолюція была принята большинствомъ голосовъ, но меньшинство не согласно было не съ выраженными въ ней мыслями, а находило ненужнымъ принятіе резолюціи.

телей окр. судовъ никакого впечатлѣнія. Напротивъ, произошелъ даже такой случай, что предсѣдательствующій удалилъ защитника изъ зала засѣданія за то, что онъ въ рѣчи своей указалъ присяжнымъ засѣдателямъ на ихъ право оправдать сознавшагося подсудимаго. По кассаціонной жалобѣ на послѣдовавшій при этихъ условіяхъ вердиктъ вопросъ снова былъ поставленъ на разрѣшеніе Прав. Сената въ присутствіе департамента. Оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента въ то время былъ И. Г. Щегловитовъ, только что на эту должность назначенный. Заключеніе по настоящему дѣлу было его первымъ кассаціоннымъ заключеніемъ и тѣмъ сильнѣе привлекло къ себѣ вниманіе. И. Г. Щегловитовъ углубилъ вопросъ до самыхъ корней его и выяснилъ значеніе защиты въ уголовномъ процессѣ вообще. Онъ находилъ, что защита играетъ вспомогательную роль въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія, что поэтому участіе защитника составляетъ необходимое процессуальное условіе, и что для «выполненія защитой своей благородной миссіи ей должна быть предоставлена свобода». Защита по своему существу свободна и не можетъ быть стѣснена на судѣ, если только она не нарушаетъ требованія ст. 745 уст. у. с. и не приводитъ обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія. «Свобода для нея настолько же необходима, насколько необходимъ воздухъ для всякаго живого существа. Безъ нея защита захирѣетъ и превратится въ ненужный придатокъ, осложняющій судебное разсмотрѣніе» [1]). Прав. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ суда, возстановивъ, такимъ образомъ, права защиты, а оберъ-прокуроръ получилъ массу привѣтственныхъ телеграммъ отъ адвокатуры [2]).

Этотъ примѣръ весьма наглядно показываетъ, въ какихъ широкихъ предѣлахъ колебались отношенія магистратуры къ адвокатурѣ, и какъ, наряду со столь торжественнымъ призна-

---

[1]) «Право», 1904 г., с. 515.

[2]) «Защитнику правъ защиты шлемъ поздравленіе съ успѣхомъ». «Привѣтствуемъ въ Вашемъ лицѣ олицетвореніе судебной солидарности съ нами», и т. п.

ніемъ высокаго назначенія адвокатуры, уживалось самое недостойное третированіе ея, какъ терпимаго зла.—Здѣсь, однако, рѣзкая двойственность отношеній выросла на почвѣ принципіальнаго вопроса, давно уже служившаго источникомъ недоразумѣній. Но и въ судебномъ обиходѣ вообще замѣчалась та же двойственность, объясняемая всецѣло причинами, отмѣченными Н. В. Муравьевымъ въ приведенной рѣчи его. Выше уже сказано, что выступленіе кружка уголовныхъ защитниковъ въ Москвѣ пользовалось покровительствомъ со стороны одного изъ товарищей предсѣдателя московскаго Окружнаго Суда Кларка. Еще болѣе сочувственно относился къ дѣятельности молодой адвокатуры старшій предсѣдатель московской Судебной Палаты А. Н. Поповъ. Объ его отношеніи можно судить по статьѣ, напечатанной имъ въ офиціозномъ органѣ—Журналѣ Министерства Юстиціи [1]). Поводомъ для статьи послужило дѣло рабочаго Блохина. «Приговоромъ окружнаго суда 20 сентября 1898 г. рабочіе ткацкой фабрики въ числѣ 21 были признаны виновными въ томъ, что вступили между собою въ соглашеніе прекратить работы на фабрикѣ съ цѣлью заставить возвысить заработную плату до срока найма, истекавшаго 4 марта 1898 г., и приговорены, по 1358^1 ст. ул. о н., къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 3 до 8 мѣс., нѣкоторые къ аресту при полиціи на 3 мѣсяца. Защитники подали апелляціонную жалобу, въ которой доказывали, что на той фабрикѣ предѣльныхъ сроковъ найма не было, а потому ст. 1358^1, гласящая о прекращеніи работъ «до истеченія срока найма», не должна имѣть примѣненія. Судебная Палата оставила приговоръ въ силѣ. Защитникъ Блохина подалъ кассаціонную жалобу, Сенатъ не усмотрѣлъ признаковъ уголовно наказуемаго дѣянія и отмѣнилъ приговоръ Палаты относительно Блохина. По полученіи въ Палатѣ этого указа защитники прочихъ рабочихъ забили тревогу: нужно было хлопотать о томъ, чтобы Палата возстановила всѣмъ этимъ рабочимъ срокъ на обжалованіе приговора, нужно было затѣмъ принести отъ ихъ имени жалобы въ Сенатъ и при этомъ пред-

---

1) 1904 г., кн. 4, с. 161.

ставить кассаціонные залоги. Послѣднее было, вѣроятно, особенно затруднительно, ибо за 20 рабочихъ предстояло уплатить 500 рублей, а у защитниковъ, которые защищаютъ бѣдныхъ рабочихъ обыкновенно безъ платы, не всегда бываютъ свободныя деньги въ такой суммѣ. Говорили, что пришлось прибѣгнуть къ займу денегъ у одного изъ болѣе состоятельныхъ адвокатовъ. Честь и слава уголовной защитѣ! Она даже и будучи стѣсняема препонами въ отправленіи своего долга и не имѣя высокой миссіи быть «хранителемъ законовъ», тѣмъ не менѣе проявила въ семъ дѣлѣ, насколько именно она «печется о наблюденіи правосудія».

Но, какъ уже сказано, именно такое отношеніе защиты къ своимъ задачамъ и должно было неизбѣжно привести къ столкновеніямъ. Одно изъ наиболѣе замѣтныхъ столкновеній, чреватыхъ послѣдствіями, произошло 6 сентября 1902 г. при слушаніи въ харьковской Суд. Палатѣ дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Валкскомъ уѣздѣ. Защита поставила себѣ цѣлью установить, что до суда подсудимые подвергнуты были тяжелому тѣлесному наказанію. Несмотря на то, что защитники ссылались на сенатское рѣшеніе, которое давало имъ право на такое выясненіе, предсѣдательствующій рѣшительно воспретилъ защитникамъ задавать соотвѣтствующіе вопросы свидѣтелямъ. Въ виду этого, Н. В. Тесленко отъ имени всей защиты представилъ заявленіе, въ которомъ говорилось, что защита убѣдилась, что подсудимые, прежде чѣмъ были преданы суду по обвиненію въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ, потерпѣли за нихъ наказаніе: были подвергнуты тяжелому тѣлесному наказанію розгами, и въ мѣстахъ жительства подсудимыхъ былъ назначенъ постой войскъ, содержаніе которыхъ по селамъ и городамъ было возложено на подсудимыхъ, что по основному положенію уголовнаго права никто не можетъ быть наказанъ дважды за одно и то же; между тѣмъ подсудимые за дѣянія, составляющія предметъ дѣла, подверглись карамъ, превышающимъ кары, назначаемыя за тѣ же дѣянія по уголовнымъ законамъ; что значеніе наказаній, понесенныхъ подсудимыми по распоряженію административной власти, отчасти указано и разъяснено въ рѣшеніи Прав. Сената 1873 г. № 32, что предсѣдателемъ воспрещено

касаться обстоятельствъ, клонящихся къ выясненію понесенныхъ подсудимыми наказаній и что такимъ воспрещеніемъ изъ разсмотрѣнія Особаго Присутствія Палаты устранены доводы и соображенія, которыя должны были бы имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ, что равносильно лишенію возможности защищать подсудимыхъ. Въ виду этого, защитники и заявляютъ объ отказѣ ихъ отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ.

Заявленіе защиты произвело огромное впечатлѣніе, и харьковская Судебная Палата передала вопросъ о поведеніи защитниковъ на разсмотрѣніе Совѣта, который не нашелъ въ этихъ дѣйствіяхъ ничего подлежащаго дисциплинарному взысканію. Прокуратура принесла протестъ, въ которомъ подчеркивала коллективный характеръ заявленія и демонстративность его формы. Ярче развила эту мысль петроградская прокуратура по другому аналогичному дѣлу, пояснивъ, что въ заявленіи проводится мысль, будто процессъ ведется столь неправосудно, что защита, не будучи въ состояніи исполнить свою задачу, представляется при данныхъ условіяхъ безполезною. «Внимательное проникновеніе въ сущность доводовъ,— увѣряетъ прокуроръ,—даетъ полное основаніе къ убѣжденію, что Судебная Палата, по мнѣнію защитниковъ, игнорируетъ законы судопроизводства настолько, что начала состязательности, выражающіяся въ участіи защиты, оказываются совершенно непримѣнимыми». Хотя, такимъ образомъ, прокуратура поставила вопросъ ребромъ, московская Судебная Палата (подъ предсѣдательствомъ уже упомянутаго А. Н. Попова) тоже не усмотрѣла въ поведеніи защитниковъ нарушенія какой-либо возложенной на нихъ обязанности. Относительно же формы и содержанія заявленія Палата нашла, что подача этого заявленія цѣлой группой адвокатовъ и «такъ сказать» коллективность этого заявленія указываетъ лишь на общность интересовъ защиты по данному дѣлу и замѣняетъ восемь однородныхъ заявленій. По формѣ же заявленіе спокойное, сдержанное и ни въ чемъ неуваженія къ Особому Присутствію Судебной Палаты, ни осужденія дѣйствій ея предсѣдателя не выражаетъ.

Если, по совѣту прокуратуры, вникнуть въ эти разсужде-

нія, то въ нихъ нельзя не прочесть упрека харьковской Судебной Палатѣ, возбудившей дисциплинарное дѣло при отсутствіи къ тому какого-либо повода. Впрочемъ, когда относительно другой группы защитниковъ, подвѣдомыхъ харьковскому Совѣту, вопросъ этотъ пришлось обсуждать самой же харьковской Палатѣ, то и она, хотя и признала ихъ виновными, но приговорила къ низшей мѣрѣ взысканія, «такъ какъ повѣреннымъ ставится въ вину нарушеніе лишь формальныхъ передъ кліентами и судомъ обязанностей, а не этическихъ, а отказъ повѣренныхъ по взаимному ихъ соглашенію по каждому дѣлу не можетъ считаться увеличивающимъ вину обстоятельствомъ».

Такимъ образомъ, возбужденіе дисциплинарнаго производства только сильнѣе подчеркнуло значеніе предъявленнаго отказа отъ защиты и силу произведеннаго этимъ впечатлѣнія. Но этимъ дѣло не ограничилось. Послѣдовало вмѣшательство всесильнаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Вмѣшательство это такъ описываетъ Н. В. Тесленко въ письмѣ ко мнѣ: «Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго процесса объ аграрныхъ безпорядкахъ въ г. Валкахъ, ко мнѣ на квартиру явился чиновникъ московскаго охраннаго отдѣленія Войлошниковъ и заявилъ, что, по телеграфному предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, я долженъ немедленно прибыть къ директору департамента полиціи для личныхъ объясненій. Съ меня была взята подписка о томъ, что я пріѣду въ намѣченный мною день и часъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, я былъ немедленно принятъ директоромъ департамента А. А. Лопухинымъ, который мнѣ сообщилъ, что говоритъ со мною по распоряженію министра. Министръ находитъ, что защитники сдѣлали политическую демонстрацію, отказавшись въ Валкахъ отъ защиты. Я указалъ А. А. Лопухину, что защита объясняетъ свой образъ дѣйствій крайнимъ стѣсненіемъ ея правъ, и обратилъ его вниманіе на рѣшеніе Сената, который указывалъ, что судъ обязанъ принять во вниманіе, если подсудимые еще до суда понесли какое-либо наказаніе, хотя бы по ненадлежащему распоряженію. Затѣмъ я сообщилъ А. А. Лопухину, что о нашемъ образѣ дѣйствій возбуждено дисциплинарное производство, и онъ получитъ над-

лежащую оцѣнку отъ компетентныхъ учрежденій. А. А. Лопухинъ отвѣтилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ не касается вопроса о нашемъ профессіональномъ поведеніи, и, въ подтвержденіе того, что нашъ поступокъ имѣетъ политическое значеніе, сослался на иностранную прессу и въ особенности на статью газеты The Times, которая обрушилась съ нападками на русское правительство. Разговоръ закончился предупрежденіемъ со стороны А. А. Лопухина, что по распоряженію министра, въ случаѣ повторенія, противъ насъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры, о чемъ я долженъ сообщить всѣмъ остальнымъ защитникамъ».

Такъ разговаривалъ директоръ департамента гос. полиціи съ Н. В. Тесленко. Но словно нарочно, для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть значеніе отказа отъ защиты, одновременно съ Тесленко былъ вызванъ къ А. А. Лопухину и другой защитникъ по тому же дѣлу, прис. повѣренный Н. К. Муравьевъ, съ которымъ, однако, разговоръ носилъ совершенно другой характеръ. А. А. Лопухинъ сообщилъ Н. К. Муравьеву, что министръ внутреннихъ дѣлъ озабоченъ прекращеніемъ административной расправы и повезъ въ Ливадію докладъ о передачѣ политическихъ дѣлъ на разрѣшеніе судебныхъ учрежденій. Поэтому для адвокатуры открывается новое широкое поле дѣятельности, и министръ надѣется, что адвокаты будутъ стоять на высотѣ задачи и своимъ поведеніемъ будутъ способствовать В. К. Плеве доказать, что его стремленіе замѣнить административный произволъ судебнымъ разсмотрѣніемъ было правильно.

Эта рѣзкая разница въ пріемахъ воздѣйствія равнымъ образомъ не свидѣтельствуетъ объ увѣренности въ своихъ словахъ. А на адвокатуру, напротивъ, ни угрозы, ни заискиванія не произвели никакого впечатлѣнія. Отказы отъ защиты становились все болѣе частыми, неизмѣнно сопровождаясь мотивированными заявленіями, характеризующими способы веденія дѣла на судѣ.

Чтобы покончить съ характерной двойственностью, нужно привести еще одинъ весьма знаменательный эпизодъ. Выше уже упоминалось, что въ Петроградѣ общее собраніе

присяжныхъ повѣренныхъ, назначенное на 21 ноября 1904 г. въ ознаменованіе сорокалѣтія судебныхъ уставовъ, не могло состояться, такъ какъ всѣ входы въ зданіе судебныхъ установленій оказались запертыми. Предсѣдатель Совѣта объяснилъ, что утромъ того же дня ему отъ имени инспектора зданія (прокурора Судебной Палаты) было заявлено, что собраніе не разрѣшается, такъ какъ цѣль собранія не соотвѣтствуетъ назначенію зданія судебныхъ установленій. Въ своей жалобѣ министру юстиціи А. Н. Турчаниновъ, между прочимъ, указалъ, что право прис. повѣренныхъ собираться въ зданіи освящено сорокалѣтней традиціей, и не инспектору зданія судить о томъ, въ чемъ состоитъ цѣль собранія. «Во всякомъ же случаѣ, едва ли какая-либо другая цѣль собранія могла больше соотвѣтствовать значенію зданія судебныхъ установленій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года, какъ не воспоминаніе о сорокалѣтіи именно этихъ уставовъ». Хотя эти доводы и кажутся безспорными, можно было, не задумываясь, предсказать, что жалоба будетъ оставлена безъ послѣдствій, ибо трудно было допустить, чтобы прокуроръ Судебной Палаты рѣшился, не снесшись съ Министерствомъ Юстиціи, нарушить традицію, притомъ по столь неудобному поводу. Къ удивленію, однако, 11 января 1905 г. директоръ департамента Министерства Юстиціи увѣдомилъ предсѣдателя Совѣта, что «министръ юстиціи призналъ неправильнымъ распоряженіе инспектора зданія о недопущеніи въ зданіи судебныхъ установленій общаго собранія 21 ноября и нашелъ нужнымъ сдѣлать дѣйствит. ст. сов. Вуичу надлежащее разъясненіе». Нельзя при этомъ не вспомнить еще, что распоряженіе послѣдовало послѣ того, какъ собраніе 21 ноября все же состоялось въ городской думѣ и вынесло резолюцію объ измѣненіи государственнаго строя.

Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что двойственность отношеній раздвигалась все шире и шире. Если, съ одной стороны, адвокатура получала яркія свидѣтельства, что съ ней считаются, какъ съ организованной силой, что ея роль въ отстаиваніи законности и права становится все болѣе неудобной для современнаго режима, то, съ другой стороны, и угрозы В. К. Плеве, обращенныя къ Н. В. Тесленко, не оста-

лись пустыми словами. Не касаясь тѣхъ causes célèbres, которыя, какъ замѣчено, разрѣшались отказомъ защиты отъ своихъ обязанностей, любопытно посмотрѣть, какъ отражалось это настроеніе въ судебныхъ будняхъ. Заимствую наудачу изъ «Права» [1]) отчетъ о дѣлѣ по обвиненію трехъ татаръ въ святотатствѣ, дѣлѣ, не привлекшемъ вниманія и слушавшемся въ далекой глуши, въ Армавирѣ. Вотъ отрывокъ изъ отчета: «Товарищъ прокурора проситъ слушаніемъ дѣло отложить, въ виду важности показаній неявившихся свидѣтелей. Защитникъ проситъ о томъ же, при чемъ добавляетъ, что имѣетъ три частныхъ ходатайства, которыя намѣренъ доложить суду. Предсѣдатель: Если вы думаете просить о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, то лучше и рта не раскрывайте! Защитникъ: Свои ходатайства я обращаю не лично къ вамъ, г. предсѣдатель, а къ суду. Подобная... Предсѣд.: Вы уже не говорите, потому что законъ 577 ст.... Защитникъ: Вы даже не знаете, г. предсѣдатель, о чемъ я буду ходатайствовать. Предсѣд.: Все равно откажу, ни за что»!.

Попробуемъ только сопоставить этотъ фактъ съ тѣмъ, что говорилъ оберъ-прокуроръ И. Г. Щегловитовъ о значеніи защиты на судѣ. А вѣдь оберъ-прокуроръ отнюдь не былъ одинокимъ; вся прокуратура, напротивъ, преисполнилась, по-видимому, его взглядовъ. Въ своихъ протестахъ на постановленія Совѣтовъ объ освобожденіи отъ отвѣтственности прис. повѣренныхъ, отказавшихся во время судебнаго слѣдствія отъ защиты, представители прокуратуры весьма краснорѣчиво доказывали, что вопросъ о защитѣ имѣетъ значеніе одного изъ важнѣйшихъ судопроизводственныхъ институтовъ. «Современныя законодательства,—утверждаетъ такой протестъ,—проникаются все болѣе и болѣе воззрѣніемъ на защиту, какъ на необходимое процессуальное условіе, и въ настоящее время въ наукѣ признается то начало, что наличность защиты на судѣ не должна даже стоять въ зависимости отъ желанія обвиняемаго, при чемъ въ юридической литературѣ высказываемо было мнѣніе о желательности назначать

---

[1]) 1905 г., с. 46.

защитника подсудимымъ, даже если бы они объ этомъ не просили или прямо заявили противоположное, по всѣмъ дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, подвѣдомственныхъ присяжнымъ засѣдателямъ». При такихъ взглядахъ на задачи защиты—какъ могъ случиться приведенный выше инцидентъ, а если онъ случился, то какъ могло быть допущено, чтобы предсѣдатель не былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности?

Между тѣмъ, администрація дѣйствовала въ отношеніи адвокатуры еще гораздо рѣшительнѣе. На съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ М. В. Беренштамъ отмѣтилъ, что «адвокаты Синицынъ и Плаксинъ, взявшіеся защищать интересы уфимскихъ рабочихъ послѣ извѣстной бойни, вдругъ почти наканунѣ процесса были арестованы и высланы въ Архангельскую губернію» [1]). Прис. повѣренный Н. Д. Соколовъ, выступившій гражданскимъ истцомъ въ кишиневскомъ процессѣ о погромѣ, былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и затѣмъ подвергся административной высылкѣ за то, что, какъ сказано было въ постановленіи губернатора [2]), онъ распространялъ на судѣ и внѣ суда ложныя свѣдѣнія о причинахъ погрома. Мыслимо ли представить себѣ возможность непосредственнаго перехода отъ приведенныхъ словъ къ подобнымъ дѣйствіямъ?

30. Господство политическихъ задачъ.

Ноябрь 1904 года, когда исполнилось сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ, составляетъ безспорно кульминаціонный пунктъ въ жизни русской адвокатуры. Общія собранія 20—21 ноября прошли съ рѣдкимъ единодушіемъ и исключительнымъ подъемомъ. Въ Петроградѣ раздался только одинъ го-

---

[1]) «Право», 1905 г., с. 355—6.

[2]) Губернаторомъ тогда былъ кн. Урусовъ, впослѣдствіи членъ Гос. Думы 1-го созыва, прославившійся рѣчью именно о погромахъ.

лось П. Ф. Булацеля противъ принятія резолюціи [1]), и къ нему присоединились два изъ числа всѣхъ присутствовавшихъ. Въ Москвѣ въ состоявшемся 20 ноября общемъ собраніи резолюція была принята единогласно. Столичныя собранія нашли горячій откликъ среди провинціальной адвокатуры, и со всѣхъ концовъ Россіи стали поступать телеграммы о присоединеніи къ принятымъ резолюціямъ или о составленіи аналогичныхъ. Всѣ такія резолюціи своей исходной точкой неизмѣнно ставили достиженіе высокихъ цѣлей правосудія. «Для достиженія этихъ, такъ сказать, профессіональныхъ цѣлей необходимы, по убѣжденію адвокатовъ, самыя твердыя гарантіи свободы личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданій, собраній и союзовъ. А осуществленіе всѣхъ этихъ началъ возможно только при водвореніи строгой законности, а это, въ свою очередь, возможно только при представительномъ строѣ». Такъ говорилъ московскій Совѣтъ въ резолюціи, представленной министру внутреннихъ дѣлъ [2]). Петроградскій Совѣтъ оттѣнилъ тотъ фактъ, что «съ самаго начала своего существованія судебные уставы стали подвергаться измѣненіямъ, и за истекшее сорокалѣтіе процессъ разложенія шелъ, все усиливаясь. Въ частности, защита все болѣе затруднялась, и защитники подвергались за исполненіе своего долга взысканіямъ, налагавшимся безъ суда и безъ объясненій. Единственнымъ средствомъ къ возстановленію величественнаго зданія судебныхъ уставовъ является устраненіе самой возможности дѣлать подобныя искаженія вопреки волѣ и желанію народа. А это можетъ быть достигнуто коренными преобразованіями государственнаго строя» [3]).

Такимъ образомъ, ходатайствуя о введеніи представительнаго строя, адвокаты вовсе не выходятъ за предѣлы чисто профессіональныхъ задачъ. Они свидѣтельствуютъ, что существующій режимъ лишаетъ возможности исполнять

---

[1]) Въ поданномъ министру внутреннихъ дѣлъ заявленіи П. Ф. Булацель категорически опровергалъ, будто бы при современномъ режимѣ вообще немыслимо никакое духовное преуспѣяніе народа и невозможно даже правильное отправленіе правосудія.

[2]) «Отчетъ», 1904—5 г., с. 34, 35.

[3]) «Отчетъ», 1904—5 г., с. 39.

адвокатскія обязанности, и сознаютъ, что только коренное преобразованіе можетъ обезпечить эту возможность. Судя же по всему, что было до сихъ поръ сказано, нельзя не прійти къ выводу, что такая постановка вопроса далека отъ всякой искусственности, что адвокатура выстрадала свое право на подобныя заявленія, такъ сказать, pro domo sua.

Обнаружившійся подъемъ настроенія при общности взглядовъ естественно привелъ къ мысли о расширеніи формъ общенія адвокатуры, которыя существовали къ тому времени, и выразился въ намѣреніи организовать всероссійскій союзъ адвокатовъ. Для этой цѣли созванъ былъ въ Петроградѣ 28—30 марта 1905 г. и состоялся, несмотря на серьезныя внѣшнія препятствія [1]), первый, всероссійскій съѣздъ адвокатовъ.

Картина съѣзда очень точно нарисована въ докладѣ Н. В. Тесленко общему собранію прис. повѣренныхъ Москвы, 20 сентября 1905 г.: «На съѣздѣ участвовало около 200 делегатовъ, избранныхъ преимущественно офиціальными общими собраніями присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ во всѣхъ судебныхъ округахъ имперіи, кромѣ сибирскихъ. Сознаніе необходимости объединить всю русскую адвокатуру было столь единодушно, что въ первомъ же засѣданіи 28 марта, безъ преній, единогласно было сдѣлано слѣдующее постановленіе: съѣздъ провозглашаетъ учрежденіе всероссійскаго союза адвокатовъ съ цѣлью объединенія общественно-профессіональной дѣятельности адвокатуры и до-

[1]) Пріѣзжимъ участникамъ съѣзда полиція вручала такія объявленія: «Съѣздъ адвокатовъ въ Петербургѣ не разрѣшенъ, а потому никакія собранія присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, ни общія, ни частныя, не могутъ быть допущены ни въ публичныхъ, ни въ частныхъ собраніяхъ. Приказъ о запрещеніи съѣзда былъ объявленъ NN полиціей 28 и 29 марта въ помѣщеніяхъ, гдѣ были собранія, тѣмъ не менѣе онъ участвовалъ въ собраніи 30 марта на Сергіевской ул., въ д. 15, кв. 4, потому приставъ уполномоченъ спб. градоначальникомъ объявить NN, что, по распоряженію г. генералъ-губернатора, ему предлагается добровольно оставить столицу въ суточный срокъ, во избѣжаніе необходимости примѣненія къ нему административныхъ мѣръ удаленія. Если пребываніе въ Петербургѣ вызывается другими законными поводами, то удостовѣреніе таковыхъ въ суточный же срокъ должно быть представлено г. спб. градоначальнику».

стиженія политическаго освобожденія Россіи на началахъ демократической конституціи.

Представители адвокатуры Царства Польскаго выразили свое сочувствіе русскому освободительному движенію и заявили, что они образуютъ особый союзъ, который войдетъ въ тѣсныя отношенія съ союзомъ русскихъ адвокатовъ, и предложили съѣзду высказаться по этому поводу. Съѣздъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: «Польская адвокатура въ Царствѣ Польскомъ составляетъ отдѣльное цѣлое и поэтому не можетъ войти въ составъ проектируемаго всероссійскаго союза адвокатовъ; можетъ, однако, въ случаѣ надобности, имѣть отношенія съ русской адвокатурой на правахъ полнаго равенства».

Члены съѣзда признавали, что въ ближайшемъ будущемъ Всероссійскій съѣздъ адвокатовъ будетъ имѣть огромное значеніе для профессіональной дѣятельности адвокатуры, помогая, путемъ съѣздовъ, литературы и тѣснаго общенія, разработкѣ, совершенствованію и объединенію правилъ адвокатской этики и организаціи старшихъ и младшихъ членовъ сословія. Онъ облегчитъ поддержаніе чести и достоинства во всемъ сословіи адвокатовъ, содѣйствуя подъему нравственнаго уровня, ограждая членовъ сословія отъ произвола и устраняя причины, стѣсняющія ихъ дѣятельность.

Онъ поможетъ объединить, расширить и умножить учрежденія, стремящіяся выполнять общественныя задачи адвокатуры, напр., по оказанію юридической помощи народу и по защитѣ лицъ, привлекаемыхъ по политическимъ дѣламъ и пострадавшимъ въ борьбѣ за свои убѣжденія. Союзъ окажетъ драгоцѣнныя услуги наукѣ права и судебной практикѣ, объединяя и разрабатывая богатый матеріалъ, почерпываемый членами сословія изъ своей профессіональной дѣятельности.

Союзъ поможетъ законодательной работѣ будущаго русскаго парламента, помогая разработкѣ и обсужденію законопроектовъ. Его вѣское мнѣніе народные представители оцѣнятъ по достоинству.

Наконецъ, всероссійскій союзъ адвокатовъ будетъ содѣйствовать осуществленію мѣропріятій, клонящихся къ матеріальному обезпеченію членовъ сословія и ихъ семействъ,

на случай смерти, болѣзни или неспособности къ труду. Отъ объединенной адвокатуры слѣдуетъ ждать рѣшенія труднаго, но неотложнаго вопроса о пенсіонной кассѣ и иныхъ видахъ взаимопомощи.

Сознавая огромное общественно-профессіональное значеніе союза и предвидя ту работу, которую предстоитъ ему выполнить на этомъ поприщѣ въ будущемъ, съѣздъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ, въ виду особенности переживаемаго страной момента, посвятить свои засѣданія главнымъ образомъ обсужденію общественно - политическихъ задачъ союза». Засимъ Н. В. Тесленко ознакомилъ собраніе съ постановленіями съѣзда, въ общемъ совпадающими съ конституціонно-демократической программой съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей [1]).

Вскорѣ послѣ съѣзда нѣкоторые члены его за участіе въ союзѣ адвокатовъ привлечены были къ жандармскому дознанію по обвиненію по 126 ст. угол. улож. Какъ только объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ, въ жандармское управленіе стали массами поступать заявленія отъ адвокатовъ о принадлежности ихъ къ этому союзу, и привлеченіе пріостановилось.

Въ томъ же году состоялся и второй съѣздъ, въ Москвѣ. Это было 5—6 октября 1905 года, почти наканунѣ всеобщей политической забастовки. На этотъ разъ засѣданія съѣзда открылись уже въ зданіи судебныхъ установленій, въ помѣщеніи Совѣта прис. повѣренныхъ. Здѣсь столкновенія съ администраціей приняли болѣе рѣзкія формы. Полиція вошла въ помѣщеніе Совѣта во время хода засѣданія и потребовала прекращенія его, но участники съѣзда отказались подчиниться, и очередной ораторъ продолжалъ говорить. Тогда городовые вывели говорившаго изъ зала, послѣ чего засѣданіе было закрыто. Слѣдующія засѣданія происходили въ частныхъ квартирахъ и также были прерываемы появленіемъ полиціи. Несомнѣнно, что это обстоятельство повышало настроеніе и способствовало его однотонности.

Второй съѣздъ вынесъ цѣлый рядъ постановленій. Конечно, соотвѣтственно условіямъ момента, впереди стояли вопро-

---

[1]) Отчетъ, 1904—5 г., с. 69.

сы политической жизни страны. Самымъ боевымъ, злободневнымъ былъ вопросъ о бойкотѣ выборовъ въ Гос. Думу. Съѣздъ рѣшилъ вопросъ отрицательно (вопреки взглядамъ крайнихъ партій) и рѣшилъ принять въ выборахъ самое дѣятельное участіе. Еще больше заслуживаетъ вниманія отношеніе къ забастовкѣ. Резолюція, которая является переходомъ отъ политическихъ вопросовъ къ профессіональнымъ, обѣщая поддержку всеобщей забастовкѣ, относительно непосредственнаго участія въ ней адвокатовъ говоритъ: «не отрицая возможности наступленія такого момента острой борьбы, который вызоветъ всеобщій подъемъ настроенія и исключитъ фактически всякую профессіональную дѣятельность, съѣздъ находитъ, что, по техническимъ условіямъ профессіональной дѣятельности адвокатуры, провозглашеніе всеобщей политической забастовки непріемлемо». Наряду съ этимъ, принята была весьма обстоятельная резолюція относительно профессіональныхъ задачъ союза. «Установить тѣсное общеніе между русскими адвокатами при помощи съѣздовъ всероссійскихъ и областныхъ и изданія органа печати, который разрабатывалъ бы вопросы, связанные съ общественно-профессіональной дѣятельностью адвокатовъ; 2) содѣйствовать разработкѣ, совершенствованію и объединенію правилъ адвокатской этики; 3) принимать мѣры къ огражденію членовъ сословія отъ произвола и къ устраненію причинъ, стѣсняющихъ свободную общественно - профессіональную дѣятельность; 4) разрабатывать вопросы права и судебной практики и содѣйствовать обсужденію законодательныхъ проектовъ; 5) объединять, расширять и умножать учрежденія, стремящіяся выполнять общественныя задачи адвокатуры, напр., ставящія себѣ цѣлью юридическую помощь народу, популяризацію юридическихъ и политическихъ знаній, защиту лицъ, привлекаемыхъ по политическимъ дѣламъ и пострадавшихъ въ борьбѣ за свои убѣжденія, и т. п.; 6) содѣйствовать осуществленію мѣропріятій, относящихся къ матеріальному обезпеченію членовъ сословія и ихъ семействъ на случай смерти, болѣзни, неспособности къ труду и устраненія отъ профессіональной дѣятельности вслѣдствіе произвола административныхъ лицъ [1]).

[1]) «Право», 1905 г., с. 3538—3540.

Въ дальнѣйшемъ, однако, союзъ адвокатовъ не сдѣлалъ рѣшительно ни одного шага для осуществленія намѣченныхъ профессіональныхъ цѣлей. Союзъ, какъ указано, весьма настойчиво сопротивлялся всякимъ внѣшнимъ давленіямъ и обнаруживалъ тѣмъ больше жизнеспособности, чѣмъ давленіе было сильнѣе. Но онъ не могъ выдержать внутреннихъ треній, даже не треній, а просто уменьшенія интереса къ союзу. Событія развивались тогда быстро и бурно, значительная «пролетарски настроенная» [1]) часть адвокатуры стала презрительно трактовать союзъ, какъ «буржуазную организацію», и онъ быстро умеръ отъ внутренняго раздвоенія, сыгравъ, главнымъ образомъ, видную политическую роль и оставивъ лишь слабый слѣдъ въ профессіональной жизни адвокатуры.

Оцѣнитъ ли исторія политическія выступленія адвокатуры, какъ надѣется В. А. Маклаковъ, это вопросъ будущаго. Фактъ тотъ, что живая дѣйствительность уже успѣла оцѣнить политическую дѣятельность адвокатуры. Въ Государственной Думѣ ея представители играютъ весьма замѣтную роль и количественно и, въ особенности, качественно. Достаточно вспомнить, что предсѣдателемъ Государственной Думы 1-го созыва былъ съ исключительнымъ единодушіемъ избранъ С. А. Муромцевъ, посланный Москвою. Въ первой Думѣ, среди депутатовъ было 36 присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ, во второй — 32, въ третьей — 29 и въ четвертой—23. Во 2-ой Гос. Думѣ присяжный повѣренный Н. Н. Познанскій былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя. Адвокатамъ въ значительной мѣрѣ Гос. Дума обязана своимъ наказомъ—В. А. Маклаковъ во второй и третьей Думѣ былъ предсѣдателемъ комиссіи по составленію наказа и докладчикомъ по проекту наказа въ 3-ей Думѣ, а во второй Думѣ докладчикомъ былъ прис. повѣренный О. Я. Пергаментъ. Вообще, во всѣхъ важнѣйшихъ комиссіяхъ предсѣдателями были адвокаты. Такъ, во второй Думѣ тотъ же О. Я. Пергаментъ былъ предсѣдателемъ комиссіи по запросамъ, Н. В. Тесленко предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія законопроекта о свободѣ совѣсти и І. В. Гессенъ—предсѣдателемъ комиссіи о

[1]) Какъ выражались отчеты комиссіи помощниковъ.

мѣстномъ судѣ (и докладчикомъ по законопроекту о преобразованіи мѣстнаго суда). Трое присяжныхъ повѣренныхъ: А. А. Демьяновъ, Ф. Ю. Новодворскій и П. С. Ширскій, были секретарями комиссій. Въ третьей Думѣ предсѣдателемъ судебной комиссіи былъ Ѳ. Н. Плевако, послѣ его смерти предсѣдателемъ былъ избранъ прис. повѣренный Н. П. Шубинскій, оставшійся на этомъ посту и въ 4-й Думѣ. Прис. повѣренный Матюнинъ состоялъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи въ третьей Думѣ. Что касается ораторскихъ выступленій адвокатовъ, то почти всегда они привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе и составляютъ событіе дня.

Несмотря, однако, на признанную выдающуюся роль, которую представители адвокатуры играютъ въ Государственной Думѣ, въ печати выражено было сомнѣніе относительно совмѣстимости званія депутата съ обязанностями присяжнаго повѣреннаго. Выразителемъ этихъ сомнѣній явился самъ же присяжный повѣренный В. А. Маклаковъ. А поводомъ послужили упреки, которые обильно сыпались на В. А. Маклакова за принятіе имъ на себя защиты милліонера Тагіева, обвинявшагося въ истязаніи. Отвѣчая на эти упреки, В. А. Маклаковъ доказывалъ, что какъ адвокатъ онъ поступилъ вполнѣ правильно, ибо былъ убѣжденъ въ невиновности обвиняемаго: «Я совсѣмъ не сторонникъ взгляда, что адвокатъ можетъ защищать всякое дѣло. Онъ имѣетъ право отказаться отъ защиты дурного дѣла и дурного лица. Но адвокатъ не можетъ отказаться отъ защиты только потому, что она непопулярна, что общественное мнѣніе не на сторонѣ обвиняемаго; отказъ отъ защиты *подъ этимъ предлогомъ*—недостойное малодушіе». Напротивъ, депутатъ долженъ считаться съ такой непопулярностью и пожертвовать ей обязанностями защиты. А отсюда и вытекаетъ, что совмѣщеніе обязанностей адвоката съ обязанностями депутата недопустимо [1]). Этотъ взглядъ имѣетъ всю прелесть оригинальности и самобытности, но врядъ ли нуждается въ опроверженіи. Достаточно сдѣлать ссылку на исторію всѣхъ западноевропейскихъ парламентовъ.

---

[1]) «Рѣчь», 15 марта 1913 г.

31. Внутренняя борьба.

Внутреннія несогласія начались, въ сущности, гораздо раньше наступленія острыхъ событій 1905 г.; они возникли тотчасъ послѣ 20 ноября 1904 г., которое потому и представляется кульминаціоннымъ пунктомъ. Въ Харьковѣ созвано было общее собраніе на 13 февраля 1905 года, для обсужденія вопроса объ оказаніи юридической помощи населенію. Собраніе это, признавшее, что правильная организація юридической помощи невозможна безъ коренного преобразованія государственнаго строя, прошло, однако, при рѣшительномъ протестѣ группы членовъ собранія, среди коихъ были старѣйшіе члены сословія [1]). Въ Москвѣ въ общемъ собраніи 13 апрѣля 1905 г., созванномъ для обсужденія вопросовъ, вытекающихъ изъ Высочайшаго Указа и Высочайшаго рескрипта 18 февраля, тоже заявлены были особыя мнѣнія. Въ частности, А. С. Шмаковъ «счелъ нужнымъ затронуть еврейскій вопросъ и потребовалъ, чтобы евреи были устранены отъ всякаго участія въ государственной дѣятельности». Но всѣ эти несогласія кажутся пустяками сравнительно съ тѣми размѣрами, которые приняло недоразумѣніе въ средѣ петроградскаго сословія. Поводомъ для этого послужилъ циркуляръ, разосланный Совѣтомъ по постановленію отъ 15 января 1905 года.

— «До свѣдѣнія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ,—гласитъ циркуляръ,—дошло, что въ теченіе 11, 12 и 13 января нѣкоторые присяжные повѣренные и ихъ помощники откладывали судебныя дѣла подъ предлогомъ забастовки. Слухъ о такой забастовкѣ и объ обязательности ея для членовъ сословія внесъ на нѣкоторое время замѣшательство въ профессіональную дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, породилъ въ обществѣ разнорѣчивые толки и проникъ въ печать. Основаніемъ для такихъ толковъ и слуховъ, какъ извѣстно Совѣту, послужило то обстоятельство, что въ частныхъ собраніяхъ группы прис. повѣренныхъ и помощниковъ 10, а также 11 и 12 января дебатировался и обсуждался вопросъ о необхо-

[1]) Отчетъ харьковскаго Совѣта за 1904—5 г., с. 49 и сл.

димости объявить забастовку профессіональной адвокатской дѣятельности. По сему поводу названными собраніями принимались тѣ или иныя резолюціи, по большинству голосовъ участвовавшихъ въ нихъ, и посылались особо избранные депутаты для объявленія о забастовкѣ предсѣдательствующимъ судебныхъ мѣстъ. Никто изъ членовъ корпораціи, однако, не могъ и не долженъ былъ въ этомъ усматривать чего-либо обязательнаго для членовъ корпораціи. Всѣмъ членамъ присяжной адвокатуры и ихъ помощникамъ должно быть хорошо извѣстно, что всѣ безъ исключенія вопросы и дѣла внутренняго самоуправленія сословія вѣдаются исключительно его законными органами: Совѣтомъ и общимъ собраніемъ прис. повѣренныхъ. Эти послѣднія, чтобы имѣть значеніе дѣйствительныхъ общихъ собраній, должны быть собраны предсѣдателемъ Совѣта въ установленномъ порядкѣ и при надлежащихъ гарантіяхъ оповѣщенія о нихъ всѣхъ членовъ корпораціи. Въ данномъ случаѣ относительно «забастовки» не состоялось ни постановленія Совѣта, ни постановленія общаго собранія, а стало быть, о какихъ-либо корпоративныхъ постановленіяхъ по поводу «забастовки» вообще не могло быть и рѣчи. Если имѣвшая въ данномъ случаѣ мѣсто дѣятельность частныхъ собраній группы адвокатовъ, проявившаяся въ вотированіи постановленія о «забастовкѣ» и въ посылкѣ представителей для объясненій съ предсѣдательствующими судебныхъ мѣстъ, могла вызвать ошибочное представленіе объ объявленіи будто бы сословіемъ петербургской присяжной адвокатуры забастовки, то это было послѣдствіемъ малаго знакомства съ организаціей сословія. Въ короткій трехдневный срокъ состоялось нѣсколько «постановленій» собранія группы присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. То объявлена была безусловная и обязательная для всѣхъ по всѣмъ дѣламъ забастовка, то таковая должна была выражаться лишь принятіемъ «всевозможныхъ мѣръ» къ отложенію дѣлъ съ обязательнымъ заявленіемъ суду извѣстныхъ, заранѣе условленныхъ, выраженій, и только въ случаяхъ, когда отказъ повѣреннаго отъ участія въ засѣданіи могъ повлечь за собой невозвратную потерю правъ третьихъ лицъ и когда всѣ принятыя мѣры къ отложенію дѣла окажутся безуспѣшными, допускалось участіе въ

засѣданіи. Наконецъ, «забастовка» была вовсе отмѣнена, хотя «депутаты» успѣли уже обойти предсѣдательствующихъ судебныхъ мѣстъ и оповѣстить ихъ о таковой. Такая чисто импульсивная смѣна постановленій относительно «забастовки», самая казуистичность и условность ихъ содержанія, а также предположеніе, что онѣ могутъ быть обязательны для членовъ сословія, не участвовавшихъ въ соглашеніи на подобныя постановленія, указываетъ на то, что и въ рѣшеніи по существу вопроса о забастовкѣ не было ни серьезной продуманности, ни всесторонняго обсужденія вопроса первостепенной важности не только для интересовъ всего сословія, и дальнѣйшаго правильнаго его функціонированія, но и для интересовъ кліентовъ, ввѣрившихъ присяжнымъ повѣреннымъ защиту своихъ правъ.

Между тѣмъ, слухи о «забастовкѣ» всего сословія распространились и внесли въ дѣятельность присяжной адвокатуры замѣшательство. Самая форма, въ которой предполагалась вылиться данная «забастовка», представляется Совѣту неправильной и нежелательной. Невозможно отрицать вообще случая наступленія въ жизни сословія такого момента, когда всѣ прис. повѣренные, какъ одинъ человѣкъ, сочли бы своимъ нравственнымъ долгомъ прекратить свою профессіональную дѣятельность. Но это могло бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ такого коренного нарушенія условій дѣятельности присяжной адвокатуры, подчиненіе которому со стороны членовъ сословія явилось бы совершенно несовмѣстимымъ съ достоинствомъ адвоката, какъ гражданина и человѣка. Далѣе, само собой разумѣется, что только полный отказъ членовъ сословія отъ преимуществъ и правъ своего сословнаго положенія, могъ бы явиться предметомъ подобной забастовки—какъ свидѣтельство глубины и серьезности побужденій, которыя вынудили адвокатовъ отказаться отъ исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей. «Забастовка» же, сводящаяся къ отложенію и затягиванію дѣлъ, нерѣдко ко вреду своихъ довѣрителей, при сохраненіи при этомъ же забастовщиками, какъ членами сословія, всѣхъ преимуществъ своего профессіональнаго положенія, уже сама по себѣ, въ силу полной своей призрачности, по мнѣнію Совѣта, не могла бы стать предметомъ проявленія солидарной, сословной рѣшимости. Если

противное сему имѣло въ данномъ случаѣ мѣсто, то такое явленіе Совѣтъ не можетъ не считать весьма прискорбнымъ и совершенно нежелательнымъ, такъ какъ отъ каждаго своего сочлена сословіе въ правѣ ожидать, при всякихъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ важные моменты общественной жизни, вдумчиваго, бережнаго и строго закономѣрнаго отношенія къ кореннымъ вопросамъ и условіямъ сословной жизни.

Принимая, однако, во вниманіе, что правильное теченіе сословной жизни было нарушено въ данномъ случаѣ исключительно подъ вліяніемъ гнетущихъ и истинно горестныхъ событій 9 января, внесшихъ совершенно исключительное возбужденіе во всѣ сферы общественной жизни и дѣятельности, Совѣтъ не считаетъ возможнымъ возбуждать какія-либо дисциплинарныя дѣла по поводу отложенія присяжными повѣренными и ихъ помощниками засѣданій подъ предлогомъ забастовки, но, признавая по существу такія откладыванія дѣлъ неправильными и, во избѣжаніе подобныхъ замѣшательствъ, постановилъ: признать отложеніе слушанія дѣлъ подъ предлогомъ забастовки неправильнымъ, о чемъ и объявить циркулярно присяжнымъ повѣреннымъ въ городѣ Петербургѣ» [1]).

Въ общемъ собраніи 30 января 1905 г. А. Н. Турчаниновъ дополнительно сообщилъ, что циркуляръ былъ составленъ Н. П. Карабчевскимъ, но редакція его обсуждалась всѣми членами Совѣта за исключеніемъ отсутствовавшихъ Д. В. Стасова и В. И. Леонтьева [2]). Такимъ образомъ, можно сказать, что циркуляръ былъ принятъ Совѣтомъ единогласно, но столь же единогласно онъ былъ осужденъ въ общемъ собраніи. Буквально ни одного голоса не раздалось въ его защиту. Мало того. Какъ указалъ, напр., В. О. Люстихъ, «я всегда былъ противъ внесенія политическихъ страстей въ дѣла адвокатскаго сословія. Сегодня мы убѣдились, какъ это не-

---

1) Отчетъ 1904—5 г., с. 58—61.

2) Противъ редакціи возражалъ Н. Н. Шнитниковъ, соглашавшійся, однако, съ окончательнымъ выводомъ. Кромѣ названныхъ лицъ, въ составъ Совѣта входили: Л. А. Базуновъ, А. А. Бубновъ, Б. Б. Дорнъ, М. Г. Казариновъ, П. Г. Мироновъ и Г. Ф. Юнкеръ.

удобно. У насъ всегда бывали разногласія и споры, но соблюдалось взаимное уваженіе. Сегодня же произносились недопустимыя по рѣзкости выраженія». Съ другой стороны, А. Н. Турчаниновъ, замѣтивъ, что «я не измѣнился, и мои воззрѣнія остались прежними», принесъ какъ бы раскаяніе, призналъ, что онъ отступился отъ своихъ взглядовъ, когда, въ составѣ петроградскаго Совѣта, вмѣстѣ съ московскимъ, являлся съ запиской къ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ дополненіе же къ этимъ заявленіямъ, П. А. Потѣхинъ пояснилъ, что еще 16 января (т.-е. двѣ недѣли назадъ) онъ говорилъ здѣсь, что «намъ, какъ сословію адвокатовъ, нужно избѣгать всякой политики. Но, дѣйствительно, теперь мы переживаемъ такое особенное жуткое время, что политика захватываетъ всѣхъ насъ. Надо обладать необыкновенною силою воли, чтобы отрѣшиться отъ политики и остаться только адвокатомъ». Наконецъ, А. Н. Турчаниновъ, признавая, что «циркуляръ былъ неудаченъ», просилъ, однако, собраніе «повѣрить, что никакихъ вопросовъ политическихъ мы не имѣли въ виду».

Сопоставленіе всѣхъ этихъ заявленій подтверждаетъ еще разъ, что 20 ноября 1904 г. было кульминаціоннымъ пунктомъ. Послѣ этого въ сословіи наблюдается тяготѣніе къ прежнимъ тенденціямъ [1]). Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, политикѣ трудно было сопротивляться, то жизнь сословія и стала двигаться толчками.

Но не менѣе характерно и другое сопоставленіе. Въ результатѣ горячихъ преній упомянутое общее собраніе 30 января приняло резолюцію, въ которой говорилось: «принимая во вниманіе, что постановленіе это идетъ въ разрѣзъ съ постановленіями и чувствами, одушевляющими сословіе въ настоящій переживаемый русскимъ обществомъ историческій моментъ; что постановленіе это, основанное на не провѣрен-

---

[1]) Политика вновь грозила поколебать неизмѣнность взглядовъ сословія во время созыва первой Думы. Въ общемъ собраніи 30 апрѣля 1906 г. въ Петроградѣ предложено было постановить резолюцію съ требованіемъ амнистіи. Послѣ преній остановились на оригинальномъ компромиссѣ, предложенномъ П. А. Потѣхинымъ,—выразить сердечное привѣтствіе народнымъ представителямъ: «Сословіе особо радуется первому акту Государственной Думы, направленному къ полной амнистіи».

ныхъ и не соотвѣтствующихъ дѣйствительности данныхъ и содержащее огульное осужденіе многочисленной группы товарищей, является и по содержанію своему и по тону неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для всѣхъ товарищей, общее собраніе постановило выразить сожалѣніе по поводу вышеуказаннаго постановленія Совѣта отъ 15 января 1905 г.». Наиболѣе горячіе члены собранія требовали, чтобы Совѣтъ воспринялъ эту резолюцію, какъ предложеніе подать въ отставку, на что В. О. Люстихъ отвѣтилъ, что обновленіе Совѣта можетъ быть произведено на годовомъ общемъ собраніи. Но когда, три мѣсяца спустя, это общее собраніе состоялось, то весь составъ Совѣта (за исключеніемъ нѣсколькихъ выбывавшихъ по очереди) былъ переизбранъ, несмотря на горячій протестъ, который, какъ мы видѣли, онъ вызвалъ противъ себя.

Вопросъ объ отношеніи къ забастовкѣ имѣетъ и свою дальнѣйшую исторію, которая служитъ новымъ подтвержденіемъ того, какъ неровно подвигалась жизнь сословія. Вопросъ возникъ, конечно, въ октябрѣ 1905 года, въ связи съ общей политической забастовкой. Въ Москвѣ бюро союза адвокатовъ высказалось противъ непосредственнаго участія адвокатовъ въ забастовкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ прис. повѣренныхъ постановилъ: признавая, въ виду исключительныхъ условій, переживаемыхъ страною, желательной временную пріостановку въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ, довести о семъ до свѣдѣнія г. старшаго предсѣдателя московской Судебной Палаты, явясь для сего къ нему въ полномъ составѣ Совѣта. Во исполненіе этой резолюціи, Совѣтъ того же 15 октября обратился къ сенатору Ф. Ф. Арнольду, по приглашенію котораго въ обсужденіи возбужденнаго вопроса Совѣтъ принялъ участіе въ частномъ совѣщаніи наличныхъ членовъ московской судебной магистратуры и прокурора московской Судебной Палаты [1]).

---

[1]) Отчетъ за 1904—5 г., с. 72. Въ декабрѣ того же года, когда въ Москвѣ революціонныя событія достигли высшаго напряженія, Совѣтъ вторично сдѣлалъ такое же постановленіе, съ тѣмъ, чтобы довести его до свѣдѣнія предсѣдателей судебныхъ мѣстъ г. Москвы. (Отчетъ 1906—1907 г., с. 30).

Совершенно иначе, можно сказать, въ противуположномъ направленіи протекалъ этотъ вопросъ въ Петроградѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Отчетъ Совѣта: «11 и 12 октября 1905 года установилась въ Петербургѣ забастовка желѣзнодорожныхъ и другихъ рабочихъ.

13 октября вечеромъ была разослана повѣстка слѣдующаго содержанія:

«Петербургскіе присяжные повѣренные и ихъ помощники приглашаются пожаловать на собраніе, 14 октября въ 8 ч. вечера, въ зданіе С.-Петербургскаго Университета для обсужденія текущихъ общественныхъ вопросовъ (въ частности вопроса объ общеполитической забастовкѣ и о смертной казни). Эта повѣстка разсылается всѣмъ петербургскимъ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ. Центральное бюро всероссійскаго союза адвокатовъ. Бюро петербургской группы союза адвокатовъ».

Съ своей стороны, предсѣдатель Совѣта пригласилъ членовъ Совѣта въ экстренное совѣщаніе въ три часа дня того же 14 октября (въ пятницу). На этомъ совѣщаніи два члена Совѣта сообщили, что они будутъ вечеромъ того дня въ собраніи, которое имѣло быть въ зданіи университета.

На другой день, 15 октября, въ субботу, члены Совѣта собрались въ обычное засѣданіе.

Туда пришли свѣдѣнія о томъ, что въ зданіи суда оставлены только два выхода, что у входовъ стоитъ полиція, которая пропускаетъ въ зданіе только имѣющихъ повѣстки и присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, и что группа лицъ, среди которыхъ были будто бы преимущественно присяжные повѣренные и ихъ помощники, потребовали прекращенія занятій и закрытія судебныхъ засѣданій. Послѣ того въ засѣданіе Совѣта пришли двѣ депутаціи отъ многочисленнаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ, бывшаго въ тотъ день въ помѣщеніи Совѣта, и Совѣту была сообщена резолюція, состоявшаяся наканунѣ въ собраніи адвокатовъ, требовавшая отъ адвокатуры принять всѣ мѣры для пріостановленія судебной дѣятельности. При этомъ «мѣры должны носить обязательный для членовъ сословія характеръ».

Совѣту было предложено депутатами присоединиться къ забастовкѣ и прекратить свою дѣятельность.

При объясненіи въ Совѣтѣ нѣкоторые изъ депутатовъ высказывали желаніе, чтобы Совѣтъ сословія обсудилъ совмѣстно съ товарищами отношеніе, въ которомъ должно находиться все сословіе къ текущимъ событіямъ политической жизни, и выразили сожалѣніе о томъ, что старшіе члены сословія не имѣютъ достаточнаго общенія съ помощниками въ это знаменательное время—общенія, которое должно было бы уяснить для всѣхъ, что дѣлать сословію. Сверхъ того, Совѣту сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые присяжные повѣренные и помощники были арестованы при посѣщеніи ими другихъ правительственныхъ учрежденій, при чемъ указывалось, что посѣщенія эти были сдѣланы съ цѣлью прекращенія тамъ занятій.

«Обсудивъ все вышеизложенное и принимая во вниманіе, что вчерашняго числа состоялось постановленіе группы присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ о забастовкѣ, съ поясненіемъ, что забастовка эта считается обязательной для всей присяжной адвокатуры; что сегодня утромъ нѣкоторые присяжные повѣренные и ихъ помощники предприняли въ судебныхъ мѣстахъ разныя дѣйствія, клонившіяся къ осуществленію или поддержанію забастовки въ судебныхъ установленіяхъ; что представляется желательнымъ выяснить въ самомъ скоромъ времени отношеніе ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ по возможности всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа; что приглашать для этого въ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ всего округа, въ виду отсутствія движенія по желѣзнымъ дорогамъ, представляется невозможнымъ,—Совѣтъ постановилъ: пригласить однихъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ въ общее собраніе на завтра же, 16 октября, вечеромъ и доложить имъ имѣющіяся въ Совѣтѣ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ. Независимо отъ этого Совѣтъ полагаетъ умѣстнымъ, при существующихъ обстоятельствахъ, пригласить въ собраніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, для взаимнаго разъясненія взглядовъ и для устраненія по возможности путемъ обмѣна мыслей разнорѣчиваго отношенія членовъ сословія къ теку-

щимъ событіямъ политической жизни. Какъ, однакоже, участіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ общемъ собраніи этихъ послѣднихъ не зависитъ отъ Совѣта, а только отъ самого общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, то Совѣтъ и постановляетъ извѣстить помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ объ имѣющемъ состояться общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, съ предупрежденіемъ ихъ, что присутствіе ихъ въ общемъ собраніи будетъ зависѣть отъ разрѣшенія общаго собранія» [1]).

Однако, это собраніе не могло состояться. Согласно постановленію Совѣта, въ собраніи прежде всего былъ поднятъ вопросъ, допустить ли помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ къ участію съ правомъ совѣщательнаго и рѣшающаго голоса. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ баллотировкѣ однихъ присяжныхъ повѣренныхъ и большинствомъ голосовъ разрѣшился отрицательно. Послѣ этого засѣданіе было закрыто предсѣдателемъ общаго собранія вслѣдствіе неутихавшаго шума и крика [2]).

Комиссія помощниковъ въ самомъ созывѣ собранія 16 октября усмотрѣла противодѣйствіе со стороны Совѣта, находя, что собраніе, состоявшееся въ университетѣ, имѣло достаточно авторитетное значеніе. «Стоя на точкѣ зрѣнія омертвѣлаго положительнаго права,—писала комиссія Совѣту,—и не желая и не умѣя понять переживаемый политическій моментъ, обязывавшій всѣ слои интеллигенціи объединиться съ народомъ въ борьбѣ за политическую свободу, Совѣтъ сознательно въ желаніи своемъ удержать сословіе отъ участія его въ активной политической борьбѣ внесъ раздоръ и деморализацію въ общую семью» [3]). При ближайшей провѣркѣ оказалось, однако, что раздора какъ будто бы вовсе и нѣтъ. 6-го декабря въ общемъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ объ инцидентѣ 16 октября, и собраніе постановило: «не принимать никакихъ резолюцій ни по вопросу о забастовкѣ, ни по поводу инцидента 16 октября; но просить Совѣтъ, въ

[1]) Отчетъ петрогр. Совѣта, 1905—6 г., с. 53—55.

[2]) Отчетъ петрогр. Совѣта, 1905—6 г., с. 15. На собраніи присутствовало 271 прис. повѣренный и 254 помощника. Протокола общаго собранія не сохранилось.

[3]) Отчетъ, 1905—6 г., с. 60.

случаѣ объявленія адвокатской забастовки, немедленно созвать общее собраніе прис. повѣренныхъ для обсужденія вопроса о забастовкѣ адвокатовъ». Это собраніе пришлось созвать черезъ нѣсколько дней, и чрезвычайное собраніе 12 декабря, единогласно присоединившись къ заключенію Совѣта, приняло резолюцію: «признать постановленіе собранія петербургскихъ адвокатовъ, созваннаго Бюро спб. группы союза адвокатовъ отъ 10 декабря, о присоединеніи ко всеобщей политической забастовкѣ, не имѣющимъ обязательнаго для присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ значенія» [1]).

Чѣмъ сильнѣе были колебанія однихъ, тѣмъ рѣшительнѣе были выступленія другихъ. Уже выше въ отчетахъ консультацій мы читали о задачахъ адвокатуры съ точки зрѣнія «пролетарскаго настроенія». Въ 1906 году представители рабочихъ организацій Петрограда обратились къ комиссіи помощниковъ съ просьбой допустить представителей рабочихъ на общее собраніе для обсужденія вопроса о празднованіи 1 мая. Комиссія отказала въ этомъ, что вызвало бурное общее собраніе помощниковъ. Вопросъ былъ поставленъ очень остро, и нѣкоторые участники прямо жаловались на «насильное притягиваніе сословія въ соціалъ-демократію». Тѣмъ не менѣе, общее собраніе стало на сторону ораторовъ, полагавшихъ, что «актъ довѣрія со стороны рабочихъ очень лестенъ», и, выразивъ комиссіи порицаніе по содержанію и формѣ принятаго ею постановленія, рѣшило считать это постановленіе отмѣненнымъ. Въ томъ же году общее собраніе окраинныхъ консультацій постановило, что дѣло организаціи юридическихъ бюро можетъ быть дѣломъ лишь организованнаго пролетаріата и не должно быть связано съ профессіональными союзами. Поэтому, вмѣсто образованія намѣченной центральной консультаціи, собраніе постановило: для выработки началъ организаціи юридическихъ бюро послать своихъ представителей въ бюро профессіональныхъ союзовъ и совѣтъ рабочихъ депутатовъ [2]). Въ концѣ того

---

[1]) Отчетъ за 1905—6 г., с. 14, 15. Протокола общаго собранія не сохранилось.

[2]) Отчетъ, с. 205.

же года комиссія, выражая порицаніе Совѣту за его дѣятельность, убѣждала его, что задача сословія побѣдить или пасть вмѣстѣ съ борющимся народомъ.

Въ Москвѣ послѣ событій 9 января 1905 г. комитетъ помощниковъ требовалъ, чтобы всѣ сословные капиталы были отданы семьямъ пострадавшихъ. Въ декабрѣ 1905 г. по линіи Московско-Казанской жел. дороги при прекращеніи безпорядковъ былъ убитъ проживавшій въ гор. Коломнѣ прис. повѣренный Тарарыковъ. Эта смерть вызвала характерную переписку между комитетомъ помощниковъ и Совѣтомъ. Общее собраніе помощниковъ постановило помѣстить портретъ Т. въ залѣ засѣданій Совѣта въ виду его заслугъ на почвѣ освободительнаго движенія. Постановленіе это осталось не исполненнымъ. Совѣтъ постановилъ вопросъ о помѣщеніи портрета Т. отложить. Въ слѣдующемъ году комитетъ обратился въ Совѣтъ съ запросомъ, какое послѣдовало по этому предмету постановленіе. Совѣтъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ запросомъ доставить свѣдѣнія о числѣ лицъ, участвовавшихъ въ общемъ собраніи, и состоялось ли постановленіе единогласно. Комитетъ отвѣтилъ, что постановленіе было единогласное, и комитетъ къ нему присоединяется. Совѣтъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (это было уже въ 1908 г.), снова постановилъ обсужденіе вопроса отложить [1]). Комитетъ пошелъ тогда какъ бы на компромиссъ и возбудилъ ходатайство о постановкѣ памятника на могилѣ Тарарыкова. Совѣтъ постановилъ пригласить въ засѣданіе Совѣта для обсужденія этого вопроса одного изъ членовъ комитета, а засимъ снова постановилъ: отложить. Едва ли, однако, рѣшеніе вопроса по существу могло вызывать какія-либо трудности и требовать какихъ-либо подготовительныхъ работъ. Несомнѣнно, что откладыванія объяснялись не сложностью рѣшенія по существу, а какими-либо посторонними соображеніями. Такую же переписку вызвало домогательство комитета, чтобы Совѣтъ не принималъ въ помощники лицъ, державшихъ государственные экзамены въ 1905—06 г., вопреки постановленію о забастовкѣ.

---

[1]) Отчетъ, стр. 205.

Когда же волна общественнаго настроенія начала понижаться, то и среди молодой адвокатуры сталъ пробиваться взглядъ на прежнее направленіе дѣятельности, какъ на ошибку. Такъ, уже въ отчетахъ петр. консультацій за 1906 г. говорится, что «консультаціи, оставаясь на строго безпартійной почвѣ, быть можетъ, поступили бы послѣдовательнѣе, уклонившись отъ этого дѣла (предвыборной борьбы) и ограничившись разрѣшеніемъ сомнѣній именно юридическаго характера. Консультаціи, напротивъ, открыли широко двери всѣмъ лѣвымъ партіямъ, предоставивъ имъ возможность делегировать своихъ представителей для устройства спеціальныхъ партійныхъ дежурствъ по выборнымъ дѣламъ» [1]). Одна изъ консультацій обвиняетъ бюро объединенныхъ консультацій въ томъ, что оно стремится проявить свою дѣятельность главнѣйшимъ образомъ въ вопросахъ широкаго общественнаго значенія. «Однако,—продолжаетъ Отчетъ,—эти стремленія, пожалуй, не всегда были удачны: такъ, пріобщенная на почвѣ стремленій бюро къ дѣятельности этого рода, работа заполненія консультаціями избирательныхъ бюллетеней едва ли имѣла результатомъ замѣтную долю полезности» [2]). Но эта критика заднимъ числомъ, само собою разумѣется, не могла уже измѣнить положенія дѣлъ. Крайняя экспансивность, которую сословіе обнаружило во время повышенія общественнаго настроенія, свидѣтельствуя о чуткости его, отнюдь не гарантировала стойкости. Напротивъ, она предопредѣлила подчиненіе адвокатовъ новымъ противуположнымъ вліяніямъ, которыя пришли на смѣну господствовавшимъ до 1905 г. Дѣйствительно, уже съ 1906 года начинается постепенное умираніе излюбленнаго дѣтища молодой адвокатуры—окраинныхъ консультацій. Старѣйшая изъ этихъ консультацій, шлиссельбургская, тщетно жалуется, что она въ ближайшемъ будущемъ не сможетъ удовлетворить мѣстныхъ требованій, прекращеніе же... консультаціи, призванной обслуживать мѣстность почти исключительно и дѣйствительно пролетарскую... было бы весьма и весь-

---

[1]) Отчетъ, с. 245.

[2]) Отчетъ за 1907 г., с. 205.

ма прискорбнымъ фактомъ» [1]). Но это магическое слово перестало уже дѣйствовать, и въ слѣдующемъ году отчетъ лишній разъ неизмѣнно констатируетъ, что шлиссельбургская консультація совершенно забыта сословіемъ, и дѣятельность ея, вслѣдствіе этого, клонится къ упадку. Во всѣхъ другихъ консультаціяхъ происходило то же самое. «Консультацію посѣщали сравнительно небольшое число членовъ»,— говорится о песковской [2]). Съ начала отчетнаго 1906 г. царскосельская консультація фактически перестала функціонировать [3]). Да и самое бюро объединенныхъ консультацій, «столь энергично вызванное къ жизни и, казалось, столь жизнеспособное, не найдя себѣ удовлетворенія и пищи для работы широкаго общественнаго значенія, фактически перестало существовать, проявивъ такую безпримѣрную инертность, что даже въ столь животрепещущихъ вопросахъ, какъ открытіе новой консультаціи въ помѣщеніи, предоставленномъ предсѣдателемъ Съѣзда мировыхъ судей, и выясненіе состава этой консультаціи, бюро выпустило всякую иниціативу изъ своихъ рукъ» [4]). Параллельно съ этимъ идутъ безпрерывныя жалобы на неподготовленность членовъ консультацій къ своимъ обязанностямъ. А. А. Исаевъ докладываетъ, что «въ Совѣтъ и Комиссію со стороны нѣсколькихъ мировыхъ судей поступило нѣсколько заявленій о томъ, что бумаги, составленныя въ консультаціяхъ, страдаютъ серьезными недостатками, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были приложены и копіи этихъ бумагъ, дѣйствительно, составленныя неудовлетворительно» [5]). Такія жалобы повторяются чуть не въ каждомъ отчетѣ, несмотря на то, что, какъ указано выше, Совѣтъ рѣшилъ принять болѣе активное участіе въ консультаціяхъ.

Въ виду такого неизмѣннаго упадка, одна изъ консультацій уже въ 1907 году рекомендовала—въ противоположность «порываньямъ и вопросамъ широкаго общественнаго

---

1) Отчетъ за 1906 г., с. 168.
2) Отчетъ, с. 233.
3) Отчетъ, с. 247.
4) Отчетъ, с. 206.
5) Отчетъ за 1908 г., с. 205.

значенія—новыя позиціи, на которыхъ задачей было бы содѣйствіе воспитанію въ русскихъ гражданахъ чувства законности и юридическаго такта» [1]). Этотъ призывъ, повидимому, соотвѣтствовалъ назрѣвшей потребности, потому что дѣятельность консультацій, дѣйствительно, начинаетъ складываться въ новомъ направленіи. Даже бюро объединенныхъ консультацій начинаетъ заниматься такими вопросами, какъ «выборъ новой лѣчебницы для врачебной экспертизы». «Въ отчетномъ году дѣятельность бюро объединенныхъ консультацій была направлена, главнымъ образомъ, на упорядоченіе системы записей посѣтителей консультацій» [2]). Еще такъ недавно, «на перепутьи нарождающейся общественной и государственной жизни Россіи», историческій очеркъ консультаціи съ такимъ презрѣніемъ говорилъ о «скучныхъ, краткихъ до нельзя отчетахъ, въ которыхъ проходитъ передъ нами дѣятельность первой консультаціи при Съѣздѣ мировыхъ судей», а теперь отчеты окраинныхъ консультацій все болѣе и болѣе сводятся къ сухому цифровому матеріалу, изложенному «до нельзя кратко». Точно такъ же на новыхъ позиціяхъ стояло, очевидно, общее собраніе молодой адвокатуры, когда по поводу смерти А. Н. Турчанинова въ телеграммѣ заявило, что «въ лицѣ усопшаго наше молодое сословіе потеряло лучшаго своего учителя, носителя славныхъ традицій русской присяжной адвокатуры» [3]). Ибо не прошло вѣдь и двухъ лѣтъ, какъ комиссія помощниковъ обвиняла Совѣтъ прис. повѣренныхъ, во главѣ котораго тогда стоялъ именно «нашъ лучшій учитель», что онъ вноситъ раздоръ и деморализацію въ сословіе [4]).

Такой же кризисъ переживали и конференціи. «Одно время, — пишетъ Отчетъ, — конференціи сдѣлались чрезвычайно интересными, благодаря ряду прочитанныхъ на нихъ сообщеній о политическихъ и аграрныхъ процессахъ, и тогда эти доклады привлекли массу слушателей, ибо они служили суррогатомъ не существовавшей даже въ проектѣ свободы

---

[1]) Отчетъ за 1913 г., с. 223.

[2]) Отчетъ, 1907 г., с. 66.

[3]) Отчетъ, 1907 г., с. 66.

[4]) См. выше, с. 431.

собраній и печати. Но съ усиленіемъ освободительнаго движенія и выходомъ его за предѣлы небольшихъ кружковъ и корпорацій, эти доклады оказались отжившими свое время, и конференціи стали быстро падать, превратившись въ настоящее время уже окончательно въ одну изъ самыхъ безцвѣтныхъ сословныхъ повинностей» [1]).

Несмотря на столь плачевное состояніе, всякія попытки реформъ оканчивались неудачно. Отчетъ за 1907 г., напр., говоритъ, что «такъ же, какъ и въ прошломъ году, мы принуждены начать нынѣшній отчетъ констатированіемъ того печальнаго факта, что докладъ о пересмотрѣ правилъ... Совѣтомъ не разсмотрѣнъ» [2]). Но неизмѣнно каждый годъ общія собранія руководителей съ представителями комиссіи обсуждали, что дѣлать для оживленія конференцій, ежегодно раздавались однѣ и тѣ же рѣчи, и все въ общемъ оставалось попрежнему, при чемъ попрежнему отвергалась какая-либо серьезная реформа постановки дѣла, особенно же отвергалась какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ всякая попытка установить обязательное участіе въ консультаціяхъ.

Вообще, въ Москвѣ намѣчались тѣ же явленія, но, вслѣдствіе значительнаго переполненія адвокатуры, тамъ сильнѣе развивались внутреннія тренія именно среди молодого сословія. Поэтому тренія пріобрѣтаютъ здѣсь совершенно иной характеръ. Оппозиція существующему порядку направлена на то, чтобы ничѣмъ не стѣснять помощниковъ, не налагать на нихъ никакихъ обязанностей. Усвоивъ себѣ господствующій пріемъ послѣдняго безвременья сражаться оружіемъ противника, оппозиція выступаетъ подъ флагомъ борьбы за свободу. Этотъ, такъ сказать, внѣшній признакъ ярко освѣщаетъ зависимость сословія отъ общихъ условій. Печальное положеніе дѣлъ весьма опредѣленно характеризовано въ цитированной уже рѣчи П. Н. Малянтовича:

«Что говорили 30 января 1914 года ораторы оппозиціи? Прежде всего, они говорили, какъ говорятъ побѣдители, за которыми обезпечено безусловное большинство, и какъ го-

---

[1]) Отчетъ, 1906 г., с. 110.

[2]) Отчетъ, с. 149.

ворятъ новаторы, которые принесли новую идею и облекли ее въ новое слово.

Въ чемъ же эта новая идея, это новое неслыханное слово?

Всѣми ораторами безъ исключенія новая идея была формулирована въ отрицательномъ тезисѣ: не надо принципа обязательности. И во имя чего?—Ну, конечно, во имя свободы.

Новизна идеи рѣшительно отуманила головы, «волненія, возбужденныя нами, — почти восторженно воскликнулъ ораторъ, — принесли свои плоды». Сказано это былъ такъ радостно и принято частью собранія такъ восторженно, что такъ хотѣлось увидать эти плоды, что-нибудь услышать о нихъ, чтобы пережить такую же радость. Собраніе окончилось. Теперь всѣмъ очевидны эти плоды.

Плохо или хорошо (пока это не важно), избранники сословія исполнили данное имъ порученіе, выработали правила и представили ихъ на разсмотрѣніе товарищей. И что же?

Волненіе, которое принесли съ собой ораторы «оппозиціи» и которымъ они такъ гордятся, выразилось въ томъ, что большинство, жаждущее свободы, правилъ не разсматривало и не пожелало разсмотрѣть ни въ какой формѣ, а своихъ избранниковъ принудило уйти въ отставку.

Таковы результаты «волненія». Фактъ безпримѣрнаго общественнаго неприличія, въ исторіи нашего сословія не имѣющій прецедента. Итакъ, пресловутая свобода уже ознаменовалась фактомъ насилія, притомъ въ формѣ некультурной. И кромѣ этого факта, самый внимательный участникъ общаго собранія 30 января не могъ бы назвать ни одного факта въ дѣятельности господъ оппозиціонеровъ. Все остальное были слова.

Трудно назвать еще другой такой случай, когда бы оппозиція не имѣла никакой программы, когда представители ея были бы такъ безпомощны, какъ 30 января, когда имъ предлагались вопросы» [1]).

Сравнивая же указанные факты съ тѣмъ, что происходило въ провинціи, нетрудно убѣдиться, что тамъ дѣло обстоитъ еще безпорядочнѣе. Такъ, можно прочесть въ отчетѣ харьковской комиссіи:

---

[1]) «Вѣстникъ Права», 1914 г., № 5.

«Въ числѣ такъ называемыхъ «проклятыхъ» вопросовъ сословной жизни, съ которыми комиссіи приходилось сталкиваться на каждомъ шагу, первое мѣсто, несомнѣнно, должно быть отведено пріобрѣтенію кліентовъ при помощи маклаковъ. Наряду съ уловленіемъ кліентовъ по гражданскимъ дѣламъ черезъ маклаковъ, въ послѣднее время въ жизни младшей части сословія появилось и распустилось махровымъ цвѣткомъ новое уродливое явленіе—безудержная погоня за уголовными защитами. Это выражается въ хожденіяхъ по канцеляріямъ для ознакомленія со всѣми производящимися уголовными дѣлами, въ сосредоточеніи въ своихъ рукахъ всѣми доступными и недоступными способами огромнаго количества повѣстокъ казенныхъ защитниковъ и распредѣленія ихъ по степени сенсаціонности процесса между собой и товарищами. Параллельно съ этимъ идетъ рекламированіе себя въ мѣстной прессѣ путемъ помѣщенія подробныхъ отчетовъ о своихъ выступленіяхъ въ неизмѣнно благопріятномъ духѣ и вербованіе платныхъ уголовныхъ защитъ черезъ посредство курьеровъ и вообще лицъ, имѣющихъ возможность постоянно соприкасаться съ обвиняемыми» [1]).

Всѣ эти факты пріобрѣли, очевидно, характеръ стойкій и прочный, такъ что разговоры о паденіи молодой адвокатуры, объ утратѣ идеаловъ стариковъ, которые еще недавно считались совсѣмъ отжившими, стали обычнымъ, прямо необходимымъ элементомъ общихъ собраній, и жалобы эти, главнымъ образомъ, исходили именно отъ представителей новыхъ теченій [2]). Соотвѣтственно съ этимъ, неизбѣжно возбуждались вопросы о «необходимости заняться положеніемъ помощниковъ, благодаря недостаткамъ личнаго патроната, часто попадающихъ въ безвыходное положеніе». Въ отвѣтъ на это учреждались комиссіи, организовывались частныя совѣщанія, но вопросъ такъ и оставался вопросомъ, возбуждая каждый разъ одни и тѣ же пренія,

---

[1]) Отчетъ за 1913—14 г., с. 13.

[2]) Такъ, очень рѣзко объ утратѣ идеаловъ стариковъ говорилъ въ общемъ собраніи А. Ф. Керенскій.

причемъ для характеристики положенія можно отмѣтить, что заботамъ объ организаціи помощниковъ противоставлялось требованіе прекратить на время пріемъ въ помощники, для ослабленія силы конкуренціи. Наряду съ этимъ то и дѣло возбуждались вопросы о плохомъ состояніи библіотечнаго дѣла, объ огромныхъ недоимкахъ, которыя особенно сильно давали себя чувствовать сословной кассѣ въ Москвѣ. Было ясно, что адвокатура относится индиферентно къ сословнымъ интересамъ. И дѣйствительно, значительная часть общихъ собраній не могла состояться за отсутствіемъ кворума. Въ 1906 году, напр., нижегородскіе прис. повѣренные предъявили Совѣту «протестъ противъ абсентеизма московскихъ товарищей, срывающаго общія собранія».

Дѣятельность адвокатуры оживлялась только благодаря болѣе или менѣе сильнымъ толчкамъ извнѣ. Такъ, въ Москвѣ много разговоровъ вызвало поведеніе одного изъ товарищей предсѣдателя московскаго суда Нилуса, который удалилъ изъ залы засѣданій присутствующую адвокатуру, чтобы очистить мѣсто для дамъ. Большое впечатлѣніе произвело привлеченіе прис. повѣреннаго Гиллерсона къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. за произнесенную въ судѣ рѣчь. Адвокатура заволновалась, и всѣ Совѣты приняли участіе въ защитѣ подсудимаго. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ меньше и внѣшніе толчки вызывали реакцію. Когда въ 1907 г. группа прис. повѣренныхъ внесла предложеніе объ образованіи комиссіи для разсмотрѣнія законопроекта о преобразованіи мѣстнаго суда, петроградскій Совѣтъ отказалъ въ этомъ, а общее собраніе стало на точку зрѣнія Совѣта на томъ основаніи, что 3-ей Думѣ не нуженъ тотъ матеріалъ, который могла бы дать комиссія прис. повѣренныхъ. Это заявленіе очень характерно, ибо въ немъ явственно звучитъ недовѣріе не только къ собственнымъ силамъ, но и къ значенію общественнаго мнѣнія вообще. Въ 1909 г. министръ юстиціи произнесъ рѣчь въ Государственной Думѣ, содержавшую крайне рѣзкую характеристику адвокатскаго сословія. Группа присяжныхъ повѣренныхъ подала въ Совѣтъ заявленіе о необходимости созыва общаго собранія для обсужденія рѣчи министра и выясненія, насколько характери-

стика эта соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Совѣтъ и на этотъ разъ въ созывѣ общаго собранія отказалъ, причемъ мотивы отказа еще болѣе обращаютъ на себя вниманіе. Совѣтъ нашелъ, что «рѣчь, произнесенная министромъ юстиціи въ Государственной Думѣ, какъ политическій актъ, подлежала обсужденію и критикѣ той же Государственной Думы, и съ трибуны послѣдней она получила достойную оцѣнку и надлежащій отпоръ. Созвать для обсужденія этой рѣчи общее собраніе представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ для членовъ сословія и безъ всякаго обмѣна мнѣній вполнѣ ясно, какъ имъ надлежитъ къ ней относиться, а принимать по поводу этого акта какія-либо постановленія въ смыслѣ протеста, для представленія котораго нѣтъ у сословія законнаго пути, едва ли было бы согласно съ достоинствомъ и интересами сословія». Какими бы мотивами Совѣтъ въ данномъ случаѣ ни руководствовался, несомнѣнно, что они расходятся съ направленіемъ его прежней дѣятельности.

Индиферентизмъ, который все настойчивѣе завоевывалъ себѣ почву, никогда не бываетъ самодовлѣющимъ явленіемъ. Онъ является оборотной стороной устремленія интереса въ какомъ-нибудь новомъ направленіи. А въ какомъ направленіи шло это устремленіе въ данномъ случаѣ, показываетъ тотъ фактъ, что въ 1909 г., по инициативѣ весьма значительной группы петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ (75 человѣкъ), снова былъ поставленъ на очередь вопросъ о «карточной игрѣ, которая погубила не одну репутацію». Пренія носили необычайно страстный характеръ. Съ одной стороны, прис. повѣренный каялся въ томъ, что онъ «игралъ въ карты со всякой сволочью... и просилъ отрубить ему руку, если та протянется къ игорному столу». А другой присяжный повѣренный, напротивъ, заявлялъ, что онъ игралъ и будетъ играть, и «вы потому можете возбудить противъ меня дисциплинарное производство. Исключите меня, такъ какъ я ослушникъ и клубный игрокъ». Теперь общее собраніе не могло уже ограничиться одними разговорами и, огромнымъ большинствомъ признавъ необходимымъ постановить опредѣленіе собранія, вслѣдъ засимъ единогласно объявило азартную игру несовмѣстимой съ званіемъ присяж-

наго повѣреннаго и предоставило Совѣту за такую игру въ клубахъ и общественныхъ мѣстахъ подвергать членовъ сословія дисциплинарной отвѣтственности вплоть до исключенія изъ сословія [1]).

32. Открытіе новыхъ Совѣтовъ.

Съ 1904 года, т.-е. спустя тридцать лѣтъ послѣ временнаго пріостановленія, началось открытіе новыхъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужило, повидимому, случайное обстоятельство. Въ 1903 году рѣшено было создать новый судебный округъ въ Новочеркасскѣ, принадлежавшемъ до того къ харьковскому судебному округу. Въ Новочеркасскѣ уже съ 1877 г. существовало отдѣленіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ харьковской Судебной Палаты. Такъ какъ съ открытіемъ самостоятельнаго округа отдѣленіе Совѣта не могло бы дальше существовать, а открытіе новыхъ Совѣтовъ было пріостановлено, то новочеркасскіе присяжные повѣренные вошли съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Н. В. Муравьеву, который оказалъ ему поддержку. 21 іюля 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи Совѣта при новочеркасской Судебной Палатѣ. Когда же вслѣдъ засимъ депутація отъ новаго Совѣта явилась къ Н. В. Муравьеву, чтобы поблагодарить за поддержку, то министръ сказалъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, только при наличности самоуправленія адвокатура можетъ достойно нести свои обязанности, и что онъ, министръ, намѣренъ войти съ ходатайствомъ о повсемѣстномъ въ имперіи открытіи Совѣтовъ [2]). Слова министра реализовались не вполнѣ, еще и до сихъ поръ не во всѣхъ судебныхъ округахъ открыты Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, но въ томъ же 1904 году (10 ноября) состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи Совѣтовъ

---

[1]) Этому единогласію общаго собранія противопоставляется разногласіе въ Совѣтѣ, гдѣ резолюція была принята большинствомъ пяти противъ четырехъ.

[2]) Отчетъ новоч. Совѣта за 1904—5 г., с. 4.

присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ Казанской, Одесской, Саратовской Судебныхъ Палатъ, а еще черезъ двѣ недѣли, 24 ноября, состоялось Высоч. повелѣніе объ открытіи Совѣтовъ при Иркутской и Омской Суд. Палатахъ.

Изъ всего, что сказано выше, неоспоримо явствуетъ, что моментъ для открытія новыхъ Совѣтовъ выбранъ былъ неподходящій. То было время исключительное, время бурныхъ и быстро смѣнявшихся переживаній, меньше всего пригодное для правильнаго и планомѣрнаго строительства. Профессіональные интересы, естественно, отступали на задній планъ передъ политическими задачами, въ разрѣшеніи которыхъ адвокатура принимала видное участіе, и потому сословная жизнь не могла развиваться даже болѣе или менѣе нормально. Отчеты всѣхъ Совѣтовъ пестрятъ сообщеніями о несостоявшихся собраніяхъ. Въ Одессѣ, въ общемъ собраніи 1909 г., обвинялись именно одесскіе присяжные повѣренные, «изъ года въ годъ игнорирующіе свои профессіональныя обязанности, что заставляетъ и иногороднихъ товарищей воздерживаться отъ безцѣльной поѣздки въ Одессу на общія собранія» [1]). «Нужно всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые не желаютъ исполнять свои обязанности, заставить репрессивными мѣрами являться въ собраніе». Вопросъ этотъ обсуждался почти во всѣхъ Совѣтахъ, но всѣ предложенія всегда были отклоняемы. Саратовское общее собраніе попыталось разрубить Гордіевъ узелъ. Въ 1907 году собраніе было объявлено предсѣдателемъ Совѣта несостоявшимся за отсутствіемъ кворума. Собраніе, однако, признало себя состоявшимся. Совѣтъ назначилъ второе собраніе, на которое тоже прибыло значительно меньше установленнаго кворума. Но собраніе опять признало себя состоявшимся и выбрало новый Совѣтъ. Судебная Палата и Прав. Сенатъ выборы отмѣнили. А между тѣмъ зло абсентеизма все сильнѣе укоренялось, и въ 1914 г. несостоявшееся за отсутствіемъ кворума общее собраніе постановило:

1) признать этически недопустимымъ поступкомъ неприбытіе присяжнаго повѣреннаго на общее собраніе безъ уважительной причины;

---

[1]) Отчетъ, с. 3.

2) рекомендовать Совѣту, возбуждая о лицахъ, не явившихся на собраніе, дисциплинарное производство, усилить репрессивныя мѣры, особенно въ отношеніи къ присяжнымъ повѣреннымъ, живущимъ въ Саратовѣ;

3) о причинахъ неявки на собраніе запрашивать мѣстные кабинеты присяжныхъ повѣренныхъ (это постановленіе принято по предложенію группы тамбовскихъ присяжныхъ повѣренныхъ);

4) просить Совѣтъ печатать отчеты о своей дѣятельности, а въ частности и о дисциплинарныхъ дѣлахъ, каковые не печатались раньше за отсутствіемъ средствъ, а также напечатать сводъ наиболѣе интересныхъ постановленій за прежніе годы.

На ряду съ абсентеизмомъ все больше накапливались недоимки въ сословныхъ сборахъ и стали принимать угрожающіе размѣры. «Совѣту,—читаемъ мы, напримѣръ, въ Историческомъ очеркѣ саратовскаго Совѣта,—вслѣдствіе приближающагося полнаго оскудѣнія кассы, грозитъ позорное прекращеніе своего существованія» [1]). Сборы,—говоритъ казанскій Совѣтъ [2]),—поступаютъ въ такой степени неаккуратно, что представляется затруднительнымъ удовлетворять текущія потребности Совѣта по тѣмъ предметамъ, для которыхъ онъ назначенъ. Неаккуратность въ платежѣ сбора со стороны лицъ, не желающихъ понять, что только при корпоративномъ устройствѣ присяжная адвокатура можетъ выполнить свое высокое общественное назначеніе, угрожаетъ самому существованію сословія». Этотъ вопросъ тоже служитъ предметомъ, можно сказать, безпрерывнаго обсужденія съ точки зрѣнія принятія какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ, и точно такъ же никакихъ практическихъ результатовъ отсюда не получилось.

Такое же настроеніе царило и въ молодой части адвокатуры. Открывая въ 1905 году первое общее собраніе помощниковъ прис. повѣренныхъ въ Одессѣ, бывшій предсѣдатель Совѣта О. Я. Пергаментъ во вступительной рѣчи

---

[1]) С. 75.

[2]) Отчетъ, 1906—7 г., с. 130.

сказалъ: «Большинство проявленій сословной самодѣятельности возникаетъ у васъ даже раньше, чѣмъ у насъ... Современное широкое общественное теченіе русской адвокатуры въ значительной степени вылилось изъ кружка помощниковъ общественниковъ» [1]). Такъ говорилось въ 1905 г., а въ 1908 г. Отчетъ комитета утверждаетъ, что, «какъ показалъ пятилѣтній опытъ, младшая часть присяжной адвокатуры не проявляетъ особаго интереса къ сословной жизни и вяло посѣщаетъ общія собранія, на которыя съ трудомъ собирается число участниковъ, необходимое для признанія ихъ законными, не говоря уже о томъ, что нѣтъ возможности собрать кворума, нужнаго для измѣненія или дополненія дѣйствующихъ правилъ» [2]). Здѣсь абсентеизмъ не чуждъ былъ даже характера издѣвательства. Въ 1906 г. помощники рѣшили организовать конференціи, выработали программу, намѣтили руководителей, но уже на первыхъ собраніяхъ почти никого не было. Поэтому чрезъ два мѣсяца было созвано собраніе, чтобы выяснить причины абсентеизма и либо прекратить конференціи, какъ неудавшуюся затѣю, либо принять мѣры. Собраніе состоялось, и рѣшено конференціи посѣщать. Намѣчены были темы, выбраны докладчики, но «въ первый же очередной вечеръ явились всего три лица, а докладчикъ сообщилъ письменно, что по семейнымъ обстоятельствамъ быть не можетъ. Такимъ образомъ,—прибавляетъ отчетъ,—«даже представители комитета и группы, выработавшей порядокъ функціонированія, не посѣщали конференцій» [3]). Только въ 1911 г. вновь возникъ вопросъ объ устройствѣ рефератовъ, въ 1912 г. «комитетъ съ удовлетвореніемъ долженъ констатировать, что рефераты внесли значительное оживленіе въ сословную жизнь» [4]), но въ слѣдующемъ отчетѣ уже никакихъ слѣдовъ конференцій найти нельзя.

Параллельно съ этими, такъ сказать, отрицательными признаніями, идутъ и весьма яркіе подозрительные симпто-

---

1) Отчетъ, с. 42.
2) Отчетъ, с. 171.
3) Отчетъ, с. 13.
4) Отчетъ, с. 191.

мы разложенія сословной жизни. Объ этомъ можно судить по тѣмъ вопросамъ, которые Совѣту приходилось ставить на свое обсужденіе. Въ послѣднемъ отчетномъ году члены сословія, проживающіе въ Ростовѣ-на-Дону, обратили вниманіе на то, что нѣкоторые члены сословія считаютъ возможнымъ помогать и прикрывать незаконную адвокатуру (согласно новому закону о мѣстномъ судѣ), и потому они «считаютъ весьма важнымъ скорѣйшее разрѣшеніе вопросовъ: въ правѣ ли члены сословія состоять на службѣ у лицъ или учрежденій, занимающихся подпольной адвокатурой...; въ правѣ ли члены сословія принимать отъ лицъ и конторъ, занимающихся взысканіями, довѣренности на свое имя отъ кліентовъ и такимъ образомъ имѣть какъ бы поставщиковъ дѣлъ на выработанныхъ условіяхъ, и допустимо ли, чтобы помощники прис. повѣренныхъ, не имѣющіе права хожденія по чужимъ дѣламъ, вели вексельныя взысканія по препоручительнымъ надписямъ» [1]). Еще болѣе опредѣленныя въ этомъ смыслѣ положенія установилъ казанскій Совѣтъ. Не допускается,—разъясняетъ Совѣтъ, — 1) полученіе дѣлъ при посредствѣ разнаго рода агентовъ, получающихъ плату за доставленіе кліентовъ...; 3) вывѣшиваніе на улицахъ, кромѣ входныхъ дверей, дощечекъ или объявленій съ указаніемъ профессіональныхъ занятій, адреса и пріемныхъ часовъ ... ; 6) вывѣшиваніе въ стѣнахъ присутственныхъ мѣстъ плакатовъ о профессіональной дѣятельности ... ; 8) предложеніе профессіональныхъ услугъ въ какой бы то ни было формѣ и какимъ бы то ни было способомъ; 9) неблагопристойный отзывъ о товарищѣ, порочащій честь, доброе имя или профессіональныя познанія его; 10) непосредственное сношеніе по дѣлу съ довѣрителемъ товарища съ цѣлью устраненія послѣдняго отъ участія въ обсужденіи тѣхъ или другихъ дѣловыхъ вопросовъ и 11) агитація противъ товарища съ цѣлью расширенія собственной практики [2]). Несомнѣнно, конечно, что всѣ эти положенія безспорны, какъ аксіома. Но именно то и привлекаетъ вни-

---

[1]) Отчетъ, 1913—14 г., с. 20.
[2]) Отчетъ, 1912—13 г., с. Б., с. 10, 12.

маніе, что къ пятидесятилѣтнему юбилею адвокатуры Совѣту приходится такія аксіомы обсуждать и преподавать ихъ присяжнымъ повѣреннымъ въ качествѣ наставленій. Велика ли разница между этими наставленіями и тѣми требованіями, которыя предъявилъ законодатель въ концѣ XVIII столѣтія къ лицамъ, занимавшимся судохожденіемъ? [1]).

33. Антагонизмъ между адвокатурой и властью.

Такое положеніе дѣлъ заставляетъ особенно горячо вспомнить приведенную выше цитату изъ оффиціальнаго «Судебнаго Вѣстника» о необходимости принимать мѣры содѣйствія правильному развитію введеннаго въ жизнь института. Вотъ когда такія мѣры являлись неотложной необходимостью. Но не даромъ адвокаты, разсуждая въ общихъ собраніяхъ объ упадкѣ сословія, все чаще указывали, что такой упадокъ находится въ связи съ состояніемъ всего общества. Новое общественное теченіе, смѣнившее кратковременное единодушіе, наложило еще болѣе густой отпечатокъ на администрацію и магистратуру, и вмѣсто какихъ бы то ни было реформъ, враждебное отношеніе къ адвокатурѣ, намѣчавшееся весьма замѣтно уже и передъ 1905 г., послѣ этого приняло чрезвычайно рѣзкій характеръ.

Здѣсь, однако, изъ области исторіи мы попадаемъ уже въ живую дѣйствительность, которая вообще съ трудомъ поддается объективному анализу, а въ условіяхъ нынѣшняго момента встрѣчаетъ непреодолимыя внѣшнія препятствія для изображенія сущности ея. Врядъ ли, впрочемъ, требуется доказывать, что иначе отношенія эти сложиться не могли. Вмѣсто всякихъ доказательствъ достаточно, напримѣръ, напомнить хотя бы о дѣлѣ Лыжина. Въ 1911 г. въ Прав. Сенатѣ слушалось дѣло по обвиненію свыше ста лицъ въ принадлежности къ революціонному обществу Дашнакцутюнъ. На судебномъ слѣдствіи было установлено защитой, что производившій предварительное слѣдствіе суд. слѣдователь Лыжинъ

---

[1]) См. выше, с. 9.

совершилъ рядъ подлоговъ. Прав. Сенатъ постановилъ привлечь Лыжина къ отвѣтственности, но домогательство защиты вернуть дѣло къ дослѣдованію въ виду столь исключительнаго характера предварительнаго слѣдствія было отвергнуто, судъ былъ доведенъ до конца, а засимъ и дѣло, возбужденное противъ Лыжина, было прекращено, такъ какъ онъ признанъ былъ дѣйствовавшимъ въ состояніи душевной ненормальности. Точно такъ же въ дѣлѣ такъ наз. Новороссійской республики, слушавшемся въ Новочеркасскѣ, военный судъ установилъ наличность подобнаго же веденія слѣдствія.

Такое состояніе юстиціи не можетъ мириться съ функціями защиты, и естественно, напр., если на одномъ большомъ процессѣ предсѣдатель напередъ объявилъ защитникамъ, что не допуститъ никого изъ нихъ дѣлать замѣчаній по поводу происходящихъ на судѣ дѣйствій, а также не допуститъ заявленій и ходатайствъ о занесеніи въ протоколъ объ этихъ дѣйствіяхъ и его, предсѣдателя, распоряженіяхъ. «Такое заявленіе,—говоритъ В. Д. Набоковъ,—прямо нарушило права защиты, гарантированныя ей ст. 630 уст. уг. суд.» [1]), и спорить противъ этого не приходится,—но надо признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что иначе предсѣдателю трудно было бы вести засѣданіе.

Вотъ почему и въ связи со сказаннымъ выше нѣтъ нужды подбирать и квалифицировать случаи, говорящіе объ отношеніяхъ между властью и адвокатурой. Можно ограничиться приведеніемъ лишь принципіальныхъ фактовъ, составляющихъ, такъ сказать, этапы въ сословныхъ судьбахъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ арестѣ прис. повѣреннаго С. Е. Кальмановича во время исполненія имъ обязанностей защиты въ военномъ судѣ. С. Е. Кальмановичъ явился въ Тамбовъ въ засѣданіе военнаго суда по дѣлу лицъ, обвинявшихся въ убійствѣ генерала Богдановича. Во время засѣданія къ нему подошелъ дежурный офицеръ и сообщилъ, что его спрашиваютъ. Кальмановичъ вышелъ и увидѣлъ жандармскаго офицера, заявившаго ему, что онъ арестованъ. Кальмановичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ под-

---

[1]) Ежегодникъ «Рѣчи» на 1914 г., с. 76.

чиниться такому распоряженію, прежде чѣмъ не исполнитъ своей обязанности защитника, и, вернувшись въ залъ засѣданія, заявилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель обратился къ подсудимому, который объяснилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ остаться безъ защитника. Судъ удалился для совѣщанія и вынесъ резолюцію объ освобожденіи С. Е. Кальмановича отъ обязанностей защитника, послѣ чего онъ былъ арестованъ, а дѣло было рѣшено судомъ тутъ же, право принесенія кассаціонной жалобы отвергнуто генералъ-губернаторомъ, и смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе. Аресты и высылки адвокатовъ стали явленіемъ вполнѣ обычнымъ, и отчеты Совѣтовъ за послѣдніе годы переполнены такими сообщеніями, заканчивающимися описаніями ходатайствъ Совѣтовъ и тѣхъ или иныхъ результатовъ этихъ ходатайствъ. Но арестъ адвоката въ засѣданіи суда, при исполненіи профессіональныхъ обязанностей является дѣйствительно безпримѣрнымъ нарушеніемъ правъ защиты, какъ утверждали Совѣты. «Такая чрезвычайная мѣра,—писалъ товарищъ предсѣдателя петроградскаго Совѣта В. О. Люстихъ г. министру юстиціи,—кажется, впервые заносимая въ лѣтопись правосудія, не можетъ не произвести на всѣхъ друзей порядка и мирнаго развитія нашей родины самаго тяжелаго и удручающаго впечатлѣнія... Рѣшаюсь писать вамъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, кто сорокъ лѣтъ своей жизни посвятилъ борьбѣ за право и правосудіе, убѣжденный, что въ настоящее страшно тяжелое время порядокъ можетъ быть установленъ только при устраненіи всякаго произвола со стороны правительственныхъ учрежденій». Спустя мѣсяцъ М. Г. Акимовъ увѣдомилъ предсѣдателя Совѣта, что 25 января (т.-е. просидѣвъ въ тюрьмѣ свыше мѣсяца безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія) С. Е. Кальмановичъ освобожденъ [1]). Но самый фактъ ареста защитника при исполненіи своихъ обязанностей никакой реакціи не вызвалъ со стороны власти.

Въ томъ же Тамбовѣ губернаторъ Муратовъ въ 1906 г. наложилъ штрафъ на прис. повѣреннаго Шатова за произнесенную имъ судебную рѣчь. Это распоряженіе было отмѣ-

---

[1]) Отчетъ, 1905—6 г., с. 42.

нено. Въ Иркутскѣ былъ арестованъ весь составъ Совѣта прис. повѣренныхъ, и его функціи перешли къ окружному суду. Двумя годами позже, въ 1908 году, было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ прис. повѣреннаго Гиллерсона, обвиняемаго по 129 ст. уст. уг. ул. за произнесенную имъ на судѣ рѣчь. Этотъ инцидентъ еще сильнѣе взволновалъ адвокатуру, которая командировала почти изъ всѣхъ округовъ защитниковъ на это дѣло. Судъ состоялся въ 1909 г. въ выѣздной сессіи виленской Судебной Палаты въ Гроднѣ. Въ своей рѣчи О. О. Грузенбергъ поднялъ вопросъ на принципіальную высоту, указавъ, что «не для личной защиты обвиняемаго прибыли изъ разныхъ концовъ представители русской адвокатуры. Немало ея членовъ, унесенныхъ революціонной бурей, томятся въ каторгѣ, ссылкѣ и тюрьмахъ. Ихъ защищали отдѣльные товарищи, и никогда дѣла эти не становились общеадвокатскими дѣлами. Но сегодня на скамьѣ подсудимыхъ не отдѣльный адвокатъ, а вся адвокатура». Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія обвиненіе, О. О. Грузенбергъ указалъ на то, что «вотъ уже шесть лѣтъ, какъ адвокатура введена въ отправленіе суда по политическимъ дѣламъ. Тяжелые, мучительные годы... Политическая защита должна быть свободна или ея не должно быть вовсе».

Судебная Палата признала обвиняемаго виновнымъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ. Прав. Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій. Мы не приводимъ сущности выставленнаго противъ адвоката обвиненія, именно для того, чтобы не разсѣивать вниманія. Фактъ тотъ, что такое обвиненіе возникло чуть не накануне 50-лѣтняго юбилея судебныхъ уставовъ. Можно, правда, возразить на это, что прежде защитники не позволяли себѣ такихъ выраженій. Достаточно было бы, однако, указать, что инкриминируемыя мѣста не вызвали даже замѣчанія со стороны предсѣдателя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно ли удивляться возбужденію и исходу обвиненія, если и рѣчи депутатовъ признаются подлежащими уголовной отвѣтственности.

Еще 3 года спустя, подвергся колебанію другой устой адвокатской профессіи. При слушаніи въ Варшавѣ одного дѣ-

ла одинъ изъ свидѣтелей, самъ раньше осужденный, заявилъ, что онъ на предварительномъ слѣдствіи сознался, но на судѣ взялъ свое сознаніе назадъ, согласно совѣту защитника своего, прис. повѣреннаго Патека. Немедленно послѣдній былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности. Онъ категорически отвергъ фактическую сторону дѣла, но отказывался дать объясненія по существу, ибо его объясненія съ подсудимымъ происходили, согласно 569 ст. уст. уг. суд., наединѣ и составляютъ поэтому профессіональную тайну. Варшавскій Окружный Судъ призналъ обвиненія Патека правильными и освободилъ его отъ дисциплинарной отвѣтственности, но прокуроръ принесъ протестъ, и варшавская Судебная Палата исключила Патека изъ сословія. Патекъ принесъ жалобу въ Соединенное Присутствіе 1-го и кассаціонныхъ Департаментовъ Прав. Сената, но жалоба оставлена была безъ послѣдствій.

Вообще, отношеніе Прав. Сената къ адвокатурѣ измѣнилось. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Гос. Думѣ 25 ноября 1909 г., министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ между прочимъ разсказалъ, что «когда въ смутные темные октябрьскіе дни 1905 г. нѣкоторые адвокаты посѣтили тогда судебныя установленія для того, чтобы устроить забастовку и дошли въ своей наглости до того, что появились въ Сенатѣ, то тамъ одно, но достаточно рѣшительное слово, произнесенное нынѣ покойнымъ уже сенаторомъ, встрѣтившимъ пришедшихъ адвокатовъ, гласившее «вонъ», обратило въ бѣгство всѣхъ этихъ храбрыхъ посѣтителей». Эта презрительная иронія, въ связи съ тѣмъ, что рѣчь идетъ лишь о нѣкоторыхъ адвокатахъ, позволяетъ думать, что Министерство не смотрѣло серьезно на забастовку, но, повидимому, «рѣшительное слово» оставило неизгладимый слѣдъ на отношеніи Прав. Сената къ адвокатурѣ. По крайней мѣрѣ, не было, кажется, ни одного вопроса, который не былъ бы разрѣшенъ въ неблагопріятномъ для адвокатуры смыслѣ. Выше указано было, напр., на абсентеизмъ, приведшій къ тому, что значительная часть общихъ собраній не могла состояться. Помимо абсентеизма, этому, однако, еще способствовали нѣкоторыя чисто внѣшнія условія: большая протяженность нѣкоторыхъ округовъ (осо-

бенно омской и иркутской Судебныхъ Палатъ) и то, что, какъ, напримѣръ, въ округѣ новочеркасской Судебной Палаты въ Ростовѣ на/Д. проживаетъ гораздо больше прис. повѣренныхъ, нежели въ Новочеркасскѣ. Поэтому для обезпеченія кворума адвокаты пытались устроить общее собраніе въ Ростовѣ на/Д., но туда явилась полиція, въ присутствіи которой адвокатура не желала продолжать засѣданіе. Когда же на это Совѣтомъ прис. повѣренныхъ принесена была жалоба, то единственнымъ ея результатомъ было разъясненіе Прав. Сената, что общія собранія должны происходить въ городѣ, гдѣ находится Судебная Палата (О. С., 1907 г., № 10). По такому же поводу Прав. Сенатъ разъяснилъ, что Совѣты прис. повѣренныхъ не въ правѣ разсматривать подвѣдомственныя имъ дисциплинарныя дѣла внѣ мѣста нахожденія Судебной Палаты (О. С., 1912 г., № 9). Въ 1908 г. по жалобѣ одного прис. повѣреннаго Прав. Сенатъ, въ измѣненіе 42-хлѣтней, твердо установившейся въ Петроградѣ практики, разъяснилъ, что для возобновленія Совѣта требуется прибытіе въ общее собраніе половины всѣхъ подвѣдомственныхъ Совѣту прис. повѣренныхъ, а не половины сихъ повѣренныхъ, проживающихъ въ мѣстѣ пребыванія Совѣта (Соед. Пр., 7 февр. 1908 г.) [1]. То же Соединенное Присутствіе предоставило предсѣдателю суда, по его личному усмотрѣнію, требовать отъ прис. повѣреннаго списка поручаемыхъ ему дѣлъ (Опр., 6/X 1912 г.) [2].

Самый тяжелый ударъ нанесенъ былъ разъясненіемъ Сената по вопросу о консультаціяхъ. Здѣсь любопытно отмѣтить, что въ 1908 г. одесскій временный генералъ-губернаторъ и градоначальникъ, въ цѣляхъ борьбы съ подпольной адвокатурой, поднялъ вопросъ объ устройствѣ новыхъ консультацій и просилъ Совѣтъ разработать «основанія, на которыхъ могли бы быть устроены означенныя консультаціи, помѣщенія для которыхъ, а равно канцелярскія принадлежности будутъ предоставлены по моему распоряженію» [3]. Въ этомъ фактѣ

---

[1]) Н. Шрейберъ. Учрежденіе суд. уст., с. 432.
[2]) Ib., с. 447.
[3]) Отчетъ одесск. Совѣта, за 1908 г., с. 41.

нѣтъ ничего случайнаго. Напротивъ, въ печати появилось офиціозное сообщеніе Министерства Юстиціи, констатировавшее, что въ послѣдніе годы энергично указывалось на необходимость борьбы съ подпольной адвокатурой, зло которой принимаетъ невѣроятные размѣры, что навстрѣчу этимъ указаніямъ и была издана 939[1] ст. ул. о нак. Но, констатируетъ сообщеніе дальше, изданіе этого закона и вызвало тревогу, что статья эта будетъ слишкомъ широко примѣняться. Поэтому, какъ и послѣ изданія закона о частныхъ повѣренныхъ [1]), Министерство разослало циркуляръ о необходимости считаться съ создавшимися условіями оказанія юридической помощи. Казалось бы поэтому, что при столь острой постановкѣ вопроса о борьбѣ съ подпольной адвокатурой нужно было бы всячески содѣйствовать развитію консультацій. Но широкое участіе консультацій въ предвыборной борьбѣ обратило на себя ревнивое вниманіе администраціи. Такъ, ярославскій губернаторъ запретилъ мѣстной консультаціи подачу совѣтовъ по вопросамъ избирательнаго права. Консультація же признала запрещеніе незаконнымъ и постановила продолжать подачу совѣтовъ. Характерно при этомъ, что въ отчетахъ петроградскихъ консультацій за 1907 г. указано: «Въ 3-ью кампанію всѣ приготовленія къ тому, чтобы прійти на помощь избирателямъ, оказались излишними: мѣстное населеніе осталось совершенно безучастнымъ къ судьбѣ выборовъ, и не было ни одного случая обращенія въ консультацію по поводу выборовъ» [1]). И вотъ какъ разъ въ то время, когда роль консультацій въ избирательной борьбѣ уже кончилась, администрація заинтересовалась ихъ существованіемъ. Московскій градоначальникъ запросилъ Министерство Юстиціи, въ правѣ ли Совѣтъ самостоятельно утверждать уставъ консультаціи, а петроградскій градоначальникъ обратилъ вниманіе на компетенцію консультацій и, съ своей стороны, полагалъ, что консультаціи принадлежитъ право подачи совѣтовъ лишь по вопросамъ чисто судебнаго характера, и притомъ не иначе, какъ по порученію участвую-

---

[1]) См. выше, с. 233.

[2]) Отчетъ за 1907 г., с. 231.

щихъ въ дѣлѣ лицъ и подъ ближайшимъ контролемъ подлежащихъ судебныхъ установленій. Министерство передало вопросъ на обсужденіе Прав. Сената, и Сенатъ разъяснилъ, что Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не въ правѣ утверждать уставы консультацій.

Не касаясь опять-таки существа вопроса, достаточно отмѣтить, что консультаціи просуществовали свыше сорока лѣтъ, что уставы ихъ утверждались не только Совѣтами, но и окружными судами. Сомнѣніе возникло только теперь, когда вообще отношеніе къ адвокатурѣ стало рѣзко отрицательнымъ, а какъ только сомнѣніе возникло, оно уже было рѣшено въ отрицательномъ смыслѣ. Для оцѣнки рѣшенія Прав. Сената важно отмѣтить еще и то обстоятельство, что фактически оно не приведено въ исполненіе. Лишь часть консультацій закрыта, безусловно задержано открытіе новыхъ, но значительное большинство попрежнему существуетъ, прокуратура признаетъ ихъ существованіе, а администрація, на почвѣ необходимости борьбы съ подпольной адвокатурой, относится къ нимъ положительно. Еще въ 1913 году прокуроръ петроградской Судебной Палаты обращался въ Совѣтъ съ запросомъ о сообщеніи ему свѣдѣній о числѣ, составѣ и дѣятельности консультацій, а получивъ эти свѣдѣнія, еще черезъ три мѣсяца заинтересовался полученіемъ наиболѣе точныхъ данныхъ о числѣ лицъ христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій въ отдѣльныхъ консультаціяхъ. Такимъ образомъ, нельзя даже сказать, что прокуратура закрывала глаза, она открыто признавала существованіе консультаціи.

Нечего напоминать, что при такомъ направленіи разъясненій остріе ихъ должно было прежде всего повернуться противъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій. Предсѣдатель варшавской Судебной Палаты въ 1912 г. выразилъ сомнѣніе, не распространяется ли ограниченіе пріема въ присяжные повѣренные и на ихъ помощниковъ (прим. къ 380 ст. учр. суд. уст.). Мы уже знаемъ, что вопросъ этотъ неоднократно ставился жизнью, но Прав. Сенатъ оставался въ сторонѣ отъ возникавшей борьбы. Въ 1912 г. сомнѣнія старшаго предсѣдателя были разрѣшены распространеніемъ означеннаго ограничительнаго правила и на помощниковъ (рѣшеніе общ. собр.

12 января 1912 г., № 4). Послѣ этого, черезъ годъ, возникли сомнѣнія, не распространяется ли означенное правило и на принятіе въ присяжные стряпчіе. Это сомнѣніе точно такъ же было разрѣшено въ смыслѣ дальнѣйшаго распространенія. «Примѣненію правила прим. къ ст. 380 къ присяжнымъ стряпчимъ,—говоритъ Прав. Сенатъ,—не можетъ служить препятствіемъ то обстоятельство, что въ этомъ примѣчаніи перечислены лишь присяжные и частные повѣренные». Въ этомъ заключеніи, безспорно, ничего неожиданнаго нѣтъ. Разъ, какъ это признано въ рѣшеніи общаго собранія 12/IV, буквальный текстъ даннаго законоположенія не имѣетъ исчерпывающаго значенія и распространяется также и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ [1]), то и дальнѣйшее расширеніе его смысла является только послѣдовательнымъ.

Для полнаго уясненія характера сенатскихъ разъясненій слѣдуетъ остановиться еще на одномъ случаѣ, перипетіи котораго тянулись года три. Въ засѣданіи харьковской Судебной Палаты 3 апрѣля 1909 г. защитникъ, прис. повѣренный Каринскій, во время представленія объясненій по дѣлу, былъ остановленъ предсѣдателемъ, который рѣзко повышеннымъ тономъ крикнулъ ему: довольно! Каринскій подалъ въ Совѣтъ заявленіе о разсмотрѣніи его дѣйствій, и Совѣтъ нашелъ, что во время защиты К. ни въ чемъ не нарушилъ обязанностей своего званія. Прокуроръ Палаты принесъ протестъ на это опредѣленіе въ виду того, что оно не имѣетъ значенія рѣшенія по дисциплинарному дѣлу и никто не возбуждалъ вопроса о нарушеніи К. правилъ профессіональнаго поведенія. Судебная Палата постановила все производство уничтожить, а о дѣйствіяхъ Совѣта возбудить дисциплинарное производство, передавъ дѣло Прав. Сенату. Прав. Сенатъ, по высшему дисциплинарному присутствію, передалъ дѣло на разсмотрѣніе казанскаго Совѣта прис. повѣренныхъ. Казанскій Совѣтъ принялъ дѣло къ своему разсмотрѣнію, но оставилъ сообщеніе Палаты о дѣйствіяхъ харьковскаго Совѣта безъ послѣдствій. Прокуроръ казанской Судебной Палаты принесъ протестъ, и казанская Палата постановила объ-

---

[1]) „Право", 1913 г., с. 3025 и сл.

явить предостереженіе членамъ харьковскаго Совѣта, принимавшимъ участіе въ постановленіи о Каринскомъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ намѣчается тенденція признать, что Совѣтъ не въ правѣ обсуждать вопросовъ о совершенныхъ прис. повѣренными délits d'audience, и что надзоръ за Совѣтами принадлежитъ Совѣтамъ другихъ округовъ и судебнымъ палатамъ. Но если вернуться назадъ и вспомнить, что говорилось въ комиссіи Н. В. Муравьева по данному поводу, то окажется, что тогда никакихъ сомнѣній не возникало относительно того, что по дѣйствующему закону délits d'audience относятся къ компетенціи Совѣта, что «Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ является нынѣ отвѣтственнымъ единственно лишь передъ общимъ собраніемъ сихъ повѣренныхъ» [1]), и что измѣненіе этого порядка можетъ быть совершено лишь путемъ законодательнымъ. А теперь Прав. Сенатъ призналъ возможнымъ установить такой порядокъ силою своего разъясненія.

Вопросъ объ отношеніяхъ между властью и адвокатурой сдѣлался также предметомъ обсужденія въ Государственной Думѣ [2]). Поводомъ послужило изданіе циркуляра по тюремному вѣдомству, рекомендовавшаго не допускать къ свиданію съ обвиняемыми защитниковъ, которыхъ тюремное начальство заподозритъ въ передачѣ обвиняемому письма или вещей. Циркуляръ этотъ вызвалъ запросъ о незакономѣрности, въ виду его противорѣчія велѣнію 569 ст. уст. уг. с. о допущеніи свиданій защитника съ подсудимымъ наединѣ. Незадолго до обсужденія запроса въ Гос. Думѣ циркуляръ былъ отмѣненъ. Тѣмъ не менѣе, министръ юстиціи выступилъ съ рѣчью, которую можно было бы оцѣнить только при буквальномъ ея воспроизведеніи, ибо еще важнѣе содержанія тотъ тонъ, тѣ методы, которые были использованы для характеристики поведенія адвокатуры. И. Г. Щегловитовъ, который въ 1904 г. такъ вдохновенно говорилъ о правахъ защиты и такъ горячо отстаивалъ ея права, теперь сталъ на «житейскую—я сказалъ бы обывательскую—точку зрѣнія».

---

[1]) Об. Записка, т. III, с. 87.

[2]) Засѣданія 25 ноября и 2 декабря 1909 г.

Въ чемъ же сущность этой точки зрѣнія? «Каждому хозяину, въ распоряженіи котораго имѣется опредѣленное помѣщеніе, законъ предоставляетъ не только выгнать, но затѣмъ не пускать тѣхъ изъ своихъ постояльцевъ, которые будутъ нарушать порядокъ». Иначе говоря, теперь уже адвокатъ не органическое звено въ организаціи правосудія, это только гость, терпимый хозяиномъ. Теперь защитникъ отнюдь не является уже необходимымъ элементомъ правосудія. «Одно недопущеніе въ тюрьму, конечно, не можетъ никоимъ образомъ серьезно повредить интересамъ защиты». Гос. Думы не согласилась съ министромъ, а рѣшительно высказалась за права защиты и подавляющимъ большинствомъ приняла предложенную членомъ Г. Думы Гучковымъ резолюцію: «Находя, что циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 18 января 1908 г. заключаетъ въ себѣ прямое нарушеніе 569 ст. у. у. с., допуская отмѣну циркулярнымъ распоряженіемъ начальника тюремнаго управленія приказовъ, исходящихъ отъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ; 2) ....; 3) что объясненія представителя Министерства Юстиціи въ засѣданіи Гос. Думы 25 ноября 1909 г. явились не только оправданіемъ допущенной въ циркулярѣ отъ 18 января незакономѣрности, но и провозглашеніемъ цѣлой системы нарушеній подобнаго рода въ будущемъ, Гос. Дума признаетъ изданіе циркуляра отъ 18 января 1908 г. дѣйствіемъ незакономѣрнымъ, а объясненія министра юстиціи неудовлетворительными и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» [1]).

Формула Гос. Думы отличается большой опредѣленностью, но г. министръ юстиціи заранѣе объявилъ, что ею ничего не будетъ достигнуто. Мало того, И. Г. Щегловитовъ удостовѣрилъ, что намѣренія шли гораздо дальше. «Не скрою отъ Гос. Думы, что возникала даже мысль о томъ, чтобы подвергать защитниковъ обыскамъ при появленіи ихъ въ тюрьмахъ». Точно такъ же можно ли удивляться тому, что возбуждено было дѣло противъ прис. повѣреннаго Гиллерсона, если былъ и такой случай, что товарищъ прокурора просилъ занести въ протоколъ указанія защитника на устарѣлость

---

[1]) Стеногр. отчетъ, Сессія III, ч. I, с. 2896.

дѣйствующихъ постановленій закона о разбоѣ, угрожая возбужденіемъ противъ него уголовнаго преслѣдованія по 129 ст. уг. ул. [1]). Или такой примѣръ: въ 1912 г. возникло сомнѣніе у старшаго предсѣдателя московской Судебной Палаты относительно 378 ст. учр. суд. уст., которая говоритъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будутъ открыты Совѣты прис. повѣренныхъ, ихъ функціи переносятся на окружные суды. Сомнѣніе возникло относительно того, не подчинить ли компетенціи окр. судовъ прис. повѣренныхъ и въ тѣхъ городахъ, которые принадлежатъ къ округу Суд. Палаты, имѣющей Совѣтъ. Спустя 45 лѣтъ послѣ открытія судебныхъ установленій старшій предсѣдатель запрашиваетъ предсѣдателя Совѣта, какая установилась въ этомъ отношеніи практика.

34. Адвокатскій процессъ.

Такія ненормальныя отношенія, естественно, дѣлали атмосферу все болѣе и болѣе напряженной, и раньше или позже должно было произойти какое-нибудь изъ ряда вонъ выходящее столкновеніе. Поводомъ для этого и послужило такъ называемое дѣло Бейлиса, которое вообще сыграло значительную роль въ общественной жизни Россіи. На 23 октября 1913 года, въ то время, слѣдовательно, когда въ Кіевѣ еще продолжалось разсмотрѣніе дѣла объ убійствѣ Ющинскаго, въ Петроградѣ назначено было общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для вскрытія конвертовъ съ избирательными записками и подсчета голосовъ, поданныхъ для избранія состава Совѣта на 1913—1914 годъ. Собралось всего около двухсотъ прис. повѣренныхъ. Во время хода общаго собранія внесено было предложеніе послать телеграмму защитникамъ Бейлиса, которая содержала бы категорическій протестъ противъ постановки этого процесса.

Изъ явившихся въ собраніе членовъ Совѣта одинъ указалъ, что предложенная резолюція не обсуждалась въ Совѣ-

---

[1]) Ежегодникъ «Рѣчи» на 1914 г., с. 75.

тѣ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ какъ ему вовсе представлена не была; поэтому Совѣтъ не можетъ дать своего заключенія по существу, а при происходившемъ только что обмѣнѣ мыслей Совѣтъ призналъ, что по правиламъ объ общихъ собраніяхъ по вопросамъ, не поставленнымъ на повѣстку, никакихъ постановленій принято быть не можетъ. Кромѣ того, подобная резолюція могла бы быть сочтена неумѣстною до рѣшенія дѣла Бейлиса судомъ. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ должно обнаружить извѣстную выдержку, каковы бы ни была его чувства, и показать примѣръ уваженія къ законности, не нарушая правилъ разсмотрѣнія вопросовъ въ общихъ собраніяхъ. Другой же членъ Совѣта противопоставилъ этому мнѣніе меньшинства Совѣта, которое считало принятіе резолюціи не только возможнымъ, но и священной обязанностью сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Общее собраніе присоединилось къ мнѣнію меньшинства, приняло резолюцію и послало телеграмму, подчеркнувъ, что такое поведеніе оно считаетъ профессіональнымъ и гражданскимъ долгомъ адвокатуры. Постановленіе общаго собранія вызвало рѣзкую реакцію со стороны магистратуры и прокуратуры.—Одно внѣшнее описаніе хода событій показываетъ, какое исключительное значеніе было этому постановленію придано. На другой же день поступило въ Совѣтъ отношеніе прокурора Судебной Палаты, въ которомъ прокуроръ просилъ сообщить ему въ самомъ непродолжительномъ времени,—было ли общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ 23 октября, для какой цѣли оно было созвано и была ли имъ принята резолюція съ выраженіемъ протеста по дѣлу Бейлиса. При этомъ г. прокуроръ просилъ препроводить ему протоколъ общаго собранія и поименный списокъ какъ присутствовавшихъ, такъ и принимавшихъ участіе въ обсужденіи резолюціи, и сообщить ему содержаніе произнесенныхъ по сему поводу рѣчей и принятыхъ резолюцій.

Въ тотъ же день поступило отъ старшаго предсѣдателя Палаты требованіе доставленія фактическихъ свѣдѣній, а на другой день затребованъ былъ подлинный журналъ общаго собранія или его копія. Прежде, однако, чѣмъ въ засѣданіи 25 октября Совѣтъ успѣлъ обсудить это требованіе,

отъ г. старшаго предсѣдателя поступило отношеніе о немедленномъ доставленіи въ засѣданіе общаго собранія Департаментовъ Палаты, въ то время происходившее, подлинныхъ журналовъ общаго собранія 23 октября, почему Совѣтъ и препроводилъ въ Палату: протоколъ общаго собранія отъ 23 октября, списокъ лицъ, явившихся въ это собраніе, журналъ Совѣта отъ того же числа.

Въ тотъ же день пока еще продолжалось засѣданіе Совѣта, ему было сообщено опредѣленіе общаго собранія Департаментовъ Суд. Палаты объ истребованіи отъ Совѣта къ 31 октября свѣдѣній и объясненій по содержанію предложеній прокурора Палаты, а равно и копій протокола общаго собранія 23 октября и списка лицъ, принимавшихъ въ этомъ собраніи участіе. Подлинные документы, которые Совѣтъ передъ тѣмъ препроводилъ въ Палату, вслѣдствіе требованія старшаго предсѣдателя, при этомъ отношеніи возвращались, и старшій предсѣдатель приложилъ подлинное предложеніе прокурора, упомянутое выше. Въ этомъ предложеніи прокуроръ указывалъ на незаконность общаго собранія, какъ не имѣвшаго кворума и какъ нарушившаго компетенцію, которая исчерпывается производствомъ выборовъ въ Совѣтъ и выслушаніемъ отчета. Въ виду этого прокуроръ полагаетъ, что Совѣтъ, какъ и всѣ участники этого общаго собранія, подлежатъ дисциплинарной отвѣтственности, какъ лица, забывшія уваженіе къ закону и къ обязанностямъ присяжной адвокатуры. И на этотъ разъ, однако, Совѣтъ не успѣлъ обсудить предъявленное ему требованіе, потому что въ тотъ же день вечеромъ въ помѣщеніе Совѣта явился слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ В. Н. Середа съ товарищемъ прокурора суда и, предъявляя постановленіе о производствѣ слѣдствія по обвиненію участвовавшихъ въ общемъ собраніи по 279 ст. улож. о нак., просилъ передать ему подлинный протоколъ общаго собранія 23 октября (за нѣсколько часовъ возвращенный старшимъ предсѣдателемъ), списокъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, черновики этихъ документовъ, а равно и черновики принятыхъ въ собраніи резолюцій. Въ помѣщеніи Совѣта въ то время не находилось никого изъ членовъ Совѣта, и, узнавъ,

что журналъ общаго собранія и списокъ присутствовавшихъ въ собраніи 23 октября находятся у члена Совѣта М. В. Каплана, слѣдователь взялъ только докладной листокъ засѣданія Совѣта 26 октября (который былъ возвращенъ Совѣту 28 октября), отправился на квартиру къ члену Совѣта М. В. Каплану и произвелъ у него выемку упомянутаго документа, подлиннаго протокола общаго собранія 23 октября и списка лицъ, участвовавшихъ въ томъ собраніи, и затѣмъ прибылъ опять въ помѣщеніе Совѣта и въ отсутствіи членовъ Совѣта и чиновъ канцеляріи опечаталъ помѣщеніе. Затѣмъ, на другой день въ присутствіи предсѣдателя Совѣта и нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, слѣдователь произвелъ въ помѣщеніи обыскъ, но никакихъ черновиковъ не нашелъ.

30 октября Совѣтъ могъ обсудить, наконецъ, предъявленныя ему требованія и въ результатѣ представилъ подробныя разъясненія относительно предѣловъ компетенціи общаго собранія, признававшейся всегда и магистратурой, и указалъ, что истребованные документы онъ лишенъ возможности представить, такъ какъ они изъяты судебнымъ слѣдователемъ. 31 октября постановленіе Совѣта было заслушано въ общемъ собраніи Департаментовъ, и въ тотъ же день въ Совѣтъ поступила резолюція Судебной Палаты: 1) предложеніе прокурора Судебной Палаты въ части, касающейся привлеченія къ отвѣтственности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отклонить, и 2) предписать Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ: во 1-хъ, разрѣшить въ мѣсячный срокъ въ порядкѣ дисциплинарномъ вопросъ объ отвѣтственности цѣлаго ряда присяжныхъ повѣренныхъ, поименно названныхъ, которые, по мнѣнію Палаты, являлись болѣе активными участниками; во 2-хъ, по выясненіи остальныхъ участниковъ общаго собранія, голосовавшихъ за принятіе сего предложенія, возбудить противъ нихъ отдѣльное дисциплинарное производство, которое и разрѣшить засимъ въ установленномъ порядкѣ, и, въ 3-хъ, возбудить и разрѣшить въ отдѣльномъ производствѣ вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности предсѣдательствовавшаго въ общемъ собраніи.

Уже 4 ноября Совѣтъ приступилъ къ обсужденію опредѣленія Палаты, прежде всего обративъ вниманіе на предпи-

саніе разсмотрѣть дѣло въ мѣсячный срокъ. Такое предписаніе, по мнѣнію Совѣта, можетъ быть принято Совѣтомъ лишь какъ предложеніе о разсмотрѣніи дѣла внѣ очереди, такъ какъ время, необходимое для разрѣшенія того или иного дисциплинарнаго дѣла, не можетъ быть заранѣе опредѣлено, а всецѣло зависитъ отъ существа дѣла; почему нигдѣ въ законѣ и нѣтъ указанія на то, чтобы какой-либо судебной инстанціи было предоставлено назначать такіе сроки. Совѣтъ и приступилъ къ разсмотрѣнію опредѣленія Судебной Палаты отъ 2 ноября 1913 года на другой же день, но не счелъ возможнымъ отступать отъ установленныхъ долголѣтнею практикою порядковъ вызова привлеченныхъ и предоставленія имъ опредѣляемыхъ Совѣтомъ сроковъ (ст. 371 учр. суд. уст.) на дачу объясненій.

Возбудивъ это дисциплинарное производство противъ поименованныхъ Палатой лицъ, Совѣтъ постановилъ: возбужденіе дисциплинарнаго производства противъ остальныхъ участниковъ общаго собранія 23 октября 1913 г., голосовавшихъ за принятіе резолюціи, принятой тѣмъ собраніемъ, отложить до окончанія уголовнаго дѣла, находящагося нынѣ въ стадіи предварительнаго слѣдствія, порученнаго и. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ г. Середѣ.

Въ началѣ декабря Совѣтъ разсмотрѣлъ дисциплинарное дѣло о девяти указанныхъ въ опредѣленіи Палаты адвокатахъ. Привлеченные къ отвѣтственности оспаривали компетенцію Совѣта, ибо они дѣйствовали какъ члены общаго собранія. Общія же собранія являются высшимъ органомъ сословной жизни, органомъ, который не только не подчиненъ мнѣнію и постановленіямъ Совѣта, но который является для самого Совѣта высшей инстанціей по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дисциплинарныхъ, инстанціей, отмѣняющей всѣ постановленія Совѣта и его контролирующей.

Эти возраженія Совѣтъ отвергъ, но, ссылаясь на свою неизмѣнную практику, постановилъ: настоящее дѣло производствомъ пріостановить до окончательнаго разрѣшенія судомъ уголовнымъ дѣла по обвиненію поименованныхъ девяти присяжныхъ повѣренныхъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ по 13 и 279 стт. улож. о наказ.

Постановленіе Совѣта было опротестовано прокуроромъ Палаты, и Палата, согласившись съ доводами протеста, отмѣнила постановленіе Совѣта и предписала безотлагательно исполнить опредѣленіе о привлеченіи къ дисциплинарной отвѣтственности всѣхъ участниковъ общаго собранія.

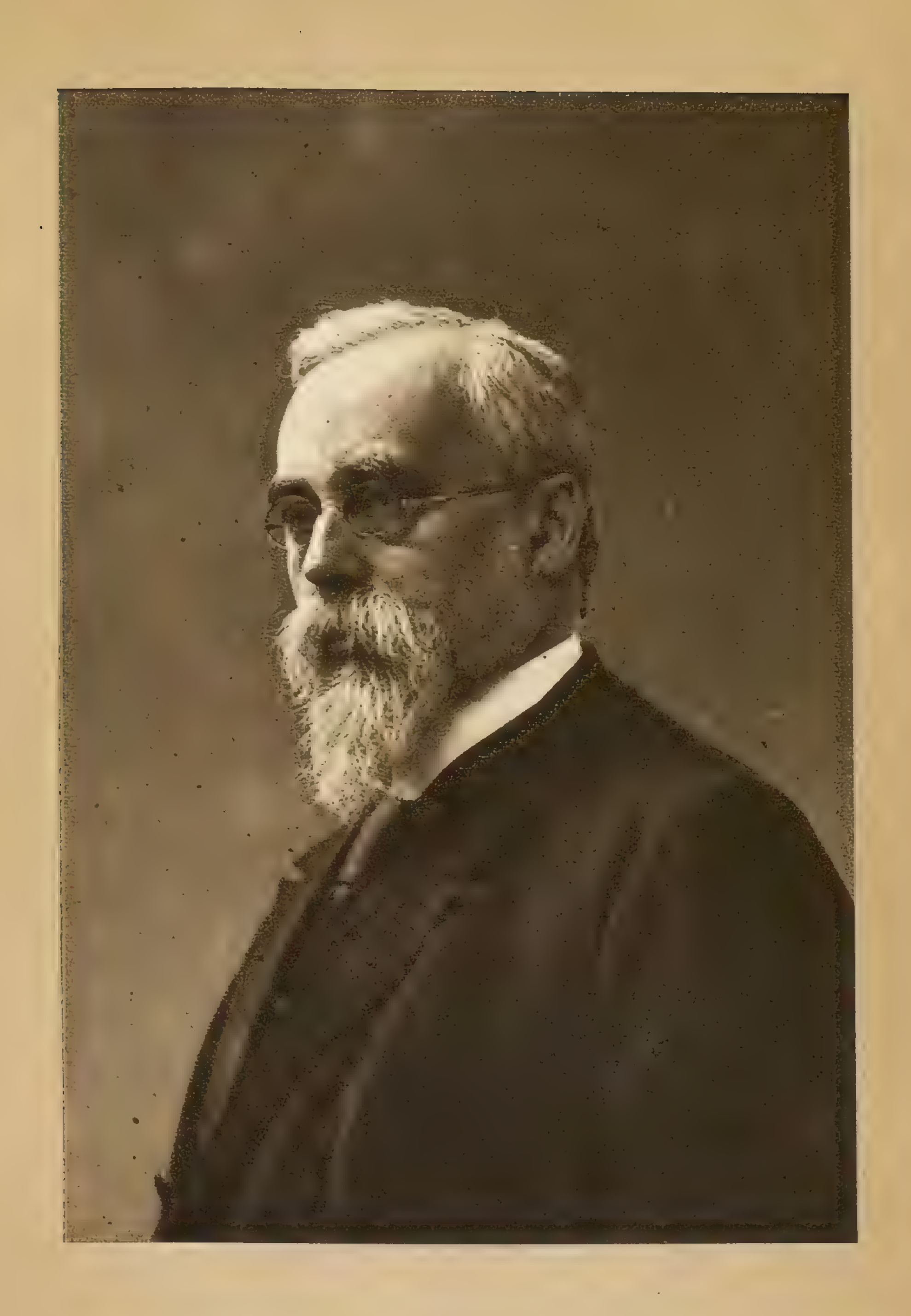
Между тѣмъ, судебный слѣдователь сообщилъ Совѣту, что, кромѣ указанныхъ Палатой 9 лицъ, имъ привлечены къ отвѣтственности еще 78 лицъ, какъ участниковъ общаго собранія, и противъ нихъ Совѣтомъ было возбуждено дисциплинарное производство. Представленныя привлеченными объясненія отличаются большимъ разнообразіемъ. Большинство устанавливали свое alibi. Хотя они и прибыли въ собраніе, но одни уѣхали до обсужденія резолюціи, а другіе пріѣхали послѣ окончанія обсужденія, потому что—кто самъ заболѣлъ, а кто къ больной сестрѣ спѣшилъ, кто былъ задержанъ, кто отлучился для чтенія дѣлъ. Лишь немногіе признавали, что они участвовали и голосовали за резолюцію; другіе утверждали, что никакого голосованія и не было; третьи голосовали только за резолюцію, но не за телеграмму, посланную защитникамъ Бейлиса. Одинъ пояснилъ, что онъ тѣмъ болѣе счелъ своимъ долгомъ голосовать за резолюцію, что понималъ, что съ его именемъ ее нельзя будетъ приписывать еврейскимъ проискамъ, такъ какъ его выступленія въ качествѣ защитника Григорьева въ процессѣ Гершуни, въ дѣлѣ погромщиковъ и солдатъ Семеновскаго полка и на митингахъ въ 1905 году ставили его выше подобныхъ подозрѣній. Къ этому еще нужно прибавить, что по даннымъ предварительнаго слѣдствія изъ числа привлеченныхъ 60 лицъ вовсе не принимали участія въ голосованіи резолюціи по дѣлу Бейлиса, а по объясненіямъ, представленнымъ Совѣту, такихъ участниковъ собранія было всего 56. Разногласіе въ показаніяхъ привело къ тому, что изъ числа привлеченныхъ къ предварительному слѣдствію предано суду лишь 25 человѣкъ, а объ остальныхъ 62-хъ дѣло производствомъ прекращено.

Несмотря, однако, на исключительную быстроту темпа, взятаго Судебной Палатой, дѣло было разсмотрѣно Совѣтомъ окончательно лишь 10/13 мая 1914 г. Въ своемъ рѣшеніи Со-

вѣтъ отправлялся уже отъ нѣсколько иной исходной точки зрѣнія, которую отстаивалъ отъ имени Совѣта одинъ изъ его членовъ въ общемъ собраніи 25 октября. Что касается нарушенія компетенціи общихъ собраній, то, по мнѣнію Совѣта, «полувѣковая жизнь сословія установила болѣе широкія рамки для дѣятельности общихъ собраній, чѣмъ тѣ, которыя намѣчены въ рѣшеніи Палаты, и въ теченіе истекшихъ десятилѣтій — общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской Судебной Палаты дѣлали предметами своего обсужденія различные вопросы, затрагивавшіе общественные и государственные интересы, и постановляли по этимъ вопросамъ свои заключенія, которыя иногда, если это требовалось существомъ дѣла, представлялись на усмотрѣніе и распоряженіе правительственной власти. Въ виду такихъ прецедентовъ присяжные повѣренные, участвовавшіе въ собраніи 23 октября, имѣли, по мнѣнію Совѣта, достаточно основанія считать, что вопросъ о правильности построенія обвиненій Бейлиса, занимавшій не только всю Россію, но и весь культурный міръ, и тѣсно связанный съ весьма близкими адвокатурѣ интересами правосудія, можетъ быть обсужденъ на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ».

Второе обвиненіе относится къ постановкѣ на обсужденіе вопроса, не означеннаго на повѣсткѣ. Здѣсь Совѣтъ констатируетъ нарушеніе формальнаго свойства, но подобные случаи имѣли мѣсто и раньше; «группа товарищей» широко разослала частныя извѣщенія о намѣреніи внести предложеніе о принятіи резолюціи по дѣлу Бейлиса. Поэтому Совѣтъ, все же, считаетъ невозможнымъ примѣнить къ присяжнымъ повѣреннымъ, допустившимъ это нарушеніе, какую-либо мѣру дисциплинарнаго взысканія, тѣмъ болѣе, что, имѣя предъ собою многочисленные прецеденты подобнаго отступленія отъ правилъ, они могли добросовѣстно считать эти правила необязательными и что они дѣйствовали въ состояніи возбужденія, которое въ то время проявлялось во всѣхъ слояхъ общества по отношенію къ вопросамъ, связаннымъ съ дѣломъ Бейлиса, возбужденія, охватившаго также судебныя сферы и въ особенности членовъ адвокатскаго сословія. Наконецъ, что касается самаго содержанія резо-

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

люціи, которое Судебная Палата характеризовала какъ «наглое обвиненіе государственной власти въ извращеніи основъ правосудія», то Совѣтъ не находитъ въ резолюціи ни выраженія неуваженія къ государственной власти, ни, какъ сказано въ постановленіи общаго собранія Департаментовъ судебной Палаты, «наглаго» [1]) обвиненія этой власти въ извращеніи основъ правосудія. Не считая возможнымъ для себя, какъ учрежденія, дѣйствующаго и судящаго на основаніи закона, изложеннаго въ учрежденіи судебныхъ установленій, дать надлежащую оцѣнку допущенному въ опредѣленіи Судебной Палаты, по адресу привлеченныхъ къ дисциплинарной отвѣтственности лицъ, выраженію «наглаго», и исходя изъ убѣжденія, что по закону виновные въ нарушеніи долга могутъ заслуживать наказанія, но не должны подвергаться оскорбленіямъ, Совѣтъ признаетъ, что въ текстѣ резолюціи 23 октября 1913 г. не содержится никакого указанія ни на государственную власть вообще, ни на тѣ или другіе ея органы въ частности: резолюція протестуетъ противъ констатируемаго ею факта, безъ всякаго упоминанія о томъ, кого именно надлежитъ считать его виновникомъ.

Наконецъ, послѣднее обвиненіе заключалось въ томъ, что участники собранія присоединились своими дѣйствіями къ той недостойной агитаціи, которая велась во время слушанія дѣла Бейлиса лицами, заинтересованными въ затемненіи этого дѣла. Совѣтъ, напротивъ, призналъ уважительными объясненія обвиняемыхъ въ томъ, что борьба противъ возобновленія, посредствомъ процесса Бейлиса, кроваваго навѣта, велась въ интересахъ правды, для защиты основъ общежитія, а не въ цѣляхъ затемненія истины. Въ виду этого, Совѣтъ прекратилъ производство относительно тѣхъ, противъ которыхъ было прекращено судебное преслѣдованіе, и освободилъ отъ дисциплинарной отвѣтственности остальныхъ.

Прошло еще около мѣсяца, и 3 іюня петроградскій окр. судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла по обвиненію адвокатовъ. Обвиняемые и защитники путемъ допроса свидѣте-

---

[1]) Этотъ терминъ былъ уже, какъ отмѣчено выше (с. 451), употребленъ министромъ юстиціи въ его рѣчи въ Государственной Думѣ.

лей установили, что на общемъ собраніи присутствовало отъ 200 до 250 человѣкъ. Голосованіе производилось такимъ образомъ, что формальный вопросъ было предложено голосовать поднятіемъ рукъ. Засимъ была произведена обратная повѣрка, т.-е. было предложено поднять руки тѣмъ, кто считаетъ, что общее собраніе, вслѣдствіе отсутствія вопроса на повѣсткѣ, не компетентно обсуждать этотъ вопросъ. Послѣ того, какъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ семи формальный вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, было предложено поднять руки тѣмъ, кто противъ самой резолюціи по существу. Таковыхъ не оказалось. Поэтому кто-то изъ товарищей заявилъ: слѣдуетъ занести въ протоколъ, что резолюція принята единогласно. Тогда двое участниковъ заявили, что этого заносить не слѣдуетъ потому, что они воздержались отъ голосованія по существу, въ виду того, что они по первому, формальному вопросу голосовали противъ. Воздержавшихся было только двое. Всѣ остальные голосовали совершенно одинаково.

Вотъ какъ рисовали свидѣтели, сами бывшіе участниками собранія, ходъ событій. Тѣмъ не менѣе, какъ выше упомянуто, многіе изъ присутствовавшихъ на собраніи отрицали свое участіе въ голосованіи резолюціи и повторили это на судебномъ слѣдствіи, будучи вызваны въ качествѣ свидѣтелей. По поводу одного изъ такихъ свидѣтелей одинъ изъ подсудимыхъ сказалъ въ своихъ объясненіяхъ: «Здѣсь (въ качествѣ свидѣтеля) былъ также защитникъ по политическимъ процессамъ, человѣкъ опредѣленной окраски... Когда этого свидѣтеля спросили: «чѣмъ вы проявили ваше неголосованіе»,—онъ съ достоинствомъ отвѣтилъ: «Я спряталъ обѣ руки поглубже въ карманы». Онъ тутъ, считающій себя тоже политическимъ дѣятелемъ, онъ на скамьѣ свидѣтелей... Я не помню: была ли у меня въ карманѣ одна рука или двѣ, но я, господа судьи, привыкъ всѣ свои жесты дѣлать не въ карманѣ. Я привыкъ ихъ дѣлать публично... открыто...»

Защитники весьма обстоятельно анализировали юридическую сторону предъявленнаго обвиненія, доказывая, что 279 ст. ул. о нак., ставшая анахронизмомъ, почти никогда не примѣнявшаяся въ практикѣ, никакого отношенія къ

настоящему дѣлу не имѣетъ. Но еще болѣе внимательно они остановились на общественномъ значеніи выступленія адвокатовъ въ тотъ моментъ, когда вся Россія не могла молчать, и всесторонне освѣтили дѣло Бейлиса, его роль въ общественной и государственной жизни Россіи. Окружный судъ призналъ всѣхъ обвиняемыхъ виновными и, выдѣливъ двухъ, приговоренныхъ къ 8-мѣсячному тюремному заключенію, остальнымъ назначилъ наказаніе въ размѣрѣ 6-ти мѣсяцевъ тюрьмы.

Осужденные адвокаты получили массу привѣтствій, въ ихъ честь былъ устроенъ банкетъ, на которомъ говорились горячія рѣчи; вся либеральная пресса стала на сторону адвокатуры. Но именно по поводу этого запоздалаго взрыва сочувствія «Право» [1]) писало: «Нельзя не вспомнить, что попытка возбудить процессъ противъ адвокатуры уже имѣла мѣсто около 10 лѣтъ назадъ, когда нѣсколько лицъ были привлечены по дѣлу объ участіи въ союзѣ адвокатовъ по 126 ст. уг. улож. Тогда, однако, со всѣхъ сторонъ посыпались отъ адвокатовъ письменныя заявленія, что и они принадлежатъ къ союзу адвокатовъ, и попытка прокуратуры безслѣдно растворилась въ этой стремительной готовности отвѣчать за свое участіе. Въ настоящемъ случаѣ прокуратура тоже, повидимому, была смущена значительнымъ количествомъ лицъ, подлежавшихъ приглашенію на скамью подсудимыхъ. По крайней мѣрѣ, слѣдственная власть обязательно предупреждала допрашиваемыхъ, что противъ нихъ никакихъ уликъ не имѣется, и что дальнѣйшая ихъ участь зависитъ отъ ихъ собственнаго показанія. На этотъ разъ, однако, не только не посыпались съ разныхъ сторонъ заявленія о присоединеніи къ инкриминируемой резолюціи по поводу суда надъ Бейлисомъ, но и среди участниковъ собранія отмѣченное отношеніе слѣдственной власти встрѣтило живой откликъ, такъ что изъ ста съ лишнимъ присутствовавшихъ на собраніи прокуратура имѣла возможность посадить на скамью подсудимыхъ только 25 человѣкъ...

Когда послѣ произнесенія обвинительнаго приговора

---

[1]) 1914 г., № 24.

упомянутое безучастное отношеніе смѣнилось банкетами съ горячими рѣчами, безконечными телеграммами и т. п.,—врядъ ли оно можетъ служить компенсаціей. Ибо, какъ уже и было отмѣчено въ печати, при нынѣшнихъ условіяхъ эти выраженія сочувствія, сыгравшія свою значительную роль передъ революціей, теперь утратили всякое значеніе. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что на банкетѣ — среди ораторовъ, привѣтствовавшихъ осужденныхъ, оказались и такіе, которые сами принимали дѣятельное участіе въ собраніи и которыхъ, поэтому, было бы умѣстнѣе слышать со скамьи подсудимыхъ и видѣть среди чествуемыхъ»...

Эти печальныя сопоставленія прибавляютъ лишнюю черточку къ отмѣченной выше импульсивности настроеній, оборотной стороной которой является ихъ нестойкость. Но какъ бы ни оцѣнивать значеніе этого момента, «фактъ тотъ,— продолжаетъ газета,—что, можно сказать, вся адвокатура рѣшительно становится на сторону осужденныхъ и видитъ въ принятіи резолюціи по дѣлу Бейлиса исполненіе гражданскаго долга, отстаиваніе права противъ неправды, игнорируетъ «формальное нарушеніе», наличность котораго прямо признается во многихъ напечатанныхъ привѣтствіяхъ. Правильна ли, или, напротивъ, рѣзко неправильна такая оцѣнка,—этотъ вопросъ теряетъ уже свое значеніе предъ лицомъ того факта, что въ организаціи правосудія возникли тренія, что строй его совершенно разладился. Такой фактъ служитъ симптомомъ серьезной болѣзни, которую, очевидно, нельзя вылѣчить тѣмъ, что 25 адвокатовъ будутъ приговорены къ тюремному заключенію. Напротивъ, отъ этого болѣзнь лишь распространяется интенсивно».

Процессъ адвокатовъ еще не сдѣлался исторіей, онъ остается живою дѣйствительностью. Дѣло ждетъ своей очереди въ Судебной Палатѣ, для разсмотрѣнія апелляціоннаго отзыва подсудимыхъ, а въ тѣ самыя минуты, когда пишутся эти строки, газеты печатаютъ извѣстіе, что прокуроръ принесъ протестъ на приведенное выше постановленіе Совѣта, требуя исключенія изъ сословія не только привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности, но и цѣлаго ряда другихъ, которымъ судебный слѣдователь не нашелъ

возможнымъ предъявить обвиненіе. Такимъ образомъ, вопреки призыву забыть внутреннія распри, прокуратура стремится перекинуть мостъ отъ истекшаго пятидесятилѣтія къ новому періоду, установить прочное преемство.

35. Основные вопросы.

Здѣсь снова приходится повторить знакомый уже напѣвъ, что такое безотрадное положеніе дѣлъ не могло способствовать развитію сословной организаціи, разъясненію и разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые оставались висящими въ воздухѣ. Изъ новыхъ вопросовъ, ставшихъ передъ сословіемъ, нужно отмѣтить настойчивое домогательство женщинъ - юристокъ о зачисленіи въ помощники прис. повѣренныхъ. Почти всѣ Совѣты отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, но Судебныя Палаты и Прав. Сенатъ категорически разъяснили, что лица женскаго пола, хотя бы онѣ окончили курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскихъ Россійскихъ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержали экзаменъ въ испытательныхъ юридическихъ комиссіяхъ по всѣмъ предметамъ юридическаго факультета, не имѣютъ по закону права на вступленіе въ сословіе прис. повѣренныхъ и принятіе званія присяжнаго повѣреннаго и помощника. Разъясненіе это состоялось по Соединенному Присутствію (1910 г., № 557) и вполнѣ соотвѣтствовало взглядамъ г. министра юстиціи, который даже и de lege ferenda горячо высказался противъ допущенія женщинъ въ адвокатуру. Когда же, несмотря на послѣдовавшее однажды разъясненіе Прав. Сената, казанскій Совѣтъ вторично постановилъ о зачисленіи женщины въ помощники, онъ былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности, хотя по закону обязательную силу рѣшенія Прав. Сената имѣютъ только по тому дѣлу, по коему они состоялись. Зато новочеркасскій Совѣтъ отказалъ въ аналогичномъ ходатайствѣ, сославшись на то, что опредѣленіе московскаго Совѣта о зачисленіи было уже отмѣнено.

Организація помощниковъ прис. повѣренныхъ, какъ уже неоднократно отмѣчалось выше, не сдѣлала ни одного шага

впередъ. Въ Москвѣ еще сдѣлана была попытка организовать консультацію для помощниковъ, которые могли бы получать тамъ Совѣты по возникающимъ у нихъ практическимъ вопросамъ, но и изъ этой попытки рѣшительно ничего не вышло. Какъ будто всѣ начинанія въ этой области заранѣе осуждены на безплодіе, и, что важнѣе всего, во всѣхъ разговорахъ по данному вопросу громче всѣхъ и звучитъ именно нота сознанія безнадежности и безсилія. Конечно, магистратура, съ своей стороны, не мало способствовала этому. Такъ, харьковская Судебная Палата отмѣнила изданныя Совѣтомъ правила, регулировавшія веденіе уголовныхъ защитъ помощниками. Правила такія установлены въ различныхъ округахъ, но на этотъ разъ харьковская Палата парализовала стремленіе Совѣта внести нѣкоторый порядокъ [1]).

Въ послѣдніе годы намѣчается стремленіе къ производству статистическихъ анкетъ. До сихъ поръ онѣ не встрѣчали широкаго отклика, не давали достаточнаго матеріала для выводовъ и заключеній. Но такъ какъ работа въ этомъ направленіи (особенно въ Москвѣ) не ослабѣваетъ, то можно думать, что получатся большіе итоги, которые составятъ солидное основаніе для выясненія нуждъ адвокатуры и опредѣленія направленія необходимыхъ реформъ.

Одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ—о правѣ и обязанности присяжнаго повѣреннаго отказаться отъ веденія дѣла—не только не подвинулся впередъ къ своему разрѣшенію, но сталъ еще болѣе туманнымъ и запутаннымъ. — Въ Петроградѣ прис. повѣренный N. отказался отъ одной защиты по назначенію предсѣдателя суда, признавая для себя невозможнымъ входить въ общеніе съ тѣми, кто усмиряли народное возстаніе. Совѣтъ, разсматривавшій дѣло по заявленію старшаго предсѣдателя Судебной Палаты, призналъ отказъ прис. повѣреннаго неправильнымъ. Присущій адвокатской дѣятельности общественный элементъ заключается, по мнѣнію Совѣта, не въ томъ, что адвокаты являются въ процессѣ какъ бы представителями общества, а въ томъ что они, являясь представителями интересовъ частныхъ лицъ, всѣмъ и

---

[1]) Отчетъ, 1914 г., с. XIV, XV.

каждому должны оказывать юридическую помощь, разъ они призваны къ тому въ законѣ указаннымъ учрежденіемъ, и не могутъ уклониться отъ исполненія такихъ своихъ обязанностей по какимъ-либо личнымъ взглядамъ на обвиняемаго или на проступокъ, имъ совершенный. Говорить, что въ уголовномъ процессѣ адвокатъ является представителемъ общества въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это N., и допускать потому, что въ извѣстныхъ случаяхъ адвокатъ можетъ уклониться отъ защиты, дабы оттѣнить свою несолидарность съ обвиняемымъ,—нельзя, ибо, во-первыхъ, въ процессахъ уголовныхъ адвокаты въ большинствѣ случаевъ являются защитниками лицъ, совершившихъ дѣянія, вредящія всякой общественности, а во-вторыхъ, институтъ обязательной защиты, установленный закономъ, никогда не предполагаетъ какой бы то ни было солидарности между защитникомъ и подсудимымъ или дѣяніемъ, имъ совершеннымъ. Допустить возможность руководствоваться въ принятіи обязательныхъ по закону защитъ личными взглядами и личными убѣжденіями нельзя, ибо при такомъ толкованіи закона обязательность защиты потеряетъ всякое значеніе. Взгляды, убѣжденія и симпатіи весьма разнообразны; одинъ адвокатъ можетъ отказаться отъ защиты потому, что дѣяніе, совершенное подсудимымъ, противно его нравственности, другой—потому, что они не сходятся въ убѣжденіяхъ религіозныхъ, третій—потому, что онъ чувствуетъ антипатію къ той или иной національности, четвертый—потому, что предшествующая дѣятельность подсудимаго не согласна съ его политическими взглядами, и т. п. Получится полный произволъ усмотрѣнія и возможность, что подсудимый будетъ лишенъ защиты, безъ чего правильное отправленіе правосудія невозможно [1]).

Совѣтъ пріурочиваетъ свои соображенія только къ защитѣ по назначенію, но если исходить изъ необходимости обезпечить правильное отправленіе правосудія, то всѣ эти

---

[1]) Отчетъ 1906-07 г., с. 246—247. Судебная Палата измѣнила постановленіе Совѣта, объявившаго предостереженіе, и запретила прис. повѣренному практику на 1 годъ, но по мотивамъ исключительно политическаго характера, а не профессіональнаго.

разсужденія одинаково примѣнимы и ко всякой защитѣ вообще, предполагая, конечно, что обязанности того и другого защитника по отношенію къ принятому дѣлу одинаковы. Но, вопреки такому разъясненію, случаи отказа не прекращались. Такъ, въ засѣданіи Прав. Сената прис. повѣренный Шмаковъ самъ въ рѣчи своей заявилъ, что когда въ дѣлѣ, по которому онъ выступалъ защитникомъ, явилось неожиданное для него свидѣтельское показаніе, онъ отказался отъ защиты, прибавивъ, что если суду угодно назначить его защитникомъ, онъ будетъ продолжать исполненіе своихъ обязанностей [1]). Нетрудно представить себѣ, какое впечатлѣніе на прис. засѣдателей должно было произвести такое поведеніе защитника. Къ сожалѣнію, это поведеніе, ребромъ поставившее вопросъ объ отношеніи между защитой по соглашенію и по назначенію, не вызвало никакой реакціи со стороны Совѣта. А вѣдь лѣтъ около 50 назадъ Л. А. Куперникъ по аналогичному поводу былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности. Наконецъ, уже въ наши дни, въ связи съ охватившей всю Европу войной, произошелъ новый небывалый случай 13 сентября въ петроградской Судебной Палатѣ. При разборѣ дѣла по иску нѣмецкаго банка «Deutche Bank» въ Берлинѣ къ нѣкоему Смирнову на 11 тысячъ рублей, повѣренный банка прис. пов. О. С. Трахтеревъ заявилъ, что по обстоятельствамъ времени онъ не считаетъ для себя возможнымъ выступать по настоящему дѣлу и поддерживать интересы своего довѣрителя, вышеназваннаго банка, и просилъ дѣло изъ очереди исключить. Послѣ продолжительнаго совѣщанія Судебная Палата обязала О. С. Трахтерева сохранить свои полномочія и продолжать исполненіе своихъ обязанностей. Обратилъ ли вниманіе Совѣтъ на этотъ случай, до сихъ поръ неизвѣстно. А между тѣмъ игнорированіе такого поведенія грозитъ окончательно расшатать представленія объ обязанностяхъ адвокатуры. Такую же угрозу содержатъ и адвокатскія литературныя выступленія [2]), въ которыхъ съ

---

[1]) См. „Право“, 1900 г., с. 285.

[2]) В. А. Маклаковъ. Толстой и Судъ. «Р. Мысль». 1914 г., 3, с. 65 сл.

большей смѣлостью, но меньшей послѣдовательностью, варіируется тема, затронутая сорокъ лѣтъ назадъ В. Д. Спасовичемъ [1]).

Эта неустойчивость, однако, вполнѣ объясняется давленіемъ со стороны общества, которое никакъ не можетъ отрѣшиться отъ отождествленія подсудимаго съ его защитникомъ. Въ 1904 г. въ Казани надѣлало много шуму дѣло о похищеніи чудотворной иконы разбойникомъ Чайкинымъ. Противъ прис. повѣреннаго, назначеннаго защитникомъ его, и противъ адвокатуры вообще поднялся въ обществѣ такой вопль негодованія, что предсѣдатель вынужденъ былъ разъяснить прис. засѣдателямъ назначеніе защиты и убѣждать ихъ, что адвокатовъ не только нельзя упрекать, но что «горе было бы защитѣ, если бы она отказалась отъ исполненія возложенной на нее священной обязанности» [2]).

Пятидесятилѣтіе русской адвокатуры заканчивается на тонахъ весьма минорныхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ тому ужасному безвременью, которое охватило Россію передъ войною и которому война сразу положила конецъ. Но адвокатура спокойно и смѣло можетъ отдать свою исторію на судъ общественнаго мнѣнія въ глубокой увѣренности, что всякому безпристрастному читателю будетъ ясно, что русская адвокатура съ честью вышла изъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя давили ее въ теченіе всего пятидесятилѣтія.

И какъ не вспомнить съ уваженіемъ о томъ безвѣстномъ предсѣдателѣ уголовной палаты, который еще при опубликованіи «основныхъ положеній» предвидѣлъ, что, благодаря усовершенствованію процессуальныхъ законовъ, ярче обнаружатся недостатки законовъ матеріальныхъ, а это вызоветъ новое недовольство. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе осуществилась эта реформа, которая сразу устранитъ двойственность въ положеніи адвоката, и тѣмъ самымъ уничтожитъ источникъ недоразумѣній. Ибо, озираясь назадъ и вспоминая,

---

[1]) См. выше, с. 222.

[2]) «Право», 1914 г., с. 3528.

что адвокатура сумѣла сдѣлать у насъ и въ какую мощную организацію она развилась въ 50 лѣтъ, едва ли можно серьезно сомнѣваться въ томъ, что она есть государственно необходимое учрежденіе. Если бы это было иначе, если бы адвокатура не проявила у насъ своей непобѣдимой жизнеспособности, если бы она не заняла виднаго мѣста въ нашей общественности, если бы она не сдѣлалась ея органическимъ элементомъ, она не сумѣла бы сохранить свою независимость и оградить въ отведенномъ ей мѣстѣ начала судебныхъ уставовъ, несмотря на всѣ попытки ихъ ликвидировать.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

первоначальныхъ проектовъ реформы и Основныхъ Положеній.

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
1. При Палатахъ Гражданскаго Суда и при судахъ уѣздныхъ установляются Присяжные Стряпчіе въ числѣ, соразмѣрномъ съ мѣстною потребностію.	1. При всѣхъ судебныхъ мѣстахъ учреждаются должности особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые дѣйствуютъ въ судѣ отъ имени тяжущихся по ихъ желанію и выбору въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ.	1. При судебныхъ мѣстахъ учреждаются должности особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые въ дѣлахъ, поручаемыхъ имъ по желанію и выбору тяжущихся, дѣйствуютъ въ судѣ отъ имени сихъ послѣднихъ.
	2. Въ городахъ уѣздныхъ присяжные повѣренные приписываются къ уѣзднымъ судамъ, въ городахъ губернскихъ—къ гражданскимъ палатамъ, въ столицахъ—къ первымъ департаментамъ сихъ палатъ.	2. Въ городахъ уѣздныхъ присяжные повѣренные приписываются къ уѣзднымъ судамъ, въ городахъ губернскихъ къ гражданскимъ палатамъ, въ столицахъ къ первымъ департаментамъ сихъ палатъ.
	3. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ лично, подавать просьбы и другія бумаги и объяснять свои дѣла и требованія, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ; но отнынѣ впредь могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебныхъ дѣламъ ихъ, въ судахъ того города, гдѣ состоятъ присяжные повѣренные, только принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ. Въ общей кому-либо довѣренности, составляемой на основаніи статей 2291, 2293 и 2294 Т. X, ч. 1 Свода Гр. Зак. вѣритель можетъ уполномочить своего повѣреннаго между прочимъ и на избраніе присяжныхъ повѣ-	3. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ лично, подавать просьбы и другія бумаги и объяснять свои дѣла и требованія, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ; но отнынѣ впредь могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ ихъ, въ судахъ того города, гдѣ состоятъ присяжные повѣренные, только принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ. Ст. 4.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя положенія (29 IX. 1862).	
1. При судебныхъ мѣстахъ учреждаются должности особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые въ дѣлахъ, поручаемыхъ имъ по желанію и выбору тяжущихся, дѣйствуютъ въ судѣ отъ имени сихъ послѣднихъ.	73. Присяжные повѣренные занимаются дѣлами по порученію тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ. 74. Присяжные повѣренные въ дѣлахъ, поручаемыхъ имъ по желанію и выбору тяжущихся, дѣйствуютъ въ судѣ отъ имени сихъ послѣднихъ, въ мѣрѣ даннаго имъ уполномочія. 75. Въ дѣлахъ уголовныхъ присяжные повѣренные принимаютъ на себя защиту подсудимыхъ: или по ихъ порученію, или по назначенію предсѣдателя судебнаго мѣста.	
2. Присяжные повѣренные каждой губерніи приписываются къ гражданскимъ палатамъ и избираютъ мѣсто жительства въ одномъ изъ городовъ губерніи.	Ст. 77. (См. стр. 483).	
3. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ л и ч н о, подавать просьбы и другія бумаги и объяснять свои дѣла и требованія, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ; но въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ ихъ, въ судахъ того города, только принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ.	Ст. 78. (См. стр. 483).	
Примѣчаніе 1. Ч и с л о присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ въ городахъ уѣзд-	Ст. 78. (См. стр. 483).	

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	ренныхъ, для хожденія въ судахъ по означенному именно въ сей довѣренности дѣлу или вообще по всѣмъ его дѣламъ.	
		Примѣчаніе. Впрочемъ довѣренности на подачу прошенія (ст. 162 уст. гр. суд.) могутъ быть выдаваемы и лицамъ, къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ не принадлежащимъ.
	Ст. 3.	4. Въ общей кому-либо довѣренности, составляемой на основаніи статей 2291, 2293 и 2294 Т. X ч. 1 Свода Гр. Зак., вѣритель можетъ уполномочить своего повѣреннаго между прочимъ и на избраніе присяжныхъ повѣренныхъ для хожденія въ судахъ по означенному именно въ сей довѣренности дѣлу или вообще по всѣмъ его дѣламъ.
	Примѣчаніе. До учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ городахъ Имперіи, Министерство Юстиціи ежегодно объявляетъ въ какихъ именно городахъ и при какихъ судахъ они уже учреждены и вступили въ отправленіе должности своей.	**Примѣчаніе.** До учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ городахъ Имперіи Министерство Юстиціи ежегодно объявляетъ въ какихъ именно городахъ и при какихъ судахъ они уже учреждены и вступили въ отправленіе должности своей.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя положенія (29 IX. 1862).	
ныхъ, губернскихъ и въ столицахъ, опредѣляется въ особой табели, которую министръ юстиціи представитъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта. Число сіе во всякомъ случаѣ должно быть не менѣе десяти повѣренныхъ.		
Примѣчаніе 2. Довѣренности на подачу прошенія (ст. 162 уст. гр. суд.) могутъ быть выдаваемы и лицамъ, къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ не принадлежащимъ.		
Ст. 3, прим. 2.		
4. Въ общей кому-либо довѣренности, составляемой на основаніи статей 2291, 2293 и 2294 т. X ч. 1 свода гр. зак., вѣритель можетъ уполномочить своего повѣреннаго какъ на хожденіе по дѣламъ, такъ и на избраніе присяжныхъ повѣренныхъ.		
Примѣчаніе. До учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ городахъ Имперіи Министерство Юстиціи ежегодно дѣлаетъ распоряженіе о публикаціи: въ какихъ городахъ они вступили въ отправленіе своей должности и въ какихъ городахъ чис-		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ").	I проектъ.	II проектъ.
2. Сіи Стряпчіе назначаются Министерствомъ Юстиціи. Начальники губерній и Предсѣдатели Палатъ Гражданскаго Суда имѣютъ право представлять съ своей стороны кандидатовъ на сіи должности.		
	4. Присяжными повѣренными не могутъ быть: 1) недостигшіе полнаго по закону совершеннолѣтія (двадцати лѣтъ съ годомъ) и всѣ находящіеся по какимъ-либо причинамъ подъ опекою или попечительствомъ; 2) лица, состоящія на службѣ отъ правительства или по выборамъ; 3) лица духовнаго званія; 4) лица, занимающіяся торговлею по свидѣтельствамъ; 5) лица, лишенныя по судебнымъ приговорамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ; 6) лица, кои, бывъ преданы суду за преступленія, подвергающія наказаніямъ, соединеннымъ съ означеннымъ въ предшедшемъ 5-омъ пунктѣ сей статьи лишеніемъ, или ограниченіемъ правъ, освобождены отъ сихъ наказаній Всемилостивѣйшими манифестами, или же за прекращеніемъ дѣлъ по силѣ такихъ манифестовъ, если они не будутъ оправданы установленнымъ для судебныхъ дѣлъ порядкомъ, а равно и тѣ, кои по суду оставлены въ подозрѣніи; 7) лица, исключенныя по суду изъ службы; 8) лица, состоящія подъ надзоромъ	5. Присяжными повѣренными не могутъ быть: 1) не достигшіе полнаго по закону совершеннолѣтія (двадцати лѣтъ съ годомъ) и всѣ находящіеся по какимъ-либо причинамъ подъ опекою или попечительствомъ; 2) лица, состоящія на службѣ отъ правительства или по выборамъ; 3) лица духовнаго званія; 4) лица, занимающіяся торговлею по свидѣтельствамъ; 5) лица, лишенныя по судебнымъ приговорамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ; 6) лица, кои, бывъ преданы суду за преступленія, подвергающія наказаніямъ, соединеннымъ съ означеннымъ въ предшедшемъ 5-омъ пунктѣ сей статьи лишеніемъ, или ограниченіемъ правъ, освобождены отъ сихъ наказаній Всемилостивѣйшими манифестами или же за прекращеніемъ дѣлъ по силѣ такихъ манифестовъ, если они не будутъ оправданы установленнымъ для судебныхъ дѣлъ порядкомъ; а равно и тѣ, кои по суду

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
ло ихъ достигло установленной въ примѣчаніи къ статьѣ 3-й нормы.		
5. Присяжными повѣренными не могутъ быть: 1) не достигшіе полнаго по закону совершеннолѣтія (двадцати лѣтъ съ годомъ), несостоятельные и вообще всѣ находящіеся по какимъ-либо причинамъ подъ опекою, или попечительствомъ; 2) лица, состоящія на службѣ отъ правительства или по выборамъ; 3) лица духовнаго званія; 4) лица, занимающіяся торговлею по свидѣтельствамъ; 5) лица, лишенныя по судебнымъ приговорамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ; 6) лица, кои, бывъ преданы суду за преступленія, подвергающія наказаніямъ, соединеннымъ съ означеннымъ въ предшедшемъ 5-мъ пунктѣ сей статьи лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, освобождены отъ сихъ наказаній Всемилостивѣйшими манифестами, или же за прекращеніемъ дѣлъ, по силѣ такихъ манифестовъ, если они не будутъ оправданы установленнымъ для судебныхъ дѣлъ порядкомъ, а равно и тѣ, кои по суду		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	полиціи вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ, и всѣ тѣ, коимъ за противозаконные поступки именно воспрещено хожденіе по дѣламъ другихъ лицъ.	оставлены въ подозрѣніи; 7) лица, исключенныя по суду изъ службы; 8) лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ и всѣ тѣ, коимъ за противозаконные поступки именно воспрещено хожденіе по дѣламъ другихъ лицъ.
3. Въ Присяжные Стряпчіе опредѣляются преимущественно окончившіе съ успѣхомъ курсъ юридическихъ наукъ въ Университетахъ, или равныхъ онымъ, учебныхъ заведеніяхъ, и занимавшіеся, хотя и по дѣламъ частныхъ людей, въ судебныхъ мѣстахъ 1-й и 2-й степени.	5. Въ присяжные повѣренные опредѣляются предпочтительно имѣющіе аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія или въ выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, и служившіе по судебному вѣдомству не менѣе трехъ лѣтъ.	6. Въ присяжные повѣренные опредѣляются предпочтительно имѣющіе аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія или въ выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, и служившіе по судебному вѣдомству не менѣе трехъ лѣтъ.
4. Доколѣ не будетъ достаточнаго числа кандидатовъ, имѣющихъ всѣ означенныя въ предшедшей 3-й статьѣ качества, Присяжные Стряпчіе могутъ быть назначаемы изъ желающихъ перейти въ сіе званіе чиновниковъ судебнаго вѣдомства, способныхъ, благонадежныхъ и имѣющихъ достаточныя по части судныхъ гражданскихъ дѣлъ свѣдѣнія, хотя лишь одною практикою пріобрѣтенныя.	**Примѣчаніе.** Доколѣ не будетъ достаточнаго числа кандидатовъ, соединяющихъ въ себѣ означенныя въ предшедшей 5-ой статьѣ условія, присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы изъ желающихъ поступить въ сіе званіе чиновниковъ, способныхъ, благонадежныхъ и имѣющихъ достаточныя по части судебныхъ гражданскихъ дѣлъ свѣдѣнія, хотя лишь одною практикою пріобрѣтенныя.	**Примѣчаніе.** Доколѣ не будетъ достаточнаго числа кандидатовъ, соединяющихъ въ себѣ означенныя въ предшедшей 6-ой статьѣ условія, присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы изъ желающихъ поступить въ сіе званіе отставныхъ или же имѣющихъ намѣреніе выйти въ отставку чиновниковъ, способныхъ*), благонадежныхъ и имѣющихъ достаточныя по части судебныхъ гражданскихъ дѣлъ свѣдѣнія, хотя лишь одною практикою пріобрѣтенныя. *) Въ текстѣ „свободныхъ“,— явная опечатка. I. Г.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
оставлены въ подозрѣніи; 7) лица, исключенныя по суду изъ службы; 8) лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ и всѣ тѣ, коимъ за противозаконные поступки именно воспрещено хожденіе по дѣламъ другихъ лицъ.		
6. Въ присяжные повѣренные опредѣляются имѣющіе аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ гражданскихъ заведеній въ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія или въ выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ и служившіе по судебному вѣдомству не менѣе трехъ лѣтъ, или занимавшіеся въ теченіе этого времени судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ.	76. Къ числу присяжныхъ повѣренныхъ могутъ приписываться только лица: не опороченныя судомъ и не моложе 25-ти лѣтъ, имѣющія притомъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія, или о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ, или занимались, въ теченіе этого времени, судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ. 77. Присяжные повѣренные избираютъ мѣсто жительства въ одномъ изъ городовъ округа той судебной палаты, къ коей они приписаны. 78. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ лично, равно какъ подавать просьбы и другія бумаги и объяснять свои дѣла и требованія, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ; но въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ ихъ дѣламъ,	

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
5. Стряпчіе, при вступленіи въ сіе званіе, приводятся къ присягѣ по особой формѣ, въ полномъ Присутствіи Палаты Гражданскаго Суда, при отворенныхъ дверяхъ, и всякому, кто пожелаетъ, дозволяется быть при произнесеніи ими сей присяги.	Ст. 15.	Ст. 16.
6. Для вознагражденія присяжныхъ стряпчихъ за труды ихъ по дѣламъ частнымъ, установляется особая, утверждаемая Министерствомъ Юстиціи, на два или на три года такса; но дѣла людей, представившихъ надлежащія свидѣтельства о бѣдности, они обязаны производить безвозмездно.	Ст. 13.	Ст. 14.
7. Непосредственный надзоръ за Присяжными Стряпчими поручается предсѣдательствующимъ въ Судахъ, при коихъ они состоятъ, и Губернскимъ Прокурорамъ; надзоръ высшій за ихъ дѣйствіями имѣетъ Министерство Юстиціи.		

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29. IX. 1862).	
	въ судахъ того города, только лицамъ, принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ. Число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое на этомъ основаніи достаточнымъ въ городахъ уѣздныхъ и губернскихъ и въ столицахъ, опредѣляется въ особой табели, которую министръ юстиціи представитъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта.	
Ст. 17.		
Ст. 14.		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	6. Въ каждомъ городѣ, гдѣ будетъ не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, они избираютъ изъ среды своей для управленія всѣми состоящими въ томъ городѣ и приписанными къ суду или палатѣ повѣренными особый совѣтъ, коего предсѣдателемъ признается по закону: въ уѣздномъ городѣ—уѣздный стряпчій, въ губернскомъ и въ столицахъ—прокуроръ.	7. Въ каждомъ городѣ, гдѣ будетъ не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, они избираютъ изъ среды своей для управленія всѣми состоящими въ томъ городѣ и приписанными къ суду или палатѣ повѣренными особый Совѣтъ, коего предсѣдателемъ признается по закону: въ уѣздномъ городѣ —уѣздный стряпчій, въ губернскомъ и въ столицахъ — прокуроръ гражданской палаты.
	Примѣчаніе. До учрежденія сего Совѣта, всѣ возлагаемыя на оный настоящимъ положеніемъ обязанности исполняются судомъ, къ коему присяжные повѣренные приписаны.	**Примѣчаніе.** До учрежденія сего Совѣта всѣ возлагаемыя на оный настоящимъ положеніемъ обязанности исполняются судомъ, къ коему присяжные повѣренные приписаны.
	7. Число членовъ каждаго совѣта повѣренныхъ опредѣляется особымъ губернскимъ присутствіемъ, составляемымъ изъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, губернскаго предводителя д в о р я н с т в а, совѣстнаго судьи, прокурора и городского главы, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи.	8. Число членовъ каждаго совѣта повѣренныхъ опредѣляется особымъ губернскимъ присутствіемъ, составляемымъ изъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, губернскаго предводителя дворянства, совѣстнаго судьи, прокурора и городского главы, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи.
	8. Къ кругу дѣйствій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ: 1) первоначальное разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ; 2) разсмотрѣніе жалобъ тяжущихся на дѣйствія повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ ими исполненіемъ законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ желаніемъ и	9. Къ кругу дѣйствій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ: 1) первоначальное разсмотрѣніе прошеній л и ц ъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ; 2) разсмотрѣніе жалобъ тяжущихся на дѣйствія повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ ими исполненіемъ законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, со-

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	**Основныя Положенія** (29 IX. 1862).	
7. Присяжные повѣренные каждой губерніи избираютъ изъ среды своей, для надзора за всѣми состоящими въ губерніи повѣренными, особый въ губернскомъ городѣ совѣтъ, предсѣдателемъ коего признается по закону прокуроръ гражданской палаты.	79. Присяжные повѣренные каждаго округа судебной палаты избираютъ изъ среды себя, для надзора за всѣми состоящими въ томъ округѣ повѣренными, особый при судебной палатѣ Совѣтъ, а также предсѣдателя сего Совѣта, и товарища предсѣдателя, который въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя занимаетъ его мѣсто.	
Примѣчаніе. До учрежденія сего совѣта всѣ возлагаемыя на оный настоящимъ положеніемъ обязанности исполняются палатою той губерніи, гдѣ совѣтъ учрежденъ.		
8. Къ кругу дѣйствій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ: 1) первоначальное разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ; 2) разсмотрѣніе жалобъ тяжущихся на дѣйствія повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ ими исполненіемъ законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообраз-		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ").	I проектъ.	II проектъ.
	пользою ихъ довѣрителей; 3) выдача повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались ни въ чемъ осужденію совѣта и представленіе сихъ свидѣтельствъ на утвержденіе суда; 4) назначеніе повѣренныхъ, для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся въ судахъ правомъ бѣдности; 5) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному въ случаѣ несогласій по сему предммету между имъ и тяжущимся.	образно съ желаніемъ и пользою ихъ довѣрителей; 3) выдача повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались ни въ чемъ осужденію совѣта и представленіе сихъ свидѣтельствъ на утвержденіе суда; 4) назначеніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся въ судахъ правомъ бѣдности; 5) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному въ случаѣ несогласій по сему предмету между имъ и тяжущимся.
	9. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властію подвергать ихъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей: 1) выговорамъ и 2) денежнымъ взысканіямъ до ста рублей серебромъ.	10. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властію подвергать ихъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей: 1) выговорамъ и 2) денежнымъ взысканіямъ до ста рублей серебромъ.
	10. О преданіи присяжныхъ повѣренныхъ суду уголовному совѣтъ представляетъ чрезъ посредство суда, при коемъ повѣренный состоитъ, на утвержденіе губернскаго присутствія (ст. 7-ая).	11. О преданіи присяжныхъ повѣренныхъ суду уголовному совѣтъ представляетъ черезъ посредство суда, при коемъ повѣренный состоитъ, на утвержденіе губернскаго присутствія (ст. 8-я).

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
но съ желаніемъ и пользою ихъ довѣрителей; 3) выдача повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались ни въ чемъ осужденію Совѣта; 4) назначеніе повѣренныхъ для безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся въ судахъ правомъ бѣдности; 5) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному, въ случаѣ несогласій по сему предмету между имъ и тяжущимся.		
9. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властью подвергать ихъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей: 1) предостереженіямъ; 2) выговорамъ; 3) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго въ теченіе опредѣленнаго Совѣтомъ времени, впрочемъ не далѣе одного года; 4) исключенію изъ среды своей лицъ, оказавшихся неблагонадежными; 5) преданію уголовному суду въ случаяхъ особенно важныхъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ (т. XV, кн. 1), противозаконныхъ дѣйствій или при повтореніи нарушенія обязанностей.	80. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властію подвергать ихъ, за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей: 1) предостереженіямъ, 2) выговорамъ, 3) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго совѣтомъ времени, впрочемъ не долѣе одного года; 4) исключенію, въ случаѣ неблагонадежности, изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ; 5) преданію уголовному суду въ случаяхъ особенно важныхъ.	
10. Наказаніямъ и взысканіямъ болѣе строгимъ присяжные повѣренные подвергаются не иначе, какъ по судебному приговору, установленнымъ въ законахъ для дѣлъ уголовныхъ порядкомъ.		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	11. Желающій поступить въ присяжные повѣренные подаетъ о томъ просьбу въ Совѣтъ повѣренныхъ, который представляетъ оную, съ своимъ мнѣніемъ въ тотъ судъ, къ коему повѣренный желаетъ приписаться.	12. Желающій поступить въ присяжные повѣренные подаетъ о томъ просьбу въ совѣтъ повѣренныхъ, который представляетъ оную, съ своимъ мнѣніемъ въ тотъ судъ, къ коему повѣренный желаетъ приписаться.
	12. Судъ сей по разсмотрѣніи просьбы и мнѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, представляетъ оную съ своимъ заключеніемъ въ губернское присутствіе (ст. 7-ая), которое обращаетъ особенное вниманіе не только на условія, означенныя въ ст. 4-ой, 5-ой, 6-ой сего положенія, но и на нравственныя качества желающаго поступить въ должность присяжнаго повѣреннаго и затѣмъ утверждаетъ окончательно причисленіе его къ суду, или же въ томъ отказываетъ ему.	13. Судъ сей, по разсмотрѣніи просьбы и мнѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, представляетъ оную, съ своимъ заключеніемъ въ губернское присутствіе (ст. 8-я), которое обращаетъ особенное вниманіе, не только на условія, означенныя въ стт. 5-ой, 6-ой и 7-ой сего положенія, но и на нравственныя качества желающаго поступить въ должность присяжнаго повѣреннаго и затѣмъ утверждаетъ окончательно причисленіе его къ суду, или же въ томъ отказываетъ ему.
Ст. 6. Ст. 11.	13. Количество вознагражденія повѣренныхъ за хожденіе ихъ по дѣламъ зависитъ отъ обоюднаго ихъ соглашенія съ тяжущимися. Когда возникнетъ какое-либо несогласіе между повѣреннымъ и тяжущимся касательно сего вознагражденія, количество онаго опредѣляется совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.	14. Количество вознагражденія повѣренныхъ за хожденіе ихъ по дѣламъ зависитъ отъ обоюднаго ихъ соглашенія съ тяжущимися. Когда возникнетъ какое-либо несогласіе между повѣреннымъ и тяжущимся касательно сего вознагражденія, количество онаго опредѣляется совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	14. Жалобы на постановленія сего совѣта, какъ отъ тяжущихся, такъ и отъ самихъ повѣренныхъ, подаются суду высшему надъ тѣмъ, къ коему приписаны присяжные повѣренные.	15. Жалобы на постановленія сего совѣта, какъ отъ тяжущихся, такъ и отъ самихъ повѣренныхъ, подаются суду высшему надъ тѣмъ, къ коему приписаны присяжные повѣренные.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
11. Желающій поступить въ присяжные повѣренные подаетъ о томъ просьбу въ совѣтъ повѣренныхъ, который представляетъ оную съ своимъ мнѣніемъ, въ гражданскую палату той губерніи, гдѣ совѣтъ учрежденъ.		
12. Палата, по разсмотрѣніи просьбы и мнѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, обращаетъ особенное вниманіе, не только на условія, означенныя въ стт. 5-й и 6-й сего положенія, но и на нравственныя качества желающаго поступить въ должность присяжнаго повѣреннаго, и затѣмъ утверждаетъ окончательно причисленіе его къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, или же въ томъ ему отказываетъ.		
13. Количество вознагражденія повѣренныхъ за хожденіе ихъ по дѣламъ зависитъ отъ обоюднаго ихъ соглашенія съ тяжущимися.	81. Количество вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Условіе о семъ должно быть письменное.	
Ст. 15.		
Ст. 16.		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“)	I проектъ.	II проектъ.
Ст. 5.	15. Присяжный повѣренный, по вступленіи въ сіе званіе, приводится въ полномъ присутствіи суда къ присягѣ, какъ въ точномъ соблюденіи законовъ и установленныхъ правилъ, такъ и въ томъ, что онъ будетъ добросовѣстно исполнять принимаемыя имъ на себя обязанности по всѣмъ дѣламъ, по коимъ онъ будетъ имѣть хожденіе по добровольному взаимному согласію съ тяжущимися, или же по распоряженію суда или совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.	16. Присяжный повѣренный по вступленіи въ сіе званіе приводится въ полномъ присутствіи суда къ присягѣ, какъ въ точномъ соблюденіи законовъ и установленныхъ правилъ, такъ и въ томъ, что онъ будетъ добросовѣстно исполнять принимаемыя имъ на себя обязанности во всѣхъ дѣлахъ, по коимъ онъ будетъ имѣть хожденіе по добровольному взаимному согласію съ тяжущимся, или же по распоряженію суда, или совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.
8. Присяжные Стряпчіе, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права на производство въ чины, но впрочемъ пользуются всѣми другими преимуществами служащихъ, и должность ихъ въ семъ отношеніи, сравнивается съ должностію секретарей судебныхъ мѣстъ, при коихъ они состоятъ.	16. Присяжные повѣренные, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права ни на пенсіи, ни на производство въ чины и награды орденами, но пользуются всѣми прочими преимуществами служащихъ.	17. Присяжные повѣренные, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права ни на пенсіи, ни на производство въ чины и награды орденами, но пользуются всѣми прочими преимуществами служащихъ.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
Ст. 17.		
14. Для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащаго взысканію съ обвиненнаго по дѣлу въ пользу противной стороны за наемъ повѣреннаго, а равнымъ образомъ и для опредѣленія самаго количества вознагражденія повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не заключили съ тяжущимися особыхъ по сему предмету письменныхъ условій, установляется на каждые три года особая такса, которая можетъ состоять въ опредѣленномъ процентѣ съ цѣны иска. Такса сія составляется на каждые три года совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ и утверждается гражданскою палатою той губерніи, гдѣ состоитъ совѣтъ повѣренныхъ. Объ установленной таксѣ публикуется ежегодно въ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ.	82. Для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащихъ взысканію съ обвиненнаго по дѣлу, въ пользу противной стороны, за наемъ повѣреннаго и для опредѣленія самаго количества вознагражденія повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся не заключили съ ними особыхъ по сему предмету письменныхъ условій, установляется, на каждые три года, особая такса, которая и публикуется въ общее свѣдѣніе.	
Ст. 18.		
15. Когда возникнетъ какое-либо несогласіе между повѣреннымъ и тяжущимся касательно вознагражденія за хожденіе по дѣлу, количество сего вознагражденія опредѣляется совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.		
16. Жалобы на постановленія сего совѣта, какъ отъ тяжущихся, такъ и отъ самихъ повѣренныхъ, подаются гражданской палатѣ по принадлежности.		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
Ст. 5.	Ст. 15.	Ст. 16.
9. Присяжные Стряпчіе удаляются отъ должности не иначе, какъ по приговору Суда. 10. Кругъ ихъ дѣйствія, обязанности и случаи нарушенія сихъ обязанностей, а равно и мѣръ взысканія за проступки сего рода, означаются въ особыхъ отъ Министерства Юстиціи инструкціяхъ, на имя предсѣдательствующихъ въ Судахъ.	Ст. 29.	Ст. 31.
11. Всякій, не желающій имѣть лично хожденія по своему тяжебному дѣлу, или же избрать для сего по собственному усмотрѣнію повѣреннаго изъ частныхъ людей, имѣетъ право поручить сіе дѣло одному изъ находящихся при Судѣ, въ коемъ производится дѣло, Присяжныхъ Стряпчихъ, на основаніи утверждаемой Министерствомъ Юстиціи общей о вознагражденіи ихъ таксы, или же по особому съ нимъ соглашенію.	17. Присяжный повѣренный, по оставленіи сего званія, можетъ по желанію поступить въ службу, при чемъ, если онъ представитъ утвержденное судомъ свидѣтельство совѣта въ томъ, что онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности повѣреннаго не менѣе десяти лѣтъ, не подвергаясь во все продолженіе сего времени ни въ чемъ осужденію совѣта, то ему засчитывается все время бытности повѣреннымъ въ дѣйствительную службу и предоставляются всѣ тѣ чины, которые слѣдовали бы ему за выслугу лѣтъ, если бы онъ состоялъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства и на которые онъ можетъ	18. Присяжный повѣренный, по оставленіи сего званія, можетъ по желанію поступить въ службу, при чемъ, если онъ представитъ утвержденное судомъ свидѣтельство совѣта въ томъ, что онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности повѣреннаго не менѣе десяти лѣтъ, не подвергаясь во все продолженіе сего времени ни въ чемъ осужденію совѣта, то ему засчитывается все время бытности повѣреннымъ въ дѣйствительную службу и предоставляются всѣ тѣ чины, которые слѣдовали бы ему за выслугу лѣтъ, если бы онъ состоялъ на службѣ по опредѣленію отъ

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	**Основныя Положенія** (29 IX. 1862).	
17. Присяжный повѣренный, по вступленіи въ сіе званіе, приводится въ полномъ присутствіи палаты къ присягѣ, какъ въ точномъ соблюденіи законовъ и установленныхъ правилъ, такъ и въ томъ, что онъ будетъ добросовѣстно исполнять всѣ свои обязанности.		
18. Присяжные повѣренные, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права ни на пенсіи, ни на производство въ чины и награды орденами, но пользуются правами, лицамъ, находящимся въ государственной службѣ, вообще присвоенными.		
19. Присяжный повѣренный, по оставленіи сего званія, можетъ по желанію поступить въ службу; при чемъ, если онъ представитъ утвержденное судомъ свидѣтельство совѣта повѣренныхъ въ томъ, что онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности повѣреннаго не менѣе шести лѣтъ, не подвергаясь во все продолженіе сего времени ни въ чемъ осужденію совѣта, тому засчитывается все время бытности повѣреннымъ въ дѣйствительную службу и предоставляется право на производство за выслугу лѣтъ въ чины, на которые онъ можетъ имѣть право по классу		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ	II проектъ.
	имѣть право по классу той должности, въ какую будетъ назначенъ при поступленіи въ службу.	правительства и на которые онъ можетъ имѣть право по классу той должности, въ какую будетъ назначенъ при поступленіи въ службу.
	18. Присяжный повѣренный, если онъ найдетъ явно неправымъ искъ тяжущагося, избравшаго его, можетъ отказаться отъ предъявленія въ судъ требованій сего тяжущагося, но обязанъ въ то же время донести о томъ Совѣту повѣренныхъ, который поручаетъ защиту сего тяжущагося другому повѣренному, или же предоставляетъ тяжущемуся имѣть по сему дѣлу хожденіе въ судѣ самому, или избрать въ свои повѣренные лицо, къ числу повѣренныхъ не приписанное.	19. Присяжный повѣренный, если онъ найдетъ явно неправымъ искъ тяжущагося, избравшаго его, можетъ отказаться отъ предъявленія въ судъ требованій сего тяжущагося, но обязанъ въ то же время донести о томъ совѣту повѣренныхъ, который поручаетъ защиту сего тяжущагося другому повѣренному, или же предоставляетъ тяжущемуся имѣть по сему дѣлу хожденіе въ судѣ самому, или избрать въ свои повѣренные исключительно въ семъ одномъ лишь случаѣ лицо, къ числу присяжныхъ повѣренныхъ не приписанное.
	19. Присяжные повѣренные, состоящіе при одномъ изъ судовъ какого-либо города, имѣютъ право дѣйствовать и во всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстахъ того же города, но не могутъ взять на себя хожденія по дѣламъ, производящимся въ другомъ городѣ. На семъ основаніи присяжные повѣренные, состоящіе при палатахъ, могутъ дѣйствовать по дѣламъ и въ уѣздномъ судѣ того же города, а состоящіе при палатахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и по дѣламъ въ Сенатѣ.	20. Присяжные повѣренные, состоящіе при одномъ изъ судовъ какого-либо города, имѣютъ право дѣйствовать и во всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстахъ того же города, но не могутъ взять на себя хожденія по дѣламъ, производящимся въ другомъ городѣ. На семъ основаніи присяжные повѣренные, состоящіе при палатахъ, могутъ дѣйствовать по дѣламъ и въ уѣздномъ судѣ того же города, а состоящіе при палатахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ— и по дѣламъ въ Сенатѣ.

III проектъ (май—iюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX, 1862).	
той должности, въ какую будетъ назначенъ при поступленіи въ службу.		
20. Тяжущіеся могутъ просить Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, или состоящаго при судѣ прокурора, о назначеніи присяжнаго повѣреннаго для ходатайства по ихъ дѣлу.		
21. Если болѣе половины наличныхъ присяжныхъ повѣренныхъ не примутъ на себя хожденія по дѣлу, то судъ предоставляетъ тяжущемуся имѣть по сему дѣлу хожденіе въ судѣ самому, или избрать въ свои повѣренные исключительно въ семъ одномъ лишь случаѣ лицо, къ числу присяжныхъ повѣренныхъ не приписанное.		
22. Присяжные повѣренные, принявшіе на себя ходатайство по дѣлу въ низшей инстанціи, имѣютъ право продолжать ходатайствовать и въ высшихъ инстанціяхъ до окончательнаго разрѣшенія дѣла.	83. Присяжный повѣренный, принявшій на себя хожденіе по дѣлу въ низшей инстанціи, имѣетъ право, по желанію тяжущагося, продолжать ходатайство по оному во всѣхъ судахъ, до окончательнаго разрѣшенія онаго. Но если повѣренный долженъ будетъ при этомъ переѣхать въ другой городъ, то онъ обязанъ сперва прочіе находящіяся у него дѣла передать, съ согласія своихъ довѣрителей, другому присяжному повѣренному.	

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	20. Присяжный повѣренный начинаетъ свои дѣйствія въ судѣ не иначе, какъ вслѣдствіе письменнаго или словеснаго объявленія тяжущагося суду о избраніи имъ сего повѣреннаго по сему именно дѣлу.	21. Присяжный повѣренный начинаетъ свои дѣйствія въ судѣ не иначе, какъ вслѣдствіе письменнаго или словеснаго объявленія тяжущагося суду о избраніи имъ сего повѣреннаго по сему именно дѣлу.
		22. Въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго тяжущійся имѣетъ право принять на себя хожденіе по своему дѣлу или же избрать другого присяжнаго повѣреннаго. О таковомъ намѣреніи онъ обязанъ объявить суду. Со времени сего объявленія вновь избранный повѣренный вступаетъ во всѣ права прежняго.
	21. За пропущеніе узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе правилъ и формъ, по винѣ присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право, если онъ потерпѣлъ отъ сего какой-либо ущербъ или убытокъ, взыскивать свои убытки съ повѣреннаго установленнымъ на то порядкомъ.	23. За пропущеніе узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе правилъ и формъ, по винѣ присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право, если онъ потерпѣлъ отъ сего какой-либо ущербъ или убытокъ, взыскивать свои убытки съ повѣреннаго установленнымъ на то порядкомъ.
	22. За умышленныя ко вреду тяжущихся дѣйствія, присяжные повѣренные могутъ, по жалобѣ тяжущихся, быть подвергнуты уголовному суду.	24. За умышленныя ко вреду тяжущихся дѣйствія присяжные повѣренные могутъ, по жалобѣ тяжущихся, быть подвергнуты уголовному суду.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
23. Присяжный повѣренный начинаетъ свои дѣйствія въ судѣ не иначе, какъ вслѣдствіе письменнаго или словеснаго объявленія тяжущагося суду объ избраніи имъ сего повѣреннаго по сему именно дѣлу.		
24. Въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго тяжущійся имѣетъ право принять на себя хожденіе по своему дѣлу или же избрать другого присяжнаго повѣреннаго. О таковомъ намѣреніи онъ обязанъ объявить суду. Со времени сего объявленія вновь избранный повѣренный вступаетъ во всѣ права прежняго.	84. Отъ тяжущагося всегда зависитъ замѣнить одного присяжнаго повѣреннаго другимъ, или принять хожденіе по дѣлу на самого себя, удовлетворивъ повѣреннаго за его труды, по условію или, при несуществованіи его, по таксѣ.	
25. За пропущеніе узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе правилъ и формъ, по винѣ присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право, если онъ потерпѣлъ отъ сего какой-либо ущербъ или убытокъ, взыскивать свои убытки съ повѣреннаго установленнымъ на то порядкомъ.	85. За пропущеніе узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе правилъ и формъ, по винѣ присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право, если онъ потерпѣлъ отъ сего какой-либо ущербъ, взыскивать съ повѣреннаго свои убытки.	
26. За умышленныя ко вреду тяжущихся дѣйствія присяжные повѣренные могутъ, по жалобѣ тяжущихся, быть подвергнуты уголовному суду.	86. За умышленныя ко вреду тяжущихся дѣйствія присяжные повѣренные, по жалобѣ тяжущихся и по изслѣдованіи ихъ виновности, сверхъ взысканія съ нихъ убытковъ, могутъ быть подвергнуты уголовному суду. Жалобы на дѣйствія повѣренныхъ приносятся ихъ Совѣту, а на Совѣтъ—палатѣ, при которой онъ состоитъ и которая постановляетъ окончательное по жалобѣ рѣшеніе.	

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ“).	I проектъ.	II проектъ.
	23. Присяжные повѣренные не могутъ въ одно и то же время быть повѣренными обѣихъ спорящихъ сторонъ.	25. Присяжные повѣренные не могутъ въ одно и то же время быть повѣренными обѣихъ спорящихъ сторонъ.
	24. Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ, какъ повѣренный, противъ жены своей, или же своихъ родственниковъ до четвертой и свойственниковъ до второй степени включительно.	26. Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ, какъ повѣренный, противъ жены своей или же своихъ родственниковъ до четвертой и свойственниковъ до второй степени включительно.
	25. Присяжнымъ повѣреннымъ воспрещается пріобрѣтать тяжбы своихъ довѣрителей. За нарушеніе сего правила они предаются суду, и всѣ сдѣлки ихъ по сему предмету признаются недѣйствительными.	27. Присяжнымъ повѣреннымъ воспрещается пріобрѣтать тяжбы своихъ довѣрителей. За нарушеніе сего правила они предаются суду, и всѣ сдѣлки ихъ по сему предмету признаются недѣйствительными.
	26. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести особый списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и представлять сей списокъ въ совѣтъ повѣренныхъ по первому онаго востребованію.	28. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести особый списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и представлять сей списокъ въ совѣтъ повѣренныхъ по первому онаго востребованію.
	27. Предсѣдатель того суда, въ коемъ производится тяжба, а въ департаментахъ сената первоприсутствующій, имѣетъ право своею властію сдѣлать присяжному повѣренному выговоръ, удалить его изъ присутствія и подвергнуть денежному взысканію, не превосходящему ста рублей серебромъ.	29. Предсѣдатель того суда, въ коемъ производится тяжба, а въ департаментахъ Сената первоприсутствующій имѣетъ право своею властію сдѣлать присяжному повѣренному выговоръ, удалить его изъ присутствія и подвергнуть денежному взысканію, не превосходящему ста рублей серебромъ.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	Основныя Положенія (29 IX. 1862).	
27. Присяжные повѣренные не могутъ въ одно и то же время быть повѣренными обѣихъ спорящихъ сторонъ.		
28. Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ, какъ повѣренный, противъ жены своей или же своихъ родственниковъ до четвертой и свойственниковъ до второй степени включительно.		
29. Присяжнымъ повѣреннымъ воспрещается пріобрѣтать тяжбы своихъ довѣрителей. Всѣ сдѣлки ихъ по сему предмету признаются недѣйствительными.	87. Присяжнымъ повѣреннымъ, а также и женамъ ихъ, воспрещается покупать или инымъ образомъ пріобрѣтать права своихъ довѣрителей по ихъ тяжбамъ. Всѣ сдѣлки такого рода признаются недѣйствительными.	
30. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести особый списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и представлять сей списокъ въ Совѣтъ повѣренныхъ по первому онаго востребованію.		
31. За нарушеніе повѣреннымъ во время доклада дѣла правилъ благоприличія или порядка и тишины предсѣдатель того суда, въ коемъ производится тяжба, а въ департаментахъ Сената первоприсутствующій имѣетъ право своею властію сдѣлать присяжному повѣренному предостереженіе, выговоръ или же удалить его изъ присутствія. Денежному взысканію присяжный повѣренный подвергается не иначе, какъ по опредѣленію суда.		

Проектъ II Отдѣленія („о Присяжныхъ Стряпчихъ").	I проектъ.	II проектъ.
	28. Наказаніямъ и взысканіямъ, болѣе строгимъ, присяжные повѣренные подвергаются не иначе, какъ по судебному приговору, установленнымъ въ законахъ для дѣлъ уголовныхъ порядкомъ.	30. Наказаніямъ и взысканіямъ болѣе строгимъ присяжные повѣренные подвергаются не иначе, какъ по судебному приговору установленнымъ въ законахъ для дѣлъ уголовныхъ порядкомъ.
Ст. 9.	29. Присяжные повѣренные подвергаются исключенію также не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда.	31. Присяжные повѣренные подвергаются исключенію также не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда.
	30. Въ случаѣ смерти повѣреннаго, или же тяжкой, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной болѣзни, препятствующей ему имѣть хожденіе по дѣлу своего довѣрителя, судъ немедленно сообщаетъ о томъ тяжущемуся, и сообразно съ разстояніемъ мѣста его жительства отъ мѣста, гдѣ находится судъ, назначаетъ ему срокъ для избранія новаго повѣреннаго, или же объявленія, что онъ намѣренъ самъ имѣть хожденіе по своему дѣлу. До истеченія назначеннаго судомъ срока ходъ дѣла пріостанавливается.	32. Въ случаѣ смерти повѣреннаго, или же тяжкой, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной болѣзни, препятствующей ему имѣть хожденіе по дѣлу своего довѣрителя, судъ немедленно сообщаетъ о томъ тяжущемуся, и сообразно съ разстояніемъ мѣста его жительства отъ мѣста, гдѣ находится судъ, назначаетъ ему срокъ для избранія новаго повѣреннаго, или же объявленія, что онъ намѣренъ самъ имѣть хожденіе по своему дѣлу. До истеченія назначеннаго судомъ срока ходъ дѣла пріостанавливается.
	31. Лица, находящіяся за границею или хотя и въ Россіи, но въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ суда, въ которомъ должно производиться ихъ дѣло, могутъ просить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ или состоящаго при судѣ прокурора, или стряпчаго, или же предсѣдательствующаго въ судѣ, о назначеніи вмѣсто ихъ присяжнаго повѣреннаго для хожденія по сему дѣлу.	33. Лица, находящіяся за границею или хотя и въ Россіи, но въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ суда, въ которомъ должно производиться ихъ дѣло, могутъ просить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, или состоящаго при судѣ прокурора, или стряпчаго, или же предсѣдательствующаго въ судѣ, о назначеніи вмѣсто ихъ присяжнаго повѣреннаго для хожденія по сему дѣлу.

III проектъ (май—іюнь 1861 г.).	**Основныя Положенія** (29 IX. 1862).	
32. Въ случаѣ смерти повѣреннаго или же тяжкой, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной болѣзни, препятствующей ему имѣть хожденіе по дѣлу своего довѣрителя, судъ сообщаетъ о томъ тяжущемуся и сообразно съ разстояніемъ мѣста его жительства отъ мѣста, гдѣ находится судъ, назначаетъ ему срокъ для избранія новаго повѣреннаго, или же объявленія, что онъ намѣренъ самъ имѣть хожденіе по своему дѣлу. До истеченія назначеннаго судомъ срока ходъ дѣла пріостанавливается.		

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

дѣйствовавшихъ узаконеній о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ и предположенныхъ въ нихъ измѣненій.

Сравнительное изложеніе дѣйствовавшихъ узако и предположенныхъ

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
Учрежденіе Судебныхъ Установленій. (Изданіе 1883 года, со включеніемъ статей по продол. 1890 и 1891 гг.).	Составленный въ 1891 г. Особымъ Совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго проектъ измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.	Проектъ б. Министра Юстиціи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Манасеина объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, представленный въ Гос. Сов. 15 декабря 1893 года за № 32231.
Книга первая. Раздѣлъ IX. Глава II.	Главу вторую книги I раздѣла IX Учрежденія Судебныхъ Установленій (ст. 353—406[19]) замѣнить нижеслѣдующими постановленіями. **О ПОВѢРЕННЫХЪ ПО СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ.** **А. О ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.** Отдѣленіе первое. ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.	
353. Присяжные Повѣренные состоятъ при судебныхъ мѣстахъ для занятія дѣлами по избранію и порученію тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ, а также по назначенію, въ опредѣленныхъ случаяхъ, Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ и Предсѣдателей судебныхъ мѣстъ. 1864 ноября 20 (41475) ст. 353.	353. Безъ измѣненія *).	353. Безъ измѣненія.

*) Терминъ! „безъ измѣненія“ обозначаетъ сохраненіе редакціи учрежденія суд. уст. Слова „такъ же“ обозначаютъ сохраненіе редакціи, напечатанной въ стоящемъ слѣва столбцѣ.

...неній о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ ...въ нихъ измѣненій.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
Проектъ новой редакціи Учрежденія Судебныхъ Установленій, выработанный въ 1897 году Высочайше учрежденною при Министерствѣ Юстиціи комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части.	Редакція присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной Палаты, выработанная Особой Комиссіей, избранной Общимъ Собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 7 января 1901 г., и заключеніе комиссіи избранной Общимъ собраніемъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ 20 апрѣля 1898 г. для обсужденія проекта правилъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Постатейныя замѣчанія комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты на новый проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ (1896—1898 гг.).
Раздѣлъ десятый.		
О ПОВѢРЕННЫХЪ ПО СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ. (Взамѣнъ ст. 353—406[19] Учр. Суд. Уст.)		
I. О ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ. Глава первая. ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.		
394. Безъ измѣненія.	394. Присяжные повѣренные состоятъ при Судебныхъ Палатахъ и ведутъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи дѣла тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
354. Присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія аттестаты Университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, если они сверхъ того прослужили не менѣе *пяти лѣтъ* по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или также не менѣе *пяти лѣтъ* состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству (ст. 407), или же занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ. Тамъ же, ст. 354.	354. Присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія аттестаты университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили не менѣе *четырехъ* лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при отправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или также не менѣе *четырехъ* лѣтъ состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству (ст. 407) или помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, или *профессорами* и преподавателями юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или *чиновниками административныхъ вѣдомствъ*, обязанности коихъ заключались въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны.	354. Такъ же *).
Примѣчаніе. Лицамъ, состоящимъ въ званіяхъ Камергеровъ и Камеръ-Юнкеровъ Двора Его Императорскаго Величества, въ случаѣ принятія ими должностей присяжныхъ Повѣренныхъ, сохраняются придворныя званія. 1866 февр. 22 (43041).	**Примѣчаніе**. Безъ измѣненія.	**Примѣчаніе**. Безъ измѣненія.

*) „Безъ измѣненія" означаетъ сохраненіе; „такъ же" относится къ редакціи.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
395. Присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ, если они, сверхъ того, прослужили не менѣе *трехъ* лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или также не менѣе *трехъ* лѣтъ состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству или помощниками присяжныхъповѣренныхъ, или *профессорами* и преподавателями юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или должностными *лицами административныхъ вѣдомствъ*, обязанности коихъ заключаются въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ.	395. Такъ же.	
Примѣчаніе. Безъ измѣненія.	**Примѣчаніе.** Безъ измѣненія.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
355. Присяжными Повѣренными не могутъ быть:	355. Безъ измѣненія.	355. Безъ измѣненія.
1) недостигшіе *двадцатипятилѣтняго* возраста; 2) иностранцы; 3) объявленные несостоятельными должниками;	1. 2. 3. } Безъ измѣненія.	1. 2. 3. } Безъ измѣненія.
4) состоящіе на службѣ отъ Правительства, или по выборамъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности безъ жалованья;	4. Состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ за исключеніемъ: а) лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности, отправленіе коихъ *не сопряжено* по закону *съ правомъ на полученіе содержанія;* б) *профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ* въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также *чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ,* обязанности коихъ состоятъ въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны.	4. Такъ же.
5) подвергшіеся, по судебнымъ приговорамъ, лишенію или ограниченію правъ состоянія, а также Священнослужители, лишенные духовнаго сана по приговорамъ духовнаго суда;	5. Безъ измѣненія.	5. Безъ измѣненія.
6) состоящіе подъ слѣдствіемъ за преступленія и проступки, влекущіе за-	6. *Лица поднадзорныя* (ст. 26 прил. II къ ст, 1) (прим. 2) уст. пред. прест.	

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
396. Сверхъ лицъ, указанныхъ въ пп. 1—12 ст. 521, присяжными повѣренными не могутъ быть:	396. Такъ же.	
1) } Безъ измѣненія. 2)	1. } Безъ измѣненія. 2.	
	6) Несостоятельные должники, признанные неосторожными.	
3) Состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ: а) лицъ, занимающихъ *почетныя или общественныя должности,* отправленіе коихъ не сопряжено съ правомъ на полученіе содержанія, и б) *профессоровъ* и преподавателей юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, обязанности коихъ состоятъ въ веденіи и защитѣ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ и которымъ поступленіе въ присяжные повѣренные *разрѣшено ихъ начальствомъ;*	3) Состоящіе на службѣ у правительства или по выборамъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности, отправленіе коихъ не сопряжено съ правомъ на полученіе содержанія.	
—	—	
4) Состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступныя дѣянія, вле-	4) Состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступныя дѣянія, влекущія	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за такіе преступленія или проступки, не оправданы судебными приговорами;	т. XIV изд. 1890 г.), состоящія подъ слѣдствіемъ *или судомъ* за преступленія и проступки, влекущіе за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и тѣ, которыя, бывъ подъ судомъ за такіе преступленія или проступки, не оправданы судебными приговорами.	
7) исключенные изъ службы по суду, или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ;	7. Безъ измѣненія.	7. Безъ измѣненія.
	8. *Состоящіе подъ опекой,* и	8. Такъ же.
8) тѣ, коимъ по суду воспрещено хожденіе по чужимъ дѣламъ, а также исключенные изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. 1864 ноябр. 20 (41475) ст. 355.	9. тѣ, коимъ по суду воспрещено хожденіе по чужимъ дѣламъ, а также исключенные изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, *помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ.*	9. Такъ же.
	Примѣчаніе I. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право отказывать въ принятіи въ сословіе лицамъ, желающимъ вступить въ оное, и отчислять уже принадлежащихъ къ его составу, если онъ при-	**Примѣчаніе 1.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
кущія за собой наказанія, сопряженныя съ лилишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, а также подвергшіеся по судебнымъ приговорамъ означеннымъ наказаніямъ, и тѣ, которые, послѣ состоявшагося присужденія ихъ къ означеннымъ наказаніямъ, были освобождены отъ нихъ за давностью, примиреніемъ или силою Всемилостивѣйшаго манифеста, или особаго Высочайшаго повелѣнія, равно какъ и лица, слѣдствія или дѣла о коихъ по означеннаго рода обвиненіямъ прекращены за силою манифеста.	за собой наказанія, сопряженныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, а также подвергшіеся по судебнымъ приговорамъ означеннымъ наказаніямъ, и тѣ, которые послѣ состоявшагося присужденія ихъ къ означеннымъ наказаніямъ, освобождены отъ нихъ за давностью, примиреніемъ или силою Всемилостивѣйшаго Манифеста, или особаго Высочайшаго повелѣнія, равно какъ и лица, слѣдствія или дѣла о коихъ по означеннаго рода обвиненіямъ прекращены за силою Манифеста.	
—	—	
—	—	
—	—	
5) Занимающіе на частной службѣ такія должности или принимающіе участіе въ такихъ видахъ торговли и промышленной дѣятельности, которыя совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ признаетъ	5) Занимающіе на частной службѣ такія должности или принимающіе участіе въ такихъ видахъ торговли или промышленной дѣятельности, которыя Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ признаетъ несовмѣстными съ	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	знаетъ занимаемыя ими на частной службѣ должности или ту торговую или промышленную дѣятельность, въ которой они принимаютъ участіе, несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.	
См. примѣчаніе къ ст. 380.	**Примѣчаніе II.** При принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ *нехристіанскихъ вѣроисповѣданій* должно быть наблюдаемо, чтобы число ихъ въ округѣ каждаго окружнаго суда не превышало *десяти процентовъ* общаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ предѣлахъ того округа (ст. 367[1]).	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.
356. Присяжные Повѣренные приписываются къ Судебнымъ Палатамъ и избираютъ мѣсто жительства въ одномъ изъ городовъ округа той Палаты, къ которой приписаны. Тамъ же, ст. 356.	356. Присяжные повѣренные приписываются къ судебнымъ палатамъ. См. ст. 382[1].	356. Такъ же. См. ст. 385.
Отдѣленіе второе. **О СОВѢТѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.** *I. Образованіе Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ.*	Отдѣленіе второе. **О СОВѢТАХЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.** *1. Образованіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.*	
357. Присяжные Повѣренные каждаго округа Судебной Палаты избираютъ изъ среды себя, порядкомъ, указаннымъ въ слѣдующихъ 358—365 статьяхъ, для надзора за всѣми состоящими въ томъ округѣ Повѣренными, особый при Судебной Палатѣ Совѣтъ, а также предсѣ-	357. Безъ измѣненія.	357. Безъ измѣненія.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.	званіемъ присяжнаго повѣреннаго.	
397. Такъ же.	397. Исключить.	
398. Такъ же. См. ст. 454.	398. Исключить. См. ст. 454.	
Глава вторая. **О СОВѢТѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.** Отдѣленіе первое. *Образованіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.* 399. Безъ измѣненія.	399. Присяжные повѣренные каждаго округа Судебной Палаты избираютъ изъ своей среды порядкомъ, указаннымъ въ слѣдующихъ 400—412 ст. ст., Совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и опредѣленнаго числа членовъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
дателя сего Совѣта и товарища предсѣдателя, который, въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя, занимаетъ его мѣсто. 1864 ноябр. 20 (41475) ст. 357.		
Примѣчаніе. Въ 1875 году, учрежденіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ тѣхъ Судебныхъ Палатъ, гдѣ оные до того времени еще не открыты, временно пріостановлено. 1874 дек. 5 (54130).	**Примѣчаніе** къ этой статьѣ отмѣняется.	**Примѣчаніе.** Отмѣняется.
358. Присяжные повѣренные округа Судебной Палаты, если ихъ не менѣе двадцати, входятъ въ Палату съ просьбою о разрѣшеніи имъ избрать Совѣтъ. Вслѣдствіе такой просьбы Палата назначаетъ одного изъ Членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ общемъ собраніи Присяжныхъ Повѣренныхъ при выборѣ Членовъ Совѣта. 1864 нояб. 20 (41475), ст. 358.	358. Совѣты открываются въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло *шестидесяти*, если при этомъ въ томъ городѣ, гдѣ находится палата, имѣютъ мѣсто жительства не менѣе *двадцати* сихъ повѣренныхъ. Въ указанныхъ случаяхъ палата назначаетъ одного изъ членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, при избраніи совѣта.	357[1]. Совѣты открываются, *по предложеніямъ министра юстиціи*, въ округахъ тѣхъ Судебныхъ Палатъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло *шестидесяти*, если при этомъ въ томъ городѣ, гдѣ находится палата, имѣютъ мѣсто жительства не менѣе *двадцати* сихъ повѣренныхъ. Въ указанныхъ случаяхъ палата назначаетъ одного изъ членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ при избраніи Совѣта.
	Примѣчаніе. Въ округѣ тифлисской судебной Палаты совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не учреждается.	
359. Назначенный Палатою Членъ созываетъ всѣхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ округа на опредѣленный день, въ мѣсто пребыванія Палаты, и, по прибытіи не менѣе половины ихъ, открываетъ	359. Назначенный палатою членъ созываетъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа на опредѣленный день, въ мѣсто пребыванія палаты, и, по прибытіи не менѣе *третьей части ихъ*, открываетъ общее ихъ со-	357[2]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
Примѣчаніе. Въ округахъ *Кіевской и Виленской* Судебныхъ Палатъ предсѣдатель и не менѣе трети членовъ Совѣта избираются изъ присяжныхъ повѣренныхъ *православнаго исповѣданія.* Постановленіе это примѣняется и при избраніи кандидатовъ къ членамъ Совѣта.		
400. Совѣты открываются въ округахъ тѣхъ Судебныхъ Палатъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло *шестидесяти,* если при этомъ въ томъ городѣ, гдѣ находится Палата, имѣютъ мѣсто жительства не менѣе *двадцати* сихъ повѣренныхъ.	400. Совѣты открываются въ округахъ тѣхъ Судебныхъ Палатъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло *сорока.* Если при открытіи новаго округа число присяжныхъ повѣренныхъ не достигло сорока, то Судебная Палата, по собственному усмотрѣнію или по ходатайству не менѣе половины числящихся въ округѣ присяжныхъ повѣренныхъ входитъ съ представленіемъ къ Министру Юстиціи о разрѣшеніи открыть Совѣтъ и при меньшемъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ.	
401. Въ указанныхъ въ предшествующей статьѣ случаяхъ *Министръ Юстиціи предлагаетъ Палатѣ* назначить одного изъ членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ Общемъ Собраніи при-	401. Въ указаныхъ въ предшествующей статьѣ случаяхъ Судебная Палата назначаетъ одного изъ своихъ членовъ для предсѣдательствованія въ Общемъ Собраніи присяжныхъ повѣренныхъ для избранія Со-	401. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. Учр. Ком. но слова: „Министръ Юстиціи предлагаетъ" исключить, а слова „Палатѣ назначить" замѣнить словами „Палата назначаетъ".

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
общее ихъ собраніе, которое и приступаетъ къ выбору предсѣдателя, товарища предсѣдателя и членовъ Совѣта, при чемъ выборы производятся на каждую должность отдѣльно. Тамъ же, ст. 359.	браніе, которое и приступаетъ къ выбору предсѣдателя, товарища предсѣдателя и членовъ совѣта, при чемъ выборы производятся на каждую должность отдѣльно.	
		Примѣчаніе 1. Кромѣ членовъ Совѣта могутъ быть избираемы въ числѣ, *не превышающемъ половины членовъ, кандидаты къ нимъ*, для замѣны послѣднихъ въ случаяхъ отсутствія, болѣзни и выбытія до срока изъ состава Совѣта, а также въ случаѣ, указанномъ въ ст. 362[2].
См. примѣчаніе къ ст. 380.	См. прим. къ ст. 364.	**Примѣчаніе 2.** Лица *нехристіанскихъ* вѣроисповѣданій не могутъ быть избираемы въ Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
сяжныхъ повѣренныхъ при избраніи Совѣта. Назначенный Палатою членъ созываетъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ на опредѣленный день въ мѣсто пребыванія палаты, по прибытіи не менѣе *третьей ихъ части* открываетъ общее ихъ собраніе, которое и приступаетъ къ выбору предсѣдателя, товарища предсѣдателя и членовъ Совѣта, при чемъ выборы производятся на каждую должность отдѣльно.	вѣта. Членъ палаты созываетъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа на опредѣленный день въ мѣсто пребыванія палаты и, по прибытіи не менѣе *четвертой ихъ части*, открываетъ Общее Собраніе, которое и производитъ выборы предсѣдателя, товарища предсѣдателя и членовъ Совѣта отдѣльно по каждой изъ трехъ упомянутыхъ должностей.	Послѣ словъ „членовъ Совѣта" вставить: „а также трехъ представителей въ Особое Присутствіе Судебной Палаты (ст. 442—47) и трехъ къ нимъ кандидатовъ".
Кромѣ сего могутъ быть избираемы кандидаты въ члены Совѣта для замѣны ихъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и выбытія до срока изъ состава Совѣта, а также въ случаѣ, указанномъ въ ст. 412.	Кромѣ сего могутъ быть избираемы кандидаты въ члены Совѣта для замѣны послѣднихъ въ случаѣ ихъ отсутствія, болѣзни, выбытія до срока изъ состава Совѣта, или въ случаѣ, указанномъ въ ст. 412. Въ случаѣ отсутствія, болѣзни или выбытія до срока предсѣдателя Совѣта его замѣняетъ его товарищъ.	
402. Засѣданія Совѣта и общаго Собранія присяжныхъ повѣренныхъ происходятъ въ зданіи Судебныхъ Установленій, гдѣ для Совѣта и его Канцеляріи отводится особое помѣщеніе.	403. Исключить.	
403. Присяжные повѣренные *нехристіанскихъ* вѣроисповѣданій не могутъ быть избираемы на должности предсѣдателя и товарища предсѣдателя Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.	402. Засѣданіе Совѣта и Общія Собранія присяжныхъ повѣренныхъ происходятъ въ зданіи Судебной Палаты, въ которомъ для Совѣта, его Канцеляріи и библіотеки отводится особое помѣщеніе.	
	Примѣчаніе. На дѣйствія Судебныхъ Палатъ и ихъ	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій,	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
360. Избраніе совершается по простому большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ, полученныхъ нѣсколькими кандидатами на одну и ту же должность, избраннымъ считается тотъ, кто прежде записанъ въ списокъ Присяжныхъ Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 360.	360. Безъ измѣненія.	358. Безъ измѣненія.
361. Число членовъ Совѣта, считая въ ономъ Предсѣдателя и Товарища Предсѣдателя, должно быть соразмѣрно числу подвѣдомыхъ Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ, не менѣе *пяти* и не болѣе *пятнадцати*, по усмотрѣнію и предварительному, передъ выборами Членовъ Совѣта, назначенію общаго собранія. Тамъ же, ст. 361.	361. Число членовъ совѣта, считая въ ономъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя, опредѣляется общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ въ предѣлахъ отъ *пяти до пятнадцати*, но оно не должно превышать *одной двѣнадцатой* части всего числа подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ.	358[1]. Такъ же.
362. По окончаніи выборовъ, предсѣдательствовавшій въ общемъ собраніи Присяжныхъ Повѣренныхъ Членъ Палаты закрываетъ оное, объявивъ объ открытіи избраннаго Совѣта. Тамъ же, ст. 362.	362. Безъ измѣненія.	358[2]. Безъ измѣненія.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	членовъ по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей по открытію Совѣтовъ жалобы приносятся въ порядкѣ, въ ст. 339 и послѣд. Учрежд. Суд. Уст. указанномъ.	
404. Безъ измѣненія.	404. Слово „записанъ" замѣнить словомъ „внесенъ".	
405. Число членовъ Совѣта, считая въ ономъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя, устанавливается общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ въ предѣлахъ отъ 5 до 15, но оно не должно превышать одной *двѣнадцатой* части всего числа подвѣдомственныхъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Число кандидатовъ въ члены Совѣта не должно превышать *половины* послѣднихъ.	405. Число членовъ Совѣта и кандидатовъ къ нимъ устанавливается Общимъ Собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ съ тѣмъ, чтобы въ составъ Совѣта, считая предсѣдателя и его товарища, входило *не менѣе 5 и не болѣе 15 лицъ* и чтобы число кандидатовъ въ члены Совѣта не превышало *половины* послѣднихъ.	
406. Безъ измѣненія.	406. Безъ измѣненія.	
	Примѣчаніе. Если Собраніе не состоится, за неприбытіемъ достаточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, то не позднѣе какъ черезъ три мѣсяца созывается но-	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
363. Списокъ Членовъ Совѣта передается Прокурору Судебной Палаты и публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Тамъ же, ст. 363.	363. *Копія журнала общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ* сообщается прокурору судебной палаты. Списокъ членовъ совѣта публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	359. Такъ же.
364. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ возобновляется ежегодно, для чего общее собраніе ихъ созывается Предсѣдателемъ Совѣта, но предсѣдательствуетъ въ ономъ лицо, избранное для сего собравшимися присяжными повѣренными изъ среды себя. Передъ выборомъ Членовъ Совѣта общему собранію читается отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта за минувшій судебный годъ. Тамъ же, ст. 364.	364. Каждый членъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ избирается на *два* года, но совѣтъ *ежегодно* возобновляется въ *половинѣ* его состава. Для производства выборовъ предсѣдатель совѣта созываетъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, но предсѣдательствуетъ въ ономъ лицо, избранное собравшимися присяжными повѣренными изъ ихъ среды. Передъ выборомъ членовъ совѣта общему собранію читается отчетъ о дѣйствіяхъ совѣта за минувшій годъ.	360. Такъ же.
См. примѣчаніе къ ст. 380.	**Примѣчаніе.** Лица *нехристіанскихъ* вѣроисповѣданій не могутъ быть избираемы въ предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.	См. выше прим. 2 ст. 357^2.

Проектъ Высочайше учрежденной комисіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	вое Собраніе, а если и въ это Собраніе не явится установленное число членовъ, то новое Собраніе созывается не иначе, какъ по письменному ходатайству, поданному въ Судебную Палату не менѣе чѣмъ одной третьею частью всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа.	
407. *Копія журнала* Общаго Собранія присяжныхъ повѣренныхъ сообщается *прокурору* Судебной Палаты. Списокъ членовъ совѣта представляется *старшему предсѣдателю Судебной Палаты* и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	407. *Списокъ членовъ* Совѣта представляется *старшему предсѣдателю* Судебной Палаты и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	407. Списокъ членовъ Совѣта представляется *старшему предсѣдателю и прокурору* Судебной Палаты и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.
408. Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, члены совѣта и кандидаты въ послѣдніе избираются на *два* года, но въ *половинѣ* своего состава совѣтъ возобновляется ежегодно. Для производства выборовъ предсѣдатель совѣта созываетъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, въ коемъ предсѣдательствуетъ лицо, избранное собравшимися присяжными повѣренными изъ ихъ среды. *За двѣ недѣли* до выборовъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщается отчетъ о дѣйствіяхъ совѣта за минувшій годъ.	408. Совѣтъ возобновляется *ежегодно*. Для производства выборовъ предсѣдатель Совѣта созываетъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Общее Собраніе, которое избираетъ изъ своей среды предсѣдателя собранія, а затѣмъ производитъ выборы въ порядкѣ, указанномъ въ ст. ст. 401 и 404. *За двѣ недѣли до выборовъ* присяжнымъ повѣреннымъ сообщается отчетъ о дѣятельности Совѣта за минувшій годъ.	408. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. Учр. Ком., но послѣ словъ: „кандидаты въ послѣдніе" вставить „а также представители въ Особое Присутствіе Судебной Палаты и кандидаты къ нимъ".
См. выше ст. 403.	См. выше ст. 403.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
—	364[1]. Присяжные повѣренные обязаны являться въ общія ихъ собранія и, въ случаѣ невозможности исполнить эту обязанность, — извѣщать предсѣдателя совѣта о причинахъ неявки.	361. Такъ же.
365. Если для возобновленія Совѣта прибудетъ въ общее собраніе менѣе половины подвѣдомственныхъ сему Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ, то собраніе считается несостоявшимся, и Предсѣдатель Совѣта извѣщаетъ повѣстками всѣхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, что, въ случаѣ неприбытія ихъ къ назначенному имъ для выборовъ новому сроку, Совѣтъ Присяжныхъ останется въ прежнемъ составѣ. Когда же и къ сему новому сроку не прибудетъ по крайней мѣрѣ половина Присяжныхъ Повѣренныхъ, то о семъ составляется протоколъ, новые выборы не производятся, и какъ Предсѣдатель Совѣта и его Товарищъ, такъ и всѣ члены сохраняютъ свое званіе до слѣдующихъ выборовъ, о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Тамъ же, ст. 365.	365. Если для возобновленія совѣта прибудетъ въ общее собраніе менѣе *одной трети* подвѣдомственныхъ сему совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, то собраніе считается несостоявшимся, и предсѣдатель совѣта извѣщаетъ повѣстками всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ случаѣ неприбытія ихъ къ назначенному имъ для выборовъ новому сроку, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ останется въ прежнемъ составѣ. Когда же и къ сему новому сроку не прибудетъ по крайней мѣрѣ *одна треть* присяжныхъ повѣренныхъ, то о семъ составляется протоколъ, новые выборы не производятся, и какъ предсѣдатель совѣта и его товарищъ, такъ и всѣ члены сохраняютъ свое званіе до слѣдующихъ выборовъ, о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	362. Такъ же.
	365[1]. На неправильное производство выборовъ въ совѣтъ присяжнымъ повѣреннымъ, *подвѣдомственнымъ* сему совѣту, и *прокурору* судебной палаты предоста-	362[1]. На неправильное производство выборовъ въ Совѣтъ предоставляется *участвовавшимъ въ Собраніи* присяжныхъ повѣренныхъ приносить жало-

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
409. Такъ же.	409. Явка въ Общія Собранія, назначенныя для избранія Совѣта, обязательна для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа. Присяжные повѣренные, живущіе въ томъ городѣ, въ которомъ находится судебная палата, въ случаѣ невозможности прибыть въ Собраніе, должны извѣщать совѣтъ о причинахъ своей неявки.	
410. Если для возобновленія Совѣта прибудетъ въ общее собраніе менѣе *одной трети* подвѣдомственныхъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, то Собраніе считается не состоявшимся, и предсѣдатель Совѣта извѣщаетъ повѣстками всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ случаѣ неприбытія ихъ къ назначенному имъ для выборовъ новому сроку Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ остается въ прежнемъ составѣ. Когда же и къ сему новому сроку не прибудетъ по крайней мѣрѣ *половины* присяжныхъ повѣренныхъ, то о семъ составляется протоколъ, новые выборы не производятся и какъ предсѣдатель Совѣта и его товарищъ, такъ и всѣ члены, а равно и кандидаты послѣднихъ, сохраняютъ свои званія до слѣдующихъ выборовъ, о чемъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	410. Если въ Общее Собраніе, созванное для избранія Совѣта, прибудетъ менѣе *одной четвертой* части подвѣдомственныхъ сему Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, то собраніе считается несостоявшимся; предсѣдатель Совѣта назначаетъ новый срокъ для выборовъ, о которомъ извѣщаетъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, съ предвареніемъ, что—въ случаѣ вторичнаго неприбытія ихъ въ собраніе въ достаточномъ числѣ, Совѣтъ останется въ прежнемъ составѣ. Если въ это вторичное Собраніе не прибудетъ по крайней мѣрѣ *одной четверти* всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, то о семъ составляется протоколъ; новые выборы не производятся, а предсѣдатель Совѣта, его товарищъ и всѣ члены и кандидаты къ нимъ сохраняютъ свои званія еще на одинъ годъ, о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	
411. На неправильное производство выборовъ въ Совѣтъ предоставляется *участвовавшимъ* въ Собраніи присяжныхъ повѣренныхъ приносить жа-	411. На неправильное производство выборовъ въ Совѣтъ предоставляется *присяжнымъ повѣреннымъ* приносить въ трехдневный со дня окончанія выборовъ	411. На неправильное производство выборовъ въ Совѣтъ предоставляется *участвовавшимъ* въ Собраніи присяжнымъ повѣреннымъ приносить жало-

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	вляется приносить жалобы и протесты въ *особое* присутствіе судебной палаты (ст. 376[1]). Жалобы приносятся въ трехдневный срокъ по окончаніи выбора, а протесты въ тотъ же срокъ по полученіи прокурорскимъ надзоромъ копіи журнала общаго собранія. Постановленія палаты по такимъ дѣламъ почитаются окончательными.	бы, а *прокурору* Судебной Палаты протесты въ *Особое* присутствіе Палаты (ст. 381). Жалобы приносятся въ трехдневный срокъ по окончаніи выборовъ, а протесты въ тотъ же срокъ со дня полученія прокуроромъ копіи журнала Общаго Собранія. Постановленія Палаты почитаются окончательными.
	365[2]. Въ случаѣ признанія особымъ присутствіемъ судебной палаты неправильнымъ *избранія кого-либо изъ членовъ совѣта*, не позднѣе мѣсяца со дня объявленія о семъ совѣту должно быть вновь созвано общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для производства выборовъ недостающаго въ совѣтѣ числа членовъ.	362[2]. Въ случаѣ признанія Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты неправильности *всего производства* выборовъ, или недѣйствительности избранія *болѣе половины* выбранныхъ Общимъ Собраніемъ членовъ Совѣта, не позднѣе мѣсяца со дня объявленія о семъ Совѣту должно быть вновь созвано Общее Собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для производства новыхъ выборовъ. То же правило соблюдается и при отмѣнѣ выбора меньшей части членовъ, если они не могутъ быть замѣнены кандидатами (прим. I къ ст. 357[2]).
366. Если въ какомъ-либо городѣ, въ которомъ нѣтъ Судебной Палаты, имѣютъ мѣсто жительства болѣе *десяти* Присяжныхъ Повѣренныхъ, то они могутъ, съ разрѣшенія состоящаго при мѣстной судебной Палатѣ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, избрать изъ среды себя отдѣленіе Совѣта при Окружномъ Судѣ, въ такомъ составѣ и съ тѣми изъ принадлежащихъ Совѣту пра-	366. Если въ какомъ-либо городѣ, въ которомъ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ мѣсто жительства *не менѣе десяти* присяжныхъ повѣренныхъ, то состоящій при мѣстной судебной палатѣ совѣтъ разрѣшаетъ имъ, по ихъ ходатайству, избрать изъ среды своей отдѣленіе совѣта при окружномъ судѣ того города, въ составѣ предсѣдателя и отъ *трехъ* до *пяти* членовъ, сообразно числу живущихъ въ округѣ	363. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
лобы, а *Прокурору* Судебной Палаты протесты въ *дисциплинарное* Присутствіе палаты (ст. 442). Жалобы приносятся въ трехдневный срокъ по окончаніи выборовъ, а протесты въ тотъ же срокъ со дня полученія прокуроромъ копіи журнала общаго собранія. Постановленія палаты по сему предмету обжалованію не подлежатъ.	срокъ жалобы въ *судебную палату*. Постановленія судебной палаты по сему предмету обжалованію не подлежатъ.	бы въ *дисциплинарное* Присутствіе Палаты (ст. 442). Жалобы приносятся въ трехдневный срокъ по окончаніи выборовъ. Постановленія Палаты по сему предмету обжалованію не подлежатъ.
412. Въ случаѣ признанія дисциплинарнымъ присутствіемъ Судебной Палаты неправильности *всего производства* выборовъ, или *недѣйствительности избранія такого количества* членовъ Совѣта, которое *не можетъ быть замѣнено кандидатами* ихъ, не позднѣе мѣсяца со дня сообщенія Совѣту постановленія палаты должно быть вновь созвано Общее Собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для новыхъ выборовъ.	412. Въ случаѣ отмѣны Судебною Палатою *всего производства выборовъ* или признанія ею неправильными выборовъ предсѣдателя, его товарища или такого числа членовъ Совѣта, *замѣна которого ихъ кандидатами невозможна,* предсѣдатель Совѣта созываетъ не позднѣе мѣсяца со дня сообщенія Совѣта постановленія Палаты новое Общее Собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для выбора на должности, которыя оказались не замѣщенными.	412. Въ случаѣ признанія дисциплинарнымъ присутствіемъ Судебной Палаты неправильности *всего производства* выборовъ, или *недѣйствительности избранія такого количества* членовъ Совѣта, которое *не можетъ быть замѣнено кандидатами* ихъ, не позднѣе мѣсяца со дня сообщенія Совѣту постановленія Палаты должно быть вновь созвано Общее Собраніе присяжныхъ повѣренныхъ для новыхъ выборовъ.
413. Если въ какомъ-либо городѣ, въ которомъ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ мѣстожительство *не менѣе десяти* присяжныхъ повѣренныхъ, то состоящій при мѣстной судебной палатѣ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ разрѣшить имъ, по ихъ ходатайству, избрать изъ среды себя отдѣленіе Совѣта въ числѣ отъ 3 до 5 членовъ, которые избираютъ предсѣда-	413. Если въ какомъ-либо изъ городовъ округа судебной палаты, при которой состоитъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ того города, въ которомъ находится палата, имѣютъ мѣсто жительства *не менѣе 10* присяжныхъ повѣренныхъ, то Совѣтъ можетъ по ихъ ходатайству, или по собственному почину, предложить имъ избрать изъ своей среды отдѣленіе Совѣта въ числѣ отъ 3 до 5 членовъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
вами, которыя будутъ имъ самимъ опредѣлены. Объ учрежденіи такого отдѣленія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и о правахъ, ему Совѣтомъ предоставленныхъ, должно быть доводимо до свѣдѣнія судебной Палаты. Тамъ же, ст. 366.	суда присяжныхъ повѣренныхъ.	
Примѣчаніе. Въ 1889 году Высочайше повелѣно: во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, временно пріостановить дальнѣйшее открытіе отдѣленій сихъ Совѣтовъ. 1889, окт. 11 (6290) Выс. пов.		
	366¹. Отдѣленіе Совѣта въ полномъ своемъ составѣ возобновляется *ежегодно* изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ округѣ того суда, при которомъ открыто отдѣленіе, по правиламъ, установленнымъ для возобновленія Совѣтовъ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ отъ оныхъ, что жалобы на неправильность выбора членовъ отдѣленія разрѣшаются мѣстнымъ Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.	363¹. Такъ же.
II. Права и обязанности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.		*II. О правахъ и обязанностяхъ Совѣтовъ и о дисциплинарномъ производствѣ надъ присяжными повѣренными.*
367. Къ обязанностямъ и правамъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ: 1) разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу присяж-	367. Къ предметамъ вѣдомства Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ относятся: 1) принятіе лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и 2) надзоръ за присяжными	364. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
теля отдѣленія изъ своего состава. Объ учрежденіи такого отдѣленія Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія Судебной Палаты.	Члены отдѣленія избираютъ изъ своего состава предсѣдателя. Объ учрежденіи отдѣленія Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія Судебной Палаты.	
414. Отдѣленіе Совѣта въ полномъ своемъ составѣ возобновляется каждые *два года* изъ среды мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Жалоба на неправильное производство выборовъ въ отдѣленіе приносятся въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.	414. Отдѣленіе Совѣта возобновляется *ежегодно*. Жалобы на неправильное производство выборовъ въ отдѣленіе приносятся въ Совѣтъ, постановленія котораго окончательны и дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.	
	Отдѣленіе второе. *Права и обязанности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.*	
415. Къ предметамъ вѣдомства Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ относится: принятіе лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, надзоръ за при-	415. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
ныхъ Повѣренныхъ, или выйти изъ этого званія, и сообщеніе Судебной Палатѣ о припискѣ ихъ, или отказъ имъ въ этомъ;	повѣренными и управленіе ихъ общественными дѣлами.	
2) разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія Присяжныхъ Повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользою ихъ довѣрителей;	См. ст. 367[7] пп. 1 и 2.	
3) выдача Присяжнымъ Повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались осужденію Совѣта;	" " п. 6.	
4) назначеніе повѣренныхъ по очереди, для безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности;	" " " 7.	
5) назначеніе по очереди повѣренныхъ, для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ таковыхъ (ст. 392);	" " " 8.	
6) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному по таксѣ, въ случаѣ несогласія по сему предмету между нимъ и тяжущимся и когда не заключено между ними письменнаго условія;	" " " 9.	
7) распредѣленіе между Присяжными Повѣренными процентнаго сбора, установленнаго 398 статьею сего Учрежденія;	" " " 11.	
8) опредѣленіе взысканій съ сихъ Повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію Совѣта, такъ и по жалобамъ, поступающимъ въ Совѣтъ. 1864, ноября 20 (41475), ст. 367.	" " пп. 3 и 5.	

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
сяжными повѣренными и управленіе ихъ общественными дѣлами.		
Примѣчаніе. Права и обязанности Совѣта относительно помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ изложены въ ст. ст. 479—497 сего учрежденія.		

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
379. Желающій поступить въ число Присяжныхъ Повѣренныхъ долженъ подать о томъ прошеніе въ Совѣтъ сихъ повѣренныхъ, объяснивъ въ прошеніи: въ какомъ именно городѣ избираетъ онъ себѣ мѣсто жительства, а также, что для поступленія его въ званіе присяжнаго повѣреннаго нѣтъ ни одного изъ тѣхъ препятствій, которыя означены въ 355 статьѣ сего Учрежденія, съ тѣмъ, что ежели впослѣдствіи откроется противное, то онъ подлежитъ не только исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но и преданію суду. Къ прошенію прилагаются всѣ документы, необходимые для удостовѣренія въ томъ, что проситель удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ для поступленія въ присяжные повѣренные. 1864, ноября 20 (41475), ст. 379.	367[1]. Желающій поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ долженъ подать о томъ прошеніе въ Совѣтъ сихъ повѣренныхъ, объяснивъ въ прошеніи: *гдѣ* именно избираетъ онъ себѣ мѣсто жительства, а также, что для поступленія его въ званіе присяжнаго повѣреннаго нѣтъ ни одного изъ тѣхъ препятствій, которыя означены въ 355 ст. сего учрежденія, съ тѣмъ, что ежели впослѣдствіи откроется противное, то онъ подлежитъ не только исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но и *отвѣтственности по ст. 943 уложенія о наказаніяхъ.* Къ прошенію прилагаются всѣ документы, необходимые для удостовѣренія въ томъ, что проситель удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ для поступленія въ присяжные повѣренные.	365. Такъ же.
	367[2]. О прошеніи лица, желающаго поступить въ присяжные повѣренные, Совѣтъ извѣщаетъ прокурора судебной палаты, отъ котораго зависитъ сообщать Совѣту имѣющіяся у него о просителѣ свѣдѣнія, могущія служить препятствіемъ для принятія послѣдняго въ число присяжныхъ повѣренныхъ.	365[1]. Такъ же.
380. Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, разсмотрѣвъ документы, означенные въ предшедшей 379 статьѣ, и принявъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія,	367[3]. Безъ измѣненія.	366. Безъ измѣненія.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи,	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
416. Такъ же.	416. Лицо, желающее поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, подаетъ о томъ прошеніе въ Совѣтъ съ представленіемъ документовъ, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ, что онъ удовлетворяетъ условіямъ, установленнымъ въ ст. 395 сего учрежденія. Въ прошеніи должно быть указано: гдѣ именно въ предѣлахъ даннаго округа проситель избираетъ себѣ мѣсто жительства, и должно быть заявлено, что для полученія имъ званія присяжнаго повѣреннаго нѣтъ ни одного изъ препятствій, указанныхъ пп. 1, 2, 3, 4 и 6 ст. 396 сего учрежденія. Если бы впослѣдствіи открылось, что заявленіе это ложно, то виновный подлежитъ не только исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но и привлеченію къ отвѣтственности по ст. 943 ул. о нак.	
417. О прошеніи лица, желающаго поступить въ присяжные повѣренные, Совѣтъ *немедленно* извѣщаетъ прокурора Судебной Палаты, отъ котораго зависитъ въ установленный ст. 418 мѣсячный срокъ сообщить Совѣту имѣющіяся о просителѣ свѣдѣнія, могущія служить препятствіемъ для принятія послѣдняго въ число присяжныхъ повѣренныхъ.	417. Исключить.	
418. По истеченіи *мѣсячнаго* срока со дня подачи просителемъ указаннаго въ ст. 416 прошенія Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, разсмотрѣвъ	418. По истеченіи *мѣсячнаго* срока со дня подачи просителемъ указаннаго въ ст. 416 прошенія Совѣтъ, разсмотрѣвъ документы, представленные просителемъ,	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
которыя признаетъ нужными, постановляетъ или о принятіи просителя въ число Присяжныхъ Повѣренныхъ, о чемъ выдается ему надлежащее свидѣтельство, или же объ отказѣ въ принятіи. Тамъ же, ст. 380.		
Примѣчаніе. Въ 1889 году Высочайше повелѣно, чтобы принятіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій подлежащими судебными установленіями (378 и 406^2) и Совѣтами Присяжныхъ повѣренныхъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Юстиціи, по представленіямъ о семъ Предсѣдателей означенныхъ установленій и Совѣтовъ. 1889, ноября 8 (6331), Выс. пов.		
	367^4. Лицо, коему постановленіемъ Совѣта было отказано въ принятіи его въ присяжные повѣренные, не лишается тѣмъ права возобновить ходатайство объ этомъ.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
381. По представленіи принятымъ въ Присяжные Повѣренные означеннаго въ предшедшей 380 статьѣ свидѣтельства въ то судебное мѣсто, при коемъ состоитъ Совѣтъ или отдѣ-	367^5. По представленіи принятымъ въ присяжные повѣренные означеннаго въ 367^3 статьѣ свидѣтельства въ *Судебную Палату*, послѣдняя дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ при-	367. По представленіи просителемъ означеннаго въ 366 статьѣ свидѣтельства въ Судебную Палату, послѣдняя дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ по прила-

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
документы, означенные въ этой статьѣ, и, принявъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными, постановляетъ или о принятіи просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ, о чемъ выдается ему надлежащее свидѣтельство, не ранѣе, однако, окончанія срока на принесеніе прокуроромъ протеста на постановленіе Совѣта по этому предмету (ст. 440), или объ отказѣ въ принятіи.	удостовѣрившись въ случаѣ, если признаетъ это необходимымъ, *въ достаточной практической подготовленности просителя* къ веденію судебныхъ дѣлъ и, принявъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными, постановляетъ опредѣленіе: или о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ, о чемъ выдается ему надлежащее свидѣтельство, или объ отказѣ въ принятіи.	
—	—	
419. По представленіи принятымъ въ присяжные повѣренные указаннаго въ предшедшей 418 ст. свидѣтельства, Судебная Палата дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ	419. По представленіи принятымъ въ присяжные повѣренные указаннаго въ предшедшей 418 ст. свидѣтельства, Судебная Палата дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ по при-	419. Дополнить статью проекта ВЫС. Учр. Ком. словами: „присяжный повѣренный, живущій не въ мѣстѣ нахожденія Судебной Палаты, можетъ

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
леніе Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, мѣсто сіе дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ, по прилагаемой у сего формѣ (прил. IV). Каждый присягаетъ по правиламъ своего вѣроисповѣданія. 1864, ноября 20 (41475), ст. 381.	сягѣ по прилагаемой при семъ формѣ (прил. III). Каждый присягаетъ по правиламъ своего вѣроисповѣданія.	гаемой при семъ формѣ (прил. IV), но *не ранѣе истеченія срока на опротестованіе прокурорскимъ надзоромъ постановленія о принятіи просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ*. Каждый присягаетъ по правиламъ своего вѣроисповѣданія.
382. По приводѣ къ присягѣ, принятый въ число Присяжныхъ Повѣренныхъ вносится въ списокъ сихъ Повѣренныхъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ ему Совѣтомъ, и о принятіи его въ Присяжные Повѣренные публикуется отъ судебнаго мѣста во всеобщее свѣдѣніе. Тамъ же, ст. 382.	367[6]. По приводѣ къ присягѣ, принятый въ число присяжныхъ повѣренныхъ вносится въ списокъ сихъ повѣренныхъ, о чемъ на свидѣтельствѣ, выданномъ ему Совѣтомъ, дѣлается надлежащая надпись, съ обозначеніемъ избраннаго имъ *мѣста жительства*, и о принятіи его въ присяжные повѣренные публикуется отъ Судебной Палаты во всеобщее свѣдѣніе.	368. Такъ же.
	367[7]. По надзору за присяжными повѣренными и управленію ихъ общественными дѣлами къ правамъ и обязанностямъ Совѣта принадлежатъ:	369. Такъ же.
См. ст. 367, п. 2.	1) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей	1. Такъ же.
	2) разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ;	2. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
присягѣ по прилагаемой при семъ формѣ. Присяга приносится каждымъ по правиламъ его вѣроисповѣданія въ общемъ собраніи судебнаго мѣста.	лагаемой при семъ формѣ. Присяга приносится каждымъ по правиламъ его вѣроисповѣданія въ Общемъ Собраніи Судебной Палаты, или, по порученію послѣдней, въ Общемъ Собраніи того Окружнаго Суда, въ округѣ котораго принятый въ присяжные повѣренные имѣетъ жительство.	принять присягу при мѣстномъ Окружномъ Судѣ".
420. По приводѣ къ присягѣ принятый въ число присяжныхъ повѣренныхъ вносится въ списокъ сихъ повѣренныхъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ ему Совѣтомъ, и о принятіи его въ присяжные повѣренные публикуется отъ Судебной Палаты во всеобщее свѣдѣніе.	420. Такъ же.	
421. Такъ же.	421. Такъ же.	
1) Такъ же.	1) Такъ же.	
2) Разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ и сообщеній правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ относительно дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ и опредѣленіе взысканій съ сихъ повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію Совѣта, такъ и по означен-	2) Разсмотрѣніе заявленій и жалобъ частныхъ лицъ и сообщеній правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ относительно дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ, привлеченіе послѣднихъ къ дисциплинарной отвѣтственности, какъ вслѣдствіе означенныхъ заявленій, жалобъ и	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
П. 8.	3) Возбужденіе противъ присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарныхъ производствъ, какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по жалобамъ частныхъ лицъ, а равно и по сообщеніямъ правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ;	3. Такъ же.
	4) отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ (п. п. 3—9 ст. 355, прим. I къ ст. 355, ст. 382[2]), и устраненіе сихъ повѣренныхъ отъ исполненія обязанностей ихъ званія; въ случаѣ болѣзненнаго разстройства, лишающаго ихъ способности правильно исполнять эти обязанности, — впредь до выздоровленія, и въ случаѣ состоянія подъ слѣдствіемъ или преданія суду по дѣламъ, позорящимъ званіе присяжнаго повѣреннаго, — впредь до окончанія дѣла въ судѣ;	4. Отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ, въ случаяхъ указанныхъ закономъ (пп. 3 — 9 ст. 355, прим. I къ ней и ст. 386), и устраненіе сихъ повѣренныхъ отъ исполненія обязанностей ихъ званія; въ случаѣ болѣзненнаго разстройства, лишающаго ихъ способности правильно исполнять эти обязанности,—впредь до выздоровленія; въ случаѣ неуплаты или штрафа впредь до внесенія слѣдуемой суммы (прим. I къ ст. 371), и въ случаѣ состоянія подъ слѣдствіемъ или преданія суду за преступленія или проступки, хотя и не влекущіе послѣдствій, указанныхъ въ п. 6 ст. 355, но тѣмъ не менѣе несовмѣстные съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго впредь до окончанія дѣла въ судѣ.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
нымъ жалобамъ и сообщеніямъ.	сообщеній, такъ и по основаніямъ, усмотрѣннымъ самимъ Совѣтомъ, и наложеніе взысканій на виновныхъ присяжныхъ повѣренныхъ.	
3) Отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ (пп. 3, 4 и 5 ст. 396 и пп. 3—5 и 7—12 ст. 521 и ст. 455), и устраненіе отъ обязанностей ихъ званія; въ случаѣ болѣзненнаго разстройства, лишающаго ихъ способности правильно исполнять эти обязанности — впредь до выздоровленія и въ случаѣ состоянія подъ слѣдствіемъ, или преданія суду за преступныя дѣянія, хотя и не влекущія послѣдствій, указанныхъ въ п. 4 ст. 396, но тѣмъ не менѣе, несовмѣстныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго — впредь до окончанія дѣла въ судѣ.	3) Отчисленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ случаѣ наступленія одного изъ условій, препятствующихъ по закону быть присяжными повѣренными (пп. 3 и 5 ст. 396 и пп. 3—5, 7—9, 11 и 12 ст. 521) или безвѣстнаго отсутствія (ст. 455), устраненіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ исполненія обязанностей въ случаѣ болѣзненнаго разстройства, лишающаго ихъ способности правильно исполнять эти обязанности — впредь до выздоровленія, и отчисленіе или устраненіе, по усмотрѣнію Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ случаѣ привлеченія ихъ къ слѣдствію и суду за преступленіе и проступки, влекущіе послѣдствія, указанныя въ п. 4 ст. 396 и п. 10 ст. 521, или хотя не влекущіе такихъ послѣдствій, но не совмѣстимые съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго.	
	Примѣчаніе. Отчисленный присяжный повѣренный утрачиваетъ это званіе и для пріобрѣтенія его вновь долженъ подвергнуться всѣмъ	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
П. 8.	5) опредѣленіе взысканій по дисциплинарнымъ производствамъ о присяжныхъ повѣренныхъ;	5. Такъ же.
П. 3.	6) выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались осужденію Совѣта, или судебныхъ установленій;	6. Такъ же.
П. 4.	7) назначеніе повѣренныхъ по очереди, для безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности;	7. Такъ же.
П. 5.	8) назначеніе, по очереди, повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ таковыхъ (ст. 392);	8. Такъ же.
П. 6.	9) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному по таксѣ, въ случаѣ несогласія по сему предмету между нимъ и тяжущимся и когда не заключено между ними письменнаго условія.	9. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ прясяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	установленнымъ въ законѣ требованіямъ для поступленія въ присяжные повѣренные.	
—	—	
4) Такъ же.	4. Такъ же.	
	Примѣчаніе. Къ выдачѣ указанныхъ въ семъ пунктѣ свидѣтельствъ не служатъ препятствіемъ взысканія, означенныя въ пп. 1 и 2 ст. 423.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
5) Такъ же.	5) Назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ по очереди для веденія дѣлъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, а равно обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи повѣреннаго на основаніи ст. 478.	
6) Такъ же.	Соединенъ съ предшествующимъ пунктомъ.	
7) Опредѣленіе по заявленіямъ довѣрителей количества вознагражденія присяжнымъ повѣреннымъ при несогласіи ихъ по сему предмету.	7) Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
—	10) принятіе мѣръ къ охранѣ дѣлъ умершихъ или признанныхъ умалишенными, а также тяжко заболѣвшихъ, безвѣстно отсутствующихъ и подвергшихся личному задержанію присяжныхъ повѣренныхъ;	10. Такъ же.
П. 7.	11) распоряженіе и пользованіе общественными имуществами и капиталами присяжныхъ повѣренныхъ, согласно ихъ назначенію, а равно и расходованіе суммъ, составляющихся изъ особыхъ сборовъ съ присяжныхъ повѣренныхъ по опредѣленіямъ ихъ общихъ собраній (ст. 398);	11. Завѣдываніе принадлежащими сословію присяжныхъ повѣренныхъ имуществомъ и капиталами, а равно суммами, образующимися изъ особыхъ сборовъ съ присяжныхъ повѣренныхъ по опредѣленіямъ ихъ Общихъ Собраній (ст. 401).
—	12) выдача свидѣтельствъ на жительство въ округѣ мѣстной судебной палаты и для временныхъ отлучекъ за его предѣлы присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ.	12. Такъ же.
—	367[8]. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ печать установленнаго для судебныхъ мѣстъ образца съ надписью вокругъ „совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ такого-то округа“.	**Примѣчаніе.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
8) Такъ же.	8) Принятіе мѣръ къ охранѣ дѣлъ умершихъ, тяжко заболѣвшихъ, безвѣстно отсутствующихъ или подвергшихся личному задержанію присяжныхъ повѣренныхъ.	
9) Такъ же.	9. Завѣдываніе принадлежащими сословію присяжныхъ повѣренныхъ или переданными въ его распоряженіе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и капиталами, а равно и суммами сословныхъ сборовъ (Ст. 473).	9. Завѣдываніе принадлежащими сословію присяжныхъ повѣренныхъ имуществомъ и капиталами, а равно суммами, образующимися изъ особыхъ сборовъ съ присяжныхъ повѣренныхъ *и ихъ помощниковъ.*
—	—	
422. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ, указанныхъ въ п. 4 предшедшей 421 статьи, равно принятіе мѣръ, означенныхъ въ пп. 5, 6 и 8 той же статьи, можетъ послѣдовать по непосредственному распоряженію предсѣдателя Совѣта.	422. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, дѣйствія и мѣры, означенныя въ п. п. 4, 5 и 8 ст. 421, могутъ воспослѣдовать по единоличному распоряженію предсѣдателя Совѣта.	
446. Такъ же.	446. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ печать, установленнаго для судебныхъ мѣстъ образца, съ надписью вокругъ: „Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ такого-то округа". Такую же печать, съ надписью: „Такое-то отдѣленіе Совѣта при-	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	367[9]. Въ случаѣ неправильныхъ или предосудительныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго дисциплинарное производство о немъ можетъ быть возбуждено, кромѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, также прокуроромъ судебной палаты, по предписанію министра юстиціи, и старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты.	370. Такъ же.
368. Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ имѣетъ право своею властію подвергать ихъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей:	368. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властью подвергать сихъ повѣренныхъ за нарушеніе обязанностей ихъ званія:	371. Такъ же.
1) предостереженіямъ; 2) выговорамъ;	1) предостереженіямъ; 2) выговорамъ; 3) выговорамъ съ присоединеніемъ штрафа въ размѣрѣ отъ 25 до 300 рублей;	1. 2. Такъ же. 3.
3) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго Совѣтомъ срока, впрочемъ не долѣе *одного года;*	4) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго Совѣтомъ срока, впрочемъ не менѣе *одного мѣсяца* и не долѣе *одного года,*	4. Запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго на время отъ *трехъ мѣсяцевъ до одного года,*
4) исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, и	и 5) исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.	и 5. Такъ же.
5) преданію уголовному суду въ случаяхъ особенно важныхъ. Тамъ же, ст. 368.		

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	сяжныхъ повѣренныхъ такого-то округа“, имѣетъ и отдѣленіе Совѣта.	
423. Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ имѣетъ право своею властью подвергать сихъ повѣренныхъ, какъ за нарушеніе обязанностей ихъ званія, *такъ и за предосудительныя дѣйствія, умаляющія необходимыя для повѣреннаго довѣріе и уваженіе.*	423. Такъ же.	
1) Предостереженіямъ. 2) Выговорамъ.		
3) Запрещенію исправлять обязанности повѣреннаго на время отъ *одного мѣсяца до одного года,*		
и 4) Исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.		

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
Примѣчаніе. Исключенные изъ числа Присяжныхъ Повѣренныхъ лишаются права поступать въ это званіе во всемъ государствѣ. Тамъ же, прим.	См. п. 9 ст. 355.	См. п. 9 ст. 355.
—	**Примѣчаніе 1.** Если приговоренный къ штрафу присяжный повѣренный не уплатитъ слѣдуемой суммы въ теченіе мѣсяца послѣ объявленія ему постановленія, Совѣтъ *можетъ лишить* его права отправлять обязанности повѣреннаго впредь до уплаты штрафа.	**Примѣчаніе 1.** Присяжный повѣренный въ случаѣ неуплаты присужденнаго съ него штрафа (п. 3) въ теченіе мѣсяца по вступленіи въ силу постановленія о такомъ взысканіи, *лишается права* отправлять обязанности повѣреннаго впредь до внесенія слѣдуемой суммы.
—	**Примѣчаніе 2.** Штрафныя деньги, взысканныя съ присяжныхъ повѣренныхъ, поступаютъ въ доходъ тѣхъ учрежденій, на средства которыхъ содержатся въ предѣлахъ округа Судебной Палаты исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ.	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.
—	—	—
—	—	371[1]. Въ случаѣ нарушенія присяжнымъ повѣреннымъ правилъ благопристойности, сопряженнаго съ проявленіемъ явнаго неуваженія къ суду, закону или установленнымъ властямъ, во время судебнаго засѣданія, присутствія Окружнаго Суда

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
—	См. прим. ст. 421.	
—		
—	—	
424. Вступившее въ законную силу постановленіе о запрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго должно быть приведено въ исполненіе немедленно, но по уважительнымъ причинамъ оно можетъ быть отсрочено Совѣтомъ, не далѣе, однако, какъ на одинъ мѣсяцъ.	424. Вступившее въ законную силу постановленіе о запрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго должно быть приведено въ исполненіе немедленно, но по уважительнымъ причинамъ приведеніе въ исполненіе сего постановленія можетъ быть отсрочено Совѣтомъ не далѣе, однако, какъ на шесть мѣсяцевъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
		или Судебной Палаты, въ засѣданіи коихъ такія нарушенія были допущены, могутъ постановлять о наложеніи на виновнаго дисциплинарныхъ взысканій, указанныхъ въ пунктахъ 1—3 статьи 371. Если же означенныя присутствія признають проступокъ присяжнаго повѣреннаго заслуживающимъ болѣе строгаго взысканія, то сообщають о семъ на разсмотрѣніе Особаго Присутствія судебной палаты (ст. 381). Особому Присутствію судебной палаты, равно какъ кассаціоннымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, въ указанныхъ въ сей статьѣ случаяхъ, предоставляется подвергать присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, указаннымъ въ пунктахъ 1—5 статьи 371. Постановленія судебныхъ мѣстъ по дѣламъ сего рода почитаются окончательными и обжалованію не подлежатъ, за исключеніемъ опредѣленій Особаго Присутствія судебной палаты, на которыя могутъ быть приносимы кассаціонныя жалобы въ указанныхъ въ статьѣ 382 случаяхъ.
См. 368 п. 5.	368[1]. Въ случаѣ обнаруженія при дисциплинарномъ производствѣ о присяжномъ повѣренномъ какихъ-либо обстоятельствъ, влекущихъ за собою преданіе уголовному суду, Совѣтъ обязанъ сообщить о нихъ прокурорскому надзору.	372. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной коммиссіи.	Редакція коммиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція коммиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
425. Такъ же.	425. Исключена.	
426. Судебныя установленія увѣдомляютъ Совѣтъ о привлеченіи при-	426. О привлеченіи присяжнаго повѣреннаго къ слѣдствію и суду должност-	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
——	**Примѣчаніе.** Преданіе присяжнаго повѣреннаго уголовному суду или состояніе его подъ слѣдствіемъ за какое-либо дѣяніе не препятствуетъ возбужденію противъ него дисциплинарнаго производства за то же дѣяніе.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
369. Присяжный Повѣренный, подвергшійся *два* раза запрещенію отправлять временно обязанности Повѣреннаго, въ случаѣ новой вины, которую Совѣтъ признаетъ заслуживающею такого же взысканія, исключается Совѣтомъ изъ числа Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 369.	369. Присяжный повѣренный, подвергшійся два раза запрещенію отправлять временно обязанности повѣреннаго, въ случаѣ новой вины, которую Совѣтъ признаетъ заслуживающею такого же взысканія, исключается Совѣтомъ изъ числа повѣренныхъ, *если со времени приведенія въ исполненіе предшествующаго постановленія о запрещеніи прошло не болѣе десяти лѣтъ.*	373. Такъ же.
	369[1]. Добровольный выходъ изъ сословія не прекращаетъ возбужденнаго противъ присяжнаго повѣреннаго дисциплинарнаго производства и не лишаетъ Совѣта права начать противъ него новое производство.	374. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
сяжныхъ повѣренныхъ къ слѣдствію и суду и сообщаютъ Совѣтамъ копіи вступившихъ въ законную силу приговоровъ по дѣламъ сихъ повѣренныхъ.	ныя лица и судебныя установленія посылаютъ въ Совѣтъ извѣщеніе съ указаніемъ поводовъ и сущности обвиненія, а съ состоявшагося о присяжномъ повѣренномъ приговора, вступившаго въ законную силу, судебное мѣсто сообщаетъ Совѣту копію.	
427. Преданіе уголовному суду или состояніе подъ слѣдствіемъ присяжнаго повѣреннаго за какое-либо дѣяніе не препятствуетъ *наложенію* за оное взысканія въ порядкѣ дисциплинарнаго производства.	427. Привлеченіе присяжнаго повѣреннаго къ слѣдствію, преданіе его суду и постановленіе о немъ приговора не препятствуетъ Совѣту *возбудить* по поводу того же дѣянія присяжнаго повѣреннаго дисциплинарное о немъ производство и *подвергнуть* его одному изъ установленныхъ ст. 423 взысканій.	
428. Присяжный повѣренный, подвергшійся два раза запрещенію отправлять временно обязанности повѣреннаго, въ случаѣ новой вины, которую Совѣтъ признаетъ заслуживающей такого же взысканія, исключается Совѣтомъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, если со времени приведенія въ исполненіе предшествующаго постановленія о запрещеніи не прошло пяти лѣтъ.	428. Такъ же.	
429. Такъ же.	429. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Постановленія Совѣта по такимъ производствамъ влекутъ за собою, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, послѣдствія, указанныя въ пунктѣ 9 статьи 355.	—
	369². Дисциплинарное производство не можетъ быть начато противъ присяжнаго повѣреннаго, или лица, бывшаго присяжнымъ повѣреннымъ, если послѣ совершенія дѣйствія или упущенія, подлежащаго разсмотрѣнію въ дисциплинарномъ порядкѣ, прошло более пяти лѣтъ.	375. Такъ же.
370. О постановленіяхъ Совѣта относительно взысканія съ Присяжныхъ Повѣренныхъ, или освобожденія отъ онаго, сообщается Прокурору того мѣста, при которомъ Совѣтъ состоитъ. Тамъ же, ст. 370.	370. О постановленіяхъ Совѣта, коими просители *приняты въ присяжные повѣренные* (ст. 367²), и о постановленіяхъ по дисциплинарнымъ производствамъ о присяжныхъ повѣренныхъ сообщается прокурору Судебной Палаты.	376. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
430. Такъ же.	430. Такъ же.	
431. Такъ же.	431. Такъ же. **Примѣчаніе.** Установленная сей статьей пятилѣтняя давность не служитъ препятствіемъ къ дисциплинарному производству о присяжномъ повѣренномъ, если онъ самъ будетъ ходатайствовать о возбужденіи этого производства.	
432. Вступившее въ законную силу постановленіе о наложеніи на присяжнаго повѣреннаго взысканія не пріостанавливается исполненіемъ по поводу вновь возникшаго о немъ дѣла. По новому обвиненію взысканіе назначается особо и независимо отъ опредѣленнаго прежде состоявшимся постановленіемъ.	432. Такъ же.	
439. Копіи постановленій Совѣта, коими просители приняты въ присяжные повѣренные (ст. 418), и постановленій относительно *взысканія* съ присяжныхъ повѣренныхъ, или *освобожденія* отъ онаго, сообщаются прокурору судебной палаты.	Ст. 439. Копіи постановленій Совѣта, разрѣшающихъ дисциплинарныя дѣла, сообщаются прокурору Судебной Палаты.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
371. Ни одно изъ упомянутыхъ въ 368 статьѣ взысканій не можетъ быть назначено Совѣтомъ безъ предварительнаго истребованія отъ обвиняемаго объясненій, въ опредѣленный Совѣтомъ срокъ. Тамъ же, ст. 371.	371. Безъ измѣненія.	377. Безъ измѣненія.
372. Въ случаѣ непредставленія объясненія, или неявки обвиняемаго въ назначенный срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, Совѣтъ дѣлаетъ постановленіе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній и извѣстныхъ ему обстоятельствъ. Тамъ же, ст. 372.	372. Безъ измѣненія.	378. Безъ измѣненія.
	—	—
373. Признаніе уважительными причинъ неявки Присяжнаго Повѣреннаго или непредставленія требуемаго объясненія въ Совѣтъ зависитъ отъ усмотрѣнія самого Совѣта. Тамъ же, ст. 373.	373. Безъ измѣненія.	**Примѣчаніе.** Безъ измѣненія.
374. Взысканіе, наложенное Совѣтомъ на Присяжнаго Повѣреннаго, или оправданіе его Совѣтомъ, не лишаетъ частное лицо права искать съ того Повѣреннаго вознагражденія убытковъ въ судебныхъ мѣстахъ. Тамъ же, ст. 374.	374. Отмѣняется.	—
375. Никакое постановленіе Совѣта Присяж-	375. Никакое постановленіе Совѣта присяжныхъ по-	379. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
433. Безъ измѣненія.	433. Ни одно изъ упомянутыхъ въ ст. 423 взысканій не можетъ быть назначено Совѣтомъ безъ предварительнаго истребованія отъ обвиняемаго объясненій въ опредѣленный Совѣтомъ срокъ. *О днѣ засѣданія Совѣта, назначенномъ для разсмотрѣнія дѣла, присяжному повѣренному посылается извѣщеніе.*	
434. Безъ измѣненія.	434. Безъ измѣненія.	
435. Присяжному повѣренному посылается извѣщеніе о днѣ засѣданія Совѣта, назначеннаго для разсмотрѣнія его дѣла.	435. Исключается за соединеніемъ ея съ ст. 433.	
436. Безъ измѣненія.	436. Безъ измѣненія.	
437. Безъ измѣненія.	437. Постановленіе Совѣта по дисциплинарному производству о присяжномъ повѣренномъ не лишаетъ заинтересованныхъ лицъ права искать съ присяжнаго повѣреннаго вознагражденія за убытки судебнымъ порядкомъ.	
438. Никакое постановленіе Совѣта присяж-	438. Никакое постановленіе Совѣта не можетъ имѣть	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
ныхъ Повѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины Членовъ Совѣта. При равенствѣ голосовъ голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято; но взысканія, означенныя въ 3—5 пунктахъ 368 статьи настоящаго Учрежденія, могутъ быть опредѣляемы Совѣтомъ только по большинству двухъ третей голосовъ. Тамъ же, ст. 375.	вѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины членовъ Совѣта: для опредѣленія же взысканій, означенныхъ въ 4 и 5 пунктахъ статьи 368 настоящаго учрежденія, требуется присутствіе не менѣе двухъ третей состава Совѣта. При равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято.	
376. На всѣ постановленія Совѣта, кромѣ подвергающихъ присяжнаго повѣреннаго предостереженію или выговору, могутъ быть приносимы жалобы Судебной Палатѣ въ *двухнедѣльный* со времени объявленія сихъ постановленій срокъ.	376. На всѣ постановленія Совѣта, кромѣ подвергающихъ присяжнаго повѣреннаго предостереженію или выговору, а также кромѣ тѣхъ, *коими просителю отказано въ принятіи его въ число присяжныхъ повѣренныхъ по неформальнымъ причинамъ*, могутъ быть приносимы жалобы особому Присутствію Судебной Палаты (ст. 376[1]) въ *двухнедѣльный*, со времени объявленія сихъ постановленій, срокъ.	380. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
ныхъ повѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало *менѣе половины* членовъ Совѣта; для разсмотрѣнія же *дисциплинарныхъ* дѣлъ и для постановленія опредѣленій *по предметамъ, имѣющимъ общее значеніе* для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, требуется присутствіе не менѣе *двухъ третей* состава Совѣта. При равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято.	силы, если въ немъ участвовало менѣе половины членовъ: для разсмотрѣнія же дисциплинарныхъ дѣлъ, просьбъ о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ и для постановленія *о предметахъ, имѣющихъ общее значеніе* для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, требуется присутствіе не менѣе *двухъ третей* состава Совѣта. Опредѣленія постановляются по большинству голосовъ, и, при равенствѣ ихъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Взысканія, означенныя въ пп. 3 и 4 ст. 423, могутъ быть опредѣляемы Совѣтомъ только по большинству двухъ третей голосовъ.	
440. На постановленія Совѣта присяжные повѣренные и частныя лица могутъ приносить жалобы дисциплинарному присутствію Судебной Палаты (ст. 442) въ двухнедѣльный со времени объявленія сихъ постановленій срокъ:	440. На постановленія Совѣта присяжные повѣренные и частныя лица могутъ приносить жалобы, а прокуроры Судебныхъ Палатъ— протесты въ Судебную Палату въ слѣдующихъ случаяхъ:	440. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. учр. Ком., но
а) Присяжные повѣренные на всѣ постановленія, кромѣ подвергающихъ ихъ предостереженію или выговору, отчисленію ихъ на основаніи пункта 5 ст. 396, или разрѣшающихъ заявленія частныхъ лицъ о вознагражденіи (п. 7, ст. 421).	а) Присяжные повѣренные въ правѣ обжаловать всѣ постановленія Совѣта, кромѣ тѣхъ, которыми они подвергаются предостереженію, или выговору, или отчисленію на основаніи п. 5 ст. 396, или которыми разрѣшаются заявленія частныхъ лицъ о вознагражденіи (п. 7, ст. 421), или, наконецъ, которыми присяжный повѣренный назначается для веденія гражданскихъ дѣлъ (5 и 6 соед. пунк. ст. 421):	слова „или выговору“ замѣнить словами „или простому выговору“ (п. 1 и 2 ст. 423);
б) Частныя лица на всѣ постановленія, кромѣ тѣхъ, коими просителю	б) Частныя лица въ правѣ обжаловать постановленія Совѣта, разрѣшающія ихъ	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
Протесты Прокуроровъ допускаются, въ тотъ же срокъ, только противъ постановленій. означенныхъ выше, въ статьѣ 370. Тамъ же, ст. 376.	Протесты прокуроровъ допускаются въ тотъ же срокъ со времени полученія ими копій изъ Совѣта на всѣ постановленія онаго, означенныя въ статьѣ 370.	—
	—	—
	376^{1}. Для разсмотрѣнія означенныхъ въ предшедшей 376 статьѣ жалобъ и протестовъ въ Судебной Палатѣ составляется *Особое* Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя, изъ всѣхъ предсѣдателей департаментовъ. Недостающее до пяти число членовъ означеннаго Присутствія пополняется члена-	381. Для разсмотрѣнія означенныхъ въ предшедшей 380 статьѣ жалобъ и протестовъ въ Судебной Палатѣ составляется Особое Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя, изъ всѣхъ предсѣдателей департаментовъ и *предсѣдателя мѣстнаго Окружнаго Суда*. Если число сихъ

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
отказано въ принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ по неформальнымъ причинамъ или на основаніи п. 5 ст. 396, а также состоявшихся по ихъ заявленіямъ о вознагражденіи (п. 7 ст. 421) и по дисциплинарнымъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ.	ходатайства о назначеніи имъ повѣреннаго для веденія дѣла (ст. 421, п. 5 и 6 соед.), и тѣ, коими имъ отказано въ пріемѣ въ число присяжныхъ повѣренныхъ по формальнымъ причинамъ.	
Протесты прокурора допускаются на постановленія Совѣта, означенныя въ ст. 439, въ тотъ же срокъ со дня полученія копій оныхъ.	и в) Протесты прокурора Судебной Палаты допускаются на всѣ постановленія Совѣта, коими разрѣшаются дисциплинарныя дѣла.	Слова „протесты прокурора“ дополнить словами: „при чемъ протесты на постановленія о принятіи просителя въ сословіе допускаются лишь въ случаѣ нарушеній Совѣтомъ формальныхъ требованій закона“ (ст. 395 и 396).
441. Жалобы и протесты на постановленія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ подаются въ Совѣтъ и отъ него, вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ по дѣлу, представляются въ дисциплинарное присутствіе Судебной Палаты. (Статья 442).	441. Срокъ на подачу жалобъ и протестовъ на постановленія Совѣта назначается двухнедѣльный и исчисляется для жалобъ—со дня объявленія заинтересованнымъ лицамъ постановленій Совѣта, а для протестовъ — со дня сообщенія прокурору Судебной Палаты копій сихъ постановленій. (ст. 439). Жалобы и протесты подаются въ Совѣтъ, который представляетъ ихъ въ Судебную Палату вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ по дѣлу.	441. Слова „дисциплинарное присутствіе“ замѣнить словами „общее собраніе“. Если же послѣднее вообще не будетъ сохранено, то изложить слѣдующимъ образомъ статью 442.
442. Означенные въ 440 статьѣ жалобы и протесты разсматриваются въ Судебной Палатѣ въ *дисциплинарномъ* ея присутствіи. (Ст. 52 и 87).	442. Жалобы и протесты на постановленія Совѣта разсматриваются Судебными Палатами въ Общемъ Собраніи Департаментовъ при участіи трехъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ представителей сословія даннаго округа.	442. Для разсмотрѣнія означенныхъ въ ст. 440 жалобъ и протестовъ въ Судебной Палатѣ составляется *Особое Присутствіе* подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя, изъ всѣхъ предсѣдателей департаментовъ и так го числа назначенныхъ по старшинству членовъ Палаты, чтобы число корон-

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	ми Палаты по назначенію общаго собранія ея департаментовъ.	лицъ окажется менѣе пяти, то присутствіе пополняется до сего числа судей членами Палаты по назначенію общаго собранія ея департаментовъ.
377. Опредѣленія Палаты по симъ жалобамъ и протестамъ (ст. 376) суть окончательныя. Тамъ же, ст. 377.	377. На опредѣленія Особаго Присутствія Палаты (ст. 365), коими присяжные повѣренные присуждаются ко взысканіямъ, указаннымъ въ п. п. 4 и 5 ст. 368, могутъ быть приносимы въ *двухнедѣльный* со дня объявленія сихъ опредѣленій срокъ, кассаціонныя жалобы въ Соединенное Присутствіе Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.	382. Такъ же

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
		ныхъ представителей вмѣстѣ съ старшимъ предсѣдателемъ было 4, и изъ трехъ присяжныхъ повѣренныхъ, избираемыхъ на два года Общимъ Собраніемъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, пробывшихъ въ сословіи не менѣе десяти лѣтъ.
	442[1]. Означенные представители, равно какъ и 3 къ нимъ кандидата, избираются Общимъ Собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ членовъ сословія, не участвующихъ въ Совѣтѣ, на тотъ же срокъ и въ тѣмъ же порядкомъ, которые установлены для выборовъ въ Совѣтъ. Кандидаты приглашаются къ участію въ засѣданіяхъ Палаты взамѣнъ отсутствующихъ по болѣзни или другимъ причинамъ представителей.	
443. Рѣшенія дисциплинарнаго присутствія Палаты почитаются окончательными, и на оныя присяжными повѣренными могутъ быть приносимы, въ двухнедѣльный со дня объявленій сихъ рѣшеній срокъ, кассаціонныя жалобы въ Соединенное Присутствіе Перваго и Судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената только въ случаѣ присужденія ихъ ко взысканію, указанному въ п. 4 ст. 423. Кассаціонные протесты прокурора допускаются на эти рѣшенія безъ всякаго ограниченія въ тотъ же срокъ, со дня полученія копіи рѣшенія, которая ему доставляется по особому его требованію, заявленному не позже двухъ недѣль	443. Рѣшенія Судебной Палаты почитаются окончательными. На рѣшенія Палаты по дисциплинарнымъ дѣламъ, которыми *отмѣняются оправдательныя* постановленія Совѣта, *или усиливаются* назначенныя Совѣтомъ *взысканія*, а также которыми присяжные повѣренные подвергаются взысканіямъ, установленнымъ въ пп. 3 и 4 ст. 423, присяжный повѣренный можетъ подать кассаціонную жалобу въ Соединенное Присутствіе Перваго и Судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія рѣшенія. Кассаціонные протесты прокурора допускаются на всѣ рѣшенія Палаты по дисциплинарнымъ дѣламъ въ тотъ же двухнедѣльный срокъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
Примѣчаніе. Всѣ постановленія, изложенныя въ статьяхъ 370—377 настоящаго Учрежденія, относятся въ равной мѣрѣ какъ къ Совѣтамъ, такъ и къ Отдѣленіямъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Тамъ же, прим. ст. 366.	—	—
	377¹. Отдѣленіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 366) исполняетъ обязанности Совѣта, опредѣленныя въ п. п. 7—10 ст. 367⁷, относительно присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ округѣ того окружнаго суда, при которомъ отдѣленіе состоитъ. Кромѣ того оно обязано, по требованію Совѣта, сообщать ему свѣдѣнія, а равно и заключенія свои, по прошеніямъ лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣрен-	383. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
со времени постановленія рѣшенія.		
444. Ходатайства о возобновленіи дѣлъ по вступившимъ въ законную силу рѣшеніямъ о присяжныхъ повѣренныхъ, вслѣдствіе вновь открывшихся обстоятельствъ, обращаются въ установленіе, постановившее такое рѣшеніе. Сіе установленіе удостовѣряется въ дѣйствительности обстоятельствъ, на коихъ основано ходатайство о возобновленіи дѣла, и представляетъ о томъ, съ своимъ заключеніемъ, на окончательное рѣшеніе Соединеннаго Присутствія Перваго и Судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.	444. Такъ же.	
——	——	
445. Такъ же.	445. Отдѣленіе Совѣта исполняетъ въ предѣлахъ мѣстности, для которой оно учреждено, обязанности Совѣта, опредѣленныя въ п.п. 1 и 5—9 ст. 421, и доставляетъ Совѣту, по его требованію, свѣдѣнія и свои заключенія по прошеніямъ лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, по дисциплинарнымъ производствамъ о присяжныхъ повѣренныхъ и по другимъ предметамъ, по которымъ Совѣтъ признаетъ нужнымъ.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ 6 Министра Юстиціи Манасеина.
	ныхъ, по дисциплинарнымъ производствамъ о присяжныхъ повѣренныхъ и по другимъ предметамъ, по которымъ Совѣтъ признаетъ нужнымъ имѣть отъ отдѣленія свѣдѣнія или заключенія.	
378. Гдѣ нѣтъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ или Отдѣленія онаго, тамъ права и обязанности его принадлежатъ мѣстному Окружному Суду. Тамъ же, ст. 378.	378. Гдѣ нѣтъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ права и обязанности его принадлежатъ *особому присутствію* мѣстнаго окружнаго суда, состоящему подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, изъ всѣхъ товарищей предсѣдателей сего суда. Недостающее до пяти число членовъ означеннаго присутствія пополняется членами окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія.	384. Такъ же.
		Примѣчаніе. Въ указанномъ въ сей статьѣ составѣ должны быть разсматриваемы дѣла: а) о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 366), б) о ихъ отчисленіи и устраненіи (п. 4 ст. 369), в) о дисциплинарныхъ производствахъ (п.п. 1—3 и 5 ст. 369) и г) о воспрещеніи присяжному повѣренному имѣть помощниковъ (ст. 405[12]). Всѣ прочія дѣла могутъ быть разрѣшаемы *Особымъ Присутствіемъ* суда на общемъ основаніи въ составѣ трехъ судей.
	III. О надзорѣ за Совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ отвѣтственности.	
	378[1]. На Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ распространяются правила статей	384[1]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
447. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ права и обязанности его принадлежатъ *дисциплинарному присутствію* мѣстнаго Окружнаго Суда. (Ст. 27 и 187).	447. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, права и обязанности его принадлежатъ *Общему Собранію* Отдѣленій мѣстнаго Окружнаго Суда.	
448. Въ указанномъ въ ст. 27 сего учрежденія составѣ *дисциплинарнымъ* присутствіемъ должны быть разсматриваемы дѣла: а) о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 418); б) объ ихъ отчисленіи и устраненіи (п. 3 ст. 421); в) о дисциплинарныхъ производствахъ, и г) о воспрещеніи присяжному повѣренному имѣть помощниковъ (ст. 495). Всѣ прочія дѣла могутъ быть разрѣшаемы *дисциплинарнымъ присутствіемъ* суда на общемъ основаніи въ составѣ трехъ судей.	448. Исключается.	
	Отдѣленіе третье. **О надзорѣ за Совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ.**	
449. Такъ же.	449. Надзоръ за законнымъ и незамедлительнымъ	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	249—292 сего учрежденія о надзорѣ за судебными установленіями и объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, съ нижеслѣдующими дополненіями и измѣненіями (ст. 378[2]—378[5]).	
	378[2]. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ относительно надзора за ихъ дѣятельностью (ст. 249—260) приравниваются къ окружнымъ судамъ, а предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и члены Совѣта, въ отношеніи къ порядку дисциплинарной ихъ отвѣтственности (ст. 270—292), приравниваются къ членамъ окружнаго суда.	384[2]. Такъ же.
	378[3]. Права надзора и дисциплинарной власти, относительно Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, принадлежатъ *особымъ* присутствіямъ судебныхъ палатъ (ст. 376[1]).	384[3]. Такъ же.
	378[4]. Взысканія, коимъ лица, входящія въ составъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ дисциплинарнаго производства за неправильное исполненіе обязанностей члена Совѣта, суть: 1) предостереженіе; 2) выговоръ, и 3) устраненіе отъ должности члена Совѣта съ воспрещеніемъ быть избираемымъ въ теченіе не болѣе двухъ лѣтъ.	384[4]. Такъ же.
	378[5]. Право дѣлать предостереженіе Совѣту присяж-	384[5]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	теченіемъ дѣлъ въ Совѣтѣ принадлежитъ Судебной Палатѣ, которая въ правѣ требовать свѣдѣній и объясненій относительно дѣлъ, производящихся въ Совѣтѣ.	
450. Такъ же.	450. Исключается.	Отдѣленіе третье исключается.
451. Дѣла по надзору за Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ и дѣла о дисциплинарной отвѣтственности предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ Совѣта вѣдаются *дисциплинарными* присутствіями судебныхъ палатъ (442).		
452. Такъ же.	452. Исключается.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	ныхъ повѣренныхъ въ цѣломъ его составѣ или въ составѣ присутствія принадлежитъ особому присутствію судебной палаты (ст. 376[1]).	
	—	—

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
453. Относительно жалобъ и протестовъ на рѣшенія дисциплинарнаго присутствія Палаты наблюдаются правила, постановленныя въ статьяхъ 388—393 сего учрежденія, съ тою лишь разницею, что означенные жалобы и протесты представляются на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія Перваго и Судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.	453. Исключается.	
	Отдѣленіе четвертое. **Права и обязанности Общихъ Собраній присяжныхъ повѣренныхъ.**	
	453[1]. Общія Собранія присяжныхъ повѣренныхъ бываютъ или годичныя, созываемыя ежегодно въ опредѣленное время для выбора состава Совѣта (ст. 408), или созываемыя по усмотрѣнію Совѣта, а также по письменной просьбѣ не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, для обсужденія предметовъ, касающихся пользы и нуждъ сословія.	
	453[2]. Къ предметамъ вѣдомства Общихъ Собраній относятся: а) опредѣленіе числа членовъ Совѣта и кандидатовъ (ст. 405); б) избраніе состава Совѣта (ст 408); в) избраніе представителей сословія въ Судебныя Палаты по общему ихъ Депар-	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
Отдѣленіе III.	Отдѣленіе третье.	Отдѣленіе третье.
О правахъ и обязанностяхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ.	**О правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ.**	**О правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ.**
379—382 см. выше, с.с. 532, 534, 536.	Ст. 379—382 замѣнены статьями 367[1]—367[6].	
См. ст. 356.	382[1]. Присяжные повѣренные избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства въ предѣлахъ округа той судебной палаты, къ которой приписаны (ст. 356).	385. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	таментовъ Собранію, для участія въ разсмотрѣніи дисциплинарныхъ дѣлъ о присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ къ нимъ (ст. 440[1]); г) обсужденіе отчета и дѣйствій Совѣта; д) установленіе обязательныхъ денежныхъ сборовъ на нужды сословія (ст. 473); е) установленіе правилъ, касающихся профессіональной дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ; ж) обсужденіе и разрѣшеніе вопросовъ о пріобрѣтеніи и отчужденіи имуществъ, и з) обсужденіе и разрѣшеніе всѣхъ вообще вопросовъ, относящихся до пользы и нуждъ сословія.	
	453[3]. Въ Общихъ Собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ по выбору собранія. Для дѣйствительности Общаго Собранія требуется наличность одной шестой части всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, кромѣ случая, указаннаго въ ст. 410.	
Глава третья. **Права и обязанности присяжныхъ повѣренныхъ.**		
454. Присяжные повѣренные избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣрен-	454. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	382[2]. Объ отлучкахъ изъ своего мѣстожительства присяжный повѣренный обязанъ извѣщать Совѣтъ. Въ теченіе года отсутствіе присяжнаго повѣреннаго изъ избраннаго имъ мѣста жительства, въ общей сложности, не должно продолжаться болѣе шести мѣсяцевъ. Въ случаѣ неисполненія присяжнымъ повѣреннымъ этого требованія Совѣтъ отчисляетъ его.	386. Такъ же.
383. Присяжные Повѣренные могутъ принимать на себя хожденіе по дѣламъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ округа Судебной Палаты, къ которой они приписаны. Тамъ же, ст. 383.	383. Отмѣняется.	
384. Присяжный повѣренный, принявшій на себя хожденіе по дѣлу, начавшемуся въ округѣ, въ которомъ онъ приписанъ, имѣетъ право, по желанію тяжущагося, продолжать ходатайство по оному во всѣхъ судахъ, до окончательнаго рѣшенія дѣла, хотя бы это было и внѣ того округа, подчиняясь въ такомъ случаѣ Совѣту повѣренныхъ того мѣста, гдѣ производится дѣло. Тамъ же, ст. 384.	384. Присяжный повѣренный, временно проживающій, ради веденія порученныхъ ему дѣлъ, внѣ округа той судебной палаты, къ которой приписанъ, подчиняется Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ того мѣста, гдѣ производится дѣло.	387. Такъ же.
385. Присяжный повѣренный, который, для про-	385. Безъ измѣненія.	388. Безъ измѣненія.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
ныхъ, въ предѣлахъ округа той Судебной Палаты, къ которой приписаны, а остальныхъ—въ округѣ того Окружнаго Суда, которымъ они приняты въ это званіе.		
455. Объ отъѣздѣ изъ своего мѣста жительства и о возвращеніи въ оное присяжный повѣренный обязанъ всякій разъ извѣщать Совѣтъ. Присяжный повѣренный, отсутствовавшій изъ избраннаго имъ мѣста жительства въ общей сложности болѣе шести мѣсяцевъ въ теченіе года, отчисляется Совѣтомъ, *если не представитъ уважительныхъ къ тому причинъ.*	455. Такъ же.	
457. Такъ же.	457. Такъ же.	
456. При отъѣздѣ изъ мѣста своего жительства	456. При отъѣздѣ изъ мѣста своего жительства при-	456. При отъѣздѣ изъ мѣста своего жительства

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
долженія ходатайства по дѣлу на основаніи предшедшей 384 статьи, долженъ будетъ переѣхать въ другой городъ, обязанъ сперва прочія находящіяся у него дѣла, подлежащія производству въ его отсутствіи, передать, съ согласія своихъ довѣрителей, другому Присяжному Повѣренному. Тамъ же, ст. 385.		
386. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судъ лично, равно какъ подавать просьбы и другія бумаги и довѣрять подачу ихъ постороннимъ лицамъ, а также объяснять свои дѣла и требованія, безъ обязанности избирать Присяжныхъ Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 386.	386. Безъ измѣненія.	389. Безъ измѣненія.
387. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число Присяжныхъ Повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ ихъ дѣламъ, въ судахъ того города, только лицамъ, принадлежащимъ къ числу сихъ Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 387.	387. Въ округѣ того окружнаго суда, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по гражданскимъ дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, состоящихъ въ предѣлахъ того округа, только присяжнымъ повѣреннымъ.	390. Такъ же.
	Примѣчаніе 1. Повѣренный, ходатайствовавшій по дѣлу въ окружномъ судѣ, можетъ продолжать веденіе дѣла въ судебной палатѣ.	**Примѣчаніе 1.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
присяжный повѣренный обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы отсутствіе его не причиняло вреда его довѣрителямъ.	сяжный повѣренный обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы отсутствіе его не причинило вреда его довѣрителямъ, *причемъ онъ имѣетъ право передать всѣ свои дѣла по одной общей довѣренности своему помощнику (ст. 490) или другому присяжному повѣренному.*	присяжный повѣренный обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы отлучка его не причиняла вреда его довѣрителямъ, при чемъ какъ *всѣ находящіяся у него дѣла, такъ и часть ихъ* онъ можетъ передать по одной общей довѣренности другому присяжному повѣренному.
—	—	
474. Въ тѣхъ округахъ Окружныхъ Судовъ, въ которыхъ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 475) и которые входятъ въ составъ округа Судебной Палаты, въ коемъ учрежденъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 440), тяжущіеся могутъ давать довѣренности на веденіе гражданскихъ дѣлъ, превышающихъ подсудность участковыхъ судей, только присяжнымъ повѣреннымъ, съ изъятіми, указанными въ статьяхъ 518, 519 и 525 сего учрежденія.	474. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Въ Правительствующемъ Сенатѣ *словесныя* объясненія по дѣламъ, разсматриваемымъ въ *кассаціонномъ* порядкѣ, могутъ представлять только стороны *лично или присяжные повѣренные.*	
	Примѣчаніе 2. Правило этой статьи не распространяется на мировыя судебныя установленія.	
	Примѣчаніе 3. Довѣренности на веденіе дѣлъ въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства, а также для исполненія судебныхъ рѣшеній, ввода во владѣніе, исполненія отдѣльныхъ судебныхъ порученій (взносъ пошлинъ, представленіе копій, полученіе и подача документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, денегъ, имущества и т. п.), могутъ быть выдаваемы частнымъ лицамъ, имѣющимъ право быть повѣренными (ст. 246 уст. гражд. суд.), не исключая и округовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло указаннаго въ табели размѣра (ст. 388).	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.
	Примѣчаніе 4. Въ округахъ тѣхъ окружныхъ судовъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ уже достигло опредѣленнаго въ табели размѣра (прил. къ ст. 388), дѣйствіе статьи 387 настоящаго учрежденія не прекращается и въ случаяхъ послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія этого числа въ предѣлахъ до 10%.	**Примѣчаніе 3.** Въ округахъ тѣхъ Окружныхъ Судовъ, въ которыхъ число присяжныхъ повѣренныхъ уже достигло опредѣленнаго въ табели размѣра (прил. къ ст. 391), правило настоящей статьи продолжаетъ примѣняться и въ томъ случаѣ, когда число присяжныхъ повѣренныхъ станетъ ниже

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
463. Въ Правительствующемъ Сенатѣ словесныя объясненія по дѣламъ гражданскимъ, разсматриваемымъ въ кассаціонномъ порядкѣ, могутъ представлять только стороны лично, или лица, указанныя въ шести пунктахъ Отдѣла I, ст. 523, или присяжные повѣренные.	463. Такъ же.	
Примѣчаніе. Такъ же.	**Примѣчаніе.** Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
		установленной въ табели нормы, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы остающееся въ наличности число сихъ повѣренныхъ въ каждомъ округѣ было не болѣе какъ на десять процентовъ ниже положеннаго въ табели числа.
	См. приложеніе ст. 388.	См. приложеніе къ ст. 391.
388. Число Присяжныхъ Повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ (ст. 387) въ городахъ уѣздныхъ и губернскихъ и въ столицахъ, опредѣляется въ особой табели, которую Министръ Юстиціи, по представленіямъ судеб-	388. Число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ (ст. 387) *для округовъ Окружныхъ Судовъ*, опредѣляется въ особой табели, которую министръ юстиціи, по представленіямъ судебныхъ палатъ, вноситъ чрезъ Государ-	391. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
475. Число присяжныхъ повѣренныхъ признается достаточнымъ: 1) Въ округѣ Окружнаго Суда города, гдѣ не имѣетъ пребываніе Судебная Палата, когда число жительствующихъ въ ономъ присяжныхъ повѣренныхъ будетъ превышать вдвое общее число судей Окружнаго Суда, не считая уѣздныхъ членовъ. 2) въ округѣ Окружнаго Суда того города, гдѣ имѣетъ пребываніе Судебная Палата, когда число жительствующихъ въ ономъ присяжныхъ повѣренныхъ будетъ превышать вдвое общее число судей Окружнаго Суда (не считая уѣздныхъ членовъ) и Судебной Палаты, и 3) Въ столицахъ, когда сверхъ указаннаго въ предшедшемъ 2 пунктѣ сей статьи числа, будетъ имѣть жительство: въ Петербургѣ сто, а въ Москвѣ пятьдесятъ присяжныхъ повѣренныхъ.	475. Такъ же,	
476. О достиженіи въ округѣ Окружнаго Суда числа присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемаго для онаго достаточнымъ (ст. 475), Судебная Палата представляетъ министру юстиціи, который предлагаетъ о томъ Правитель-	476. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
ныхъ Палатъ, вноситъ, чрезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее утвержденіе. Тамъ же, ст. 388.	ственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе.	
389. Не запрещается тяжущимся и въ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 387 и 388 статьяхъ, давать довѣренности на веденіе тяжебныхъ дѣлъ своимъ родителямъ, супругамъ, дѣтямъ и лицамъ, имѣющимъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу, или завѣдывающимъ по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся. Тамъ же, ст. 389.	389. Не запрещается тяжущимся и въ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 387 и 388 статьяхъ, давать довѣренности на веденіе ихъ гражданскихъ дѣлъ своимъ родителямъ, супругамъ, братьямъ, дѣтямъ и лицамъ, имѣющимъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу, а также завѣдывающимъ по довѣренностямъ, или въ качествѣ управляющихъ, прикащиковъ и т. п., недвижимыми имуществами или торговыми и промышленными дѣлами тѣхъ тяжущихся; но симъ лицамъ могутъ быть выдаваемы довѣренности на веденіе тѣхъ только дѣлъ, которыя вытекаютъ изъ завѣдыванія порученными имъ имуществами или дѣлами.	392. Такъ же.
Примѣчаніе. Довѣренности, данныя на веденіе тяжебныхъ дѣлъ лицамъ, не принадлежащимъ къ числу Присяжныхъ Повѣренныхъ, прежде того времени, когда число ихъ достигло опредѣленнаго въ табели размѣра (ст. 388), остаются въ своей силѣ. Тамъ же, прим.	**Примѣчаніе.** Частные повѣренные, имѣвшіе установленныя для веденія чужихъ дѣлъ свидѣтельства отъ суда въ то время, когда въ округѣ его число присяжныхъ повѣренныхъ достигло опредѣленнаго въ табели размѣра (прил. къ ст. 388), сохраняютъ *пожизненное* право на возобновленіе означенныхъ свидѣтельствъ отъ этого суда.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
389^{1}. Городская управа ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ по имущественнымъ дѣламъ города, въ лицѣ особаго уполномоченнаго, которымъ можетъ быть должностное лицо городского общественнаго упра-	389^{1}. Исключается.	

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
ствующему Сенату для распубликованія.		

———

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М, В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
вленія, не исключая и тѣхъ мѣстностей, гдѣ находится достаточное число Присяжныхъ Повѣренныхъ.		
390. Присяжные Повѣренные производятъ гражданскія дѣла или на основаніи довѣренности, данной имъ тяжущимися, или вслѣдствіе объявленія, поданнаго тяжущимся въ судъ, или по назначенію, вслѣдствіе просьбы тяжущихся, Совѣтомъ Присяжныхъ Повѣренныхъ (ст. 367, п. 4 и 5), или, наконецъ, по назначенію Предсѣдателя суда. (Уст. гражд. суд., ст. 254). 1864, ноября 20 (41475), ст. 390.	390. Присяжные повѣренные производятъ гражданскія дѣла или на основаніи довѣренности, данной имъ тяжущимися, или вслѣдствіе *сдѣланнаго тяжущимися въ судѣ заявленія* (ст. 46 и п. 3 ст. 238 Уст. гражд. суд.), или по назначенію, вслѣдствіе просьбы тяжущихся, Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 367^7, п.п. 7 и 8), или, наконецъ, по назначенію предсѣдателя суда (ст. 254 Уст. гражд. суд.).	393. Такъ же.
391. Тяжущійся имѣетъ право означить, довѣряетъ ли онъ Присяжному Повѣренному хожденіе по своему дѣлу во всемъ его объемѣ до совершеннаго его окончанія, или уполномочиваетъ его только на опредѣленное какое-либо дѣйствіе. Не воспрещается имѣть по одному и тому же дѣлу нѣсколькихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 391.	391. Исключается.	——
392. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ состоитъ полное, опредѣленное табелью (ст. 388), число Присяжныхъ Повѣренныхъ, каждый тяжущійся, не могущій самъ прибыть въ городъ, гдѣ	392. Безъ измѣненія.	394. Безъ измѣненія.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
458. Безъ измѣненія (сравнительно съ Учр. Суд. Уст.).	458. Присяжные повѣренные ведутъ гражданскія дѣла по полномочію тяжущихся или по назначенію Совѣта или предсѣдателя Суда (Уст. граж. суд., ст. 102). Полномочіе тяжущихся можетъ быть выражено какъ посредствомъ *довѣренности*, такъ и *письменнымъ заявленіемъ*, поданнымъ въ судебное установленіе, *или словеснымъ заявленіемъ* въ засѣданіи суда, подлежащимъ занесенію въ протоколъ. Назначеніе Совѣта или предсѣдателя Суда удостовѣряется соотвѣтствующимъ *свидѣтельствомъ, замѣняющимъ довѣренность* и предоставляющимъ повѣренному всѣ права, предусмотрѣнныя ст. 98 Уст. гражд. суд.	
478. Въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ (ст. 447) каждый тяжущійся имѣетъ право обратиться въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбою о назначеніи повѣ-	478. Такъ же.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
должно производиться его дѣло, или же не успѣвшій согласиться съ мѣстными Присяжными Повѣренными насчетъ хожденія по его дѣлу, имѣетъ право обратиться въ Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ съ просьбою о назначеніи Повѣреннаго для веденія его дѣла. Совѣтъ обязанъ исполнить эту просьбу, согласно съ 5 пунктомъ 367 статьи. Тамъ же, ст. 392.		
393. Въ дѣлахъ уголовныхъ Присяжные Повѣренные принимаютъ на себя защиту подсудимыхъ или по соглашенію съ ними, или по назначенію Предсѣдателя судебнаго мѣста. Тамъ же, ст. 393.	393. Безъ измѣненія.	395. Безъ измѣненія.
	393[1]. Въ округахъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло опредѣленнаго въ табели размѣра (ст. 388), они назначаются для защиты подсудимыхъ не только въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, но и *при выѣздахъ его.*	

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
реннаго для веденія его дѣла за вознагражденіе, въ размѣрѣ, опредѣленномъ таксою. Совѣтъ обязанъ исполнить эту просьбу согласно съ пунктомъ 6 статьи 421 сего учрежденія и ст. 21 таксы, приложенной къ статьѣ 471 сего учрежденія.		
460. Безъ измѣненія.	460. Безъ измѣненія.	
477. Въ тѣхъ округахъ окружныхъ судовъ, въ которыхъ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло достаточнаго размѣра (ст. 475 и 476), они назначаются для защиты подсудимыхъ не только въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, но и *при выѣздахъ его для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ.*	477. Въ тѣхъ округахъ окружныхъ судовъ, о которыхъ Правительствующимъ Сенатомъ сдѣлана указанная въ ст. 476 публикація, присяжные повѣренные назначаются для защиты подсудимыхъ не только въ мѣстѣ пребыванія суда, но и *при выѣздѣ его для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ.*	477. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. Учр. Ком.
	Примѣчаніе. Присяжный повѣренный, назначенный на выѣздную сессію, имѣетъ право препоручить защиту подсудимаго одному изъ своихъ товарищей или кому-либо изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Выѣзжающій на сессію защитникъ получаетъ прогоны отъ казны: присяжный повѣренный въ размѣрѣ, получаемомъ товарищемъ прокурора Окруж-	**Примѣчаніе.** Присяжный повѣренный, назначенный на выѣздную сессію, имѣетъ право препоручить защиту подсудимаго одному изъ своихъ товарищей или кому-либо изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. При чемъ, какъ первоначально назначенный присяжный повѣренный, такъ и его замѣститель—присяжный повѣренный при назначеніи на

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	393². Присяжные повѣренные, достигшіе преклоннаго возраста и страдающіе ослабленіемъ физическихъ силъ, могутъ, по ихъ ходатайству, быть освобождаемы Совѣтомъ отъ обязанностей по защитѣ подсудимыхъ, о чемъ всякій разъ должно быть доводимо до свѣдѣнія старшаго предсѣдателя Судебной Палаты, при которой Совѣтъ состоитъ.	397. Такъ же.
394. Присяжный Повѣренный, назначенный для производства дѣла Совѣтомъ или Предсѣдателемъ судебнаго мѣста (ст. 367, п. 4 п. 5, 390, 392, 393), не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ достаточныхъ для сего причинъ. Тамъ же, ст. 394.	394. Присяжный повѣренный, назначенный для производства дѣла Совѣтомъ или предсѣдателемъ судебнаго мѣста (ст. 367, п.п. 7 и 8, 290, 392, 393, 393¹), не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ *вполнѣ уважительныхъ* причинъ.	397¹. Такъ же.
395. Количество вознагражденія Присяжныхъ Повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Условіе о семъ должно быть письменное. Тамъ же, ст. 395.	395. Количество вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Договоры о семъ должны быть письменные. *При заключеніи условія о вознагражденіи повѣреннаго по уголовному дѣлу воспрещается опредѣлять различную мѣру сего вознагражденія въ зависимости отъ того, какой приговоръ послѣдуетъ по этому дѣлу.*	398. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	наго Суда, а помощникъ—наравнѣ съ кандидатомъ на судебныя должности.	выѣздную сессію получаютъ прогоны отъ казны въ размѣрѣ, соотвѣтственно размѣру прогоновъ, получаемыхъ товарищемъ прокурора окружнаго суда, а помощникъ присяжнаго повѣреннаго получаетъ прогоны наравнѣ съ кандидатомъ на судебныя должности.
462. Такъ же.	462. Присяжные повѣренные, достигшіе преклоннаго возраста или страдающіе ослабленіемъ физическихъ силъ, могутъ, по ихъ ходатайству, быть освобождаемы Совѣтомъ отъ обязанностей по защитѣ подсудимыхъ, о чемъ Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія старшаго предсѣдателя Судебной Палаты, и отъ назначенія для веденія гражданскихъ дѣлъ.	462. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. Учр. Ком., но послѣ словъ „физическихъ силъ“ включить слова: „или не могущіе по какимъ-либо причинамъ исполнить обязанности по защитѣ подсудимыхъ“.
461. Безъ измѣненія (сравнительно съ Учр. Суд. Уст.).	461. Присяжный повѣренный, назначенный Совѣтомъ или предсѣдателемъ судебнаго мѣста для веденія гражданскаго дѣла, или для защиты подсудимаго (ст. 421, п. 5, 458, 460 и 478), не вправѣ отказаться отъ возложенныхъ на него обязанностей безъ уважительныхъ причинъ.	
469. Такъ же.	Ст. 469. Количество вознагражденія повѣреннаго зависитъ отъ соглашенія его съ лицомъ, къ нему обращающимся.	По мнѣнію члена комиссіи г. Гольденвейзера, слѣдуетъ ст. ст. 469 и 470 изложить такъ: 469. Количество вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ гражданскимъ и за уголовныя защиты зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Договоры о семъ должны быть письменные, но при этомъ присяжному повѣренному воспрещается:

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
		а) по договорамъ объ уголовной защитѣ опредѣлять различную мѣру вознагражденія въ зависимости отъ того, какой приговоръ послѣдуетъ по дѣлу, и б) выговаривать себѣ вознагражденіе, несоотвѣтствующее количеству требуемаго труда, равно какъ сложности и важности дѣла.
470. Если Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, усмотритъ, что условленное въ договорѣ вознагражденіе присяжному повѣренному представляется чрезмѣрнымъ по несоотвѣтствію его ни особымъ знаніямъ и опытности присяжнаго повѣреннаго, ни сложности и важности дѣла, то можетъ уменьшить его до размѣра, опредѣленнаго таксою. Заключенное въ обезпеченіе сего договора условіе о неустойкѣ недѣйствительно.	470. Если Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ усмотритъ, что условленное въ договорѣ вознагражденіе присяжному повѣренному представляется чрезмѣрнымъ, то можетъ уменьшить его по дѣламъ уголовнымъ по своему усмотрѣнію; по дѣламъ же гражданскимъ—до размѣра, не ниже опредѣленнаго таксою. Заключенное въ обезпеченіе договора о вознагражденіи условіе о неустойкѣ недѣйствительно.	470. Совѣтъ можетъ принять на себя по просьбѣ довѣрителя посредничество между нимъ и его повѣреннымъ въ случаѣ возникновенія пререканія по поводу размѣра, слѣдующаго повѣренному, на основаніи ихъ взаимнаго договора, вознагражденія за веденіе дѣла. Это посредничество можетъ быть возложено Совѣтомъ на одного изъ своихъ членовъ. Въ случаѣ возбужденія судебнаго спора по такого рода пререканіямъ Совѣтъ сообщаетъ Суду, по его требованію, свое заключеніе о размѣрѣ признаваемаго имъ справедливымъ вознагражденія. Независимо отъ сего Совѣтъ можетъ по своему усмотрѣнію или по жалобѣ заинтересованнаго лица привлечь присяжнаго повѣреннаго къ дисциплинарной отвѣтственности за намѣренное нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ ст. 469.
		По мнѣнію члена комиссіи г. Виленца, ст. 470 слѣдуетъ редактировать такъ: „Если Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ усмотритъ, что установленное въ договорѣ возна-

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
396. На каждые *три года* установляется Министромъ Юстиціи, по представленіямъ Судебныхъ Палатъ и Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, особая такса, которая, по утвержденіи ея въ законодательномъ порядкѣ, публикуется во всеобщее свѣдѣніе: во-1-хъ, для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащихъ взы-	396. Для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащихъ взысканію съ обвиненнаго по дѣлу въ пользу противной стороны за наемъ повѣреннаго, а также и для опредѣленія количества вознагражденія повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся не заключили съ ними посьменныхъ о томъ условій, министромъ юстиціи устанавливается особая	399. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
		гражденіе присяжному повѣренному представляется по своей чрезмѣрности несоотвѣтствующимъ чести или достоинству присяжнаго повѣреннаго и обычному вознагражденію, можетъ уменьшить его до размѣра, опредѣленнаго таксою, а по дѣламъ уголовнымъ—по усмотрѣнію Совѣта. Заключенное въ обезпеченіе сего договора условіе о неустойкѣ недѣйствительно".
	470^{1}. При передачѣ довѣрителю причитающихся ему денежныхъ суммъ, присяжный повѣренный имѣетъ право возмѣстить изъ таковыхъ понесенные при веденіи дѣла расходы и удержать вознагражденіе, слѣдуемое ему по договору, или, при отсутствіи таковаго, по таксѣ. Въ случаѣ спора удержанная сумма представляется въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.	
	470^{2}. При несостоятельности довѣрителя, вознагражденіе повѣреннаго въ предѣлахъ таксы относится къ долгамъ перваго рода перваго разряда.	
471. Для означенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ количества судебныхъ издержекъ, подлежащихъ взысканію съ обвиненнаго въ пользу противной стороны за *приглашеніе* повѣреннаго, а также и для опредѣленія количества вознагражденія повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся не заключили съ ними письменныхъ о томъ условій, устанавливается осо-	471. Для опредѣленія количества вознагражденія повѣреннаго въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущійся не заключилъ съ нимъ письменнаго условія, устанавливается особая такса, при семъ приложенная. **Примѣчаніе**. На основаніи той же таксы опредѣляется въ судебныхъ рѣшеніяхъ количество вознагражденія за веденіе дѣла, подлежащаго взысканію съ тяжущагося, противъ котораго раз-	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б Министра Юстиціи Манасеина.
сканію съ обвиняемаго по дѣлу, въ пользу противной стороны, за наемъ Повѣреннаго, и, во-2-хъ, для опредѣленія количества вознагражденія Повѣренныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся не заключили съ ними письменныхъ о томъ условій. Тамъ же, ст. 396. **Примѣчаніе.** Въ 1868 году установлена приложенная при семъ такса (Прил. VII) для вознагражденія Присяжныхъ Повѣренныхъ округовъ С.-Петербургской и Московской Судебныхъ Палатъ, за хожденіе по дѣламъ гражданскимъ. Дѣйствіе сей таксы распространено какъ на округи открытыхъ Судебныхъ Палатъ, такъ и на всѣ вновь образуемые судебные округи, впредь до составленія для каждаго округа таксы порядкомъ, установленнымъ въ сей (396) статьѣ. 1868 іюл. 3 (46077) I—III; 1872 янв. 11 (50406).	такса (прил. къ сей ст.), которая по утвержденіи ея въ законодательномъ порядкѣ публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	
397. По дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, означенное въ пунктѣ 1-мъ предшедшей 396 статьи взысканіе за наемъ повѣреннаго обращается въ пользу того присяжнаго повѣреннаго, который былъ назначенъ Совѣтомъ Присяжныхъ Повѣренныхъ для хожденія по дѣлу со стороны бѣднаго лица (ст. 367, п. 4). 1864, ноябр. 20 (41475), ст. 397.	397. Безъ измѣненія.	400. Безъ измѣненія.
398. Изъ вознагражденія, получаемаго Присяжными Повѣренными, удерживается съ слѣдующей	398. Присяжные повѣренные обязаны уплачивать денежный сборъ, установленный, по опредѣленіямъ	401. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
бая такса, при семъ приложенная.	рѣшено дѣло, въ пользу противной стороны.	
472. По дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, и лицъ, коимъ повѣренный назначенъ Совѣтомъ (ст. 421, п. 5 и 6), означенное въ предшедшей 471 статьѣ взысканіе за приглашеніе повѣреннаго обращается въ пользу того присяжнаго повѣреннаго, который былъ назначенъ Совѣтомъ для хожденія по дѣлу.	472. По дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, и лицъ, коимъ повѣренный назначенъ Совѣтомъ (ст. 421 п. 5), означенное въ примѣчаніи въ предшедшей 471 статьѣ вознагражденіе за веденіе дѣла обращается въ пользу присяжнаго повѣреннаго, назначеннаго Совѣтомъ для веденія дѣла, которому и выдается на сей предметъ особый исполнительный листъ.	
473. Такъ же.	473. Присяжные повѣренные обязаны уплачивать денежный сборъ, установленный по опредѣленіямъ Обща-	473. Такъ же, какъ въ проектѣ Выс. Учр. Ком., но исключить слова: „на возмѣщеніе путевыхъ рас-

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
имъ по таксѣ суммы извѣстный процентъ, опредѣляемый одновременно съ таксою, для составленія общей по всей Россіи суммы на вознагражденіе Присяжныхъ Повѣренныхъ, назначаемыхъ Предсѣдателями судебныхъ мѣстъ для защиты подсудимыхъ (ср. Прил. VII, ст. 17). Распредѣленіе этой суммы дѣлается ежегодно: между всѣми судебными округами—Министромъ Юстиціи, соотвѣтственно числу защитниковъ, назначенныхъ Предсѣдателями изъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, а между Повѣренными въ округахъ—Совѣтами Присяжныхъ Повѣренныхъ. Тамъ же, ст. 398; 1868, іюл. 3 (46077) I, ст. 17; III; 1872; янв. 11 (50406). **Примѣчаніе.** Составленіе подробныхъ правилъ о порядкѣ взиманія установленнаго сею (398) статьею сбора съ Присяжныхъ Повѣренныхъ, а равно и контроля и отчетности по оному, возлагается на Судебныя Палаты. Утвержденіе сихъ правилъ предоставляется взаимному соглашенію Министровъ Юстиціи и Финансовъ и Государственнаго Контролера. На Палаты возлагается принятіе мѣръ къ точному соблюденію означенныхъ правилъ со стороны Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ и Окружныхъ Судовъ. 1878, март. 23 (58322).	общаго ихъ собранія, для содержанія канцеляріи Совѣта, библіотеки, кассы пособій, для возмѣщенія путевыхъ расходовъ присяжныхъ повѣренныхъ, связанныхъ съ обязательными защитами подсудимыхъ при выѣздахъ суда, и для удовлетворенія другихъ нуждъ сословія.	

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	го ихъ Собранія, на содержаніе канцеляріи Совѣта, библіотеки, кассы пособій и для удовлетворенія другихъ нуждъ сословія.	ходовъ присяжныхъ повѣренныхъ по обязательнымъ защитамъ подсудимыхъ при выѣздахъ суда".

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	—	**Примѣчаніе.** Въ тѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ не открыты Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, съ сихъ повѣренныхъ, по постановленіямъ общихъ собраній судебныхъ мѣстъ, можетъ быть взимаемъ денежный сборъ въ размѣрѣ, не превышающемъ *пятидесяти рублей* въ годъ, для возмѣщенія расходовъ присяжныхъ повѣренныхъ, назначенныхъ защитниками подсудимыхъ при выѣздахъ суда для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ.
399. Отъ тяжущагося всегда зависитъ замѣнить одного Присяжнаго Повѣреннаго другимъ или принять хожденіе по дѣлу на самого себя, удовлетворивъ Повѣреннаго за его труды, по условію, или, при несуществованіи онаго, по таксѣ. 1864, ноябр. 20 (41475), ст. 399.	399. Безъ измѣненія.	402. Безъ измѣненія.
400. Присяжнымъ Повѣреннымъ запрещается покупать или инымъ образомъ пріобрѣтать права своихъ довѣрителей по ихъ тяжбамъ, какъ на свое имя, такъ и подъ видомъ пріобрѣтенія для другихъ лицъ. Всѣ сдѣлки такого рода признаются недѣйствительными и подвергаютъ Повѣренныхъ отвѣтственности по постановленію ихъ Совѣта. Тамъ же, ст. 400.	400. Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается пріобрѣтать права тяжущихся по ихъ тяжбамъ, какъ на свое имя, такъ и подъ видомъ пріобрѣтенія для другихъ лицъ, иначе какъ посредствомъ *завѣщанія, наслѣдованія по закону или вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества,* по поводу котораго производится дѣло. Всѣ сдѣлки, совершонныя вопреки сему правилу, признаются недѣйствительными и подвергаютъ присяжныхъ повѣренныхъ отвѣтственности по постановленіямъ ихъ Совѣтовъ.	402[1]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
—	—	
459. Безъ измѣненія.	459. Тяжущимся не возбраняется имѣть по одному и тому же дѣлу двухъ или нѣсколькихъ повѣренныхъ. Отъ него всегда зависитъ замѣнить присяжнаго повѣреннаго другимъ повѣреннымъ или принять веденіе дѣла на самого себя, вознаградивъ присяжнаго повѣреннаго за его труды по условію или, при несуществованіи онаго, по таксѣ.	
464. Такъ же.	464. Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается пріобрѣтать права тяжущихся по ихъ тяжбамъ иначе, какъ посредствомъ завѣщанія, наслѣдованія по закону или вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества, съ которымъ связано производящееся въ судѣ дѣло. Всѣ сдѣлки, совершенныя вопреки сему правилу, признаются недѣйствительными, и присяжные повѣренные, виновные въ ихъ совершеніи, подвергаются дисциплинарному взысканію по постановленію Совѣта.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
401. Присяжный Повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ въ качествѣ Повѣреннаго противъ своихъ родителей, жены, дѣтей, родныхъ братьевъ, сестеръ, дядей и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Тамъ же, ст. 401.	401. Безъ измѣненія.	401. Безъ измѣненія.
402. Присяжный Повѣренный не можетъ не только быть въ одно и то же время Повѣреннымъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, но и переходить, по одному и тому же дѣлу, послѣдовательно отъ одной стороны къ другой. Тамъ же, ст. 402.	402. Безъ измѣненія.	403[1]. Безъ измѣненія.
403. Присяжный Повѣренный не долженъ оглашать тайнъ своего довѣрителя, не только во время производства его дѣла, но и въ случаѣ устраненія отъ онаго и даже послѣ окончанія дѣла. Тамъ же, ст. 403.	403. Присяжный повѣренный не долженъ оглашать тайнъ, ввѣренныхъ ему при исполненіи имъ обязанностей своего званія.	403[2]. Такъ же.
404. За пропущеніе, по винѣ Присяжнаго Повѣреннаго, узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе установленныхъ правилъ и формъ тяжущійся имѣетъ право, если потерпѣлъ отъ сего какой-либо ущербъ, взыскать съ Повѣреннаго свои убытки чрезъ тотъ судъ, въ которомъ онъ велъ дѣло. (Ср. прил. VII, ст. 16). Тамъ же,	404. Когда отъ неправильныхъ дѣйствій или упущеній присяжнаго повѣреннаго по веденію порученныхъ ему дѣлъ произойдутъ убытки для его довѣрителей, послѣдніе имѣютъ право взыскать съ него эти убытки, какъ по мѣсту его жительства, такъ и чрезъ тотъ судъ, въ округѣ котораго были совершены неправильныя дѣйствія.	404. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
465. Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ въ качествѣ повѣреннаго противъ *восходящихъ своихъ родственниковъ,* а также жены, дѣтей и родныхъ братьевъ и сестеръ.	465. Присяжный повѣренный не въ правѣ вести въ качествѣ повѣреннаго дѣла противъ восходящихъ и нисходящихъ своихъ родственниковъ, а также жены, родныхъ братьевъ и сестеръ и родныхъ дядей и тетокъ, за исключеніемъ лишь того случая, когда имѣетъ общую съ кѣмъ-либо тяжбу противъ вышеозначенныхъ родственниковъ (п. 5 ст. 523).	
466. Безъ измѣненія.	466. Присяжный повѣренный не въ правѣ въ одномъ и томъ же дѣлѣ ни быть повѣреннымъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, ни переходить отъ одной стороны къ другой.	
467. Безъ измѣненія (сравнительно съ Учр. суд. уст.).	467. Присяжный повѣренный не долженъ сообщать тайнъ, ввѣренныхъ ему при исполненіи имъ обязанностей своего званія, и освобождается отъ обязанности давать показанія на предварительномъ слѣдствіи или на судѣ уголовловномъ и гражданскомъ въ качествѣ свидѣтеля по обстоятельствамъ, сдѣлавшимся ему извѣстными при исполненіи имъ обязанности своего званія.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
ст. 404; 1868, іюл. 3 (46077) I, ст. 16; III; 1872 янв. 11 (50406).		
405. За умышленныя ко вреду довѣрителей дѣйствія Присяжные Повѣренные, по жалобѣ тяжущихся и по изслѣдованіи ихъ вины, могутъ сверхъ взысканія съ нихъ убытковъ, быть подвергнуты уголовному суду. 1864, ноябр. 20 (41475) ст. 405.	405. Исключается.	404[1]. Безъ измѣненія.
406. Каждый Присяжный Повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и представлять его въ Совѣтъ Повѣренныхъ по первому онаго требованію. Тамъ же, ст. 406.	406. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, съ обозначеніемъ полученнаго за нихъ гонорара, и денежную отчетность по суммамъ, поступающимъ отъ довѣрителей. Форма такихъ вѣдомостей и порядокъ представленія ихъ въ Совѣтъ опредѣляются самими Совѣтами.	404[2]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
Ст. 468. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и приходо-расходную книгу суммъ, поступающихъ отъ довѣрителей на расходы по веденію дѣла или въ пользу довѣрителей. Форма такихъ списковъ и книгъ и порядокъ представленія ихъ въ Совѣтъ опредѣляются самими Совѣтами.	468. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ, ему порученныхъ, и представлять его въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ по первому онаго требованію. Форма такихъ списковъ опредѣляется самими Совѣтами.	

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Б. О помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ.	
406[17]. Дѣйствіе статей 406[1]—406[16] распространяется въ полной мѣрѣ и на Помощниковъ Присяжныхъ Повѣренныхъ (ст. 354). Тамъ же, ст. 2.	406[1]. Помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть лица, *достигшія общаго гражданскаго совершеннолѣтія* и имѣющія аттестаты университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ.	405. Такъ же.
	406[2]. Помощниками присяжныхъ повѣренныхъ не могутъ быть лица, которыя, по силѣ п.п. 2—9 ст. 3 5, не допускаются въ присяжные повѣренные.	405[1]. Такъ же.
	Примѣчаніе 1. На время обязательнаго отбыванія воинской повинности помощникъ присяжнаго повѣреннаго не лишается своего званія, но время это не зачисляется ему въ срокъ стажа.	**Примѣчаніе 1.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
85*). Помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть лица, имѣющія дипломы университетовъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ или аттестаты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса сихъ наукъ.	85. Такъ же.	85. Слова: помощники присяжныхъ повѣренныхъ" замѣняются въ этой и слѣдующихъ статьяхъ словами: „кандидаты въ присяжные повѣренные".	85. Такъ же.
86. Такъ же.	86. Пунктъ 3 ст. 3 главы о присяжныхъ повѣренныхъ подлежитъ измѣненію: присяжными повѣренными не могутъ быть: 1) . . . . 2) . . . . 3) Состоящіе на службѣ отъ правительства, дѣйствительной государственной или по вольному найму, или по выборамъ за исключеніемъ: а) лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности, отправленіе коихъ не сопряжено съ правомъ на полученіе содержанія, б) профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.	86. Такъ же.	86. Такъ же.
Примѣчаніе. На время отбыванія воинской повинности помощникъ присяжнаго повѣреннаго не лишается своего званія, но время это можетъ быть ему зачислено въ срокъ	—	—	—

*) Статьи 85—103 соотвѣтствуютъ статьямъ 479—497 первоначальной редакціи проекта.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Примѣчаніе 2. Правила примѣчаній 1 и 2 къ ст. 355 распространяются также и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.
	406³. Каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть лишь одного помощника; съ разрѣшенія Совѣта число это можетъ быть увеличено до двухъ.	405². Каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть не болѣе *двухъ* помощниковъ, но съ разрѣшенія Совѣта число это можетъ быть увеличено до *трехъ*.
	406⁴. Желающій поступить въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ подаетъ о томъ прошеніе въ Совѣтъ сихъ повѣренныхъ, объяснивъ въ прошеніи, къ кому изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ онъ желаетъ поступить помощникомъ, и представить въ Совѣтъ письменное удостовѣреніе о согласіи сего повѣреннаго на принятіе его помощникомъ. Прочія условія поступленія и порядокъ принятія въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ опредѣляются правилами, изложенными въ ст. 367¹—367⁴. Принятый въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ вносится, по распоряженію старшаго предсѣдателя Судебной Палаты, въ особый списокъ, о чемъ дѣлается надлежащая надпись на свидѣтельствѣ, выданномъ помощнику Совѣтомъ, и о принятіи его въ составъ помощниковъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе.	405³. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
подготовки *не иначе, какъ по особому постановленію Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.*			
87. Постановленіе, содержащееся въ статьѣ 4 сего Учрежденія, распространяется и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.	87. Исключается.	87. Исключается.	87. Исключается.
88. Каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть не болѣе *трехъ* помощниковъ.	88. Такъ же.	88. Исключается.	88. Исключается.
89. Такъ же, но исключить слова: „и о принятіи его въ составъ помощниковъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе“.	89. Такъ же, но послѣ словъ: „въ особый списокъ“ добавить слова: „помощникъ считается, однако, принятымъ не со времени внесенія въ списокъ, а со дня состоявшагося о пріемѣ его постановленія Совѣта“.	89. Желающій поступить въ кандидаты въ присяжные повѣренные подаетъ о томъ прошеніе въ Совѣтъ сихъ повѣренныхъ. Прочія условія поступленія и порядокъ принятія кандидатовъ въ присяжные повѣренные опредѣляются правилами, изложенными въ статьяхъ 22—24 и 45 сего Учрежденія. Принятый въ число кандидатовъ въ присяжные повѣренные вносится, по распоряженію Старшаго Предсѣдателя Судебной Палаты, въ особый списокъ. Кандидатъ считается, однако, принятымъ не со	89. Такъ же.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
		—— ——

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
		времени внесенія въ списокъ, а со дня состоявшагося о пріемѣ его постановленія Совѣта.	
—	—		**Примѣчаніе.** При принятіи въ кандидаты Совѣтъ требуетъ свѣдѣній о просителѣ отъ учебной организаціи кандидатовъ.
90. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть удостоены званія присяжнаго повѣреннаго не иначе, какъ по подготовкѣ къ оному подъ ближайшимъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ, съ соблюденіемъ порядка и правилъ, указанныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ.	90. Такъ же.	90. Кандидаты въ присяжные повѣренные могутъ быть удостоены званія присяжнаго повѣреннаго не иначе, какъ по надлежащей подготовкѣ къ оному. Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ вмѣняется въ обязанность организовать сословную подготовку кандидатовъ въ присяжные повѣренные, условія и подробности каковой, по скольку они не устанавливаются послѣдующими статьями, опредѣляются самими Совѣтами.	90. Такъ же.
			Примѣчаніе. При принятіи въ присяжные повѣренные Совѣтъ руководствуется

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	406[5]. Въ первые *два года* стажа помощники присяжныхъ повѣренныхъ могутъ вести гражданскія и уголовныя дѣла въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ, и исполнять различныя порученія по судебнымъ дѣламъ сихъ повѣренныхъ (представленіе и полученіе бумагъ, денегъ и документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, подача просьбъ о назначеніи засѣданій и т. п.). Въ свободное отъ занятій время они должны посѣщать засѣданія судебныхъ мѣстъ.	405[4]. Такъ же.
	Примѣчаніе. Означенныя въ настоящей статьѣ порученія помощникъ присяжнаго повѣреннаго можетъ исполнять по письменному отъ него уполномочію безъ особой формальной довѣренности.	**Примѣчаніе.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
			между прочимъ свѣдѣніями о просителѣ, доставляемыми учебной организацiей кандидатовъ.
91. Въ *первый годъ* подготовки помощники присяжныхъ повѣренныхъ могутъ вести только гражданскія и уголовныя дѣла, подсудныя участковымъ судьямъ, какъ у самихъ судей, такъ и во второй степени суда, и притомъ не иначе, какъ по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ, и исполнять различныя порученія сихъ повѣренныхъ по дѣламъ, производимымъ послѣдними во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ (представленіе и полученіе бумагъ, денегъ и документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, ходатайство о назначеніи засѣданій и т. п.). Въ свободное отъ занятій время помощники должны посѣщать засѣданія судебныхъ установленій.	91. Въ первые *полтора года* подготовки помощники присяжныхъ повѣренныхъ могутъ вести только гражданскія и уголовныя дѣла, подсудныя участковымъ судьямъ, какъ у самихъ судей, такъ и во второй степени суда, и исполнять различныя порученія сихъ повѣренныхъ по дѣламъ, производимымъ послѣдними во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ (представленіе и полученіе бумагъ, денегъ и документовъ, полученіе исполнительныхъ листовъ, ходатайство о назначеніи засѣданій и т. п.). Въ свободное отъ занятій время помощники должны посѣщать засѣданія судебныхъ установленій. Имъ разрѣшается посѣщать и судебныя засѣданія, происходящія при закрытыхъ дверяхъ.	91. Правила самостоятельнаго веденія кандидатами въ присяжные повѣренные судебныхъ дѣлъ, порядокъ постепеннаго расширенія предѣловъ ихъ полномочій, раздѣленіе стажа на періоды и пр., опредѣляются Совѣтомъ съ утвержденія Судебной Палаты. Имъ разрѣшается посѣщать и судебныя засѣданія, происходящія при закрытыхъ дверяхъ.	91. Такъ же.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манассеина.
	406[6]. По истеченіи срока, указаннаго въ предшедшей 406[5] статьѣ, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ удостовѣряется въ познаніяхъ и опытности помощниковъ и тѣмъ изъ нихъ, которыхъ по сему испытанію, отзыву руководившихъ ими присяжныхъ повѣренныхъ и по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, признаетъ достаточно подготовленными для веденія дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, выдаетъ о томъ свидѣтельства. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ Совѣтъ не найдетъ возможнымъ выдать такія свидѣтельства, продолжаютъ пользоваться правами, указанными въ предшедшей 406[5] статьѣ; но если кто-либо изъ помощниковъ послѣ четырехлѣтняго пользованія этими правами не получитъ упомянутаго свидѣтельства, Совѣтъ отчисляетъ его.	405[5]. Такъ же.
	406[7]. Помощники, получившіе означенныя въ предшедшей 406[6] статьѣ свидѣтельства, имѣютъ право вести самостоятельно какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, и сверхъ того гражданскія дѣла въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ. По уголовнымъ дѣламъ означенные въ сей статьѣ помощники могутъ быть назначаемы предсѣдателями судебныхъ мѣстъ для защиты подсудимыхъ.	405[6]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ	Редакція комиссіи московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
92. По истеченіи означеннаго въ предшедшей 91 статьѣ срока, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ удостовѣряется въ познаніяхъ и опытности помощниковъ и тѣмъ изъ нихъ, которыхъ по сему испытанію, отзыву руководившихъ ими присяжныхъ повѣренныхъ и по прочимъ имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ признаетъ получившими достаточную практическую подготовку, выдаетъ о томъ свидѣтельства. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ Совѣтъ найдетъ возможнымъ выдать такія свидѣтельства, продолжаютъ пользоваться правами, указанными въ предшедшей 91 статьѣ, но если кто-либо изъ помощниковъ послѣ *трехлѣтняго* пользованія этими правами, не получитъ упомянутаго свидѣтельства, то Совѣтъ отчисляетъ его.	92. По истеченіи означеннаго въ предшедшей 91 статьѣ срока, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ удостовѣряется въ познаніяхъ и опытности помощниковъ и тѣмъ изъ нихъ, которыхъ по сему испытанію, отзыву руководившихъ ими присяжныхъ повѣренныхъ и по прочимъ имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ признаетъ получившими достаточную практическую подготовку, выдаетъ о томъ свидѣтельства. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ Совѣтъ найдетъ возможнымъ выдать такія свидѣтельства, продолжаютъ пользоваться правами, указанными въ предшедшей 91 статьѣ.	92. Исключается.	92. Исключается.
93. Помощники, получившіе означенныя въ предшедшей 92 ст. свидѣтельства, имѣютъ право самостоятельно вести гражданскія и уголовныя дѣла, подсудныя участковымъ судьямъ, какъ у самихъ судей, такъ и во второй степени суда, и сверхъ того гражданскія дѣла въ Окружныхъ Судахъ и Судебныхъ Палатахъ, но сіи послѣднія не иначе, какъ по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ. По уголовнымъ дѣламъ, превышающимъ	93. Помощники, получившіе означенныя въ предшедшей 92 статьѣ свидѣтельства, имѣютъ право самостоятельно вести гражданскія и уголовныя дѣла, подсудныя участковымъ судьямъ, какъ у самихъ судей, такъ и во второй степени суда, и сверхъ того гражданскія дѣла въ Окружныхъ Судахъ и Судебныхъ Палатахъ. По уголовнымъ дѣламъ, превышающимъ подсудность участковыхъ судей, упоминаемые въ сей статьѣ помощники мо-	93. Исключается въ виду общаго правила ст. 90.	93. Исключается въ виду общаго правила ст. 90.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Примѣчаніе 1. Для веденія гражданскихъ дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности (ст. 367[7], п. 7). или обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ повѣреннаго (ст. 392) помощники присяжныхъ повѣренныхъ назначаемы быть не могутъ. Для защиты подсудимыхъ на выѣздныя засѣданія судовъ помощники могутъ быть назначаемы только съ ихъ согласія.	**Примѣчаніе 1.** Такъ же.
	Примѣчаніе 2. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ пользуются предоставленными имъ правами по ве-	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
подсудность участковыхъ судей, упоминаемые въ сей статьѣ помощники могутъ быть: 1) назначаемы предсѣдателями судебныхъ мѣстъ для защиты подсудимыхъ и 2) избираемы подсудимыми и потерпѣвшими на веденіе ихъ дѣлъ.	гутъ быть: 1) назначаемы предсѣдателями судебныхъ мѣстъ для защиты подсудимыхъ и 2) избираемы подсудимыми и потерпѣвшими на веденіе ихъ дѣлъ.		
94. Для веденія гражданскихъ дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности (ст. 27, п. 5), или обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ повѣреннаго (ст. 84), *а равно въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 254 Уст. гражд. суд.*, помощники присяжныхъ повѣренныхъ назначаемы быть не могутъ. Для защиты подсудимыхъ въ выѣздныхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ помощники назначаются только съ ихъ на то согласія.	94. Для веденія гражданскихъ дѣлъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности (ст. 27, п. 5) или обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ повѣреннаго (ст. 84), Совѣтъ можетъ назначать также и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ (кандидатовъ въ присяжные повѣренные). Помощники могутъ быть также назначаемы для защиты подсудимыхъ въ выѣздныхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ согласно правиламъ, устанавливаемымъ Совѣтомъ. Помощники не могутъ быть назначаемы лишь въ случаѣ, указанномъ въ ст. 254 Уст. гр. суд.	94. Такъ же.	94. Такъ же.
	Примѣчаніе. При назначеніи помощника на выѣздную сессію Совѣтъ обязанъ отпустить ему изъ своихъ средствъ прогонныя и суточныя деньги по опредѣленному разсчету.	**Примѣч.** Такъ же.	**Прим.** Такъ же.
95. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ пользуются предоставленными имъ правами по	95. Исключаются слова: „по передовѣрію“.	95. Исключается въ виду общаго правила ст. 91.	95. Исключается въ виду общаго правила ст. 91.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	денію судебныхъ дѣлъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло опредѣленнаго табелью размѣра (прил. къ ст. 388).	
	Примѣчаніе 3. Для веденія дѣлъ по передовѣрію присяжнаго повѣреннаго, при которомъ помощникъ состоитъ, послѣдній можетъ быть снабженъ отъ него одною общею для веденія нѣскольких дѣлъ довѣренностью.	**Примѣчаніе 3.** Такъ же.
	406[8]. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ въ теченіе всего времени пребыванія ихъ въ этомъ званіи обязаны подчиняться правиламъ, издаваемымъ Совѣтами относительно контроля надъ ихъ дѣятельностью и практическихъ занятій по изученію права.	405[7]. Такъ же.
	406[9]. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго долженъ имѣть мѣсто жительства тамъ же, гдѣ и присяжный	405[8]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
веденію гражданскихъ дѣлъ *въ Окружныхъ Судахъ и Судебныхъ Палатахъ по передовѣрію на основаніи статьи 93 сего учрежденія* и въ тѣхъ округахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло достаточнаго размѣра (ст. 81 и 82).			
96. Присяжному повѣренному предоставляется передовѣрять веденіе порученныхъ ему дѣлъ состоящему при немъ помощнику, хотя бы о правѣ передовѣрія не упоминалось въ довѣренности, полученной самимъ присяжнымъ повѣреннымъ. На веденіе дѣлъ по передовѣрію состоящій при присяжномъ повѣренномъ помощникъ можетъ быть отъ него снабженъ одною общею довѣренностью, а означенныя въ статьѣ 91 порученія помощникъ можетъ исполнять по письменному его уполномочію, безъ особой формальной довѣренности.	96. Присяжные повѣренные имѣютъ право выдавать помощникамъ одну общую формальную довѣренность на веденіе всѣхъ дѣлъ, по которымъ имъ дано право передовѣрія, и неформальныя письменныя уполномочія на исполненіе отдѣльныхъ порученій, означенныхъ въ ст. 91-й, по всѣмъ дѣламъ, даже и по такимъ, по коимъ у нихъ нѣтъ права передовѣрія, съ сохраненіемъ, впрочемъ, *имущественной отвѣтственности предъ кліентами за дѣйствія помощниковъ по исполненію этихъ порученій.*	96. Такъ же.	96. Такъ же.
—	—	—	—
97. Такъ же.	97. Такъ же.	97. Кандидаты въ присяжные повѣренные должны имѣть	97. Такъ же.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	повѣренный, къ которому онъ приписанъ, и можетъ отлучаться изъ этого мѣста только съ разрѣшенія означеннаго повѣреннаго. О такихъ отлучкахъ послѣдній долженъ извѣщать Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.	
	406[10]. Правила о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, изложенныя въ стт. 384, 385, 394—396 и 399—406 сего учрежденія, распространяются также и на помощниковъ, насколько они могутъ быть къ нимъ примѣнимы.	405[9]. Такъ же.
	406[11]. По истеченіи *двухъ* лѣтъ со времени полученія указаннаго въ ст. 406[6] свидѣтельства помощникъ присяжнаго повѣреннаго можетъ обратиться въ Совѣтъ съ прошеніемъ о принятіи его въ присяжные повѣренные. Если Совѣтъ при разсмотрѣніи сего прошенія признаетъ помощника недостаточно подготовленнымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, то назначаетъ просителю срокъ, по прошествіи коего онъ можетъ снова войти въ Совѣтъ съ такимъ прошеніемъ. Но въ общей сложности помощникъ присяжнаго повѣреннаго не можетъ оставаться въ этомъ званіи болѣе шести лѣтъ. Если же по истеченіи этого времени онъ не будетъ принятъ въ присяжные повѣренные, то Совѣтъ долженъ его отчислить.	405[10]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
		постоянное мѣсто жительства въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ или ихъ отдѣленія.	
98. Такъ же.	98. Такъ же.	98. Такъ же.	98. Такъ же, но добавить слова: въ сословной жизни кандидаты (помощники) пользуются всѣми правами присяжныхъ повѣренныхъ за исключеніемъ права участвовать въ избраніи Совѣта.
99. Такъ же.	99. По истеченіи 1½ *лѣтъ* со времени полученія указаннаго въ статьѣ 92 свидѣтельства помощникъ присяжнаго повѣреннаго можетъ обратиться въ Совѣтъ съ прошеніемъ о принятіи его въ присяжные повѣренные. Если Совѣтъ признаетъ помощника недостаточно подготовленнымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, то назначаетъ ему срокъ, по прошествіи коего онъ можетъ снова войти въ Совѣтъ съ такимъ прошеніемъ, но въ общей сложности помощникъ присяжнаго повѣреннаго не можетъ оставаться въ этомъ званіи болѣе шести лѣтъ. По истеченіи этого вре-	99. Такъ же.	99. Такъ же.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	Примѣчаніе. При опредѣленіи правъ помощника на поступленіе въ присяжные повѣренные время, въ теченіе котораго ему, согласно 4 пункту 368 статьи, было воспрещено отправленіе обязанностей повѣреннаго, должно быть вычитаемо изъ времени, проведеннаго имъ въ званіи помощника.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
	406[12]. Ближайшее руководство помощниками возлагается на присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ; общій же надзоръ и дисциплинарная власть надъ ними принадлежатъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ и судебной палатѣ, согласно постановленіямъ статей 367[7] и 368—377 настоящаго учрежденія.	405[11]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
	мени помощники, не принятые въ присяжные повѣренные, отчисляются Совѣтомъ. *Совѣту предоставляется, однако, право, въ особо уважительныхъ случаяхъ, по просьбѣ помощника,* продолжить ему срокъ пребыванія въ помощникахъ *и свыше 6 лѣтъ.*		
Примѣчаніе 1. Такъ же, но добавить слова: „но наложеніе означеннаго взысканія не удлиняетъ шестилѣтняго срока, въ теченіе котораго помощникъ можетъ оставаться въ этомъ званіи“.	**Примѣчаніе 1.** Такъ же, какъ въ проектѣ Красовскаго.	**Примѣчаніе 1.** Такъ же.	**Примѣчаніе 1** Такъ же.
Примѣчаніе 2. Шестилѣтній срокъ, установленный настоящей статьею, не распространяется на тѣхъ помощниковъ изъ нехристіанъ, единственную причину непринятія коихъ въ Присяжные Повѣренные будетъ составлять нахожденіе уже въ округѣ Окружнаго Суда 10% Присяжныхъ Повѣренныхъ нехристіанскаго исповѣданія.	**Примѣчаніе 2.** Сохраняется въ силѣ, если принято будетъ законодательной властью предположеніе проекта объ ограниченіи пріема нехристіанъ въ присяжные повѣренные 10-ю %-ми общаго числа повѣренныхъ. Въ противномъ случаѣ подлежитъ исключенію.	**Примѣчаніе 2.** Такъ же.	**Примѣчаніе 2** Такъ же.
100. Надзоръ за помощниками Присяжныхъ Повѣренныхъ и дисциплинарная надъ ними власть принадлежитъ Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ и судебнымъ установленіямъ согласно правиламъ, въ статьяхъ 27—49, 52 и 53 сего Учрежденія указаннымъ.	100. Такъ же, но добавить слова: „Совѣту предоставляется въ дѣлахъ, касающихся помощниковъ, обращаться къ ихъ содѣйствію“.	100. Такъ же.	100. Такъ же.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	406[13]. Если Совѣтъ признаетъ исполненіе присяжнымъ повѣреннымъ его обязанностей относительно принятыхъ имъ помощниковъ не удовлетворительнымъ, то можетъ лишить сего повѣреннаго права имѣть помощниковъ. Состоявшіе же при немъ помощники, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ постановленія Совѣта объ этомъ, должны приписаться къ другимъ присяжнымъ повѣреннымъ. При неисполненіи этого требованія Совѣтъ отчисляетъ помощниковъ.	405[14]. Такъ же.
	406[14]. Присяжный повѣренный, желающій отчислить отъ себя состоящаго при немъ помощника, долженъ заявить объ этомъ Совѣту, который сообщаетъ о томъ помощнику и даетъ ему трехмѣсячный срокъ для приписки къ другому присяжному повѣренному. Если по истеченіи сего срока помощникъ не найдетъ присяжнаго повѣреннаго, согласнаго принять его къ себѣ помощникомъ, то Совѣтъ отчисляетъ его. Это правило должно примѣняться и въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжный повѣренный, при которомъ состоятъ помощники, утратитъ свое званіе.	405[13]. Такъ же.

Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
Примѣчаніе. Отдѣленіе Совѣта исполняетъ возложенныя на оное статьею 50 сего учрежденія обязанности и относительно помощниковъ, насколько постановленіе, въ ней содержащееся, къ нимъ примѣнимо.	**Примѣчаніе.** Такъ же.	**Примѣч.** Такъ же.	**Примѣчаніе.** Такъ же.
101. Такъ же.	101. Такъ же, но добавить слова: „если же помощникъ не найдетъ себѣ патрона, то таковой назначается ему Совѣтомъ“.	101. Исключается.	101. Исключается.
102. Такъ же.	102. Присяжный повѣренный, желающій отчислить отъ себя состоящаго при немъ помощника, долженъ заявить о томъ Совѣту, который назначаетъ помощнику трехмѣсячный срокъ для приписки къ другому присяжному повѣренному. Если по истеченіи сего срока помощникъ не найдетъ присяжнаго повѣреннаго, согласнаго принять его къ себѣ, *то Совѣтъ назначаетъ ему другого патрона по своему усмотрѣнію.* Это правило примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжный повѣренный, при которомъ состоятъ помощники, утратитъ свое званіе.	102. Исключается.	102. Исключается.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.	Проектъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго.	Проектъ б. Министра Юстиціи Манасеина.
	406[15]. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ не могутъ получать свидѣтельствъ, установленныхъ для частныхъ повѣренныхъ (стт. 406[16]—406[38]).	405[12]. Такъ же.

Проектъ Высочайше утвержденной комиссіи.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощниковъ при обязательномъ личномъ патронатѣ.	Редакція комиссіи С.-Петербургскихъ помощник. при необязательн. личн. патронатѣ.	Редакція комиссіи Московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.
103. Такъ же.	103. Такъ же.	103. Такъ же.	103. Такъ же.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

	Родился.	Вступилъ въ сословіе.	Выбылъ изъ сословія.	Въ Петроградскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи: Члена Совѣта.	Въ Петроградскомъ Совѣтѣ: Тов. предс. Совѣта.	Въ Петроградскомъ Совѣтѣ: Предсѣдателя Совѣта	Въ Московскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи: Члена Совѣта.	Въ Московскомъ Совѣтѣ: Тов. предс. Совѣта.	Въ Московскомъ Совѣтѣ: Предсѣдателя Совѣта	Въ Харьковскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи: Члена Совѣта.	Въ Харьковскомъ Совѣтѣ: Тов. предс. Совѣта.	Въ Харьковскомъ Совѣтѣ: Предсѣдателя Совѣта	Страница.
Дмитрій Васильевичъ Стасовъ, предсѣдатель перваго Петроградскаго Совѣта.	1828 г.	17 апр. 1866 г.	—	1875-96 г. 1897-1906 1909-11 г.	1867-68 г.	1866-67 г. 1906-07 г. 1911-14 г.	—	—	—	—	—	—	129
Александръ Николаевичъ Турчаниновъ. . .	1838 г.	17 апр. 1866 г.	9 нояб. 1907 г. за смертью.	1866-68 г. 1872-79 г. 1880-81 г. 1883-97 г.	1879-80 г. 1881-83 г. 1897-98 г.	1898-900 г. 1904-06 г.	—	—	—	—	—	—	161
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ. .	1837 г.	3 апр. 1866 г.	17 нояб. 1884 г. за пост. на обществ. службу.	1866-67 г.	1873-74 г.	1867-73 г. 1874-75 г.	—	—	—	—	—	—	208
Владиміръ Эммануиловичъ Краузольдъ. .	1826 г.	24 апр. 1866 г.	28 мая 1870 г.	—	1866-67 г.	—	—	—	—	—	—	—	256
Викторъ Павловичъ Гаевскій.	1825 г.	4 апр. 1866 г.	31 декаб. 1885 г.	1866-70 г. 1876-77 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	"
Густавъ Густавовичъ Принцъ.	1823 г.	17 апр. 1866 г.	—	1866-67 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	"

	Родился.	Вступилъ въ сословіе.	Выбылъ изъ сословія.	Въ Петроградскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи:			Въ Московскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи:			Въ Харьковскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи: *)			Страница.
				Члена Совѣта.	Тов. предс. Совѣта.	Предсѣдателя Совѣта	Члена Совѣта.	Тов. предс. Совѣта.	Предсѣдателя Совѣта	Члена Совѣта.	Тов. предс. Совѣта.	Предсѣдателя Совѣта	
Владиміръ Васильевичъ Самарскій-Быховецъ.	—	16 апр. 1866 г.	26 февр. 1902 г. за смертью.	1866-67 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	256
Михаилъ Ивановичъ Доброхотовъ, предсѣдатель перваго Московскаго Совѣта прис. пов.	1827 г.	6 мая 1866 г.	21 нояб. 1869 г.	—	—	—	—	—	29 окт. 1866 г.—21 нояб. 1869 г.	—	—	—	304
Михаилъ Васильевичъ Жученко, предсѣдатель перваго Харьковскаго Совѣта прис. повѣр.	1840 г.	31 мая 1868 г.	1880 г. за смертью.	—	—	—	—	—	—	—	—	1874—1875 г.	336
Сергѣй Өеодоровичъ Морошкинъ	1844 г.	24 фев. 1871 г.	10 февр. 1888 г. за поступ. на государ. службу.	—	—	—	—	—	—	—	1874—1875 г.	1884—1887 г.	"
Иванъ Алексѣевичъ Клоповъ	1835 г.	21 сен. 1871 г.	1907 г. за смертью.	—	—	—	—	—	—	1874—1875 г.	1884—1886 г.	—	"
Алексѣй Николаевичъ Зайцевъ	1840 г.	11 апр. 1868 г.	1904 г. за смертью.	—	—	—	—	—	—	1874—1875 г.	—	—	"

*) Коммиссія не располагала вполнѣ точными и подробными данными о сословной дѣятельности М. В. Жученко, С. Ө. Морошкина, И. А. Клопова и А. Н. Зайцева.

	Родился.	Вступилъ въ сословіе.	Выбылъ изъ сословія.	Въ Петроградскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи:			Въ Московскомъ Совѣтѣ состоялъ въ званіи:			Страница.
				Члена Совѣта.	Тов. пред. Совѣта.	Предсѣдат. Совѣта.	Члена Совѣта.	Тов. пред. Совѣта.	Предсѣдат. Совѣта.	
Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ. . . .	1830 г.	10 апр. 1866 г.	13 окт. 1906 г. за смертью.	1867-73 г. 1891-92 г. 1892-97 г. 1899-900 г.	1874-79 г. 1890-91 г. 1898-99 г.	1873-74 г. 1883-85 г. 1886-89 г.	—	—	—	368
Александръ Ивановичъ Урусовъ	1843 г.	18 февр. 68*)	24 авг. 1900 г. за смертью.	1882-84.	—	—	1894-95 г. 1897-99 г.	—	—	400
Петербургскій и Московскій Совѣты присяжныхъ повѣрен. 30/XI—1/XII 1904 г. Петербургъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	432
Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, предсѣдатель первой Государственной Думы	1851 г.	13 окт. 1884 г.	4 окт. 1910 г. за смертью.	—	—	—	1887-90 г. 1899-900 г. 1905-907 г.	1900-05 г.	—	464

*) Въ Москвѣ.

